

**UNIVERSITÀ
DEGLI STUDI
DI PADOVA**

Università degli Studi di Padova
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari

Univerzitet u Novom Sadu
Filozofski fakultet

SCUOLA DI DOTTORATO DI RICERCA IN SCIENZE
LINGUISTICHE, FILOLOGICHE E LETTERARIE
CICLO XXXIII

DOKTORSKE STUDIJE
PROGRAM: JEZIK I KNJIŽEVNOST
MODUL: JEZIK

Sede Amministrativa: Università degli Studi di Padova

**Dictum erit factum? Видовременные свойства перформативов в
сопоставительном аспекте (на материале русского и
сербскохорватского языков)**

Tesi di Dottorato (Doktorska disertacija)

Coordinatori (Direktori):

Ch.mo Prof. Rocco Coronato
Ch.mo Prof. Ivana Živančević Sekeruš

Supervisor (Mentori):

Ch.mo Prof. Rosanna Benacchio
Ch.mo Prof. Dojčil P. Vojvodić

Dottorando (Doktorand): Marco Biasio

Padova – Novi Sad, 2021.

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI PADOVA
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI (DiSLL)

UNIVERSITÀ DI NOVI SAD
FACOLTÀ DI FILOSOFIA

DOCUMENTAZIONE CHIAVE

Numero di accesso: NOA	
Numero di identificazione: NOI	
Tipo di documento: TD	Pubblicazione monografica
Tipologia di materiale: TM	Materiale testuale stampato
Codice contenuto: CC	Tesi di dottorato
Autore: AU	Marco Biasio
Supervisor: SV	Prof. Rosanna Benacchio, professore ordinario Prof. Dojčil P. Vojvodić, professore ordinario
Titolo: TI	Dictum erit factum? Proprietà tempo-aspettuali dei verbi performativi in russo e serbo-croato (in prospettiva tipologico-comparata)
Lingua del testo: LT	Russo
Lingue degli abstract: LA	Italiano, serbo, inglese
Paese di pubblicazione: PP	Italia, Serbia
Località di pubblicazione: LP	Veneto, Vojvodina
Anno di pubblicazione: AP	2021
Editore: ED	Stampata dall'autore
Luogo di pubblicazione: LP	(1) Padova, Università degli Studi di Padova, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari (DiSLL), Via Vendramini 13; (2) Novi Sad, Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, Dr Zorana Đinđića 2.

Descrizione fisica: DF	5 capitoli / 455 pagine / 2 immagini / 150 grafici a torta / 25 tabelle / 373 riferimenti bibliografici (+ 12 riferimenti elettronici) / 3 allegati
Area scientifica AS	Linguistica slava
Discipline scientifiche SS	Semantica, pragmatica, morfosintassi
Soggetto, parole chiave SPC	Performativi, verbi performativi, enunciati performativi, atti linguistici, aspetto verbale, tempo verbale, opposizione tempo-aspettuale, interfaccia sintassi-pragmatica, argomento temporale, linguistica cognitiva, linguistica diacronica, pragmatologia, lingua russa, lingua serbo-croata
CDU	811.161.1'367.625 811.163.4'367.625
Conservazione dei dati: CD	(1) Università degli Studi di Padova, Biblioteca Beato Pellegrino di Studi Letterari, Linguistici, Pedagogici e dello Spettacolo; (2) Università di Novi Sad, Facoltà di Filosofia, Biblioteca centrale.
Note: N	
Abstract: AB	Oggetto della presente tesi di dottorato è l'analisi, in diacronia e sincronia, delle proprietà tempo-aspettuali di quattro classi di verbi performativi in russo e serbo-croato (dichiarazioni, espositivi, commissive e direttivi). Lo scopo principale del lavoro è comprendere come e in che misura parametri di carattere formale, funzionale e cognitivo interagiscano nella struttura grammaticale di una data lingua, con questo determinando forme e funzioni di enunciati e verbi performativi. Se, da un lato, la forma tempo-aspettuale prototipica in entrambe le lingue è il non-passato imperfettivo (NP^{IPF}), le forme di non-passato perfettivo in russo (NP^{PF}) e di futuro perfettivo in serbo-croato (Fut^{PF}) possono ugualmente comparire in certi contesti performativi, caratterizzati dalla salienza contestuale del macroparametro semantico di controllo. Viene avanzata l'ipotesi generale che la specificazione di controllo possa causare un rafforzamento o una mitigazione dell'intensità della forza illocutiva assegnata all'enunciato performativo.

Accettata in Collegio di Dottorato (Università degli Studi di Padova) il: ACD	18 dicembre 2017
Discussa: DI	
Commissione di tesi: CT	presidente: membro: membro:

UNIVERZITET U PADOVI
DEPARTMAN ZA LINGVISTIČKE I KNJIŽEVNE STUDIJE (DiSLL)

UNIVERZITET U NOVOM SADU
FILOZOFSKI FAKULTET

KLJUČNA DOKUMENTACIJSKA INFORMACIJA

Redni broj: RBR	
Identifikacioni broj: IBR	
Tip dokumentacije: TD	Monografska dokumentacija
Tip zapisa: TZ	Tekstualni štampani materijal
Vrsta rada (dipl., mag., dokt.): VR	Doktorska disertacija
Ime i prezime autora: AU	Marco Biasio
Mentor (titula, ime, prezime, zvanje): MN	Dr Rosanna Benacchio, redovni profesor Dr Dojčil P. Vojvodić, redovni profesor
Naslov rada: NR	Dictum erit factum? Vidsko-vremenska svojstva performativa u kontrastivnom svetlu (na materijalu ruskog i srpskohrvatskog jezika)
Jezik publikacije: JP	Ruski
Jezik izvoda: JI	Italijanski, srpski, engleski
Zemlja publikovanja: ZP	Italija, Srbija

Uže geografsko područje: UGP	Veneto, Vojvodina
Godina: GO	2021
Izdavač: IZ	autorski reprint
Mesto i adresa: MA	(1) Padova, Università degli Studi di Padova, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari (DiSLL), Via Vendramini 13; (2) Novi Sad, Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, Dr Zorana Đinđića 2.

Fizički opis rada: FO	5 poglavlja / 455 stranica / 2 slike / 150 okruglih grafikona / 25 tabela / 373 reference (+ 12 elektronskih referenci) / 3 priloga
Naučna oblast: NO	Lingvistička slavistika
Naučna disciplina: ND	Semantika, pragmatika, morfosintaksa
Predmetna odrednica, ključne reči: PO	Performativi, performativni glagoli, performativni iskazi, govorni činovi, glagolski vid, glagolsko vreme, vidska opozicija, vidskovremenska opozicija, interfejs sintakse- pragmatike, temporalni argument, kognitivna lingvistika, dijahronijska lingvistika, pragmafilologija, ruski jezik, srpskohrvatski jezik
UDK	811.161.1'367.625 811.163.4'367.625
Čuva se: ČU	(1) Univerzitet u Padovi, Biblioteka za književne, lingvističke, pedagoške i scenske umetnosti „Beato Pellegrino“; (2) Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, Centralna biblioteka
Važna napomena: VN	
Izvod: IZ	U ovoj doktorskoj disertaciji provedena je dijahronijska i sinhronijska analiza vidsko- vremenskih svojstava četiriju klasa performativnih glagola u ruskom i srpskohrvatskom jeziku, odnosno deklaracija, ekspozitiva, komisiva (autopreskriptiva) i direktiva (preskriptiva). Osnovni cilj analize je da se shvati kako i u kojoj meri formalni, funkcionalni i kognitivni parametri međusobno dejavuju u gramatičkoj strukturi datih jezika kako bi se odredile forme i funkcije

	performativnih iskaza i glagola. U disertaciji se tvrdi da je u oba jezika prototipična vidsko-vremenska forma u performativnom kontekstu ne-prošlo vreme nesvršenoga vida (NP ^{NSV}), dok forme ne-prošlog vremena svršenoga vida u ruskom (NP ^{SV}) i futura u srpskohrvatskom jeziku (Fut ^{SV}) mogu svakako da se pojave u određenim kontekstima. Ovi su konteksti okarakterisani kontekstualnom istaknutošću semantičkog makroobeležja kontrole. Dolazi se do zaključka da markiranje kontrole može dovesti do pojačanja ili smanjenja (ublažavanja) intenziteta ilokutivne snage kojom raspolaže performativni iskaz.
Datum prihvatanja teme od strane NN veća (Univerzitet u Padovi): DP	18. decembar 2017.
Datum odbrane: DO	
Članovi komisije: (ime i prezime / titula / zvanje / naziv organizacije / status) KO	predsednik: član: član:

UNIVERSITY OF PADOVA
DEPARTMENT OF LINGUISTIC AND LITERARY STUDIES (DiSLL)

UNIVERSITY OF NOVI SAD
FACULTY OF PHILOSOPHY

KEY WORD DOCUMENTATION

Accession number: ANO	
Identification number: INO	
Document type: DT	Monograph documentation

Type of record: TR	Textual printed material
Contents code: CC	PhD dissertation
Author: AU	Marco Biasio
Supervisors: SU	Rosanna Benacchio, full professor Dojčil P. Vojvodić, PhD, full professor
Title: TI	Dictum erit factum? Tempo-Aspectual Properties of Performative Verbs from a Crosslinguistic Perspective (based on Russian and Serbo-Croatian Languages)
Language of text: LT	Russian
Language of abstract: LA	Italian, Serbian, English
Country of publication: CP	Italy, Serbia
Locality of publication: LP	Veneto, Vojvodina
Publication year: PY	2021
Publisher: PU	Author's printing
Publication place: PP	(1) Padova, University of Padua, Department of Linguistic and Literary, Via Vendramini 13; (2) Novi Sad, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Dr Zorana Đinđića 2.

Physical description: PD	5 chapters / 455 pages / 2 images / 150 pie charts / 25 tables / 373 references (+ 12 electronic references) / 3 attachments
Scientific field SF	Slavic Linguistics
Scientific discipline SD	Semantics, Pragmatics, Morphosyntax
Subject, Key words SKW	Performatives, performative verbs, performative utterances, speech acts, verbal aspect, tense, aspectual opposition, tempo-aspectual opposition, syntax-pragmatics interface, temporal argument, cognitive linguistics,

	diachronic linguistics, pragmaphilology, Russian language, Serbo-Croatian language
UDC	811.161.1'367.625 811.163.4'367.625
Holding data: HD	(1) University of Padua, Beato Pellegrino Library of Literary, Linguistic, Pedagogical and Performing Studies; (2) University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Central Library.
Note: N	
Abstract: AB	In this dissertation it is undertaken a diachronic and synchronic analysis of the tempo-aspectual properties of four classes of performative verbs in Russian and Serbo-Croatian, namely declarations, expositives, commissives and directives. The primary aim of the present dissertation is to understand how and to what extent formal, functional, and cognitive parameters interact in the grammatical structure of each language, thus determining forms and functions of performative utterances and verbs. While the prototypical tempo-aspectual form in both languages is claimed to be the imperfective non-past (NP ^{IPF}), Russian perfective non-past forms (NP ^{PF}) or Serbo-Croatian perfective futures (Fut ^{PF}) can occur as well in certain environments, characterized by the contextual salience of the parameter of control. It is argued that control marking can lead to the strengthening or the softening of the intensity of the illocutionary force assigned to the performative utterance.
Accepted on Scientific Board (University of Padova) on: AS	December 18 th , 2017
Defended: DE	
Thesis Defend Board: DB	president: member: member:

Obietnice mają wartość tylko dla tych, którzy w nie wierzą.

RYSZARD KAPUŚCIŃSKI, SZACHINSZACH

J'attendais... J'avais le temps... J'ai toujours cru avoir le temps.

L'ANNÉE DERNIÈRE À MARIENBAD, ALAIN RESNAIS

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ЗАМЕТКА О ЦИТАТАХ	17
1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	19
1.1. «Перформативы» и «перформативные» высказывания в древние времена	20
1.2. Первый лингвистический поворот	24
1.2.1. Первые лингвистические шаги в Словении: С. Шкрабец	24
1.2.2. Исследования последующих десятилетий: Э. Кошмидер, А. Мусич, В. Виноградов	27
1.3. Возвращение к философии сознания и подъем философии обыденного языка	31
1.4. Двухсторонняя «языковая революция» 60-х и 70-х годов XX века	40
1.4.1. Расцвет прагматики	41
1.4.2. К новой таксономии речевых актов	43
1.4.3. Распространение прагматических исследований в советской России	47
1.5. Исследования в славянском ракурсе	50
2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	55
2.1. Что такое «автореференциальность»?	56
2.1.1. Перформативы и делокутивы	60
2.2. К определению общего признака для перформативных высказываний	63
2.2.1. Синтаксическая вставка операторов	68
2.2.1.1. <i>Now</i>	68
2.2.1.2. <i>Hereby</i>	70
2.3. Некоторые формальные свойства перформативов	74
2.3.1. Акциональные свойства	74
2.3.2. Синтаксические свойства	76
2.3.3. Темпоральные свойства	76
2.4. Вид и время перформативов	78
2.4.1. Двухчленная видовая оппозиция (СВ vs. НСВ)	79
2.4.2. Трехчленная темпоральная оппозиция (Прет vs. Наст vs. Буд)	89
2.5. Предварительные итоги	96
2.6. Заметки о терминологии	98
3. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	103
3.1. Предыдущие исследования вопроса	105
3.1.1. По поводу славянской автохтонности перформативов ПСВ	115
3.2. Некоторые проблемы диахронического анализа	125
3.3. Древне- и старорусский языки	129
3.3.1. Описание древне- и старорусских источников	129
3.3.2. Анализ данных	132
3.3.2.1. Декларации	133
3.3.2.2. Экспозитивы	139

3.3.2.3. Комиссивы	146
3.3.2.3.1. Перформативные комиссивы	146
3.3.2.3.2. Квазиперформативные комиссивы	150
3.3.2.4. Директивы	151
3.4. Древнештокавский язык	159
3.4.1. Древнештокавские источники и проблема языка	159
3.4.2. Описание древнештокавских источников	165
3.4.3. Анализ данных	167
3.4.3.1. Декларации	168
3.4.3.2. Экспозитивы	174
3.4.3.3. Комиссивы	180
3.4.3.3.1. Перформативные комиссивы	180
3.4.3.3.2. Квазиперформативные комиссивы	186
3.4.3.4. Директивы	186
3.5. К решению некоторых исследовательских вопросов	192
3.6. Итоги	197
4. СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РУССКИЙ ЯЗЫК	201
4.1. Сколько глаголов, какие глаголы?	202
4.2. Гипотеза Р. Экхардт (2012) и русские перформативные высказывания	211
4.3. Данные корпусов	218
4.3.1. Данные о поиске	218
4.3.2. Декларации	220
4.3.3. Экспозитивы	226
4.3.4. Комиссивы	234
4.3.4.1. Перформативные комиссивы	234
4.3.4.2. Квазиперформативные комиссивы	241
4.3.5. Директивы	245
4.4. Данные анкеты	254
4.4.1. Заметки о составлении анкеты	254
4.4.2. Декларации	256
4.4.3. Экспозитивы	258
4.4.4. Комиссивы	263
4.4.4.1. Перформативные комиссивы	263
4.4.4.2. Квазиперформативные комиссивы	265
4.4.5. Директивы	266
4.5. Итоги	270
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ. АНКЕТА	274
5. СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: СЕРБСКОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК	297
5.1. Сколько глаголов, какие глаголы?	298
5.2. Гипотеза Р. Экхардт (2012) и сербскохорватские перформативные высказывания	302
5.3. Данные корпусов	307
5.3.1. Данные о поиске	308
5.3.2. Декларации	310
5.3.3. Экспозитивы	314
5.3.4. Комиссивы	322
5.3.4.1. Перформативные комиссивы	322

5.3.4.2. Квазиперформативные комиссивы	329
5.3.5. Директивы	331
5.4. Данные анкет	340
5.4.1. Заметки о составлении анкет	340
5.4.2. Декларации	343
5.4.3. Экспозитивы	346
5.4.4. Комиссивы	351
5.4.4.1. Перформативные комиссивы	351
5.4.4.2. Квазиперформативные комиссивы	355
5.4.5. Директивы	355
5.5. Итоги	362
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ (1). АНКЕТА (СЕРБСКИЙ ВАРИАНТ)	366
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ (2). АНКЕТА (ХОРВАТСКИЙ ВАРИАНТ)	386
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	405
6.1. Контроль и прагматика речевого акта	406
6.2. Контроль и морфосинтаксис темпоральных аргументов	411
6.3. Контроль и полная узнаваемость события	415
6.4. Итоги: разве общеславянские перформативы были ПСВ?	421
ЛИТЕРАТУРА	427
RIASSUNTO	445
REZIME	449
SUMMARY	453

ВВЕДЕНИЕ

Идея этой диссертационной работы сформировалась еще несколько лет назад, когда я был студентом тогдашнего Факультета иностранных языков и культур Падуанского университета. При написании бакалаврской работы меня заинтересовали взаимоотношения между языком, культурой и политикой в советской России в первые и самые сложные послеоктябрьские годы. Тогда же я впервые узнал о британском философе Джоне Лэнгшо Остине и о его знаменитых оксфордско-гарвардских лекциях (AUSTIN 1975²), которыми продолжил интересоваться в последующие годы моего университетского образования.

При подготовке магистерской дипломной работы, посвященной диахроническому развитию видовременной системы в древнерусском в связи с переосмыслением лингвистических стратегий для реализации и обозначения футуральной семантики, интерес к перформативным глаголам (и, в целом, к явлению перформативности), который раньше был почти исключительно ограничен областью философии языка, расширился к собственно лингвистическим исследованиям. Настоящий диссертационный проект является естественным продолжением (расширением) магистерской работы, в которой тема видовременного маркирования перформативов в древнерусском языке обсуждалась только в последнем разделе заключительной главы. Итак, настоящая диссертационная работа представляет собой первую попытку («точку посадки») лингвистической систематизации ряда личных интересов, которые у меня стали формироваться еще тогда, когда славянская лингвистика далеко не была моей научной областью.

Предметом настоящей диссертации является сопоставительное изучение видовременных свойств четырех классов эксплицитных перформативных глаголов¹ в русском и сербскохорватском² языках. В частности, в центр нашего внимания попадают следующие

¹ Для принятого в настоящей диссертации определения перформативных глаголов (или проще «перформативов»), а также перформативных высказываний и других ключевых теоретических понятий, см. дальше заметки о терминологии (§2.6). На данный момент «перформативным высказыванием» мы называем тот токен, относящийся к множеству высказываний $U(x)$ соответствующих предложений $P(x)$, в принципе актуализируемых в момент высказывания t_0 , конкретное произнесение которого со стороны назначенного агенса A и является действием, обозначенным в соответственном логическом предложении P_0 .

² В настоящей диссертации «сербскохорватским языком» мы будем называть разные варианты южнославянского диалектного континуума, на которых в настоящее время говорят в преобладающем большинстве республик, возникших после распада социалистической Югославии, т.е. в Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине и Черногории. Подчеркнем, что в этой работе употребление термина «сербскохорватский язык», который был в использовании в югославском языкознании по крайней мере до вспышки первой волны югославских войн, не содержит в себе никакой идеологической подоплеки. Наоборот, он, помимо недавно вошедшего в узус соответствующего термина англо-американского происхождения BC(M)S [Bosnian-Croatian-(Montenegrin)-Serbian], указывает на существенное (структуральное) единство всех лингвистических вариантов (т.е. сербский, хорватский, боснийский и черногорский), которые в течение последних трех десятилетий были приняты в каждой

два вопроса: 1) По какой причине и в какой степени славянские эксплицитные перформативы (точнее, перформативы в русском и сербскохорватском языках) могут проявляться в видовременных конфигурациях, отличающихся от «канонического» сочетания функциональных категорий «настоящее время» и «несовершенный вид»? 2) Какова роль вида и времени в таких «неортодоксальных» перформативных конфигурациях, т.е. непрошедшее совершенного вида в русском языке (см. противопоставление директивов *прошу*^{HCB}/*попрошу*^{CB}), а футурум совершенного вида в сербскохорватском [см. противопоставление директивов *molim*^{HCB}/*zamoli(t)ću*^{CB}].

Исследование проведено, с одной стороны, в более обширной славянской перспективе (т.е. с учетом всех современных славянских языков), а, с другой, оно вписывается в рамки типологических исследований. Перформативные глаголы здесь подразделяются по типу ими реализуемого иллокутивного акта (по таксономии SEARLE 1976): декларации (напр. рус. *объявлять*^{HCB}/*объявить*^{CB} <заседание <закрытым>>, с-х. *proglašavati*^{HCB}/*proglasiti*^{CB} <*sastanak* <*završenim*>>), экспозитивы (напр. рус. *предполагать*^{HCB}/*предположить*^{CB}, с-х. *pretpostavljati*^{HCB}/*pretpostaviti*^{CB}), комиссивы (напр. рус. *ручаться*^{HCB}/*поручиться*^{CB}, с-х. *jamčiti*^{HCB}/*zajamčiti*^{CB}) и директивы (напр. рус. *просить*^{HCB}/*попросить*^{CB}, с-х. *moliti*^{HCB}/*zamoliti*^{CB}). Добавим, что в рамках анализа комиссивов внимание уделялось также некоторым неперформативным глаголам (т.н. «транзакционным» глаголам или «глаголам купли-продажи»; напр. рус. *покупать*^{HCB}/*купить*^{CB}, с-х. *kupovati*^{HCB}/*kupiti*^{CB}), обладающим рядом общих семантических свойств, которые сближают их с типичными комиссивными перформативами.

Выбор темы диссертации продиктован не только моими личными интересами, но обусловлен также рядом других обстоятельств. Изучение видовременных свойств перформативов, как станет ясно в продолжение работы, занимает первоочередное место в современной славянской аспектологии, особенно в исследованиях, посвященных сопоставительному анализу функционирования видовых (видовременных) форм в разных славянских языках. Следует также заметить, что, хотя на сегодняшний день можно говорить об отсутствии у исследователей единства мнений относительно возможных причин,

республике как собственные «национальные языки». На диалектное единство сербскохорватского континуума не раз обращалось внимание в литературе (в пользу этой точки зрения аргументированно выступает, напр., в BAILYN 2010). Что касается статуса каждого варианта внутри континуума, в диссертации признается справедливость позиций, недавно принятых в «Декларации об общем языке», доступна по следующей ссылке: <http://jezicinacionalizmi.com/deklaracija/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.). Когда в тексте эксплицитно делается ссылка на лингвистические явления, относящиеся преимущественно к тому или иному варианту (напр. когда упоминается географическое происхождение информантов в §5.4.1 или комментируются некоторые междиалектные различия в корпусных и анкетных данных в разделах §5.3.2–§5.3.5 и §5.4.2–§5.4.5), употребляется формула «сербский (/ хорватский) вариант (сербскохорватского континуума)».

вызывающих видовременное противопоставление в перформативном контексте, эта тема не нова для славянского языкознания и не чужда аспектологическим исследованиям: она была впервые рассмотрена с чисто лингвистической точки зрения в славянском ареале, точнее в Словении, на рубеже XIX и XX веков, за лет пятьдесят до остиновских лекций (см. §1.2.1). Возможное объяснение этого факта заключается в том, что в словенском языке, в отличие, напр., от английского языка и подобно всем современным славянским языкам, выражение видовременных отношений грамматикализовано, т.е. явно отражается на глагольной морфологии.

Диссертация преследует тройную цель. Во-первых, давая строгое определение основополагающих понятий «перформатива» и «перформативного глагола» настоящее исследование ставит целью рассмотреть возможные видовременные конфигурации для перформативов в современных славянских языках (а также в типологии), а также понять, существует ли прототипическое видовременное «кодирование» перформативов. Во-вторых, проводя семантический и прагматический анализ события речевого акта, настоящее исследование ставит целью формализовать ряд прагматико-коммуникативных параметров, на основе которых можно объяснить возникновение видовременного протипоставления в перформативном контексте на древних этапах исторического развития языков, а также объяснить его функционирование в современном русском и сербскохорватском языках. В-третьих, настоящее исследование ставит целью лучше понять взаимодействие между формальными, функциональными и когнитивными параметрами, определяющими конфигурацию перформатива и перформативного высказывания в грамматической структуре определенного языка.

Материалом для данного исследования послужили не только ряд теоретических исследований по разным философским и лингвистическим направлениям (как западного, так и славянского происхождения), но и, с одной стороны, корпус древних письменных источников в бумажном и электронном виде, а с другой стороны национальные электронные корпуса (в том числе Национальный корпус русского языка, Генеральный интернет-корпус русского языка, *Korpus savremenog srpskog jezika*, *Hrvatski nacionalni korpus* и *Hrvatski jezični korpus*) и данные, полученные из анкет, распространенных среди носителей русского (70 информантов) и двух вариантов сербскохорватского языкового континуума (по 35 информантов на каждый вариант). При обсуждении теоретических и эмпирических вопросов, непосредственно связанных с темой исследования, мы пользовались также данными из других вымерших и современных языков, в том числе из древне- и среднегреческого,

древнееврейского, других славянских языков, английского, итальянского, французского, новогреческого, турецкого и современного арабского.

Поскольку эта тема долгое время привлекала внимание ученых, работающих в рамках самых разных теоретических направлений, в первых двух теоретических главах ради полноты изложения рассмотрены различные теоретические подходы к решению определенных вопросов и упомянуты исследования, проведенные в рамках разных направлений (в том числе формального – формальная семантика, порождающая грамматика и т.д. – и функционального характера). Однако комплексный теоретический метод, в рамках которого анализируются данные и выдвигаются наши гипотезы, имеет преимущественно функциональный характер и сочетает в себе элементы прагматического анализа, описательно-функциональной семантики Московской семантической школы и когнитивной лингвистики. При этом подборка и обсуждение данных электронных корпусов и анкет осуществляется методами количественно-качественного анализа.

Что касается теоретического метода анализа следует также подчеркнуть, что в диссертации предлагается попытка трехстороннего решения проблемы видовременного противопоставления в перформативном контексте в русском и сербскохорватском языках, которая включает разные уровни лингвистического анализа: не только прагматический (т.е. относящийся к высказыванию и событию речевого акта), но и морфосинтаксический (т.е. относящийся к определенным глагольным формам, точнее, к их темпоральным свойствам), а также когнитивный (т.е. относящийся к концептуализации события). Анализу были подвергнуты релевантные синхронические и диахронические данные (подобный диахронический разбор данных, насколько нам известно, предпринят только в DISKEY 2015A).

Диссертация состоит из введения, списка сокращений, пяти глав (в том числе и контекстов из анкет в приложении к четвертой и пятой главам), заключения, списка литературы и трех резюме, написанных на итальянском, сербскохорватском и английском языках. Диссертация разделена на две части. Первая часть, которая включает первые две главы (§1, §2), имеет исключительно теоретический характер и сосредоточена, с одной стороны, на кратком описании исторического развития исследуемого вопроса (§1), а с другой стороны, на обсуждении некоторых теоретико-методологических вопросов, связанных с гипотезами, выдвинутыми в лингвистической и философской литературе в течение последних десятилетий (§2). Вторая часть, включающая остальные три главы (§3, §4, §5), имеет эмпирический характер. В ней проанализированные нами собранные данные, как диахронические (т.е. из древне- и старорусских, а также из древнештокавских источников: см. §3), так и синхронические (из современного русского языка, см. §4, и сербскохорватского континуума,

см. §5). В заключительной части систематизируются результаты предыдущих эмпирических глав и проводится трехступенчатый анализ понятия контроля (§6).

Ниже даем краткое описание содержания каждой главы.

В первой главе (§1) обсуждаются наиболее важные моменты истории исследования проблематики, касающейся определения перформативных высказываний и перформативов, а также их положения в различных философских и лингвистических теоретических концепциях. В древние времена, а также в Средневековье обсуждение вопроса (который, конечно, в то время еще не формулировался с точки зрения «перформативных» высказываний и «перформативов») проводилось исключительно в области философии (§1.1). К концу XIX века лингвистический анализ явления перформативов был проведен в Словении (§1.2.1), а уже в первой половине XX века вопрос снова попал в центр интересов ученых-представителей направлений аналитической философии и философии обыденного языка (*ordinary language philosophy*), в том числе Дж. Остина (§1.3). В течение 60-х годов XX века, с развитием прагматики (§1.4.1) и после выдвижения первой модели речевых актов Дж. Серлем (§1.4.2), вопрос вновь стал актуальным в лингвистике. Он стал предметом исследования также в советском языкознании, разные направления которого (прежде всего семантические и семантико-функциональные) внесли свой оригинальный вклад в дискуссию (§1.4.3). Эти исследования вдохновили лингвистов последующих десятилетий, которые все чаще проводили свои поиски и анализы в сопоставительно-типологической перспективе (§1.5).

Во второй главе (§2) рассматривается ряд проблем, связанных с понятиями «перформатива» и «перформативного высказывания». Обсуждается прежде всего понятие автореференциальности (БЕНВЕНИСТ 1974: 301–311) и его значение в определении перформативного характера высказывания (§2.1), а также в разграничении «настоящих» перформативов и т.н. «делокутивов» (§2.1.1). Как кажется, присутствие свойства автореференциальности является необходимым, но недостаточным условием для определения перформативного характера высказывания. Поиску логического, семантического или прагматического инварианта, характеризующего только перформативные высказывания, посвящены некоторые исследования, вышедшие между 70-ми и 90-ми гг. XX века (§2.2). Уточнение этого инварианта является особенно сложной задачей, при этом синтаксическая вставка темпорального оператора [вроде англ. *now*, рус. *сейчас/теперь*, с-х. *sad(a)*; см. §2.2.1.1] или автореференциального оператора [вроде англ. *hereby*, рус. *настоящим*, с-х. *tim(e)*; см. §2.2.1.2] не дает однозначных результатов. После определения основных акциональных (§2.3.1), синтаксических (§2.3.2) и темпоральных (§2.3.3) свойств славянских перформативов, анализ сосредоточивается на ключевых вопросах видового (видовременного)

противопоставления в перформативном контексте (§2.4). Видовая оппозиция (§2.4.1), которая осуществляется как в восточнославянских (т.е. в русском, белорусском и украинском языках), так и в западнославянских (т.е. в польском, чешском, словацком, верхне- и нижнелужицком языках) языках, а также в словенском языке, представляет собой возможность чередования прототипических словоформ в настоящем несовершенного вида (Наст^{НСВ}, напр. рус. *прошу*) со словоформами в непрошедшем совершенного вида (НП^{СВ}, напр. рус. *попрошу*). Для обсуждения этого противопоставления анализируется ряд исследований, в которых выдвигается гипотеза о том, что центральную роль в этом процессе, по крайней мере в восточнославянских языках, играет признак контроля говорящего и связанные с ним контекстуально определенные параметры, вытекающие из семантического инварианта СВ в восточнославянских языках (т.е. ‘темпоральная определенность’). Видовременная оппозиция (§2.4.2), которая осуществляется прежде всего в южнославянских языках (за исключением словенского), может включать два [Наст^{НСВ} vs. футурум совершенного вида, Фут^{СВ}, см. с-х. *kladim se – o(p)kladi(t)ću se*]³ или три члена (Наст^{НСВ} vs. Фут^{СВ} vs. футурум несовершенного вида, Фут^{НСВ}, см. бол. *моля – ще помоля – ще моля*). Присутствие футурума в двух- или трехчленной оппозиции обосновано тем фактом, что в этих языках употребление НП^{СВ} в главных предложениях неприемлемо (из-за т.н. «парадокса перфективного презенса»). Главу завершают предварительные итоги (§2.5) и заметки о использованной терминологии (§2.6).

Третья глава посвящена анализу диахронических данных из древне-, старорусских и древнештокавских источников. Глава разделена на три части. В первой части обсуждаются предыдущие исследования, посвященные диахроническому развитию славянских перформативов в разных славянских языках (§3.1). В ней приводятся четыре аргумента (§3.1.1) в пользу гипотезы о славянской автохтонности перформативов в протоперфективном непрошедшем (НП^{СВ}; см. BERMEL 1997). В следующем разделе (§3.2) излагаются некоторые общие проблемы, связанные с анализом диахронических данных. Во второй части комментируются данные из древне- и старорусских источников. После описания списка источников (§3.3.1), проводится анализ, в котором принимаются во внимание перформативы на основе реализуемых ими иллокутивных актов, а именно декларации (§3.3.2.1), экспозитивы (§3.3.2.2), перформативные (§3.3.2.3.1) и неперформативные комиссивы (§3.3.2.3.2) и директивы (§3.3.2.4). Анализ показывает, что в подавляющем большинстве случаев единственным возможным выбором в перформативном контексте для всех классов является

³ В диссертации упоминается, но не рассматривается подробно случай украинского языка, в котором – наряду с оппозицией Наст^{НСВ} vs. НП^{СВ} – можно обнаружить также оппозицию Наст^{НСВ} vs. прошедшее совершенного вида, Прет^{СВ} (см. делокутивы *дякую – подякував*).

протоимперфективное непрошедшее (НП^{ПНСВ}): НП^{ПНСВ} допустимо только для некоторых семантически недифференцированных экспозитивов, а возможность проявления экспозитивов в НП^{ПНСВ} убывает по мере того, как их лексическая семантика обогащается. В третьей части обсуждаются данные из древнештокавских источников. Выбор определения «древнештокавский» обосновывается на основе языковых и исторических аргументов (§3.4.1). После описания списка источников (§3.4.2) проводится анализ, в котором поочередно рассматриваются декларации (§3.4.3.1), экспозитивы (§3.4.3.2), перформативные (§3.4.3.3.1) и неперформативные комиссивы (§3.4.3.3.2) и директивы (§3.4.3.4). Анализ показывает, что футурум никогда не употребляется в перформативном контексте, а протоперфективные презенсы (През^{ПНСВ}) исключены из синтаксического окружения главных предложений. Единственной перформативной словоформой, доступной для всех классов, является Наст^{ПНСВ}: в случае перформативных комиссивов обнаруживаются отдельные вхождения в протоперфективном аористе (Аор^{ПНСВ}, т.н. «эпистолярное прошедшее время»), особенно в коммуникативных ситуациях, имеющих торжественную окраску. Возможные причины весьма ограниченной видовой оппозиции в древне- и старорусских перформативных высказываниях, а также отсутствия футурума в древнештокавских перформативных контекстах обсуждаются отдельно (§3.5). Главу завершают итоги (§3.6).

В четвертой главе анализируются данные современного русского языка. Глава разделена на две части. В первой части, после обсуждения предыдущих исследований, посвященных определению типа и количества чувствительных к видовой оппозиции перформативов (§4.1), на русском материале применяются синтаксические тесты, нацеленные на определение перформативного характера высказывания (§4.2). Во второй части обсуждаются данные, взятые из электронных корпусов (НКРЯ, ГИКРЯ). Как и в других главах, контексты разделены на декларации (§4.3.2), экспозитивы (§4.3.3), перформативные (§4.3.4.1) и неперформативные комиссивы (§4.3.4.2) и директивы (§4.3.5). Судя по корпусным данным, как кажется, число чувствительных к видовой оппозиции перформативов больше, чем предполагается в литературе. В целом видовременное противопоставление в перформативном контексте (т.е. замена словоформы в Наст^{НСВ} словоформой в НП^{НСВ}) допускается, хотя и в разной степени (прежде всего в зависимости от иллокутивного акта, а также от определенных глаголов), при контекстуальном выделении семантического макропризнака контроля говорящего. Это выделение приводит к изменению в интенсивности иллокутивной силы высказывания по двум возможным направлениям: при ее усилении выделяется параметр авторитета, а при ее смягчении говорящий использует т.н. «восстановительные» конверсационные стратегии (*repair strategies*), т.е. стратегии, которыми он старается свести на ноль и минимизировать

связанные с осуществлением иллокутивного акта эффекты (с одной стороны, угроза негативному лицу адресата, а с другой, импозитивное проявление собственных коммуникативных намерений). Однако словоформы в НП^{CB} не могут быть употреблены в перформативном контексте с теми глаголами, в коммуникативной структуре которых уже предполагается присутствие уполномоченного агенса (напр. почти все декларации, а также некоторые экспозитивы, комиссивы и директивы) или, наоборот, подчиненного адресату агенса (напр. некоторые экспозитивы, комиссивы и директивы). В этом случае дополнительное выделение контроля (либо как авторитет, либо как более вежливое обращение) является семантически и/или прагматически избыточными или неуспешным. Вдобавок, при употреблении словоформы в НП^{CB} у некоторых экспозитивов (напр. *добавлю, сравню*) осуществляется (настоящее или искусственное) передвижение темпорального аргумента (в некоторых случаях также темпоральной референции) к будущему. Наконец, неперформативные комиссивы в общем проявляются в НП^{CB}, и эту тенденцию можно объяснить на основе когнитивных аргументов: с НП^{CB} чаще ассоциируется полная узнаваемость события, т.е. осведомленность говорящего о его внутренней структуре.

После описания методов составления и распространения анкеты для носителей русского языка (§4.4.1) анализируются анкетные данные (декларации в §4.4.2, экспозитивы в §4.4.3, перформативные комиссивы в §4.4.4.1, неперформативные в §4.4.4.2, директивы в §4.4.5). Они в общем следуют той же закономерности, что и корпусные данные, но с дополнительными ограничениями на количество чувствительных к видовой оппозиции перформативов (см., напр., случай перформативных комиссивов), что, с одной стороны, может быть признаком маркированности перформативных словоформ в НП^{CB}, а, с другой, может отражать влияние нормативной грамматики. Выбор словоформ в НП^{CB}, по всей видимости, регулируется на основе тех же параметров, что были выделены при анализе корпусных данных. В §4.5 подводятся итоги главы.

В пятой главе анализируются данные сербского и хорватского вариантов современного сербскохорватского континуума. В первой части, после обсуждения предыдущих исследований, посвященных определению типа и количества чувствительных к видовой оппозиции перформативов (§5.1), на сербскохорватском материале применяются синтаксические тесты, нацеленные на определение перформативного характера высказывания (§5.2). Во второй части обсуждаются данные, полученные из национальных электронных корпусов (SRPKOR, HNK, HJK). Как и ранее, контексты разделены на декларации (§5.3.2), экспозитивы (§5.3.3), перформативные (§5.3.4.1) и неперформативные комиссивы (§5.3.4.2) и директивы (§5.3.5). По сравнению с русским НП^{CB}, сербскохорватский Фут^{CB} в

перформативном контексте употребляется реже, с более ограниченным числом глаголов, а его ассоциация с выделением параметра контроля (точнее, с его контекстуальными вариантами, связанными с изменением в интенсивности иллокутивной силы высказывания) не настолько закреплена, насколько в русском языке. В определении перформативной словоформы в Фут^{CB} важную роль играет скорее присутствие футурального темпорального аргумента (этот параметр особенно отчетлив для экспозитивов, принадлежащих классу ретических перформативов): в этом случае употреблением словоформы в Фут^{CB}, особенно для семантически недифференцированных глаголов, осуществляется передвижение темпоральной референции перформатива к будущему. Тот факт, что в этих двух вариантах при видовременном определении перформатива более периферийные параметры уступают место системе видовременных отношений, может свидетельствовать о меньшей степени грамматикализации, достигнутой сербскохорватской видовременной системой по сравнению с русской.

После описания методов составления и распространения анкет, адресованных носителям сербского и хорватского вариантов сербскохорватского континуума (§5.4.1) анализируются анкетные данные (декларации в §5.4.2, экспозитивы в §5.4.3, перформативные комиссивы в §5.4.4.1, неперформативные в §5.4.4.2, директивы в §5.4.5). Хотя в общем результаты опроса во многом совпадают с закономерностью, обнаруженной при анализе корпусных данных (за исключением дополнительных лексических ограничений на приемлемость перформативных словоформ в Фут^{CB} см. случай перформативных комиссивов), выделяются некоторые интересные различия между двумя опросниками в ответах на отдельные контексты (см. напр. случай директивов *usuđivati se*^{HCB}/*usuditi se*^{CB}), которые, вероятно, связаны с тонкими различиями в семантике СВ между двумя языковыми вариантами. В §5.5 подводятся итоги главы.

Наконец, в заключении обобщаются полученные в предыдущих трех главах результаты и тем самым обращается внимание на понятие контроля и, в частности, на три его разновидности, им приобретенные в зависимости от уровня лингвистического анализа, т.е. на прагматическом (§6.1), собственно темпоральном (§6.2) и когнитивном уровне (§6.3). Анализ показывает, что выбор словоформ в НП^{CB} (Фут^{CB}) всегда маркирован, а также ограничен рядом обстоятельств. В свете этих замечаний, в конечном счете, вновь рассматривается вопрос о славянской автохтонности перформативов в НП^{PCB}, уже обсуждавшийся в §3.1.1, и приводятся доказательства того, что эти перформативы были, вероятно, кодированы в общем, т.е. недифференцированном виде (§6.4).

Хотя верно, что, как гласит поговорка, *it takes two to tango*, для написания диссертации двух человек далеко не достаточно. Никакое исследование не рождается в самоизоляции: окружающая среда, в том числе научное сообщество, во многом определяет его форму и научный характер. В долгом и не всегда легком процессе подготовки настоящей работы поучаствовали, даже неосознанно, многочисленные друзья, коллеги, преподаватели, знакомые и незнакомые, которых здесь хочется поблагодарить.

Во-первых, я хочу выразить свою глубокую признательность своим двум научным руководителям, Розанне Бенаккьо и Дойчилу П. Войводичу, с которыми я работал бок о бок в течение последних трех лет и которые с неисчерпаемым терпением поддерживали меня, делились самыми полезными советами и в значительной степени облегчили мою работу. Но *imparato molto da entrambi i nadam se da će se ponoviti mogućnost da se još mnogo nauči od njih!*

Во-вторых, я благодарю друзей и коллег, которые с 2015 по 2020 гг. принимали со мной участие в деятельности научно-исследовательской группы ASP (под руководством проф. Розанны Бенаккьо) и с которыми я не раз обменивался мнениями по самым разным лингвистическим темам, в том числе по теме моей диссертации.

В-третьих, я обращаюсь с особой благодарностью к своим друзьям и коллегам, которые мне активно помогали в правке анкет, в их заполнении и распространении. Спасибо огромное, среди прочих, Анне Александровой, Марии Брадаш, Вальтеру Брою, Монике Фин, Лидии Капетанович, Дарье Кожановой, Франческе Лаццарин, Изабелле Маттиккьо, Марии Новак, Яне Пеньковой, Малинке Пиле, Екатерине Рахилиной, Ольге Редзиу, Давиду Селовину, Ксении Семеновой, Хану Стэнвейку, Виктории Трубниковой, Майе Цветичанин и Младену Ухлику. Благодарю также всех анонимных русских, сербских и хорватских информантов за драгоценную помощь в заполнении анкет.

В-четвертых, приношу свою благодарность друзьям и коллегам, с которыми мне доводилось общаться во время работы над диссертацией. В частности, хочу поблагодарить профессора Слободана Павловича за его помощь в определении корпуса древнештокавских источников. Также благодарю за ценные вопросы и замечания внимательную аудиторию научного воркшопа *Aspect in the Arctic*, который состоялся 5–6 сентября 2019 г. в Арктическом университете Норвегии в Тромсе (Universitetet i Tromsø – Norges arktiske universitet) и на котором я выступил с докладом *It Is What It Has Been or Will Be: Tense-Aspect Shift in Slavic Performatives*. В докладе обсуждались в предварительном виде некоторые вопросы диссертационной работы. Моя работа приобрела многое благодаря замечаниям участников.

В-пятых, благодарю от всей души всех друзей, вместе с которыми я участвовал в замечательной и неповторимой инициативе «Мастерская аспирантуры» (*Officina del Dottorato*) и организовал интересную и успешную конференцию «Алые буквы: языковые и литературные табу в современности» (*Le lettere scarlatte: tabù della lingua e della letteratura nell'età contemporanea*) в Падуанском университете в апреле 2019 г. Спасибо, в частности, Дарио и Пьеру, которые для меня были не просто однокурсниками и коллегами, а скорее всего дорогими друзьями и спутниками по «сумрачному лесу» нашего мимолетного и не всегда спокойного существования.

Наконец, выражаю свою признательность Павлу Дурягину и Ксении Волковой, которые оказали мне неоценимую помощь при правке текста.

В эти тяжелые и противоречивые времена, я *посвящаю* свою диссертацию (вот эксплицитное перформативное высказывание!) всем, кого люблю (разумеется, в надежде на их взаимность), а также всем тем, кому настоящая работа, может быть, принесет в будущем какую-нибудь пользу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ЗАМЕТКА О ЦИТАТАХ

Ниже приводится список всех сокращений, употребленных в настоящей диссертации. Каждое сокращение, появляющееся впервые в тексте, объясняется в скобках, а для дальнейших употреблений отсылается к этому списку.

Напомним также, что все цитаты из источников, написанных не на русском языке, приводятся в первую очередь в русском переводе. Только если такого перевода не существует (или, по разным причинам, он не является доступным автору диссертации), цитаты даются в английском переводе. Цитаты из источников англо-американского происхождения всегда даются в оригинале.

СВ – совершенный вид
НСВ – несовершенный вид
ДВ – двувидовой (глагол)
ПСВ – протоперфективный
ПНСВ – протоимперфективный
През – презенс (морфосинтаксическая категория)
Прет – прошедшее время (морфосинтаксическая категория)
Фут – футурум (морфосинтаксическая категория)
Наст – настоящее (семантическая категория)
НП – неперошедшее (семантическая категория)
Буд – будущее (семантическая категория)
Аор – аорист (морфосемантическая категория)
л. – лицо
ед. ч. – единственное число
мн. ч. – множественное число
из. накл. – изъявительное наклонение
дейст. зал. – действительный залог
стр. зал. – страдательный залог
ср-стр. зал. – средне-страдательный залог
рус. – русский
укр. – украинский
с-х. – сербскохорватский
слов. – словенский
бол. – болгарский
мак. – македонский
пол. – польский
чеш. – чешский
словац. – словацкий
вер. луж. – верхнелужицкий
ниж. луж. – нижнелужицкий
ит. – итальянский
нем. – немецкий
англ. – английский
общесл. – общеславянский

ст. сл. — старославянский
др. рус. — древнерусский
ст. рус. — старорусский
др. шт. — древнештокавский
др. слов. — древнесловенский
др. пол. — древнепольский
др. вер. луж. — древневерхнелужицкий
др. ниж. луж. — древненижнелужицкий
др. гр. — древнегреческий
лат. — латинский
кл. ар. — классический арабский
др. ев. — древнееврейский

1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В этой вступительной главе мы сначала обратимся к дискуссии о первой проблематике исследовательской работы, т.е. о существовании лингвистического явления, соответствующего современным перформативным высказываниям (и, последовательно, перформативам). В настоящей главе исторический обзор и развитие этого вопроса на протяжении веков (с древних времен до современной эры) вкратце очерчены. Особый интерес представляет не только критическое переобсуждение истории проблематики (например, почему и на каких культурных почвах возникли и выросли идеи о существовании неконстатирующих высказываний)⁴, но и конкретное отображение философских размышлений в последующих языковых работах.

Глава состоит из пяти разделов (§1.1-§1.5). В первом разделе (§1.1) обсуждаются самые важные моменты, начиная с древнейших времен, когда тематика «перформативов» и «перформативных» высказываний⁵ была введена в культурный дискурс того времени и стала первоочередной в тогдашних научных (в том числе философских) дискуссиях.

Второй раздел (§1.2) в свою очередь разделяется на два параграфа. В первом параграфе (§1.2.1) уделяется внимание первым систематическим языковым замечаниям о вопросе «перформативов» и «перформативных» высказываний в славянском ареале, а точнее развивавшихся на рубеже XIX и XX веков словенских аспектологических исследованиях. Во втором параграфе (§1.2.2) мы будем вскользь упоминать некоторые тематические исследования и публикации последующих десятилетий, касающиеся в разной степени некоторых славянских языков (в том числе польского и сербскохорватского). Очень важным моментом этого периода, как мы дальше увидим, является вновь возникший интерес к теме «перформативных» глаголов и их видовременных свойств, т.е. переход от логического плана высказывания к плану морфосинтаксиса и семантического содержания события.

В третьем разделе (§1.3) принимается во внимание популярность тематики перформативных высказываний, имевшая место благодаря деятельности оксфордского аналитического кружка (под руководством Дж. Л. Остина) и его известных предшественников (среди которых выделяются Л. Витгенштейн и Г. Райл).

⁴ Для более обширного обсуждения понятия перформативности на фоне исторического и культурного развития человеческого мировоззрения, см. исторический очерк в ПРОСКУРИН 2016 и когнитивный анализ, предложенный в SWEETSER 2001.

⁵ Заметим, что французские кавычки здесь сигнализируют, что употребление терминов «перформативное высказывание» и «перформатив» не следует понимать буквально, ведь в то время такие термины, само собой разумеется, не использовались (см. дальше).

В четвертом разделе (§1.4) анализируются большие изменения (теоретического и методологического характера), которые затронули лингвистику в целом в 60-е и 70-е годы прошлого века. Раздел состоит из трех параграфов. В первом параграфе (§1.4.1) описывается расцвет прагматики как лингвистической области, независимой от семантики, одновременно с подтверждением формальных моделей в синтаксисе (напр. порождающая грамматика Н. Хомского, падежная грамматика Ч. Филлмора и др.) и в семантике [напр. порождающая семантика, теоретико-модельная семантика Р. Монтегю (MONTAGUE 1970) и др.].

Во втором параграфе (§1.4.2) мы обсудим общую теорию речевых актов, предложенную Дж. Остином уже в оксфордско-гарвардских лекциях, а потом разработанную и усовершенствованную Дж. Серлем к концу 60-х годов (SEARLE 1969, SEARLE 1976).

В третьем параграфе (§1.4.3) обсуждается деятельность проблемных групп «Московская семантическая школа» и «Логический анализ языка», которая начиная с 60-х годов охватывала описательные (семантические и прагматические) исследования о видовременных свойствах перформативных глаголов в русском и в других славянских языках. Это те же самые годы, когда начинаются первые значительные типологические исследования (с функционально-структуралистской, формальной или когнитивной перспективы), которые активно способствуют расширению лингвистических знаний о перформативах.

Наконец, в пятом разделе (§1.5) обращается внимание на развитие аспектологических исследований, проведенных в течение последних десятилетий с применением различных подходов на сопоставительном материале славянских языков.

1.1. «Перформативы» и «перформативные» высказывания в древние времена

Принято считать, что в древние времена первые систематические упоминания перформативных высказываний принадлежат Аристотелю⁶. В виде доказательства часто приводится следующий отрывок из четвертой главы знаменитого трактата «Об истолковании» (Περὶ Ἑρμηνείας, IV в. до н.э.), одного из первых научных текстов, эксплицитно посвященных

⁶ До сих пор не существует всеобъемлющих исследований о возникновении и развитии проблематики «перформативных» высказываний в древнем мире, т.е. в культурных средах, предшествующих возникновению древнегреческой цивилизации (или появляющихся одновременно с ней). Насколько нам известно, хотя есть множество современных изысканий, специально сосредоточивающихся на изучении перформативных глаголов и классификации речевых актов в разных древних языках [здесь мы имеем в виду некоторые исследования, проведенные, среди прочего, на материале угаритского (SANDERS 2004), древневедийского (DAHL 2008), геэз (т.е. древнеэфиопского) (WENINGER 2000), древнегреческого (BARY 2012) и библейского иврита (КРЕКИЧ 1998)], в работах древнейших языковедов и грамматиков проблематика вообще не была затронута.

логической структуре естественных языков и связи между мыслью, знаком и языком. В отрывке указано:

Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна. Итак, прочие [виды] речи оставлены здесь без внимания, ибо рассмотрение их более подобает искусству красноречия или стихотворному искусству, к настоящему исследованию относится высказывающая речь.

(АРИСТОТЕЛЬ 1978: 95)

В этом отрывке Аристотель предлагает существенное различие между т.н. апофантическими⁷ высказываниями («высказывающая речь», в оригинале λόγος... σφαντικός), т.е. высказываниями, истинность которых можно всегда проверить на определенный момент, и т.н. семантическими высказываниями («прочие виды речи», в оригинале ἄλλοι), напр. мольба, которые, как кажется, не имеют никакого конкретного отношения с бытием и для которых с затруднением можно сказать (если вообще возможно), истинные они или ложные. Легко заметить, однако, что предложенное здесь различие между высказываниями никак не совпадает с современным пониманием различий между перформативными и констатирующими высказываниями, популяризованным Дж. Остином в 50-е годы прошлого века (см. §1.3). Не только сам термин *перформатив* ни разу не употребляется в трактате (его как раз первым придумал и ввел в употребление сам Остин), но даже не упоминаются такие случаи, в которых высказывание не является только «чистым» высказыванием, а отождествляется с действием, им самим высказанным.

На самом деле, в продолжении трактата становится яснее, что Аристотель, скорее всего, под «семантическими высказываниями» имеет в виду все те высказывания, истинность которых является не проверяемой или непроверяемой, а *неопределенной*. Известнейший случай высказываний, неопределенных по логическому признаку истинности/ложности – это т.н. *будущие контингенты*. В связи с этим Аристотель обсуждает тему будущих контингентов в девятой главе своего трактата. Для того чтобы разъяснить аристотелевское положение, стоит обратить внимание на нижеуказанную выдержку из главы трактата. Речь идет о знаменитом примере будущего происхождения морского сражения (в русском переводе отрывок выделен мной жирным шрифтом):

Точно так же и относительно не-сущего тоже следует сказать о противоречии: все необходимо есть или не есть, а также будет или не будет; но нельзя утверждать раздельно, что-то необходимо или другое необходимо. **Я имею в виду,**

⁷ Из др. гр. ἀποφαίνω ‘заявить’.

например, что завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет. Поэтому так как речь о чем-то так же истинна, как и это нечто, то ясно, что если с ним дело обстоит так, что случайное и противоположное возможно, то так же дело необходимо обстоит и с противоречием. Это бывает именно с тем, что не всегда есть или не всегда не есть. В этом случае один член противоречия хотя и необходимо истинен или ложен, однако не [определенно] вот этот или вот этот, а как случится, и хотя один из них, [быть может], более истинен, чем другой, но не немедленно истинен или немедленно ложен. Отсюда ясно, что не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противоположащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, что не есть, но может быть и не быть, дело обстоит не так, как с тем, что есть, а так, как было сказано.

(АРИСТОТЕЛЬ 1978: 102)

Легко понять, как в данном отрывке Аристотель фокусируется на невозможности приписывания значения истинности или ложности будущим контингентам, т.е. на невозможности установления определенного значения истинности для высказываний, отсылающих к будущему положению дел. Итак, на основе этих аристотелевских замечаний можно подытожить, что далеко не решенная тема будущих контингентов, хотя безусловно является первоочередной в логике и в формальной семантике⁸, напрямую не затрагивает современную проблему перформативов и перформативных высказываний.

В критических комментариях современных кураторов не раз подчеркивалось, что в работах александрийских грамматиков также можно найти некоторые отрывки, которые по всей вероятности свидетельствуют об осознании тематики «перформативных» высказываний в исследованиях древних лингвистов. Так, например, в одной из книг, составляющих описательный трактат о синтаксисе (в свою очередь продолжение «Искусства грамматики» Дионисия Фракийского), Аполлоний Дискол пишет, что “[...] it is clear that *legō se kleptēn* (λέγω σε κλέπτην, М. Б.) signifies «I assert by means of the speech I am uttering that you have done the act of stealing»”⁹ (APOLLONIUS 1981: 219). Однако такое замечание, будучи истолковано вне своего исконного контекста, может вызывать недоразумения. Аполлоний никогда прямо не обращается к проблемам тех высказываний, в которых наблюдается совпадение речи с действием, а просто отмечает мимоходом функционирование глагола λέγω ‘называть’ в

⁸ Аристотелевское размышление о том, что истинность будущих контингентов является коренным образом неопределенной, не раз подвергалось критике, особенно в исследованиях последних десятилетий (в первую очередь, благодаря расцвету разных направлений в логике, см. темпоральную логику А. Прайора и логику деревьев вычислений). Более подробно об этом см. CORLEY 2009 и PRIOR 2003: 7–19, 241–256.

⁹ Американский филолог Ф. Хаузхолдер, куратор и переводчик текста, значительно добавляет между скобками, что такое замечание “[...] is amazingly like the deep structures of Generative Semantics” (APOLLONIUS 1981: 219).

рамках более широкого грамматического описания греческих глаголов, в синтаксическое управление которых входит датив: он при этом обрабатывает его лексическое значение в форме парафразы. В этом случае также уместно сказать, что проблематика «перформативов» и «перформативных» высказываний в самом деле остается незатронутой.

На протяжении последующих веков, однако, вопрос о существовании «перформативных» высказываний и «перформативов» продолжал привлекать внимание некоторых мыслителей, в том числе философов и юристов, которые его обсуждали на фоне не общелингвистических размышлений а, скорее, таких моральных вопросов, как свободная воля и пределы мысли¹⁰. Употребляя современную терминологию, можно сказать, что в подавляющем большинстве случаев центром интереса таких деятелей становится комиссивный речевой акт обещания, который часто был неотъемлемым и фиксированным компонентом таких текстовых жанров (типичных в те времена), как завещания и акты пожертвования. Например, в очерке М.-Е. Конте (CONTE 1983: 98) упоминается трактат «О Справедливости и Праве» (*De iustitia et iure*, 1605), сочиненный фламандским иезуитским богословом Леонардусом Лессиусом (Lenaert Leys), в котором читается, что “*Qui enim dicit: promitto tibi, do tibi, non solum significat internam cogitationem et affectum dandi, sed etiam ipsum actum donationis et promissionis [...] formaliter consistit*”¹¹.

Комиссивный речевой акт обещания занимает особое место в философской дискуссии о «перформативных» высказываниях и является единственным лейтмотивом тематических исследований этих веков, даже после появления и становления философского направления картезианства, которое, как известно, постулирует неразрешимый перелом между внешней действительностью (*res extensa*) и внутренней мыслью (*res cogitans*), практически отрицая тем самым взаимосвязь речи и действия. К тому же интересно заметить, что именно акт обещания неслучайно находится в центре первых лингвистических исследований, посвященных «перформативным» высказываниям, которые развиваются в молодой словенской аспектологии рубежа XIX и XX веков. Перейдем теперь к обсуждению этих работ.

¹⁰ Интересно заметить, что именно на таких существенных вопросах, тесно связанных с внутренним миром человека и правилами окружающей его среды, сосредоточатся лингвисты и философы в последнюю фазу исследований проблемной группы Логический анализ языка (см. §1.4.3).

¹¹ “В самом деле человек, который говорит: «Обещаю тебе, даю тебе», не только выражает свое намерение и свою расположенность к пожертвованию, но и формализирует сам акт пожертвования и обещания” (перевод наш – М. Б.).

1.2. Первый лингвистический поворот

В этом разделе мы сначала обратимся к ряду публикаций, обсуждавших проблему «перформативных» высказываний уже в конце XIX века (§1.2.1), а потом продолжим анализ некоторых из самых важных тематических исследований последующих десятилетий (§1.2.2).

1.2.1. Первые лингвистические шаги в Словении: С. Шкрабец

Как отмечают И. Жагар и М. Гргич в своей монографии, XIX век можно считать золотой эрой словенского языкознания, чрезвычайно плодотворным периодом, в который появилось больше дюжины грамматик (в том числе *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: Lautlehre und Formenlehre* Ф. Миклошича, впервые опубликованная в четырех томах между 1852 и 1875 годами)¹², а также немецко-словенский словарь М. Плетершника (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 67–68).

Поэтому не удивительно, что именно в словенской культурной среде (которая в то время еще была частью Австро-Венгерской империи) тему «перформативных» высказываний первым¹³ выдвинул на передний план францисканский монах и преподаватель С. Шкрабец, который с 1887 года стал публиковать свои замечания о словенском языке на обложке обительского вестника *Cvetje z vrtov sv. Franciska* («Цветы из садов св. Франциска»)¹⁴. Эти (все еще элементарные) исследования, хотя в то время не очень известные вне славянского ареала (по всей вероятности, потому что они полностью написаны на словенском языке), все-таки содержат информативные составляющие, весьма важные для истории терминологического и теоретического развития проблематики «перформативных» высказываний и «перформативов».

Во-первых, в них впервые проводится чисто лингвистический анализ материала естественного языка, сначала сформулированный на уровне морфосинтаксиса (т.е. видовременных свойств глагольных форм), а потом в ином теоретическом плане, касающемся уровня высказывания (т.е. близком к современной прагматике, хотя, по-видимому, сам термин

¹² Несомненно, тезисы, обоснованные в сопоставительной грамматике Ф. Миклошича, в течение длительного времени влияли на словенское языкознание, являясь большим источником вдохновения и для С. Шкрабца (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 98).

¹³ Актуальность темы, однако, во второй половине XIX века уже признали такие словенские языковеды, как Й. Навратил и Й. Шолар, так что нельзя сказать, что исследования С. Шкрабца и его современников появились из ниоткуда (ВОЙВОДИЧ 2015: 27).

¹⁴ В диссертации мы сосредоточимся особенно на работах, написанных между 1906 и 1912 годами в качестве ответа на замечания языковеда Л. Пинтара (ŠKRABEC 1906-1912). Другие статьи С. Шкрабца, а также статьи его научных оппонентов, цитируются по монографии (ŽAGAR, GRGIČ 2011).

прагматика никогда не употреблялся). Конечно, такой анализ не был бескорыстным, ведь монах начал заниматься проблемой для того, чтобы обучить верующих эффективнее пользоваться своим языком (напр. отвергая формы, которые он считал ненормативными, т.е. латинизмами или германизмами), и тем самым эффективнее молиться. Однако стоит подчеркнуть, что никто до того момента не обращал внимания на тему с точки зрения морфосинтаксиса «перформативов», не говоря уже об аспекте ненормативной перспективы устного языка.

Во-вторых, в область интереса автора попадает славянский язык, а именно словенский, который ставит перед ученым специфические видовременные проблемы, в том числе трехчленное видовременное колебание между презенсом несовершенного вида (През^{HCB}, типа *obljubljam* ‘обещаю’), презенсом совершенного вида (През^{CB}, типа *obljubim* – в том же значении: ‘обещаю’) и частично синонимической его формой будущего совершенного вида (Фут^{CB}, типа *bom obljudil* ‘пообещаю’)¹⁵. Итак, словенский язык ведет себя своеобразно по сравнению с языками, которые с большей частотностью встречаются в поздней философской и лингвистической литературе, напр. с английским (см. §1.3).

В-третьих, замечания С. Шкрабца вызвали оживленную дискуссию в научных кругах того времени, таким образом побудив других лингвистов и мыслителей того времени (как, напр., Л. Пинтара, В. Бежека, Р. Перушка, Й. Менцея и др.) занять ту или иную позицию.

Хотя трудно обобщить содержание и направленность дискуссии в двух словах¹⁶, можно все-таки выявить некоторые важные моменты, вращающиеся вокруг следующих вопросов: 1) вид и время «перформативных» глаголов; 2) типы «перформативных» глаголов; 3) семантические свойства «перформативных» высказываний.

Что касается первого вопроса, в своих ранних публикациях С. Шкрабец определяет словенский През^{CB} как *aoristus gnomicus*, т.е. чисто видовую форму, нелокализованную на временной оси¹⁷. Но как же объяснить тогда существование перформативных высказываний с

¹⁵ Хотя форма Фут^{CB} никогда не употребляется в перформативных высказываниях, фитиль целой дискуссии поджег именно основной вопрос, приемлемым ли грамматически является футуральное употребление словенского През^{CB} (*obljubim*) вместо будущего совершенного вида (*bom obljudil*). Надо еще добавить, что такое употребление в то время было уже распространено в некоторых районах страны, прилегающих к современным Италии и Венгрии (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 47).

¹⁶ Обширное обсуждение вопроса можно найти, в частности, в ŽAGAR 2009 и ŽAGAR 2011, а также в последующей монографии (ŽAGAR, GRGIČ 2011).

¹⁷ В. Бежек соглашается с этой точкой зрения (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 111–112) и даже Л. Пинтар в некоторой степени признает, что «перформативы» только «голые факты», для которых ключевым семантическим признаком является не их дуративность, а терминативность, достижение их внутреннего предела. В Бежек и Р. Перушек, однако, противоречат Л. Пинтару в том утверждении, что любой (речевой) акт сам по себе должен разворачиваться и длиться некоторый промежуток времени. Такое утверждение в свою очередь отвергнуто С. Шкрабцем, который пишет, что в любом обещании (точнее, в любом речевом акте обещания) отсутствует какой-нибудь ощутимый компонент темпоральности (см. детали в ŽAGAR, GRGIČ 2011: 93–145).

През^{CB} типа *jaz obljubim* ‘я обещаю’ (букв. ‘Я пообещаю’) в которых речь явно совпадает и отождествляется с действием? С одной стороны, С. Шкрабец пишет, что употребление През^{CB} в перформативных высказываниях излишне (напр. человеку, который кланяется перед своим собеседником, совсем не нужно описывать акт поклонения), а с другой стороны сознает, что и употребление През^{HCB} (*praesens narrativum*) во многих случаях неуместно, потому что не делается акцент на том, что ситуация в целом достигла своего внутреннего предела (высказыванием обещания осуществляется само обещание). Только в более поздних статьях С. Шкрабец признает, что употребление През^{CB} в перформативных высказываниях не является ни грамматической порчей, ни заимствованием из латинского или немецкого языка¹⁸, скорее речь идет об обычном и, по крайней мере в некоторых случаях, единственно возможном явлении словенского языка (даже с особым учетом диахронических данных, об этом см. §3.1). С. Шкрабец называет През^{CB} в перформативных высказываниях *praesens effectivum*¹⁹, т.е. особым употреблением настоящего времени которое при определенных условиях может указывать на осуществление самого акта, т.е. на совпадение речи и действия.

Что касается второго вопроса, хотя никто из участвующих в полемике не предоставляет в распоряжение оппонентов определенный список «перформативов», надо подчеркнуть, что сам С. Шкрабец в некоторых местах своей аргументации приводит в виде примеров глаголы СВ, которые часто встречаются в перформативных высказываниях, вроде *obljubim* ‘обещаю’²⁰ (букв. ‘пообещаю’), *zahvalim se* ‘благодарю’ (букв. ‘поблагодарю’)²¹, *zagotovim* ‘заверяю’ (букв. ‘заверю’), *zapovem* ‘приказываю’ (букв. ‘прикажу’), *prekličem* ‘отменяю’ (букв. ‘отменю’), *ukažem* ‘повелеваю’ [букв. ‘(по)велю’], *sklenem* ‘заканчиваю’ (букв. ‘закончу’), *zavežem se* ‘обязываюсь’ (букв. ‘обязжусь’), *zarotim se* ‘заклинаю’ (букв. ‘заклянусь’), *odpovem se* ‘отказываюсь’ (букв. ‘откажусь’), *izpovem se* ‘исповедаюсь’^{HCB} (букв. ‘исповедаюсь’^{CB}) (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 50–51). Никакой претензии на создание последовательной таксономии в замечаниях С. Шкрабца нет, хотя вызывает интерес тот факт, что многие из этих глаголов

¹⁸ Сам Ф. Миклошич считал, что на необычную распространенность словенского През^{CB} в главных предложениях (*ein uraltes Verderbnis* или, в словенском переводе, *prastara pokvarjenost* ‘древнейшая порча’) повлиял немецкий язык (PILA 2012: 13). Для переобсуждения этой точки зрения см. §3.1.1 и §6.4.

¹⁹ Интересно заметить, что Л. Пинтар называет *praesens instans* то, что для С. Шкрабца является *praesens effectivum*, в то время как *praesens effectivum* Л. Пинтара является *praesens narrativum* С. Шкрабца (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 134–136).

²⁰ Заметим, что с функциональной точки зрения русскому НП^{CB}, которое в современном языке употребляется прежде всего как будущее время, не вполне соответствует словенский През^{CB}, который, наоборот, сохранил на первом месте свое значение неактуального настоящего (DERGANC 1998; DERGANC 2003; DERGANC 2010). Итак, первый русский перевод со словенского (с глаголами в Наст^{HCB}) является чисто смысловым переводом, а второй (с глаголами в НП^{CB}) скорее придерживается формальных сходств между видовременными словоформами.

²¹ В настоящей диссертации, однако, глаголы вроде *благодарить*^{HCB}/*поблагодарить*^{CB} мы будем считать делективными, а не чисто перформативными (см. обсуждение такого различия в §2.1.1).

попадут в центр внимания философских и лингвистических исследований второй половины XX века.

Что касается третьего вопроса, а именно какие семантические свойства присущи только «перформативным» высказываниям, очень интересно заметить, что уже в 1911 году С. Шкрабец, отвечая на полемическую статью Р. Перушка об употреблении вида в акте исповеди, утверждает, что действенность исповеди не опирается исключительно на правильный выбор вида (*dajem*^{HCВ} <obvezo> наряду с *dam*^{CB} <obvezo> ‘отпустить <грехи>’), но в основном зависит от намерения и авторитета назначенного исповедника (который, как правило, совпадает с автором высказывания, что объясняет, почему «перформативы» часто используются в 1-м л. ед. ч., т.е. употребляются в *эгоцентрических* высказываниях). Итак, пользуясь остиновской терминологией, можно сказать, что «перформативное» высказывание, чтобы быть эффективным, должно удовлетворять т.н. *условиям успешности*. С. Шкрабец эскизно сформулировал эти условия еще за полвека до появления и популяризации остиновских лекций (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 54–55).

К сожалению, можно предположить, что такие замечания, какими бы интересными и по-своему новаторскими они ни были, не имели широкого распространения в лингвистических кругах Словении и остались почти незамеченными за границей, особенно в западноевропейском языкознании (если не учесть по поводу данного вопроса комментарии Э. Кошмидера и его ссылки на работы С. Шкрабца в 30-е годы XX века)²², что сильно препятствовало процессу теоретической разработки проблематики. Значение наследия С. Шкрабца и его современников было вновь оценено только через столетие – к концу 80-х годов XX века.

1.2.2. Исследования последующих десятилетий: Э. Кошмидер, А. Мусич, В. В. Виноградов

Показательно, что в течение последующих десятилетий (редкие) исследования «перформативов» и «перформативных» высказываний проводились по-прежнему на материале славянских языков, в том числе польского, словенского и (хотя в значительно меньшей мере) русского.

²² По этому поводу интересно заметить, что все-таки существует тонкая грань между С. Шкрабцем, Э. Кошмидером и А. В. Бондарко насчет вопроса видовременного маркирования перформативов в славянских языках. Поскольку А. В. Бондарко в своих работах часто ссылается на исследования Э. Кошмидера, который, в свою очередь, упоминает исследования С. Шкрабца, можно сказать, что наследие С. Шкрабца проделало путь все до советских аспектологических исследований 70-х годов. Благодарю Александру Дерганц за совместное обсуждение этого вопроса.

В славистической литературе (напр. в КРАСИНА 1999: 86–88) часто встречается утверждение, что первенство в открытии явления «перформативности» принадлежит Э. Кошмидеру²³, который первым рассматривал явление «коинциденции»²⁴ (в оригинале – *Koinzidenzfall*, в польском переводе – *koincydencja*) в типологии – точнее на материале разных славянских языков, а также немецкого и иврита. Но все же неверно утверждать, что Э. Кошмидер первым исследовал и определил видовременные свойства «перформативов» («первоначальность», если так можно сказать, принадлежит С. Шкрабцу). С другой стороны, с уверенностью можно утверждать, что оригинальная работа Э. Кошмидера отличается научной строгостью и попыткой истолковать все данные только в рамках лингвистической теории, не прибегая к внелингвистическим объяснениям.

В своей монографии, в которой рассматривается и вопрос «перформативов» (KOSCHMIEDER 1934: 108–114) автор отмечает, что «случаи коинциденции» (иными словами, перформативные высказывания) ограничиваются некоторыми глаголами речи в 1-м л. ед. ч., которые могут сочетаться с дейктиками вроде нем. *hiermit* (англ. *hereby*) и для которых видовременной форме настоящего НСВ (типа *proszę* ‘прошу’, *przyznaję się* ‘признаюсь’) в одном и том же контексте противопоставляется видовременная форма непрошедшего СВ (типа *poproszę*, букв. ‘попрошу’, *przyznam się*, букв. ‘признаюсь’). Даже если в польском языке формы непрошедшего СВ, как, в прочем, и в других севернославянских языках (напр. в русском), регулярно переосмысливаются как формы будущего, Э. Кошмидер отвергает идею о том, что в случаях «коинциденции» с формами непрошедшего СВ выражается будущее значение²⁵. По мнению автора, семантическое различие между непрошедшим СВ и настоящим НСВ в данном контексте надо приписать к модальному толкованию события: к семантике непрошедшего СВ часто приращиваются такие скрытые модальные компоненты, как неактуальность события (*przysięgnę*, букв. ‘присягну’, в смысле *mógłbym <przysiąc>* ‘я мог бы

²³ Переобсуждение решающей роли Э. Кошмидера в формулировании теории речевых актов очерчено в КЕСК, STUBBS 1984.

²⁴ Кошмидер определяет явление «коинциденции» следующим образом: “Przez koincydencję rozumiem tu wypadek specjalny, w którym samo wypowiedzenie danego słowa w teraźniejszości jest równocześnie tą czynnością, o której się w danym czasowniku mówi” (KOSCHMIEDER 1934: 109).

²⁵ По мнению автора, о несовместимости перфективных «перформативов» и будущего времени свидетельствуют два ключевых фактора: возможность вставить форму настоящего СВ в виде автокомментария главного высказывания, т.е. в виде парентетической конструкции (*Jesteś głupi. Tyle ci powiem^{CB}!*) и осязаемое семантическое различие между случаями «коинциденции» (*A teraz poproszę^{CB} o odprowadzenie mnie do powozu*) и «чистым» будущим (*A jakbym ja nic nie wskórała u ojca, to jeszcze Wandzi poproszę^{CB}. Ojciec ją bardzo lubi*) (KOSCHMIEDER 1934: 111). Однако надо добавить, что первое доказательство не является убедительным по двум причинам. Во-первых, на семантическом уровне глагол СВ *powiedzieć* либо входит в парентетическую структуру, либо выражает только квазиперформативное значение (ср. рус. *сказать^{CB}*, с-х. *kazati^{ДВ}* и т.д.). Во-вторых, на синтаксическом уровне замечание о последовательной позиции «перформативного» глагола явно сталкивается с возможностью синтаксического передвижения некоторых синтагм, т.е. с существованием иерархической синтаксической структуры (об этом см. также §2.4.2).

присягнуть'), воля и/или намерение говорящего (*poproszę* в смысле *chciałbym* <*poprosić*> 'хотел попросить') и т.д., так что настоящие случаи «коинциденции» (т.е. настоящие перформативные высказывания) реализуются только с формами настоящего НСВ²⁶.

На обширное исследование Э. Кошмидера через несколько лет очевидно откликается статья хорватского лингвиста-филолога А. Мусича о «словенском эффективном презенсе» (MUSIĆ 1935), который он не считает германизмом (противопоставляя таким образом свое мнение мнениям Ф. Миклошича и его современников), а скорее всего формой прасловенского происхождения (подкрепляя тем самым гипотезу, выдвинутую «поздним» С. Шкрабцем).

Приводя примеры из словенских народных песен, А. Мусич отмечает, что «эффективный презенс» глаголов СВ, который обычно реализуется в 1-м л. ед. ч., относится к плану «более широкого» настоящего, т.е. предполагает тесное соотношение с предыдущим действием, выраженным формой настоящего времени глаголов НСВ (который относится к плану «более узкого» настоящего). В семантику «эффективного презенса»²⁷ включен не только момент высказывания, но еще и последующие будущие моменты, где действие, выраженное формой презенса глаголов СВ, достигает своего внутреннего предела. Итак, През^{СВ} определяется как частный случай Наст^{НСВ}²⁸ (*“Tako n. pr. tko vidi, da jabuka pada s drveta, može reći: slov. Zdaj jabolko pade (= past će) z drevesa”*, MUSIĆ 1935: 169).

Этими особенностями, по мнению автора, «эффективный презенс» глаголов СВ значительно приближается к греческому аористу²⁹ (ср. с *aoristus gnomicus* Шкрабца). В тех

²⁶ Неслучайно, в пользу своей теории Э. Кошмидер цитирует также исследования С. Шкрабца о словенском *praesens effectivum* и о латышском языке (KOSCHMIEDER 1934: 113). К вышесказанному еще добавим, что в рамках лингвистической теории Э. Кошмидера *Koinzidenzfall* совпадает с *praesens effectivum* С. Шкрабца, а *Berichtspraesens* ('соотносительный презенс') – с *praesens narrativum*.

²⁷ Для такого употребления настоящего СВ А. Мусич старается найти название, но подходящего термина так и не находит. Однако в продолжении аргументации он упоминает схожие по используемому методу исследования С. Шкрабца (на материале верхне- и нижнелужицкого языков) и Э. Кошмидера (на материале польского языка) (MUSIĆ 1935: 171–173).

²⁸ Замечания А. Мусича перекликаются с описанием словенского През^{СВ}, которое Л. Пинтар предложил в статье, написанной в 1910 году (ŽAGAR, GRGIĆ 2011: 51–52). Л. Пинтар утверждает, что в словенском языке През^{СВ} является частной реализацией «общей» семантики През^{НСВ}, учитывая, что През^{СВ} допускает выражение (модального) отношения говорящего к своему высказыванию. Итак, по мнению автора, словенский През^{СВ} по всей вероятности отличается от През^{НСВ} присутствием осязаемого модального компонента (т.е. выражением модуса, в том понимании, которое дается напр. в АЛИСОВА 1971) и различным таксономическим положением. Эту точку зрения разделяет и С. Шкрабец, который утверждает, что разница между предложениями *To kravo prodajam* 'Продаю эту корову' и *To kravo prodam*, букв. 'Продам эту корову', обоснована (во втором примере) на выявлении внутренней расположенности говорящего к завершению продажи. Это объяснило бы, почему в рассуждении А. Мусича формы настоящего СВ сохраняют отчетливые модальные оттенки [напр. *izročim* 'поручу' в смысле *bodem izročil, moram (/ imam) <izročiti>* 'должен (/ приходится) <поручить>']. В ходе сопоставления хорватский языковед приводит также небольшое число соответствующих примеров из кайкавского диалекта, который, как известно, по структуре очень близок словенскому языку (MUSIĆ 1935: 172).

²⁹ Точнее, А. Мусич утверждает, отсылая к предыдущей работе Й. Шолара, что аналогия между словенским «эффективным презенсом» и греческим аористом действительна только для тех глаголов, в семантику которых «включено» само действие (*obljubiti* 'пообещать', *ukazati* 'приказать', *zapovedati* '(по)велеть', *odpovedati se* 'отказаться'), в то время как През^{СВ} глаголов, «вводящих» действие (*reči* 'сказать', *povedati* 'рассказать'), представляет скорее всего актуальную аналогию с греческим и латинским будущим (MUSIĆ 1935: 173). Это

славянских языках, в которых аорист до сих пор еще сохраняется (напр. в сербскохорватском), единственное различие между «эффективным презенсом» [напр. от глагола *umr(ij)eti* ‘умереть’ – *umr(ij)em*] и аористом [*umr(ij)eh*] лежит в частной темпоральной связи, установленной глаголом СВ с глаголом НСВ: в первом случае действие, выраженное глаголом СВ, происходит и завершается после действия, выраженного глаголом НСВ (т.е. глагол СВ обладает футуральной перспективой), а во втором случае ситуация является обратной (т.е. глагол СВ обладает претеритальной перспективой)³⁰ (Musić 1935: 177).

Хотя в очерке А. Мусича имеется множество интересных замечаний (к которым ученые последующих десятилетий, даже бессознательно, будут много раз возвращаться), можно сказать, что именно после этой работы исследования над морфосинтаксисом «перформативных» глаголов и анализ их видовременных свойств просто останавливаются. Среди редких исключений, особое место занимает грамматика академика В. В. Виноградова, изданная в 1947 году, где впервые упоминается (хотя вскользь) проблематика «перформативов» в русском языке. При обсуждении форм «настоящего-будущего времени совершенного вида», автор пишет (текст выделен курсивом в оригинале):

Сочетание значения настоящего времени со значениями совершенного вида приводит к значению непосредственно предстоящего действия. В таких случаях форма будущего времени обозначает действие, наступление или исполнение которого совпадает с моментом речи. Ведь будущее иногда наступает так быстро, что осуществление результата действия может совпасть с самим моментом речи. Таковы, например, формы будущего времени в разговорных выражениях: *А я вам скажу, что...*; *я позволю себе сказать, что...*; *доложу вам*; *попрошу вас*; *не пожелаете ли*; *не будет ли угодно* и т. п.

(Виноградов 2001⁴: 468)

Заметим, что, наряду с (не совсем правдоподобным) намеком автора на «разговорный» характер таких выражений, в описании вразброс смешаны разные синтаксические структуры: квазиперформативные высказывания (*А я вам скажу, что...*), перформативные высказывания (*я позволю себе сказать, что...*; *доложу вам*; *попрошу вас*), косвенные речевые акты (*не пожелаете ли*) и т.д. Это явно свидетельствует о тогдашнем отсутствии формальной модели

семантико-логическое разделение очень напоминает различие между тетическими и ретическими перформативами (см. заметки о терминологии в §2.6).

³⁰ О «перформативном» употреблении греческого аориста, которое характерно для языка эпоса и трагедии (в формах как напр. ὀνομάζην > през. ὀνομαί ‘презираю’; ср. §3.1.1), см. примеры, перечисленные в BARY 2012 и WILLI 2018: 381–384.

для обнаружения и анализа характеристик «перформативов» и «перформативных» высказываний³¹.

Не выраженный эксплицитно, интерес к теме «перформативов», конечно, не угас, а начиная со второй половины 40-х годов XX века произошел новый методологический поворот: переход от языкознания к философии (и соответственно – от лингвистического понятия «перформатив» к философскому обсуждению понятия «перформативное высказывание»), а также максимальная популяризация проблематики благодаря работе философов оксфордского круга.

1.3. Возвращение к философии сознания и подъем философии обыденного языка

Б. Рассел, один из самых выдающихся научных деятелей своего времени, часто упоминается в качестве представителя и первооткрывателя³² т.н. аналитической философии³³ XX века, в связи с его работами, посвященными логическому анализу естественных языков. Хотя Рассел в своей научной деятельности никогда прямо не рассматривал проблему перформативных высказываний и перформативов, в некоторых из своих работ³⁴ он проводит углубленный анализ тех высказываний, грамматическая приемлемость которых не зависит от их логической структуры, т.е. от существования определенного значения истинности [напр., предложение *Нынешний король Франции (не) лыс* не само собой ложно – ложно только предположение о существовании положения дел, о которых говорится в предложении, т.е. ложна импликатура *Ныне существует король Франции*³⁵: см. ПАДУЧЕВА 2010⁵: 12–18].

³¹ Путаница будет еще долго продолжаться в исследованиях последующих лет, особенно в тех работах, где видовременная система русского языка описана без использования надежных формальных критериев (как, напр., в ПОСПЕЛОВ 1955).

³² Здесь из-за ограниченного объема текста исследования мы вынуждены оставить в стороне обсуждение деятельности У. Куайна, который также считается одним из самых важных деятелей аналитической философии XX века, особенно учитывая его работы о денотации интенциональных и экстенциональных выражений и значении истинности высказываний в естественных языках.

³³ Напомним, что в настоящей диссертационной работе под «аналитической философией» подразумевается только группа теоретических направлений, развивавшихся в философии в период с конца XIX до первой половины XX века.

³⁴ См., напр., известнейшую статью о денотации (RUSSELL 1905), которая до сих пор считается краеугольным камнем для логических и семантических исследований последних десятилетий.

³⁵ Однако против этой точки зрения, как известно, аргументированно выступает в пользу признаваемой статье П. С. Стросона (STRAWSON 1950), который утверждает, что существует онтологическое различие между предложением (т.е. абстрактным логическим механизмом, значение истинности которого остается неопределяемым вне конкретного контекста употребления) и ассерцией (т.е. утверждением, одним из возможных видов, которые может приобрести предложение – или, употребляя остиновско-серлевскую терминологию, одной из иллюкутивных сил, которую может приобрести локутивный акт).

Итак, если логическая структура предложения иногда расходится с его грамматической приемлемостью, это значит, что денотативная функция языка не бывает такой четкой. Она является только одной из возможных функций, присущих языковой коммуникации в целом. Это важнейшее предположение значительно развивается в поздних работах одного из самых известных и влиятельных учеников Б. Рассела, философа и логика Л. Витгенштейна, который с конца 30-х до начала 50-х годов прошлого века жил в Кембридже и там работал в должности профессора³⁶. В его «Философских исследованиях», впервые изданных посмертно в 1953 году и созданных в виде загадочных записок, излагается идея о том, что язык в самом деле является совокупностью *языковых игр*, т.е. набором общепринятых правил, на основе (и при принятии) которых любое высказывание приобретает определенный смысл. В одном известном отрывке (№ 23) своего трактата Л. Витгенштейн пишет так:

Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? — Имеется *бесчисленное* множество таких типов — бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются. (*Приблизительную картину* этого процесса способны дать нам изменения в математике.) Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни.

(ВИТГЕНШТЕЙН 1994: 90)

Такие идеи, хотя и не новы в абсолютном смысле слова (социальный, точнее идеологический, и вечно изменяющийся характер языкового знака и языковой коммуникации уже обсуждались в конце 20-х годов в совместном очерке М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова)³⁷, но все же указывают на два ключевых момента развития аналитической философии и последующего перехода к философии «обыденного языка» (который достигнет своего завершения именно в 50-е годы XX века).

³⁶ О связях между идеями, выраженными Л. Витгенштейном в его «Логико-философском трактате», и позициями, занятыми членами Венского кружка (которые из-за ограниченного объема текста диссертации мы здесь не можем детально обсуждать), см. WOLEŃSKI, KÖHLER 1999.

³⁷ В известном и влиятельном очерке «Марксизм и философия языка» содержатся, в частности, следующие замечания (текст, выделенный курсивом, соответствует оригиналу): «*Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями. [...] Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического). Но это непрерывное речевое общение само, в свою очередь, является лишь моментом непрерывного всестороннего становления данного социального коллектива [...] Никогда речевое общение не сможет быть понято и объяснено вне этой связи с конкретной ситуацией*» (ВОЛОШИНОВ 1929: 96–97).

Первый момент в анализе Л. Витгенштейна, разумеется, представляет собой подчеркивание активной роли говорящего в определении и перекраивании новых (контекстуально обусловленных) значений, приобретенных определенным лингвистическим знаком. Формально, одно и то же высказывание может получать разнообразные (экстенциональные) толкования, в зависимости от конкретных условий, при которых происходит языковая коммуникация³⁸. Иными словами, язык не является «застывшим» организмом, который можно изучать только извне. Напротив, он представляет собой мощное средство преобразования форм знания, которое воздействует на когнитивные (тем самым лингвистические) представления³⁹.

Второй и даже более важный момент в анализе Л. Витгенштейна можно обобщить следующим образом: если верно, что языковая коммуникация имеет полифункциональный характер и значение одних и тех же языковых единиц меняется в зависимости от контекста и конкретной ситуации, это значит, что строгое картезианское разделение между внешней действительностью (*res extensa*) и внутренней мыслью (*res cogitans*) практически утрачивает свой смысл. Другими словами, этот отрывок из трактата Л. Витгенштейна может служить доказательством того, что в самом деле действительность и мысль, хотя и принадлежат к разным планам, не только связаны, но и влияют друг на друга.

Решительное опровержение картезианства, интерес к которому к тому времени уже стал уменьшаться, является отличительной чертой не только работы Л. Витгенштейна, но и исследований его современников и коллег в Кембридже, в том числе Г. Райла. Самая известная его монография, написанная в те же годы, когда Л. Витгенштейн писал свои «Исследования», считается одним из учредительных актов новой философии сознания (RYLE 2009²). Книга посвящена именно новому обсуждению картезианского взаимоотношения между действительностью и мыслью, представляющими собой, по мнению автора, две различные логические категории, которые в общем нельзя сопоставлять друг с другом. Г. Райл, в своем пронзительном стиле, говорит о существовании догмы «духа в машине» (*ghost in the machine*):

When two terms belong to the same category, it is proper to construct conjunctive propositions embodying them. Thus a

³⁸ Л. Витгенштейн вскользь упоминает некоторые примеры контекстуально зависимых толкований таких эллиптических восклицательных высказываний, как *Воды!*, *Прочь!*, *Ой!*, *На помощь!*, *Прекрасно!*, *Нет!*, смысл и функция которых колеблется в зависимости от данного контекста (ВИТГЕНШТЕЙН 1994: 91–92). Это предположение, которое некоторым образом восходит к логическому различию между смыслом (*Sinn*) и значением (*Bedeutung*) в именных выражениях, предложенному Г. Фреге, можно считать зародышем остиновской формулировки понятия «имплицитных» перформативов (см. дальше в этом параграфе).

³⁹ Отсюда, напр., происходит и понятие «семейных сходств» (*Familienähnlichkeiten*), которое в некоторой степени можно считать предшественником относящегося к когнитивной психологии понятия прототипов (ВИТГЕНШТЕЙН 1994: 111).

purchaser may say that he bought a left-hand glove and a right-hand glove, but not that he bought a left-hand glove, a right-hand glove and a pair of gloves. 'She came home in a flood of tears and a sedan-chair' is a well-known joke based on the absurdity of conjoining terms of different types. [...] Now the dogma of the Ghost in the Machine does just this. It maintains that there exist both bodies and minds; that there occur physical processes and mental processes; that there are mechanical causes of corporeal movements and mental causes of corporeal movements. I shall argue that these and other analogous conjunctions are absurd; but, it must be noticed, the argument will not show that either of the illegitimately conjoined propositions is absurd in itself.

(RYLE 2009²: 11)

В другом отрывке своей монографии Г. Райл сосредоточивается на известной проблеме логической денотации психологических понятий, а точнее на внешнем приписывании любому лицу психологических состояний и деятельностей, которые, однако, по картезианству должны были бы быть доступны только носителю чувств и восприятий, т.е. самому экспериенцеру, что явно приведет к противоречиям. Иначе говоря, не надо постулировать существование каких-либо скрытых ментальных процессов, с которыми описание и/или приписывание таких психологических состояний и деятельностей обязательно совпали бы. Употреблением «обыденного» языка просто выражается *значение лингвистических единиц*. Такое употребление никак не связано с употреблением философского, т.е. своеобразного языка:

When someone is described as knowing, believing or guessing something, as hoping, dreading, intending or shirking something, as designing this or being amused at that, these verbs are supposed to denote the occurrence of specific modifications in his (to us) occult stream of consciousness. Only his own privileged access to this stream in direct awareness and introspection could provide authentic testimony that these mental-conduct verbs were correctly or incorrectly applied. The onlooker, be he teacher, critic, biographer or friend, can never assure himself that his comments have any vestige of truth. Yet it was just because we do in fact all know how to make such comments, make them with general correctness and correct them when they turn out to be confused or mistaken, that philosophers found it necessary to construct their theories of the nature and place of minds. Finding mental-conduct concepts being regularly and effectively used, they properly sought to fix their logical geography. But the logical geography officially recommended would entail that there could be no regular or effective use of these mental-conduct concepts in our descriptions of, and prescriptions for, other people's minds.

(RYLE 2009²: 5)

Самым важным вкладом оксфордского аналитического круга в философские языковые рассуждения прошлого века является создание новой философской парадигмы,

противопоставленной картезианству. Таким образом, ощущение неадекватности картезианской модели и потребность в обновленном разъяснении отношений между действительностью и мыслью являются самыми важными предпосылками, обуславливающими развитие философии обыденного языка и прокладывающими путь к дальнейшим исследованиям Дж. Л. Остина.

Оксфордско-гарвардские лекции Дж. Остина (наиболее важные моменты которых, по признанию самого автора, стали вырисовываться уже в 1939 году) можно считать, в некоторой степени, завершающим этапом мыслительного процесса, развитие которого во многом совпадает с развитием исследуемой нами проблематики. В аргументацию английского философа входят не только риторическая и понятийная модель Аристотеля (который как раз является его главным источником вдохновения), но и общая концепция обыденного языка, разработанная Л. Витгенштейном и Г. Райлом и фокусирующаяся на обретенной центральности высказывания. Вдобавок, хотя неосознанно, в исследовании Дж. Остина отражаются даже замечания о «перформативных» высказываниях и «перформативах», которые филологи и лингвисты предшествующих десятилетий (в том числе С. Шкрабец и Э. Кошмидер) делали относительно славянских языков.

Неудивительно, что отправной точкой остиновской аргументации является именно аристотелевское различие между «апофантическими» и «семантическими» высказываниями (см. §1.1). Надо добавить, однако, что придуманная и использованная Дж. Остином таксономия не полностью совпадает с аристотелевской. Точнее, Дж. Остин осознает выявление логических различий между «констативными» и «неконстативными» высказываниями. «Неконстативные» высказывания отличаются не только неопределенным значением истинности (как аристотелевские «семантические» высказывания, см. первый пункт нижеприведенной выдержки), но и совсем своеобразной характеристикой, т.е. отождествлением речи и действия путем произнесения соответствующего высказывания (см. второй пункт выдержки). Иными словами, остиновские «неконстативные» высказывания являются подмножеством по отношению к аристотелевским «семантическим» высказываниям, не включающим, напр., будущие контингенты. В нижеуказанном отрывке еще отметим, что, среди прочего, очерчены и характеристики прототипического перформатива, уже предложенные Кошмидером (т.е. «тривиальные» глаголы в 1-м л. ед. ч. наст. вр. из. накл. дейст. зал.):

We shall take, then, for our first examples some utterances which can fall into no hitherto recognized grammatical category save that of 'statement', which are not nonsense, and which contain none of those verbal danger signals which philosophers

have by now detected or think they have detected (curious words like 'good' or 'all', suspect auxiliaries like 'ought' or 'can', and dubious constructions like the hypothetical): all will have, as it happens, humdrum verbs in the first person singular present indicative active. Utterances can be found, satisfying these conditions, yet such that

A. they do not 'describe' or 'report' or constate anything at all, are not 'true or false'; and

B. the uttering of the sentence is, or is a part of, the doing of an action, which again would not normally be described as saying something.

(AUSTIN 1975²: 4–5)

В продолжение Дж. Остин предлагает назвать такие неконстативные высказывания *перформативными* (это первый раз, насколько нам известно, когда термин употребляется в этом определенном смысле):

What are we to call a sentence or an utterance of this type? I propose to call it a performative sentence or a performative utterance, or, for short, 'a performative'. The term 'performative' will be used in a variety of cognate ways and constructions, much as the term 'imperative' is. The name is derived, of course, from 'perform', the usual verb with the noun 'action': it indicates that the issuing of the utterance is the performing of an action – it is not normally thought of as just saying something.

(AUSTIN 1975²: 6–7)

Ключевым моментом в остиновской аргументации является последующее осознание того, что правильно сформулированные (т.е. грамматически приемлемые) высказывания могут все-таки оказаться неуместными в некоторых ситуациях, напр. если говорящий хочет назвать какой-то корабль именем «Товарищ Сталин», но ему не хватает полномочий (т.е. он не является назначенным лицом, следящим за процедурами) или, что еще хуже, он не следит за правильными процедурами (напр. после произнесения высказывания он не разбивает бутылку шампанского о борт корабля). Итак, при этих условиях высказывание больше не действительно. Для того чтобы оно было эффективным, оно должно удовлетворить т.н. условиям успешности (*felicity conditions*)⁴⁰. Дж. Остин указывает на обязательное присутствие трех условий. Во-первых, высказывание должно быть произнесено в рамках конвенциональной (т.е. общепринятой) процедуры с конвенциональным (т.е.

⁴⁰ В рамках некоторых теоретических моделей для анализа речевых актов (как, например, SEUREN 2009: 145) предполагалось, что условия успешности перформативных высказываний как раз вторглись в состав условий их истинности. Иными словами, невыполнение условий успешности перформативных высказываний автоматически приводит к отрицательному определению их значения истинности (т.е. высказывания приняли бы значение «ложь»).

общепризнанным) эффектом. Во-вторых, процедура должна быть выполнена назначенными и надлежащими лицами (напр. ребенка должен окрестить священник, а не мэр). В-третьих, все участники должны правильно и до конца выполнить процедуру, напр. крещение действует, только если по произнесении перформативного высказывания священник обливает ребенка водой⁴¹ (AUSTIN 1975²: 25–38).

Значительно более проблематичным является для Дж. Остина предварительное определение глаголов, которые служат главными предикатами в перформативных высказываниях. Это связано, в первую очередь, с отсутствием какой-либо отличительной черты, характеризующей только перформативные высказывания. Само логическое различие между констативными и перформативными высказываниями, как станет яснее в исследованиях последующих десятилетий, гораздо более расплывчатое, чем автору показалось в начале его аргументации, и даже присутствие перформатива в перформативном высказывании далеко не обязательно (AUSTIN 1975²: 55–66). В самом деле, употребление в разговорной речи «канонических» перформативных высказываний (т.е. тех, повторим, в которых находится морфофонологически реализованный на поверхности перформатив в 1-м л. ед. ч. наст. вр. из. накл. дейст. зал., напр. *I name this ship “Liberty”*) является достаточно редким и ограничивается (почти исключительно) весьма формальными контекстами, характеризующимися подчеркнутой торжественностью и высоким языковым стилем. Такие высказывания (и соответствующие перформативы) Дж. Остин называет *эксплицитными*. Автор предполагает, что именно в силу их функциональных ограничений (а также в силу того факта, что они присутствуют не во всех языках мира) вполне вероятно, что эксплицитные перформативные высказывания появились на более поздних этапах диахронического развития определенного языка (AUSTIN 1975²: 71). Иными словами, они, по всей вероятности, являются последующим, изысканным этапом развития более элементарных высказываний, в которых перформатив будто порождается только на уровне глубинной структуры и не всплывает на поверхность. Такие примитивные высказывания Дж. Остин называет *имплицитными* (AUSTIN 1975²: 32–33). В отличие от эксплицитных перформативных высказываний, иллокутивная сила которых никогда не является двусмысленной (напр. *Я обещаю, что скоро вернусь домой*

⁴¹ К вышесказанному прибавим еще, что существует сложная проблема *неискренности* перформативного высказывания, напр. когда говорящий перед собеседником обязывается подтвердить истинность своего высказывания (*Я тебе обещаю, что это никогда больше не случится*), а на самом деле не намеревается сдержать свое слово. Хотя несовпадение между речевым действием говорящего и его внутренним намерением трудноуловимо, можно безусловно сказать, что и в этих случаях перформативное высказывание не удовлетворяет условиям успешности и тем самым практически лишено действенности.

сохраняет свою иллокутивную силу обещания во всех контекстах его употребления)⁴², имплицитные перформативы можно всегда толковать по-разному в зависимости от присутствия разных лингвистических (напр., просодии, порядка слов, времени и наклонения глагола и т.д.) и нелингвистических (напр., жестикულიции) параметров. Итак, «голый» императив *Go!* не во всех случаях можно переформулировать путем эксплицитного перформативного высказывания *I order you to go* (напр., он может служить и приглашением, разрешением и т.д.), в то время как изолированное предложение *There is a bull in the field* может служить, в зависимости от конкретных условий его произнесения, косвенным репрезентативным иллокутивным актом ($\approx$ *I warn you that there is a bull in the field*) или чистым описанием релевантного для участников данной коммуникативной ситуации положения дел.

Разумеется, в обычных коммуникативных ситуациях разговорной речи отдается предпочтение употреблению имплицитных перформативов, преимущественно благодаря их непосредственности. Однако говорящий, употребляющий эксплицитные перформативы, может рассчитывать на их бóльшую семантическую прозрачность, что приводит к недвусмысленному толкованию их иллокутивной силы. В случае имплицитных перформативов, на самом деле, нередко возникают недоразумения между собеседниками: может быть, говорящий неудовлетворительно понимает процедуру произнесения высказывания и ввиду этого его собеседнику становится труднее распознать (и соответственно истолковать) иллокутивную силу исходного сообщения, особенно если перформатив дается как «скрытая» часть конврсационных импликатур. По этой причине такие высказывания, в принципе удовлетворяющие всем условиям успешности, являются все-таки неудачными (AUSTIN 1975²: 34; см. также SEUREN 2009: 143–155).

Эти замечания, наряду с попыткой Дж. Остина создать первую модель иллокутивных актов и с первой формулировкой грайсовских максим⁴³ (GRICE 1975), придали остиновским лекциям первостепенное значение в последующем развитии прагматических исследований о косвенных речевых актах⁴⁴. Ниже приводятся основные элементы остиновской модели иллокутивных актов, на которой заканчиваются его лекции.

⁴² Здесь, конечно, во внимание принимаются только изолированные токены «настоящих» перформативных высказываний, в то время как решающая роль контекста в определении их перформативного характера пока игнорируется (см. об этом §2.2).

⁴³ Модель грайсовских максим непосредственно происходит из предыдущей формулировки весьма влиятельного понятия «ненатурального» значения лингвистического сообщения (см. дальше и GRICE 1957).

⁴⁴ В лингвистической литературе (особенно в области синтаксиса и прагматики) существует множество исследований, сосредоточенных на проблеме косвенных речевых актов. В данной диссертационной работе эта проблема останется незатронутой. Более подробная информация приведена, среди прочего, в SADOCK 1974: 73–96, 111–146; SEARLE 1975; RECANATI 1987: 20–25; SEUREN 2009: 142–143; ALLAN 2014: 204–227. В советском языкознании 70-х и 80-х годов, как мы подробнее увидим в продолжении работы (§2.4.1), теоретические догадки о существовании и характере косвенных речевых актов привели, с одной стороны, к попытке создания

Для того чтобы уяснить многослойную сущность перформативного высказывания, надо учесть три его формальных компонента (т.е. состав лингвистических актов, которые складываются в целое высказывание и в нем совершаются одновременно): фонетический компонент (т.е. произнесение цепи звуков), фатический компонент (т.е. произнесение цепи звуков, составляющих лингвистические единицы, относящиеся к данному словарю) и ретический компонент (т.е. употребление лингвистических единиц с определенным, даже контекстуально обусловленным смыслом). Фонетический компонент перформативного высказывания Дж. Остин предлагает назвать *локутивным* (“performance of an act *of* saying something”), фатический и ретический подпадают под определение *иллокутивного* (“performance of an act *in* saying something”), а риторический эффект (т.е. вызывание чувств или мыслей, побуждение к действию и т.д.), вызванный в собеседнике иллокутивным актом, автор называет *перлокутивным* актом (AUSTIN 1975²: 97–101).

Только после того, как Дж. Остин определил компоненты перформативного высказывания, он пытается составить первую таксономию речевых актов⁴⁵, опирающуюся на лексические свойства глагольных (перформативных) предикатов и на «силу» (т.е. на коммуникативную направленность) иллокутивного акта. Дж. Остин разрабатывает следующих пять классов иллокутивных глаголов (AUSTIN 1975²: 148–164): вердиктивы (*verdictives*, т.е. общие судебные акты, соответствующие какому-либо положению дел, напр. арбитражное решение), эксерситивы (*exercitives*, т.е. решения и осуждения, активно воздействующие на – и в некоторых случаях даже создающие – положение дел, напр. увольнения, приказы, отлучения и т.д.), комиссивы (*commissives*, т.е. те акты, путем которых говорящий обязывается осуществить некоторые действия, напр. обещания, пари и т.д.), бегахбитивы (*behabitives*, т.е. те акты, путем которых выражается собственное отношение говорящего к чьему-либо поведению, напр. извинения, поздравления и т.д.) и экспозитивы (*expositives*, т.е. те акты, путем которых говорящий разъясняет и поддерживает свою аргументацию).

По поводу представленной таксономии сам автор признает, что она является теоретически хрупкой во многих местах, особенно учитывая, напр., нечеткие различия между категориями бегахбитивов и экспозитивов, сомнительное приписывание некоторых глаголов к

таксономической модели разных иллокутивных сил перформативных высказываний, а с другой стороны к общей таксономии перформативов, опирающейся на их лексико-семантические сходства и на расхождения в их морфосинтаксическом поведении.

⁴⁵ Заметим, однако, что неверно утверждать, что Дж. Остин был первым, кто предложил какую-либо таксономию речевых актов (в SEUREN 2009: 134–136 сжато очерчивается история вопроса). Надо еще добавить, что почти в те же годы французский лингвист Э. Бенвенист, независимо от Дж. Остина, разработал свою теоретическую модель речевых актов и, в более узком смысле, пришел к новаторскому определению перформативных высказываний (см. дальше §2.1).

той или иной категории или отсутствие общепринятых условий, при которых классы складываются в данную таксономию. Однако надо добавить, что она безусловно служила отправной точкой для моделей, созданных и предложенных в течение последующих десятилетий (напр. подтверждающая модель Дж. Серля, см. дальше).

1.4. Двухсторонняя «языковая революция» 60-х и 70-х годов XX века

В этом разделе мы рассмотрим большие изменения, которые произошли в течение 60-х и 70-х годов XX века в тогдашней англо-американской и советской лингвистике. Они были настолько крупными, что не будет преувеличением говорить о настоящей «языковой революции» в классическом смысле определения, предложенного Т. Куном (KUNN 1962). Можно вкратце отметить, что языковедение как наука приобрело в эти годы совсем новые формы под одновременным давлением двух теоретических направлений: с одной стороны, постепенно обретенная независимость прагматики от более общей области семантики, а с другой стороны, «отлив» неокартезианства в виде подтверждения формальных моделей в синтаксисе и в семантике. Притом совокупное воздействие этих направлений, что интересно для нас, непосредственно затрагивает методологические средства, использованные в работах, посвященных исследуемой теме.

В первом параграфе этого раздела (§1.4.1) эскизно рассматривается развитие прагматики как независимой научной области, совпавшее с периодом большей популярности разных направлений порождающей грамматики в синтаксисе и в семантике. Во втором параграфе (§1.4.2) подвергается анализу теория речевых актов, предложенная Дж. Остином и усовершенствованная его учеником Дж. Серлем. В третьем параграфе (§1.4.3) обсуждается деятельность двух важных проблемных групп – Московской семантической школы и Логического анализа языка, которые возникли в советской России между 60-ми и 80-ми годами прошлого века и долго занимались темами, в частности, связанными с первоочередной проблемой «значения» лингвистического знака в естественных языках, в том числе и значения констативных и неконстативных высказываний.

Отличительной чертой этой научной фазы в целом является отсутствие строгой последовательности в обсуждении отдельных аспектов общей темы. Иными словами, в отличие от того, что происходило в предшествующие десятилетия, в исследованиях данного периода не наблюдается тенденции к углублению одной проблематики за счет другой (напр., приоритетного обсуждения перформативных высказываний за счет темы перформативов).

Наоборот, исследования различных тем проводятся одновременно, что явно свидетельствует о теоретической сложности, которую тематика приобрела в течение этих лет.

1.4.1. Расцвет прагматики

Вопрос различия между областями семантики и прагматики является одним из самых сложных в лингвистике еще со времен их возникновения в рамках семиотики (основоположниками которой считаются, в первую очередь, Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр и Ч. Моррис). Кроме строгого определения частного значения терминов «семантика» и «прагматика» (которое, по-видимому, не поддается общим выводам), далеко не очевидно, какими именно должны быть сферы действия семантики и прагматики (т.е. чем именно должна заниматься каждая научная область)⁴⁶, как и в какой степени предметы изучения одной области соприкасаются с предметами другой и, наконец, может ли существовать семантика без прагматики и наоборот. Однако попытка решения таких спорных вопросов, которые привлекали внимание многих специалистов и постоянно обсуждаются в литературе (хотя, надо признать, часто безуспешно) явно выходит за рамки данной диссертационной работы⁴⁷.

Сосредоточимся теперь на увеличении исследовательского интереса к прагматике, которое стало заметным в начале 60-х годов. Как мы постараемся в дальнейшем показать, неслучайно число публикаций стало увеличиваться именно в те годы. Хотя трудно с точностью выделить факторы, которые могли бы повлиять на полноправное развитие прагматических исследований, можно все-таки выделить три важных исторических момента:

⁴⁶ Что касается позиции, занимаемой в настоящей работе относительно различий между семантикой и прагматикой, мы следуем за аргументацией Р. Манор, которая на основе давно известной проблематики неопределенных выражений (в свою очередь вдохновленной исследованиями философа С. Крипке) использует умеренный подход к решению вопроса. При общем признании того, что семантические и прагматические уровни лингвистического анализа не строго разделены, а скорее складываются в континуум, она предполагает, что лингвистические изменения в областях семантики и прагматики, независимо от их характера, вероятно происходят параллельно и с большой постепенностью (MANOR 2001). О возможных различиях между областями семантики и прагматики см. также RECANATI 1987: 1–20 и недавно опубликованный сборник статей DEPRAETERE, SALKIE 2017.

⁴⁷ Для всестороннего обсуждения вопроса отсылаем к некоторым источникам, в которых тщательно рассматриваются многочисленные аспекты проблематики в рамках разных теоретических направлений. Классикой семантики остается монография в двух томах Дж. Лайонза (LYONS 1977). Основные исторические черты даются, напр., в очерке Дж. Газдара (GAZDAR 1979: 1–13), где придумана «голая» (и до сих пор популярная) формула “PRAGMATICS = MEANING – TRUTH CONDITIONS”. В еще более детальной монографии С. Левинсона (LEVINSON 1983: 1–47) автор старается определить сферу действия прагматики в особой связи с семантикой, а еще очерчивает развитие терминологических прений и обсуждает (в то время) недавние интересы и подходы к данной области. В известной статье Д. Льюиса (LEWIS 1970) переплетение семантики и прагматики объясняется и объединяется в рамках формальной модели, легко совмещаемой с моделью порождающего синтаксиса, предложенного Н. Хомским. «Ранний» Дж. Лакофф обсуждает проблему семантического вклада таких лингвистических единиц, как индексикалов и имплицатур, которые традиционно отсылают к прагматическим исследованиям и которые автор старается объяснить, не прибегая к «внелогическим» инференциям (LAKOFF 1975).

1) ответная реакция на отвлеченную модель лингвистического анализа, предложенную Н. Хомским и его коллегами-современниками; 2) значительное влияние философских исследований предшествующего десятилетия, в том числе работ по аналитической философии и философии обыденного языка оксфордского кружка; 3) обновленное и усиленное внимание, направленное на роль контекста как решающего фактора для лингвистического анализа.

Бесспорно, одним из самых важных явлений, произошедших в языковедении того времени, является проникновение неокартезианских⁴⁸ направлений в зарубежную лингвистику и, точнее, возникновение и подтверждение первой версии порождающей грамматики Н. Хомского (1956). Т.н. трансформационная модель почти незаметно вышла на лингвистическую арену и вскоре установила новый стандарт для формальных исследований о комбинаторном синтаксическом механизме, лежащем в основе языковой способности и, точнее, ее биологической (врожденной) природе. Однако большим пробелом «зрелой» порождающей грамматики, хотя исправленным в теоретических переформулировках последующих десятилетий, является почти полное безразличие к конкретным функциям языка, т.е. отмежевание языковой способности от повседневного употребления языка, от роли коммуникативного (речевого) взаимодействия между говорящими. Осознание того факта, что в модель формального описания какой-либо лингвистической системы должны входить и семантические, и прагматические аспекты лингвистического анализа (в виде, напр., экстенциональных характеристик лингвистических единиц или контекстуально обусловленных сдвигов в толковании высказываний) представляет собой первую трещину в теоретическом направлении порождающей грамматики⁴⁹.

Во-вторых, идеи философов обыденного языка о необходимости понять естественный язык в конкретном контексте его повседневного употребления, сводя к минимуму применение формального оборудования, оказались очень влиятельными для всех ученых, которые отвергли теоретическое предложение Н. Хомского и хотели избежать представлений о лингвистической системе как о чисто абстрактной способности биологического характера, никак не связанной с потребностями и целями речевого сообщения. В центре внимания таких ученых, в частности, оказалась остиновская теория речевых актов (см. §1.4.2), которая

⁴⁸ За историческую преемственность трансформационной порождающей грамматики с наследием (нео)картезианских направлений в философии сам Н. Хомский аргументированно выступил в отдельной монографии (CHOMSKY 1966), хотя его реконструкция подверглась суровой критике (AARSLEFF 1970).

⁴⁹ Новаторской по этому вопросу была работа Дж. Каца и Дж. Фодора о семантических составляющих (KATZ, FODOR 1963). Стоит также напомнить о том, как в последующие годы накопилось, с одной стороны, множество альтернативных моделей грамматического разложения (напр. т.н. «падежная грамматика», предложенная к концу 60-х годов Ч. Филмором), а с другой стороны – беспрецедентное число исследований порождающей семантики, в которых понятие «глубинной структуры» было отвергнуто и семантическим компонентам придали приоритет над грамматической структурой данного языка. Основные моменты полемики обсуждаются в PARTEE 2014.

стремилась (хотя в предварительной форме) разобраться именно с активной ролью говорящих в речевом взаимодействии⁵⁰.

В-третьих, логическим следствием вышесказанного является новый акцент, сделанный на контекст как ключевом факторе, объясняющем многие лингвистические явления (даже с более широкой типологической перспективы), для которых обращение к чисто синтаксическому аспекту лингвистического анализа не является достаточным для того, чтобы разъяснить значение какого-нибудь лингвистического выражения и выяснить причины его вариативности⁵¹ (LEVINSON 1983: 36).

Естественной конечной точкой этого поиска являются, по-видимому, изыскания о речевых актах, особенно в рамках теории, предложенной Дж. Серлем.

1.4.2. К новой таксономии речевых актов

В духе «языковых игр» Л. Витгенштейна, вторую главу монографии Дж. Серля, посвященную разработке новой модели анализа речевых актов, открывает это программное заявление: “The hypothesis then of this work is that speaking a language is engaging in a rule-governed form of behavior. To put it more briskly, talking is performing acts according to rules” (SEARLE 1969: 22). По-видимому, этот подход к языку коренным образом противопоставляется точке зрения первых исследований порождающей школы⁵², которые с самого начала сосредоточивались не столько на семантике и прагматике лингвистических выражений, сколько на биологической сущности языковой способности и на врожденности синтаксического компонента. Дж. Серль, наоборот, утверждает, что основной единицей языка (точнее, языковой деятельности) является не его синтаксическое оборудование, а скорее сам речевой акт, т.е. смысловая⁵³ цепь звуков, произнесенных в виде высказывания при

⁵⁰ В те же годы социолингвистика, тоже возникшая как независимая научная область в ответ на подтверждение формальных подходов порождающей грамматики и делящаяся (по крайней мере частично) методами и предметами изучения с прагматическими исследованиями первых десятилетий, быстро закрепились и в тогдашней советской России. Заинтересованного читателя отсылаем к новаторскому исследованию Л. П. Крысина и его рабочей группы (КРЫСИН и др. 1974).

О том, как исследования по прагматике в течение 70-х и 80-х годов стали охватывать и употреблять теоретические понятия, происходящие из других научных областей (напр. из социологии, из антропологии и т.д.), речь будет дальше идти в подразделе второй главы, посвященном видовому противопоставлению в перформативном контексте в славянских языках (§2.4.1).

⁵¹ Примером может служить стертое логическое различие между констативными и перформативными высказываниями, по крайней мере в некоторых конкретных случаях употребления (см. §1.3, §2.1 и §2.2).

⁵² Несмотря на то что монография Дж. Серля по сути противопоставляется доминирующим направлениям порождающей школы, надо все-таки уточнить, что в своем исследовании американский философ явно указывает на существование таких теоретических концептов, предложенных в рамках «стандартной теории» порождающей грамматики, как глубинные структуры.

⁵³ О том, как любое выражение приобретает свое значение (и что практически значит «значение» в этом контексте), Дж. Серль подробно пишет в подразделе главы (SEARLE 1969: 42–50), посвященном критическому

определенных условиях: “The reason for concentrating on the study of speech acts is simply this: all linguistic communication involves linguistic acts. [...] The production or issuance of a sentence token under certain conditions is a speech act, and speech acts [...] are the basic or minimal units of linguistic communication” (SEARLE 1969: 16).

Как мы уже заметили (см. последнюю часть раздела §1.3), остиновская таксономия речевых актов сталкивалась с немалым числом теоретических и эмпирических проблем. Главной задачей монографии Дж. Серля является, во-первых, исправление и усовершенствование остиновской модели⁵⁴, а во-вторых определение ряда условий, при которых сам речевой акт можно успешно определить и разложить во всех его смысловых компонентах.

По этому последнему вопросу автор сосредоточивается на многослойном анализе акта обещания (в том числе неискренних обещаний), тем самым уточняя ряд логических и конверсационных постулатов, которые являются нужными для правильного выполнения самого акта. С учетом говорящего (S), слушателя (H), логического предложения (T) и его пропозиционального содержания (p), для того чтобы речевой акт обещания был эффективным, нужно прежде всего, чтобы не было ошибок в выражении и приеме сообщения; чтобы S при выражении T указал на присутствие p (S обязывается выполнить в будущем p); чтобы H предпочел выполнение акта со стороны S (и чтобы S думал, что H так предпочитает); и чтобы было ясно, что при других условиях S не выполнил бы акт обещания (SEARLE 1969: 57–59). Эти последние два условия Дж. Серль называет подготовительными, т.е. не обязательными к выполнению акта обещания. Обязательные условия, с другой стороны, включают скорее все те постулаты, которые в некоторой степени связаны со значением предложения (и с его приобретением): грамматическая приемлемость и семантическая корректность высказывания, обязанность для говорящего выполнить акт обещания и, наконец, осознание намерения говорящего со стороны слушателя (SEARLE 1969: 60–61).

переобсуждению предложений, выдвинутых в статьях Г. Грайса (GRICE 1957) и П. Стросона (STRAWSON 1964). В своей аргументации Дж. Серль подтверждает, вновь в духе «языковых игр» Л. Витгенштейна, что “Meaning is more than a matter of intention, it is also at least sometimes a matter of convention” (SEARLE 1969: 45), что объяснило бы почему, когда мы произносим высказывание, его значение определено (по крайней мере) следующими четырьмя компонентами. Во-первых, буквальным значением высказывания, произнесенного говорящим, которое должно быть грамматически приемлемым и семантически правильным. Во-вторых, намерением говорящего известить своего собеседника о том, что положение дел в его собственном высказывании действует. В-третьих, приданием высказыванию определенного эффекта, благодаря осознанию (со стороны собеседника) намерения говорящего. Наконец, осознанием того факта, что намерение говорящего уловлено собеседником именно благодаря пониманию конвенциональных условий и правил, лежащих в основе высказывания (SEARLE 1969: 49–50).

⁵⁴ Усовершенствование остиновской модели подразумевает, в частности, создание минимального логического аппарата для обозначения логического предложения (P), иллокутивной силы высказывания (F), его пропозиционального содержания (p) и его референции (R), как показано в SEARLE 1969: 29–33.

Итак, в рамках первой формулировки серлевской теории акт обещания является чрезвычайно сложным и прагматически многослойным⁵⁵. Однако какой-либо последовательной таксономии разных речевых актов, основанной на присутствии каких-либо признаков, автор в монографии не указывает. Только через несколько лет, в очень влиятельной и упомянутой в литературе о речевых актах статье Дж. Серль приходит к полной таксономической модели речевых актов⁵⁶ (SEARLE 1976).

Целью статьи является определение различных типов иллокутивной силы, которую могут приобретать речевые (точнее, иллокутивные) акты. Автор с самого начала осознает, что межъязыковые различия, касающиеся иллокутивных глаголов, не обязательно отражаются на формальной и конверсационной структуре соответствующих иллокутивных актов. В свою очередь, иллокутивные акты могут отличаться друг от друга многочисленными направлениями вариативности: различиями в цели, присущей речевому акту; различиями в направлении приспособления соответствия между словами и миром (“direction of fit between words and the world”); различиями в выражении психологических состояний; различия в иллокутивной силе речевого акта и во взаимном положении говорящего и слушателя (даже с учетом более широкого речевого сообщения); различиями в пропозициональном содержании высказывания; различия между актами, которые являются всегда (или только иногда) иллокутивными актами; различиями между актами, которые всегда нуждаются в присутствии соответствующих внелингвистических обстоятельств для своего выполнения, и актами, которые легко обходятся и без них; различиями между иллокутивными глаголами, которые можно употреблять в перформативных высказываниях (напр. *обещать*), и глаголами, которые не являются перформативами (напр. *хвастаться*)⁵⁷; наконец, различиями в перформативном стиле высказываний.

⁵⁵ Как мы дальше увидим, существование и число логических постулатов, лежащих в основе речевого акта обещания (и, вообще говоря, любого речевого акта) подверглись строгой критике уже в течение 70-х годов, особенно в совместных исследованиях К. Баха и Р. Харниша (BACH, HARNISH 1979 и, в ответе на SEARLE 1989, в BACH, HARNISH 1992).

⁵⁶ Более подробно об этом см. в ALLAN 2014: 190–204.

⁵⁷ З. Вендлер (VENDLER 1976) называет прагматическую невозможность употребления некоторых иллокутивных глаголов в перформативной функции «иллокутивным самоубийством» (*illocutionary suicide*). Понятие «иллокутивного самоубийства» понимается как «порча» иллокутивной силы соответствующего речевого акта, т.е. дефектный признак речевого акта, подрывающий его иллокутивную силу. Относительно невозможности перформативного употребления глагола *лгать* З. Вендлер замечает, что, если говорящий лжет перед своим собеседником, он, по всей вероятности, хочет, чтобы собеседник ему поверил на слово, несмотря на то, что он собеседника обманывает. Ввиду этого, если в разговоре говорящий использует эксплицитное выражение *Я лгу*, это значит, что он от собеседника требует доверия в том, что он сам в свою очередь определил как неправду. Даже если бы глагол *лгать* имел перформативную функцию, именно такое неразрешимое (логическое) противоречие между семантическим содержанием глагола и контекстом его употребления привело бы к неудовлетворению условий успешности, тем самым аннулируя обоснованность и действенность самого высказывания (VENDLER 1976: 140–144).

На основе этих замечаний Дж. Серль предлагает заменить хрупкую остиновскую таксономию другой моделью, созданной на иллокутивной цели высказываний (*illocutionary point*), на направлении приспособления соответствия между словами и миром и на условиях искренности (*sincerity conditions*)⁵⁸. Автор разрабатывает пятиступенчатую классификацию, которая включает репрезентативы (*representatives*), директивы (*directives*), комиссивы (*commissives*), экспрессивы (*expressives*) и декларации (*declarations*).

В репрезентативных иллокутивных актах говорящий обязывается сообщить об искренности выражаемого суждения (направление здесь идет от «слов» к «реальности»). В этот класс входят многие из остиновских экспозитивов (напр. *conclude* ‘заключать’, *deduce* ‘выводить’) и некоторые вердиктивы (которые в подавляющем большинстве случаев приписываются классу деклараций). Все эти глаголы обладают одной и той же иллокутивной целью и отличаются другими признаками, присущими их иллокутивной силе.

В директивных иллокутивных актах говорящий пытается заставить своего собеседника что-то совершить (направление здесь идет от «слов» к «реальности»). Этот класс содержит большую часть остиновских бехабитивов и эксерситивов, таких, как *ask* ‘просить’, *order* ‘приказывать’, *invite* ‘приглашать’, *advise* ‘советовать’ и др.

В комиссивных иллокутивных актах, как мы уже видели, говорящий возлагает на себя обязательство совершить некоторое будущее действие (направление здесь идет от «реальности» к «словам»). Прототипическими членами этого класса являются глаголы *обещать* и *отказываться*.

В экспрессивных иллокутивных актах говорящий выражает свое психологическое состояние относительно положения вещей, которое дается в пропозициональном содержании. Этот класс⁵⁹, который включает такие глаголы, как *thank* ‘благодарить’, *apologize* ‘извиняться’ и *condole* ‘сочувствовать’, отличается отсутствием какого-либо направления приспособления соответствия между словами и миром, ведь при произнесении экспрессивного иллокутивного акта говорящий предполагает либо истинность, либо ложность высказывания.

Наконец, в (успешно осуществленных) декларациях наблюдается соответствие между положением вещей, установленным в пропозициональном содержании высказывания, и реальностью, т.е. декларации “bring about some alternation in the status or condition of the referred-to object or objects solely in virtue of the fact that the declaration has been successfully

⁵⁸ Ради соблюдения краткости изложения мы не будем задерживаться на обсуждении условий искренности.

⁵⁹ Некоторые из этих иллокутивных глаголов совпадают с проблематичным классом глаголов, которые Э. Бенвенист называет делокутивными (см. §2.1.1).

performed”⁶⁰ (SEARLE 1976: 14; ср. с КАРЕЛИН 2011). Вот некоторые примеры иллокутивных глаголов, относящихся к классу деклараций, это *declare* <war> ‘объявлять <войну>’, *appoint* <s.one <as candidate>> ‘назначать <кого-либо <председателем>>’ и т.д.⁶¹ Разумеется, для того чтобы декларации действовали, нужно, чтобы их произнес авторитетный (т.е. назначенный) человек. Иначе иллокутивный акт, как уже отмечал Дж. Остин, не удовлетворяет условиям успешности, тем самым оказываясь неэффективным.

Хотя в продолжение научной дискуссии о речевых актах и перформативах серлевская таксономия не раз подвергалась критике (см. напр. критическое обсуждение, представленное в ARCHER 2010 и KISSINE 2012), можно сказать, что она по сути оказывается совершенствуемым теоретическим инструментом, на основе которого обосновывается большинство прагматических исследований последующих десятилетий. Наследие серлевской модели осталось практически нетронутым и в советском языкознании того времени, к которому мы теперь вернемся.

1.4.3. Распространение прагматических исследований в советской России

Тогдашняя советская лингвистика (которая, в свою очередь, после резкого прекращения деятельности марровской школы и смерти Сталина находилась на перепутье) незамедлительно отреагировала на появление теоретических инноваций, параллельно возникших в западном языковедении. Особый интерес вызвала, в частности, публикация монографии Н. Хомского «Синтаксические структуры», которая была переведена на русский язык уже в 1962 году⁶². Такую необычную восприимчивость можно связать с установлением более общей научной программы, нацеленной на укрепление методов для машинного перевода, который в то время занимал особое место в советской лингвистике (по-видимому,

⁶⁰ По поводу деклараций автор отмечает, что часто не существует формального (т.е. синтаксического) различия между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием высказывания (в иллокутивных актах вроде *You're fired* ‘Вы уволены’ неясно, где и как ограничиваются два компонента высказывания: об общепринятости такой формулы см. также GINET 1979: 251 и §4.3.1). Дж. Серль далее предполагает, что в глубинной структуре предложения все-таки порождается какой-то прототипический перформатив типа *I declare* ‘Я заявляю’, который потом подвергается удалению и не всплывает на поверхность, т.е. не реализуется морфофонологически (SEARLE 1976: 13–14). Это замечание в значительной мере перекликается со спорной теорией «перформативной гипотезы», предложенной в конце 60-х годов Дж. Россом (см. дальше сноску 118 в §2.3.1).

⁶¹ Серль замечает, что многие глаголы, относящиеся к классу репрезентативных иллокутивных актов, совпадают с глаголами из класса деклараций (SEARLE 1976: 15).

⁶² Не зря русский перевод К. И. Бабицкого был первым в мире переводом монографии Н. Хомского на иностранный язык. Более того еще интереснее заметить, что среди первых отзывов на монографию особое место занимает очень положительная рецензия Е. В. Падучевой, опубликованная в первом номере журнала «Вопросы языкознания» в 1959 году. В тогдашнее югославское лингвистическое пространство, с другой стороны, постулаты трансформационной грамматики стали проникать только к концу 60-х годов, причем несистематическим образом (BUGARSKI 2019: 17–18; ср. с интересным обзором в ИВИЋ 1977).

благодаря своей стратегической важности для развития методов расшифрования текстов). Однако, в отличие от подхода к языковой способности, предложенного в модели Н. Хомского, в советской среде внимание уделялось не столько синтаксическим структурам (т.е. иерархической организации речевого сообщения), сколько семантическому компоненту лингвистического анализа. Именно на этой основе к началу 60-х годов возникла проблемная группа «Московская семантическая школа»⁶³ под руководством И. А. Мельчука⁶⁴ и Ю. Д. Апресяна⁶⁵.

Обобщить в двух словах многолетнюю деятельность Московской семантической школы трудно, ведь доминирующие интересы и направления в группе не раз менялись на протяжении многих лет. Можно все-таки сказать, что неизменной отличительной чертой, объединяющей исследования разных членов данной школы, является центральное место лексемы как многослойной лингвистической единицы, определяющее значение которой совпадает со первичным словарным значением. Итак, в рамках этой теории, изучение перформативов практически совпадает с разложением их лексической семантики и с тщательным описанием ряда их (первичных и контекстуально обусловленных) значений. Соответственно, описание перформативных высказываний, как и других типов высказываний, «моделируется» на основе описания глагольных лексем (АРУТЮНОВА 1976: 21–80; ШЕЛЯКИН 1976; ШЕЛЯКИН 1980: 16–18; ШЕЛЯКИН 2010).

В рамках проекта интегрального описания языка, интересным примером этого подхода является известная статья Ю. Д. Апресяна о лингвистическом статусе перформативных глаголов в грамматике и в словаре, впервые опубликованная в 1986 году, а потом перепечатанная в 1995 году (АПРЕСЯН 1995А). Такое исследование представляет собой отличное отображение научных интересов, доминировавших в последней фазе существования группы, к созданию интегрального описания языка и к ранней формулировке теории «картина мира». После того как автор определяет основные группы перформативных глаголов, разделяя их по их семантическим признакам, он продолжает анализировать, в каких именно синтаксических конфигурациях могут быть сформулированы перформативные высказывания (принимая во внимание и сочетаемость разных классов наречий с перформативами), какими являются прагматические и семантические особенности перформативов (в том числе и

⁶³ Важную роль, которую одновременно с Московской семантической школой сыграла Петербургская школа функциональной грамматики (под руководством А. В. Бондарко) в обсуждении исследовательских тематик, особо отметим в следующем параграфе (см. §1.5).

⁶⁴ Именно И. А. Мельчуку приписываются создание и разработка лингвистической концепции, известной как теория «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», которая сыграла ключевую роль в ранних исследованиях Московской семантической школы и привела к более поздней формулировке Апресяновской теории интегрального описания языка.

⁶⁵ Для применения научных методов Ю. Д. Апресяна в семантических и прагматических исследованиях югославского языкознания см. напр. PRĆIĆ 2016³.

присутствие общего смыслового компонента в семантике всех перформативов) и каковы их видовременные свойства (мы к этому еще вернемся в следующей главе, см. §2.4).

По этому поводу в духе остиновских лекций Ю. Д. Апресян замечает, что в русском языке языковые проявления «перформативности» могут варьироваться в значительной степени, несмотря на то, что словоизменительная парадигма эксплицитных перформативов является неполной (перформатив *Я обещаю* против констативов *Я обещал, Я пообещаю, Я буду обещать* и *Он обещает*; см. также КУСТОВА, ПАДУЧЕВА 1994). В частности, автор перечисляет небольшое число грамматических конструкций, которые, по его мнению, допустимы в перформативной функции: 1-е л. ед. ч. НП⁶⁶ СВ из. накл. дейст. зал. (*Попрошу ваши билеты*), 3-е л. ед. или мн. ч. Наст^{НСВ} из. накл. дейст. зал. (*Местком ходатайствует о предоставлении Борисову жилплощади, Пассажиры просят пройти на посадку*), 2-е или 3-е л. ед. или мн. ч. Наст^{НСВ} из. накл. стр. зал. (*Настоящим Вы утверждаетесь в должности директора, Отпускаются тебе грехи твои*), наряду с сослагательным наклонением (*Я бы не рекомендовал вам спорить с ним*) и инфинитивом в составе «вежливых» перформативных высказываний (*Осмелюсь доложить*). В связи с этими примерами Ю. Д. Апресян заключает, что «перформативная формула имеет приоритет над перформативным глаголом»⁶⁷ (АПРЕСЯН 1995А: 203).

Для нашего исследования особенную важность приобретает обращение Ю. Д. Апресяна к «перформативности» видовременных форм, не полностью совпадающих с остиновским эксплицитным перформативом⁶⁸, которые, начиная с 60-х годов, были уже предметом

⁶⁶ Здесь и дальше мы будем употреблять термин «непрошедшее» вместо «будущего» в случаях т.н. «презенса совершенного вида», чтобы подчеркнуть темпоральную двусмысленность (неактуальное настоящее-будущее) этой формы.

⁶⁷ Стоит подчеркнуть, что, как кажется, сам термин «перформативная формула» употребляется в духе остиновских лекций, где явно упоминается понятие *performative formula* (AUSTIN 1975²: 33). Однако следует добавить, что «перформативная формула» Ю. Д. Апресяна не полностью отождествляется с остиновским понятием *performative formula*, но, скорее всего, включает его в бóльшую логическую категорию, являясь его гиперонимическим вариантом. На самом деле под «перформативной формулой» подразумевается не только множество словоизменительных форм глагольной парадигмы, но и многие неглагольные элементы, относящиеся к конативной функции языка. Примером служит восклицание *Шах!* вместо эксплицитного (и в данном контексте неуместного) перформативного высказывания *Я объявляю тебе шах* (АПРЕСЯН 1995А: 203).

Более того, следствием формулировки остиновской «перформативной формулы» является ряд синтаксических исследований, специально сосредоточивающихся на глубинной структуре констативных высказываний и на возможности трансформации любого констативного высказывания в перформативное (или, точнее, на возможности выявления в глубинной структуре нереализованного на поверхности перформатива, управляющего констативным высказыванием). Об одной из этих гипотез, т.н. «перформативной гипотезе», выдвинутой Дж. Россом (ROSS 1970), см. сноску 118 в §2.3.1.

⁶⁸ К слову, в типологической перспективе остиновский эксплицитный перформатив не является всегда «канонической» формой, лингвистически формализующей характер эксплицитного перформативного высказывания, а скорее одним из возможных и допустимых каждым языком вариантов (FORTUIN 2019).

отдельного исследования, и о которых будет идти речь в следующей главе⁶⁹ (ср. §2.4.1 и §2.4.2).

Проникновение в западные лингвистические исследования понятий, изначально придуманных и использованных в других областях гуманитарных наук, например, в социологии (BROWN, GILMAN 1960; LAKOFF 1973; LEECH 1983), в философии языка (GRICE 1975) и в антропологии (BROWN, LEVINSON 1988²), наряду с постепенным расширением (в типологическом смысле) научных перспектив дальнейшего изучения лингвистических (точнее прагматических) явлений (PARRETT 1978) и с обновленным интересом к культурным факторам, характеризующим в целом речевое взаимодействие (см. также §2.4.1), привели к возникновению другой проблемной группы (под руководством Н. Д. Арутюновой), получившей название Логический анализ языка. Кроме некоторых публикаций в журналах по общей лингвистике (РЯБЦЕВА 1992), о деятельности группы свидетельствует, прежде всего, большое число томов (всего 22), в которых собираются труды ежегодных конференций, организованных с конца 80-х годов по начало третьего тысячелетия. Что касается нашей исследовательской темы, особое внимание стоит уделить томам, изданным на рубеже 80-х и 90-х годов и посвященным таким темам, как прагматические контексты и язык речевых актов⁷⁰. В отдельных статьях (напр. ГЛОВИНСКАЯ 1992; ГЛОВИНСКАЯ 1993; КУСТОВА, ПАДУЧЕВА 1994; ПАДУЧЕВА 1994 и др.) – на материале русского и других языков – прямо затрагиваются некоторые ключевые для нашего анализа вопросы, в том числе роль глагольного вида в определенном речевом акте, взаимодействие глагольного вида и иллокутивной силы, выражение прагматических отношений путем видовременной морфологии, видовременные свойства перформативов и т.д.

1.5. Исследования в славянском ракурсе

Одновременно с возникновением Московской семантической школы, в тогдашнем Ленинграде развивалось другое лингвистическое направление, которое соблюдало

⁶⁹ Что же касается формальных проявлений перформативного высказывания (т.е. того, какие признаки перформативного высказывания данного предложения являются релевантными в системе определенного языка), этой теме посвящен раздел в следующей главе (§2.2), основывающийся на обсуждении некоторых теоретических предложений о присутствии одного или более отличительных свойств, присущих только перформативным высказываниям и их характеризующих.

⁷⁰ Что же касается тогдашнего югославского языкознания, тема (косвенных) речевых актов оставалась существенно незатронутой вплоть до второй половины 80-х годов (даже остиновские лекции были переведены на сербский вариант сербскохорватского только в 1994 году, а хорватским читателям стали доступны двадцать лет спустя). Насколько нам известно первой монографией, специально посвященной анализу директивных речевых актов в сербскохорватском языке (в сопоставительном аспекте с немецким), является LIČEN 1987, т.е. переработка диссертационной работы, защищенной на Новосадском философском факультете в 1984 году.

историческую преемственность с Ленинградской аспектологической школой, основанной еще в 40-х годах Ю. С. Масловым. Это лингвистическое направление, вдохновителем и главным деятелем которого был А. В. Бондарко, стало известно как Петербургская школа функциональной грамматики. Формулировка «функциональная грамматика» отсылает одновременно к принятому теоретическому подходу к лингвистическим единицам (ономасиологический подход, т.е. от семантических функций к формальным средствам) и к предмету исследования (т.е. определенная языковая система и ее т.н. функционально-семантическое поле).

Естественно, в предыдущие десятилетия также появлялись и проводились далеко идущие исследования в славянском ракурсе, синхронического (БОНДАРКО 1958; БОНДАРКО 1959; ИСАЧЕНКО 1960 и др.) и диахронического характера (см. напр. МАЗОН 1958), не говоря о классиках филологии XIX века (ПОТЕБНЯ 1977: 124–205). Эти работы в большинстве случаев сосредоточиваются на разборе видовременных характеристик русских глаголов (в сравнении с другими славянскими языками) в их конкретном контексте употребления. Однако уместно сказать, что только с появлением школы функциональной грамматики увеличилось количество таких исследований. Именно А. В. Бондарко можно приписать одно из первых систематических упоминаний видовременного противопоставления в русских перформативах. Следуя Э. Кошмидеру, А. В. Бондарко определяет “употребление формы настоящего-будущего совершенного” как (модально окрашенную) разновидность настоящего неактуального, т.е., по мнению автора, формы *скажу*, *замечу*, *прибавлю* в перформативном контексте равнозначны волитивным высказываниям *хочу <сказать>*, *хочу <заметить>*, *хочу <прибавить>*⁷¹ (БОНДАРКО 1971: 222–223). В коллективной монографии, посвященной функционально-семантическим полям темпоральности и модальности, А. В. Бондарко возвращается к теме, утверждая, что

В тех случаях, когда перформативный глагол предваряет изложение просьбы и т. п., оттенок связи настоящего актуального с ближайшим будущим выражен достаточно явно. Выражение просьбы, требования и т. д. (намерения обратиться с просьбой) как бы отодвигает реализацию данного акта к последующему изложению самого содержания просьбы и т. п.

(БОНДАРКО И ДР. 1990: 36)

Такая связь является особенно четко выраженной, по мнению автора, в случае экспозитивов и директивов (см. §1.3) типа *замечу*, *скажу*, *повторю*, *доложу*, *предварю*,

⁷¹ Похожие замечания можно найти в ШЕЛЯКИН 1976: 57–58; ШЕЛЯКИН 1980: 16–18.

предупрежу, употреблением которых говорящий “высказывается и тем самым фактически осуществляет действие (вводит информацию) и вместе с тем сообщает о своем намерении осуществить действие (ввести информацию)” (БОНДАРКО И ДР. 1990: 37).

Сравнительный, чаще всего семантический анализ некоторых грамматических категорий в славянском ареале в лучших традициях исследований Московской семантической школы (см. напр. ПЕТРУХИНА 1983) или Петербургской школы функциональной грамматики продолжался и в последующие десятилетия. Однако одну из первых и до сих пор более обширных монографий об основных функциях глагольного вида в сравнительной (славянской) перспективе написал в те же годы венский лингвист Х. Голтон (GALTON 1976). В основе монографии, отличающейся живописным стилем и изобилием примеров из всех славянских языков (в том числе как из церковнославянского, так и из древних вариантов других языков), лежит гипотеза о том, что во всех современных славянских языках прототипическое значение двух видов опирается на две кантовские постоянные (константы). Такими константами автор считает неизменную разобщенность для НСВ (*immutability*, т.е. состояние) и атемпоральную (нелокализованную на временной оси) последовательность для СВ (*sheer succession*, т.е. движение)⁷². Автор считает, что употребление непрошедшего СВ в «случаях коинциденции» (данный термин заимствован у Э. Кошмидера), т.е. в перформативных высказываниях, является контекстуальным вариантом потенциального значения⁷³ (напр. рус. *Этот слесарь откроет любой замок* или с-х. *On u jednoj ruci digne 25 kg*⁷⁴; см. GALTON 1976: 92). Итак, его употреблением говорящий подчеркивает свое намерение выполнить действие, представленное в высказывании (т.е. свою готовность к демонстрации собственных способностей), никак не отсылаясь к плану будущего. Интересно добавить что, следуя Э. Кошмидеру и его обсуждению польских перформативов, Х. Голтон добавляет, что употребление СВ в перформативном контексте может выразить “[...] politeness which, I think, is due precisely to the fact that the pv. present of coincidence removes the action named from the

⁷² Противопоставление между семантическими постоянными «состояние»–«движение» может напомнить известное аристотелевское различие между ἐνέργεια (т.е. ‘осуществление возможности’) и κίνησις (т.е. ‘движение’).

⁷³ Однако далеко не все примеры, которые Х. Голтон объединяет в единственную группу «коинциденции», можно считать перформативами: среди них упоминаются случаи потенциального значения (*Да я не возьму в толк, о чем спрашивают*), презенса напрасного ожидания (*Я не опомнюсь, понять не могу...*) и «близких» будущих (*Я пойду спрошу*; см. GALTON 1976: 93).

⁷⁴ Необходимо подчеркнуть, однако, что в современном сербскохорватском языке такое значение все реже выражается глаголами в През^{СВ}, которые вытесняются на периферию узуса соответствующими словоформами в Наст^{НСВ} (*diže*) или эксплицитными модальными (динамическими) оборотами (*može <da digne>_{SR}/može <dignuti>_{HR}*). Более того, в сербскохорватском языке, как будет и далее обсуждено (см. §2.4.2), в контексте главного предложения (в том числе и в перформативном контексте) През^{СВ} никогда не употребляется самостоятельно. Так, смысловая и формальная взаимосвязь между потенциальным значением и перформативным употреблением в сербскохорватском языке, как кажется, не обоснована на твердых аргументах.

actual present and thereby produces some distancing effect, which may be interpreted as a token of courtesy” (ср. GALTON 1976: 93 и, более подробно о словенском, GALTON 1979).

На рубеже 2-го и 3-го тысячелетия н. э. объем сравнительных исследований не перестает увеличиваться. По признанию самого автора (DICKY 2018: 72), естественным развитием работы Х. Голтона является очень влиятельная монография С. Дики (DICKY 2000), которая, в рамках когнитивной лингвистики, сосредоточивается на определении состава семантических параметров, обуславливающих определенный выбор вида в славянских языках. С. Дики частично отказывается от предложения Х. Голтона о существовании единственного видового инварианта для всех славянских языков и делает акцент на возможности разделить славянский языковой ареал на две большие зоны, восточную и западную (с двумя переходными зонами), в зависимости от прототипического значения, приобретенного СВ и НСВ в каждом славянском языке⁷⁵ (см. заметки о терминологии в §2.6). С. Дики посвящает целую главу вопросу «коинциденции», термину под которым принимаются во внимание и некоторые квазиперформативные употребления неперформативных глаголов (DICKY 2000: 175–202), стараясь объяснить, как общие семантические параметры «целостности» (для западнославянских языков) и «темпоральной определенности» (для восточнославянских языков) ассоциируются с бóльшим или меньшим распределением непрошедшего СВ в перформативном контексте. В частности, автор утверждает, что в восточной зоне случаи употребления перформативов в СВ являются чрезвычайно редкими и ограниченными малочисленной группой глаголов речи (*признаться, попросить, прибавить, доложить* и т.д.), в то время как в западной зоне число глаголов СВ, употребляемых в перформативном контексте, значительно прибывает. Во всех случаях употребления СВ в перформативном контексте, однако, не наблюдается футуральное переосмысление темпоральных свойств глагола⁷⁶ (DICKY 2000: 202).

Наконец, начиная с монографии К. Ричардсон о взаимоотношениях между морфологическим маркированием падежа и выбором глагольного вида в славянских языках (RICHARDSON 2007), а впоследствии в сравнительном анализе Р. Бенаккьо о роли вежливости в определении глагольного вида в славянских императивах (БЕНАККЬО 2010) и подробном исследовании Д. Войводица о грамматикализации будущего времени на сравнительном

⁷⁵ Гипотезу о том, что славянский ареал уместно разделить на две зоны на основе прототипического значения СВ, в то время уже выдвигали по крайней мере А. Барентсен, который фокусировал прежде всего на русском языке (см. напр. БАРЕНТСЕН 1998), и А. Стунова, которая работала над чешским и русским языком в сопоставительном аспекте (STUNOVÁ 1993).

⁷⁶ В дополнение к этому С. Дики пишет, что “the impv aspect occurs in all Slavic languages with a prospective meaning (i.e. the *praesens propheticum*), so that we cannot limit the use of a present-tense form to denote future events to the pv aspect. This also indicates that futurity is not a salient element in cases of coincidence [...]” (DICKY 2000: 202).

(славянском) фоне (ВОЛВОДИТЬ 2014²; см. еще ВОЛВОДИТЬ 2018А), можно заметить, что в течение последних пятнадцати лет исследователи все чаще и чаще обращаются к сравнительной модели анализа лингвистических явлений в славянском ракурсе. Таким образом, например, тщательная статья Б. Вимера об употреблении непрошедшего СВ в перформативном контексте в ряде славянских языков (ВИМЕР 2014), диалектологическое исследование употребления непрошедшего СВ в резьянском микроязыке (PILA 2017: 274–275) и психолингвистический эксперимент, проведенный с целью определения частотности непрошедшего СВ в перформативном контексте в русском языке (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018) основываются на более обширном сборе данных, происходящих как из славянских, так и неславянских языков. Эта тенденция, в конечном счете, убедительно продемонстрирована в типологическом исследовании Э. Фортейна о возможных видовременных конфигурациях перформативов в статистической выборке естественных языков мира (FORTUIN 2019).

2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Вторая глава, состоящая из шести разделов (§2.1–§2.6), посвящена некоторым ключевым теоретико-методологическим вопросам, касающимся разных аспектов морфосинтаксиса, семантики и прагматики перформативных глаголов, а также поиску инварианта (т.е. общей черты) для перформативных высказываний, с учетом их возможного отдаления от констативных высказываний⁷⁷. Напомним, как мы уже писали во Введении, что эта глава также носит теоретический, а не эмпирический характер, т.е. в ней будут только проиллюстрированы некоторые философские и лингвистические явления с учетом выдвинутых в процитированных исследованиях гипотез и предложенных авторами решений (в независимости от определенной теоретической модели, принятой в этой диссертации).

Главу можно подразделить на две большие части. Первая часть, которая включает два первых раздела (§2.1–§2.2), имеет общий характер и посвящена поиску инварианта для перформативных высказываний в естественных языках. Вторая часть, которая включает разделы §2.3–§2.4, касается славянских языков, а, точнее, некоторых проблем, связанных с формальным выражением славянских эксплицитных перформативов. Главу заключают предварительные итоги (§2.5) и заметки о терминологии (§2.6).

В первом разделе (§2.1) принимается во внимание один важный (хотя далеко не единственный) компонент перформативных высказываний, впервые предложенный Э. Бенвенистом, а именно признак автореференциальности (т.е. способность перформативных высказываний ссылаться на присущее им положение дел), на основании которого «настоящие» перформативы отличаются от других похожих глагольных категорий – например, делокутивов (БЕНВЕНИСТ 1974: 320–328; PLANK 2005; см. §2.1.1).

Далее (§2.2) мы сосредоточимся на поисках и определении общего признака, объединяющего перформативные высказывания (в противопоставлении, напр., констативным высказываниям)⁷⁸, тем самым рассматривая некоторые из предыдущих теоретических предложений и учитывая при этом роль темпорального дейктика *now* (см. §2.2.1.1) и автореференциального дейктика *hereby* (см. §2.2.1.2). Пока мы будем проводить сравнение между этими адвербиальными операторами на основе данных английского языка (SEARLE 1989; JARY 2007; ECKARDT 2012).

⁷⁷ Для общего исторического обзора проблем, связанных с перформативными высказываниями, см. DOERGE 2013.

⁷⁸ Конечно, как мы уже видели в предыдущей главе (см. §1.3), само различие между констативными и перформативными высказываниями является довольно стертым, если не методологической абстракцией.

В третьем разделе (§2.3), состоящем из трех параграфов, рассматриваются такие формальные аспекты перформативных глаголов в русском и сербскохорватском языках, как их лексическая семантика (АПРЕСЯН 1995А; АПРЕСЯН 1995В; НЛЕВЕС 2015; МИЛОСАВЛЕВИЋ 2018 и др., см. §2.3.1), синтаксическое управление (ВОЙВОДИЧ 1999; см. §2.3.2) и темпоральные аргументы (RULLMANN, MATTHEWSON 2018; ВОЈВОДИЋ 2018Б; см. §2.3.3).

Наконец, в четвертом разделе (§2.4) подробнее анализируется роль глагольного вида и времени в перформативных глаголах в русском и сербскохорватском языках (в более широкой славянской перспективе). Этот раздел состоит из двух параграфов. В первом параграфе (§2.4.1) описывается и обсуждается видовая конкуренция в перформативных глаголах на сопоставительном материале славянских языков, с учетом гипотез, выдвинутых в семантических и прагматических исследованиях последних десятилетий (также на сопоставительном материале славянских языков). Во втором параграфе (§2.4.2) речь будет идти о роли темпоральной конкуренции в перформативных глаголах, в виде трехчленной оппозиции настоящего vs. прошедшего vs. будущего (Наст-Прет-Буд), с акцентом на оппозицию настоящего vs. будущего (Наст-Буд).

В пятом разделе (§2.5) даются предварительные итоги, а в последнем разделе (§2.6) – заметки о терминологии.

2.1. Что такое «автореференциальность»?

Вопрос автореференциальности перформативных высказываний занимает важное место в дискуссиях о лингвистическом своеобразии явления перформативности. Эта проблема, впервые эксплицитно сформулированная Э. Бенвенистом в статье «Аналитическая философия и язык» (БЕНВЕНИСТ 1974: 301–311), до сих пор является предметом нескончаемых споров в прагматике и в философии языка, особенно потому, что прямо соприкасается с другим и даже более основным вопросом: можно ли вообще верифицировать значение истинности перформативных высказываний⁷⁹.

В рамках общего обсуждения деятельности Оксфордского аналитического кружка и, в частности, предварительных итогов, подведенных в оксфордско-гарвардских лекциях Дж. Остина, французский лингвист старается определить область употребления перформативных высказываний. Он сразу замечает, что “во всех случаях перформативное высказывание обретает реальность только тогда, когда оно является соответствующим *актом* [...] Оно

⁷⁹ Стоит заметить, что Дж. Остин в своих лекциях эксплицитно ни разу не обращается к этой проблеме, т.е. нигде не утверждает, что перформативные высказывания не являются истинными (KORTUM 2002: 309).

существует только как акт власти” (БЕНВЕНИСТ 1974: 307). Итак, если перформативное высказывание является и актом, продолжает автор, это значит, что оно конкретно осуществлено определенным (назначенным) лицом, в определенное время и в определенном месте (иными словами, оно отличается индивидуальностью и исторической конкретностью). Все эти замечания приводят Бенвениста к заключению о том, что (курсив в оригинале)

Таким образом, мы открываем у перформативного высказывания своеобразное свойство: быть *аутореферентным*, способность соотноситься как со своим референтом с той реальностью, которую оно само создает, в силу того что оно произносится в условиях, которые делают его действием. Отсюда следует, что оно одновременно является и языковым фактом, поскольку его произносят, и фактом действительности, поскольку оно – осуществление действия. Действие, таким образом, становится тождественным с высказыванием о действии. Означаемое тождественно с языковым фактом, референтом которого оно является. Об этом свидетельствует вводная формула *настоящим (удостоверяется, объявляется... и т.д.)*. Высказывание, которого является референтом самого себя, вполне может быть названо аутореферентным.

(БЕНВЕНИСТ 1974: 308)

Прежде чем обсудить действенность размышлений Э. Бенвениста, нужно ненадолго вернуться к Дж. Остину и подчеркнуть, что понятие аутореференциальности Э. Бенвенист разработал именно в своем ответе на последние остиновские лекции, в которых английский философ постепенно отбрасывает различие между констативными и перформативными высказываниями, служившее отправной точкой для всей его теоретической структуры (как мы уже вкратце упомянули в §1.3). Подтверждающих эту точку зрения причин, по существу, две. Во-первых, Дж. Остин сознает, что и акт ассерции, кажется, удовлетворяет тем же условиям, что требуются и для перформативного высказывания (за счет исходного различия *stating-doing*). Если говорим *I state that he did not do it* (тем самым подчеркивая иллокутивную силу высказывания), то значение истинности предложения тождественно значению истинности его модифицированной версии без эксплицитного маркера иллокутивной силы, т.е. *He did not do it*. То же самое относится к перформативным высказываниям типа *I warn you that it is going to charge* $\approx$ *It is going to charge!* (говоря о разъяренном быке; AUSTIN 1975²: 132–135). Во-вторых, Дж. Остин замечает, что и констативные высказывания могут быть неуспешными, если после их произнесения обнаруживается, что говорящий либо не был назначенным/уполномоченным лицом, либо заявил что-то такое, чего не мог знать или что мог только предсказать (таковы, напр., случаи будущих контингентов, к которым мы обращались в §1.1). Похожим образом, даже о совсем обычном описании вроде *France is hexagonal* нельзя с точностью сказать,

является ли оно истинным или нет: это (неминуемо) приблизительное описание, которое, по всей вероятности, неприемлемо для географа, но подходит для разговора с полковником, которого не интересуют точные географические подробности⁸⁰. Вот почему различать констативные и перформативные высказывания, по мнению автора, больше не стоит⁸¹. Для того чтобы лучше понять, как именно употребляются высказывания в определенных контекстах, скорее необходимо создать модель их иллокутивных сил (вроде модели, уже обсуждавшейся нами в §1.3; см. AUSTIN 1975²: 136–146).

На самом деле, насколько бы ни был убедительным аргумент Э. Бенвениста, легко понять, что существуют некоторые проблемы с этим подходом к решению вопроса. Автораференциальность – неотъемлемая (логико-семантическая) часть перформативных высказываний, но едва ли она является их единственным общим признаком. Бесспорно, прототипические комиссивные иллокутивные акты (напр. рус. *Я обещаю, что буду менее требовательным к себе* или с-х. *Obećavam da neću više odugovlačiti*), произнесенные вне своего контекста, удовлетворяют условиям успешности и являются настоящими обещаниями⁸². Разумеется, толкование какого-либо высказывания (т.е. приписывание ему основных семантических свойств) может коренным образом варьироваться при изменении контекста. В подтверждение этой точки зрения ниже приводится минимальная пара (формально одинаковых) высказываний (1–2)–(1'–2')⁸³, в которой первое высказывание сохраняет перформативный, а второе констативный характер. Различие в их семантическом толковании не зависит ни от каких формальных лингвистических аспектов, а обусловлено только контекстом:

- (1) Мать (*подловив сына на краже кошелька*): А что мне сейчас скажешь, а?
Сын: Я обещаю, что больше никогда не буду красть.
- (2) Режиссер (*за кулисами*): Давай пересмотрим вместе последние кадры фильма.

⁸⁰ В духе семейных сходств Л. Витгенштейна (см. §1.3) и опережая эру когнитивной психологии, Дж. Остин предлагает идею о том, что «констативный» и «перформативный» являются противоположными концами некоего прагматического континуума: “It is essential to realize that ‘true’ and ‘false’, like ‘free’ and ‘unfree’, do not stand for anything simple at all; but only for a general dimension of being a right or proper thing to say as opposed to a wrong thing, in these circumstances, to this audience, for these purposes and with these intentions. In general we may say this: with both statements (and, for example, descriptions) and warnings, &c., the question of whether, granting that you did warn and had the right to warn, did state, or did advise, you were right to state or warn or advise, can arise – not in the sense of whether it was opportune or expedient, but whether, on the facts and your knowledge of the facts and the purposes for which you were speaking, and so on, this was the proper thing to say” (AUSTIN 1975²: 144).

⁸¹ Различие между констативными и перформативными высказываниями, однако, играет решающую роль в некоторых исследованиях последующих десятилетий (BACH, HARNISH 1979; RECANATI 1987).

⁸² При условии, что здесь говорящий не лжет собеседнику, т.е. что акт обещания выполнен в рамках общепринятой (правильной) процедуры и не утрачивает свою действенность.

⁸³ Приведенные примеры являются собственной адаптацией контекстуально похожих примеров, которые нередко встречаются в литературе (ср. напр. JARY 2007; GARCÍA-CARPINTERO 2013; DE PONTE 2017 и др.)

Актер (*вглядываясь в экран*): Вот, здесь я обещаю, что больше никогда не буду красть.

(1') Mama (*zatekavši sina dok krade novčanik*) A šta sada imaš da mi kažeš?

Sin: Obećavam ti da nikada više neću krasti.

(2') Reditelj (*iza bine*): Hajde da ponovo pogledamo poslednje kadrove filma.

Glumac (*buljeći u ekran*): Eto, ovd(j)e obećavam da nikada više neću krasti.

Самым очевидным логико-семантическим различием между (1)–(2) и (1')–(2') оказывается возможность подвергать пропозициональному отрицанию второе множество предложений [т.е. {2, 2'}], но не первое [т.е. {1, 1'}]: актеру, но не мальчишке, можно возразить, что его высказывание является ложным. На высказывание актера режиссер может ответить *Нет, ты здесь не обещаешь, что больше никогда не будешь красть. На самом деле, ты здесь даешь пощечину Игорю* (высказывание хорошо сформированное и грамматически приемлемое), но едва ли мать ответит своему сыну *Нет, неверно, что обещаешь, что больше никогда не будешь красть, не лги*⁸⁴.

Более того, существуют перформативные высказывания, которые не характеризуются автореференциальностью, и неперформативные (в том числе констативные) высказывания, которые в значительной степени сближаются с перформативными именно по признаку автореференциальности. Что касается первого случая (кроме примеров, рассмотренных в GARCÍA-CARPINTERO 2013: 9), можно сказать, что любое перформативное высказывание, не удовлетворяющее одному или нескольким условиям успешности (т.е. квазиперформативное высказывание: см. §2.6), в самом деле нельзя назвать автореференциальным, потому что никакого нового положения дел не создано самим высказыванием. Если подчиненный приказывает своему начальнику помыть туалет, это не является настоящим приказом, потому что говорящий не наделен властью, чтобы заставить своего собеседника сделать то, чего он

⁸⁴ Однако надо добавить, что и это различие иногда бывает стертым, особенно в таких случаях, в которых перформативное высказывание определенного предложения не удовлетворяет некоторым условиям успешности (напр. условию истинности), или когда говорящий принужден к совершению акта, отображенного в высказывании. Если, напр., диссидент сидит в тюрьме и его палач от него насильно требует, чтобы он присягнул вождю страны на верность, диссидент может заявить *I (hereby) promise to praise our leader every day*, но, по всей вероятности, такое обещание является пустым и как таковым лишенным своего перформативного характера. Об этом свидетельствует тот факт, что палач может ответить, хотя в очень неестественной форме, нечто вроде *No, in fact it is not true that you promise this – I have left you in no position to promise such things; but we are going to make sure that you behave as if you had, don't worry*, т.е. он может подвергнуть отрицанию значение истинности высказывания. Это замечание приводит к тому, что различие между констативными и перформативными высказываниями, по крайней мере в некоторых контекстах, сводится к минимуму (GARCÍA-CARPINTERO 2013: 9).

В противоречие Э. Бенвенисту, апофантический (т.е. верифицируемый по значению истинности: см. §1.1) характер перформативных высказываний подтверждается и в некоторых исследованиях философии права, как, напр., в модели французского феноменолога Жан-Луи Гардые (ROSSETTI 1994).

хочет. Но это, конечно, исключительно зависит от социальных обстоятельств, при которых происходит событие речевого акта.

Что касается второго случая, такие высказывания, как *Cogito, ergo sum*, либо *This very utterance is being made in French* (этот пример приводится в SEARLE 1989: 545) или обычные тавтологии вроде *Снег есть снег*, *Ljudi su ljudi* непосредственно указывают на положение дел, ими самими созданное, но едва ли их можно назвать перформативными в обычном смысле слова⁸⁵. В конце добавим, что, *contra* Э. Бенвенист, недостаточно автореференциального оператора, чтобы высказывание автоматически приобрело перформативный характер (об этом см. подробнее §2.2; см. также URMSON 1977).

2.1.1. Перформативы и делокутивы

Предположения французского лингвиста о важности автореференциального компонента в семантике перформативных высказываний (и, следовательно, перформативов), однако, до сих пор не утратили своей ценности. В частности, наличие свойства автореференциальности позволяет различать «настоящие» перформативные глаголы и (семантически) схожие глагольные категории, как, напр., делокутивы, в которых этот признак не проявляется.

Как известно, категорию делокутивных (или «отфразовых») глаголов (от лат. *locutio* ‘оборот речи’) также впервые определил Э. Бенвенист (БЕНВЕНИСТ 1974: 320–328), переработав предложение, очерченное А. Дебруннером за пару лет до появления статьи французского лингвиста (PLANK 2005: 460). Э. Бенвенист называет «делокутивными» те глаголы, которые образованы от синтагмы или от целых выражений, напр. лат. *salutare* ‘приветствовать’ в смысле *salutem <alicui <dicere>>* ‘сказать кому-либо *будь здоров! здравствуй!*’, др. гр. *χαίρειν <τινι <λέγειν>>* ‘обращать <кому-либо <свой привет>>’ (сокр. *χαῖρε!* ‘привет!’) и т.д. (БЕНВЕНИСТ 1974: 322; ср. с RECANATI 1987: 94–116). Класс делокутивов, хорошо засвидетельствованный в типологической перспективе⁸⁶, приближается к классу «настоящих» перформативных глаголов по двум основным признакам. Во-первых, как

⁸⁵ Заметим, между прочим, что такие высказывания можно верифицировать по их значению истинности. Например, значение истинности вышеприведенного серлевского примера *This utterance is being made in French* – ложь (высказывание, как раз, произносится на английском).

⁸⁶ Ф. Планк (PLANK 2005: 462–465) утверждает, что присутствие или отсутствие системы делокутивных глаголов в определенном языке зависит не от его формальных (морфологических, синтаксических, супrasegmentных) параметров, а, скорее всего, от способности его морфологии к глагольной деривации и от особых культурных потребностей в образовании подходящих лингвистических формул. В типологической перспективе засвидетельствованы делокутивы, образованные от следующих категорий: аллокутивных местоимений, именных формул обращения (прежде всего, вульгарного, снисходительного или оскорбительного характера), употребленных в разговоре лингвистических элементов (частиц, наречий, восклицаний и т.д.), выполняющих разные типы социальных актов выражений, идеофонов и ономотопей, разных диалектных признаков.

некоторые перформативы (точнее, «социальные» перформативы, т.е. остиновские бехабитивы или серлевские декларации), делокутивы не могут существовать (т.е. не могут быть реализованы на лексическом и морфосинтаксическом уровне) вне рамок особых культурных договоров и конвенций, отображенных в лексике определенного языка. Во-вторых, семантический инвариант делокутивов, что актуально и для многих перформативов (см. §2.3.1), в большинстве случаев является семой ‘говорить’ или, как пишет Э. Бенвенист, “[...] существенной чертой делокутива, по которой его можно распознать, является то, что со своей именной основой он находится в отношении «сказать...», а не в отношении «сделать...», свойственном отыменному образованию»⁸⁷ (БЕНВЕНИСТ 1974: 328).

Однако различия между делокутивами и перформативами не менее многочисленны и, может быть, даже более существенны. Во-первых, заметим, что, хотя класс делокутивных глаголов в принципе является всегда открытым (т.е. к классу, в принципе, можно всегда прибавить новые глаголы, см. рус. *тогокать* ‘постоянно говорить *того*, говорить не свободно’; см. PLANK 2005: 467), многие делокутивы, употребленные в связи с межличностными отношениями (напр. рус. *приветствовать*^{ДВ}, с-х. *pozdravljati*^{HCB}/*pozdraviti*^{CB}), либо подверглись грамматикализации, либо приобрели узаконенный характер, т.е. стали появляться только в устойчивых конструкциях. О бóльшей степени грамматикализации, которой достигли делокутивы по сравнению с перформативами, может свидетельствовать невозможность употребления делокутивов в синтаксических конфигурациях, расходящихся с их «канонической», т.е. подтвердившейся в разговорной речи конфигурацией: см. приемлемость с-х. высказываний *Proглаšavam <sastanak <završenim>>* (с эксплицитным перформативом) и *Sastanak <je <završen>>* (со страдательно-результативной конструкцией, см. также сноску 351) наряду с приемлемостью *Pozdravljam <te <na rastanku>>* (но прагматической неловкостью высказывания [?]*Ti <si <pozdravljen <na rastanku>>>*)⁸⁸.

Во-вторых, в лингвистической литературе убедительно доказано, что, в отличие от перформативов, делокутивы со временем могут превратиться в обычные лексические глаголы,

⁸⁷ Против этой точки зрения, однако, аргументированно выступает Ф. Планк: “Rather than resembling plain quotative saying, delocutive semantics is thus more along the lines of TELLING (i.e., informing) someone that *X* (a proposition), CALLING someone or something an *X* (an epithet), NAMING someone or something *X* (a name), where saying also means doing something by uttering the relevant words, rather than just uttering and perhaps quoting them” (PLANK 2005: 471–472).

⁸⁸ Конечно, видовая пара *pozdravljati*^{HCB}/*pozdraviti*^{CB} может появляться и в страдательном залоге, но значение несколько иное, более переносное, как показано ниже:

(3) Ključ Pakta Ulazak jugoslovenske delegacije u dvoranu *bio je pozdravljen* snažnim aplauzima.
[SRPKOR, poli001027.txt, Politika (27.10.2000.)]

тем самым утратив свою исходную делокутивную семантику⁸⁹. Примерами могут служить древнерусский глагол (церковнославянского происхождения) *цѣловати*⁹⁰ ‘приветствовать’, нем. *verhunzen* ‘испортить, осквернить’ (от *Hund* ‘пес’), ит. *gridare* ‘кричать’ (от лат. *quiritare* ‘кричать *Quirites!*’, т.е. граждане древнего Рима ≈ ‘призвать помощь’) и т.д. (PLANK 2005: 481–482).

В-третьих, если делокутивы сохраняют свою исходную семантику, они являются делокутивами во всех контекстах своего употребления, т.е. не наблюдаются ни функциональные пробелы в парадигмах, ни колебания в их семантическом толковании в зависимости от предыдущего контекста (*Я поздравляю, Я поздравил, Ты поздравил* и *Он поздравляет* остаются все-таки делокутивами, в то время как *Я обещаю* в общем перформатив, а *Я обещал, Я пообещаю, Я буду обещать* и *Он обещает* – констатиры).

В-четвертых, неясно, в какой степени некоторые элементы в классе делокутивов (по преимуществу глаголы обращения и речи) функционально совпадают с отдельными элементами класса перформативов. Также неясно, являются ли они независимыми лексическими формами или, скорее, лексическими проявлениями некоторых речевых перформативов (напр. рус. *благодарить*^{HCB}/*поблагодарить*^{CB}, с-х. *zahvaljivati*^{HCB}/*zahvaliti*^{CB}; см. §2.6)⁹¹.

По всем этим причинам, в этой диссертационной работе мы не будем отождествлять делокутивы с перформативами, тем самым не принимая во внимание класс делокутивов как предмет общего исследования⁹².

⁸⁹ Это замечание вызывает дальнейшую проблему деривационной непрозрачности многих делокутивов, т.е. неспособность точного определения исходной синтагмы и/или исходного выражения, на основе которых они были лексикализированы (не вполне ясно, например, происходит ли лат. *salutare* прямо от формулы приветствия *salve!* ‘привет! добро пожаловать!’). Однако решение такого вопроса выходит за рамки диссертационной работы.

⁹⁰ Э. Бенвенист считает, что др. р. *цѣловати* (и соответствующая формула приветствия *цѣль*) является кальком из лат. *salvus*, через правдоподобное влияние германского. В пользу своей точки зрения французский лингвист замечает, что в древнерусском языке, в отличие от латинского, не существует эквивалента формулы приветствия *salve!*, что указывает на невозможность образования делокутива внутри словарного запаса того же языка (БЕНВЕНИСТ 1974: 325). Это замечание, кажется, подтверждено по данным берестяных грамот (см. §3.3.2.1 и следующие параграфы).

⁹¹ Прототипические речевые перформативы в нашей таксономии – экспозитивы (напр. рус. *предполагать*^{HCB}/*предположить*^{CB}, с-х. *prepostavljati*^{HCB}/*prepostaviti*^{CB}). Важно заметить, что, хотя путем произнесения своего соответствующего высказывания экспозитивы не создают *stricto sensu* действие (в отличие от, напр., деклараций), они все-таки, в отличие от делокутивов, придают логическую структуру какому-нибудь тексту и/или рассуждению, определяя и моделируя их основные части, тем самым «создавая» их пояснительное ядро (ИОРДАНСКАЯ 1992; РЯБЦЕВА 1992), что оправдывает их включение в класс перформативов.

⁹² Частичное исключение мы сделаем только в следующей главе, посвященной диахроническому анализу перформативов в древнерусском и древнештокавском языках (§3.3, §3.4), где наряду с «настоящими» перформативами будем вскользь комментировать и некоторые случаи делокутивов, часто встречающихся в правовых и юридических документах.

2.2. К определению общего признака для перформативных высказываний

Если верно, что использование понятия автореференциальности не всегда является надежным критерием для определения и обозначения прототипических перформативных высказываний, особенно на основе их противоположности прототипическим констативным высказываниям, то следует задаться вопросом, существует ли вообще какой-либо лингвистический признак (или пучок признаков)⁹³, объединяющий все перформативные высказывания и отличающий их от чисто констативных. Принимая точку зрения о том, что сама черта автореференциальности не объясняет и не может объяснить исключительный характер перформативов (не говоря о перформативных высказываниях в целом) есть соблазн сказать, что нет общих характеристик, определяющих и объединяющих перформативные высказывания в целом⁹⁴. На основе этой точки зрения, многократно высказанной в литературе (см. напр. SEARLE 1989: 554 и ECKARDT 2012: 26), существование перформативных высказываний (и, следовательно, перформативов) невозможно объяснить на лингвистическом уровне, напротив, это является не чем иным, как неразрешимым случаем, даже аномалией, имеющей место в архитектуре естественных языков.

В то же время попытке решения этого вопроса посвящено несколько исследований, в подавляющем большинстве философского характера, в которых предлагается единый анализ перформативных высказываний на основе определения одного (или более) отличительного признака⁹⁵. В одной влиятельной статье философ-эпистемолог Карл Джинет подтверждает,

⁹³ Эта коллокация слегка модифицирована по сравнению с оригиналом («пучок функций», с учетом семантических свойств перфектива и имперфектива в естественных языках), который представлен в ПЛУНГЯН 2003²: 303.

⁹⁴ Выдвинута также гипотеза, что перформативы (и перформативные высказывания) являются прежде всего не автореференциальными высказываниями, а показательными актами (*act of showing*) (JARY 2007: 218 и сл.). Восемь теоретических предложений, выдвинутых с целью объяснить сходства и различия между констативами и перформативами, можно найти в HARNISH 2007.

⁹⁵ Среди исследований чисто лингвистического характера стоит упомянуть GROENENDIJK, STOKHOFF 1976: 68–70, в котором авторы предполагают, что существование изоморфного соответствия между типами предложений и соответствующими иллокутивными силами является, в самом деле, общим признаком перформативных высказываний. Об этом, по-видимому, свидетельствует тот факт, что члены сложного предложения **I promise that I will come, but I don't feel obliged* семантически противоречивы: первый член, перформативный (*I promise <that I will come>*), не может сочетаться с другим, ассертивным (*I don't feel obliged*). Наоборот, слегка модифицированное сложное предложение *I will come, but I don't feel obliged* является совершенно приемлемым (оба члена являются ассертивными). Итак, по мнению авторов, семантические и прагматические особенности перформативных высказываний можно уловить в рамках общей модели иллокутивных сил.

Предложение Й. Гронендейка и М. Стокхофа, подробности которого не будем обсуждать в этой диссертационной работе, является изысканным решением остиновской проблемы конвенциональности перформативов, т.е. вопроса, как перформативный характер определенных высказываний исключительно происходит из принятия и закрепления некоторых конвенциональных процедур. Бесспорно, соблюдение некоторых конвенциональных процедур (которые со временем становятся неизменяемыми) является, наряду с

что перформативный характер некоторых глагольных групп ϕ непосредственно вытекает из их описательного значения, т.е. “a verb phrase ‘ ϕ ’ is performative in certain circumstances because its descriptive meaning (the nature of the act it signifies) is such as to make it possible in those circumstances to ϕ by means of stating that one thereby ϕ s: ϕ ing is the sort of thing that lends itself to being done just by saying that one, in that very act, does it”⁹⁶ (GINET 1979: 246). Автор дальше определяет общие условия, которые должны быть соблюдены, чтобы говорящий, произносящий данное высказывание, путем его произнесения одновременно выполнил и соответствующий акт. Во-первых, надо «установить сцену», т.е. соблюсти предварительные условия успешности, уже выделенные Дж. Остином в его лекциях (напр. ампаир в бейсболе может объявить страйк, только если он является назначенным лицом и бьющий был не способен нанести удар при подаче). Во-вторых, надо произнести хорошо сформированное и соответствующее контексту высказывание – не принято, например, чтобы игрок выставял две пики высказыванием (с эксплицитным перформативом) *I bid two spades*, ему достаточно сказать *two spades* (ср. с дискуссией в §1.3). В-третьих, чтобы некоторые высказывания удовлетворяли условиям успешности, они должны вызвать в собеседнике эмоциональный эффект, вроде остинского перлокутивного акта. В-четвертых, нужно, чтобы между высказыванием и актом, им описанным, существовали отношения в окружающем мире. В-пятых, если какой-либо речевой акт выполняется намеренно, то говорящий, по всей вероятности, путем своего высказывания хочет добиться каких-то результатов. Иными словами, чтобы выполнить ϕ , говорящий заявляет, что он намеревается выполнить ϕ путем своего высказывания (тем самым не нарушая никаких конвенциональных правил), и хочет, чтобы собеседник признал его намерение⁹⁷. Итак, слушатель играет ключевую роль в признании перформативного характера определенного высказывания (GINET 1979: 250–256).

Идея о том, что перформативные высказывания отличаются от констативных не только отсутствием чисто описательного компонента, но и, скорее всего, являются одновременно и актом и (описательным) заявлением одного и того же акта, совершенно не нова (см., напр.,

автореференциальностью, важной частью семантического толкования перформативных высказываний. Однако, если употребление какого-либо эксплицитного перформатива (напр. *обещать*) обеспечивают только конвенциональные процедуры, лежащие в основе акта обещания, необходимо объяснить, почему высказыванию *Я обещаю* приписывается иллокутивная сила обещания, а высказыванию *Он обещает* – ассерции. Иными словами, в таком случае нужно объяснить, почему в одной и той же парадигме некоторых глаголов разным грамматическим лицам приписываются разные иллокутивные силы (HARNISH 2007: 11)

⁹⁶ Следует добавить, что К. Джинет пишет “verb phrase”, но в то же время перечисляет и несколько случаев перформативного употребления других синтагм (именных, прилагательных и т.д.), которые мы оставим без внимания.

⁹⁷ Такие размышления, по признанию самого К. Джинета, очень напоминают теорию ненатурального значения, предложенную П. Грайсом в известной статье и сформулированную следующим образом: “‘A meant_{NN} [т.е. non-naturally, ненатурально, М. Б.] something by x’ is roughly equivalent to ‘A uttered x with the intention of inducing a belief by means of the recognition of this intention.’” (GRICE 1957: 383).

LEMMON 1962 и противоположную Дж. Остину точку зрения в BACH 1975, в том числе там процитированную литературу). Похожий ход размышлений мы находим в монографии К. Баха и Р. Харниша (BACH, HARNISH 1979), в которой авторы стремятся объяснить, почему на английском языке высказывания вроде *I order you to leave* являются перформативными – или, иными словами, что именно придает таким описательным высказываниям перформативный характер. Опираясь вновь на грайсовское понятие ненатурального значения (см. сноску 97), авторы пишут, что

The communicative presumption among users of a language is that when they say something, what they are doing in saying it is determinable by their audience. Because this is a matter of mutual belief, the speaker can reasonably intend the hearer to take him as intending his act to be determinable, and it is on this basis, together with the utterance itself and the circumstances surrounding it, that the hearer determines what that act is. The speaker succeeds insofar as this determination is made correctly.

(BACH, HARNISH 1979: 208)

По мнению авторов, слушатель признает перформативный характер определенного высказывания путем шестиступенчатого логического разложения следующего типа:

1. He is saying "I order you to leave."
2. He is stating that he is ordering me to leave.⁹⁸
3. If his statement is true, then he must be ordering me to leave.
4. If he is ordering me to leave, it must be his utterance that constitutes the order. (What else could it be?)
5. Presumably, he is speaking the truth.
6. Therefore, in stating that he is ordering me to leave he is ordering me to leave.

(BACH, HARNISH 1979: 208)

Итак, авторы считают, что перформативные высказывания являются прежде всего (конвенциональными) *косвенными речевыми актами*, в семантике которых сопричастствуют констативный (*stating*) и перформативный (*issuing an order*) компоненты. Однако такое толкование перформативного характера, приобретенного некоторыми высказываниями в определенных контекстах и признанного слушателем как такового, не раз подвергалось критике⁹⁹. Одну из самых острых ответных статей написал Дж. Серль (SEARLE 1989). Автор замечает, что модель К. Баха и Р. Харниша никак не дает возможность различить предложения,

⁹⁸ Употребление необусловленной в контексте переформулировки с прогрессивом (который, как раз, функционально указывает на совпадение акта с высказыванием) в анализе К. Баха и Р. Харниша относительно недавно подверглось критике (JARY 2007: 221).

⁹⁹ Против такого отождествления приводятся весомые аргументы, напр., в GREWENDORF 1979.

высказывания которых могут приобрести перформативный характер, и предложения, высказывания которых никогда не допускают перформативное толкование, напр. *I am the King of Spain* (SEARLE 1989: 543). Автор предлагает относиться к перформативным высказываниям как к особому подтипу деклараций¹⁰⁰ и, в свою очередь, различать среди них декларации, создающие лингвистические объекты (т.е. приказы, обещания и т.д.) и декларации, создающие нелингвистические объекты (т.е. войну, перенос встречи и т.д.), т.е., иными словами, различать разные типы тетических перформативов (см. §2.6; SEARLE 1989: 550). Дж. Серль – следуя в этом вопросе за К. Джинетом, К. Бахом и Р. Харнишем – делает акцент на том, что в смысловой компонент перформативных высказываний (напр. в приказ) входит намерение говорящего выполнить обозначенный акт путем его высказывания. В отличие от упомянутых авторов, однако, Дж. Серль считает также, что этого недостаточно, чтобы перформативное высказывание было эффективным. Говорящий должен заранее ставить целью, чтобы перформативное высказывание приобрело именно тот эффект (а в английском такой эффект, по мнению автора, получается недвусмысленно при вставке автореференциального дейктика *hereby*, см. дальше), который, в свою очередь, придает перформативному высказыванию иллокутивную силу приказа¹⁰¹. Итак, высказывание предложения вроде *I (hereby) order you to leave* можно истолковать в рамках следующей модели:

- 1) S uttered the sentence "I hereby order you to leave" (or he uttered "I order you to leave" meaning "I hereby order you to leave").
- 2) The literal meaning of the utterance is such that by that very utterance the speaker intends to make it the case that he orders me to leave.
- 3) Therefore, in making the utterance S manifested an intention to make it the case by that utterance that he ordered me to leave.
- 4) Therefore, in making the utterance S manifested an intention to order me to leave by that very utterance.
- 5) Orders are a class of actions where the manifestation of the intention to perform the action is sufficient for its performance, given that certain other conditions are satisfied.
- 6) We assume those other conditions are satisfied.
- 7) S ordered me to leave, by that utterance.
- 8) S both said that he ordered me to leave and made it the case that he ordered me to leave. Therefore he made a true statement.

(SEARLE 1989: 553)

¹⁰⁰ С этой точкой зрения соглашается и М. Гарсиа-Карпинтеро, который рассматривает эксплицитные перформативы как случай парадигматических деклараций (GARCÍA-CARPINTERO 2013: 11).

¹⁰¹ К тому же, если верно, что перформативное высказывание обладает свойством автореференциальности и одновременно имеет свою собственную иллокутивную силу, этот факт, по-видимому, объясняет, почему «канонические» перформативные глаголы (по крайней мере в английском) спрягаются в 1-м л. ед. ч. през. из. накл. дейст. зал.: "I promise to come and see you" marks an event which is right then and there, simultaneous with the utterance, because the event is achieved by way of making the utterance" (SEARLE 1989: 557).

Хотя модель анализа перформативных высказываний, предложенная в SEARLE 1989, до сих пор редко подверглась критике¹⁰², надо все-таки добавить, что, по признанию самого автора, она никак не определяет, какие предикаты (и сколько из них) можно употребляться в перформативном контексте. Дж. Серль скорее утверждает, что перформативное употребление некоторых предикатов не обусловлено их семантикой, но скорее всего является частным случаем, относящимся к настоящему положению дел и к структуре окружающего мира, в котором значения истинности того или иного предложения действуют:

If God decides to fry an egg by saying, "I hereby fry an egg," or to fix the roof by saying, "I hereby fix the roof," He is not misusing English. It is just a fact about how the world works, and not part of the semantics of English verbs, that we humans are unable to perform these acts by declaration. But there is nothing in the semantics of such verbs that prevents us from intending them performatively; it is just a fact of nature that it won't work.

(SEARLE 1989: 554)

Против этой точки зрения выступает в 90-е годы Дж. Версхуерен, переосмысляя теорию «иллокутивного самоубийства», до этого выдвинутую З. Вендлером (VENDLER 1976; см. сноску 57). В статье Дж. Версхуерена, созданной в рамках модели метапрагматического анализа¹⁰³, (не)возможность перформативного употребления какого-либо глагола (V) в описании (D) описательного акта (A) не зависит исключительно от сути вещей но, наоборот, определяется таким образом (курсив и жирный шрифт в оригинале): «[...] speech act verbs which do not require D-conditions [т.е. условия описательного акта, при удовлетворении которых некий глагол можно надлежащим образом употребить в описании данного акта, *М. Б.*] (beyond those of the 'reflective' type) for an adequate description of their meanings, can in principle be used performatively» (VERSCHUEREN 1995: 312). Итак, такие глаголы, как *insinuate* 'намекать', *boast* 'хвастаться' или *threaten* 'угрожать' нельзя употреблять в перформативных высказываниях, потому что их описательный акт не совпадает в когнитивном плане с его описанием (т.е. требует обязательного присутствия D-conditions для его удовлетворения) (VERSCHUEREN 1995: 313–314). На основе этих семантических и когнитивных признаков можно всегда предположить, какие именно глаголы являются перформативами в инвентаре

¹⁰² Среди них см. ответный отзыв К. Баха и Р. Харниша на статью Дж. Серля (BACH, HARNISH 1992) и альтернативный анализ, предложенный в рамках модальной логики, где актуальное намерение говорящего исключается из числа компонентов, необходимых для перформативного толкования определенного высказывания (CONDORAVDI, LAUER 2011). В модели К. Кондоравди и С. Лауэра, перформативные высказывания как раз считаются особыми проявлениями не деклараций, а обещаний.

¹⁰³ Напомним, что в рамках метапрагматических моделей предметом изучения становится не столько употребление языка, сколько само понимание условий, лежащих в основе языкового употребления.

определенного языка. Однако следует добавить к вышесказанному, что в такой метапрагматической модели отсутствует возможность понять, *будут* ли такие глаголы употреблены перформативно в определенном контексте (VERSCHUEREN 1995: 317).

2.2.1. Синтаксическая вставка операторов

Кроме переоценки роли слушателя в признании перформативности какого-либо высказывания и/или приписывания свойства автореференциальности к какому-либо высказыванию, в лингвистической и философской литературе (особенно, но не только, западного ареала) выдвигалось еще несколько других гипотез с целью определить перформативный характер высказывания. Для нашего анализа особенно интересно синтаксическое преобразование исконного предложения, точнее – приглагольная вставка адвербиальных операторов (дейктиков) разных типов. Ниже мы будем анализировать два частных случая синтаксической вставки, а именно случай темпорального дейктика *now* и автореференциального дейктика *hereby*. Обоснованность сделанных на английском материале выводов будет дальше тестирована на материале русского (§4.2) и сербскохорватского языков (§5.2).

2.2.1.1. Now

Как и все темпоральные операторы, указывающие на присутствие контекстуальных элементов, которые являются релевантными в сам момент высказывания, англ. *now* также является семантически сложным и многослойным. В известной статье, посвященной памяти А. Прайора, Х. Камп (КАМП 1971) достаточно убедительно доказал, что семантический вклад, вносимый в предложение темпоральным оператором *now*, никогда не бывает нулевым, даже когда он употреблен в контекстах, разворачивающихся и актуализирующихся в момент высказывания¹⁰⁴.

Вставка оператора *now*, как кажется, в некоторых особых случаях (по крайней мере в английском языке) актуализирует указание на настоящее положение дел и превращает каноническое констативное высказывание в перформативное, как показано в следующем примере (4):

¹⁰⁴ Для того чтобы выявить весь состав семантических функций оператора, особенно в тех случаях, когда он появляется одновременно с другими темпоральными операторами (дейктиками, другими наречиями, даже глагольными временами) или вкладывается в них, автор разрабатывает сложную модель темпоральной логики, подробности которой мы здесь не можем привести.

- (4) You are man and wife. (констативное) $\neq$ You are now man and wife. (перформативное)¹⁰⁵
(HARNISH 2007: 6)

Здесь, однако, на различие в логическом статусе высказываний влияет не столько прибавление оператора само по себе, сколько особое синтаксическое конструирование события, которое принимается как пассивно-результативное (о приемлемости таких конструкций в перформативном контексте см. сноску 114). В этом смысле, по-видимому, оператор служит прагматическим фокусом, снимающим семантическую неоднозначность высказывания. Как известно, по сути, дейктик *now* в английском (а также соответствующие ему варианты в славянских языках, как мы увидим в дальнейшем; см. §4.2 и §5.2) отличается неоднозначностью своих темпоральных свойств. Иными словами, темпоральные свойства оператора *now* ему не присущи, а, что актуально для всех дейктиков, свободно определены контекстом их употребления – который, конечно, может отличаться и в значительной степени от момента высказывания. Используя более технические термины, можно сказать, что семантические переменные *now* можно свободно «мапировать» (т.е. перенести из одного множества в другое) в разные временные интервалы, не обязательно совпадающие с самим моментом высказывания (LEWIS 1970; KAMP 1979; DE PONTE 2017). Об этом свидетельствуют следующие предложения, в которых *now* свободно сочетается с темпоральным оператором будущего (5) и прошедшего времен (6)¹⁰⁶:

- (5) He will have had a hard day, so *now* he will want to relax with a cold beer.

(KAMP, REYLE 1993: 597)

¹⁰⁵ По поводу этого интересного противопоставления Э. Фортейн (личное сообщение) сообщает мне, что в нидерландском языке существует похожее различие между «каноническим» перформативным высказыванием с автореференциальным оператором *hierbij* ‘настоящим’ (*Hierbij verklaar ik jullie man en vrouw* ‘Настоящим я вас объявляю мужем и женой’) и констативным высказыванием с темпоральным оператором *nu* ‘теперь’ (*Jullie zijn nu man en vrouw* ‘А теперь вы муж и жена’). В то время как произнесением первого высказывания осуществляется настоящий акт брака, произнесением второго высказывания подчеркивается, что новое состояние только что достигнуто, т.е. что молодожены только что сочетались браком, формализованным при произнесении перформативного высказывания.

¹⁰⁶ Вопрос о том, существует ли тонкое семантическое различие между *now*₁ (которое употребляется в стативно-результативных контекстах) и *now*₂ (которое употребляется в динамических контекстах), остается за рамками этой работы. Гипотезу о семантических различиях между *now*₁ в начальной позиции (т.е. в левой периферии) и *now*₂ в последней позиции (т.е. в правой периферии) предложения, в независимости от темпоральных операторов, см. в SPOLAORE, DEL PRETE 2019. О неиндексикальных употреблениях оператора *now* см. ANAND, TOOSARVANDANI 2019. О взаимодействии наречий времени и видовременных операторов в логической системе см. RICHARDS 1982; HENY 1982.

- (6) Mary was content. The past two days had been strenuous. But *now* she had sent off her proposal.
(KAMP, REYLE 1993: 599)

2.2.1.2. *Hereby*

Более интересным является случай *hereby*, которому посвящено множество философских и лингвистических исследований. Уже Дж. Остин понял, что дополнительная вставка *hereby* могла служить подходящим критерием для определения перформативных высказываний (AUSTIN 1975²: 57; ср. с WARNOCK 1973), хотя в своих лекциях он не предлагает никакого особого анализа дейктика. Дж. Серль справедливо замечает, что в английском языке добавление *hereby* в какое-либо перформативное высказывание четко указывает на совпадение смыслового компонента высказывания, формализованного автореференциальным элементом *here*, и компонента намерения говорящего, формализованного иллюкутивным элементом *by*¹⁰⁷:

The “here” part is the self referential part. The “by” part is the executive part. To put it crudely, the whole expression means “by-this-here-very-utterance.” Thus, if I say, “I hereby order you to leave the room,” the whole thing means, “By this here very utterance I make it the case that I order you to leave the room.” And it is possible to succeed in making it the case just by saying so, because, to repeat, the utterance is a manifestation (and not just a description or expression) of the intention to order you to leave the room, by making that very utterance. The whole thing implies, “This very utterance is intended as an order to you to leave the room” where that implication is to be taken not just as the description of an intention but as its manifestation. And the manifestation of that intention, as we have seen, is sufficient for its being an order.

(SEARLE 1989: 552)

В формальных рамках дэвидсоновой истинностно-условной семантики (технические подробности которой мы здесь не будем принимать во внимание), ESKARDT 2012 является одним из самых содержательных недавних исследований, касающихся проблемы семантического и прагматического вклада *hereby* в перформативные высказывания. Основываясь на выводах, впервые сделанных в SEARLE 1989, автор старается объяснить, почему автореференциальность (которую она все-таки считает неотъемлемым компонентом любого перформативного высказывания) все же не может сама по себе определять перформативный характер какого-либо высказывания, но также нуждается в дополнительном

¹⁰⁷ С точки зрения формального (т.е. морфосинтаксического) образования автореференциального оператора, однако, славянские языки ведут себя по-другому (см. дискуссию в §4.2 и §5.2).

определении говорящего, эксплицитно обозначающего (с помощью *hereby*) свое перформативное выражение как пример соответствующего акта.

Первый довод, который Р. Экхардт приводит в пользу тезиса о том, что *hereby* является не только прагматическим маркером автореференциальности (а, скорее всего, указывает на присутствие других свойств, относящихся к перформативным высказываниям), касается его синтаксической позиции. Если бы *hereby* служил только функциональным элементом, обращающим внимание слушателя на перформативное высказывание говорящего (вроде «скрытого» речевого акта), можно было бы предположить, что его позиция в синтаксической структуре не подвергается ограничениям: как известно из синтаксических исследований, все функциональные элементы по сути не соблюдают условий локальности с другими составляющими в предложении. В действительности это далеко не так: англ. *hereby* можно найти только в позиции модификатора перформативного глагола (в независимости от того, появляется ли он в главном или в придаточном предложении), о чем убедительно свидетельствуют примеры (7) и (8):

(7) I am happy to hereby declare you the winner of the race.

(8) *I am hereby happy to declare you the winner of the race.

(ECKARDT 2012: 26)

Однако автор не может не заметить, как мы уже видели в §2.1, что само присутствие оператора *hereby* не превращает автоматически констативное высказывание в перформативное: существование предложений вроде англ. *I hereby utter a sentence consisting of nine words* только подчеркивает, что понятие автореференциальности может включать перформативный характер какого-либо высказывания, но не обязательно (и не полностью) совпадает с ним (ECKARDT 2012: 27).

На данный момент, пишет автор, нужно задать самому себе вопрос, о каком типе события мы говорим, когда отсылаем к понятию перформативного высказывания, т.е. какая часть речевого сообщения релевантна для приписывания перформативного характера какому-либо высказыванию. Р. Экхардт в семантическом анализе события, отображенного в перформативном высказывании *I hereby promise to clean the kitchen*¹⁰⁸, предлагает ввести важное различие между событием высказывания как такового (*the utterance event*) и актом информационного обмена, имеющего место в самом высказывании (*the actual ongoing act of information exchange*). Отправной точкой для этой гипотезы являются высказывания, в

¹⁰⁸ Ради краткости, теоретические позиции, которых придерживается автор, здесь не обсуждаются.

которых подлежащее предложения не совпадает с автором высказывания, напр. когда назначенное лицо (напр. посланник), выступая от имени короля, торжественно заявляет своему собеседнику (напр. крестьянину) *King Karl hereby promises you a cow*. Из контекста очевидно, что высказывание посланника (*u*) не совпадает с актом обещания (ε): подлежащее, т.е. создатель акта обещания, – король Карл, а говорящий, т.е. человек, произносящий высказывание, – посланник. Итак, по мнению автора, оператор *hereby* здесь вставлен в высказывание не только как фокусирующий маркер (*contra* JARY 2007: 220), а именно для того, чтобы указать на присутствие параллельно с перформативным высказыванием как таковым (в этом случае *u*) отвлеченного акта коммуникативного обмена (в этом случае акт обещания ε). Это различие в каком-то смысле напоминает остиновское противопоставление между локутивным (“performance of an act of saying something”, т.е. высказывание как цепь последовательных звуков) и иллокутивным актами (“performance of an act in saying something”, т.е. высказывание как акт, коммуникативный обмен информацией между двумя собеседниками)¹⁰⁹ (ECKARDT 2012: 30–34).

Рассмотрим сейчас другую минимальную пару высказываний, содержащих два различных перформативных глагола, где *hereby* может свободно появиться в позиции модификатора либо первого, либо второго глагола:

(9) I hereby inform you that you are sacked.

(9') I inform you that you are hereby sacked.

(ECKARDT 2012: 35)

Р. Экхардт замечает, что в (9') увольнение входит в информационный обмен ε (т.е. высказыванием *u* выполняется акт увольнения ε), в то время как в (9) в информационный обмен ε входит акт уведомления, а только потом к общему знанию собеседников прибавляется акт увольнения. Существование этого тонкого несовпадения подводит автора к рассмотрению различий между перформативными высказываниями с оператором *hereby* и без него (ECKARDT 2012: 36).

¹⁰⁹ Что касается (похожего) синтаксического размещения элементов в таких высказываниях, как *I am pleased to hereby open the exhibition* (которое можно употребить перформативно) и *John thinks that I hereby open the exhibition* (которое нельзя употребить перформативно), автор предполагает, что семантико-прагматическое различие в перформативном характере двух высказываний зависит не от того факта, что они оба являются придаточными предложениями, а скорее от того, что в первом предложении информация о том, что говорящий рад открыть выставку [в лямбда-исчислении $p = \lambda w.OPEN(sp, exhibition, \varepsilon, w)$], уже дана в виде верифицированных пресуппозиций, в то время как во втором предложении *p* является только аргументом глагола мнения *think* и не входит в состав своих верифицированных пресуппозиций (т.е. в общем знании собеседников отсутствует информация о том, что акт коммуникативной передачи ε является сам по себе открытием выставки) (ECKARDT 2012: 34–35). Более подробно о понятии пресуппозиции см. в ПАДУЧЕВА 2010⁵: 48–78.

Р. Экхардт дальше утверждает, что в предложениях вроде *I promise to come*, не содержащих никакого автореференциального оператора, событийный аргумент глагола подвергается экзистенциальному закрытию, т.е. высказывания без оператора истолкованы прежде всего как экзистенциальные¹¹⁰. Во-первых, в них, в отличие от высказываний с оператором, глагол может быть включен в сферу действия отрицания (грамматическая приемлемость предложения *I do not promise anything* противопоставляется прагматической неловкости предложения *?I hereby do not promise anything*)¹¹¹. Во-вторых, при наличии определенной именной группы в качестве субъекта (напр. *most students*), высказывания без оператора утрачивают свой перформативный характер (ECKARDT 2012: 36–44).

До сих пор, однако, еще один вопрос остается открытым: если автореференциальность не является единственным свойством, присущим только перформативным высказываниям, и если автореференциальный оператор *hereby* скорее сигнализирует о присутствии отвлеченного акта информационного обмена ε наряду с высказыванием как таковым, то что же придает некоторым высказываниям их перформативный характер? Р. Экхардт предлагает считать, что в семантику перформативного высказывания должен обязательно входить акт категориального определения высказывания (“the speaker’s act of defining the category of the utterance”), т.е. намерение говорящего определить категорию своего высказывания (напр. ‘обещание’) перед собеседником¹¹² (ECKARDT 2012: 47). Итак, по мнению автора, чтобы какое-либо высказывание приобрело свой перформативный характер, необходимо, чтобы оно удовлетворяло все следующим условиям:

A performative sentence is uttered performatively iff
 [self-referentiality]: the sentence uttered in ε denotes a proposition that describes the act of information transfer ε as something performative (a PROMISE, an OFFER, an ORDER, an INVITATION, ...),
 [of the right shape]: ε fulfills all descriptive criteria of the respective kind of performative act
 [and defined to be one]: and the speaker *defines* ε to be an instance of the respective kind of act.

(ECKARDT 2012: 48)

¹¹⁰ Данная точка зрения аргументированно оспаривается в JARY 2007: 221.

¹¹¹ Точнее, Р. Экхардт утверждает, что высказывания вроде *?I do not hereby promise anything* делают акцент на том, что говорящий заявляет, что его высказывание не является обещанием. Это создает странный эффект семантической «пустоты», особенно если учитывать, что говорящий, как пишет автор, “can easily ensure that any utterance of hers is not a promise, simply by not intending it to be one” (ECKARDT 2012: 37). В KORTUM 2002: 307, однако, приводится противоположное мнение, что в английском оператор *hereby* ведет себя почти так же, как другие наречия, указывающие на способ действия, вроде *wholeheartedly* ‘всецело, от всей души’, *strenuously* ‘энергично’, *kindly* ‘любезно’ и т.д. и в силу этого может входить в сферу действия отрицания, ср. *I do not wholeheartedly (/ hereby) promise to attend the banquet* (см. также ZUBER 1981).

¹¹² Автор соотносит это отличительное свойство перформативных высказываний с понятием «декларации», предложенным в SEARLE 1989 и уже обсужденным в §2.2 (ECKARDT 2012: 47).

2.3. Некоторые формальные свойства перформативов

Начиная с этого раздела, в нашем анализе мы снова перейдем от общего плана высказываний к плану глагольных предикатов и сосредоточимся на некоторых проблемах, более тесно связанных со славянскими языками. Рассмотрим сейчас некоторые формальные признаки, характеризующие перформативы в русском и сербскохорватском языках. Эти характеристики относятся, в первую очередь, к уровню лексической семантики глаголов (т.е. к их акциональным свойствам)¹¹³, а также и к их синтаксической предикатно-аргументной структуре и к их темпоральным аргументам.

2.3.1. Акциональные свойства

Что касается акциональных свойств перформативов, все они относятся к вендлеровским классам (VENDLER 1957) *accomplishments* (свершений) или *achievements* (достижений)¹¹⁴, т.е. они всегда являются предельными¹¹⁵ предикатами. В этой связи, как уже отмечено, всеобъемлющим исследованием, охватывающим все релевантные лексические

¹¹³ Наряду с первыми исследованиями Ч. Филлмора 60-х годов А. Вежицкая, среди прочих, в течение продолжительного времени занималась тщательным определением лексического значения перформативных глаголов, в английском и в типологической перспективе, принимая во внимание также общие культурологические аспекты вопроса (см. напр. WIERZBIŃSKA 2003; ср. для английского с HLEBEC 2015).

¹¹⁴ В связи с этим заметим, что в типологической перспективе нередки случаи, в которых перформативы (или, точнее, перформативные формулы) употребляются в страдательном залоге (с перфектной семантикой): ср. англ. *Notice is hereby given that trespassers will be prosecuted* (AUSTIN 1975²: 57), ит. *La seduta è tolta* 'Заседание завершается (букв. 'завершено')', рус. *Ты освобожден от обязанностей временного руководителя отдела*, с-х. *Svaki četvrtak pozvani ste doći i pronaći svoj centar za kretanje u centru grada* (ПОПОВИЧ 2018: 275; ср. с §4.3.2 и §5.3.2). По поводу сербскохорватского также отметим, что Д. Войводић (ВОЈВОДИЋ 2018А: 94) приписывает этим страдательно-перфектным конструкциям в перформативном контексте, напр. *Умольени сте да припремите реферат за штампу*, территориально ограниченное распространение. С другой стороны, М. Гарсиа-Карпинтеро рассматривает (перформативные) глаголы речи исключительно как достижения и утверждает, что перформативные высказывания допускают только стативное толкование (GARCÍA-CARPINTERO 2013: 11). В рамках гипотезы М. Гарсиа-Карпинтеро можно в принципе объяснить семантическую близость таких предложений, как *I call <you <"Peter">>* и *Your name <is <"Peter">>*, поскольку во втором предложении выражается состояние, последующее за возникновением нового положения дел, осуществленного произнесением первого (перформативного) высказывания (я обращаюсь с благодарностью к Эхберту Фортейну, который обратил мое внимание на этот пример). О перфектных и результативных конструкциях в типологической перспективе в перформативном контексте см. FORTUIN 2019: 20–32.

¹¹⁵ Определение предельности дается в §2.6. Нужно добавить, что, в отличие от других предельных предикатов, принадлежащих классу достижений, в русских перформативах сосуществуют компонент точности и компонент процессуальности (АПРЕСЯН 1995В: 238–241). По этой причине они не допускают синтаксическую вставку ни темпоральных обстоятельств точности (напр. *в этот момент, сразу же* и т.д.), ни инклюзивных обстоятельств времени (напр. *за три минуты*). Апресян также утверждает, что русские перформативы, будучи по преимуществу интенциональными предикатами, не сочетаются с обстоятельствами, обозначающими выполнения действия (напр. *весело, кратко, небрежно* и т.д.) и с оценочными обстоятельствами вроде *хорошо, плохо* и т.д. (АПРЕСЯН 1995А: 205–206; см. также ИОРДАНСКАЯ 1992: 30–31), что, однако, неверно для перформативов в других языках, напр. в английском (KORTUM 2002).

характеристики русских перформативов в рамках проекта интегрального описания языка, является АПРЕСЯН 1995А. В дополнение к вышесказанному (см. §1.4.2) автор замечает, что, хотя в подавляющем большинстве случаев компонент ‘говорить’ входит в глубокую семантику перформативов, сам глагол *говорить*^{НСВ}, в отличие от видового партнера *сказать*^{СВ}, никогда не бывает настоящим перформативом¹¹⁶. Его т.н. *полуперформативный* статус сохраняется только в эмфатических высказываниях таких предложений, как *Говорю тебе, что он тебя простил*, но только в виде (парентетического)¹¹⁷ самокомментария говорящего, что в некоторой степени приближает его к категории т.н. «ментальных» перформативов (т.е. остиновских экспозитивов) и наносит сильный удар по правдоподобности общих выводов, сделанных в рамках т.н. «перформативной гипотезы»¹¹⁸ (АПРЕСЯН 1995А: 210–214). К этому, однако, надо еще добавить, что существуют многие неперформативные глаголы, характеризующиеся сложной лексической семантикой, в которую входит компонент ‘говорить’ (напр. *бормотать*, *обрывать*, *спрашивать* и др.) и, наоборот, многие перформативные глаголы, в семантике которых компонент ‘говорить’ либо отсутствует, либо на него прямо не указывается (напр. *посвящать*). По мнению автора, чтобы глагол речи мог быть употреблен перформативно, необходимо, чтобы общий компонент ‘говорить’ “входил в

¹¹⁶ Разделяя мнения Ю. Д. Апресяна, в частности, М. Я. Гловинская добавляет, что глагол *говорить* не может приобретать перформативный характер потому, что “[...] не содержит специфицированной характеристики речевого намерения говорящего” (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 158). Это замечание, которое противопоставлено мнению Э. Бенвениста (БЕНВЕНИСТ 1974: 307), остается справедливым также в отношении сербскохорватского глагола *kazati*^{ДБ} который, однако, является двувидовым («настоящий» глагол НСВ *kazivati*^{НСВ} имеет несколько иное значение, приближаясь скорее к т.н. многократному способу действия). Что касается конкурирующего глагола (только СВ) *reći*^{СВ}, его употребление в штокавской норме подвергается большим ограничениям. Видовременное функционирование этих глаголов требует отдельного рассмотрения.

¹¹⁷ Ни в формальной, ни в функциональной литературе парентетические конструкции не получали однозначного определения. В рамках этой работы мы ограничимся замечанием о том, что, хотя они имеют некоторые семантические сходства с эксплицитными экспозитивами (обе эти глагольные формы, в некоторых контекстах, служат введением в основную коммуникативную ситуацию), парентетические конструкции отличаются от них по крайней мере на основе некоторых синтаксических (т.е. они являются внеклаузальными элементами) и просодических свойств. Вдобавок, парентетическими могут являться разнообразные лексические элементы: от наречий до глаголов речи и мышления. См. подробнее дискуссию о парентетических элементах в современном русском языке в GRENOBLE 2004.

¹¹⁸ Как известно, уже к концу 60-х годов, в методологических рамках тогдашней порождающей семантики, американский лингвист Джон Р. Росс постулировал, что в глубинной структуре каждого ассертивного предложения присутствует другое, его доминирующее минимальное предложение, состоящего из трех нереализованных на поверхности составляющих, т.е. «эгоцентрического» субъекта в 1-м л. ед. ч., глагола речи (маркированного по общим семантическим признакам [+PERFORMATIVE], [+COMMUNICATION], [+LINGUISTIC], [+DECLARATIVE]) и косвенного дополнения в виде личного местоимения в 2-м л. (ед. или мн. ч.). Так, согласно этой гипотезе обычное констатирующее высказывание вроде *Prices slumped* ‘Цены упали’ должно быть повторно проанализировано как *<I tell you <(that) prices slumped>>* ‘Я тебе говорю/сообщаю, (что) цены упали’, т.е. в качестве сложного предложения, состоящего из (кажущейся) перформативной части (которая подвергается последующему морфонологическому удалению) и собственно ассертивной части, введенной (нулевым или эксплицитным) комплементаром. Это теоретическое предложение вошло в историю как «перформативная гипотеза» (ROSS 1970).

Первоначальная версия перформативной гипотезы уже давно отклонена. Для критического, а в некоторых случаях даже резкого переобсуждения перформативной гипотезы см., в частности, GAZDAR 1979: 15–35; RANSOM 1977: 358; SADOCK 1974: 51–71; VERKUYL 1972: 61–64.

ассертивную, а не в пресуппозитивную часть толкования” (АПРЕСЯН 1995А: 211; ПОПОВИЋ 1999).

2.3.2. Синтаксические свойства

Что касается синтаксической валентности перформативов в русском и сербскохорватском языках, следует в первую очередь сказать, что они в подавляющем большинстве случаев являются переходными, т.е. в количество аргументов в синтаксическом дереве включено прямое дополнение (объект) в виде (не)определенной именной группы или целого придаточного предложения (в зависимости от анализируемого перформатива)¹¹⁹. Однако, приписывание падежа разным аргументам может варьироваться без определенной закономерности в значительной степени. В статье, посвященной данной теме, Д. Войводиц выделяет следующие типы управления перформативов: перформативы с родительным [напр. рус. *требовать*^{НСВ}/*потребовать*^{СВ}, с-х. *zaht(ij)evati*^{ДВ}], с дательным (напр. рус. *запрещать*^{НСВ}/*запретить*^{СВ}, с-х. *zabranjivati*^{НСВ}/*zabraniti*^{СВ}), с винительным (напр. рус. *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ}, с-х. *moliti*^{НСВ}/*zamoliti*^{СВ}) и с творительным падежом [напр. рус. *спорить*^{НСВ}/*поспорить*^{СВ}, с-х. *kladiti se*^{НСВ}/*o(p)kladiti se*^{СВ}], без обязательного падежного отношения (напр. рус. *каяться*^{НСВ}/*покаяться*^{СВ}, с-х. *kajati se*^{НСВ}/*pokajati se*^{СВ}) и с разными типами звательных оборотов. В почти каждом подтипе валентности, более того, подразумевается сопричастие прямого или косвенного объекта (Войводиц 1999: 74–82).

2.3.3. Темпоральные свойства

Рассмотрение темпоральных аргументов¹²⁰ русских и сербскохорватских перформативов, как нам кажется, способствует выявлению еще одного ряда интересных

¹¹⁹ В свою очередь, прямое дополнение перформативов может быть как интенционального (напр. рус. *просить* <билет>), так и экстенционального характера (напр. рус. *сообщать* <новости>). Напомним, что, по мнению Ю. Д. Апресяна, большинство русских перформативов является интенциональными, что мешает их сочетанию с экстенциональными предикатами вроде *брать*, *плакать*, *смотреть* и др. (АПРЕСЯН 1995А: 205–206). Ю. Д. Апресян также подчеркивает, что в случае двойного управления (напр. управления русского перформатива *заявлять* придаточным предложением с союзом *что* и предложно-именной группой *о чем-либо*) отдается предпочтение управлению с *что*, которое сохраняет, так сказать, более перформативный характер (ср. *Я вам заявляю, что вы все уволены против Я заявляю вам об этом, исходя из ваших же интересов*, см. АПРЕСЯН 1995А: 204).

¹²⁰ Понятие *темпорального аргумента*, которое мы будем употреблять в дальнейшем в связи с глагольными предикатами, требует пояснения. Темпоральный аргумент предиката здесь определяется как состав (отвлеченных) темпоральных свойств определенного события, в независимости от того, как именно они реализуются в данном контексте. Напр., темпоральный аргумент глагола *помнить* носит претеритальный характер (можно помнить только то, что случилось в отлаженном или ближайшем прошлом), а предиката *построить* <дом> – (типично) футуральный. В зависимости от принятой во внимание теоретической модели,

семантических свойств. Следуя за таксономией, предложенной в Войводиц 2003 и Волводиц 2018б в рамках анализа семантико-функционального поля перформативов, можно выявить одну однородную группу квазиперформативных глаголов (по существу глаголов речи, относящихся к классу экспозитивов) и три основные группы перформативов; 1) информативных, т.е. неоднородного класса деклараций и экспозитивов; 2) прескриптивных, т.е. директивных; и 3) автопрескриптивных, т.е. комиссивных. Все эти перформативы в одной и той же синтаксической структуре обладают разными темпоральными аргументами.

Что касается квазиперформативов, напр. рус. *повторять*^{HCB}/*повторить*^{CB}, с-х. *ponavljati*^{HCB}/*ponoviti*^{CB}, они отличаются трехуровневым «свободным» (т.е. неопределенным) темпоральным аргументом, т.е. либо претеритального, либо презентного, либо футурального типа.

Особая группа информативных перформативов ведет себя неодинаково. С одной стороны, есть глаголы, вроде рус. *заявлять*^{HCB}/*заявить*^{CB}, с-х. *izjavljivati*^{HCB}/*izjaviti*^{CB}, темпоральный аргумент которых допускает отношение либо к претеритальному, либо к презентному, либо к футуральному положению дел. С другой стороны, существуют глаголы, вроде рус. *признаваться*^{HCB}/*признаться*^{CB}, с-х. *priznavati*^{HCB}/*priznati*^{CB}, которые имеют единственный «несвободный» темпоральный аргумент ретроспективно-претеритального типа (Волводиц 2018б: 83–84).

Прескриптивные перформативы автор делит на пять групп, в зависимости от их определенного лексического характера. Это требования, напр. рус. *требовать*^{HCB}/*потребовать*^{CB} и с-х. *zaht(ij)evati*^{DB}, в семантической основе которых лежит компонент ‘должен’; мольбы, напр. рус. *просить*^{HCB}/*непросить*^{CB} и с-х. *moliti*^{HCB}/*zamoliti*^{CB}, в семантической основе которых лежат компоненты ‘желать’ и ‘можно/нельзя’; советы и приглашения, напр. рус. *приглашать*^{HCB}/*пригласить*^{CB} и с-х. *pozivati*^{HCB}/*pozvati*^{CB}, в семантической основе которых лежит компонент ‘можно/нельзя’; предупреждения, напр. рус. *предупреждать*^{HCB}/*предупредить*^{CB} и с-х. *upozoravati*^{HCB}/*upozoriti*^{CB}, в семантической основе

понятие темпорального аргумента приближается к другим гипотезам, часто встречающимся в лингвистической литературе. Например, с функциональной точки зрения, как не раз подчеркивалось в исследованиях Д. Войводица (см. подробнее в Войводиц 1997; Войводиц 1999: 82–89; Войводиц 2003; Войводиц 2005: 102–107; Волводиц 2018б: 83–91; ср. также с Хомутский 2009; Хомутский 2010), темпоральный аргумент предиката (в том числе и перформативов) совпадает с его т.н. пропозициональной валентностью, т.е. с возможностью употребления предиката, обладающего какой-либо темпоральной перспективой. С более формальной точки зрения, наоборот (напр. в RULLMANN, MATTHEWSON 2018: 282), понятие темпорального аргумента предиката частично совпадает не с темпоральной перспективой (которая скорее определяется как момент, в который фоны разговора предиката оцениваются как истинны или ложны), а с т.н. темпоральной ориентацией, т.е. отношением между темпоральной перспективой и моментом предыдущего события (например, в предложении *John might have won the game if he hadn't been feeling sick that day* темпоральная перспектива носит претеритальный, а темпоральная ориентация футуральный характер). Именно для того чтобы избежать терминологической путаницы, мы решили использовать всеобъемлющий термин темпоральный аргумент.

которых лежит компонент ‘может быть’; разрешения и запреты, напр. рус. *запрещать*^{НСВ}/*запретить*^{СВ} и с-х. *zabranjivati*^{НСВ}/*zabraniti*^{СВ}, в семантической основе которых лежит компонент ‘разрешено/запрещено’. Все эти перформативы имеют единственный «несвободный» темпоральный аргумент проспективно-футурального типа (Волводић 2018б: 87–97).

Наконец, для автопрескриптивных перформативов типичным также является единственный «несвободный» темпоральный аргумент проспективно-футурального типа¹²¹. В этом смысле, по мнению автора, «настоящему» комиссивному речевому акту (т.е. иллокутивному акту обещания), который эксплицитно реализуется путем употребления автопрескриптивных перформативов вроде рус. *обещать*^{ДВ}/*(по)обещать*^{СВ}) и с-х. *obećavati*^{НСВ}/*obećati*^{СВ}, противопоставляется иллокутивный акт ручательства, который эксплицитно реализуется путем употребления перформативов вроде рус. *заверять*^{НСВ}/*заверить*^{СВ} и с-х. *uv(j)eravati*^{НСВ}/*uv(j)eriti*^{СВ} и который может обладать и презентным, и претеритальным темпоральными аргументами (Волводић 2018б: 97–104).

2.4. Вид и время перформативов

В этом разделе мы сосредоточимся на данных славянских языков и затронем ключевой вопрос, который лежит в основе диссертационной работы, а именно в какой степени (и какие) славянские перформативы проявляются в видовременных конфигурациях, отличающихся от «канонического» сочетания функциональных категорий «Наст» и «НСВ». Сначала (§2.4.1) мы рассмотрим необычные видовые конфигурации перформативов, т.е. широко известную оппозицию между НСВ и СВ (которая, кроме словенского, является релевантной и для других славянских языков, вроде польского, чешского и, конечно, русского), а затем (§2.4.2) перейдем к обсуждению необычных темпоральных конфигураций перформативов, т.е. трехчленного

¹²¹ Очень интересно отметить, однако, что в некоторых языках темпоральный аргумент глагола *обещать* словно подвергается сдвигу по направлению к другим темпоральным перспективам, т.е. наряду с ему присущей футуральной перспективой начинают появляться презентная и претеритальная перспективы, которые, как кажется, приближают это новое употребление *обещать* к другим перформативам, используемым в комиссивных речевых актах, напр. *клясться*. Это употребление встречается довольно часто в медиаискусстве, особенно в языке песен и фильмов: ср. англ. *Oh, I promise I didn't know he was your man* (из песни *Diane*, исполненной кантри-певицей Cam в 2017 году, см. <https://www.youtube.com/watch?v=gAcvbGuqG0Q>) и ит. *Ti prometto che ho bisogno solo di te* ‘Я клянусь (букв. ‘обещаю’), что только ты мне нужна’ (из песни *Prometto*, исполненной рэпером The Night Skinny, в альбоме Mattoni 2019 г., см. <https://www.youtube.com/watch?v=kseVzaPPMYU>). Однако пока нельзя сказать, что именно вызывает это семантическое изменение и является ли оно частью более распространенной тенденции (в типологическом ракурсе), хотя, по всей вероятности, центральными являются роль контекста и общие семантические компоненты этих двух комиссивов (благодарю проф. Д. Войводица за ценное замечание). К этому вопросу мое внимание привлек Джузеппе Сполаоре, которому выражаю благодарность.

временного противопоставления Наст vs. Буд (напр. в болгарском и сербскохорватском языках) и/или vs. Прет (напр. в украинском языке). Очерченные теоретические замечания послужат основой для дальнейшего разбора данных, взятых из корпусов и анкет и обсуждаемых в продолжении диссертационной работы (§4.3–§4.4, §5.3–§5.4).

2.4.1. Двухчленная видовая оппозиция (CB vs. HCB)

Во многих славянских языках в «каноническом» перформативном контексте и в связи с определенным числом перформативов наблюдается видовое противопоставление между двумя конкурирующими формами, т.е. между През^{CB} (НП^{CB}) и През^{HCB} (Наст^{HCB})¹²². Для того чтобы проиллюстрировать это явление¹²³, приведем ниже ряд примеров из разных славянских языков, начиная с пары русских директивов *просить*^{HCB}/*попросить*^{CB} [см. нижеприведенный пример (10)]:

(10) Господа, *прошу*^{HCB}/*попрошу*^{CB} ваши билеты.

Судя по всему, такая видовая оппозиция (CB vs. HCB) действует также во многих других славянских языках. Затронутыми видовой оппозицией являются разные классы перформативных глаголов: не только директивы [см. словацкую пару *prosím*^{HCB}/*poprosím*^{CB} в примере (17)], но также экспозитивы [см. словенскую пару *priznavam*^{HCB}/*priznam*^{CB} в примере (12)] и комиссивы [ср. русскую пару *ручаюсь*^{HCB}/*поручусь*^{CB} в примере (11), словенскую *obljubljam*^{HCB}/*obljubim*^{CB} ‘обещаю^{HCB}/пообещаю^{CB}’ в примере (13), польские *proponuję*^{HCB}/*zapropponuję*^{CB} ‘предлагаю^{HCB}/предложу^{CB}’ и *zakładam się*^{HCB}/*złożę się*^{CB} ‘спорю^{HCB}/поспору^{CB}’ в примерах (14)–(15) и чешскую *přisahnu se*^{HCB}/*zapřisahnu se*^{CB} ‘присягаю^{HCB}/присягну^{CB}’ в примере (16)]:

(11) А после никто не менял. За это *ручаюсь*^{HCB}/*поручусь*^{CB}. Ни на шаг не отходил. Короче, в семнадцать тридцать объявляют, что участвуют четыре компании (две ихние, две от нас), все документы действительны.

[рус.; НКРЯ: Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

¹²² Про это понятийное разграничение напомним, что этикетка «презенс» в общем отсылает к морфологическим свойствам определенной глагольной формы, в то время как «непрошедшее» относится к ее семантическим компонентам (особенно в таких языках, как в русском, в которых не существует отдельной морфологизованной формы/конструкции для выражения будущего времени, а скорее заимствуется другую форму в качестве аспектуального будущего).

¹²³ К более детальному обсуждению вопроса мы специально вернемся в четвертой (§4) и пятой главах (§5).

- (12) *Priznavam*^{HCB}/*Priznam*^{CB}, da vas ne razumem.
(слов.; ДЕРГАНЦ 2012: 232)
- (13) *Obljubljam*^{HCB}/*Obljubim*^{CB}, da bom vse naredil.
(слов.; ДЕРГАНЦ 2012: 232)
- (14) Nie, pani. *Proponuje*^{HCB}/*Zaproponuje*^{CB}, ażebyśmy wracali do domu.
(пол.; DISKEY 2000: 182)¹²⁴
- (15) *Zakładam się*^{HCB}/*Założę się*^{CB}, że się już marzy waszmości poślubienie siostrzenicy swojej z młodym panem Tęczyńskim.
(пол.; ВОЙВОДИЧ 2015: 28)
- (16) Ano, Sonnakovi slova můžu potvrdit, opravdu to tam původně bylo. Ja *se* klidně *přisahnu*^{HCB}/*zaprisahnu*^{CB} ze sem to nebyl.
(чеш.; ВИМЕР 2014: 109)
- (17) Áno, odpoveď je správna, *prosím*^{HCB}/*poprosím*^{CB} vás poslať na môj e-mail vaše celé meno a priezvisko.
(словац.; ВОЙВОДИЧ 2015: 28)

Чтобы подготовить основы для дальнейшего объяснения этого видового противопоставления в перформативном контексте, необходимо сказать несколько вступительных слов о более общей теме видового маркирования в славянских языках. Как широко известно, в отличие от других языков, где аспектуальные различия чаще всего выражены в плане темпоральности (см. напр. различие между претеритами *imperfetto* и *passato remoto* в итальянском) и/или акциональности (см. §2.6) глагольных предикатов (см. напр. различие между *simple* и *progressive* в английском), а также в зависимости от контекста, в славянских языках выражение вида является морфологически прозрачным, т.е. каждый глагол в словарном запасе современных славянских языков формально охарактеризован как глагол

¹²⁴ Заметим, однако, что при обсуждении более широкого контекста перформативный характер этого высказывания подвергается сомнению (ŁAZIŃSKI 2015: 332).

либо совершенного, либо как несовершенного вида¹²⁵. Иными словами, славянский вид является грамматикализованной категорией для всех глагольных словоформ (см. для русского Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 15, а для сербскохорватского континуума, особенно его сербского варианта, Пипер, Клалн 2014²: 175–180). Это несколько тривиальное вступление к теме приводит к первому заключению о том, что видовые свойства славянских перформативов также прямо воплощаются в глагольной морфологии и в отличие от других языков не нуждаются, кроме редких случаев (напр. в случае двувидовых глаголов), в дополнительном контекстуальном толковании.

Принято считать, что диахроническое развитие видовой категории, которое происходило с разной скоростью и на разных этапах в зависимости от того или иного славянского языка, достигло своего пика в восточнославянских языках (точнее говоря, в русском). Об этом, по всей вероятности, свидетельствует следующий факт. На выбор глагольного вида для предельных глаголов (в том числе и для глаголов речи) в русском языке могут влиять не только первичные (т.е. чисто акциональные) функции ('событие', 'процесс', 'состояние' и т.д.) и другие свойства события (напр. аспектуальные, темпоральные и модальные), а даже другие и более периферийные факторы (т.е. не первичные, ни исходные, в структуралистском смысле) как, например, дискурсивные и иллокутивные функции, состав пресуппозиций, разные стратегии прагматико-конверсационного характера и т.д. (см. семантико-функциональные «слои луковицы» в ВИМЕР 2014: 91–92)¹²⁶. Поскольку выражение эксплицитных перформативов, как показано в предыдущей главе, касается прежде всего прагматического уровня лингвистического анализа, а вышеупомянутые периферийные факторы, которые в других славянских языках (напр. в сербскохорватском, о котором речь будет идти в §2.4.2) менее тесно связаны с видовым (/ видовременным) маркированием, играют роль в выборе вида русских перформативов, то оказывается очевидным, что в рамках настоящей диссертации тщательное рассмотрение этих прагматико-конверсационных функций имеет весьма важный характер. Более того, такое рассмотрение может проливать свет на частные механизмы, лежащие в основе видового противопоставления в перформативном контексте в русском

¹²⁵ Однако см. предложение, выдвинутое в TATEVOSOV 2011, о поздней вставке в синтаксическую структуру аспектуального оператора СВ (т.е. об исходной, существенной неаспектуальности русской глагольной лексики). Исконно двувидовые глаголы, которые в большинстве случаев являются реликтовыми формами, относящимися к историческому этапу (не вполне грамматикализованной) видовой системы, здесь не принимаются во внимание. Что касается диахронического развития видовой категории в славянских языках, тему мы посвятим немного внимания в следующей главе (§3).

¹²⁶ В целях сравнения с другими славянскими языками см., напр., необычно расширенное употребление русского НСВ в своем общефактическом значении или в значении «приступ к действию», которое является типичным для инфинитива и повелительного наклонения (БЕНАКЬО 2010: 27–30).

языке, к которому мы обращаемся в дальнейшем обсуждении прагматических исследований последних десятилетий¹²⁷.

Как уже вскользь отмечалось в §1.4.3, расширение научных интересов семантических и прагматических исследований, в которых было заимствовано существенное количество понятий, придуманных и употребленных в других областях гуманитарных наук, глубоко повлияло также на (преимущественно советские) исследования по аспектологии, в которых введение таких понятий оказалось весьма релевантным для объяснения некоторых механизмов, лежащих в основе выбора вида и активно воздействующих, в частности, на определенные глагольные классы (например, на глаголы речи и перформативы).

Сосредоточим наше внимание на исследованиях, в которых понятие вежливости играет решающую роль¹²⁸. В новаторской статье Р. Лакофф (LAKOFF 1973), в которой автор обращается к теме вежливости почти исключительно в рамках лингвистического (точнее, прагматического) анализа, впервые предлагается формулировка состава т.н. «конверсационных правил» и «правил вежливости», касающихся в разной степени условий успешности в произнесении и получении какого-либо речевого сообщения. Р. Лакофф, в частности, перечисляет три правила, действующих, в зависимости от частных культурных обычаев, на формальном, неформальном и, так сказать, «интимном» уровне вежливости: *Don't impose!*, *Give options!*, *Make A* (т.е. адресат, *M. B.*) *feel good – Be friendly!*. За несколько лет до этих общих наблюдений путь к изучению вежливости уже проложила известнейшая грайсовская таксономия конверсационных максим¹²⁹, которые, хотя прямо не затрагивают

¹²⁷ Общие выводы, сделанные в этом разделе, послужат теоретическим основанием для последующего анализа корпусных и анкетных данных из русского языка (§4.3–§4.4).

¹²⁸ Недавний анализ лингвистического проявления понятий вежливости и невежливости на фоне обсуждения исследований последних десятилетий см. в NEVALA 2010, ЕРЗИНКЯН 2018: 46–108 и процитированной там литературе.

Следует подчеркнуть, что до сих пор не существует однозначного научного определения феномена вежливости. Причин для этого, по крайней мере, две. Во-первых, к вежливости, которая является ключевым компонентом культуры общения (ФОРМАНОВСКАЯ 1982; ЗЕМСКАЯ 1994), исследователи относились по-разному в рамках разных теоретических подходов (в том числе так лингвистического, как нелингвистического характеров), которые, в свою очередь, привели к созданию разных и иногда сталкивающихся друг с другом моделей толкования. Во-вторых, хотя интуитивно легко сказать, что такое вежливость, на практике попытки недвусмысленного определения понятия характеризовались не только недостаточной четкостью в его обозначении, но и его крайней субъективностью, т.е. межкультурными расхождениями в его определении и в приписывании ему определенного состава ценностей (см., в частности, YU 2011; LEECH 2014: 261–281; SCHLUND 2014).

¹²⁹ Как широко известно, П. Грайс, который читал свои лекции в Гарварде в 1967 году, выделяет следующие конверсационные максимы: максима количества (*Quantity Maxim*, т.е. изложить не меньше и не больше информации, чем требуется), максима качества (*Quality Maxim*, т.е. не говорить то, что считается ложным, и то, что пока не доказано), максима релевантности (*Relation Maxim*, т.е. не отходить от определенной темы) и манеры выражения (*Manner Maxim*, т.е. избегать неясности и двусмысленности, а также быть последовательным и сжатым; ср. GRICE 1975: 45–47).

грамматические средства для выражения вежливости¹³⁰, все-таки связаны с коммуникативной успешностью речевого сообщения¹³¹.

Естественным развитием грайсовской таксономии является далеко идущая монография Дж. Лича (LEECH 1983), целью которой является уточнение модели конверсационных максим и ее применение в плане (коммуникативной) межличностной целесообразности, т.е. то, как коммуникативная успешность речевого сообщения конкретно воспринимается участниками в событии речевого акта¹³². В связи с понятием принципа вежливости¹³³, лежащим в основе модели Дж. Лича, исконная совокупность четырех грайсовских максим расширяется за счет добавления следующих шести максим¹³⁴: такта (*Tact Maxim*, т.е. сведение к минимуму затрат и доведение до максимума выгод собеседника), великодушия (*Generosity Maxim*, т.е. сведение к минимуму своих собственных выгод и доведение до максимума выгод собеседника), одобрения (*Approbation Maxim*, т.е. сведение к минимуму уничижения и доведение до максимума похвалы других), скромности (*Modesty Maxim*, т.е. сведение к минимуму хвастовства и доведение до максимума самоуничижения), согласия (*Agreement Maxim*, т.е. сведение к минимуму несогласия и доведение до максимума согласия между собеседниками) и симпатии (*Sympathy Maxim*, т.е. приведение своих взглядов в соответствие со взглядами собеседника) (LEECH 1983: 131–139). Как подчеркивает автор, максима такта прямо накладывается на серлевские директивные и комиссивные иллокутивные акты. Примером может служить следующий контекст, взятый из монографии Дж. Лича: если говорящий просит своего собеседника ответить на звонок, просьба для него непременно обернется затратой, но, если она косвенно сформулирована, напр. в виде косвенного речевого акта (напр. *Could you possibly answer the phone?* вместо резкого императива *Answer the phone!*), тогда она будет более

¹³⁰ Необходимо добавить к вышесказанному, что в совокупности максим, не входящих в т.н. принцип кооперации (*Cooperative Principle*), есть также общая максима вежливости (*Be polite!*), которая, однако, по мнению автора, в отличие от конверсационных максим не связывается с конкретными целями речевого сообщения, включенными в принцип кооперации (GRICE 1975: 47).

¹³¹ П. Грайс так определяет принцип кооперации: “[...] make your conversational contribution such as is required, at the stage at which it occurs, by the accepted purpose or direction of the talk exchange in which you are engaged” (GRICE 1975: 45).

¹³² Точнее говоря, монография Дж. Лича следует за теоретическим подходом т.н. прагмалингвистики (о различиях в теоретических подходах между прагмалингвистикой и социопрагматикой см. MARMARIDOU 2011).

¹³³ На основе этого принципа, воспринимаемую собеседниками вежливость можно концептуализировать как результат взаимодействия (по крайней мере) двух оценочных шкал: шкалы «затрат/выгод» (*cost-benefit scale*), которая учитывает права и обязанности собеседника, и шкалы «непосредственности/косвенности» (*directness-indirectness scale*), которая реализует совокупность прав и обязанностей за счет лингвистических (точнее, грамматических) средств (LEECH 1983: 107–108).

¹³⁴ Конечно, сам автор уточняет, что “[...] not all maxims and sub-maxims are equally important”, напр. максима такта оказывается более мощным ограничением на коммуникативное поведение собеседников, чем максима великодушия, и, в свою очередь, максима одобрения более релевантна, чем максима скромности (LEECH 1983: 183). Переобсуждение грайсовских максим в свете теории релевантности см. в HUANG 2012.

вежливой и, соответственно, более приемлемой со стороны адресата (LEECH 1983: 107–110; о способах выражения вежливости в русских просьбах см. также MILLS 1992).

Шкала «непосредственности/косвенности» играет ключевую роль в определении т.н. негативной и позитивной вежливости, впервые введенной в прагматику именно Дж. Личем. На основе сходств и различий между чисто иллокутивной и социальной целью иллокутивных актов Дж. Лич выделяет четыре типа т.н. *иллокутивных функций*: конкуритивную (иллокутивная цель которой состязается с социальной, напр. в случаях приказов, просьб, требований и мольбы), конвивиальную (иллокутивная цель которой совпадает с социальной, напр. в случаях предложений, приглашений, приветствий, благодарностей и поздравлений), коллаборативную (иллокутивная цель которой не устанавливает связи с социальной, напр. в случаях заявлений, сообщений, объявлений и поручений) и конфликтивную (иллокутивная цель которой сталкивается с социальной, напр. в случаях угроз, обвинений, проклятий и порицаний). В первых двух случаях, т.е. при наличии конкуритивной и конвивиальной иллокутивных функций, понятие вежливости приобретает существенную важность. Автор пишет (курсивы и капитали в оригинале):

Where the illocutionary function is COMPETITIVE [...], the politeness is of a negative character, and its purpose is to reduce the discord implicit in the competition between what *s* (т.е. говорящий, *М. Б.*) wants to achieve, and what is 'good manners'. Competitive goals are those which are essentially DISCOURTEOUS, such as getting someone to lend you money. [...] The PP (т.е. принцип вежливости, *М. Б.*) is therefore required to mitigate the intrinsic discourtesy of the goal. The second type, that of CONVIVIAL functions [...], is, on the contrary, intrinsically COURTEOUS: politeness here takes a more positive form of seeking opportunities for comity. Positive politeness means observing the PP in that, for example, if you have an opportunity to congratulate *h* (т.е. слушатель, *М. Б.*) on his 100th birthday, you should do so.

(LEECH 1983: 104–105)

Последующая модель негативной и позитивной вежливости, созданная в совместной монографии П. Браун и С. Левинсона, оказывается важным шагом на пути к построению единой таксономии возможных проявлений вежливости в естественных языках (BROWN, LEVINSON 1988²). Как это ни парадоксально, теория вежливости П. Браун и С. Левинсона разработана не в рамках лингвистического исследования, а, скорее, на основе социоантропологического понятия *лица*, т.е. “the public self-image that every member [т.е. член общества, *М. Б.*] wants to claim for himself” (BROWN, LEVINSON 1988²: 61). Лицо, именно как вежливость, двойное понятие: в нем соприсутствуют и негативный, и позитивный компоненты. В частности, *негативное лицо* определяется как стремление каждого (взрослого)

члена общества к защите своего пространства и к уклонению от обязанностей, накладываемых на него окружающими людьми. К понятию негативного лица относится негативная вежливость, нацеленная на правила, имеющие цель «защищать» лицо членов общества, тем самым соблюдая межличностную дистанцию и формальность общения. С другой стороны, *позитивное лицо* определяется как социальный образ самого себя, к которому каждый (взрослый) член общества стремится и который он хочет создать у других (BROWN, LEVINSON 1988²: 62). К понятию позитивного лица относится позитивная вежливость, которая всегда носит инклюзивный (“approach-based”) характер, т.е. предположение о том, что один член общества делится с другим некоторыми требованиями (BROWN, LEVINSON 1988²: 70). Каждый акт речевого общения, эксплицитно или имплицитно угрожающий лицу какого-либо члена общества, авторы называют *угрожающим лицом актом* (*face-threatening act*). Сила и интенсивность угрожающих лицу актов измеряются на основе взаимодействия трех факторов: социальной дистанции между говорящим и слушателем (которая является симметричным отношением), относительной власти говорящего и слушателя (которая является асимметричным отношением)¹³⁵ и ранжирования социальных ограничений в рамках определенной культуры. Необходимо подчеркнуть, что релевантной является не столько научная объективность этих факторов, сколько их субъективное восприятие со стороны участников речевого акта, т.е. состав положительных и отрицательных ценностей, которые собеседники совместно приписывают определенному акту (BROWN, LEVINSON 1988²: 74–76).

В продолжении своей монографии П. Браун и С. Левинсон подробно описывают лингвистические средства выражения вежливости, которые в типологической перспективе могут носить либо лексический, либо грамматический, либо паралингвистический характер (BROWN, LEVINSON 1988²: 91–210). Относительно славянских языков именно в силу их своеобразной видовой системы исследования последних десятилетий сосредоточивались на грамматических средствах, которые каждый язык имеет в своем распоряжении для выражения вежливости. Одним из наиболее всеобъемлющих исследований, фокусирующихся на роли вежливости в определении вида в славянском императиве (с особым учетом русского императива), является БЕНАККЬО 2010. В своей монографии автор убедительно показывает, как двойственность вежливости ассоциируется с разным выбором вида в императиве предельных предикатов. Вообще говоря, императивы СВ считаются «нейтральными» формами в связи с грамматическим выражением межличностной дистанции между собеседниками (т.е. они в

¹³⁵ Термины «симметричное» и «асимметричное» (или «иерархическое») отношение восходят к новаторскому исследованию Дж. Брауна и А. Гильмана о местоимениях власти и солидарности (BROWN, GILMAN 1960: 257–262).

целом выражают негативную вежливость и относятся к негативному типу лица собеседника, что оказывается подходящим в не-информальных обращениях), в то время как императивы НСВ считаются семантически менее нейтральными, так как они в общем выражают позитивную вежливость, относятся к позитивному типу лица собеседника и намекают на присутствие более неформальных отношений между участниками в событии речевого акта (что, в свою очередь, может оказаться грубым, т.е. угрожающим лицу актом, если слушатель не близок говорящему)¹³⁶.

Неудивительно, что стержень теоретических предложений, касающихся выбора вида в славянском императиве, можно отнести и к перформативам, которые имеют с императивами общий перлокутивный компонент (о логико-семантической связи между императивами и перформативами см. AIKHENVALD 2010: 256–295; BROŽEK 2011 и процитированную там литературу). На самом деле, считалось, что наряду с параметром (позитивной или негативной)¹³⁷ вежливости для выбора вида славянских перформативов весьма релевантным является и взаимодействующий с ним признак *авторитета*, который можно определить как социальную и/или иллюкутивную власть говорящего, воспринимаемую как таковую участниками в событии речевого акта (см. еще в §6.1). Как мы не раз отмечали в первой главе (см. подробнее §1.2.1 и §1.4.2), считается общепринятым, что присутствие назначенного для выполнения акта лица является неотъемлемой (и необходимой для удовлетворения его условий успешности) частью перформативного высказывания. Однако (воспринимаемая) интенсивность авторитета говорящего, т.е. то, насколько авторитетно говорящий относится к другим участникам в событии речевого акта, может варьироваться, причем даже в значительной степени. Так, в статье, посвященной выбору вида русских глаголов речи, А. Израэли подчеркивает, что употребление СВ (как в констативном, так и в перформативном контексте) обусловлено двумя факторами: присутствием предшествующего коммуникативного обмена между говорящим и слушателем (автор называет этот фактор внешним прагматическим договором, *external pragmatic contract*)¹³⁸ и присутствием

¹³⁶ За несколько лет до вышеизложенных наблюдений Б. Вимера Р. Бенаккьо замечает, что эти прагматические и конверсационные факторы, влияющие на выбор вида славянских императивов, прямо вытекают из частной семантики каждого вида (т.е. из семантико-акциональных свойств, лежащих в основе каждого вида). Точнее говоря, употреблением СВ говорящий обращает внимание на конечный момент действия, которое нужно совершить, в то время как, употребляя НСВ, говорящий фокусируется либо на начальной, либо на срединной фазе действия, тем самым побуждая своего собеседника начать или продолжить его выполнение. Это «побуждение к действию» может повлечь за собой либо выгоду, либо ущерб для адресата, в зависимости от авторитета говорящего и от его статуса по сравнению со статусом слушателя (БЕНАККЬО 2010: 23–32).

¹³⁷ Далее в диссертации речь будет идти только о негативной вежливости, поскольку позитивная вежливость не играет непосредственной роли в определении видовременного маркирования перформативов.

¹³⁸ По мнению автора, присутствие такого внешнего прагматического договора возможно объясняет видовое противопоставление между напр. *Она ему сказала*^{СВ} *о собрании?* (= как ожидалось, в соответствии с достигнутой ранее договоренностью) и *Она ему говорила*^{НСВ} *о собрании?* (= общефактическое значение НСВ, т.е. имел ли

подходящего отклика слушателя на определенную коммуникативную ситуацию (т.е. принятием т.н. внутреннего прагматического договора, *internal pragmatic contract*)¹³⁹. В обоих случаях говорящий должен иметь авторитет перед своим собеседником, иначе выбор вида является неудачным (ISRAELI 2001: 54–70, 78–88).

На данном этапе дискуссии необходимо сделать пару важных замечаний, в настоящий момент ограничиваясь обсуждением данных русского языка. Во-первых, признак авторитета, по всей видимости, не является единственным контекстуальным показателем, обуславливающий употребление форм в НП^{CB}. Наряду с указанием на авторитет говорящего выделяющимся (салиентным) в контексте, в зависимости от определенной коммуникативной ситуации, может быть и набор т.н. «восстановительных» стратегий (*repair strategies*), которыми говорящий пользуется в целях возобновления негативного лица адресата (личное пространство которого может быть повреждено иллокутивным актом), а также уменьшения импозитивного характера своих собственных коммуникативных намерений. В примере (10), который приводим ниже еще раз для удобства чтения, оба толкования вполне возможны:

(10) Господа, *прошу*^{HCB}/*попрошу*^{CB} ваши билеты.

Прототипическим агенсом в примере (10) является водитель, который в автобусе просит прокомпостированные билеты у пассажиров. На основе этого минимального контекста, без дополнительных указаний на другие контекстуальные элементы, практически нельзя утверждать с достаточной уверенностью, при каких условиях обосновано употребление перформативной словоформы *попрошу*^{HPCB}. Разумеется, водитель может считать себя вправе обратиться авторитетно к своим адресатам. Однако, поскольку директивный иллокутивный акт просьбы может в принципе нанести вред негативному лицу адресата (ЛЕЕСН 2014: 116), возможно также, что говорящий пытается свести к минимуму нежелательные эффекты, вытекающие из осуществления иллокутивного акта. Это можно сделать только путем

вообще место такой факт?). Разумеется, сохранение этого внешнего прагматического договора, за счет которого проявляется признак авторитета говорящего, является важным также для употребления НП^{CB} в перформативном контексте (ISRAELI 2001: 54).

¹³⁹ В зависимости от наличия отклика слушателя на данную коммуникативную ситуацию и от его интенсивности (напомним, что отсутствие отклика приводит к выбору HCB) автор выделяет следующие четыре группы глаголов: глаголы, которые требуют, чтобы слушатели присутствовали в событии речевого акта и слушали [напр. *Я выступал*^{HCB} (**выступил*^{CB}), но меня никто не слушал]; глаголы, которые требуют, чтобы слушатели воспринимали говорящего и отвечали подходящим образом [напр. *Я их предупреждала*^{HCB} (**предупредила*^{CB}) о возможности наводнения (не знаю, почему они не уехали вовремя)]; глаголы, которые описывают либо иллокутивные (HCB), либо перлокутивные (CB) акты [напр. *Он мне объяснял*^{HCB} (**объяснил*^{CB}), как туда проехать, но я не поняла]; глаголы, которые описывают акт приглашения или требования со стороны говорящего [напр. *Мне предлагали*^{HCB} (**предложили*^{CB}) новую работу (но я от нее отказалась)] (ISRAELI 2001: 56–70). О схожем функционировании видовой оппозиции для чешской глагольной пары *říkat*^{HCB}/*řít*^{CB} см. в ESVAN 2011b.

применения тесно связанных с вежливостью восстановительных стратегий, направленных на возобновление негативного лица обоих участников в событии речевого акта, т.е. на сохранение межличностной дистанции между участниками. Точнее, при принятии восстановительных стратегий говорящий намеревается уравновесить (минимизировать) «вторжение» в личное пространство адресата и в то же время «скрыть» иллюкутивную силу высказывания, т.е. сделать свои коммуникативные намерения менее очевидными, менее импозитивными.

Во-вторых, параметр авторитета, наряду с другими признаками (семантического, прагматического или конверсационного характера), которые довольно часто встречаются в литературе в числе возможных факторов, влияющих на видовое маркирование предельных предикатов, естественно вытекает из семантического инварианта СВ в восточнославянских языках, а именно темпоральной определенности (см. §2.6). Например, А. Израэли утверждает, что релевантными для видового маркирования русских глаголов речи, кроме авторитета, являются также параметры последовательности и рематичности, т.е. введения в речевое общение новой информации (ISRAELI 2001: 74–78, 81–94; см. также ИЗРАЭЛИ 2013). Однако рематичность, в свою очередь, оказывается коммуникативным отображением понятия последовательности (т.е. понятия о том, что информационно новое естественно следует¹⁴⁰ за тем, что было уже сказано). Более того, в более поздней статье С. Дики (DISKEY 2018; см. также DISKEY 2000: 186–187), авторитет в русском языке¹⁴¹ успешно определяется как прагматический эффект более основного понятия временной последовательности¹⁴²:

Although the analysis of the performative use of the pf present just given [т.е. в предложении *А я вас попрошу объяснить свое поведение, М. Б.*] may appear to differ slightly from the other cases discussed above, they are in fact different ways of expressing the same phenomenon. That is to say, the idea that the pf in its performative usage expresses a positive epistemic

¹⁴⁰ Важно добавить, что здесь употребление глагола «следует» относится не к линейной последовательности синтагм (что явно противоречит убедительно доказанному иерархическому характеру синтаксических структур), а только к их расположению на временной оси.

¹⁴¹ Следует подчеркнуть, что параметр авторитета в перформативном контексте актуален прежде всего для восточнославянских языков (и, хотя в несколько меньшей степени, для южнославянских языков, за возможным исключением словенского, как мы увидим в дальнейшем). Употребление НП^{СВ} вместо Наст^{НСВ} в перформативном контексте в западнославянских языках (напр. в чешском языке), как кажется, лицензировано присутствием иных параметров, которые заслуживают отдельного внимания (DE WIT 2017: 160).

¹⁴² Это замечание может напоминать наблюдение Х. Голтона о семантическом инварианте СВ в славянских языках с учетом През^{СВ}. В частности Х. Голтон пишет, что “[...] What is couched in the ipv. present, can never really become effective, but lasts unchanged until lexical or other indications occur to the contrary. Only the pv. aspect can get things moving” (GALTON 1976: 95). По этому поводу необходимо добавить, однако, что в рамках теории Х. Голтона семантический инвариант СВ является одним и тем же для всех славянских языков, в то время как теория С. Дики опирается на гипотезу, что семантика СВ в восточнославянских языках является более сложной, чем в западнославянских, т.е. в семантику СВ в восточнославянских языках заложен дополнительный компонент «темпоральная последовательность» (см. §2.6).

stance¹⁴³ toward some other situation is really just a variation on the link ascribed to the pf with some other situation in the other cases described above [...]. It is a matter of the particular semantics of verbs of requesting that the situation requested is a complement of the clause with the verb itself, so that the requested situation is the other predicate P' relative to the pf *poprosit* 'request'. If using pf *poprosit* creates a link with some other situation as is claimed to be the case with the pf in general, then it is only natural that the link would be with the situation requested, which amounts to a 'positive epistemic stance' concerning that potential situation.

(DICKY 2018: 100)

Возвращаясь к сопоставительному анализу славянских языков, Б. Вимер (вслед за С. Дики, см. DICKY 2000: 196) замечает, что возможность употребления НП (През)^{CB} в перформативном контексте постепенно убывает с запада на восток, тем самым подчеркивая, что эта тенденция хорошо сочетается с (также географическим определенным) постепенным убыванием возможности употребления НП (През)^{CB} как (неактуального) настоящего (ВИМЕР 2014: 100)¹⁴⁴. Однако, по признанию самого автора, это всего лишь половина правды, особенно если учитывать тот факт, что перформативы, допускающие видовое противопоставление в восточнославянских языках, как кажется, являются более многочисленными и разнообразными, чем считалось ранее¹⁴⁵ (ВИМЕР 2014: 103–111).

На этом мы пока закончим (этот вопрос еще будет рассматриваться в разделах §4.3–§4.4 на основе данных, полученных из корпусов и собранных в соответствующей анкете) и перейдем к обсуждению трехчленной темпоральной оппозиции в перформативном контексте.

2.4.2. Трехчленная темпоральная оппозиция (Прет vs. Наст vs. Буд)

В некоторых славянских языках, наряду с основным видовым противопоставлением между СВ и НСВ, в «каноническом» перформативном контексте наблюдается другая оппозиция темпорального характера. Она может охватывать либо парадигмы Наст^{НСВ} и Буд

¹⁴³ Понятие «положительная оценка говорящего» мы будем вновь обсуждать в последней главе настоящей диссертационной работы (§6.3).

¹⁴⁴ Если верно, что, как пишет Б. Вимер, “[...] более западные славянские языки следует расценивать как более консервативные” (ВИМЕР 2014: 100), то с этой точки зрения исключительно высокое распределение непрошедшего СВ в словенском, так в контекстах неограниченной кратности (GALTON 1976: 88–91; БЕНАККО, ПИЛА 2015; ВИМЕР 2015), как и в контекстах настоящего исторического (ДЕРГАНЦ 2014) и в императиве (БЕНАККО 2010: 180), по всей вероятности, восходит к более раннему историческому этапу языкового развития. Это, как мы увидим дальше (см. §3.1.1), может привести к важным последствиям, касающимся направления видовременного развития славянских перформативов. О видовом употреблении в контекстах настоящего исторического в сербскохорватском языке см. ПОПОВИЧ 2015.

Формальная гипотеза о различиях между СВ и НСВ в перформативном контексте в словенском языке представлена в МОСНИК 2015: 17–28.

¹⁴⁵ К этому вопросу мы отдельно обратимся в первом разделе четвертой главы (§4.1).

(Фут)^{146CB/НСВ}, либо парадигмы Наст^{НСВ} и Прет^{СВ147}. Репрезентативными для первого случая являются нижеприведенные примеры (18)–(21), в которых появляются пары сербскохорватских директивов *молим*^{НастНСВ}/*замолићу*^{ФутСВ} (в сербском варианте) ‘прошу^{НастНСВ}/попрошу^{НПСВ}’ (см. также соответствующие болгарские и македонские варианты *моля*^{НастНСВ}/*ще помоля*^{ФутСВ}/*ще моля*^{ФутНСВ} и *молам*^{НастНСВ}/*ќе замолам*^{ФутСВ}/*ќе молам*^{ФутНСВ}) и *upozoravam*^{НастНСВ}/*upozorit* *ću*^{НПСВ} (в хорватском варианте) ‘предупреждаю^{НастНСВ}/предупрежу^{НПСВ}’:

(18) *Молим*^{НастНСВ}/*Замолићу*^{ФутСВ} Вас да предузмете мере у циљу отклањања недостатка¹⁴⁸.
(с-х.; Войводић 2015: 29)

(19) *Upozoravam*^{НастНСВ}/*Upozorit* *ću*^{ФутСВ} vas da je tada i gospođa Pusić, primjerice, koja zastupa drukčiji stav od nas, rekla da bi se te optužnice još možda i mogle prihvatiti kada bi se znalo koliko će još optužnica biti, da ne bi svaka nova optužnica opet izazivala nove potrese, opet nove rasprave...

[с-х.; HNK, doc#16234]

(20) Ви *моля*^{НастНСВ}/*Ще Ви помоля*^{ФутСВ}/*Ще Ви моля*^{ФутНСВ} да ми дадете съвет или информация за литература по въпроса.

(бол.; СЛАВКОВА 2014: 240)

(21) Јас ќе Ве очекувам. *Молам*^{НастНСВ}/*Ќе замолам*^{ФутСВ}/*Ќе молам*^{ФутНСВ} ве да дојдете.

(мак.; ВОЈВОДИЋ 2019: 24)

¹⁴⁶ Альтернатива между двумя терминами («будущее» и «футурум») относится, с одной стороны, к семантическому (дейктическому) содержанию глагольного времени, а с другой стороны к его формальному проявлению в виде независимой морфологической парадигмы (что является отличительной чертой южнославянских языков по сравнению с западно- и восточнославянскими). Важно отметить, что на основе этого определения исключены все видовые (видовременные) словоформы (напр. НП^{СВ} в русском и чешском языке), для которых выражение будущего времени является (в диахронии) вторичной функцией, возникшей после переосмысления исконного семантического содержания словоформы (чаще всего, неактуального настоящего).

¹⁴⁷ Следует добавить, однако, что видовременная оппозиция в украинском языке является несколько более сложной, чем описано, потому что наряду с Наст^{НСВ} и Прет^{СВ} в перформативном контексте может появляться, как и в русском, также НП^{СВ}. Ср. напр. с *Я Вас усіх прошу^{НСВ}/попрошу^{СВ} відкласти свої святкування, які заплановані, прошу^{НСВ}/попрошу^{СВ} підтримати Його рідних і близьких в таку важку мить* (мод. из ВОЙВОДИЧ 2015: 28).

¹⁴⁸ Подчеркнем, что в недавней статье (ВОЈВОДИЋ 2019: 22–24) в сербскохорватском языке, как и в болгарском и македонском, предлагается расширить двухчленную оппозицию между Наст^{НСВ} и Фут^{СВ} в перформативном контексте за счет включения третьего члена, т.е. Фут^{НСВ}, напр. *Молићу*^{ФутНСВ} *vas da umuknete na trenutak*. Однако, из-за нехватки решающих данных в пользу этого предположения (т.е. из-за невозможности найти достаточное число контекстов, подтверждающих правдоподобность выдвинутой гипотезы), в настоящий момент мы оставим его в стороне.

Репрезентативным для второго случая является украинский пример в (22). Подчеркнем, однако, что в дальнейшем мы будем сосредотачиваться только на первом случае¹⁴⁹, т.е. на возможном трехчленном чередовании между Наст^{НСВ}, Буд (Фут)^{СВ} и Буд (Фут)^{НСВ}:

(22) Дякую^{НастНСВ}/Подякував^{ПретСВ} Вам за цікаву розмову. Один позитив!!!¹⁵⁰

(укр.; Попович 2018: 275)

По-видимому, данные этих славянских языков противопоставляются общепринятому постулату о том, что перформативные высказывания и совпадающие с их произнесением соответствующие действия осуществляются исключительно в сам момент высказывания¹⁵¹. По поводу этого наблюдения, однако, следует добавить пару замечаний.

Во-первых, в статистической выборке языков, проанализированных в типологическом исследовании Э. Фортейна (FORTUIN 2019: 36–38), упоминаются некоторые языки, в которых футуральные формы можно свободно употреблять в перформативном контексте, хотя в более маркированных контекстах и при присутствии более сильных ограничений (чаще всего, как кажется, прагматического, а не чисто временного характера)¹⁵². Итак, нельзя сказать, что такие

¹⁴⁹ О втором случае (т.е. о появлении перформативов в прошедшем времени) речь пойдет дальше (см. последующую дискуссию в §3.1, §3.3 и §3.4).

¹⁵⁰ Подчеркнем также, что в рамках этой диссертационной работы украинская глагольная пара *дякувати*^{НСВ}/*подякувати*^{СВ} ‘благодарить’^{НСВ}/‘поблагодарить’^{СВ} считается делокативной, а не (чисто) перформативной. Пример этот здесь приводится в целях полной репрезентативности данных.

¹⁵¹ Точнее, в ПАДУЧЕВА 1994: 40–41 высказывается мнение о том, что с точки зрения времени перформатив является действием, одновременным с моментом речи (а момент речи задает т.н. объемлющий временной интервал), в то время как с точки зрения вида перформатив является действием, начавшимся и завершившимся в момент речи.

¹⁵² Э. Фортейн выдвигает гипотезу о том, что в большинстве случаев употребление футурума в перформативном контексте носит межсубъектный характер, т.е. берет на себя большую интенсивность иллокутивной силы перформативного высказывания. В качестве примера приводится следующее (квазиперформативное) высказывание (в виде комиссивного речевого акта) в английском: *I will promise you this, that if we have not gotten our troops out by the time I am President, it is the first thing I will do* (FORTUIN 2019: 37). В этом контексте, употребление *promise* вновь приближается к семантике более ритуального *swear* (см. сноску 121 в §2.3.3). Заметим также, однако, что С. Дики не признает перформативный характер высказываний вроде *You're stupid. I'll tell you that much*, в которых, по мнению автора, проявляется только принадлежащее к динамической модальности намерение говорящего, а не совпадение его высказывания с соответствующим действием (DISKEY 2000: 176). На наш взгляд, пример все-таки является неудачным по двум причинам. Во-первых, как известно, существует осязаемое семантико-функциональное различие между полными и сокращенными формами вспомогательного глагола *will*, особенно в сочетании с 1-м л. ед. ч. (т.е. в эгоцентрических высказываниях). В частности, в то время как *will* может отсылаться к будущему положению дел или к чистому намерению говорящего, сокращенная форма *'ll* сигнализирует готовность говорящего к немедленному выполнению какой-то будущей обязанности. Во-вторых, синтаксическое расположение высказывания *I'll tell you that much* в связи с первым членом *You're stupid* (и, может быть, даже его супrasegmentное устройство) напоминает парентетические конструкции (об этом см. также замечания в КЛИМОНОВ 2015).

формы, хотя и являющиеся необычными в перформативном контексте, вовсе там не употребляются¹⁵³.

Во-вторых, интересно отметить, что в славянских языках, имеющих временную оппозицию настоящего-будущего, НП^{CB} последовательно исключено из состава форм, которые могут появляться в перформативном контексте. Такое исключение, кажется, не является случайным, а представляет собой результат более общего грамматического ограничения, налагаемого этими языками на присутствие НП^{CB} в контекстах актуального настоящего (т.е. невозможности употребить с-х. **zamolim*, **upozorim*, бол. **помоля* и мак. **замолам* как самостоятельные предикаты в главном предложении, дейктически ссылающемся на событие, которое разворачивается в актуальном настоящем)¹⁵⁴. В литературе эту несовместимость (или, по крайней мере, ограниченную совместимость) между категориями «настоящего времени» и «перфектива» в связи с выражением события, разворачивающегося в момент высказывания, называли *парадоксом перфективного презенса* (*present perfective paradox*: ср. об этом ASIC 2000; MALCHUKOV 2009; DE WIT 2017)¹⁵⁵. Каждая языковая система может преодолевать этот парадокс по-разному. Например, в восточнославянских языках (в частности, в русском) формы НП^{CB} подверглись дейктическому

¹⁵³ Уже в 70-х годах в исследованиях тогдашней римской генеративной школы при Национальном исследовательском совете (CNR), была выдвинута гипотеза о глубинной семантической близости между перформативами и будущим временем. Однако следует добавить, что в этих работах термин «перформатив» определялся либо как «исконное семантическое ядро» будущего времени (тем самым отождествляя его с понятием эпистемической модальности: см. CASTELFRANCHI 1971: 657), либо в духе «перформативной гипотезы» Дж. Росса как синоним серлевской иллюкутивной силы (PARISI, ANTINUCCI 1975: 154).

¹⁵⁴ Уместно отметить, что среди неславянских языков т.н. балканского языкового союза, в новогреческом наблюдается интересная вариация в перформативном контексте. В глагольной парадигме новогреческого релевантным аспектологическим противопоставлением, вместо славянского противопоставления СВ vs. НСВ, является оппозиция между формами, образованными на основе презенса (т.н. *εξακολουθητικοί* ‘дуративные’) и формами, образованными на основе аориста (т.н. *συνοπτικοί* ‘мгновенные, моментальные’). Итак, наряду с «каноническим» дуративным настоящим (*Σας αθωώνω* ‘Я Вас отпускаю’), можно обнаружить не только т.н. «моментальное будущее» [т.н. *εξακολουθητικός μέλλοντας*, напр. *Θα επαναλάβω: είναι πολύ αργά* ‘Я повторяю (букв. ‘повторю’): это слишком поздно’], но и «моментальный конъюнктив» [т.н. *εξακολουθητική υποτακτική*, напр. *Να σας συστήθω: ελάτε στην Κρήτη* ‘Я Вам это советую (букв. ‘Давайте посоветую’): поедете на Крит!’] (HINRICHS 1985; HINRICHS 1986: 166, 173).

В случаях перформативного употребления моментального будущего и моментального конъюктива ключевым является отсутствие морфологизованного «моментального настоящего» в парадигме новогреческих глаголов, которое представляет собой еще более сильное грамматическое ограничение на присутствие «презенса совершенного вида» в контекстах актуального настоящего. Такое ограничение преодолевается по-разному, как в плане глагольного времени (Буд вместо Наст), так и в плане наклонения (сослагательное вместо изъявительного). Показательно, что, в отличие от древнегреческого (см. дискуссию в §1.2.2, а также в §3.1.1), аорист в новогреческом больше нельзя употреблять в перформативном контексте. Будущее, с другой стороны, можно найти в перформативном контексте также в албанском языке (HINRICHS 1986: 173). О положении турецкого языка см. дальше сноску 196.

¹⁵⁵ Другое определение парадокса излагается в TODOROVIĆ 2015, где автор прибегает к формальной (синтаксической) модели «мапирования» темпоральных свойств события и иерархическому взаимодействию функциональных вершин вида, глагольного времени и темпорального аргумента глагольного предиката для того, чтобы объяснить, среди прочего, общую грамматическую неприемлемость През^{CB} в главных предложениях в современном сербскохорватском (штокавском) языке. О «мапировании» темпоральных свойств события, а также выражении аспектуального значения проспективности с более широкой точки зрения см. в ПОПОВИЋ 2008.

переосмыслению, т.е. от настоящего к будущему (тем самым утратив свою исходную семантику неактуального настоящего, которая до сих пор сохраняется только в малочисленных и синтаксически ограниченных контекстах)¹⁵⁶, в то время как в западнославянских языках НП^{CB} употребляется только в футуральных контекстах и в контекстах неактуального настоящего (STUNOVÁ 1993: 49–52, 171–192), а в южнославянских языках (в частности, в сербскохорватском) НП^{CB}, за исключением данных некоторых диалектных изоглосс (напр. из кайкавского) и некоторых своеобразных контекстов (ВОЛВОДИЋ 2018А: 64–66), стало грамматически неприемлемым в главных предложениях¹⁵⁷ (ТАНАСИЋ 1996; GELD, ZOVKO ĐINKOVIĆ 2007). Итак, что касается сербскохорватского языка, отсутствие соответствующей русскому НП^{CB} видовременной формы в качестве конкурирующего выбора с Наст^{HCB} в перформативном контексте приводит к тому, что в определенном контексте скорее выбирается другой функциональный эквивалент русского НП^{CB}, т.е. Фут^{CB}.

Если считать верными эти выводы, остаются открытыми еще два вопроса. Во-первых, какова роль футуральной морфологии в перформативном контексте? Во-вторых, какова роль «третьего лишнего», т.е. Фут^{HCB}, в отличие от, напр., Фут^{CB}?

Возможный ответ на первый вопрос во многом зависит от того, в рамках какой теории мы обсуждаем отвлеченные темпоральные свойства глагольного предиката. Проблема их семантического и синтаксического «мапирования», как можно предположить, является чрезмерно сложной и далека от однозначного решения¹⁵⁸.

Тем не менее, в независимости от того, какими являются отличительные (неизменные) черты темпоральных свойств глагольного предиката, убедительно доказано, что их

¹⁵⁶ Для обсуждения таких контекстов см. напр. ИСАЧЕНКО 1960: 448–460. Противоположная точка зрения принята в FORSYTH 1970: 120.

¹⁵⁷ На это ограничение безусловно повлияло присутствие в южнославянских языках морфологизованной парадигмы будущего времени, образованной на основе частицы-клитики (изменяемой либо неизменяемой по лицам и числам в зависимости от определенного языка), которая происходит из исконного модального (волитивного) глагола (ср. с-х. *ću, ćeš, će...*, мак. *ke*, бол. *ще* из прасл. **chytěti* ‘хотеть’, но также гр. *θα* из др. гр. *θέλω* ‘хочу, чтобы’, алб. *do* > 3-е л. ед. ч. из. накл. *dua* ‘хотеть’ и т.д.; ср. с SANDFELD 1930; MIŠESKA TOMIĆ 2006).

¹⁵⁸ Уместно согласиться с мнением У. Кляйна (KLEIN 1994: 59–71; ср. с KLEIN 1995) о том, что отвлеченные темпоральные свойства глагольного предиката представляют собой ряд логических соотношений, отличающих темпоральные сегменты по следующим признакам: а) способность к сегментации (*segmentability*), т.е. время можно всегда разделить на меньшие, более дробные сегменты; б) инклюзивность (*inclusion*), т.е. способность какого-либо временного интервала включать другой; в) последовательность (*succession*), т.е. если какой-либо временной интервал не включает другой, он, по всей вероятности, либо ему предшествует, либо за ним следует; г) близость (*proximity*), т.е. какой-либо временной интервал может либо приближаться к другому, либо отдаляться от него; д) существенное отсутствие качественных свойств (*lack of quality*) т.е. временные интервалы лишены качественных свойств как, например, быть зелеными или сладкими; е) дуративность (*durativity*), т.е. временные интервалы могут длиться либо короткий, либо долгий промежуток времени; ж) эгоцентричность (*origo*), т.е. среди всех временных интервалов самым выделенным является тот, который совпадает с самим настоящим, воспринятым говорящим в момент высказывания.

Научная дискуссия о темпоральной модели У. Кляйна недавно опять оживилась (см. подробнее в BOHNEMEYER 2014; KLEIN 2014).

семантическое содержание¹⁵⁹ (т.е. их конкретный перенос, применение на какое-либо событие в определенной коммуникативной ситуации) не обязательно связано с их частным морфосинтаксическим проявлением и варьируется в зависимости от контекста, т.е. глагольные времена существенно похожи на другие индексикальные компоненты значения (как, например, местоимения; JAKOBSON 1984: 41–58). Некоторые исследователи даже считают, что выражение временных событийных отношений является вторичной функцией глагольных времен, которые, скорее всего, могли бы служить маркерами типов дискурса (в смысле противопоставления между повествованием и косвенной речью), стратегий фокуса и информационной отчетливости и т.д. (KLEIN 1994: 20). В рамках этого подхода вариативность в морфосинтаксическом проявлении глагольного времени перформативов будто бы обусловлена рядом (семантических, прагматических) переменных, лежащих в основе контекста и постоянно определяемых участниками в событии речевого акта.

В духе вышеизложенного в недавней статье Д. Войводича о видовременных свойствах некоторых глаголов речи в славянском ракурсе (напр. *просить*, *советовать*, *спорить* и др., см. Войводиц 2015) представлена похожая точка зрения. Автор предполагает, что двойное видовременное противопоставление между Наст^{НСВ} и НП^{СВ} (напр. в русском) или между Наст^{НСВ} и Фут^{СВ} (действующее, напр., в сербскохорватском) указывает на то, что эти перформативы являются чисто модально-результативными формами, обладающими футуральной (точнее, проспективной) перспективой, но лишенными «настоящей» темпоральности¹⁶⁰. Присутствие общей проспективной перспективы, по мнению автора, объясняет тот факт, почему в славянских языках, в которых будущее время не подвергалось отдельной морфологизации (т.е. во всех славянских языках кроме сербскохорватского, болгарского и македонского), проявляется противопоставление между двумя формами презенса. Иными словами, видовая оппозиция между напр. рус. *клянусь*^{НСВ} и *покаюсь*^{СВ} не тождественна с оппозиции между *praesens narrativum* (НСВ) и *praesens effectivum* (СВ), предложенной С. Шкрабцем, а сводится скорее к чисто морфологическому расхождению в выражении одного и того же семантического (проспективного) содержания (и именно по этой причине, к слову, термин *эффективный футурум*, по мнению автора, точнее, чем *эффективный презенс*). Итак, учитывая, что при употреблении НП^{СВ} не происходит никакого

¹⁵⁹ Разумеется, различие между логическим и семантическим представлениями любого лингвистического знака, особенно в связи с аспектуальными и темпоральными свойствами глагольного предиката, играет важную роль для лингвистического анализа (BICKEL 1997).

¹⁶⁰ В подтверждение своего тезиса автор замечает, что ни в коем случае “ни одну футуральную форму в славянских языках, образующуюся с помощью (десемантизированного) экзистенциального глагола ‘быть’ (рус./белорус./укр. *буду*, польск. *będę*, чешск. *budu*, словацк. *budem*, серболуж. *budu*, словенск. *bom*), нельзя использовать в перформативном значении, даже в словенском языке, в котором она в своем составе может иметь как имперфективный, так и перфективный глагол-причастие (ср. *bom prosil* / *poprosil*)” (Войводиц 2015: 31).

темпорального сдвига, автор соглашается с Е. В. Падучевой в том, что в перформативном контексте происходит видовая нейтрализация, т.е. СВ и НСВ можно употреблять почти безразлично¹⁶¹ (Войводиц 2015: 30–32).

Что касается второго вопроса, т.е. какова роль Фут^{НСВ} в перформативном контексте, решить проблему попыталась С. Славкова в статье о распределении и комплементарных функциях рус. *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ} и бол. *моля*^{НСВ}/*помоля*^{СВ} в перформативном контексте, точнее, в иллокутивных директивных актах (СЛАВКОВА 2014; ср. с SLAVKOVA 2013). В отличие от идей Д. Войводица, предложение С. Славковой сводится к тому, что болгарское будущее время в перформативном контексте не указывает на футуральность темпорального аргумента глагола (определение см. в §2.3.3), а скорее выражает прагматические оттенки, связанные именно с интенсивностью иллокутивной силы и с межличностным статусом участников в событии речевого акта (об этом см. также ВОЙВОДИЦ 1998А: 49). В частности автор замечает, что рус. *просить*^{НСВ} и бол. *моля*^{НСВ} в общем ассоциируются с нейтральным обращением к позитивному лицу адресата (они сигнализируют, что отношения имеют «горизонтальный», т.е. симметричный характер), в то время как рус. *попросить*^{СВ} и бол. *ще помоля*^{ФутСВ} обычно ассоциируются с обращением к негативному лицу адресата (тем самым являясь более подходящим в не-информальном контексте)¹⁶². С другой стороны, функциональное сочетание нейтральной формы (НП^{НСВ}) с футуральной клитикой *ще* (Фут^{НСВ} *ще моля*) в перформативном контексте вызывает эффект полной прагматической неестественности: если за счет выбора времени некоторым образом сохраняется формальность речевого сообщения, то выбор (нейтрального) вида никак не указывает на асимметричность социальных отношений между собеседниками, тем самым приводя к прагматическому столкновению (СЛАВКОВА 2014: 245–249).

¹⁶¹ Однако нельзя забывать, что предложение автора относится только к малочисленной группе глаголов речи и что ситуация, как будет показано в продолжении работы, является несколько иной для других типов перформативов.

¹⁶² Автор подчеркивает, что употребление перформативного Фут^{СВ} при наличии «горизонтальных» отношений между собеседниками приводит либо к эффекту избыточной и даже неприятной вежливости, либо вносит иллокутивную грубость в речевой акт (СЛАВКОВА 2014: 242–244). Связь между прагматико-конверсационным параметром негативной вежливости и его формальным проявлением в совершенном виде хорошо засвидетельствована и для других глагольных предикатов, которые не являются перформативами, но совпадают с ними в некоторых основных лексических характеристиках, напр. для глаголов движения и глаголов обмена ценностями (см. дальше). В DICKEY 2000: 188, например, упоминается чешский пример *Pan si přijde^{СВ} již pro ty hodinky?* ‘Господин, Вы уже пришли (букв. ‘придет’) за Вашими часами?’, высказывание которого приписывается двуязычному часовщику родом из города Ческе-Будеевице. Хотя предложение в современном чешском является грамматически неприемлемым, автором выдвигается гипотеза о том, что употребление СВ в таком квазиперформативном контексте отражает устаревшие правила этикета, нацеленные на негативное лицо адресата, которые исчезли после прихода к власти нового коммунистического режима.

Что касается македонского языка, выдвигалась гипотеза о том, что употребление Фут^{СВ} связано с присутствием в высказывании предыдущего контекста (KAMPHUIS 2014: 142), что в этом отношении приближает македонский к группе восточнославянских языков и хорошо соотносится с гипотезой С. Дики о темпоральной определенности как семантическом инварианте СВ в восточнославянских языках (DICKEY 2018; см. также §2.6).

В этой части работы мы не будем далее обсуждать роль глагольного времени в перформативном контексте. Вопрос будет рассматриваться далее, на материале данных, взятых из корпусов и собранных в соответствующей анкете (§5.3–§5.4).

2.5. Предварительные итоги

Итак, в первых двух теоретических главах мы сначала проследили исследованиями вопроса в исторической перспективе, а затем остановились на обсуждении некоторых теоретико-методологических вопросов, непосредственно касающихся предмета нашей работы.

Подытожим содержание первой главы (§1). В первом разделе (§1.1) мы аргументированно обсудили, как проблема «перформативных» высказываний и «перформативов» вскользь упоминалась в древние времена (напр. в грамматике Аполлония Дискола), но осталась в общем незатронутой. Более того, если судить с точки зрения научной парадигмы картезианства, которое по существу отрицает взаимосвязь между речью и действием, вопрос был отодвинут на задний план. Во втором разделе (§1.2) мы рассмотрели первый значительный лингвистический поворот, который затронул проблематику «перформативных» высказываний и «перформативов»: точнее, мы обсудили как научную дискуссию, начатую францисканским словенским монахом С. Шкрабцем и его современниками (§1.2.1), так и редкие исследования последующих десятилетий в славянском ареале (§1.2.2). В третьем разделе (§1.3) мы обратились к возникновению философии обыденного языка как части аналитической философии XIX и XX веков, достигшей расцвета в оксфордско-гарвардских лекциях Дж. Л. Остина, где впервые эксплицитно формулируется проблема перформативов. В четвертом разделе (§1.4) мы обсудили двухстороннюю лингвистическую революцию 60-х и 70-х годов: с одной стороны – подтверждение формальных подходов к изучению синтаксиса и семантики, а с другой – одновременный расцвет прагматики как науки, независимой от описательной семантики (§1.4.1). Далее мы рассмотрели самые важные моменты модели иллокутивных актов, предложенной Дж. Серлем (§1.4.2), и проследили применение этой модели в прагматических исследованиях того времени в советской России и, хотя и в меньшей степени, Югославии (§1.4.3). Наконец, в пятом разделе (§1.5) мы обобщили направления и цели самых важных исследований по славянскому языкознанию, которые в большей или меньшей степени затронули проблему перформативов, особенно в сравнительном (славянском) ракурсе.

Перейдем к изложению содержания второй главы. В первом разделе (§2.1) мы обратились к логико-онтологическому понятию автореференциальности, впервые разработанному Э. Бенвенистом, и показали, как само ее присутствие, хотя оно является неотъемлемой частью подавляющего большинства перформативных высказываний, не всегда играет решающую роль в приписывании перформативного характера тому или иному высказыванию. Однако именно по признаку автореференциальности (и по некоторым другим морфологическим и семантическим признакам) можно отличить перформативы от напр. делокутивов (§2.1.1). Во втором разделе (§2.2) мы попытались найти отличительный признак, объединяющий все перформативные высказывания, сначала прибегая к логическому анализу их внутренней структуры (используя, среди прочего, исследования К. Джинета, Дж. Серля, К. Баха и Р. Харниша, а также Дж. Версхуерена), а затем проводя некоторые синтаксические манипуляции как, например, вставку темпорального оператора *now* (§2.2.1.1) и автореференциального оператора *hereby* (§2.2.1.2). Следуя за Р. Экхардт, в конечном счете мы выдвинули тезис о том, что высказывание приобретает свой перформативный характер, если говорящий вводит в событие речевого акта акт категориального определения высказывания, т.е. намерение определить категорию своего высказывания (напр. ‘обещание’) для собеседника. В третьем разделе (§2.3) мы проанализировали некоторые формальные свойства перформативов, на акциональном (§2.3.1), синтаксическом (§2.3.2) и темпоральном уровнях (§2.3.3), тем самым отметив, что в подавляющем большинстве случаев перформативы не обладают никакими общими формальными характеристиками. Наконец, в четвертом разделе (§2.4) мы обратились к проблеме видовременного противопоставления в перформативном контексте в славянских языках. Сначала (§2.4.1) мы рассмотрели оппозицию СВ vs. НСВ, действующую в большинстве славянских языков, прибегнув к предыдущим исследованиям (в первую очередь по прагматике), в которых наблюдается стремление объяснить употребление НП^{СВ} как формальное отображение ряда конверсационных (т.е. негативной вежливости, обращения к негативному лицу адресата, авторитета и т.д.) и семантических (т.е. последовательности, рематичности и т.д.) параметров. В дальнейшем (§2.4.2) мы рассмотрели оппозицию Наст vs. Прет vs. Буд, сосредоточившись на двухчленной (Наст^{НСВ} vs. Фут^{СВ}) или трехчленной оппозиции (Наст^{НСВ} vs. Фут^{СВ} vs. Фут^{НСВ}), действующей в южнославянских языках. В зависимости от теоретической модели, в рамках которой исследователь обращается к проблеме семантического и синтаксического «мапирования» темпоральных свойств перформативов было выдвинуто предположение, что либо употребление будущего времени в перформативном контексте указывает на общую проспективную семантику некоторых

перформативов (Войводиц 2015), либо что такое употребление является в свою очередь формальным маркированием прагматических отношений (СЛАВКОВА 2014).

2.6. Заметки о терминологии

Прежде чем обратиться в следующей главе к анализу диахронических данных древне-, старорусского (§3.3) и древнештокавского языков (§3.4) ниже мы приведем и некоторые основные термины, которые будут использоваться в продолжении работы и на основе которых мы будем проводить разбор данных как в диахронии, так и в синхронии. Напомним, как уже сказано в Введении, что наши гипотезы будут выдвинуты в рамках комплексной методологии, в которую входят элементы прагматического анализа, описательной семантики и когнитивной лингвистики.

Ключевую роль играет понятие **перформативного высказывания**. С учетом вышеизложенного (см. §2.1 и §2.2) мы определяем его как высказывание, конкретное произнесение которого со стороны какого-либо назначенного агенса является одновременно и действием, обозначенным в соответствующем логическом предложении, ср. напр. рус. *Я <объявляю <заседание <закрытым>>>* и с-х. *Ja <proglašavam <sastanak <završenim>>>*. «Каноническое» перформативное высказывание входит в прагматический континуум, на противоположной стороне которого находится «каноническое» констативное высказывание (напр. рус. *Петя <читает <роман>>* и с-х. *Petar <čita <roman>>*). Правильно сформированное перформативное высказывание отличается рядом следующих характеристик: онтологической автореференциальностью (Е. В. Падучева говорит о «самоверифицирующихся высказываниях»; см. ПАДУЧЕВА 2010⁵: 137); прагматической успешностью; грамматической приемлемостью; отсутствием антиперформативных условий (VENDLER 1976); присутствием соответствующего акта категориального определения высказывания (ЕСКАРДТ 2012).

Мы будем называть высказывание **квазиперформативным**, если оно является недоспецифицированным по одному или нескольким отличительным признакам перформативных высказываний (см. парентетические конструкции типа рус. *Я тебе говорю, что это со мной случилось!* и с-х. *Vaš ti kažem da se to sa mnom dogodilo!*).

Главный глагольный предикат перформативного высказывания мы будем называть **перформативом** (реже **перформативным глаголом**). Перформатив должен быть эксплицитным (т.е. морфофонологически реализованным на поверхности) и часто (но не всегда) проявляться в «канонической» конфигурации в 1-м л. ед. ч. Наст^{НСВ} из. накл. дейст. зал. (напр. рус. *обещаю*, с-х. *obećavam*). В этой диссертационной работе также принимаются

во внимание случаи, когда перформатив проявляется в необычных видовременных конфигурациях [ср. НП^{CB}, напр. рус. *попрошу*, и Фут^{CB}, напр. с-х. *zamoli(t)ću*]¹⁶³. Не принимаются во внимание другие отклонения от «канонической» конфигурации, в наклонении (напр. сослагательное вместо изъявительного), случаи необычного залогового преобразования (напр. пассивные конструкции), а также другие изменения в лице и числе (напр. 1-е или 3-е л. мн. ч.).

Мы будем различать **ретические** и **тетические перформативы**. Ретические перформативы (из др. гр. ῥῆσις ‘заявление, утверждение’) указывают на то, что было сказано относительно некоторого положения дел (ср. напр. рус. *заявлять*^{HCB}/*заявить*^{CB} и с-х. *izjavljivati*^{HCB}/*izjaviti*^{CB}). Тетические перформативы (из др. гр. θέσις ‘установление, учреждение’) указывают на положение дел, ими самим созданное (ср. напр. рус. *нарекать*^{HCB}/*наречь*^{CB} и с-х. *nazivati*^{HCB}/*nazvati*^{CB}) (CONTE 1983: 103; ROSSETTI 1994). Ретические и тетические перформативы различаются по признаку **автореференциальности**, т.е. присущему перформативному высказыванию свойству, которое относится к положению дел, созданному самим произнесением высказывания¹⁶⁴. В свою очередь, ретические перформативы (напр. серлевские экспозитивы) отличаются от т.н. делокутивов тем, что они придают логическую структуру тексту и/или рассуждению, определяя и моделируя их основные части, тем самым «создавая» их пояснительное ядро.

Поскольку исследовательская проблематика касается славянских языков, в этой работе принимается общее типологическое различие между аспектом и видом. В связи с неславянскими языками **аспектом** мы будем называть внутреннюю структуру некоторой ситуации (т.е. либо состояния, либо события, либо процесса), которую говорящий концептуализирует и выражает лингвистическими средствами (COMRIE 1976: 3; ср. несколько иное определение в DANL 1984). Следовательно, событие (E) мы будем называть **совершенным**, если его можно формализовать как (топологически) закрытое, т.е. не содержащееся в меньших подсобытиях, не совпадающих с самым E (TIMBERLAKE 1982; GIORGI, PIANESI 1997: 156; FILIP 2017), а **несовершенным**, если его можно формализовать как (топологически) открытое.

Как известно, **славянский вид** является идиосинкратическим подтипом аспекта, т.е. его формальное выражение и с ним связанные функциональные свойства, как не раз отмечалось в

¹⁶³ Отметим, что в следующей главе мы будем уделять внимание также некоторым употреблением Прет и Аор в перформативном контексте.

¹⁶⁴ Однако надо всегда иметь в виду, что в определенных случаях различие несколько стерто, поскольку некоторые ретические перформативы (напр. рус. *докладывать*^{HCB}/*доложить*^{CB}, с-х. *prijavljivati*^{HCB}/*prijaviti*^{CB}) составляют своим произнесением новое положение дел (напр., доклад о чем-либо), ими самими описанное.

литературе (см. напр. ПЛУНГЯН 2011; WIEMER, SERŽANT 2017), не сводятся только к закономерному пучку функций, описанных в типологии¹⁶⁵. Каждый глагол в лексике славянских языков обязательно маркирован по виду, т.е. относится либо к совершенному, либо к несовершенному виду.

На основе прототипического значения, приобретенного СВ в разных славянских языках (DISKEY 2000), можно подразделить славянский ареал на две большие зоны, т.е. на *восточную* (включающую русский, украинский, белорусский и болгарский языки) и на *западную* зону (включающую чешский, словацкий, словенский, верхне- и нижнелужицкий языки), с двумя *переходными зонами*, тяготеющими больше к восточной (это случай польского языка и сербского варианта сербскохорватского континуума) и к западной (это случай хорватского варианта сербскохорватского континуума: ср. DISKEY 2000: 200–201 и DISKEY 2015b).

В восточных славянских языках **прототипическим значением СВ** является *темпоральная определенность* (*temporal definiteness*) т.е. концептуализация события, занимающего четко определенный темпоральный сегмент, а в западных – *целостность* (*totality*), т.е. точечная концептуализация (целостного) события¹⁶⁶. С другой же стороны, **прототипическим значением НСВ** – событие, не занимающее единственного и/или определенного темпорального сегмента (в восточнославянских языках), или не обязательно концептуализированное как точечное/целостное (в западнославянских языках) (DISKEY 2000: 15–27).

Следует разделять вид и понятие способа (или характера) глагольного действия (*Aktionsart*), которое, в соответствии с исследованиями Московской семантической школы 60-х годов, определим как состав сложных предикатов, образованных путем одной или более морфологических операций (напр. префиксация, суффиксация, инфиксация, циркумфиксация и т.д.: об этом подробно см. в ПЛУНГЯН 2003²: 88–99), которые прибавляют некоторые дополнительные компоненты к семантике глагола, особенно в связи с определенностью события и/или его темпоральным развитием (см. более подробно в ТАТЕВОСОВ 2015).

¹⁶⁵ В этой диссертационной работе вопрос о том, к какому именно типу относится категория славянского (точнее, русского) вида (т.е. является ли она словоизменительной или словообразовательной), в целом не затрагивается. См. об этом подробно в ГОРБОВА 2015, а также в ПЕТРУХИНА 2009: 52–59 для ознакомления с предложенными подходами к теме. Для более обширных типологических исследований над славянским видом с формальной (т.е. морфосинтаксической) и функциональной точки зрения см. АРКАДЬЕВ 2015; TOMELLERI 2009; TOMELLERI 2017.

¹⁶⁶ Заметим, что понятие «темпоральная определенность» является когнитивной переработкой похожих терминов-этикеток, часто употребленных в аспектологической литературе, как, напр., «секвентная связь», т.е. признак, который А. Барентсен приписывает семантике СВ в восточнославянских языках (напр. в БАРЕНТСЕН 1998). Именно по модели А. Барентсена «теория восток-запад» С. Дики о подразделении славянского языкового ареала на основе прототипического значения СВ и НСВ в каждом языке недавно подверглась критическому переобсуждению, которое впервые появилось в научном журнале *Russian Linguistics* в 2015 году (FORTUIN, KAMPHUIS 2015). Ответная статья С. Дики (DISKEY 2018) получила в свою очередь другой, полемический ответ (FORTUIN, KAMPHUIS 2018).

Акциональность глагола, напротив, понимается в классическом смысле термина, предложенного в VENDLER 1957 (см. также MOURELATOS 1978; BREU 1994).

Понятия, относящиеся к области **предельности**, требуют отдельного объяснения¹⁶⁷. В славистической литературе предельность не всегда понимали в соответствии с англ. *telicity* и даже называли по-разному, ср. среди прочего «терминативность», «трансформативность» и т.д. (см. об этом более подробно в ГОРБОВ, ГОРБОВА 2012; ЯСАИ 2015). Здесь мы будем отличать предельность как таковую (т.е. присутствие в семантике глагола «внутреннего предела» по таксономии Ю. С. Маслова) от т.н. *boundedness* («внешнего предела»), т.е. присутствия одного или более дополнительных (т.е. синтаксически необязательных) показателей предельности в левой и/или в правой периферии предложения (темпорального, напр. рус. *за полчаса*, и/или количественного типа, напр. определенность внешнего аргумента и/или внутреннего объекта переходного глагола), которые ограничивают «снаружи» событие, отображенное в предложении¹⁶⁸. Другими словами, “[...] (A)telicity (т.е. предельность, М. Б.) has to do with whether or not a situation is described as having an inherent or intended endpoint; (un)boundedness relates to whether or not a situation is described as having reached a temporal boundary” (DEPRAETERE 1995: 2–3; см. также KUHN 1979; DECLERCK 1979; DECLERCK 2007)¹⁶⁹.

Мы определяем **глагольное время** как систему темпоральных, контекстуальных и субъективных отношений (в логическом смысле, предложенном в REICHENBACH 1947), которые выражаются лингвистическими средствами и никак не зависят от объективного измерения физического времени (COMRIE 1985: 9–13)¹⁷⁰. **Модальностью** же мы будем

¹⁶⁷ Я благодарю всех, кто присутствовал на семинарах научно-исследовательской группы ASP в Падуанском университете в 2018 г., специально посвященных теме предельности (с теоретической и терминологической точки зрения)

¹⁶⁸ Это соответствует различию между *telicity*₁ (т.е. «настоящей» предельностью) и *telicity*₂ (т.е. присутствием внешнего предела, *boundedness*), которое описывается в WIEMER, SERŽANT 2017: 248–250.

¹⁶⁹ В этой связи нельзя не добавить, что на основе этого важного различия между «внутренним» и «внешним» пределами можно легко избежать путаницы, связанной с совпадением понятий «предельности» и «совершенности» глагольного предиката, которая еще затягивается в лингвистике (о теоретической важности такого различия см. BERTINETTO 2001; GUÉRON 2008).

Предложение семантической формализации интуитивного понятия предельности можно найти, напр., в KRIFKA 1998 и BORIK 2006: 20–59.

¹⁷⁰ Для применения модели Х. Райхенбаха к русским предикатам см. в частности TIMBERLAKE 1985A и TIMBERLAKE 1985B. Ради полноты рассмотрения вопроса напомним лишь, что логическая модель Х. Райхенбаха подверглась последующим формализациям в духе порождающей грамматики как, напр., HORNSTEIN 1990, TER MEULEN 1995 и, в частности, GIORGI, PIANESI 1997: 17–30, 37–40, где предлагается считать, что линейный характер чередования темпоральных сегментов в модели Х. Райхенбаха в синтаксическом дереве необходимо превратить в две отдельные (иерархически расположенные) функциональные вершины, т.е. T₁ (соотношение между моментом высказывания t₀ и моментом референции t_r) и T₂ (соотношение между t_r и моментом события t_e, ср. STOWELL 2007), сочетание которых, по мнению авторов, приводит к различиям в морфосинтаксической конфигурации глагольных времен. Добавим также, что в теории синтаксиса первой фазы, выдвинутой Дж. Рэмченд (RAMCHAND 2008), промежуточную позицию между T₂ и лексической семантикой предиката занимает отвлеченная темпоральная функция τ(e), которая переносит («мапирует») определенное событие на темпоральный сегмент, им самим занимаемый.

называть ту семантическую категорию, путем которой выражаются, с одной стороны, отношение говорящего к определенной ситуации и его расположение относительно пропозиционального содержания некоторого высказывания, а с другой стороны, онтологический статус некоторой ситуации по отношению к реальному миру (PALMER 2001²: 1, 24; Плунгян 2003²: 308–309).

Наконец, комплексный семантический (семантико-когнитивный) макропризнак **контроля**, который сыграет ключевую роль в последующих главах, представляет собой физическую и/или когнитивную возможность агенса управлять обозначаемой предикатом ситуацией, с самой ее завязки до ее самого осуществления¹⁷¹. Понятие контроля является частным подкомпонентом более широкого (семантико-онтологического) понятия агентивности, наряду с другими похожими подкомпонентами, как «одушевленность», «волитивность», «возможность выбора» и т.д.

¹⁷¹ В связи с этим следует отличать семантико-когнитивный контроль от соприкасающихся с ним понятий «контролируемость» и «(синтаксический) контроль». Свойством контролируемости является состояние, очевидно связанное с контролем, но, в отличие от контроля, она приписывается скорее событию в целом. С другой стороны, в генеративной лингвистике «контролем» принято считать то явление семантико-синтаксического интерфейса, на основе которого морфонологически нереализованное (нулевое) подлежащее инфинитивного предложения («PRO»), связывается с именной группой главного предложения, служащей его antecedентом (БИАЗИО 2018: 84–85).

3. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В настоящей главе мы сосредоточимся на данных, взятых из некоторых древне- (XI–XIV вв.) и старорусских (XV–XVIII вв.), а также древнештокавских¹⁷² (XI–XVIII вв.) письменных памятников. Насколько нам известно, хотя и существуют диахронические исследования, специально посвященные теме перформативов в славянских языках (напр. DISKEY 2015A), еще не было предложено подробного разбора данных на сравнительном (славянском) материале с учетом исторического развития каждой языковой системы и определения однозначной модели для анализа коммуникативных ситуаций, в которых употребляются перформативы. Целью этой главы, в конечном счете, является заполнение этого пробела.

Глава состоит из шести разделов (§3.1–§3.6). В первом разделе (§3.1) мы сначала проанализируем предыдущие исследования, в которых в большей или меньшей степени рассмотрена проблематика перформативов на более древних этапах развития славянских языков (в том числе в древнесловенском, в древнерусском и в сербских памятниках, написанных на древнештокавском, а также, хотя и вскользь, в церковнославянском¹⁷³): дальше (§3.1.1), мы приведем некоторые доказательства в пользу гипотезы об исконной автохтонности морфологического маркирования славянских перформативов в СВ.

Во втором разделе (§3.2) мы изложим первоочередные проблемы, которые возникают в ходе диахронического анализа, в том числе существенную нехватку исторических словарей древнештокавского языка (сербского и хорватского происхождения) и общую трудность в определении верной эмпирической модели в целях обсуждения коммуникативных и

* В этой главе, в целях лучшего понимания источников, даются русские переводы примеров на церковнославянском и всех других славянских языках, кроме древне- и старорусском. Все переводы – наши. Подчеркнем, что переводы нацеливают исключительно на передачу общего смысла исходных контекстов и никак не претендуют на литературность, ни на основательность (т.е. в редких случаях, в которых некоторые слова не совсем понятны и, на наш взгляд, не являются существенными для понимания текста, они были опущены).

Что касается графической передачи текстов, все примеры приводятся в полном соответствии с принятыми в использованных изданиях правилами. Однако для удобства чтения те примеры, которые в исходных источниках напечатаны на древней кириллице, в этой работе приводятся на современной кириллице, за исключением следующих букв: «Ѣ», «Ѧ», «Ѣ», «Ѧ», «Ѣ», «Ѧ», «Ѣ», «Ѧ», «Ѣ», «Ѧ», «Ѣ», «Ѧ». Сохраняются также лигатура Ѡ, титла и надстрочные буквы. Буква ѡ передается как «шт».

«И десятиричное» и «и восьмеричное» сводятся на современное «и»; похожим образом, ѡу и ѡ пишущиеся как «у».

¹⁷² Употребление такого термина мы попробуем обосновать в §3.4.1.

¹⁷³ Напомним, что из-за нехватки места мы в настоящей диссертации оставим в стороне церковнославянский язык, а также древние этапы других славянских языков, за исключением краткого обсуждения статистической выборки данных в §3.1. Разумеется, разные формальные (т.е. относящиеся к плану морфосинтаксиса) и лексические признаки, принадлежащие русской редакции церковнославянского языка, часто появляются в древнерусских примерах, в зависимости от определенного памятника и от стиля процитированного пассажа. Однако это нам позволяет говорить только о присутствии церковнославянских элементов в древнерусском языке (см. дальше сноску 201).

прагматических контекстов (отчасти за исключением модели, предложенной т.н. *прагмафилологией*).

Третий раздел (§3.3) посвящен древне- и старорусскому языкам. В первом параграфе раздела (§3.3.1) мы вкратце опишем совокупность письменных памятников, составляющих корпус древне- и старорусского языков, с учетом их датирования, типологии, содержания и нами выбранного критического издания, а затем (§3.3.2) проанализируем имеющиеся в нашем распоряжении данные, подразделяя контексты на основе речевого акта, который они реализуют, т.е. декларации (§3.3.2.1), экспозитивы (§3.3.2.2), комиссивы (§3.3.2.3), в свою очередь «настоящие» перформативы, (§3.3.2.3.1), и квазиперформативы, §3.3.2.3.2) и директивы (§3.3.4).

Четвертый раздел (§3.4) посвящен древнештокавскому языку. В первом параграфе раздела (§3.4.1) мы обсудим некоторые проблемы, непосредственно связанные с вопросом исторического определения характера и названия языка (или языков), на котором (или на которых) написаны письменные памятники нашего древнего корпуса, в том числе вопросы хронологии (т.е. исторической периодизации языкового развития), диалектного континуума (т.е. штокавское наречие, которое служит основой для литературной нормы современного сербскохорватского языка, в противоположность кайкавскому и чакавскому наречиям) и вопрос языкового контакта (с особым акцентом на создании т.н. славяносербского языка между XVI и XVII веками).

Во втором параграфе раздела (§3.4.2) мы вкратце опишем совокупность письменных памятников, составляющих корпус древнештокавского языка, с учетом их датирования, типологии, содержания и нами выбранного критического издания, а потом (§3.4.3) проанализируем данные, имеющиеся в нашем распоряжении, подразделяя контексты на основе речевого акта, который они реализуют, т.е. на декларации (§3.4.3.1), экспозитивы (§3.4.3.2), комиссивы (§3.4.3.3, в свою очередь «настоящие» перформативы, §3.4.3.3.1, и квазиперформативы, §3.4.3.3.2) и директивы (§3.4.3.4).

В пятом разделе (§3.5) мы постараемся ответить на некоторые вопросы, возникшие при сопоставительном анализе древне- и старорусских и древнештокавских письменных памятников и касающиеся отсутствия настоящего видовременного противопоставления в перформативном контексте, а также определенных лексических ограничений при выборе элементов, относящихся к некоторым классам перформативов (в первую очередь экспозитивов и директивов).

Наконец, в последнем разделе (§3.6) подводятся итоги.

3.1. Предыдущие исследования вопроса

Хотя разбор данных из церковнославянского языка, как уже было сказано, выходит за рамки настоящей диссертационной работы, не будет лишним представить тему, опираясь на некоторые исследования, специально занимавшиеся проблемой видовременного маркирования перформативов в церковнославянском. Например, Дж. Кампхайс (КАМРНИС 2012; КАМРНИС 2020) сравнивает распределение перформативов в некоторых дошедших до нас рукописях, содержащих переводы написанных на эллинистическом койне евангелий (в том числе в Ассеманиевом, Зографском и Мариинском евангелиях и в Саввиной книге)¹⁷⁴. Нередко один и тот же перформатив реализуется либо Наст^{ПНСВ} [см. пример (23)], либо НП^{ПСВ} [см. пример (24)]:

(23) *исповѣдаѣ сѧ*^{НастПНСВ} тебѣ оче . г(оспод)и небоу и земли

‘Я прославляю Тебя, Отче, Господи неба и земли’

(Ев. от Мат. 11:25; КАМРНИС 2012: 5)

(24) *Исповѣмъ сѧ*^{НПСВ} тебѣ б(о)же .-. *исповѣмъ сѧ*^{НПСВ} и *призовѣ*^{НПСВ} имяѧ твое

‘Я прославляю Тебя, Боже. Прославляю и призываю имя Твое’

(Псалм 75:1; КАМРНИС 2012: 5)

В обоих случаях церковнославянский перевод является близким к греческому тексту: в (23) Наст^{ПНСВ175} *исповѣдаѣ сѧ* переводит гр. ἐξομολογοῦμαι (1-ое л. ед. ч. пр. из. накл. ср-стр. зал. из. ἐξομολογέω ‘исповедаться’), в то время как в (24) НП^{ПСВ} *исповѣмъ сѧ* и *призовѣ* переводят гр. ἐξομολογησόμεθα и ἐπικαλεσόμεθα (1-ое л. ед. ч. буд. из. накл. ср. зал. из. ἐξομολογέω и ἐπικαλέω ‘призывать’). Однако среди рукописей (а значит, внутри самой церковнославянской языковой системы) существуют и некоторые различия лексического и видовременного характера, о чем свидетельствуют нижеприведенные примеры (25)–(25’)

¹⁷⁴ В связи с ограничениями по объему текста отсылаем к монографии Дж. Кампхайса для рассмотрения критических изданий евангелий, из которых автор берет проанализированные здесь примеры (КАМРНИС 2020: 12–17).

¹⁷⁵ С целью указать на колебания в видовом определении предикатов в примерах из древних славянских языков отдаем предпочтение предложенным Н. Бермеля (BERMEL 1997: 9–10) терминам «протоперфективный» (ПСВ, т.е. “roughly equivalent to a later feature or paradigm member labelled perfective for the modern language” – речь идет преимущественно, но не только, о приставочных глаголах) и «протоимперфективный» (ПНСВ, т.е. “a predecessor of what will be an imperfective verb, form, or function”).

(заметим, что «перформативными формулами» *отъпоуштаѣтъ* с^{НСВ} и *отъдадѣтъ* с^{СВ} переводятся гр. ἀφέωνται, т.е. 3-е л. мн. ч. перф. из. накл. ср-стр. зал. из ἀφίημι ‘отпускать’)¹⁷⁶:

(25) дръзай чѣдо *отъпоуштаѣтъ* ти с^{НастПНСВ} грѣси твои

‘Дерзай, чѣдо! Прощаются тебе грехи твои’

(Ев. от Мат. 9:2, Зографское Евангелие; КАМРНИС 2012: 8)

(25') надѣи сѣ чѣдо . *отъдадѣтъ* ти с^{НПСВ} грѣси

‘Надейся, чѣдо! Отпускаются грехи твои’

(Ев. от Мат. 9:2, Саввина книга; КАМРНИС 2012: 8)

Автор заключает, что относительная встречаемость НП^{ПСВ} в перформативном контексте связана с тем, что в церковнославянском языке отношения этой видовременной формы с планом будущего были значительно менее тесными, чем в современных славянских языках, особенно в восточнославянских (КАМРНИС 2012: 13).

В DISKEY 2015A: 260–265 дискуссия о видовременном маркировании эксплицитных перформативов в церковнославянском затрагивает совокупность примеров, первоначально перечисленных Э. Кошмидером. Среди примеров, в которых перформативы проявляются в Наст^{НСВ} [см. пример (26), в котором *veljъ* переводится гр. ἐπιτάσσω, т.е. 1-е л. ед. ч. наст. из. накл. дейст. зал. ‘повелевать’]¹⁷⁷, силезский лингвист упоминает всего три контекста, в которых, по его мнению, перформативы реализованы как НП^{ПСВ}: в двух из этих примеров, однако, появляются квазиперформативные глаголы, употребленные в комиссивных речевых актах [*polъ iměniě moego* <datъ ‘даю (букв. ‘дам’) <полимущества>’; *vъzvraštъ <četvoricejъ>* ‘воздаю (букв. ‘воздам’) <вчетверо>’; *posъljъ <vy>* ‘посылаю (букв. ‘пошлю’) <вас>’), в то время как приставочным непрошедшим (ПСВ?) *vъprošъ*, в нижеприведенном примере (27), переводится гр. ἐπερωτήσω (т.е. 1-ое л. ед. ч. буд. из. накл. дейст. зал. из ἐπερωτῶ ‘спросить’), употребленный в византийской версии Нового завета:

¹⁷⁶ Дж. Кампхайс подчеркивает, что в этом отношении видовременная система церковнославянского языка является более близкой древнегреческому языку, а не эллинистическому койне, где в перформативном контексте конкурируют не только формы СВ и НСВ, но и футурум и перфекты (КАМРНИС 2012: 8).

¹⁷⁷ В связи с этим С. Дики добавляет, что ему неизвестен какой-либо современный славянский язык, в котором глаголы приказа проявляются в перформативном контексте в СВ (даже в словенском, кажется, перформативные высказывания вроде **ikažet* являются грамматически неприемлемыми). Это, по всей вероятности, связано с тем, что в каждом речевом акте приказа слушатель (точнее, его способность к принятию выраженного говорящим приказа) играет решающую роль для удовлетворения условиям успешности высказывания. Если бы такой перформатив проявился в НП^{СВ}, это бы значило, что в иллокутивную силу высказывания входит только авторитет говорящего, а не согласие слушателя (DISKEY 2015: 261). Это наблюдение носит очень важный характер для дальнейшей формулировки нашего теоретического предложения (см. §6.1).

- (26) zaprěti d[u]chu nečistuumu g[lagol]lę emu. ...azъ ti *veljō*^{НастПН^{СВ}} iziti iz nego...
 ‘[Он] отругал нечистый дух, говоря ему: «Я тебе приказываю выйти из него»’
 (Ев. от Мар. 9:25; DICKEY 2015A: 260)
- (27) reče že isusъ k nimъ . vъprošō^{П^{СВ}} vy, ašte dostoitъ vъ sōboty dobro tvoriti ili zъlo sъtvoriti
 ‘Иисус обратился к ним: «Я вас спрашиваю (букв. ‘спрошу’), стоит ли кому-либо творить добро или зло по субботам’
 (Ев. от Л. 6:9; DICKEY 2015A: 262)

Вследствие этого С. Дики подытоживает, в противоположность Дж. Кампхайсу, что в церковнославянском перформативы всегда проявляются в Наст^{ПН^{СВ}}, в то время как для некоторых квазиперформативных глаголов возможно маркирование в НП^{П^{СВ}} только в ограниченных контекстах, в которых прагматико-конверсационный компонент авторитета говорящего выражается с особенной четкостью (DICKEY 2015A: 264–265).

Особое место в дискуссии о видовременном развитии перформативов занимает словенский язык, т.е. единственный славянский язык (вместе, хотя в меньшей степени, с чешским, верхне- и нижнелужицким языками) в котором, как мы уже отметили, частотность НП^{П^{СВ}} в перформативном контексте является значительно более высокой, чем в других славянских языках. Как мы видели в §1.2.1, уже в начале XX века С. Шкрабец обратил внимание ученых на то, что необычное распределение «перформативного» През^{П^{СВ}} (*aoristus gnomicus* в функции т.н. *praesens effectivum*) в языке того времени требовало тщательного рассмотрения. Мы уже видели, как изначальное его мнение о том, что частное употребление През^{П^{СВ}} не относилось вообще к словенской языковой системе, а скорее представляло собой тяготение к немецкому (вслед за влиятельным мнением Ф. Миклошича) или латинскому языкам, было отвергнуто самим автором в дальнейших его публикациях. Поворотным моментом стало признание того, что на древних этапах развития словенского языка (засвидетельствованного, напр., в Брижинских отрывках), в отличие от церковнославянского, в большинстве случаев перформативы проявлялись уже в той же морфологической конфигурации, что и в современном языке, т.е. в През^{П^{СВ}} или, точнее говоря, в видовременной форме, во многом соответствующей современному През^{П^{СВ}} (ŽAGAR, GRGIČ 2011: 108–109).

Брижинские отрывки (на словенском *Brižinski spomeniki*), которые принято считать древнейшим письменным памятником на старословенском языке, восходят к X веку и были впервые изданы в Санкт-Петербурге в 1827 году, спустя почти 25 лет после их обнаружения в

монастыре Фрайзинга, в Германии (они сейчас хранятся в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене). Они состоят из трех отдельных текстов, написанных латиницей и представляющих собой исповедь, беседу и молитву. Брижинские отрывки довольно подробно изучены как в филологических, так и в лингвистических исследованиях. О проблеме видовременного маркирования перформативов писала, среди прочих, А. Дерганц (DERGANC 1996). Речь идет о таких стереотипных (т.е. свойственных текстуальной типологии духовного документа) контекстах [см. примеры (28)–(30) ниже]¹⁷⁸, в которых, как кажется, эксплицитный перформатив реализован как (приставочный) През^{ПСВ}:

- (28) Bofе gozpodi miloztiuvi. otze bofe. tebe *izpovuede*^{ПрезПСВ} vuez moi greh.
 ‘Боже милостивый, Господи, Отче Боже, я исповедаюсь во всех моих грехах’
 (DERGANC 1996: 184)

- (29) Iaz ze zaglagolo^{ПрезПСВ} Zlodeiu.
 ‘Я отрекаюсь (букв. ‘отрекусь’) от Дьявола’
 (DERGANC 1996: 185)

- (30) Tebe, Bofе miloztiuvi, *poruso*^{ПрезПСВ} uza moia zlouuez(a) i moia dela.
 ‘Тебе, Боже милостивый, я поручаю (букв. ‘поручу’) все слова мои’
 (DERGANC 1996: 185)

Наряду с употреблением През^{ПСВ} в перформативных контекстах, однако, можно свободно найти и През^{ПНСВ}:

- (31) Kaiḡ se^{ПрезПНСВ} moiḡ grehoṡ i rad se hot'o kaiḡati.
 ‘Я каюсь в своих грехах, и то хочу сделать’
 (BRISPO 1968: 215)

Учитывая тот факт, что, по всей вероятности, Брижинские отрывки являются переводом на древнесловенский язык более древнего оригинала немецкого или латинского происхождения, о чем свидетельствует близость вступительных формул к соответствующим старонемецким (*Iaz ze zaglagolo Zlodeiu* ≈ *Ich widerfaig diem Tiuvet*) и латинским формулам (*Iaz ze zaglagolo Zlodeiu* ≈ *Renuntio Diabolo*), уместно предположить, вслед за, напр., Х. Голтоном

¹⁷⁸ Примеры приводятся в оригинальной орфографии источников.

(GALTON 1976: 94) и *contra* А. Дерганц (DERGANC 1996), что необычному распределению перформативов в През^{ПНСВ} могло бы способствовать (также) влияние языкового контакта с немецким, хотя, как мы еще увидим дальше (§3.1.1), не всегда легко понять, как и в какой степени такое влияние могло оказываться на языковую систему.

Что касается перформативов на древних этапах развития сербскохорватского языка, а точнее в письменных памятниках сербского, хорватского и боснийского происхождения, написанных на древнештокавском диалекте (XII–XV вв.), они почти никогда не были предметом отдельного исследования. Насколько нам известно, единственным исключением, наряду с уже упомянутой работой С. Дики, является статья С. Павловича, посвященная исследованию перформативов, проведенному на материале корпуса древних юридических и экономических документов, т.н. *rovelje* ('хартии') и *pisma* ('указы')¹⁷⁹ (ПАВЛОВИЋ 2000). С. Павлович выделяет следующие три морфосинтаксические стратегии для эксплицитного выражения перформатива: эксплицитный перформатив (в особенности из класса глаголов речи) в Наст^{ПНСВ} в 1-е л. ед. и мн. ч. или 3-е л. ед. ч. (напр. *клету се, пращати, прѣпоручевати* и т.д.), устойчивые перифрастические обороты с легким глаголом *дати* и (либо отыменным, либо отглагольным) прямым дополнением¹⁸⁰ [напр. *дати <вѣру>*, *дати <вѣдѣти>*, *дати <(у)знати>*, *дати <милость>*] или повелительные конструкции с десемантизированными глаголами *(у)знати* и *вѣдѣти* (напр. *да вѣшь...*, *да знашь...* и т.д.) (ПАВЛОВИЋ 2000: 765–768). С. Дики, который сосредоточивается только на эксплицитных перформативах, отмечает, что в проанализированных текстах сербского и хорватского происхождения можно найти только перформативы (по существу глаголы речи) в Наст^{ПНСВ} (DISKEY 2015A: 267–268).

В отношении более древних этапов русского языка (т.е. древне- и старорусского языков), исследования проводились трояким образом. С одной стороны, существует обширный состав исследований, посвященных разнообразным аспектам формального проявления речевых актов в письменных памятниках (см., напр., сравнительные стратегии передачи чужой речи в LUNDE 2004 и PERELMUTTER 2009), а также прагматическим функциям глагольных времен в некоторых речевых актах (см., напр., САВЕЛЬЕВ 2016А; САВЕЛЬЕВ 2016Б; САВЕЛЬЕВ 2016В). С другой стороны, ученые фокусировались на подробном анализе речевых (точнее, коммуникативных) ситуаций, описанных в древних источниках, с особым акцентом на письменной передаче структуры речевого сообщения (или, в общем, речевой деятельности),

¹⁷⁹ Этот корпус, часть которого вошла в совокупность нами проанализированных источников, служит основой исследования и для дальнейшей монографии автора, посвященной развитию сложноподчиненных предложений в древнештокавском (ПАВЛОВИЋ 2009).

¹⁸⁰ Автор добавляет, что употребление устойчивых конструкций является отличительной чертой официальных документов, где любое изменение стереотипных формул может вызывать сомнения у адресата в действенности и достоверности содержания (ПАВЛОВИЋ 2000: 766–767).

как, например, свидетельствует подробное исследование А. А. Гиппиуса о закономерностях и расхождениях в коммуникативной структуре берестяных грамот (ГИППИУС 2004; см. дальше §3.2). В конечном счете, писалось также (хотя немного) о видовременном маркировании эксплицитных перформативов.

По поводу видовременного статуса перформативов в древнерусском или, точнее, в древневосточнославянском языке С. Дики пишет относительно мало, ограничиваясь общим замечанием о том, что в проанализированных письменных памятниках в большинстве случаев перформативы проявляются в Наст^{ПНСВ}, за исключением некоторых глаголов, употребленных в коммуникативных ситуациях, над которыми говорящий осуществляет полный контроль¹⁸¹.

В седьмой главе своей монографии С. Деккер (ДЕККЕР 2018: 129–148; см. также СХАКЕН, ФОРТЕЙН, ДЕККЕР 2014; ДЕККЕР 2019) рассматривает проблему употребления т.н. «эпистолярного прошедшего времени» в берестяных грамотах. Автор выдвигает гипотезу о том, что употребление аориста и перфекта без связки в начальных формулах официальных актов (напр. в торговых транзакциях) равнозначно перформативному акту, похожим образом, как и в других древних языках, напр., в древнегреческом: “The past tense is used because of its retrospective force: the act has just been accomplished, it is irreversible now. The letter functions as a final wrap-up of the act, which cannot be undone” (ДЕККЕР 2018: 145).

Хотя автор аргументированно выступает в пользу собственной гипотезы, возникают по крайней мере три неминуемые проблемы в рамках такого подхода к решению вопроса. Во-первых, в совокупность проанализированных С. Деккером примеров входят по существу квазиперформативы (в большинстве случаев глаголы транзакции, ратификации и/или обмена ценностями), а не, как было бы уместнее, настоящие перформативы – и это несмотря на то, что сам автор посвящает целую главу анализу деклараций (в серлевском смысле) в берестяных грамотах. Ниже приведем один из таких примеров:

(32) се азо рабо бѣжи селивьстро . *напсахъ* . рукописаниє [...]

(Гр. № 138, 1-ое 20-летие XIV в., ДНД 2004: 533: ДЕККЕР 2018: 144)

Во-вторых, по признанию самого автора, хотя состав эксплицитных перформативов в берестяных грамотах, мягко говоря, беден, все-таки в (квази)перформативном контексте

¹⁸¹ В статье С. Дики приводит выдержку из «Хожения» игумена Даниила, в которой употребляется НП^{СВ} *похвалю* в (предположительно) перформативном контексте. Пример здесь не приводится по двум причинам. Во-первых, из контекста точно неясно, на основе чего субъект-говорящий осуществляет полный контроль над коммуникативной ситуацией. Во-вторых, в нашей схеме (см. §2.1.1) глаголы вроде *похвалити* считаются делокутивами, а не чисто перформативами.

наблюдается видовременное чередование прошедших времен с Наст^{ПНСВ} [см. квазиперформатив *пишо* в нижеприведенном примере (33)]. Более того, в одной и той же коммуникативной ситуации могут появляться также «настоящие» перформативы. В нижеприведенном примере (33), напр., обнаруживается наряду с квазиперформативом *пишо* эксплицитная декларация *приказываю*, которая тоже проявляется в Наст^{ПНСВ}:

(33) во . имѧ . Оѣа . и сѣна . и сѣтого . дѣха . се азъ . (раба . бѣжа) мариѧ . ѿхода . сего . свѣта . *пишо*^{НастПНСВ} . рукописа(ниѣ . при) своѣмъ . животѣ . *приказываю*^{НастПНСВ} . остатоко . сво.и . - - - - - своѣму . максимуму .

(Гр. № 692, 1-ая четв. XV в., ДНД 2004: 661; DEKKER 2018: 161)

В третьих, на основе данных берестяных грамот, автор заключает, что “[...] the use of the past tense in performative contexts arose due to pragmatic reasons: it points either to the primacy of a preceding oral transaction, or, more generally, to a broader spectrum of oral habits” (DEKKER 2018: 176) и что характер таких перформативных формул становился все устойчивее со временем, так что “[...] these examples are, strictly speaking, not performatives, nor ‘near-performatives’, but ‘developing’ performatives struggling towards full performativity; they are in the process of throwing off the ‘shackles’ of orality” (DEKKER 2018: 184). Вследствие этого, автор предполагает, что такое употребление прошедших времен в перформативном контексте является отличительной чертой тех обществ, в которых еще существует осязаемая (и последовательная) связь между устным и письменным выражением речевого сообщения¹⁸². Однако категоричность этой гипотезы значительно ослабляется в типологическом исследовании Э. Фортейна (FORTUIN 2019: 28–29). Э. Фортейн утверждает, что в языках похожих древних письменных культур различного происхождения, напр. в хеттском или в шумерском языках, не находятся убедительные (т.е. однозначные) примеры перформативов в прошедшем времени и, следовательно, с заключением С. Деккера пока нельзя согласиться.

¹⁸² В определенный момент своего анализа С. Деккер (DEKKER 2018: 164) ссылается в сноске на интересную статью о видовременном маркировании перформативов в геэз (т.е. в древнеэфиопском языке), в конце которой проводится параллель между семитскими языками, в том числе принимая во внимание и амхарский язык (WENINGER 2000: 99–100). Автор статьи замечает, что в амхарском языке перфект употребляется, если отношения между участниками в событии речевого акта имеют несимметричный («вертикальный») характер, точнее, если адресат занимает нижнюю социальную позицию по отношению к говорящему (и, следовательно, если адресант-говорящий не нуждается в согласии своего собеседника, чтобы высказывание удовлетворяло условиям успешности). Имперфект употребляется в противоположном случае (т.е. если властные отношения между участниками в событии речевого акта благоприятствуют не адресанту-говорящему, а адресату). Добавим, что это наблюдение хорошо сочетается с вышеприведенным замечанием С. Дики о невозможности употребления (славянского) НП^{СВ} в перформативном контексте при возражении адресата в отношении иллокутивной цели высказывания (или ее непринятии адресатом).

Похожим образом распределение других эксплицитных перформативов в древнерусском, а также в среднерусском, попадало в центр внимания некоторых исследований. В том числе рассматривалась дистрибуция эксплицитного (директивного) перформатива *просити* в некоторых древне- и старорусских письменных памятниках (см. напр. BIASIO 2019). Хотя в проанализированных текстах засвидетельствовано присутствие ряда приставочных (напр. *въспросити*), суффиксальных (напр. *прашати*) и приставочно-суффиксальных форм (напр. *съупрашати ся*), образованных на основе бесприставочного *просити*, ни одна из них не составляет «настоящую» видовую пару с *просити* (приставочный глагол *попросити* встречается, хотя в редких и неперформативных случаях), а также не употребляется в перформативном контексте. В перформативном контексте встречается только бесприставочный (предположительно НСВ)¹⁸³ *просити* [см. нижеприведенные примеры (34)–(35), в которых кратко иллюстрируется ситуация в древне- и старорусском языках]:

- (34) Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ *прошу*^{НастПНСВ}: дайте ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Ажъ бо не хочу тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего *прошу*^{НСВ} у васъ мало»

(ПВЛ 1978: 72, сс. 29–33)

- (35) Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, *прошу*^{НастПНСВ}-де твоево благословения и с царицею и с чады, - помолися о нас!», - кланяючись, посланник говорит.

(АВБАКУМ 1997: 122, сс. 24–29; 123, с. 1)

Начиная со второй половины XVIII века и до начала XX века, однако, наблюдается постоянный рост числа употреблений НП^{СВ} в перформативном контексте [см. нижеприведенные примеры (36)–(38)]:

¹⁸³ Хотя Н. Бермель считает, что *просити* в древне- и старорусском по существу отличается анаспектуальностью (т.е., по словам автора, “an ability to apply across a range of tenses and functions normally associated with opposing aspects”, см. BERMEL 1997: 9), нужно подчеркнуть, что в контекстах непрошедшего (т.е. относящихся к плану либо настоящего, либо к плану будущего) временное толкование определенного предиката обусловлено в первую очередь его аспектуальными и акциональными свойствами. В целом можно сказать, что в перформативном контексте *просити* всегда относится к плану настоящего, т.е. к временному плану, отождествляющемуся с самим моментом высказывания и его можно тогда считать равнофункциональным современному глаголу НСВ (BIASIO 2019: 202).

- (36) Я человек самой грешной, и беззакония превзыдоша главу мою; так я, не уповая больше на милосердие божие, хотя и каюся, угодников божиих *попрошу*^{НПСВ}, чтобы они за меня слово замолвили.

[НКРЯ: А. П. Сумароков, Опекун (1765)]

- (37) Лучше пожелаю вамъ всякаго благополучия, *попрошу*^{НПСВ} вамъ быть увѣренными въ моемъ къ вамъ искреннемъ почитании, и остаюсь навсегда вашъ покорнѣйший слуга Александръ Шишковъ.

[НКРЯ: А. С. Шишков, Письма Я. И. Бардовскому (1816)]

- (38) Я *попрошу*^{НПСВ} своего или своих любезных читателей перенестись воображением в ту малую лесную деревеньку, где Борис Петрович со своей охотой основал главную свою квартиру, находя ее центром своих операционных пунктов.

[НКРЯ: М. Ю. Лермонтов, Вадим (1833-1834)]

На основе проанализированных коммуникативных ситуаций было предложено объяснить новое распределение НПСВ в перформативном контексте тремя причинами. Во-первых, реструктуризация системы аллокутивных местоимений и распространение речевого этикета в новых слоях общества, отображающее новые властные отношения, установленные в петровском обществе, по всей вероятности, повлияли на видовое маркирование эксплицитного перформатива. Следовательно, во-вторых, передовой процесс грамматикализации видовой системы мог способствовать выражению прагматико-коммуникативных параметров путем выбора вида (ср. с §2.4.1). В-третьих, относительно этого частного случая распространение семантических и синтаксических функций приставки *по-* может быть связано с предыдущими двумя процессами или оказаться их непосредственной причиной¹⁸⁴ (BIASIO 2019: 208–214).

¹⁸⁴ Что касается механизма префиксации перформативов в современном русском языке, необходимо уточнить, что интерес представляет тяготение некоторых русских перформативов НСВ (независимо от типа речевого акта, в котором они употребляются) к формированию видового партнера путем прибавления приставки *по-* (ср., среди прочего, *каяться*^{НСВ} → *покаяться*^{СВ}, *клясться*^{НСВ} → *поклясться*^{СВ}, *просить*^{НСВ} → *попросить*^{СВ}, *советовать*^{НСВ} → *посоветовать*^{СВ}, *ходатайствовать*^{НСВ} → *походатайствовать*^{СВ}, *ручаться*^{НСВ} → *поручиться*^{СВ}, *спорить*^{НСВ} → *поспорить*^{СВ}, *требовать*^{НСВ} → *потребовать*^{СВ}, не говоря о еще формирующихся и пока не полноценных видовых парах вроде *обещать*^{ДВ} → *пообещать*^{СВ}, о видовых тройках вроде *велеть*^{ДВ} → *повелеть*^{СВ} → *повелевать*^{НСВ} и о некоторых делокутивах вроде *благодарить*^{НСВ} → *поблагодарить*^{СВ} и *желать*^{НСВ} → *пожелать*^{СВ}). Существуют исторические, семантические и синтаксические основания для того, чтобы считать, что выбор такой приставки для этих перформативов не является случайным. Не углубляясь в тему в целом, можно ограничиться предварительной гипотезой о том, что такой выбор, с одной стороны, вероятно, перекликается с расширением семантических значений, постепенно приобретенных приставкой между XV и XIX веками (DISKEY

Единственным исследованием в сравнительном (славянском) ракурсе о видовременном маркировании перформативов на древних этапах развития славянских языков является, как уже было сказано, DISKEY 2015A. Наряду с уже изложенными наблюдениями над церковнославянским, древнесловенским, древнештокавским и древневосточнославянским, автор уделяет внимание и анализу данных из древних западнославянских языков. Картина для этих языков является несколько иной, особенно если учитывать тот факт, что в данном ареале языковой контакт (по существу с немецким) часто используется в целях объяснения некоторых семантических и морфосинтаксических особенностей определенной языковой системы. С. Дики замечает, что доминирующей формой в перформативном контексте является Наст^{ПНСВ} как в древнепольском, так и в древнечешском, хотя иногда встречаются и перформативы, проявляющиеся в НП^{СВ} (DISKEY 2015A: 271–274). Распределение перформативов в НП^{СВ} является немного более частотным в древневерхне- и древненижнелужицком языках (XVI в.). Один из найденных в памятниках перформативов в НП^{СВ} является не глаголом речи, а, скорее, лексическим эквивалентом русского *обещать*, как в примерах (39)–(41):

- (39) Ktorej jedno będziesz chcieć / *Ślubie*^{НПНСВ} tobie, tę masz mieć.
 ‘Какую захочешь (букв. ‘будешь хотеть’), я тебе обещаю (букв. ‘пообещаю’), что добудешь’
 (др. пол.; DISKEY 2015A: 273)
- (40) Ja też *polubju*^{НПНСВ}, zo ja moju wureć, prjedy sprawnje zjewene, nikomu prajić njecham [...]
 ‘Я еще обещаю (букв. ‘пообещаю’), что никому не скажу о своем предыдущем, правомерно сделанном заявлении [...]
 (др. вер-луж.; DISKEY 2015A: 275)
- (41) Ja N. N. pŕschifegam a *ŕlubim*^{НПНСВ} tomu Wuŕockem / narofŕchonem Knefu [...]
 ‘Я, Н. Н., присягаю и обещаю (букв. ‘пообещаю’) высокородному князю [...]
 (др. ниж-луж.; DISKEY 2015A: 275)

За частичным исключением польского НП^{СВ} в (39) (которое, по мнению С. Дики, можно оправдывать в соответствии с общим предпочтением, отданным двусловным словам по метрическим причинам), Дики предлагает объяснять встречаемость НП^{СВ} в контексте

2007; DISKEY 2011), а с другой стороны может служить формальным маркером некоторых разговорных отношений, выраженных в прагматико-синтаксическом интерфейсе (BIASIO 2020).

комиссивного речевого акта обещания не только как особенность языковых систем древнезападнославянских языков, но и как пример продолжительного языкового контакта с немецким¹⁸⁵ (DICKY 2015A: 284–287). В конечном счете С. Дики утверждает, что на древних этапах развития славянских языков перформативы систематически проявлялись в Наст^{ПНСВ}, в то время как редкие исключения (т.е. НП^{ПСВ}) можно объяснить, с одной стороны, как контекстуально маркированные формы, выражающие полный контроль и авторитет говорящего над определенной коммуникативной ситуацией, а с другой стороны, вероятно, как реликтовые остатки незасвидетельствованной исторической фазы (DICKY 2015A: 276).

3.1.1. По поводу славянской автохтонности перформативов ПСВ

К концу своей статьи С. Дики возвращается к обсуждению теоретических проблем, связанных с социальными перформативами, проявляющимися в НП^{СВ} в древнесловенском языке, тем самым стараясь взвесить аргументы за и против, касающиеся полного языкового контакта с немецким. Хотя сам автор признает, что “[...] At present, I know of no evidence that can decide this issue” (DICKY 2015A: 299), он все-таки предполагает, что влияние немецкого на историческое развитие западнославянских языков является примером т.н. репликового сохранения (*replica preservation*), т.е. сохранения (или ограниченного расширения) некоторых закономерностей в конкретном употреблении определенного языка при присутствии похожих закономерностей во влияющем на него другом языке (DICKY 2015A: 279–280, 297)¹⁸⁶. В этом параграфе мы попробуем не только поддержать такую точку зрения, но и привести, хотя и предварительным образом, некоторые аргументы в пользу более общей тезы о славянской автохтонности всех перформативов в НП^{ПСВ} (и, последовательно, более позднего распространения перформативов в Наст^{ПНСВ}). Таким образом, наше предложение, которое будет дальше исправлено и уточнено в последнем разделе диссертации (§6.4), в целом никак

¹⁸⁵ С. Дики проводит параллель между общесл. **съljubiti* и средневерхненемецким *geloben*, тем самым отмечая, что оба глагола можно употреблять в значении ‘обещать’ (т.е. как комиссивный речевой акт) или в значении ‘венчаться’ (т.е. как декларация). В современном польском языке это двойное значение сохраняется только в отглагольном существительном *ślub* (ср. приставочные глаголы *poślubić, zaślubić* ‘венчаться’, но также *ślubować* ‘присягнуть’). Интересно заметить, что похожее лексическое сближение значений наблюдается также в молизско-славянском говоре населенного пункта Круча (на итальянском Acquaviva Collecroce), в котором засвидетельствована глагольная пара *prisedźivat*^{НСВ}/*priseč*^{СВ} ‘венчаться’, а отглагольное существительное *priseg* значит только ‘присяга’ (BREU, PICCOLI 2000: 159–160).

¹⁸⁶ В выдвинутой С. Дики гипотезе подразумевается, что социальные перформативы в восточнославянских языках не могут вообще проявляться в НП^{СВ} (по существу из-за прототипического значения темпоральной определенности, приобретенного СВ в этих языках). Однако, как мы увидим в дальнейшем (ср. §4.3 и §4.4), эта точка зрения не полностью подтверждается данными.

не противоречит гипотезе о каком-либо языковом контакте, а, наоборот, усиливает ее достоверность.

- 1) Первый аргумент выглядит следующим образом. Сторонники гипотезы о возникновении перформативов в НП^{ПСВ} *исключительно* как результата языкового контакта с древне- и средневерхненемецким часто обращают внимание исследователей на язык Брижинских отрывков. На самом деле более вероятно, как мы уже отметили, что дошедшая до нас рукопись является не оригинальным произведением древнесловенского культурного ареала, а, скорее всего, переводом с оригинала иностранного (т.е. немецкого или латинского) происхождения. С. Дики (DICKY 2015A: 280–281), в этом отношении следуя за мнением словенского филолога и лингвиста Й. Менцея (см. §1.2.1), выдвигает гипотезу о том, что присутствие НП^{ПСВ} в перформативном контексте можно оправдать, среди прочего, принципом морфологического изоморфизма между немецкими и древнесловенскими (приставочными) глагольными формами (по формальной модели ПРИСТАВКА-КОРЕНЬ-ИНФИНИТИВНЫЙ СУФФИКС, ср. напр. древневерхненемецкий *far-sag-ēn* и др. сл. *zagol-eti*). Такой аргумент, по мнению автора, нельзя привести для славянских вторичных имперфективов, которые обычно образуются по формальной модели ПРИСТАВКА-КОРЕНЬ-ИМПЕРФЕКТИВИРУЮЩИЙ СУФФИКС-ИНФИНИТИВНЫЙ СУФФИКС (напр. чеш. *pře-sek-áv-at* ‘перерубать’), явно не соблюдающей принципа морфологического изоморфизма по сравнению с немецкими глаголами. Более того, наряду с чисто лингвистическими причинами, такое употребление перформативов в СВ могло быть обусловленным и на основе социокультурных изменений. Как пишет американский славист,

[...] one must assume that the German use of its prefixed verbs in performative utterances (e.g., Luther's *ich befehle mich...* ‘I commend myself...’) served as a possible model for Slavic speakers who, while not without their own organic performative traditions, were learning new kinds of performative statements, e.g., new confessional formulas and oaths, in the context of their coexistence with and increasing domination by German speakers over much of the last millennium. Such a usage model based on the aforementioned isomorphism between German prefixed verbs and Slavic prefixed perfective verbs may not have been objectionable to Slavic speakers given the possibility of motivating the perfective construal with performatives [...]

(DICKY 2015A: 281)

Хотя не вызывает сомнения тот факт, что морфологическое соответствие между глагольными формами в двух языках является достаточно высоким¹⁸⁷, это автоматически не означает, что языковое влияние древневерхненемецкого на древнесловенский было единственным фактором, сыгравшим роль в видовременном маркировании древнесловенских перформативов. Напомним, что Брижинские отрывки являются не только одним (среди найденных) древнейших письменных памятников славянского ареала, но и (в отличие от таких источников Древней Руси как, напр., Остромирово Евангелие) древнейшим письменным памятником, написанным не на церковнославянском языке. Здесь мы не намереваемся затрагивать неоднозначную проблему языковой самостоятельности церковнославянского языка, особенно по сравнению с древне- и среднегреческим языком. Ограничимся лишь двумя замечаниями. Во-первых, очевидно, что функционирование видовременных отношений, действующих в древнесловенском, во многом отличалось не только от ситуации церковнославянского¹⁸⁸, но и от ситуации древневерхненемецкого. Само

¹⁸⁷ Следует добавить, однако, что морфологическая закономерность между приставочными предикатами в перформативном контексте в древнесловенском и древневерхненемецком языках не соблюдается во всех случаях. В примере (28), который ниже приводится еще раз для удобства чтения, в немецком источнике сохраняется бесприставочный глагол (*pijehu*), в то время как в латинском и древнесловенском текстах употребляются приставочные варианты (*confiteor*, *izpovuede*). Стоит также заметить, что в Брижинских отрывках приставочный глагол *izpovuede* выбран вместо суффиксального *izpovuedaio*, что может указывать на присутствие исходного тяготения к употреблению не-имперфективных перформативов в древнесловенском (DERGANC 1996: 186):

(28) Bofe gozpodi miloztiuvi. otze bofe. tebe *izpovuede*^{ПрезПСВ} (= *pijehu* / *confiteor*) vuez moi greh.
‘Боже милостивый, Господи, Отче Боже, я исповедаюсь во всех моих грехах’

(DERGANC 1996: 184)

Более того, даже в тех случаях, в которых принцип изоморфизма, как кажется, неоспорим [ср. морфологические сходства между древневерхненемецким (*sich*) *be-feh-len* и древнесловенским (*se*) *po-roč-iti* в примере (30)], стоит заметить, что в древневерхненемецком, в отличие от древнесловенского (*se*) *roč-iti*, не существует бесприставочный перформатив **(sich) feh-len* с тем же значением приставочного коррелята. Это может служить еще раз косвенным доказательством того, что возможное немецкое влияние на древнесловенский было опосредовано присутствием похожей модели в целевом языке перевода. Однако к теме немецкого влияния на (древне)словенский и на (древне)западнославянские языки, с особым учетом верхне- и нижнелужицкого языков, относится довольно скептически Э. Фортейн (FORTUIN 2019: 20).

¹⁸⁸ Как уже было сказано (см. сноску 176), наличие двучленной видовой оппозиции между формами презенса СВ и НСВ в перформативном контексте, по мнению Дж. Кампхайса, приближает систему церковнославянского языка не к среднегреческому языку византийского периода, а скорее к древнегреческому и, в частности, к одному из его последних исторических этапов, т.е. к эллинистическому койне, на котором были написаны евангелия.

По поводу видовременного маркирования в перформативном контексте в древнегреческом языке (точнее, в языке эпоса и трагедии) широко известно (см. §1.2.2), что нередко встречаются случаи употребления т.н. «трагического аориста», напр. ἤνθησα > през. αἰνέω ‘одобряю’ или ὀνομάσθην > през. ὀνομαί ‘презираю’. Общепринято, что трагический аорист является, так сказать, «перформативной запаской» древнегреческой языковой системы, т.е. вторым возможным вариантом среди приемлемых в перформативном контексте видовременных форм. Первым выбором была бы некая искусственная комбинация между аористическим аспектом и настоящим временем (иными словами, что-то вроде славянского НП^{ПСВ}), которой, однако, не существует в перечне морфологизованных видовременных форм древнегреческой системы (BARY 2012: 33). Наряду с трагическим аористом в перформативном контексте можно найти «обычную» комбинацию дуративного аспекта и настоящего времени (напр. ὀμνῶμι ‘присягаю’). Этот факт естественно приводит нас к замечанию, что

морфологическое калькирование не может объясняться семантическими причинами, обуславливающими присутствие През^{PCB} в перформативном контексте в древнесловенском. Во-вторых, в связи с ранним датированием отрывков (X–XI вв.) нельзя полностью исключать противоположное и конкурирующее с первой гипотезой предположение о том, что, как пишет сам С. Дики, видовременное маркирование перформативов в НП^{PCB} уже было отличительной чертой древнесловенского языка и даже, если принять более общую точку зрения, реликтовой формой из предыдущего и незасвидетельствованного положения дел, которая, после распада общеславянского языкового единства, была по разным причинам (см. дальше в параграфе) вытеснена на функциональную периферию каждого славянского языка. Тот факт, что доминирующей формой в перформативном контексте в современных славянских языках является (в большей или меньшей степени) Наст^{HCB}, мало что значит для диахронической реконструкции функционирования видовременной системы на древних этапах развития славянских языков¹⁸⁹.

- 2) Второй аргумент в пользу нашей гипотезы опирается на один частный случай (демонстративного) нарушения известного постулата о том, что в южнославянских языках (за исключением словенского, который, однако, во многом приближается к группе западнославянских языков) независимое употребление През^{CB} в главных предложениях грамматически запрещено. На самом деле, в современном

отсутствие какой-либо древнегреческой формы, функционально соответствующей славянскому НП (През)^{PCB}, компенсируют две отдельные формы, т.е. одна форма, ему близка по аспекту (т.е. аорист), а другая, ему близка по темпоральным свойствам (т.е. дуративное настоящее). Показательно, что в рамках этого предложения считается, что аорист утрачивает свои темпоральные (претеритальные) функции, т.е., в отличие от предложения С. Деккера, он подвергается семантическому переосмыслению и является чисто аспектуальной формой, как будто он употребляется в гномическом контексте (BARY 2012: 50).

С этим вопросом связана сложная проблема о происхождении славянского аориста и о его семантических сходствах с греческим аористом, которая остается до сих пор открытой (ANDERSEN 2013; WIEMER, SERŽANT 2017: 272–278). Здесь мы ограничимся только общим замечанием о том, что, в отличие от трагического аориста, в проанализированных древних письменных памятниках славянский аорист появляется, как уже отмечено в исследовании С. Деккера, только в контекстах «эпистолярного прошедшего» (см. подробнее в §3.3.2.1–§3.3.2.4 и §3.4.3.1–§3.4.3.4), которые мы не будем считать перформативными.

Напомним, что в среднегреческом языке византийского периода дихотомия «аорист-презенс» в перформативном контексте стала исчезать и распространилась на такие другие видовременные формы, как, напр., сигматическое будущее и перфект. До сих пор вызывает бурные дискуссии между индоевропейцами мнение о том, что в среднегреческом языке сигматический аорист, на самом деле, был функционально переосмыслен и служил дейктическим указателем будущего времени, также охарактеризованного присутствием сигматического форманта, хотя, вероятно, совсем иного этимологического происхождения (BARY 2012: 42). Как бы то ни было, этот случай не выходит за рамки уже упомянутого парадокса перфективного презенса (см. §2.4.2).

¹⁸⁹ Для предметного сравнения можно провести параллель с вопросом о возникновении и распределении т.н. «первичных» и «вторичных» глагольных окончаний в праиндоевропейском языке. В литературе не раз выдвигали гипотезу о том, что т.н. «вторичные» окончания на самом деле являются генеалогически более ранним лингвистическим явлением, чем «первичные», несмотря на то, что их функциональное распределение намного более ограничено, чем распределение «первичных» (ср. ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984: 327–332; WILLI 2018: 28–35).

сербскохорватском языке, в некоторых квазиперформативных контекстах (и в отличие от «настоящих» перформативных высказываний, в которых, как мы уже видели в §2.5.2, могут появляться только Наст^{НCB} или Фут^{CB}) нетрудно найти формы През^{CB}, как показывают нижеприведенные примеры (42)–(43):

- (42) Da prevedem na srpsko-hrvatsko-bošnjački: *poserem se*^{CB} na svoj život u državi u kojoj ste vi ministar.

(с-х.; DICKEY 2015A: 268)

- (43) *Nabijem*^{CB} te na kurac!

(с-х.; DICKEY 2015A: 268)

С. Дики, прибегая к присущему когнитивной лингвистике теоретическому понятию концептуального смешивания (*conceptual blending*), предлагает называть эти квазиперформативы *оскорбительно-метонимическими перформативами* (*abusive metonymic performatives*), так как (курсив в оригинале) “each *depicts* a situation while also *causally bringing about* a certain effect” (DICKEY 2015A: 256). Автор утверждает, что такие случаи оскорбительно-метонимических перформативов, типично для коммуникативных ситуаций, над которыми говорящий осуществляет полный контроль (т.е. независимо от роли слушателя), можно найти также в других славянских языках, в частности, в языках западного ареала [см. чешский и нижнелужицкий примеры (44)–(45)], в то время как их встречаемость убывает с запада на восток (в русском и болгарском они вовсе не засвидетельствованы)¹⁹⁰:

- (44) *Plivnu*^{CB} ti na to!

(чеш.; DICKEY 2015A: 269)

- (45) *Ja se wójebjom*^{CB} wó twóje pjenjeze.

(ниж-луж.; DICKEY 2015A: 269)

¹⁹⁰ По мнению автора, это ограничение хорошо сочетается с такими похожими синтаксическими «сужениями» в употреблении НП^{CB} в пользу Наст^{НCB}, как в контекстах нарративного презенса и (не)ограниченной кратности (DICKEY 2015: 270).

В связи с проанализированным явлением, С. Дики предполагает, что такие употребления НП (През)^{CB} в квазиперформативном контексте носят реликтовый характер, т.е. они, по всей вероятности, являются современными (лексикализированными) остатками более древнего положения дел, отсылающего к общеславянскому языковому единству, где по видимому они имели бóльшее распространение¹⁹¹. В пользу этой гипотезы можно привести два дополнительных аргумента. Во-первых, если неверно, что эти видовременные формы отображают древний (т.е. доисторический) языковой узус, то необходимо объяснить по-другому, почему они находятся именно в тех славянских

¹⁹¹ На относительную древность этих предикатов не указывают только синтаксические (т.е. необычное употребление форм През^{CB} в контексте главного предложения в сербскохорватском языке) и семантические обоснования (см. дальше), но также морфологические аргументы. См., напр., деривационные морфемы, которые в сербскохорватских примерах (42)–(43), а также в чешском примере (44) формализуют прежде всего акциональные, а не чисто видовые свойства; с одной стороны направительные приставки *po-* ('по поверхности') и *na-* ('объект движения'), а с другой семельфактивный инфикс *ni-* ('один квант').

Следует также отметить, что не все эти оскорбительно-метонимические перформативы в сербскохорватском языке регулярно проявляются в През^{CB}. Например, в вульгарных поворотах и проклятиях с глаголом НСВ *jebati* 'ебать' приставочные глаголы СВ *odjebati* (*odjebem*) 'съебать' и *zajebati* (*zajebem*) 'облажаться' вообще нельзя употреблять: *Jebem* (**Odjebem* / **Zajebem*) *ti mater/sunce/Boga* 'Еб/Ебусь твою мать/солнце/Бога'. Хотя в принципе не должно быть никакого грамматического запрета на употребление таких квазиперформативов в СВ, вероятно, что общее отсутствие этих форм в данном контексте обосновано двумя возможными причинами. Во-первых, с одной стороны, у глагола СВ *zajebati* значение всегда переносное (что не уживается с буквальной, оскорбительной семантикой таких выражений), а с другой стороны глагол СВ *odjebati*, наряду с переносным значением (к тому же являющимся, по мнению С. Дики, калькой английского *fuck off*), имеет только другое значение, т.е. финитивный способ действия ('отьебать', 'завершить ебать', 'довести до завершения половой акт'), которое, разумеется, в данном контексте не носит никакой иллокутивной (квазиперформативной) силы. Цитируя слова С. Дики, "Assuming *odjebati* means 'finish fucking', there would be little reason to say *Odjebem ti majku* – it would focus on the fact that you have finished it, but what's important in the abuse is the mere fact. In contrast, what is important about *nabiti* is the humiliating result, and not the fairly negligible process involved" (личное сообщение от 29 февраля 2020 г.). Во-вторых, если принимать во внимание другой специализированный глагол СВ, образованный от НСВ *jebati*, напр. интенсивно-результативный способ действия *izjebati*, букв. 'изьебать', заметим, что квазиперформативное толкование является опять же допустимым, см. приемлемость предложения *Izjebem ti mater u pičku*. Очень вероятно, что здесь ключевую роль вновь играет параметр полного контроля говорящего.

По поводу видовременного проявления вульгарных выражений в сербскохорватском языковом ареале см. также интересное противопоставление между презентными и претеритальными формами в квазиперформативном контексте. Ср. напр. квазиперформативное вульгарное ругательство (в През^{НСВ}) в сербскохорватском языке *Jebem ti mater* и ругательство-проклятие, выраженное формой Перф^{НСВ} (в мужском роде) *Jebo ti pas mater*, а также модификацию (эвфемизм) данного выражения *Grebo ti pas malter*, использующуюся в ситуациях, в которых ругаться совсем неуместно, или приходится быть сдержанным. В разговорном языке встречается иногда и неправильная гибридная конструкция (образованная из этих двух ругательств) *Jebo ti ja pas mater*, возникающая обычно в пылу ссоры, когда участники, желая быстро высказать как можно больше ругательств, объединяют (сжимают) две предыдущие. Следует отметить, что встречается и квазиперформативное употребление формы Перф^{НСВ} *Jebo sam ti mater* [ср. сокращенный вариант формы Перф^{НСВ} – без вспомогательного глагола *biti* (*sam*): *Jebo ti ja mater*]. Данное употребление формы Перф^{НСВ} можно отнести к оптативному использованию прошедшего времени в пожеланиях и проклятиях, напр. при встрече (традиционное сербское приветствие) – *Помоз' / Помаже Бог!* ('Бог в помощь!') – (ответ) *Бог ти помогао!* ['Помогай вам Бог!' / 'Спасибо' ('Спаси Бог!') / 'Во славу Божию!'] или в сербских былинах (эпических народных песнях), как в следующей выдержке из песни «Марко Краевич и Мина из Костура»: – *Кад ти станеш мене дворе градит, мене хоће сиротиња клети: Гле курвиња Краљевиња Марка! Они су му двори изгорели, а ови му пусти осталули!* ('«Если двор ты для меня построишь, / Будут клясть меня за то сироты: / „Курвин сын ты, Королевич Марко! / У тебя дворы одни сгорели, – / Пусть же эти пусты остаются»') (СЕРБСКИЙ ЭПОС 1933: 401). За все эти дополнительные замечания на языковой картине в сербскохорватском ареале, которые заслуживают отдельное внимание, сердечно благодарю проф. Д. Войводица.

языках, в которых употребление През^{СВ} в главных предложениях (в том числе и в перформативных высказываниях) является грамматически неприемлемым – маловероятно, что такой грамматический запрет действует для всех случаев конкретного употребления языка, кроме этого. Во-вторых, хотя до сих пор не существует общепринятого мнения о конкретной роли, которую оскорбительные выражения играют в развитии языковой способности¹⁹², следует подчеркнуть, что иллокутивная сила всех этих высказываний очень напоминает семантико-прагматическое содержание угроз и проклятий и, в общем, значительно приближается к магическо-подражательной сфере действия языка, глубоко укоренившейся с давних времен.

- 3) Третий аргумент в поддержку нашей гипотезы естественно вытекает из предыдущего и носит исторический характер. К принятию гипотезы С. Дики также приводит тот факт, что она придает еще бóльшую достоверность (хотя и с другой теоретической перспективы) выдающейся исторической реконструкции Ю. С. Маслова о частной роли процессов перфективации и имперфективации в грамматикализации славянской видовой системы, впервые изложенной в известной статье 1958 года и перепечатанной в сборнике статей в 2004 году (МАСЛОВ 2004). Обобщим самые важные моменты статьи. Как известно, Ю. С. Маслов считал, что грамматическая категория вида в славянских языках возникла в результате двух последовательных факторов, т.е. семантического переосмысления состава древнейших способов глагольного действия (балто-славянского происхождения) и превращения глагольных приставок в формальные (морфосинтаксические) маркеры предельности (МАСЛОВ 2004: 471). В последней фазе процесса, по предположению автора, все способы действия свелись к трем группам, т.е. предельные глаголы (*terminativa*, т.е. приставочные свершения и достижения и глаголы с носовым инфиксом), неопредельные глаголы (*aterminativa*, т.е. состояния, которые отличались по акциональным причинам) и нейтральные в отношении предельности/непредельности глаголы (*communia*, принадлежность которых к тому или иному классу была обусловлена контекстуально, а не формально). В то время предельные глаголы могли еще употребляться не только “в значении действительного достижения предела действия” (МАСЛОВ 2004: 469), как в конструкциях типа **velitъ sъbъrati* ‘приказать собрать’, но и “в значении действия, взятого в его процессе, действия, предел

¹⁹² О внутреннем элементарном, «плоском» (и очень экспрессивном) синтаксисе оскорбительных выражений как возможном факторе, активно воздействующем на развитие биологической языковой способности, см. PROGOVAC 2016.

(результат) которого как бы отсрочен, как бы маячит в перспективе, реально не достигается в момент, о котором идет речь” (МАСЛОВ 2004: 469), как для **načesę sьbьrati* ‘начали собирать’ или **se sьbberetъ* ‘вот-вот собирает’ и в многократно-неопределенном значении, как для **sьbberetъ često* ‘собирает часто’. Эта картина постепенно изменялась именно после того, как глагольные приставки стали регулярно сигнализировать предельность события, т.е. когда стало все труднее понять, к какому типу события определенный глагольный предикат отсылался: к протекающему в момент высказывания действию или к действию, уже достигнутому своего внутреннего предела. По Ю. С. Маслову, морфологический механизм имперфективации (на основе приставочного глагола) служил целям снятия неоднозначности и породил современный несовершенный вид (т.е. эксплицитно процессуальную форму **se sьbiraetъ* ‘он занят собиранием’). Этой эмфатической форме противопоставлялся т.н. общий (т.е. недифференцированный) вид, над распределением которого в позднем периоде общеславянского языка стали налагать все больше ограничений, вплоть до полной невозможности употребления **se sьbberetъ* в контекстах актуального настоящего, процессного значения и после фазисных глаголов (в пользу «нового» НСВ). Тем самым общий вид превратился в современный СВ и стал (семантически) маркированным членом видовой пары (МАСЛОВ 2004: 473)¹⁹³.

Если периодизация и выводы Ю. С. Маслова верны, не вызывают удивления ни реликтовое распределение сербскохорватских оскорбительных квазиперформативов в През^{СВ} в главных предложениях (когда говорящий осуществляет полный контроль над коммуникативной ситуацией), ни относительное распределение «настоящих» перформативов в НП^{СВ} (в противопоставлении более «нейтральному» Наст^{НСВ}). В соответствии с этими рассуждениями можно предположить, что такие случаи

¹⁹³ Правдоподобность хронологической периодизации развития славянского вида, предложенной Ю. С. Масловым, убедительно и подробно подтверждается в недавно опубликованном обширном диахроническом исследовании о типологической исключительности славянского вида (WIEMER, SERŽANT 2017: 260–280; ср. также с TOMELLERI 2007). Для похожей реконструкции глагольного вида в церковнославянском языке см. KAMPHUIS 2020: 268–304.

Среди изъянов в периодизации Ю. С. Маслова, однако, ученые не раз подчеркивали, что идея советского лингвиста о том, что возникшие в поздней фазе общеславянского периода видовые характеристики охватили все разом целый глагольный словарный запас во всех видовременных словоформах, является в общем довольно маловероятной. Опираясь на данные из церковнославянского языка, С. Дики недавно выдвинул гипотезу, что бесприставочные глаголы (напр. *pasti* ‘упасть’) или глаголы с пространственными приставками (напр. *vъ-tešiti* ‘втечь’) могли еще быть употреблены в контекстах актуального настоящего, в отличие от глаголов с результитивными приставками (вроде *u-* в *u-krěpiti* ‘укрепить’), которые уже в поздней фазе общеславянского периода, по всей вероятности, либо были отстранены от таких контекстов, либо были сильно ограничены (DISKEY 2015b: 35–37).

представляют собой не что иное, как отображение (и в некоторой степени сохранение) более древнего положения дел, которое действовало во время общеславянского языкового единства. Разумеется, употребления перформативов в НП^{П^{СВ}} в таких ранних письменных памятниках, как Брижинские отрывки, по всей вероятности, уместно считать не только возможным результатом языкового контакта с древневерхненемецким, но и конкретным свидетельством того, что такая видовременная конфигурация в дописьменном общеславянском ареале могла рассчитывать на большее синтаксическое распространение (в том числе также в перформативном контексте).

- 4) Четвертый и последний аргумент в пользу славянской автохтонности перформативов в НП^{П^{СВ}} связан с их общим распространением в современных славянских языках. В противоречие главенствующей точке зрения в литературе, как уже отмечено Б. Вимером (ср. с §2.4.1) и как еще увидим в дальнейшем (см. §4.3–§4.4, §5.3–§5.4), видовременное противопоставление в перформативном контексте не затрагивает только малочисленный состав глаголов речи [либо экспозитивы, напр. рус. *напоминать*^{НСВ}/*напомнить*^{СВ} и с-х. *Pods(j)ećati*^{НСВ}/*Pods(j)etiti*^{СВ}, либо директивы, напр. рус. *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ} и с-х. *moliti*^{НСВ}/*zamoliti*^{СВ}], а расширяется также по другим классам перформативов, в том числе и некоторым социальным (т.е. декларациям). Этот факт, как кажется, сам по себе ничего не говорит о древнем статусе современного перформативного НП (През)^{СВ}. Однако это несколько неожиданный факт, который может проливать свет на более широкую употребительность славянской формы СВ в перформативном контексте (что само по себе заслуживает специального рассмотрения)¹⁹⁴. С другой стороны, такой результат обеспечивает установление типологической (функциональной) параллели между славянскими языками и некоторыми другими (древними и современными)

¹⁹⁴ Однако как мы увидим в конце диссертационной работы (см. §6.4) не вполне уместно устанавливать связь между современным перформативным НП (През)^{СВ} и перформативными формами в През^{П^{СВ}}, которые обнаруживаются, напр., в Брижинских отрывках. В последнем случае было бы более подходящее говорить о реликтах общего вида, т.е. о формах не-несовершенного вида.

неиндоевропейскими языками, как, напр., семитскими¹⁹⁵ и тюркскими языками¹⁹⁶, в которых перфектно-результативные и/или аористические формы регулярно приобретают перформативный характер (FORTUIN 2019: 40).

¹⁹⁵ См. случаи классического арабского (напр. комиссив в перфекте *ḥalaftu* ‘присягаю’) и древнееврейского [напр. делокутив в аористе *bāraxti* ‘oto ‘Я его благословляю’ (KOSCHMIEDER 1934: 110–114)].

В качестве некоторых дополнительных замечаний к теме добавим вскользь, что в современном стандартном арабском языке, судя по (все-таки немногочисленным) данным некоторых типологических исследований (напр. DE WIT, BRISARD, MEEUWIS 2018: 260), в перформативном контексте допускается только имперфективный аспект (с приставочными глаголами), за исключением деклараций, где перформатив часто маркирован в перфективном аспекте [с суффиксальными глаголами, напр. *Faṣalnā-ka mina l-laḡnati* ‘Вы уволены (букв. ‘Мы Вас уволим’) от комитета’]. Учитывая устойчивый характер таких перформативных высказываний, авторы предполагают, что такое употребление может быть реликтовой формой, происходящей из классического арабского, в котором перфективные перформативы имели значительно большее распространение.

Похожим образом, при переходе в современный иврит двухсторонняя видовая система древнееврейского языка изменилась в значительной степени. Примером может служить известный библейский отрывок из Пс. 18:37 (издание, на которое мы опираемся – JPS 1917: в нашем тексте употреблена общепринятая научная транслитерация библейского иврита). Сложное предложение *’er-dō-wp̄ ’ō-wy-bay wā-as-sī-gēm wā-lō-’ā-šūb ’ad-kal-lō-w-tām* ‘Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их’, в котором появляются приставочные (имперфективные) глаголы, в современном языке получает футуральное толкование, в то время как тот же контекст в древнем языке, вероятно, получал претеритальное толкование (см. напр. новую международную версию Библии, где отрывок перевели претеритальными формами *I pursued my enemies and overtook them; I did not turn back till they were destroyed*).

Интересно, что сербскохорватские переводы отображают то же колебание: в переводе Джуро Даничића и Вука Караджича (1857–1865) в обоих случаях употребляются *praesentes pro futuro* НСВ (*Tjeram neprijatelje svoje i stižem ih, i ne vraćam se dok ih ne istrijebim*), в то время как в хорватской Библии 1968 г. употребляются аористы СВ (*Pognah svoje dušmane i dostigoh, i ne vratih se dok ih ne uništih*), а в переводе Ивана Шарича 1941–42 гг. употребляются и аористы, и перфекты (обоих видов) (*Tjerao sam neprijatelje svoje i stizavao ih, nijesam se vraćao, dok ne legoše uništeni*). На этот пример обратил мое внимание Алессио Мурро, к которому обращаюсь с особой благодарностью.

¹⁹⁶ В связи с этим особенно интересной является ситуация современного турецкого языка (сердечно благодарю профессора Хана Стэнвейка, который ознакомил меня с этой проблемой). В парадигму глагольных форм турецкого языка входит т.н. простое настоящее время (*geniş zaman*), т.е. временно недоспецифицированная глагольная форма аористической семантики, охарактеризованная своеобразным суффиксом /-r/, которую можно употребить как в узуальных и гномических (атемпоральных) контекстах, так и с референцией к будущему положению дел. Так, простое настоящее *yazarım* (от *yazmak* ‘писать’) либо может приближаться к узуальному значению, выраженному русским Наст^{НСВ} (‘я вообще пишу’, ‘я работаю <писателем>’), либо приобретать футуральную перспективу в зависимости от контекста, указывая на предельное (‘я напишу’) или дуративное действие (‘я буду писать’). Такая же форма, будучи лишена своей собственной темпоральности, часто употребляется в пословицах и поговорках, похожим образом, как и славянские Наст^{НСВ} и НП^{СВ}: см. *Dağ dağa ulaşmaz, adam adama ulaşır* ‘Гора с горой не сходится/не может сойтись, человек с человеком сходится/могут сойтись’ (3-е л. ед. ч. отрицательного и положительного простого настоящего от *ulaşmak* ‘дойти’, ‘сойтись’). Что важнее, в отличие от напр. новогреческого языка (см. сноску 154), в турецком языке в перформативном контексте наряду с дуративным («несовершенным») широко употребляется и простое («совершенное») настоящее (FORTUIN 2019: 41). См. следующее перформативное высказывание: *Buralarda bir iskele vardı, yemin ederim!* ‘Где-то здесь было место высадки, клянусь!’ (от легкого глагола *etmek* ‘делать’, <yemin> *etmek*, букв. ‘<клятву> делать’: см. VAN SCHAAIK 2020: 229).

Эти данные сами по себе могут стать основой для будущей дискуссии об исторических взаимоотношениях между славянской и тюркской языковыми семьями, хотя и только в связи с распределением соответствующих аористических форм, а не с видовременным маркированием в перформативном контексте в особенности. Профессор Хан Стэнвейк (личное сообщение) мне сообщил, что появление простого настоящего на /-r/ засвидетельствовано уже на самых ранних этапах развития тюркских языков (около VIII в.), в том числе и в турецком. Насколько нам известно, еще не была выдвинута гипотеза о прямой семантической (т.е. функциональной) связи между вступившими в контакт друг с другом языками (т.е. о присутствии общего источника для аористической семантики турецкого простого настоящего на /-r/ и славянского НП^{СВ}, с особым учетом их употребления в перформативном контексте). Такая гипотеза пока ждет существенных доказательств. В литературе, однако, уже существуют попытки выступить за ранний (т.е. восходящий к общеславянскому периоду) языковой контакт между славянскими и тюркскими населенными. Среди самых последних вкладов, в WIEMER, SERŽANT 2017: 294–296 идет речь о возможности такого контакта в целях объяснения своеобразности

3.2. Некоторые проблемы диахронического анализа

В этом разделе мы обратим внимание на некоторые теоретические и эмпирические задачи, с которыми нам необходимо справиться в подготовительных фазах анализа данных. По характеру эти вопросы можно разделить на две группы: общие проблемы, касающиеся обоих языков, и более частные проблемы, касающиеся только древних этапов сербскохорватского языкового континуума. Обсудим их отдельно.

Неудивительно, что в любом диахроническом анализе присутствует существенная проблема: исследователь не имеет доступа к суждениям носителей определенного языка о грамматической приемлемости какого-либо языкового явления и, следовательно, им не дано с точностью узнать, обоснованной ли является гипотеза, ими выдвинутая. Для анализов, носящих более формальный характер (как напр. исследования по исторической морфологии и по синтаксису), в которых внимание на структуры имеет приоритет над замечаниями о семантическом содержании, препятствие можно как-то обойти. Этот подход, однако, невозможен в тех исследованиях, которые сосредоточиваются именно на смысловом (т.е. либо семантическом, либо лексическом) компоненте диахронических данных. Еще сложнее становится картина для тех исследований, которые обращаются к разбору общих коммуникативных ситуаций (в том числе и отдельных речевых актов) и уделяют внимание прагматическому компоненту диахронических данных. В этом последнем случае самая большая трудность заключается в том, как именно определить строгим (т.е. однозначным) образом модель анализа для коммуникативных контекстов в древних письменных памятниках, не прибегая к пробным объяснениям *ad hoc* (т.е. действующим только от случая к случаю).

В течение 90-х годов попытка решения вопроса (т.е. предоставления исследователям верной модели для прагматического анализа на основе диахронических данных) была предложена в рамках т.н. *прагмафилологии*. Прагмафилология определяется как прагматическое исследование конкретного употребления языка в разные времена, которое,

деривационной системы аспектуальных суффиксов в славянских языках (такая возможность поспешно воспринимается как данность в GALTON 1999: 171). С другой стороны, в DISKEY 2015В автор ограничивается общей предпосылкой о существовании исторического языкового контакта с финно-угорскими языками для восточной грани, с романскими и германскими языками для западной, а с турецким для македонского и болгарского, а также для сербского и боснийского языковых ареалов.

Поражает скорее тот факт, что семантическая близость между двумя принятыми во внимание формами (т.е. турецким простым настоящим на /-r/ и славянским НП^{CB}) признается в литературе даже неосознанно. Востоковед-тюрколог А. Н. Кононов называет турецкое простое настоящее на /-r/ «настоящим-будущим временем» (КОНОНОВ 1956: 225–229), что перекликается с традиционным названием, который В. В. Виноградов предлагает для русского НП^{CB} (ВИНОГРАДОВ 2001⁴: 466–471).

точнее говоря, “describes the contextual aspects of historical texts, including the addressers and addressees, their social and personal relationship, the physical and social setting of text production and text reception, and the goal(s) of the text” (JACOBS, JUCKER 1995: 11). В этом отношении прагмафилология удаляется от других с ней соприкасающихся научных областей, таких, как диахроническая прагматика (которая скорее сосредоточивается “on the linguistic inventory and its communicative use across different historical stages of the same language”; JACOBS, JUCKER 1995: 13) и исторический дискурсивный анализ (т.е. применение методов дискурсивного анализа на диахроническое развитие языка).

Хотя не без критики¹⁹⁷, эмпирические методы прагмафилологии стали интенсивно применяться в филологических анализах древних текстов славянской письменности, с учетом памятников восточнославянского происхождения и, в частности, берестяных грамот¹⁹⁸. Существует значительное число исследований, специально посвященных отдельным грамотам, их внутренней коммуникативной структуре (GIPPIUS, SCHAEKEN 2011; ШТЕРН 2016) и некоторым их особым (вне- и внутритекстуальным) аспектам, например, коммуникативному отображению основных культурных обычаев новгородского общества (COLLINS 2011), ключевой коммуникативной роли посыльного в толковании коммуникативно неоднородных сообщений (SCHAEKEN 2011A), предполагаемому (раннему) осознанию пишущего существования и важности лингвистической вариации как социолингвистической постоянной *ante litteram* (SCHAEKEN 2011B), а также опытам коллективного написания, представляющего собой зачатки классового (крестьянского) сознания (KWON 2016).

В этом отношении самым всеобъемлющим исследованием является ГИППИУС 2004, в котором впервые в России, на материале берестяных грамот, была предложенная утонченная таксономия коммуникативных признаков, по мнению автора, являющихся релевантными для подробного анализа дошедших до нас отрывков¹⁹⁹. Хотя предложенная А. А. Гиппиусом модель основана не только на лингвистических критериях и в общем лишена систематичности (что, добавим, не ново для прагмафилологических исследований), следует все-таки подчеркнуть, что многие из содержащихся там замечаний активно помогли ученым не только снять неоднозначность в толковании содержания и коммуникативных схем грамот, но и

¹⁹⁷ При принятии термина, например, С. Деккер подчеркивает, что “[...] Pragmaphilology may indeed be somewhat impressionistic, and is usually concerned with individual documents. Though it has proved its worth, it may have to be supplemented by methods of corpus linguistics” (DEKKER 2018: 58).

¹⁹⁸ Такое предпочтение, наверное, не носит случайный характер, если соглашаться с мнением Д. Штерна о том, что “[...] Сообщаемое в берестяной грамоте, таким образом, составляет обособленную единицу в ходу события, вне которого само сообщаемое не имеет никакого смысла. Берестяная грамота вне своего подлинного контекста взаимодействия является по существу коммуникативным фрагментом” (ШТЕРН 2016: 42).

¹⁹⁹ Некоторые особенности новгородского диалекта, с учетом социолингвистической вариации, см. также в VERMEER 1997; SCHAEKEN 2019. Социопрагматический подход к диахроническим данным см. в CULPEPER 2010.

точнее понять ряд культурных особенностей, характеризовавших в целом новгородское письменное общество (как, например, старые обычаи и обряды, отношения между социальными слоями и грамотность женщин). Так, ключевым в концепции автора является коммуникативное положение участников в связи с т.н. письменным речевым актом, т.е. с каждой ситуацией письменного сообщения, подражающего (неканоническим образом) событию речевого акта (Гиппиус 2004: 185). Среди участников могут появляться отправитель сообщения (S), составитель текста (C), пишущий (Sc), посыльный (M), читающий (L) и получатель сообщения (Ad). Только в редчайших случаях каждому участнику назначена роль: самой обычной коммуникативной ситуацией скорее является частное письмо, где одному отправителю соответствует один получатель ($1S \rightarrow 1Ad$), а роли отправителя, составителя и пишущего занимает только один участник ($S = C = Sc$). Коммуникативное отклонение от нормы можно распознать по присутствию некоторых оповещающих знаков как, напр., соприсутствие двоих или более адресантов или адресатов, что может быть маркировано такими разными стратегиями, как неожиданное употребление двойного числа или других дейктических элементов, отсылающих к предыдущей переписке. Такие тексты, по терминологии автора, являются коммуникативно неоднородными и составляют большую часть корпуса дошедших до нас берестяных грамот (Гиппиус 2004: 185–186).

Эти замечания о коммуникативной структуре древних текстов способствуют также лучшему пониманию формального представления письменного сообщения, т.е., прежде всего, морфосинтаксиса глагольных форм (напр. употребление вида и времени) и лексического выбора глаголов со стороны составителя (или составителей) определенного текста. Не будет лишним подчеркнуть, что не существует полного соответствия между совокупностью и распределением эксплицитных перформативов, употребленных в современных языках, и (редкими) эксплицитными перформативами, употребленными на более древних этапах исторического развития этих языков. В частности, надо учесть, что при подходе к анализу текстов возникают по крайней мере четыре отдельные проблемы: либо некоторые перформативы существуют, но они формально не выглядят так, как в современном языке (ср. др. рус. *слюбовати/слюбити* как один из возможных эквивалентов совр. *обещать* или др. шт. *moliti se* в смысле совр. *zaklinjati se*^{HCB}/*zakleti se*^{CB} ‘клясться^{HCB}/покаяться^{CB}’), либо некоторые перформативы не имели то же значение, что в современном языке [ср. др. рус. *предполагати* ‘ставить, класть перед кем-либо’ (СРЯ 1975–2015, XVIII: 204–205) или др. шт. *prekljinati* ‘проклинать’, ‘detestari, maledicere’ (VITEZOVIĆ 2009: 856)], либо они засвидетельствованы в исторических словарях, но не появляются в нами проанализированных текстах [напр. др. рус. *признаватися/признатися* или др. шт. *uveriti* ‘заверять^{HCB}/заверить^{CB}’,

‘despondere’ (VITEZOVIĆ 2009: 1245)], либо, наконец, они вообще не существуют (или они вообще не засвидетельствованы). В этом отношении надо уточнить, что полное отсутствие или, по крайней мере, незафиксированность некоторых перформативов целиком оправдывается тогдашним отсутствием подходящей социальной процедуры (т.е. очевидно, что отношения власти в славянском Средневековье в значительной степени отличались от современных, так что не следует ожидать, напр., что в текстах появятся вхождения современной русской пары *увольнять*^{HCB}/*уволить*^{CB} или сербскохорватской пары *otpuštati*^{HCB}/*otpuštiti*^{CB} – вряд ли кого-то в Средневековье могли уволить в современном смысле слова!) или на основе очень специализированной лексической семантики глаголов [см. рус. *спорить*^{HCB}/*поспорить*^{CB} <на что-либо> и с-х. *kladiti se*^{HCB}/*o(p)kladiti se*^{CB}].

Все до этого момента изложенные замечания в общем отсылают к данным, собранным из письменных памятников, происходящих из обоих языковых пространств. Относительно древнештокавских текстов, однако, существует дополнительный вопрос, непосредственно касающийся ограниченности исторических словарей или лексиконов, на которые можно опираться при анализе лексического запаса (в том числе и перформативов) на древних этапах исторического развития сербскохорватского континуума. Для древне- и старорусского языков, как известно, начат в 1975 году коллективный проект «Словарь русского языка XI–XVII вв.», хотя и еще не доведенный до завершения, включает тридцать томов, которые охватывают все засвидетельствованные в древне- и старорусском языках лексемы, от «А» до «УБЕРЕЧИСЯ» (СРЯ 1975–2015). С другой стороны, пока не существует отдельного исторического словаря, специально посвященного историческому развитию сербского и хорватского вариантов сербохорватского континуума (т.е. те варианты, которые в этой работе мы будем называть «древнештокавским»). Тем не менее, как кажется, текущая работа над похожими (будущими) проектами продолжается²⁰⁰.

Так, несмотря на то, что такой выбор, по очевидным причинам, далеко не оптимален, для древнештокавских текстов приходилось основываться на двух лексиконах XVII века. Первый

²⁰⁰ Имеется здесь в виду проект *Starohrvatski rječnik i korpus hrvatskoga jezika do konca 16. st.* (под руководством Амира Капетановича, см. более подробно в <http://ihjj.hr/projekt/starohrvatski-rjecnik-i-korpus-hrvatskoga-jezika-do-konca-16-st/31/>), который является развитием предыдущего проекта *Starohrvatski rječnik* (работа над которым была прекращена в 2013 году: см. более подробно в <http://ihjj.hr/projekt/starohrvatski-rjecnik/3/>), корпус которого, в свою очередь, частично основывался на таких источниках, как словарь Югославской академии наук и искусств (*Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU*, составлен между 1880 и 1976 гг.: см. RHSJ 1880–1976) и историко-юридический словарь В. Мажурича (составлен между 1908 и 1922 гг.). Что касается работы над «старосербским» языком, никакой публикации не брезжит на горизонте. Единственной публикацией последних десятилетий, касающаяся исторического (языкового) развития сербского варианта сербскохорватского континуума, является сербскославянский (т.е. сербская редакция церковнославянского языка) словарь, посвященный языку евангелий (СРЈЕ 2007). Однако тема отдельных славянских редакций церковнославянского языка не будет рассматриваться в рамках этой диссертационной работы.

– рукописный «Латинско-иллирийский лексикон» (*Lexicon Latino-Illyricum*) хорватского историка и писателя Павла Риттера Витезовича. Лексикон, который содержит леммы на штокавском, кайкавском и чакавском наречиях (в концепции автора, «иллирийский» означал язык, на котором говорили на тогдашних хорватских территориях), был впервые опубликован только в 2009 году (VITEZOVIĆ 2009). Другой – трехязычный словарь Якова Микальи *Blago jezika slovinskoga* (MIKALJA 2011), который был впервые напечатан в 1000 экземплярах между 1649 и 1651 гг. в типографиях братьев Серафини (в Лорето) и Оттавио Бельтрано (в Анконе). Словарь является одной из первых попыток составления независимого лексикона «хорватского» языка (в понятии Я. Микальи языка, прежде всего основанного на штокавском наречии) в сопоставлении с итальянским и латинским языками. К сожалению, ни один из этих источников не является настоящим историческим словарем (конечно, в современном смысле этого понятия) и не может претендовать на такую роль. Однако по крайней мере они нам дают более подробное представление о языковой ситуации того времени, с учетом междиалектных различий в тогдашнем южнославянском языковом ареале. В целях проверки точности данных, при необходимости, мы опирались на вышеупомянутый словарь Югославской академии наук и искусств, в котором содержатся некоторые интересные замечания исторического характера, относящиеся как к сербскому, так и к хорватскому языковому ареалу на рубеже XII и XVIII веков (RHSJ 1880–1976).

3.3. Древне- и старорусский языки

В этом разделе внимание уделяется картине древне- и старорусского языков. В следующем параграфе (§3.3.1) мы опишем корпус источников, по которым мы провели наш анализ, а потом (§3.3.2) продолжим со собственным анализом.

3.3.1. Описание древне- и старорусских источников

Совокупность древне- (XI–XIV вв.)²⁰¹ и старорусских источников (XV–XVIII вв.), на основе которых проведен анализ, включает прежде всего литературные тексты,

²⁰¹ В настоящей диссертации отдается предпочтение употреблению термина «древнерусский» (вместо шире использованного «древневосточнославянский»), а это по трем разным причинам. Во-первых, термином «древнерусский» соблюдается историческая преемственность с названием языка, употребленным в бумажных изданиях памятников, на которые мы опирались для обсуждения процитированных примеров. Во-вторых, употребление термина «древнерусский» соответствует названию исторического подкорпуса в НКРЯ (см. дальше). В-третьих, употребление термина «древнерусский» позволяет провести параллель с термином «древнештокавский», который будет обсужден в §3.4.1. Добавим, что употребление термина «древнерусский» не

принадлежащие к разным (текстуальным) жанрам. Текстуальной вариативности, разумеется, соответствует стилистическое варьирование, что, в свою очередь, дает возможность сравнить распределение и встречаемость перформативов в разнообразных текстах, в зависимости от определенной коммуникативной ситуации, стиля и целей.

В наш собственный корпус источников входят следующие тексты:

- I. *Повесть временных лет* по Лаврентьевской летописи. Как известно, в ПВЛ по Лаврентьевской летописи описывается исторический период развития Руси от библейских времен до 1117 года (когда, по общему мнению, монах Сильвестр переработал редакцию монаха Нестора в Выдубицком Михайловском монастыре). ПВЛ является древнейшим дошедшим до нас летописным сводом, написанным на древнерусском языке. Принято считать, что т.н. Лаврентьевская летопись (по имени монаха Лаврентия, который ее переписал в 1377 году в Суздале по приказу великого князя Дмитрия Константиновича) основывается на более древнем своде β, который, в свою очередь, по всей вероятности восходит к десятилетиям, непосредственно после составления т.н. Древнейшего Киевского свода (α)²⁰². В этой работе мы ссылаемся на издание ПВЛ, составленное Л. А. Дмитриевым и Д. С. Лихачевым в первом из двенадцати томов серии «Памятники литературы Древней Руси» (1978–1994) (ПВЛ 1978);
- II. Корпус *берестяных грамот*, в которых описывается и комментируется содержание всех раскопанных в период с 1953 по 2014 г. грамот (всего 1190 документов)²⁰³. Большинство (чаще всего вырезанных на коре березы) грамот, датированных периодом между XI и XV вв., были созданы в северо-западных областях нынешней России (в первую очередь в древнем Новгороде, нынешнем Великом Новгороде, Старой Руссе, Торжке и Твери), существует также небольшое число грамот из Москвы, наряду с грамотами белорусского и украинского происхождения. В корпус берестяных грамот входят частные переписки, обычные сообщения, завещания, боевые донесения, судебные жалобы, а также другие здесь не рассматриваемые документы (напр. рисунки и

вызвано никаким идеологическим подтекстом. Наконец подчеркнем, что определение «древнерусский» включает в себя также формальные и лексические элементы, принадлежащие русской редакции церковнославянского языка (см. сноску 173).

²⁰² Оба этих свода, α и β, утрачены. Лаврентьевская летопись хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

²⁰³ Напомним, что база данных на официальном сайте (<http://gramoty.ru> – последний просмотр: 1 февраля 2021 г.) постоянно дополняется новыми открытиями, которые до сих пор еще не были собраны в отдельную публикацию. Добавим также, что в этой работе документы, написанные не на древнерусском языке, не принимались во внимание.

торжественные документы, написанные не на древнерусском языке). Именно по этой причине грамоты дают нам возможность присмотреться не только к повседневной жизни в средневековых вольных республиках, но и к ряду диалектологических инноваций и особенностей северо-западных областей. В этой работе мы будем ссылаться на сопровождаемое лингвистическим комментарием критическое издание грамот под общей редакцией А. А. Зализняка (ДНД 2004), а также на следующий том, под редакцией В. Л. Янина, А. А. Зализняка и А. А. Гиппиуса, в котором напечатаны и прокомментированы раскопанные между 2001 и 2014 гг. грамоты (НГБ 2015);

- III. *Хождение игумена Даниила* (в оригинале *Житие и хождение Даниила, Русьския земли игумена*), один из древнейших примеров паломнической литературы в Древней Руси, в котором игумен Даниил описывает свое путешествие в Святую землю, осуществленное между 1106 и 1108 гг. В этой работе мы ссылаемся на стереотипное издание, составленное К. Д. Зеemanом, основанное на рукописи, вероятно восходящей к последнему десятилетию XV века (XD 1970);
- IV. *Корпус духовных и договорных грамот великих и удельных князей* (ДДГ 1950), написанных между XIV и XVI вв. В этой работе мы ссылаемся на критическое издание, подготовленное к печати Л. В. Черепниным. Как утверждается в самом начале предисловия издания, важность этих документов заключается в том, что “Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. представляют исключительный по своей ценности источник для изучения социально-экономических отношений, политического строя, права, наконец, быта периода феодальной раздробленности и эпохи формирования Русского централизованного государства” (ДДГ 1950: 3). В данном издании собран в хронологическом порядке состав грамот русских (особенно московских) и литовских князей, до тех пор представленных в различных сборниках (например, в издании «Древняя Российская Вивлиофика» Н. Н. Новикова или издании «Собрание государственных грамот и договоров» Н. П. Румянцева). В предисловии утверждается также, что в число документов вошла не только духовная грамота Ивана IV Грозного, но и “тексты межевых актов, относящихся к великокняжеским владениям, и жалованных грамот Ивана III своим сыновьям на дворы в Москве и ряд городов с уездами и волостями” (ДДГ 1950: 5);
- V. *Хождение за три моря* (ХАН 1986), записки тверского торговца Афанасия Никитина о своем путешествии в Индию, осуществленном между 1466 и 1472 гг.

Критическое издание, составленное Я. С. Лурье и Л. С. Семеновым, основывается на рукописи, которая была воспроизведена в летописном своде в 1489 году;

- VI. *Житие* Аввакума (в оригинале *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное*: см. АВВАКУМ 1997), автобиография протопопа и влиятельного деятеля старообрядчества Аввакума Петрова (1620–1682), написанная во время его многолетней ссылки на каторгу в Пустозерск и заключения в земляной тюрьме (1672). Эта автобиография написана живым, почти разговорным языком, во многом отличающимся от языка официальной богословской литературы того времени. Примеры в этой работе взяты из сопровождаемого лингвистическим комментарием критического издания под редакцией Н. К. Гудзия;
- VII. В виде дополнения, данные, собранные из древнерусского (http://www.ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html) и старорусского подкорпусов (http://www.ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html) Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Во избежание явной лингвистической интерференции между системами все данные, происходящие из греческих переводов, были исключены. С полным списком древнерусских источников можно ознакомиться по вышеприведенной ссылке, полный список старорусских источников не размещен на сайте.

3.3.2. Анализ данных

В этом разделе мы проведем анализ данных из древне- и старорусского языков. Ниже мы приведем списки глаголов, распределенных по типу ими реализованного иллокутивного акта, а потом обсудим частные (лексические и семантические) проблемы, связанные с каждой группой глагольных единиц. Напомним, что выбор этих глаголов не является произвольным, а скорее связан с соответствующими лексическими единицами, которые мы выбрали при анализе данных в современном русском языке (см. §4.3 и §4.4).

Напомним также, что для обозначения морфологических форм (прото)перфективного презенса в древне- и старорусском языках мы решили использовать сокращение НП^{ПСВ}, потому что уже с самых ранних веков письменности в этих языках наблюдается тенденция к переосмыслению таких презенсов (по крайней мере, презенсов предельных предикатов) в

направлении будущей референции²⁰⁴. Итак, употребление термина «непрошедшее», который, в отличие от определения «презенс», явно указывает на семантическое содержание определенной морфологической формы, говорит именно об этой двусмысленности.

3.3.2.1. Декларации

В группу деклараций сначала вошли следующие глаголы²⁰⁵:

нарицати ²⁰⁶ /нареци ²⁰⁷
объявляти ²⁰⁸ /объявити
крестити ²⁰⁹ /окрестити
приказывати/приказати ²¹⁰
отказывати/отказати
посвящати/посвятити
каятися/покаятися
отпущати/отпустити
освобожати/освободити
одобрити

Таблица 1. Древне- и старорусские декларации

К списку деклараций следует добавить некоторые дополнения, касающиеся прежде всего появления и статуса видовых пар, а потом также некоторые лексические варианты, которые мы приняли во внимание в зависимости от письменного памятника.

Во-первых, необходимо отметить, что многие из этих глаголов, вне зависимости от того, парные они или нет, впервые засвидетельствованы достаточно поздно (см. эскизную

²⁰⁴ Широко известно, что периодизация и историческое расширение этого процесса, а также его роль в процессе грамматикализации глагольного вида, являются предметами нескончаемых споров среди ученых (ср. VERMEL 1997; KŘÍŽKOVÁ 1960 и др.). В рамках этой диссертационной работы эти проблемы подробно не рассматриваются.

²⁰⁵ Ради ясности здесь и далее приняты следующие конвенциональные правила. Словарные статьи всегда даются в оригинальной орфографии (т.е. в орфографии, в которой они приводится в словаре). Если глаголы являются (предположительно) парными, первый член является коррелятом современного НСВ (т.е. протоимперфективом, по терминологии Н. Бермеля), в то время как второй – современного СВ (протоперфективом).

²⁰⁶ Поиск мы провели также по вхождению формы с чоканьем (*нарицати*).

²⁰⁷ Поиск мы провели также по вхождению обрुшенной формы (*нареци*).

²⁰⁸ Поиск мы провели также по вхождению другого и более позднего вторичного имперфектива (*объявлявати*).

²⁰⁹ Поиск мы провели также по вхождению стилистически маркированной формы *кръстити*.

²¹⁰ Напомним, что в древне- и старорусском в зависимости от контекста пара *приказывати*^{ПНСВ}/*приказати*^{ПСВ} была близка по значению не только соответствующим современным декларациям *предназначать*^{НСВ}/*предназначить*^{СВ} (*оставлять*^{НСВ}/*оставить*^{СВ}), но и современным директивам *приказывать*^{НСВ}/*приказать*^{СВ} (СРЯ 1975–2015, XIX: 170–173).

дискуссию в §3.2). (Предположительно) непарный глагол *одобрити*, например, появляется только к концу XVI в. с совсем другим значением, по сравнению с современным языком (в СРЯ дается такое определение: “дать хороший отзыв о ком-либо в ходе судебного разбирательства”; СРЯ 1975–2015, XII: 291). Глагол *посвящати* появляется намного позже, чем *посвятити* (его первые засвидетельствованные употребления восходят только ко второй половине XVII в.), в обоих глаголах сохраняется исключительно духовное значение (“освящать”: эксплицитный перформатив *посвящаю* считается даже дословным переводом гр. ἁγιάζω; СРЯ 1975–2015, XVII: 157). Наконец, в значении «извещать, сообщать о чем-либо», глагол *объявляти* (также в варианте *объявляти*) появляется в XVII в. (другой вторичный имперфектив *объявливати* засвидетельствован даже позже, в начале XVIII в.), в то время как (предположительно) парный глагол *объявити* (*объявити*) был в употреблении уже начиная с XII–XIII вв. с прототипическим значением “открыть, раскрыть что-либо тайное, сделать известным, явным” (СРЯ 1975–2015, XII: 202–207).

Во-вторых, далеко не все перечисленные декларации встречаются в нами проанализированных письменных памятниках (хотя, как мы дальше увидим, по этому поводу более успешным в некоторых случаях может являться дополнительный поиск в корпусах древне- и старорусского языков). Нередко бывает, что в текстах (и, следовательно, в корпусах) появляются некоторые лексические варианты, которые сначала не были приняты во внимание. Приведем пару примеров. В ПВЛ и в автобиографии Аввакума, например, появляется эксплицитная декларация *исповедаю* (*исповеду*, *исповѣдаю*), которую, несмотря на ее сложный видовой статус (как известно, в современном русском языке глагол *исповедать*, также в варианте *исповедовать*, является двувидовым), мы решили включить в список. В берестяных грамотах мы не обнаруживаем употреблений глагола *объявити*, но легко находится его лексический вариант *извѣтати*²¹¹, который был, следовательно, учтен. Наконец, хотя из итогового списка перформативов примеры делокутивов и квазиперформативов в эпистолярном прошедшем времени были в конечном счете исключены (дискуссию про делокутивы см. в §2.1.1, а про эпистолярное прошедшее время в §3.1), мы в целях сравнения решили рассмотреть распределение некоторых делокутивов (напр. *кланятися* или *покланятися* в берестяных грамотах, а *благословляти* в грамотах великих и удельных князей), а также некоторых других квазиперформативных предикатов (типа *посълати*, *писати* и другие).

²¹¹ Как мы увидим в следующем параграфе (§3.3.2.2), в берестяных грамотах глагол *извѣтати* может приближаться также к семантике глаголов *сообщати*/*сообщити*.

Хотя в рассмотренных текстах их довольно мало, древне- и старорусские эксплицитные декларации, как кажется, показывают общую тенденцию к видовременному маркированию в Наст^{ПНСВ}, как видно в нижеприведенных примерах (46)–(51) [заметим, что в примере (46) устойчивая коллокация *давати* <от имѣнья> равнозначна *приказывати*]. В подавляющем большинстве случаев (всего два раза в берестяных грамотах, а 36 в грамотах великих и удельных князей) встречается глагол *приказывати*:

- (46) И помолившюся ему, рекъ сице: «*Даю*^{НастПНСВ} церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть»

(ПВЛ 1978: 138, сс. 36–38)

- (47) Се же *поручаю*^{НастПНСВ} в собе мѣсто столь старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте ако послушасте мене [...]

(ПВЛ 1978: 174, сс. 35–37)

- (48) се азъ . рабъ бѣжи . мосии . пишу рукописаниѹ . при своѣмъ . животѣ . а *приказываю*^{НастПНСВ} животъ . свои . дѣтемъ . своимъ [...]²¹²

(Гр. № 519, 1380-е–1400-е гг., ДНД 2004: 653)

- (49) во . имѧ . Оца . и сѣна . и сѣтого . дѣха . се азъ . (раба . бѣжѧ) мариѧ . ѿхода . сего . свѣта . пишу . рукописа(ниѹ . при) своѣмъ . животѣ . *приказываю*^{НастПНСВ} . остатоко . сво.и .
----- своѣму . максимуму .

(Гр. № 692, 1-я четв. XV в., ДНД 2004: 661)

- (50) А по б(о)зѣ *приказываю*^{НастПНСВ} своей брат(ѣ)ѣ, княз(ю) Ивану и княз(ю) Ан[др]ѣю, свою княгиню, и своего [дядю?], и свои бояре, положиль есмь на б(о)зѣ и на вас [...]

(ДДГ 1950: 13)

- (51) Верую, господи, и *исповедую*^{НастПНСВ}, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз.

(АВВАКУМ 1997: 97, сс. 14–17)

²¹² Пример 48 является слегка модифицированной версией вышеприведенного примера 33.

Такая тенденция особенно ощутима также в данных, взятых из корпусов древне- и старорусского языков, в которых встречается значительно большее число вхождений определенных эксплицитных деклараций, как, например, *каюся* в примере (52) (здесь великий князь Киевский Изяслав Мстиславич обращается к своему дяде Вячеславу Владимировичу), *крещу* в примере (53) (разговаривают княгиня Ольга и патриарх Феофилакт) и *отпускаю* в примере (54) (в котором королевна обращается к молодым Федору и Неудаче)²¹³. Интересно, что видовременное маркирование деклараций, по-видимому, не зависит ни от типологии текста (в список включены как летописи, так и похвалы, и посольские книги), ни от определенной коммуникативной ситуации, статуса участников в событии речевого акта и/или хронологического распределения текстов:

- (52) а того *ся каю*^{НастПНСВ} . а изнова . коли ми Бѣ даль побѣдѣти Игоря . оу Кыева . а я есмь на тобѣ чѣсти не положилъ . а потомъ коли оу Тумаща . ны^ѣ же отцѣ того всего *каюся*^{НастПНСВ} . пре^ѣ Бмѣ и пре^ѣ тобою

[НКРЯ: Киевская летопись]

- (53) Патриарх же рече: «аз *крещу*^{НастПНСВ} ты».

[НКРЯ: Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) (1500-1525 | 1530-1598)]

- (54) И как Федор и Неудача перед королевну пришли, и королевна призвала их к себе, и велела поставить против себя блиско стулец, и велела Федору сести, и учала говорить: «*Отпускаю*^{НастПНСВ} де я вас ныне к себе [...]

[НКРЯ: Статейный список Ф. А. Писемского (Англия) (1582-1583)]

Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя в корпусах встречаемость и частотность таких глаголов в НП^{ПНСВ} иногда превышает в два или три раза Наст^{ПНСВ}²¹⁴, в таких контекстах НП^{ПНСВ} употребляется исключительно в своем констативном смысле, т.е. никогда не подвергается перформативному толкованию.

²¹³ В корпусе древнерусского языка встречается еще один пример с эксплицитной декларацией *наричу*. Однако он засвидетельствован в тексте «Чудес Николы», который, по-видимому, является переводом из среднегреческого языка.

²¹⁴ В частности, в корпусе старорусского языка (в это число включены все орфографические варианты) декларация *нарицаю* встречается всего шесть раз, а видовой партнер *нареку* – 64: *отпускаю* три, а *отпушу* (чаще всего с приглагольным отрицанием) – 39; *объявляю* не засвидетельствован, а *объявлю* встречается пять раз. С другой стороны, декларация *приказываю* встречается всего 117 раз (*прикажу* всего 18): *крещу* – четыре (*окрещу* не засвидетельствован).

Тем же видовременным поведением характеризуются также *делокутивы*, которые регулярно появляются в Наст^{ПНСВ} и о которых, хотя мы их не будем считать «настоящими» перформативами, все-таки уместно сказать пару слов. Эксплицитно реализованные на поверхности²¹⁵ делокутивы чаще всего тяготеют к лексической устойчивости, поскольку они словесно обрисовывают какую-то физическую форму приветствия, уважения и/или почтения (поклон, ударение челом и т.д.), характеризующую, в широком смысле значения прилагательного, социолингвистический характер общения между участниками в событии речевого взаимоотношения (в частности, по шкале межличностной власти)²¹⁶.

Такие делокутивы нередко являются неотъемлемой частью вводных и/или заключительных формул, которыми адресант обращается к адресату, пользуясь их риторическим (или, другими словами, перлокутивным) эффектом. В примере (55) князь Василько говорит князю Владимиру²¹⁷:

(55) И се кленуся^{НастНСВ} богомъ и его пришествием, яко не *помыслил* есмь зла братьи своей ни в чем же.

(ПВЛ 1978: 258, сс. 12–14)

В примере (56) Завид обращается к своей тетке с просьбой о передачи зерна:

(56) оже я приду ти въдажь опать върышю же и *покланяю* ти *сѧ*^{НастПНСВ}

(Гр. № 798, 60-е–80-е гг. XII в., ДНД 2004: 321)

В примере (57) приветствия пишущего адресуются родному брату (или близкому другу):

(57) ...(во бо)рзѣхо ити ти ми к[ы]е[в]у [б]ра[ть сот]вори жь ми добро а ѡзо ти сѧ отоплачу а и *чѣлюю*^{НастПНСВ} тѧ

(Гр. № 829: 1-я четв. XII в., ДНД 2004: 369)

²¹⁵ На самом деле, нередко делокутив заменяет соответствующее существительное (напр. *поклонъ* и *покланяние* вместо делокутивов *кланяться* и *покланяться*, *челобитие* вместо глагольной группы <челомъ> *бити* и т.д.).

²¹⁶ В связи с этим, как мы уже вскользь видели в §3.1 и как еще дальше увидим по поводу видового маркирования древне- и старорусского эксплицитного директива *просити*, ключевую роль может играть также вариативность в употреблении аллокутивных местоимений.

²¹⁷ Речь идет о Васильке Ростиславиче, князе теребовльском (1085–1124) и о Владимире (Василии) Мономахе, князе ростовском (1066–1073), смоленском (1073–1078), черниговском (1078–1094), переяславском (1094–1113) и великом князе киевском (1113–1125).

В примере (58) подвойский²¹⁸ пишет своему господину про его предстоящее почестье (скорее всего, про нагрузку сегов):

- (58) а поцта тобъ буде гъже а азъ тобе *кланяюся*^{НастПНСВ}
(Гр. № 147, 20-е–30-е гг. XIII в., ДНД 2004: 472)

В примере (59) Оксинья и ее муж Онания приглашают Родивона и его жену Татьяну на свадьбу своей дочери:

- (59) А азъ wspодину своѣму Родивону и свои сестри моѣи много *целомъ бию*^{НастПНСВ}.
(Ст. Р. 40, посл. четв. XIV в., НГБ 2015: 170)

Наконец, в примере (60) приводится отрывок духовной грамоты Ивана Васильевича IV (точнее, его обращение к сыну Ивану):

- (60) *Благословляю*^{НастПНСВ} сына моего Ивана крест, животворящее древо, большей цареградской.
(ДДГ 1950: 433)

Заметим, что во всех этих примерах на видовременное маркирование делокутива, как кажется, не влияют ни формальные (напр. морфосинтаксические), ни семантические (т.е. относящиеся к свойствам события), ни прагматико-коммуникативные параметры (напр. социальный статус говорящего и/или пишущего по сравнению с его собеседником; внешние обстоятельства, в которых имеет место событие речевого акта, и т.д.).

Для квазиперформативных глаголов, картина складывается несколько иным образом. Мы уже рассмотрели связанный с их употреблением вопрос о т.н. «эпистолярном прошедшем времени» и (предположительно) стилистическое чередование Прет^{ПНСВ/ПНСВ} с Наст^{ПНСВ} [см. примеры (61), где появляется перфект со связкой, и (62), где появляется бесприставочный глагол в непрочешедшем], которое закономерно работает (преимущественно в языке грамот) только для таких глаголов. Как кажется, однако, в узком числе контекстов (всего два-три) такое двойное противопоставление расширяется, включая также третий член, т.е. НП^{ПНСВ}, см. пример (63):

²¹⁸ В древнем Новгороде под подвойским понималось “должностное лицо при князе [...], сообщающее народу решение властей; княжеский гонец, вестник” (СРЯ 1975–2015, XV: 239).

- (61) Ѡ Радѣка къ отѣцѣви покланание. Товарѣць *есѣмо посѣлалъ*^{ПретПСВ} Смольнѣску.
(Гр. № 952, 2-я пол. XII в., НГБ 2015: 46-47)
- (62) и позовало мене во погосто и азѡ прехала оже оно поехало проце а река тако | азѡ
солю^{НастПНСВ} :д.: дворано по гривене събра
(Гр. № 531, 1-я пол. XIII в., ДНД 2004: 416)
- (63) - - - - - [А] улеана *пишу*^{НППСВ} . рукѣписаниѣ синѣ(мѣ свои)[М]ѣ василею ивану²¹⁹
(Гр. № 580, 40-е–50-е гг. XIV в., ДНД 2004: 548)

Основываясь на данных, имеющихся в нашем распоряжении особенно трудно сказать, является ли присутствие През^{ПСВ} в перформативном контексте обусловленной или, наоборот, реликтовой и уже вытесненной на периферию лингвистического узуса формой, что соответствовало бы уже упомянутым гипотезам Ю. С. Маслова и С. Дики (см. §3.1.1). Стоит отметить, что по своим семантическим свойствам эти квазиперформативные глаголы приближаются, с одной стороны, к «настоящим» декларациям, а с другой стороны к экспозитивам (они же создают логическую структуру текста и определяют лексические характеристики соответствующих речевых актов). В этом смысле можно предположить, что употребление НП^{ПСВ} в перформативном контексте соблюдает похожее видовременное маркирование экспозитивов, которые мы рассмотрим в следующем параграфе.

3.3.2.2. Экспозитивы

В группу экспозитивов сначала вошли следующие глаголы:

(предполагати?)/предположити
повторяти
сравнати/сравнити
(сообщати?)/сообщити ²²⁰

²¹⁹ А. А. Зализняк также отмечает необычное употребление непрошедшего приставочного глагола ПСВ *отписати* в перформативном контексте, которое может напоминать похожий пример в грамоте (белорусского происхождения) из Полоцка (там употребляется НП^{ПСВ} *опишо* вместо Наст^{ПНСВ} *пишемъ*) (ДНД 2004: 548). По данным СРЯ (СРЯ 1975–2015, XIII: 298–299), глагол *отписати* либо просто равнозначен “написать”, либо может обозначать “письменно сообщить, уведомить о чем-либо”.

²²⁰ Поиск мы провели также по вхождениям формы высокого стиля *съобщити*.

напоминати/напомнити ²²¹
изъявляти/изъявити
добавити (прибавляти ²²² /прибавити)
(возражати?)/возразити
докладывати/доложити
признаватися/признатися

Таблица 2. Древне- и старорусские экспозитивы

Среди экспозитивов, как можно заметить по списку глаголов в Таблице 2, наблюдается самая значительная лексическая вариативность. Эта вариативность, по-видимому, зависит от двух факторов. Во-первых, многие из вышеприведенных глаголов не засвидетельствованы до XVI–XVII вв. Например, глагол *повторяти* в том же значении, что и в современном языке, впервые обнаруживается в петровском письме 1695 г., а видовой партнер, соответствующий современному *повторить*^{СВ}, вообще не вписан в словарь (СРЯ 1975–2015, XV: 176). То же характерно для *добавити*, который впервые появляется в петровском письме 1706 г., а видовой партнер, соответствующий современному *добавлять*^{НСВ}, не зафиксирован (СРЯ 1975–2015, IV: 254). Глагол *возразити* в современном значении впервые зафиксирован только в XVI в., а *возражати*, который появляется уже в XIII в., имеет другое, переносное значение (“удерживать”, см. СРЯ 1975–2015, II: 303). Глагол *сообщати* засвидетельствован довольно поздно (т.е. во второй половине XVII в.) в своем вторичном значении “быть с кем-либо заодно; соглашаться в чем-либо”, причем только в возвратном варианте *сообщати собі* или *сообщатися*, в то время как *сообщити* (*съобщити*) появляется уже с XI в. (СРЯ 1975–2015, XXVI: 149–150). Наконец, о семантических различиях между *предполагати*^{ПНСВ} и *предположити*^{ПСВ} см. дискуссию в §3.2.

Во-вторых, лексические варианты среди экспозитивов часто появляются в соответствии с типологией текста и с коммуникативной целью говорящего и/или пишущего. Например, в корпусе берестяных грамот глаголу *сообщити* (*съобщити*) соответствуют не менее пяти вариантов (*объстити*, *повъдѣти*, *казати*, *приказати*, *сказывати*), которые, однако, никогда не появляются в перформативном контексте. То же касается глагольной пары *изъявляти*^{ПНСВ}/*изъявити*^{ПСВ}, которая не засвидетельствована в грамотах, вместо нее появляются варианты *извътати* (равнозначна декларации *объявити*, см. §3.3.2.1), *показати* и даже устойчивый оборот *уречи <въ вѣрѣ>*: однако ни один из этих вариантов не встречается

²²¹ Поиск мы провели также по вхождениям другого перфектива *напоменути*.

²²² Поиск мы провели также по вхождениям другого и более позднего имперфектива *прибавливати*.

в перформативном контексте. Наконец, довольно часто в текстах встречается глагол *сказати*^{ПСВ}. Однако этот глагол стоит, если не исключить из анализа, то по крайней мере рассмотреть с осторожностью. Судя по его относительно свободному синтаксическому положению (что касается его информационного вклада, он может носить как парентетический, так и собственно вступительный характер) определяются по-разному, с одной стороны, многозначность его прагматических функций, а с другой стороны его (не всегда четкие) семантические свойства (BERMEL 1997: 197–201).

Наивысший уровень эксплицитных экспозитивов сосредоточен в летописях, что не удивительно, если учитывать своеобразные (повествовательные) характеристики этих текстов. Хотя время от времени обнаруживаются вхождения в Наст^{ПНСВ} [см. пример (64)], наблюдается некоторая тенденция этих перформативов к видовременному проявлению в НП^{ПСВ}, особенно когда в лексической семантике глагола отсутствует явное указание на тип реализованного глаголом экспозитивного иллокутивного акта (напр. акт заявления, утверждения, докладывания и т.д.), сохраняется лишь общая семантика говорения²²³ [см. примеры (65)–(66)]:

(64) Азь Святославъ, князь руский, якоже кляхъся, и *утвержаю*^{НастПНСВ} на свѣщанъѣ семь роту свою [...]

(ПВЛ 1978: 86, сс. 29–31)

(65) Се же *повѣмъ*^{НППСВ} мало нѣчто, еже ся събысть прореченье Феодосьево.

(ПВЛ 1978: 222, сс. 22–23)

(66) Но се *реку*^{НППСВ} мало нѣчто: «Радуйся, отче нашъ и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, богу послужилъ еси в тишинѣ [...]

(ПВЛ 1978: 224, сс. 5–7)

Отличительной чертой этих «общих» экспозитивов является их видовременное проявление в НП^{ПСВ} в множественном числе (в частности, только в тексте ПВЛ их насчитывается 21), как показано в примерах (67)–(68). Важно отметить, что в этих случаях

²²³ Изучение трудноуловимых семантических различий как между глаголами речи (ПСВ) *повѣсти*, *реци* и *сказати*, так и между глаголами речи *поведати*, *сказывати* и *казати* (ПНСВ) остается за пределами этой диссертационной работы.

темпоральный аргумент экспозитивов ощутимо колеблется между планом референции к настоящему или к будущему:

- (67) Мы же *рѣцѣмъ*^{НППСВ} к ней: «Радуйся, руское познание къ богу, начатокъ примиренью быхомъ»

(ПВЛ 1978: 82, сс. 16–17)

- (68) *Рцѣмъ*^{НППСВ} по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхомъ».

(ПВЛ 1978: 232, сс. 38–39)

Как мы уже писали, в текстах нет множества «специализированных» (т.е. явно указывающих на тип экспозитивного иллокутивного акта) экспозитивов в перформативном контексте. Следует обратиться к корпусам, чтобы найти больше таких вхождений²²⁴. В преобладающем большинстве случаев эти экспозитивы проявляются в Наст^{ПНСВ} [см. примеры (70)–(71)]:

- (70) А такъ, любимиче, по фторей и про третей кротъ, *напоминаю*^{НастПНСВ} вам, духовныя ради любѣ: не унывайте, а ни отчевайтесь; не ужасайтесь тех-то предреченных софизматов [...]

[НКРЯ: Андрей Курбский. Второе послание Кузьме Мамоницу (1564-1583)]

- (71) Аз же *изъявляю*^{НастПНСВ}, яко и она велми потребна, понеже расколницы детей своих никогда не причащают, ибо, паче крещения, от причастия бегают.

[НКРЯ: И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718-1725)]

Частичным исключением является глагольная пара *извѣщати(ся)*^{ПНСВ}/*извѣстити(ся)*^{ПСВ}. По данным СРЯ (СРЯ 1975–2015, VI: 112–113, 120) переходный глагол может приобретать многочисленные значения, близкие к экспозитивам (“сообщить”, “уведомить <кого-либо>”, “оповестить”) и к декларациям (“завещать”), в то

²²⁴ Интересно добавить, что в корпусе старорусского языка (точнее, в тексте ПВЛ по Ипатьевскому списку) обнаруживается вхождение перформатива *докладывати*. В данном контексте, однако, судя по данным СРЯ, глагол приобретает другое значение, тем самым приближаясь к классу директивов: “просить указаний, спрашивать разрешения” (СРЯ 1975–2015, IV: 291);

- (69) и по семь присла Мьстиславъ к Володимероу река ему . хотѣл ся быхъ сняти со Кондратомъ . а *докладываю*^{НастПНСВ} Ба и тебе како ми велишь

[НКРЯ: Ипатьевская летопись]

время как семантика его возвратной версии может приближаться не только к экспозитивам (“сообщить”, “заверить”), но и к комиссивам (“обещать”). Наряду с примером (72), в котором *извѣщаюся* по правилу употребляется в виде предиката экспозитивного речевого акта заявления, в примерах (73)–(74), в которых глагол проявляется в НП^{ПКСВ}, его особенное лексическое значение, по-видимому, нейтрализуется в более общей семантике, указывающей на простой акт говорения:

(72) и речепискупъ того дѣля *извѣщаюся*^{НастПКСВ} передъ вами . да Бѣми будеть .

[НКРЯ: Ипатьевская летопись]

(73) Въ тѣх же лѣтах, аки мало пред тѣмъ, дароваль ему х Казанскому другое царство— Астраханское, а се вкратце *извещу*^{НППКСВ} о семь.

[НКРЯ: Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564-1583)]

(74) «*Извещу*^{НППКСВ} де о том королевскому величеству, что вы, царского величества посланники, такую любовь свою к нему объявили, что тое грамоту великого государя, его царского величества, которая дана для проезду во Французское государство, ему показали».

[НКРЯ: Статейный список П. И. Потемкина (Франция) (1668)]

На разницу в видовременном маркировании глаголов, как кажется, в этом случае не влияет ни коммуникативная ситуация, ни статус участников в событии речевого акта. Остается необъясненным интересный факт о том, что в области экспозитивов не наблюдается большая лексическая вариативность в перформативном контексте²²⁵. Не случайно, в большинстве случаев мы находим вхождения двух глаголов, перформативный статус которых, в самом деле, оказывается расплывчатым. Эти глаголы – *сказати* и *молити* (*молитися*) (см. §3.5).

Прототипическая функция глагола *сказати* – вступительная, т.е. глагол служит для того, чтобы оповестить читателя о том, что будет следовать в неопределенный промежуток времени либо в ближайшем, либо в дальнейшем будущем. Другими словами, автор текста предвосхищает читателей содержание того, что он сам намеревается изложить в продолжении повествования, а потом возвращается к самому повествованию [см. примеры (75)–(77)]:

²²⁵ Хотя этот вопрос требует отдельного исследования, основные причины этой асимметрии, которая наблюдается также в случае директивов, мы постараемся очертить в дальнейшем (см. §3.3.2.4, §3.4.3.2, §3.4.3.4 и, в частности, §3.5).

(75) И ина святаа мѣста видѣх многа, яже послѣди *скажу*^{НППСВ}.

(ХД 1970: 5, сс. 3–4)

(76) [...] да и о том *скажу*^{НППСВ}, яко видѣх по истинѣ.

(ХД 1970: 127, сс. 4–5)

(77) А однако уж розвякался, - еще вам повесть *скажу*^{НППСВ}.

(АВВАКУМ 1997: 150, сс. 11–12)

Однако глагол *сказати* часто употребляется также в парентетических оборотах, т.е. в качестве чисто дискурсивного показателя, как свидетельствуют следующие примеры (78)–(79), взятые из корпуса старорусского языка (различия с квазиперформативным *сказати* основываются почти исключительно на синтаксическом, т.е. внеклаузальном положении парентетических конструкций):

(78) *Скажу*^{НППСВ} вамъ истинну, а не лжу, что однолично сопостаты наши, которыя у насъ нынѣ съ нашими измѣнники единовѣрники и съ новыми богоотступники и кровопролители и разорители вѣры христьянския [...]

[НКРЯ: Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском (1610-1611)]

(79) И Михайло промолчал. И она вдругоряд, и рече ему: «Яз де тебе *скажу*^{НППСВ}: родился де у вас царь, а у него де двои зубы: одними де ему съести нас, а другими вас».

[НКРЯ: Пискаревский летописец (1600-1650)]

Возможность употребления глагола *сказати* в парентетических конструкциях явно свидетельствует о его квазиперформативном характере (см. определение «квазиперформативного высказывания» в §2.6). Все, чего в данном контексте говорящий/пишущий хочет, это привлечь внимание своего собеседника²²⁶ к информационному содержанию последующих предложений. На самом деле, следуя теоретической гипотезе Р. Экхардт (см. §2.2), говорящий/пишущий в данном контексте не

²²⁶ Из-за ограничений объема диссертации мы здесь воздержимся от обсуждения статуса собеседника в письменных речевых актах, к которому обращается А. А. Гиппиус в своей упомянутой статье (Гиппиус 2004).

намеревается обозначать перформативный характер отвлеченного акта коммуникативного обмена и определять перед своим собеседником категорию своего высказывания. В связи с этим, высказывания, в которых обнаруживаются парентетические вхождения *сказати*, уместно считать не перформативными, а квазиперформативными.

Глаголы *молити* и *молитися* создают ряд других проблем, связанных не только с их частотностью (форма *молю* встречается в корпусе старорусского языка 282 раза, а *молюся* – 59), но также с их многозначностью. СРЯ причисляет к самым частотным значениям глаголов следующие определения: “просить усердно, с покорностью, молить” (значение это приближается среди глаголов в нашем списке к директиву *умолять*) и “с молитвою просить бога, молиться” (СРЯ 1975–2015, IX: 246). Итак, с одной стороны, такие глаголы, как кажется, тяготеют к классу директивов (см. §3.3.2.4), а с другой стороны – к классу экспозитивов.

На самом деле, если рассмотреть многие переводы древне- и старорусских письменных памятников на современный русский язык, легко понять, что четкой семантической разницы между двумя глаголами не существует. Они в разных контекстах могут быть употреблены по-разному, независимо от своего морфологического проявления (т.е. в независимости от того, прибавляется ли к глаголу морфологический маркер *-ся*), что потребовало бы отдельного рассмотрения. Ниже приводится пара примеров из письменных памятников и из корпусов [см. примеры (80)–(81)], в которых *молити* и *молитися* употребляются в качестве экспозитивов. Заметим, что в синтаксическое управление глагола часто входит объект <Бога>, что, с одной стороны, свидетельствует об отсутствии обязательной возвратной семантики в глагольных формах с маркером *-ся*, а с другой, может указывать на фиксированный характер оборота:

(80) а а за вы бѣа *молю*^{НастПНСВ} съдила и гавриа и мариа и олисава и домъника мѣнога же в[ы] лѣта

(Гр. № 503, 40–50 гг. XII в., ДНД 2004: 294–295)

(81) Аз же рекох ему: «Княже мой, господине мой! *Молю* ти *ся*^{НастПНСВ} Бога дѣля и князей дѣля русских: повели ми, да бых и азъ поставил свое кандило на Гробѣ Святѣмъ от всея Русьскыя земля!»

(ХД 1970: 128, сс. 1–5)

Весьма интересным является пример (82), в котором новгородский архиепископ Феофил (1470–1484) обращается к митрополии Руси, в то время возглавляемой митрополитом Геронтием. В одном и том же контексте, наряду с экспозитивом *молю*^{НастПНСВ}, говорящий

употребляет также директив *прошу* и делокативную формулу <челом> *бью*. Все глаголы находятся в Наст^{ПНСВ}:

(82) И того ради яз, смиренный Феофил, бога *молю*^{НастПНСВ} и прошу и челом бью своему господину и отцю вселенскому учителю Геронтию, митрополиту всея Руси.

[НКРЯ: новгородский архиепископ Феофил. Формулярный извод отписной грамоты новгородского архиепископа Феофила освященному собору русской митрополии об оставлении им владычной кафедры по причине убожества своего ума (1482-1483)]

В письменных памятниках не обнаружено ни одного случая употребления приставочных глаголов *помолю*^{НППСВ} и *помолюся*^{НППСВ} в перформативном контексте. В корпусах же форм *помолю* и *помолюся* насчитывается всего дюжина, но они употреблены либо в придаточных предложениях, либо в главных, но с референцией к футуральному положению дел.

3.3.2.3. Комиссивы

Напомним, что при анализе комиссивов, как не раз было отмечено, мы будем отличать «настоящие» перформативные комиссивы (§3.3.2.3.1) от небольшой группы квазиперформативных глаголов, в частности транзакционных глаголов или, по другому определению (напр. в БИАИО 2020Б), «глаголов купли-продажи» (§3.3.2.3.2).

3.3.2.3.1. Перформативные комиссивы

В группу перформативных комиссивов сначала вошли следующие глаголы:

объщати (совѣщати, сълюбовати/сълюбити)
присягати/присягнути (заклинати/закляти)
ручатися
предлагати/прѣдложити
давати/дати <рѣчь>

Таблица 3. Древне- и старорусские перформативные комиссивы

Как становится понятно из примеров из разных письменных памятников, среди комиссивов, в частности для комиссивного речевого акта обещания, обычными являются не столько эксплицитные перформативы, сколько устойчивые формулы и лексические

коллокации, эллиптические обороты (см. в современном русском восклицательный оборот *честное слово!* вместо перформативного высказывания *даю <свое честное слово>*, т.е. ‘обещаю’) и состав невербальных процедур, зафиксированных во времени и неоднократно описанных в текстах²²⁷. Об этом свидетельствует частотность (особенно в языке грамот) некоторых формул, среди которых *ятися <кому <по руку>>* ‘обещать <кому-либо <свое согласие>>’ (ДНД 2004: 822) или *взяти <чьстьное дръво>*, букв. ‘взять <честное дерево (Креста)>’ (т.е. ‘торжественно обещать, присягнуть <перед Богом>’), а также коллокаций с глагольной парой *пърѣти*^{ПНСВ}/*сьпърѣти*^{ПСВ} ‘спорить’, которые часто встречаются в протасисах сложноподчиненного предложения. Наряду с этим, что касается видовременного проявления эксплицитных комиссивов, для них характерна большая лексическая вариативность. В корпусе берестяных грамот перформативу *объцати*²²⁸ соответствуют лексические варианты *отсуливати*, *сулити*²²⁹ и *язутися* (которые, однако, никогда не появляются в перформативном контексте): перформативной паре *присягати*^{ПНСВ}/*присягнути*^{ПСВ} глагол *проклинатися*^{ПНСВ} ‘клясться, клятвенно заверять кого-либо в чем-либо’²³⁰ (СРЯ 1975–2015, XX: 152). С другой стороны, некоторые перформативные глагольные пары, см. напр. присутствующая в современном языке пара *клясться*^{НСВ}/*поклѣсться*^{СВ}, остаются незасвидетельствованными, несмотря на то, что в древне- и старорусском нередко встречается соответствующее существительное *клятва* (чаще всего как прямой объект двухпереходного глагола вроде *дати*). Наконец, некоторые другие комиссивы имеют слегка иное значение, чем в современном языке: это, например, случай пары *заклинати*^{ПНСВ}/*закляти*^{ПСВ} ‘взять клятвенное обещание с кого-либо’ (СРЯ 1975–2015, V: 214, 216), а также глагола *ручатися*, который впервые засвидетельствован довольно поздно (т.е. в конце XVI века) со значением ‘брать на себя ответственность за кого-либо, давать

²²⁷ Нередко неотъемлемой частью этих процедур являются делокутивы вроде *цѣловати*, которые, однако, мы не будем анализировать.

²²⁸ В этой диссертационной работе вопрос о деривации глагола *объцати* в связи с существительным *объцание* (т.е. является ли глагол в каком-то смысле делокутивным или, наоборот, отглагольным существительным: ср. напр. с глаголом *обътовати* и существительными *обѣть/обѣтование*) остается незатронутым. По данным СРЯ, глагол ПСВ *совѣцати* (в том числе также в стилистически маркированных орфографических вариантах *сѣвъцати* и *сѣвъцати*) не является чистым синонимом *объцати*, а скорее многозначен. По своему общему функционированию, глагол приближается к широкому классу глаголов ментальных действий, отчасти покрывая семантическое поле глаголов речи, в частности функциональную сферу деклараций (среди других значений упоминаются ‘объявлять’ и ‘завещать’), экспозитивов (‘возвещать’), комиссивов, а также директивов (‘советовать’) (СРЯ 1975–2015, XVI: 48–50).

²²⁹ Изучение формальных и функциональных различий между глаголами *сулити* и *отсуливати* остается за пределами настоящей диссертации.

²³⁰ В СРЯ предполагается, что такой глагол восходит к (и является функционально равнозначным) гр. ὀμνῶμι. Видовой партнер ПСВ *проклятися*, как кажется, имеет только значение ‘подвергнуться проклятию’ (СРЯ 1975–2015, XX: 153).

поручительство” (СРЯ 1975–2015, XXII: 263) и который, к слову, в нашем материале никогда не обнаруживается в перформативном контексте.

В целом, в письменных памятниках едва ли обнаруживаются вхождения эксплицитных комиссивов в перформативном контексте. Ниже приведем один из этих редких примеров (в Наст^{ПНСВ}) из духовной грамоты Ивана Васильевича IV:

- (83) Сего ради и аз *предлагаю*^{НастПНСВ} учения, елико мой есть разум, от убожества моего, чадца моя, благодать и божий дар вам.

(ДДГ 1950: 427)

В корпусах подходящих примеров отыскивается больше, хотя их число не велико. Большинство вхождений датируется довольно поздним периодом (особенно второй половиной XVII века), несмотря на то, что их хронологическое распределение может варьироваться [см. примеры (84)–(85), которые восходят соответственно к концу XIV²³¹ и XV²³² века]:

- (84) Божье. милости. Ядвига. жяловали ми. и дали ми. землю. до своей воли. на имя Сѣверскую. со всѣ (ми) городми. со всѣми. оужитки. прото. *слюбую*^{НастПНСВ}. и слюбили есмо. нашему. господарю. кролю.

[НКРЯ: Дарственная запись князю Федору Люботоровичу на Северскую землю (1393)]

- (85) Он же рече отроку: "Молю же тя, отроча, и *заклинаю*^{НастПНСВ} тя Богом вашим Исусом Христом, пришедшим в миръ грѣшники спасти, да сотвориши ми любовь духовную! [...]

[НКРЯ: Повесть о Тимофее Владимирском (1470-1530)]

Ниже приведем несколько примеров с комиссивами (ПНСВ) *обещати*, *присягати* и *предлагати*. Первые три примера (86)–(88) – это выдержки из трех театральных произведений того времени. Точнее, пример (86) взят из первой части «Комедии о блудном сыне» Симеона Полоцкого: в данном контексте старший сын обращается к своему отцу (заметим, что наряду с комиссивом употребляется делокутив *лобызаю* ‘целую’, также в Наст^{ПНСВ}):

²³¹ Заметим вскользь, что употребление в перформативном контексте комиссива *с(ъ)любовати*, который, как мы уже видели (см. §3.1.1), является одним из полонизмов, проникших в старорусский язык того времени, оправдывается личностью отправителя письма, т.е. королевой Польши Ядвигой.

²³² Заметим, что наряду с комиссивом *заклинаю*^{ПНСВ} употребляется директив *молю ся*, тоже в Наст^{ПНСВ} (см. §3.3.2.4).

(86) Честнии руце твои лобызаю / честь воздаяти должну *обещаю*^{НастП(Н)СВ}.

[НКРЯ: Симеон Полоцкий. Комидия притчи о блудном сыне (1673-1678)]

Пример (87) взят из второго явления второго акта школьной драмы Дмитрия Ростовского «Успенская драма»: здесь олицетворение Надежды обращается к незнакомому грешнику (заметим, что наряду с комиссивом употребляется экспозитив *въщати* ‘заявлять’, также в Наст^{ПНСВ});

(87) Не отчаявайся – ти Надежда въщаю, / Спасение Девкою тебе *обещаю*^{НастП(Н)СВ}.

[НКРЯ: Дмитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы) (1680-1690)]

Пример (88) взят из пьесы Ю. М. Гивнера «Темир-Аксаково действо», написанной по мотивам книги французского епископа Жана дю Бека «История Тамерлана Великого» (1594): здесь приводится отрывок из монолога Баязета;

(88) *Присягаю*^{НастПНСВ} на то, что я кроворазлитием и забойством не престану, покамест весь человеческой народ скажут, что Байцет бог земной.

[НКРЯ: Темир-Аксаково действо (1675)]

Последний же пример (89) взят из вступления к первой летописи Сибири, написанного ее создателем:

(89) А сие писахъ ко своему исправлению. Конецъ же *предлагаю*^{НастПНСВ} летописи с[е]я.

[НКРЯ: С. Есипов. Есиповская летопись по списку Ундольского (1636)]

Заметим, что во всех этих примерах видовременное маркирование комиссива не изменяется, несмотря на варьирование коммуникативных ситуаций и социального статуса их участников.

Насколько нам удалось установить, эксплицитных комиссивных перформативов в НП^{ПНСВ} в исследованных текстах вообще не встречается²³³.

²³³ Глагол *присягнути*, например, никогда не встречается в перформативном контексте, а глагол *пообещати* в корпусах вообще не засвидетельствован (в СРЯ же, однако, отмечается существование глагола *пообѣщати*

3.3.2.3.2. Квазиперформативные комиссивы

В группу квазиперформативных комиссивов сначала вошли глагольные пары *куповати/купити* и *продавати/продати*. Ради репрезентативности данных в некоторых источниках (напр. в берестяных грамотах) наряду с вышеприведенными глагольными парами были учтены также другие лексические (квазисинонимические) элементы, как, напр., *добывати*.

Однако в текстах не обнаруживаются случаи квазиперформативного употребления глаголов купли-продажи, ни в Наст^{ПНСВ}, ни в НП^{ПСВ}²³⁴. В корпусах древне- и старорусского языков вхождений глаголов купли-продажи насчитывается значительно больше, чем в письменных памятниках, но ни одно вхождение нельзя толковать как квазиперформативное. Кроме того, в то время как Наст^{ПНСВ} *покупаю* и *продаю* в корпусах практически не засвидетельствованы²³⁵, НП^{ПСВ} *куплю* и *продам* употребляются при референции к футуральному положению дел (т.е. они употребляются как аспектуальные формы, выражающие семантику будущего времени).

‘обещать’ и приводится пример от 1609 г.; СРЯ 1975–2015, XVII: 68). С другой же стороны, глагол *предложити* встречается в одном перформативном контексте, но с другим значением, близким современному *изложить*^{СВ}, т.е. скорее экспозитиву [см. пример (90)]:

(90) Но малым словом явленна вашей любви *предложу*^{НППСВ}: нещую бо пользу быти, не глаголи же и добрѣйшихъ събытиа— на лучышаа нрава предложениемъ.

[НКРЯ: Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 20 сентября. Слово похвальное Филолога черноризца о святых великомучениках черниговских, славном Михаиле великом князе и Феодоре его советнике (1530-1554)]

²³⁴ Заметим, что в корпусе берестяных грамот встречается Наст^{ПНСВ} *продаю*, но с (футуральным) значением “наложу штраф”, “оштрафую” (ДНД 2004: 446–447). В корпусе грамот великих и удельных князей токен *куплю* обнаруживается всего 22 раза, но это не форма 1-го л. ед. ч. НП^{ПСВ} *купити* (что соответствовало бы преобладающему в современном языке употреблению), а существительное *купля* в винительном падеже, часто употребляемое в таких устойчивых конструкциях, как в (91) (это отрывок докончания великого князя Ивана Васильевича с князем углицким Андреем Васильевичем 1473 г.):

(91) А что м(а)ти моя, великая кн(я)г(и)ни, дала тобѣ в нашей *отчинѣ*, в великом кн(я)жен(ь)е, в Ростовѣ, куплю свою, колодяз(ь) солоной у Соли у Ростовские, и тот колодяз(ь) твой и есть.

(ДДГ 1950: 233)

²³⁵ В частности, Наст^{ПНСВ} *покупаю* в квазиперформативном контексте в корпусах отсутствует. С другой стороны, обнаруживается одно вхождение Наст^{ПНСВ} *продаю* в «Завещании отеческом к сыну своему...» И. Т. Посошкова 1718-1725 гг., но в данном контексте выражается узуальное значение. Причины этого распределения пока неясны.

3.3.2.4. Директивы

В группу директивов сначала вошли следующие глаголы:

просити
совѣтовати
запрѣщати/запрѣтити
молити (/молитися)/помолити (/помолитися)
велѣти ²³⁶ /повелѣти
приглашати/пригласити
вызывати/вызвати
требовати

Таблица 4. Древне- и старорусские директивы.

Исследование директивов в перформативном контексте в древне- и старорусском языках связано с рядом проблем, похожих на те, которые мы уже обсуждали в контексте экспозитивов (см. §3.3.2.2). Во-первых, как и для других типов перформативов, для директивов наблюдается, с одной стороны, некоторая лексическая вариативность между письменными памятниками²³⁷, а с другой стороны, семантическое отклонение некоторых глаголов по сравнению с их современными формами²³⁸. Однако сразу бросается в глаза наличие у директивов общей тенденции к перформативному толкованию в соответствии с обобщением их лексической семантики. Другими словами, чем меньше директив указывает на особый характер иллокутивного акта, тем вероятнее, как кажется, что он может быть употреблен в перформативном контексте. Более двух третей всех вхождений относится к трем глагольным единицам, а точнее к глаголам *просити*^{ПНСВ}, *велѣти*^{П(Н)СВ239} и *молити*^{ПНСВ} (*молитися*^{ПНСВ}) (см. дальше §3.5).

²³⁶ Поиск мы провели также по вхождениям более позднего (вторичного) имперфектива *повелѣвати*.

²³⁷ Речь идет, в частности, о функциональном поле иллокутивных актов приказа. В берестяных грамотах вместо глагольной пары *запрѣщати*^{ПНСВ}/*запрѣтити*^{ПСВ}, например, не редко встречается глагол *възборонити*^{ПСВ} (однако ни разу в перформативном контексте). В грамотах великих и удельных князей встречается также синонимический глагол *заповѣдати*^{П(Н)СВ} (см. дальше).

²³⁸ Это, например, случай пары *вызывати*^{ПНСВ}/*вызвати*^{ПСВ} “зоя, заставить или помочь выйти, вызвать” (СРЯ 1975–2015, III: 204–205).

²³⁹ В корпусе старорусского языка, *прошу* обнаруживается 242 раза, т.е. почти в сто раз больше, чем другие директивы вроде *запрещаю*, *советую* и т.д.: *велю* обнаруживается 108 раз. Вдобавок вновь возникает проблема неоднозначности синонимичной глагольной пары *молити*^{ПНСВ}/*молитися*^{ПНСВ}: эти глаголы, как мы уже видели в §3.3.2.2, могут выступать как в качестве экспозитивов, так и в качестве директивов, при отсутствии формальных показателей, на основе которых первый случай может отличаться от другого.

Начнем анализ директивов с глагола *просити*. Некоторые из нижеприведенных примеров, как уже сказано (см. §3.1), уже обсуждались в литературе. Можно в общем заметить, что как в письменных памятниках, так и в корпусах все вхождения глагола *просити* в перформативном контексте использованы в Наст^{ПНСВ}, независимо от определенной коммуникативной ситуации. Об этом свидетельствуют примеры (92)–(96) [для упрощения поиска под нумерацией (93)–(94) снова приводятся примеры (34)–(35), уже обсужденные в §3.1]:

- (92) Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ *прошу*^{НастПНСВ}: дайте ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Ажъ бо не хочу тяжьки дани възложити, якоже и мужъ мой, сего *прошу*^{НастПНСВ} у васъ мало»

(ПВЛ 1978: 72, сс. 29–33)

- (93) Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, *прошу*^{НастПНСВ}-де твоево благословения и с царицею и с чады, - помолися о нас!», - кланяючись, посланник говорит.

(АВБАКУМ 1997: 122, сс. 24–29; 123, с. 1)

- (94) да послѣ ми мудра дѣлателя, да здѣлают ми и устроить я, якоже ми годѣ буде(т); и ину мудрость, *прошу*^{НастПНСВ}, да ми отвѣщаетъ

[НКРЯ: Повесть об Акире Премудром]

- (95) Да елицы сѣхъ отъ житѣя сего изыдоша и елицы еще живи суще, всѣмъ вкупѣ даю о Христѣ прощение и самъ отъ нихъ тоже *прошу*^{НастПНСВ} [...]

[НКРЯ: Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526-1530)]

Как уже отмечено в примере (82), в примере (96), наряду с директивом <благословения> *прошу*, чередуется также экспозитив <Бога> *молю* и делокутивная формула <челомъ> *бью* (все в Наст^{ПНСВ}):

- (96) Великому господину, святѣйшему Никону патриарху, твоего великого господина строения, превятые и живоначалные Троицы Галилейские пустыни твой, великого

господина, чернецъ Евфимий у тебя свѣта, милостиваго отца, благословения *пошу*^{НастПНСВ}, Бога молю и челомъ бью.

[НКРЯ: Отписка строителя Галилейской пустыни Евфимия патриарху Никону с уведомлением о времени построения в Старой Руссе новых пяти монастырских соляных варниц и о наложении на них оброка (1666)]

В корпусе древнерусского языка вхождений НП^{ПНСВ} *попрошу* вообще не зафиксировано, в то время как в корпусе старорусского языка *попрошу* обнаруживается всего два раза, но не в перформативном контексте (первый раз при приглагольном отрицании, а второй – в придаточном относительном предложении). В целом, однако, видовой статус приставочного глагола *попросити*^{ПНСВ}, в связи с бесприставочным *просити*^{ПНСВ}, остается неясным. Как кажется, маловероятно, что в древнерусском языке эти глаголы были уже членами видовой пары.

Совсем другая картина складывается для глагола *велѣти*^{П(Н)СВ}, который уже с начала письменной документации можно с относительной достоверностью соотнести с (прото)видовым партнером *повелѣти*^{ПНСВ}. Важно отметить, однако, что в принципе глагол *велѣти*, в отличие от *просити*^{ПНСВ}, в древне- и старорусском языках уместно считать анаспектуальным²⁴⁰ (о понятии анаспектуальности см. сноску 183). В перформативном контексте наблюдается, в частности, интересное чередование между бесприставочным *велѣти*^{П(Н)СВ} и вторичным имперфективом *повелѣвати*^{ПНСВ}, который предположительно образуется путем морфологического механизма вторичной имперфективации от приставочного *повелѣти*^{ПНСВ241}. Хотя в перформативном контексте не существует значительных семантических различий между *велю*^{НастП(Н)СВ} и *повелеваю*^{НастПНСВ}, можно заметить, что количество вхождений вторичного имперфектива *повелѣвати*^{ПНСВ} постепенно увеличивается на протяжении веков. Однако этот факт сам по себе не столь показателен. Увеличение числа вхождений вторичного имперфектива *повелѣвати*^{ПНСВ} можно проще объяснить постепенным процессом грамматикализации категории глагольного вида посредством закономерного подкрепления механизма (вторичной) имперфективации, что, однако, выходит за рамки этой диссертационной работы.

²⁴⁰ Напомним, что еще в современном русском языке глагол *велеть*^{ДВ} принадлежит к узкому классу выживших двувидовых глаголов.

²⁴¹ В СРЯ у глагольной пары *повелѣвати*^{ПНСВ}/*повелѣти*^{ПНСВ}, кроме видовых различий, перечислено больше значений, чем у *велѣти*^{П(Н)СВ}. В частности, наряду с первичным значением (“велеть”) перечислены другие значения, присущие другим типам иллокутивных директивных актов (“разрешать, позволять”), а также значения, приближающиеся скорее к области экспозитивов (“давая определение, утверждать”) и деклараций (“поставить, назначить”), которых у *велѣти*^{П(Н)СВ} не кодифицировано вообще (СРЯ 1975–2015, II: 60; XV: 144–146)

Употребление *велю*^{НастП(Н)СВ} вместо *повелеваю*^{НастПНСВ}, как кажется, не зависит ни от особых синтаксических параметров (напр. от присутствия эксплицитно выраженного субъекта), ни от динамик определенной коммуникативной ситуации, ни от статуса участников в событии речевого акта. В примере (97) Святослав обращается к брату Игорю:

- (97) а *велю*^{НастП(Н)СВ} тобѣ игорю сдѣ остави съ ярославомъ . блюсти чернигова. и всеѣ волости свои.

[НКРЯ: Киевская летопись]

В примере (98) великий князь обнародует приказ, отданный своим крестьянам:

- (98) А что ся у них учинит убытка, и яз князь великий *велю*^{НастП(Н)СВ} тот убыток тем же заплатити без суда и без исправы, хто придет незван.

[НКРЯ: Жалованная грамота в. кн. Василия Васильевича крестьянам митрополичьих сел Юрьевского у., запрещающая приходить к ним незванными на пиры и братчины княжеским и боярским людям и крестьянам (1425-1462)]

В примере (99) пишущий, польский гетман Ян Замойский, отправляет послание священническому чину и монахам в Псково-Печерском монастыре, побуждая их сдать ся, выйти из обители с их имуществом и выслать за стены отряд стрельцов для защиты монастыря:

- (99) А язъ вас *велю*^{НастП(Н)СВ} и с вашими животы и со всею рухлядию проводить до тѣх мѣсть, гдѣ вы похотите.

[НКРЯ: Повесть о Псково-Печерском монастыре (1603)]

Директив *повелеваю*^{НастПНСВ} также употребляется в различных коммуникативных ситуациях. В примерах (100)–(101) Аввакум обращается соответственно к своей дочери Огрофене и к бесу, вызванному при экзорцизме:

- (100) И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «о имени господни *повелеваю*^{НастПНСВ} ти: говори со мною! о чем плачешь?»

(АВВАКУМ 1997: 118, сс. 1–3)

- (101) И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени господни *повелеваю*^{НастПНСВ}, душе немый и глухий, изыди от создания сего и ктому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо богъ призираеть», - бес же не слушает, не идет из брата.

(АВБАКУМ 1997: 142, сс. 18–23)

Также в примере (102) автор, мыслитель и экономист И. Т. Посошков, пишет своему сыну:

- (102) Аз ти тако *повелеваю*^{НастПНСВ}: аще от начальства избыть не возможеши, то ты отложи своя души спасение и всю свою силою пекися о спасении монахов и белцов [...]
[НКРЯ: И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718-1725)]

Глагол *повелю*^{НППСВ} едва ли отыскивается в корпусах (всего девять раз), а ни в ком случае в перформативном контексте.

Что касается глагола *молити*^{ПНСВ} (*молитися*^{ПНСВ}), отмечается одна и та же закономерность, к которой тяготеют его экспозитивные вхождения. Глагол систематически проявляется в Наст^{ПНСВ}, независимо от определенной коммуникативной ситуации и/или статуса участников в событии речевого акта. В примерах (103)–(104), взятых из корпуса берестяных грамот (соответственно, сообщение Харитании госпоже Софье и письмо Ремши к Климяте и Павлу), а также в примере (105) (из повести Максима Грека), глагол равнозначен современному директиву *просить*^{НСВ}:

- (103) да *молю* ти *сѧ*^{НастПНСВ} госьпоже ка моѧ да посъльво борожь и рубиць вудаль ти и целую тѧ

(Гр. № 682, 2-я пол. XII в., ДНД 2004: 394–396)

- (104) а ѧ емоу не дѣльжьне ничимъ же и *молю* ва *сѧ*^{НастПНСВ}

(Гр. № 725, 2-я пол. XII в., ДНД 2004: 414–415)

- (105) Повѣсть нѣкую страшную начиная писанию предати, *молю*^{НастПНСВ} прочитающих списание сие не мнѣти имъ мене чрез естествена лжуцаго.

[НКРЯ: Максим Грек. Повесть о Савонароле (1515-1525)]

В других источниках глагол приближается по значению к современному директиву *умолять*^{НСВ}. Заметим, что присутствие формального (автокаузативного) маркера -ся может способствовать такому толкованию, но, как показывают нижеприведенные примеры, это далеко не основополагающее его условие. В примере (106) приводится отрывок из духовной грамоты Ивана Васильевича:

- (106) Первый рече: село купил и имам нужду изыти и видети, *молю* ти *ся*^{НастПНСВ}, имей мя отреченна. И другой рече: || супруг волов купих пять, и иду искусити их, *молю* ти *сь*^{НастПНСВ}, имей мя отреченна.

(ДДГ 1950: 431)

В примере (107) автор, протопоп Аввакум, прямо обращается к Христу:

- (107) Его же ради *молю* ти *ся*^{НастПНСВ}, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением [...]

(АВВАКУМ 1997: 97, сс. 19–22)

Наконец, в примере (108) приводится фрагмент из челобитной:

- (108) Прилежно *молю*^{НастПНСВ} вашего отеческого милосердия: не отрините мя отъ своея благодати, и чрезъ того жъ посланного и вѣрнаго мнѣ, для вашей отеческой милости и впредь благопріятия, Ивана, учините вѣдомо въ Невль.

[НКРЯ: Изветная челобитная архимандрита Антония о побеге монастырскаго стряпчаго Степана Лапезовскаго и расспросы, учиненные работнику бежавшаго Ивану Иванову

(1694-1695)]

Вдобавок, к концу XVII века появляются также первые вхождения директива *умоляти* в Наст^{ПНСВ}. В примере (109), взятом из уже упомянутой школьной драмы Димитрия Ростовскаго, Иаков обращается к олицетворению «духа пророческаго» (заметим, что наряду с директивом *умоляю*^{НастПНСВ} употребляется также делокутив *прекланяю*, тоже в Наст^{ПНСВ}):

- (109) Сего ради вию ти мою прекланяю, / Да тайну ми ту явишь, смиренно *умоляю*^{НастПНСВ}

[НКРЯ: Димитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы) (1680-1690)]

Однако в нашем материале ни в одном перформативном контексте не обнаружилось соответствующих вхождений През^{ПСВ} (*помолю, помолюся, умолю*).

Закономерность эта (т.е. присутствие директивов в перформативном контексте только в Наст^{ПНСВ}) сохраняется и в случае других директивов. В примере (110), отрывке из духовной грамоты Ивана IV Васильевича, в котором автор подражает словам Иисуса Христа, появляется другой (анаспектуальный) синоним *велѣти*^{П(Н)СВ}, т.е. *заповѣдати*^{П(Н)СВ}:

(110) Се *заповѣдаю*^{НастПНСВ} вам, да любите друг друга, и бог мира да буди с вами.

(ДДГ 1950: 427)

Пример (111), в котором употребляется директив *запрещаю*^{ПНСВ}, является фрагментом проповеди отца Епифания²⁴²:

(111) Паки же преподобный рече к нему: "Се засвидѣтельствую ти днесь пред многими послухи и запрещением *запрещаю*^{НастПНСВ} ти, да не явишися нигдѣже в чем от предиреченых повиненъ.

[НКРЯ: Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием (1530-1554)]

В примерах (113)–(114), взятых из вышеупомянутых театральных произведений второй половины XVII века, директивами *советую*^{НастПНСВ} и *требую*^{НастПНСВ} Сераа обращается к Мардохею, а некий Нотарий – к олицетворению «благоутробия» (т.е. милосердия), соответственно:

(113) Что же противо творити желаеш? / *Советую*^{НастПНСВ} ти, да сердце усмиряеш.

[НКРЯ: Артаксерксово действо (1672)]

²⁴² Директив *запрещаю*^{НастПНСВ} появляется также в отрывке «Жития» Аввакума, но его значение, как показывает следующий пример, приближается скорее современной декларации *изгоняю* (речь же идет о экзорцизме):

(112) Аз же сжалихся об ней: покиня херувимскую песть, взявше от престола крест и, на крылос взошед, закричал: «*запрещаю*^{НастПНСВ} ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!».

(АВВАКУМ 1997: 154, сс. 4–8)

- (114) Како препинаю, аз Истинни *требую*^{НастПНСВ}, / Да долъг за грѣхи отдаст, на то усылюю.
[НКРЯ: Димитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы) (1680-1690)]

Наконец, в примере (115), взятом из уже упомянутого произведения мыслителя и экономиста И. Т. Посошкова, отец пишет своему сыну, употребляя директив *приглашаю*^{НастПНСВ}:

- (115) Аз тебе *приглашаю*^{НастПНСВ} во учении пребыть полгодищное время, или и всецелой год.
[НКРЯ: И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718-1725)]

Заметим, что на видовременное маркирование директивов не влияет в значительной степени ни один параметр лингвистического, стилистического и/или текстуального характера. Директивы регулярно проявляются в Наст^{ПНСВ}, независимо от формальных (напр. от синтаксиса предложения), семантических (напр. от особых лексических свойств определенного предиката) и/или прагматико-конверсационных (напр. от коммуникативной ситуации, от статуса участников в событии речевого акта и т.д.) факторов, определяющих проанализированные контексты. Что интереснее, соответствующие видовые партнеры ПСВ, в отличие от, напр. экспозитивов, почти не засвидетельствованы в корпусах, и никогда в перформативном контексте²⁴³.

²⁴³ НП^{ПСВ} *приглашу* и *потребую* появляются всего по два раза, *запрещу* и *настою* – по одному, а посоветую вовсе не засвидетельствован. Каждое вхождение появляется вне перформативного контекста.

Добавим, что, хотя в корпусах не найдено вхождений директива *обвиняти*^{ПНСВ}/*обвинити*^{ПСВ} (также в орфографическом варианте *объвинити*) в перформативном контексте (ПНСВ засвидетельствован только с XVII века, в то время как ПСВ появляется уже в текстах XII века; см. СРЯ 1975–2015, XII: 16), в связи с этим вызывает интерес грамота № 510:

- (116) сь сталь бышь кузма на здылу и на домажировица торговала еста съломъ бѣзъ мнѣ а ѿ за то съло пороуцнь
(Гр. № 510, 1-я пол. XIII в., мод. из ДНД 2004: 470)

Впервые в своей статье А. А. Гиппиус выдвигает гипотезу о том, что грамота № 510 представляет собой “формальное заявление Кузьмы Сдыле и Домажировичу об их неправоте” (Гиппиус 2004: 223) и вступительная формула *сь сталь бышь кузма на здылу и на домажировица* [букв. ‘Кузьма стал против (т.е. ‘обвинил’) Сдылы и Домажировича’] не что иное, как перформативная формула в эпистолярном прошедшем времени (точнее, в плюсквамперфекте).

По этому поводу уместно добавить, что этот обсужденный в литературе конкретный пример в методологической схеме настоящего исследования никак не является перформативным, а то не только потому, что речь идет о своеобразном, метафорическом проявлении эпистолярного прошедшего времени (более того, вопрос о функциональных и таксисных различиях между перфектом, плюсквамперфектом и аористом в древнерусском языке выходят за рамки диссертации), но также потому, что сам глагол по семантике нельзя приписать классу перформативов.

Подводя первые итоги относительно данных из древне- и старорусских письменных памятников, следует отметить, что эксплицитные перформативы почти во всех случаях проявляются в Наст^{ПНСВ}, вне зависимости от типа ими реализованного иллокутивного акта и от социального статуса участников в событии речевого акта. Закономерность нарушают только некоторые экспозитивы, часто употребленные в квазиперформативной функции (напр. *сказати*) и охарактеризованные «общей» (т.е. недоспециализированной, не указывающей на подтип иллокутивного акта) лексической семантикой.

3.4. Древнештокавский язык

В этом разделе рассматривается ситуация в т.н. «древнештокавском» языке. В первом параграфе (§3.4.1) мы рассмотрим частные проблемы, связанные с нами проанализированным источниками и, в целом, с названием языка. Далее (§3.4.2) мы перейдем к описанию корпуса источников. В заключение (§3.4.3) мы сосредоточимся на анализе данных.

3.4.1. Штокавские источники и проблема языка

Нельзя обойти вниманием проблемы, связанные с тем, *что* такое исследование перформативов в более древних этапах современного сербскохорватского континуума и, в общем, *какой* язык принимается во внимание при таком анализе. Перед исследователями стоят две отдельные, но связанные между собой задачи: необходимость в определении названия такого языка (т.е. *как* назвать этот язык) и необходимость в исторически аккуратном обосновании этого выбора (т.е. *почему* язык назван таким образом). Никак не претендуя на то, чтобы поставить точку в этом вопросе, в этом разделе мы попробуем предложить единое решение.

Начнем с первой проблемы, т.е. с названия языка. Как известно, единство диалектных изоглосс сербскохорватского континуума, восходящих к единой южной макродиалектной области праславянского, исторически хорошо засвидетельствовано на основании ряда морфофонологических особенностей и больше не вызывает сомнений у (политически непредвзятых) исследователей (см. более подробно в СОБОЛЕВ 2000 и процитированную там литературу). Однако, если уместно говорить о (полицентрическом) языковом южнославянском единстве, образующем единый диалектный континуум на территориях

нынешних республик Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговины и Черногории²⁴⁴, намного более проблематичной является попытка решить вопрос о том, как именно называть этот континуум в диахронии и возможно ли вообще для него принять единственное определение. В течение веков многие исследователи вносили свой вклад в дискуссию, предлагая то или иное название, чаще всего с точки зрения тогдашней доминировавшей идеологии. Критическое обсуждение этой дискуссии выходит за рамки настоящей диссертационной работы, но стоит упомянуть некоторые из этих теоретических предложений.

В рамках настоящей дискуссии прилагательное *иллирийский*, имеющее глубокие исторические корни и неоднозначные интерпретации, непосредственно связано с политическим направлением иллиризма, т.е. с неоднородным культурным движением, которое возглавлял хорватский просветитель Людевит Гай (1809–1872). В этом течении идеи предыдущих культурно-политических деятелей панславизма развивались в направлении создания наднационального органа («Великая Иллирия»), объединяющего все проживающие на Балканах славянские народы по наивному представлению об их общем происхождении из «древних» иллирийцев (т.е. совокупности народов, населявших Балканский полуостров за несколько веков до нашей эры, а потом подчиненных древними римлянами). Следовательно, под «иллирийским языком» тогда подразумевалось создание нового литературного канона хорватского варианта сербскохорватского континуума, основанного на штокавском наречии. Однако необходимо подчеркнуть, что масштабный проект иллиристов так и не был осуществлен, и «иллирийский язык» остался не чем иным, как искусственной культурной концепцией. В связи с этим называть древние этапы языкового континуума, соответствующего современному сербскохорватскому ареалу, «иллирийским языком» было бы терминологической и методологической ошибкой²⁴⁵.

Похожим образом складывается картина для прилагательного *древнесербскохорватский*, употребление которого связано с еще более существенными проблемами. Наряду с тем фактом, что в литературе этот термин никогда не употреблялся и практически не существует, естественное возражение против его использования в рамках диахронического исследования заключается в том, что оно пренебрегает значительными различиями в историческом развитии сербской и хорватской литератур (не говоря о

²⁴⁴ Всеобъемлющее описание фонологических особенностей диалектных изоглосс сербскохорватского языкового континуума см. в Ivić I DR. 1981.

²⁴⁵ Разумеется, факт того, что т.н. «иллирийские» языки существовали, не подвергается никакому сомнению (см. дальше). Здесь оспаривается предполагаемое историческое совпадение языков «иллирийской» ветви с искусственным языком, о котором писали члены иллиристических движений.

боснийской и черногорской литературах), которое, разумеется, тесно связано с историей этих народов.

Что касается исторического развития хорватской литературы, не считая современной, его принято разделять на три больших этапа, примерно соответствующих древней литературе (X–XI вв.), средневековой литературе (которая начинается с венгерско-хорватской унии 1102 г. и включает в себя эпоху Возрождения, т.е. период между XII и XVI вв.) и литературе последующих веков (т.е. барокко, литературе Просвещения и первого романтизма, между XVII и первой половиной XIX вв.)²⁴⁶. По поводу этой периодизации, принимая во внимание развитие литературы на нынешней территории Хорватии, наряду с важнейшими вопросами о многоязычии²⁴⁷ и о литературном статусе разных наречий (о многообразии хорватских наречий см. дальше), а также с проблемой чередования разных систем письма (т.е. чередования латиницы, кириллицы и глаголицы), следует учитывать ключевую роль, которую между XV и первой половиной XVIII вв. играли независимые города-государства (напр. Дубровник)²⁴⁸ в качестве культурных центров, в которых разные литературные направления

²⁴⁶ Периодизация взята из РНК 1974–1978. Отсылаем в особенности к третьему тому, посвященному хорватской литературе Возрождения и Просвещения.

²⁴⁷ Здесь имеется в виду параллельное употребление в письменных памятниках латыни, итальянского, «древнехорватского» и церковнославянского языка хорватской редакции.

²⁴⁸ Однако необходимо подчеркнуть, что преобладающим в этническом составе населения Дубровника по крайней мере до второй половины XIV века был романский элемент (т.е. большинство населения говорило на т.н. далматинском языке). Начиная со второй половины XV века, из-за миграции сбежавшего от турецкого вторжения балканского населения, засвидетельствовано, что город постепенно стал этнически славянским. Именно в этот период можно проследить за двумя новаторскими явлениями. Во-первых, наблюдается развитие дубровницкого новоштокавского диалекта (экавского произношения), который в течение всего XVI века сосуществовал наряду с доминировавшим говором города (т.е. староштокавским диалектом икавского произношения) и вытеснил на периферию ее исконный романский элемент (т.е. далматинский язык). Смешивание старо- и новоштокавских диалектов отображается особенно ясно в дубровницких литературных произведениях Возрождения, в том числе в пьесах Марина Држича. Во-вторых, при подтверждении новоштокавского диалекта, отмечается сдвиг в направлении трехязычности, где новоштокавский диалект является субстратом, а итальянский и венецианский – суперстратами (подробнее о диахроническом развитии языковой ситуации в Дубровнике см. в ŽIVOLINOVIĆ 2020). Необходимо также добавить, что геополитическая принадлежность современного Дубровника имеет относительно молодую историческую преемственность, если учитывать тот факт, что только в 1939 году Дубровник стал частью Хорватской бановины. В свете этих замечаний этническую и лингвистическую картину Дубровника особенно трудно точно определить и нужно исследовать с большой осторожностью.

В связи с этим нельзя не добавить, что эти (по существу политические) споры имели значимые последствия также для науки, особенно в дискуссиях, касающихся культурного наследия и национальной принадлежности некоторых письменных памятников. Печально показательным является недавний случай дубровницкого молитвенника (см. подробнее §3.4.2), напечатанного в Венеции западным кириллическим (т.е. боснийским) шрифтом и опубликованного в Дубровнике в 1512 году. Молитвенник в литературе принято было называть *сербским* (*srpski*) или, в более осторожных терминах, *дубровницким* (*dubrovački*) до распада социалистической Югославии. После того, как возникли независимые балканские республики, хорватские ученые стали называть молитвенник *хорватским* (*hrvatski*), несмотря на то, что, как уже было сказано, в эпоху Возрождения и барокко большинство населения в Дубровнике являлось этнически сербским. В рамках этой диссертационной работы мы воздержимся от полемики и будем употреблять другое (описательное, более нейтральное) название *Официи святой девы Марии* (в оригинале *Oficije Blažene Djeve Marije*).

постепенно возникали и распределялись (правда, под влиянием инноваций, внесенных прилегающими странами и республиками, в том числе Венецией)²⁴⁹.

С другой стороны, нужно подчеркнуть, что среди научного общества все еще отсутствует согласие по поводу периодизации сербской литературы. В рамках этой работы мы отдадим предпочтение периодизации, предложенной сербским историком литературы Д. Богдановичем (БОГДАНОВИЋ 1980). Она обладает тем преимуществом, что по ней можно определить по крайней мере семь этапов развития сербской литературы: от посвящения в монахи Святого Саввы в монастыре Святой Горы (1192 г.) до появления просветителя и реформатора Доситея Обрадовича на культурной сцене своего времени (вторая половина XVIII в.). Периодизацию Богдановича можно использовать также в контрастивных целях, т.е. в сопоставлении с вышеизложенной периодизацией хорватской литературы (РНК 1974–1978). Хорватская литература отличается обильным количеством светских произведений, в то же время как древнесербская (по существу рукописная) литература, которая в значительной степени приближается к византийской, долго сохраняет духовный характер и создается (т.е. переписывается) преимущественно в монастырях, которые укрепляются как культурные центры и пункты сопротивления против османской империи особенно после катастрофического поражения сербского²⁵⁰ войска на Косовом поле (1389) и захвата Смедеревской крепости (1459). Необходимо подчеркнуть, что турецкое иго (которое будет сброшено только в первой половине XIX века, во время двух сербских восстаний) препятствовало развитию сербской литературы или, по крайней мере, замедлило темпы ее развития до такой степени, что, с одной стороны, говорить о существовании настоящей сербской литературы Возрождения объективно трудно, а с другой стороны сербское барокко развивается почти через два века после его первого возникновения в других европейских странах²⁵¹.

Отдельными, но все-таки связанными с предыдущими замечаниями проблемами являются вопросы о многоязычии и о многообразном распределении диалектных вариантов

²⁴⁹ С точки зрения более точной исторической реконструкции было бы уместнее говорить не о единой хорватской литературе, а, скорее, о литературе Сплита, литературе Дубровника, литературе островов, литературе хорватских авторов за рубежом и т.д., хотя в рамках настоящей работы таким деталям можно не придавать слишком большого значения. О социолингвистической вариации в речевых актах в разных «хорватских» литературах Возрождения см. КАРЕТАНОВИЋ 2009.

²⁵⁰ Нельзя забывать, что в армию князя Лазаря Хребеляновича и Вука Бранковича вступили также греческие и албанские военнопленные. Благодарю Моника Фин за это уточнение.

²⁵¹ Среди других историков литературы известным является мнение М. Павича, который отстаивает гипотезу о существовании сербского барокко в литературе уже с 1648 года (т.е. с года составления стихотворения в польских декасиллабах, посвященного княгине в Тырговиште). Поскольку такую точку зрения не поддерживают (качественно) бесспорные и (количественно) значительные данные, однако, ее следует обсуждать с большой осторожностью (ПАВИЋ 1970).

на территории сербскохорватского континуума. В то время как сербская диалектная картина является относительно однородной (преобладают старо- и новоштокавские наречия, экавского или иекавского произношения), хорватская диалектная картина отличается значительно большей неоднородностью. Наряду со старо- и новоштокавскими наречиями ученые описывали, с одной стороны, кайкавские наречия (от вопросительного местоимения *kaj* 'что'), а с другой стороны, чакавские наречия (от вопросительного местоимения *ča* 'что')²⁵². К тому же, как известно, в зависимости от определенной территории, каждое наречие может различаться по (географически неоднородному) признаку произношения общеславянского *ъ*²⁵³. Так, проблема заключается в том, что многие из этих диалектных признаков хорошо засвидетельствованы (и отображены), хотя в разной степени, в письменных памятниках, созданных на более древних этапах исторического развития языкового континуума.

Вдобавок, в то время как принявший православие сербский ареал существенно подвергался культурному и языковому влиянию восточных (славянских, в том числе тогдашнего Русского государства, и неславянских) территорий, хорватский ареал всегда тяготел к романской (т.е., по существу, венецианской и римской) культурной сфере, как свидетельствуют не только принятие католичества, но и распространение латинского языка²⁵⁴ в качестве официального языка на тогдашних хорватских территориях. Таким образом, на основе всех вышеизложенных причин, от употребления прилагательного *древнесербскохорватский* следует отказаться.

По поводу употребления разных языков в сербской литературе на рубеже XVII и XIX веков следует вскользь упомянуть сложный вопрос *славяносербского языка*. В литературе под «славяносербским», создателем которого принято считать писателя и просветителя Захария Орфелина (1726?–1785), подразумевается искусственное смешение²⁵⁵ народного языка (т.е. ряда старо- и новоштокавских наречий сербского происхождения), церковнославянского (в русской редакции) и русского литературного языков (MORABITO 2001). Хотя славяносербский,

²⁵² В настоящее время на кайкавских наречиях говорят преимущественно на северо-западе Хорватии (как в регионах Хорватское Загорье – в том числе и город Вараждин – и Междумурье, так и в районе столицы Загреб), в области Горски-Котар, а также в приграничных с Хорватией районах Венгрии и в Румынии. Чакавские наречия используют преимущественно в Истрии, в Далмации и на островах Адриатического моря.

²⁵³ Как широко известно, на основании современного произношения гласного *ъ* различаются три (иногда четыре) диалектных ареала, а точнее (по образцу существительного, обозначающего в современном сербскохорватском языке 'молоко'): ареал экавского (*mlěko*), екавского/иекавского (*mlijeko*) или икавского (*mliko*) произношения.

²⁵⁴ Из-за нехватки места мы не будем углубляться в рассмотрение вопроса о влиянии итальянского языка (точнее, венецианского), проявляющемся в литературных произведениях писателей и поэтов хорватского Возрождения. Проблема развития общего литературного языка в средневековой хорватской литературе тщательно обсуждается в известной статье итальянского слависта С. Грачотти (GRACIOTTI 1967).

²⁵⁵ Однако в STEENWIJK 2019 на основе общей типологической таксономии обоснованность этого определения подвергается критике и, скорее, предполагается, что славяносербский является вариантом церковнославянского, «обогащенным» заимствованиями из русского литературного языка и из (сербского) народного языка.

который был языком сербской интеллигенции того времени, был создан как литературный язык для всех сербов, он так и не был кодифицирован и не получил свою собственную грамматику. На судьбу языка, вероятно, повлияло несколько обстоятельств. Во-первых, можно сказать, что у каждого автора того периода был свой вариант славяносербского, в зависимости от процента лексических единиц и формальных (напр. морфосинтаксических) элементов, взятых из каждого языкового источника, что сделало невозможным создание единой и последовательной лингвистической системы. Во-вторых, популярность народного языка в разгар романтизма и научная деятельность известных просветителей, напр. Вука Караджича, вытеснили славяносербский на периферию узуса и, в общем, заклеили все «ненародные» языковые черты других языковых вариантов²⁵⁶. Итак, славяносербский так и не стал официальным языком народов балканских обществ и, следовательно, его уместно исключить из нашего анализа.

В данный момент, однако, нельзя не заметить, что единственной отличительной чертой, объединяющей все нами принятые во внимание письменные памятники, является как раз язык, на котором они написаны, т.е. ряд диалектных вариантов, относящихся к группам старо- и новоштокавских наречий. Если верно, с одной стороны, что такой выбор оттесняет другие литературные традиции, переданные на географически менее распространенных языковых вариантах (в частности, на чакавских или кайкавских наречиях, которые показывают значительную степень вариативности по сравнению со штокавскими диалектами), столь же верно и то, что произведения, написанные на других диалектных вариантах, относительно немногочисленны²⁵⁷ и неравномерно распределены по хронологической шкале. Это дает нам возможность сохранить репрезентативность данных.

Выбор собирательного термина *древнештокавский* для обозначения языка нами проанализированных южнославянских письменных памятников в период между XI и XVIII веками нам показался наиболее нейтральным среди всех предложенных альтернатив²⁵⁸.

²⁵⁶ Дурная слава, которая веками характеризует славяносербский язык, вызвана скорее всего суровой критикой Вука и его сторонников. Точку зрения Вука постарались уравновесить в 60-х годах прошлого века, между другими, первые количественные исследования А. Младеновича (см. сборник тематических статей МЛАДЕНОВИЋ 1989) и очерки И. Грицкат, в которых выдвигается гипотеза о том, что под «славяносербским» подразумевался не столько особый (смешанный) лингвистический, сколько скорее этнический элемент (т.е. присутствие «сербского», т.е. штокавского элемента внутри славянского ареала; см. подробнее в ГРИЦКАТ 1975).

²⁵⁷ Что касается исторического распространения чакавских диалектов, нужно иметь в виду, что все до вторжения на Балканы армии Османской империи они занимали большую территорию, преимущественно (но не только) на Далматинском побережье. Чакавские элементы можно обнаружить в средневековых литературных произведениях Дубровника, напр. в пьесах М. Држича. Вдобавок, возможно, они находятся также в трех выживших говорах молизко-славянского микроязыка, на которых по сей день говорят в некоторых поселках на юговосточных итальянских территориях.

²⁵⁸ Я выражаю свою признательность профессору Слободану Павловичу, который первым мне посоветовал употребить этот термин.

Употреблением этого теримна признается исторический характер языка, его существенное единство, а также его наднациональный характер. Вдобавок, употребление форманты *древне-* вместо, напр., *старо-* позволяет избежать путаницы. На самом деле, в балканской диалектологии термин *staroštokavski*, противопоставляющийся *novoštokavski*, указывает не на историческое возникновение диалектной группы (т.е. на ее появление вместо какой-либо иной диалектной изоглоссы), а скорее на их отличительные структурные свойства, особенно в том, что касается их супrasegmentального (т.е. просодического) аппарата. Об этом свидетельствует тот факт, что и сегодня на Балканах сосуществуют старо- (напр. зетско-рашский) и новоштокавские (напр. шумадийско-воеводинский) диалекты. Наоборот, в русском языке формант *древне-* имеет исключительно исторический характер²⁵⁹, поэтому мы отдали ей предпочтение.

3.4.2. Описание древнештокавских источников

В список древнештокавских источников (XI–XVIII вв.), по образцу корпуса древне- и старорусских текстов, мы включили разнообразные по жанру литературные тексты, средневековой сербской и хорватской литературы, сербской литературы эпохи барокко и хорватской литературы Возрождения. В нами собранный корпус вошли также некоторые примеры народной (по существу устной) литературы.

Корпус состоит из следующих текстов:

- I. *Monumenta Serbica* (в оригинале *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*), т.е. сборник написанных кириллицей деловых и юридических документов, собранных и подготовленных к печати Францем Миклошичем в 1858 году (MONSERB 1964). Документы, которые хранятся в государственном архиве в Дубровнике, охватывают период времени между 1114 (подписи великого жупана Строя и его жены Симы) и 1618 гг. (письмо хиландарских монахов загребскому епископу Петру Дмитриевичу). Каждому тексту предшествует короткое описание содержания на латинском языке, написанное самим редактором;
- II. Два тома юридических и экономических документов сербского происхождения (*Stare srpske povelje i pisma*), подготовленных к печати Любомиром Стояновичем в 20-е годы прошлого века (SSPP 2006; см. также POVLAZ 2015², в котором комментируются хартии и указы князя Лазаря Хребеляновича, частично

²⁵⁹ Разумеется, историческое (терминологическое) противопоставление между древне- и старорусским не применяется к древнештокавскому.

включенные в издания под редакцией Л. Стояновича), которые являются другим собранием документов, сохранных в государственном архиве в Дубровнике. Документы, которые относятся к периоду между 1186 (подписи великого жупана Неманьи и князя Мирослава) и 1566 гг. (письмо молдавскому ратному воеводе Александру), разделены по тематике, области происхождения и по народам, к которым обращаются в письмах (в подавляющем большинстве случаев это сербы, а также болгары, албанцы, турки и венгры)²⁶⁰;

- III. Хорватский молитвенник (*Srpski* или *Hrvatski*²⁶¹ *ćirilički molitvenik*), известный и под другим названием *Официи святой девы Марии* (*Oficije Blažene Djeve Marije*), который был напечатан в Венеции в 1512 году в типографии Джордже Рускони (Giorgio Rusconi) и опубликован в Дубровнике в том же году. Молитвенник является первым документом, напечатанным т.н. боснийским шрифтом (ВЯЛОВА 2010; подробно о разработке и подготовке текста см. DUBMOL 2016: 5–49). Критическое издание, в которое включены также пятнадцать ежедневных молитв Св. Бригитты, было подготовлено под ответственной редакцией главы отделения по кроатистике в университете Загреб М. Жагара (DUBMOL 2016);
- IV. Комедия *Дядя Марое* (*Dundo Maroje*), самая известная пьеса дубровницкого драматурга и поэта Марина Држича (1508–1567), которая была впервые представлена публике весной 1551 года и переписана в разных рукописях в течение последующих столетий. Комедия была впервые напечатана только в 1876 году. Критическое издание подготовлено под редакцией историка литературы Петра Колендича (ДРЖИЋ 1951);
- V. Далматинско-дубровницкие циклы песен и стихотворений эпохи хорватского Возрождения (XV–XVI вв.) и барокко (XVII–XVIII вв.). Среди нами принятых во внимание поэтов, наряду с Иваном (Дживо) Буничем Вучичем (1591–1658), стоит упомянуть Шишко Менчетича (1457–1527), Джоре Држича (1461–1501) и его внука Марина, Мавро Ветрановича (1482–1576), Ивана Гундулича (1589–1638) и Юния Палмотича (1606–1657). Для рассмотрения текстов мы обратились к антологии, составленной Д. Павловичем (ADL 1960), а также к собранию отдельных стихотворений И. Бунича Вучича (BUNIĆ VUČIĆ 1971);

²⁶⁰ Некоторые из этих источников можно посмотреть по ссылке: <http://monumentaserbica.branatomic.com/rukse/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.). Это собрание более всего подходит под определение диахронического корпуса древнештокавского языка, которого до сих пор пока не существует. В одной и той же базе данных доступны и другие документы, также как Законник Стефана Душана 1349–1354 гг. и транскрипции сербских эпических поэм, которые, однако, здесь мы не принимали во внимание.

²⁶¹ О колебании в употреблении названия молитвенника, см. §3.4.1.

- VI. Шестьдесят шесть бесед боснийского францисканца, просветителя и проповедника Матия Дивковича (1563–1631) (в оригинале *Beside Divkovića vrhu evandolja nedjeljnih priko svega godišta*), написанные между 1612 и 1614 годами и напечатанные в Венеции в типографии Пьеро Марии Бертана (Piero Maria Bertan) в 1616 году, через четыре года после возвращения автора в боснийский францисканский монастырь в Крешево. Критическое издание, на которое мы опирались, вышло по случаю 400-летней годовщины произведения и является результатом многолетней коллективной работы сотрудников загребского Института хорватского языка и языкознания (DIVKOVIĆ 2016). Важность литературного произведения М. Дивковича заключается в том, что он был одним из первых деятелей того времени, писавших свои сочинения на народном языке, который он сам называл “босанским, словинским и нашким” (ВЯЛОВА 2010: 827);
- VII. Подбор народных рассказов [*pripov(ij)etke*], собранных и записанных Вуком Караджичем в течение его путешествий по Балканам между 10-ми и 20-ми годами XIX в., впервые изданных в Вене в 1821 году (перепечатанных в дополненном издании в 1853 году). Неизвестно, где и когда эти рассказы были впервые созданы, хотя вероятно, что по крайней мере некоторые из них были оригинальными произведениями известных во всей стране эпических поэтов и бардов, таких как, напр., Филип Вишнич, Рашко Колашинац и др., которые, в свою очередь, их и исполняли. Справочное издание, адресованное широкой публике, составлено в годовщину празднования 230-летия со рождения Вука Караджича (ВУК 2017).

3.4.3. Анализ данных

В этом разделе мы проведем анализ данных из древнештокавских источников. Ниже приведены списки глаголов, распределенные по типу ими реализованного иллокутивного акта, которые мы принимали во внимание в первую очередь, затем обсуждаются частные (лексические и семантические) проблемы, связанные с каждой группой глагольных единиц. В случае древнештокавских письменных памятников в каждой таблице наряду с глаголом приводится также ссылка на его определение из лексиконов П. Витезовича и Я. Микалы, если такое определение является релевантным для нашей работы (т.е. если глагол является или может являться перформативом). Подчеркнем также, что каждый пример цитируется по

своему источнику в орфографии исходной публикации (т.е. либо в латинице, либо в кириллице)²⁶².

Наконец напомним, что сокращение НП^{ПСВ}, которое мы употребляли в предыдущих разделах, посвященных анализу древне- и старорусских данных, в следующих параграфах мы заменим сокращением През^{ПСВ}, поскольку, как станет ясно дальше, в древнештокавских источниках морфологические формы (прото)перфективного презенса в главных предложениях никогда не переосмысливаются как будущее время, поэтому никогда не возникает двусмысленность.

3.4.3.1. Декларации

В группу деклараций сначала вошли следующие глаголы:

nazivati/nazvat(t)i (VITEZOVIĆ 2009: 568) nazivati (/ zvati) (MIKALJA 2011: 217)
proglašati/proglasit(t)i (VITEZOVIĆ 2009: 908) proglasiti (MIKALJA 2011: 349)
krstiti (VITEZOVIĆ 2009: 403; MIKALJA 2011: 160–161)
ostavljati/ostaviti (VITEZOVIĆ 2009: 703–704) ostaviti <u testamenat> (MIKALJA 2011: 271)
posvećivati/posvećati (VITEZOVIĆ 2009: 822) posvetiti (/ blagosoviti) (MIKALJA 2011: 321)
kajati se (VITEZOVIĆ 2009: 322) kajati se/pokajati se (MIKALJA 2011: 139, 306)
otpušćati/otpustiti (otpustiti) (VITEZOVIĆ 2009: 716) otpustiti (MIKALJA 2011: 251)

Таблица 5. Древнештокавские декларации.

При анализе деклараций (и, вообще говоря, всех перформативов) необходимо всегда иметь в виду, что обнаруженные в словарях определения следует использовать с осторожностью. Как мы уже заметили при обсуждении исторических словарей (см. конец §3.2), эти источники являются не чем иным, как простыми лексиконами, свидетельствующими о языковом узусе своего времени, и в них даже не передается информация о грамматическом статусе глаголов (напр. об их виде и об их видовых партнерах, а также, кроме редких случаев, об их употреблении в контексте). Что важнее, при рассмотрении письменных памятников и подборке данных точность словарных статей, если не явно отрицается, часто подвергается сомнению. Примером может служить случай глагола *nazivati/nazvat(t)i* ‘denominare’,

²⁶² Для всех примеров приводится русский перевод. Все переводы сделаны автором диссертации.

‘nuncupare’: в словаре Я. Микальи глагол (предположительно) ПСВ *nazvati* вообще не упоминается, в то время как в словаре П. Витезовича утверждается, что у глагола (предположительно) ПНСВ *nazivati* исходное значение ‘denuntiare’²⁶³.

По данным RHSJ, о существовании глагола *proglāšati*, засвидетельствованного в лексиконе П. Витезовича, можно только догадываться, на основе встречаемости производного (итеративного) НСВ *proglāšavati/proglāšivati* (RHSJ 1880–1976, XII: 296).

В словаре Я. Микальи, кроме того, глагол *posvetiti* (также в лексическом варианте *blagosoviti* – видовой партнер не упоминается) засвидетельствован только в религиозном значении (‘dedicare’, ‘consecrare’), в то время как у П. Витезовича у глаголов *posvećivati*^{ПНСВ}/*posvetiti*^{ПСВ} фиксируется также более светское значение ‘inaugurare’.

Наконец, в словаре П. Витезовича, в отличие от словаря Я. Микальи, засвидетельствовано только отглагольное существительное *pokajanje*, но не декларация *pokajati se* (см. VITEZOVIĆ 2009: 787), первые вхождения которой, однако, восходят по крайней мере к XV веку (RHSJ 1880–1976, X: 489).

К списку вышеприведенных деклараций мы решили добавить также некоторые другие декларации, которые не были учтены сначала (напр. *ispověsti se*). В число примеров, ради полноты и репрезентативности данных были также включены некоторые делокутивы (а именно: *pozdraviti*, *pripadati* ‘кланяться’ и его лексические варианты и *zahvaliti*, а также *blagoslovjavati*: см. ПАВЛОВИЧ 2000: 765) и некоторые квазиперформативные глаголы, которые употребляются в прошедшем времени (чаще всего в аористе и в перфекте²⁶⁴) во вступительных формулах правовых и экономических документов (так же, как и в древне- и старорусских грамотах). Подчеркнем еще раз, однако, что примеры делокутивов и квазиперформативов даются только в рамках контрастивного анализа с «настоящими» перформативами и что в целях конечного исчисления перформативов они были выброшены.

Все случаи употребления деклараций в нами проанализированных древнештокавских источниках используются в Наст^{ПНСВ}. В примере (117) приводится отрывок из псалма, сопровождающего вторую молитву Официи:

(117) *Isъpoviem se*^{НастПНСВ} *tebi imenu tvojemu jere blagô jestъ*.

‘Исповедаюсь Тебе и Твоему имени, ведь оно – благо’

(DUBMOL 2016: 124)

²⁶³ В RHSJ подтверждается, что первые вхождения глаголов (в том числе и первые перформативные вхождения ПНСВ *nazivati* ‘narekati’, ‘imenovati’) восходят к XV веку (RHSJ 1880–1976, VIII: 773, 780).

²⁶⁴ Из-за нехватки места мы не будем принимать во внимание в контрастивных целях примеры с квазиперформативами в перфекте.

В примере (118), взятом из комедии *Дядя Марое*, цитируется ответ персонажа Бокчило своему хозяину Марою (оборот *давати се <у гријех>* равнозначен *кајати се*):

(118) – Овамо ходи, биће и гостара. / – Добар човјече, прости. У гријех *се давам*^{НастПНСВ}.

‘– Иди сюда, еще и кувшины будут. / – Добрый человек, прости. Каюсь в своих грехах’

(Држић 1951: 40)

В примерах (119)–(120) приводятся фрагменты из пятой (проповедь Иоанна Крестителя) и восемнадцатой (речь идет о диалоге между отшельником и попрошайкой) бесед Мати Дивковича:

(119) Odgovori Ivan govoreći im: „Ja *krstim*^{НастПНСВ} vodom, posredu vas stoji koga vi ne znate.”²⁶⁵

‘Иоанн им ответил, говоря: «Я крещу водою, но среди вас стоит другой, которого вы не знаете»’

(DIVKOVIĆ 2016: 169)

(120) Reče: „*Kajem se*^{НастПНСВ} i vele mi je žao što sam uvrijedio moga Stvoritelja, a što sam rekao i kazao vam, otče moj duhovni, hoću da je moja prava i istinita ispovijed i ti me, otče, odriješi od mojije[h] pritamnije[h] i privelicije[h] grijeha kojijem sam uvrijedio moga Stvoritelja i Spasitelja.”

‘[Он] сказал: «Каюсь и мне очень жаль, что я обидел своего Сотворителя. Отче мой духовный, с учетом всего, что вам сказал и показывал, я хочу, чтобы моя исповедь была праведной и искренней, и чтобы ты, отче, избавил меня от моих величайших и самых темных грехов, которыми я обидел своего Сотворителя и Спасителя’

(DIVKOVIĆ 2016: 281)

Наконец, в примере (121) отрывок из народного рассказа *Усуд* («Судьба»), в котором главный герой обращается к своему брату по поводу завещания имущества:

(121) -*Остављам*^{НастПНСВ} све своје добро на вама и на Богу - пак стане живети код куће као и пређе.

²⁶⁵ Необходимо заметить, однако, что высказывание Иоанна Крестителя здесь не четко определено как перформативное. Оно как раз может сохранить его констативный характер, особенно если учитывать, что момент высказывания не совпадает с моментом действия, а, наоборот, у Наст^{ПНСВ} *krstiti* первичное видовое значение – узуальное.

‘Я завещаю (букв. ‘оставляю’) все свое имущество вам и Богу. И стал [он] жить, как и раньше’
(Вук 2017: 124)

Похожая картина наблюдается у делокутивов, которые, как и древне- и старорусские, регулярно проявляются в Наст^{ПНСВ} часто в устойчивых оборотах и вне зависимости от особых коммуникативных ситуаций. В примере (122) приводится отрывок хартии князя Лазаря Хребеляновича (конец XIV века) о судебном деле, касающемся перехода права собственности одного населенного пункта (заметим, что в том же контексте присутствует и эксплицитный экспозитив *молю се*, тоже в Наст^{ПНСВ}):

- (122) Тѣмже и азъ рабѣ твои Стефанъ кнезь Лазаръ Прѣчистаа Моѧ Владычице Богородице, *припадаю*^{НастПНСВ} и молю се Благои [...]
‘Поэтому я, Твой раб Стефан князь Лазар, Чистейшая моя Владелица Богородица, вот тебе Благой кланяюсь и молюсь [...]
(POVLAZ 2015²: 223)

В примере (123) приводится отрывок пролога пьесы «Дядя Марое» индийского чернокнижника Длинного Носа, обращающегося к публике (здесь глагол *називам* равнозначен делокутиву *желим* ‘желаю’):

- (123) Ја Дуги Нос, негромант од велицијех Индија, *називам*^{НастПНСВ} добар дан, мирну ноћ и притило годиште свитлијем, узмножнијем дубровачкијем властелом, а *поздрављам*^{НастПНСВ} ови стари пук [...]
‘Я, Длинный Нос, чернокнижник из великих индийских земель, желаю доброго дня, спокойной ночи и плодотворного года знаменитой дубровницкой знати и приветствую этот древний народ [...]
(Држић 1950: 21)

В примере (124) приводится отрывок из другого псалма Официи:

- (124) Takô *blagoslôvљу*^{НастПНСВ} te va životi mojemъ.
‘Так тебя благословляю в своей жизни’
(DUBMOL 2016: 106)

В корпусе юридических и экономических документов делокутивы регулярно заменяют соответствующие отглагольные существительные (напр. *здравѣ, веселѣ, поздравленіе, херетисаніе, поклонѣніе* и т.д.), которые могут появляться самостоятельно или в качестве прямого дополнения какого-либо транзакционного глагола (чаще всего ПНСВ *давати/давати*). В примерах (125)–(126) приводятся две из этих коллокаций, приветствие владыки Стефана Владислава и жупана Николы городской коммуне Дубровника:

(125) + Степанъ владиславъ милостию бжїиовъ краль срьбски *даваю*^{НастПНСВ} свою милость приѣтелемъ своимъ властеломъ дубровчкимъ и всѣи обькинѣ градской [...]

‘[Я] Стефан Владислав, милостью божьей сербский король, даю свою милость своим друзьям из знати Дубровника и городской коммуне’

[SSPP 2006, I: 16, № 18 (≈ 1240), сс. 1–3]

(126) + ѿ жупана николе кнезу и суди . и вла^стеле^{мъ} дубров^чкимъ поз^дравленіе вла^стеле *даю*^{НастПНСВ} [...]

‘От жупана Николы. Приветствую (букв. ‘даю <приветствие>’) князя, судей и знать Дубровника’

[SSPP 2006, I: 115, № 120 (1369), сс. 1–2]

Особенно многочисленными в грамотах являются случаи квазиперформативных деклараций, которые, с одной стороны, отличаются некоторой лексической закономерностью, а с другой стороны, показывают некоторую вариативность в морфологическом кодировании числа (1-е л. ед. и мн. ч., 3-е л. ед. ч.)²⁶⁶ и времени (основное противопоставление в текстах – Наст^{ПНСВ} vs. Аор^{ПСВ}, т.е. уже упомянутое эпистолярное прошедшее время).

Ниже в целях сравнения с «настоящими» декларациями приведем небольшую статистическую выборку примеров, в которых Наст^{ПНСВ} и Аор^{ПСВ} употребляются в перформативном контексте (в 1-м л. ед. ч.). Уместно заметить, что такому видовременному противопоставлению подвергаются как транзакционные глаголы [см. *послахъ* в (129) в письме султана Баязида II герцеговинскому санджаку], так и квазиперформативные, семантика которых приближается к экспозитивам [*записую* в (127); *чинимъ* <тестамента> в завещании Радича Алигретовича в (130); *подъписахъ* в мирном соглашении между Стефаном Неманьей и дубровницким князем Мирославом в (131)], а также другие типы свершений [*потезаю* в

²⁶⁶ Мы не будем останавливаться на многочисленных, но в общем однородных случаях употребления квазиперформативов в множественном числе, в которых множественной числительной морфологии соответствует все-таки один составитель сообщения.

письме воеводы Сандаљи в (128); *учинихъ* <милость> в разрешении Стефана Уроша дубровницким торговцам в (132); *сътвориохъ* в пожертвовательном акте самодержицы Елены в (133)]. Отметим также, что эти квазиперформативные декларации часто появляются в синтаксическом сочетании с другими перформативами. См., напр., экспозитивную формулу *дати* <знати> и экспозитив *свидокую* в Наст^{ПНСВ} в (127), а также комиссив *кльнь се* в Наст^{ПНСВ} в (131), который противопоставляется по виду и времени аористу ПСВ *подписахъ*:

- (127) Ва име божие амен . ѿ прибисавъ похвалиѿ даю всакому знати и ово им самъ рукомъ *записую*^{НастПНСВ} и свидокую ере доидохъ у дубров... посланием госпде ванице анке [...]
 ‘Во имя Божье, аминь. Я, Прибисав Похвалич, даю всякому узнать, а я сам это записываю и свидетельствую, что ездил в Дубров[ник]... отправкой господина Ваницы Анки [...]
 [SSPP 2006, I: 337, № 341 (1407), сс. 1–3]

- (128) а *потезаю*^{НастПНСВ} два десети и деветь литъ^р и деветь унь^ч и ошть у два сакуља аспри два на десете тисуць аспри [...]
 ‘А (я) принимаю двадцать девять литров и девять унций, а еще в двух мешках аспров двенадцать тысяч аспров [...]
 [SSPP 2006, I: 350, № 356 (1411), сс. 40–42]

- (129) када вамъ оваи моѧ книга доге такои да знате прѣге овогаи од велике ми порьте заповѣдь *послахъ*^{АорПСВ} од новьске скале амальдари тко^е по ение бегу съ дубровачькомъ го^днмъ [...]
 ‘Когда эту мою книгу к вам принесут, узнайте при этом мой приказ от Высокой Порты: я послал сборщиков налогов из Новской скалы [в городе Херцег-Нови – М. Б.], по одному на бега, вместе с господином из Дубровника’
 [SSPP 2006, II: 296, № 892 (1486), сс. 2–3]

- (130) ѧ Радичъ Алигреговик, братъ Пьера воштиера Радосава Царке, *чинимъ*^{НастПНСВ} мои напокони тестаменать вдь свега мога добра, што се наѣ за моиомъ смартнѣмъ днемъ наѣ (!), да вратимъ свакому, што е чие у мене.
 ‘Я, Радич Алигрегович, брат Пьеро, трактирщика у Радосава Царки, пишу (букв. ‘творю’) свое последнее завещание и перечисляю все свое имущество, то, что найдется после моей смерти, чтобы я мог вернуть каждому свое, которое до сих пор было у меня’
 [SSPP 2006, II: 465, № 1077 (1512), сс. 2–5]

(131) (ѣзь ве)ли жупанъ кльнь се и *подъписахъ*^{АорПСВ}. ѣзь кнезь Мирославъ кльнь се и *подъписахъ*^{АорПСВ}.

‘Я, великий жупан, даю свою присягу и подписываюсь (букв. ‘подписал’). Я, князь Мирослав, даю свою присягу и подписываюсь (букв. ‘подписал’)’

[MONSERB 1964: 1, III (1186), сс. 1–3]

(132) и такози повелѣ царьство ми, и *учинихъ*^{АорПСВ} милость дубровчаномъ всемъ велимъ и малимъ [...]

‘Так повелело наше царство, а я сделал милость всем дубровчанам, великим и скромным’

[MONSERB 1964: 157, CXLII (1357), сс. 7–9]

(133) и *сътворихъ*^{АорПСВ} принѡшение вѣть маліе силе моеи, ꙗко да давамъ на вѣсако годиште иже въ Светѣи Горѣ Афона монастыру нашему царскыи и великыи лавры прѣсветыи богородице хиландарскыи сто дукать [...]

‘Я сделал приношение по своим небольшим возможностям: каждый год даю сто дукатов нашему монастырю царской и великой лавры Пресвятой Богородицы Хиландарской, который находится на Святой Горе Афона’

[MONSERB 1964: 547, CDLXX (1502), сс. 29–30]

Как можно заметить, на видовременное маркирование деклараций в древнештокавских источниках не влияют ни морфосинтаксические, ни коммуникативные параметры (напр. роль и статус участников в событии речевого акта). Поражает тот факт, что, начиная уже с документов XI–XII веков, През^{ПСВ} никогда не появляется самостоятельно, не говоря уже о перформативных контекстах. Еще более показательно то, что в случае квазиперформативных деклараций дихотомия Наст^{ПНСВ} vs. Аор^{ПСВ} никогда не нарушается «вторжением» третьего члена, т.е. Фут^{ПСВ} (об этом см. еще в §3.5).

3.4.3.2. Экспозитивы

В группу экспозитивов сначала вошли следующие глаголы:

ponavljati/(ponoviti?) (VITEZOVIĆ 2009: 804–805)
ponoviti <riječ> (MIKALJA 2011: 314)
dodavati/dodati (VITEZOVIĆ 2009: 136)

Таблица 6. Древнештокавские экспозитивы.

В связи с древнештокавскими экспозитивами релевантны два отдельных вопроса. Во-первых, ограниченность вхождений в лексиконах может отражать ту же тенденцию, которую мы уже обсудили при анализе древне- и старорусских экспозитивов (§3.3.2.2), т.е. неспособность слишком «специализированных» глаголов к перформативному толкованию²⁶⁷. Однако на вопрос о том, почему многие глаголы остаются незасвидетельствованными в лексиконах, даже если их существование и употребление широко известны, трудно найти правдоподобный ответ²⁶⁸ (мы к этому вернемся в дальнейшем, см. §3.5). Пока ограничимся общим замечанием о том, что, по данным, обсужденным в ПАВЛОВИЋ 2000: 765, к этому списку уместно прибавить следующие экспозитивы: *odveštavati*, *(o)pomenovati*, *potvr̃gjevati*, *svědočiti*, а также *pripovědati* и *moliti* (*moliti se*), на котором коротко остановимся.

Если заглянуть в лексиконы, мы сразу заметим, что глаголы *moliti* и *moliti se* являются весьма многозначными. У П. Витезовича, например, перечислены следующие значения, которые простираются от области экспозитивов до области директивов: ‘compresari’ (букв. ‘молиться’), ‘expostulare’ (букв. ‘напрашиваться’, ‘призывать’, ‘требовать’), ‘quaesere’ (букв. ‘просить’), ‘implorare’, ‘supplicare’ (букв. ‘умолять’) (VITEZOVIĆ 2009: 499–500). К этому списку у Я. Микальи прибавляются также неперформативное значение ‘praensare’ (букв. ‘подтасовывать’), ‘osecrare’ (только при присутствии сирконстанта *s zakletvami* ‘с заклинаниями’, что приближает глагол к декларациям и комиссиям; см. дискуссию в §3.2), а также, при присутствии бенефактива в винительном падеже, лицензированного предлогом *za*, ‘intercedere’ (букв. ‘ходатайствовать’) (MIKALJA 2011: 193). Однако семантическое поле

²⁶⁷ Интересно заметить, что глагол ПСВ *ponoviti*, как и древне- и старорусский *повторить* и в отличие от видового партнера *ponavljati*, едва ли можно употреблять в перформативном контексте. П. Витезович дает такое определение глагола *ponoviti*: ‘integrare’, ‘interpolare’, ‘renovare’ (VITEZOVIĆ 2009: 805). С другой стороны, *ponavljati*, как кажется, может приобретать перформативное значение только в сочетании с особыми прямыми дополнениями, напр. <govorenje> ‘проповедь’ (VITEZOVIĆ 2009: 804). Эти замечания подтверждаются данными в RHSJ (RHSJ 1880–1976, X: 734, 761).

²⁶⁸ Другие возможные экспозитивы, вроде *sravnjivati* (*! sravnati*) или *prijaviti*, сохраняют только свое буквальное, физическое значение (в первом случае ‘complanare’, ‘levigare’ ‘сглаживать’, а во втором ‘insinuare’ ‘проникать’: ср. VITEZOVIĆ 2009: 882, 1073 и MIKALJA 2011: 419). Общий глагол *reći* (ср. VITEZOVIĆ 2009: 971 и MIKALJA 2011: 377) уже в древнештокавских источниках ведет себя как ПСВ и никогда не появляется в перформативном контексте. Что касается глагола *kazati*, который в современном сербскохорватском языке является более распространенным глаголом речи (также в парентетических конструкциях, см. §2.6), в обоих лексиконах он определен в буквальном значении ‘mostrare, demonstrare’, хотя П. Витезович приводит также вторичное значение ‘narrare’ (ср. VITEZOVIĆ 2009: 333 и MIKALJA 2011: 144). Однако стоит заметить, что в RHSJ первичное значение, которое приписывается глаголу *kazati*, переносное, связанное с актом говорения (RHSJ 1880–1976, IV: 911–912). Добавим, что наряду с *kazati* Я. Микалья указывает на присутствие глагола *kazivati*, но не объясняет, является ли он видовым (ПНСВ?) партнером глагола (ПСВ?) *kazati*, или же некоторым его способом действия (напр. многократным, как в современном русском для глаголов *говорить*^{НСВ}/*говаривать*^{НСВ}). Заметим, что в современном сербскохорватском языке глагол *kazati*^{ДВ} считается двувидовым, а *kazivati*^{НСВ} служит именно (своеобразным) многократным способом глагольного действия, что подтверждается RHSJ (RHSJ 1880–1976, IV: 921–922; см. также сноску 116).

древнештокавских глаголов *moliti* и *moliti se* в текстах во многом напоминает поведение и распределение древне- и старорусских глаголов *молити* и *молитися*. Они могут прежде всего функционировать либо как экспозитивы, либо как директивы. При этом их вхождения в нами проанализированных письменных памятниках превышают в несколько раз вхождения других перформативов (в корпусе стихотворений дубровницкого происхождения, например, они представляют собой почти единственные примеры перформативов). Что важнее, они являются взаимозаменяемыми вне зависимости от их особого морфологического проявления²⁶⁹.

В подавляющем большинстве случаев вхождения экспозитивного употребления глаголов *moliti* и *moliti se* уже зафиксированы в устойчивых (аллокутивных) оборотах *molim <te>/<vas>* и *molim <ti>/<vam> se*, которые, как правило, сохраняют стереотипный характер и не поддаются видовременным изменениям. В примере (134) приводится отрывок диалога между Пометом, слугой немецкого богача Уго, и Петруньелой (ранее известной как Милица), горничной куртизанки Лауры (ранее известной как Манда) с Корчулы:

(134) ПОМЕТ: Петруњела, *молим*^{НастПНСВ} те као краљицу, моја госпође, сповјећ ми што је.

ПОМЕТ: ‘Петруњела, госпожа моя, прошу тебя как королеву, скажи мне, в чем дело’

(Држић 1950: 178)

Пример (135) является выдержкой из песни дубровницкого поэта Влаха Сквировича (1643-1691):

(135) *Molim ti se*^{НастПНСВ}, višnja slavo / u ovoj pjesni pomози me, / i ti, mjesto mi gizdavo, / u tve kraje pripusti me, / da ja mogu pri mrkljenti / djelak slave tve izrijeti. (*Mačus i čavalica*, Vlaho Skvadrović)

‘Я молюсь Тебе, Слава Всевышняя, / помоги мне в этой песне / а ты, место мое живописное, / впусти меня в края твои, / чтобы я мог на утесе / частичку славы твоей рассказать’

(ADL 1960: 205, ss. 1–6)

Пример (136) взят из третьей части пятидесятой беседы М. Дивковича:

²⁶⁹ В отличие от древне- и старорусского языков, однако, наблюдается также важное различие в механизме образования видового (приставочного) партнера каждого глагола. Точно так же, как в современном языке, на самом деле, видовой партнер *moliti* является *zamoliti* (RHSJ 1880–1976, XXII: 160–161), а *moliti se* – *pomoliti se* (RHSJ 1880–1976, X: 708; добавим, однако, что по данным словаря глагол СВ, лишенный маркера возвратности, может приближаться по значению к глаголу *zamoliti*). Заметим, однако, что През^{ПНСВ} *zamoliti* и *pomoliti se* не появляются в перформативном контексте.

- (136) Sveti Ambrožo veli: „Ti krstjanine, spomeni se čiji kruh blaguješ i njemu hvalu uzdaј. *Molim*^{НастПНСВ} te, veli „da ti komu štogod od svoga podijeliš, ne gledaј li i ne čekaš li da ti zahvali i kuću blagoslovi is koje mu je podijelјeno [...]”

‘Святой Амбросий говорит: «Ты, христианин, вспомни, чей хлеб ешь, и ему хвалу вознеси. Говори, пожалуйста: “С кем бы чем-либо ни поделился, не смотри и не ожидај, чтобы он тебя поблагодарил, ни благословил дом, из которого ему подают” [...]’

(DIVKOVIĆ 2016: 689)

Наконец, в примере (137) приводится отрывок народного рассказа *Златна јабука и девет пауница* («Золотое яблоко и девять пав»), в котором незнакомец обращается к цареву сыну:

- (137) -За Бога, брате! *молим*^{НастПНСВ} те! умрех од жеђи; дај ми чашу воде.

‘Брат, во имя Бога, пожалуйста! Вот-вот умру от жажды. Дай мне стакан воды’

(Вук 2017: 64)

Никакого видовременного чередования с През^{ПСВ} и/или с Фут^{ПСВ} не наблюдается в других случаях перформативного (экспозитивного) употребления глаголов *moliti* и *moliti se*. Отметим, что эти директивы нередко входят в лексические сочетания с делокутивами [*благословлямь*^{НастПНСВ} в письме патриарха Спиридона от 1388 г. по поводу строительства церкви в честь Введения Пресвятой Богородицы, см. прим. (138)]²⁷⁰, а также с другими перформативами, относящимися к иным классам [см. напр. директивы *запрѣштамь*^{НастПНСВ} в письме владельца Вукашина Мрнявчевича в примере (139) и *прошу*^{НастПНСВ} в письме пожертвования Стефана Уроша II Милутина в пользу Хиландарского монастыря в примере (140)]:

- (138) К сему же *молю*^{НастПНСВ} и благословлямь, даром | и властию данною намь съвише w^л Светаго Духа . иже w^л Того глаголем, сие мною потвржденну никиим | непотворен’ноу бити [...]

‘Еще молю и благословляю, даром и властью, данными нам с небес Святым Духом (а я именно говорю от Его имени): пусть никто изменит то, что было подтверждено мной’

(POVLAZ 2015²: 210, сс. 13–15)

²⁷⁰ Заметим вскользь стилистическое чередование в спряжении глагола *moliti* (*moliti se*) в 1-м л. ед. ч. наст. вр. из. накл. На самом деле, в текстах более высокого стиля (и более значительного содержания), вроде писем князей [см. прим. (138), (139) и (140)], под влиянием церковнославянского языка употребляется окончание на *-/ju/* [*molju* > **to(d)lʹo*], характеризующее глаголы с тематической гласной */i/* в парадигмах инфинитива и презенса. В других текстах употребляется скорее «автохтонное» окончание на *-/im/*.

- (139) како су записали ина гп^{ла} и степань црѣ хрисов^улїе и повелїе и законе . також^де и крлв^ѣство ми потврди и записа. и *молю*^{НастПНСВ} и запрѣштамь . его^вже изволи ж^дреби стѣо дѣа по кра^лв^ѣству ми сънасто^вльнику бити [...]

‘Все золотые буллы, и грамоты, и законы, которые уже подписали господа и царь Стефан, наше королевство тоже подтвердило и подписало. А еще молю и запрещаю тому, кому разрешит пришествие благодати Святого Духа после моего правления королевством быть моим сопрестольником [...]

[SSPP 2006, I: 117, № 122 (1370), сс. 29–30]

- (140) и вась, господиє, прошу и *молю*^{НастПНСВ}, югоже богъ изволии по кралевствѣ ми господьствовати сръбскимь кралевствомь или сынъ мои или сыновъ мои или инь кѣто вѣть суродникъ моихъ [...]

‘А я вас, господа, прошу и молю того, кому Бог после моего правления королевством разрешит владычествовать над сербским королевством, либо сыну моему или сыновьям моим, или кому-нибудь из родственников моим’

[MONSERB 1964: 81, LXXIV (1302-1321), сс. 19–20]

Однако глаголы *moliti* и *moliti se*, скорее всего, употребляются как самостоятельные формы, управляющие клаузуальным дополнением. В примере (141) приводится отрывок из дубровницкой официи:

- (141) [...] *molim*^{НастПНСВ} tebe da sьveti križь tvoi slobodi mene ô^dь аньđela pôраženoga.

‘Молю Тебя, чтобы Твой святой крест освободил меня от пораженного ангела’

(DUBMOL 2016: 81)

В примере (142), который является выдержкой из песни Юния Палмотича, экспозитив *molim* передвинут в середину предложения в целях сохранения поэтического ритма:

- (142) Ali ovo valovito / *molim*^{НастПНСВ} more da se smuti, / neka na me ono srdito / prolit vale ovdi uputi, / da me segnu u dubine / i zametu tve pučine. (*Koliko ‘e svak deržan mjestu rodnomu*, Junije Palmotić)

‘Но молю, / чтобы это волнистое море взволновалось: / пусть оно на меня сердито / выплеснуться волны сюда пошлет, / чтобы они меня утащили в глубины / и скрыли твои пучины’

Напомним (см. §3.3.2.2), что в древне- и старорусских письменных памятниках четко прослеживалось тяготение эксплицитных экспозитивов к проявлению в НП^{ПСВ} в связи с их меньшей лексической специфичностью. С другой стороны, однако, в древнештокавских источниках такой тенденции не наблюдается. Все вхождения других экспозитивов проявляются в Наст^{ПНСВ} вне зависимости от присутствия каких-либо формальных и/или функциональных параметров. Они употребляются как в парентетических конструкциях [см. реплику Лауры в адрес богача Уго в примере (143), взятом из «Дяди Мароя»], так и в «настоящих» перформативных контекстах [(см. примеры (144)–(146)]. Отметим в примере (145) контекстуальное сопричастие квазиперформативного глагола (в Аор^{ПСВ}) *отписахъ*, а в примере (146) – употребление формулы *пишу <въ сведение>*, которая по сути равнозначна экспозитивам *свѣдокую*, *одвештавамъ*:

(143) Ото ти *приповидам*^{НастПНСВ}: остани ми се куће, ако нећ’ да те сканда најде.

‘Вот что тебе скажу: горе тебе, если не держишься подальше от моего дома’

(Држић 1950: 49)

(144) а навлашнѡ двѡрѡга . *успомену*^{НастПНСВ} гѡга . г^дна Стефана . бана . и г^дна владислава .
родѣтеля нѡгова . г^дна племѣнѣта . боснѣска

‘Я упоминаю особо благотворительного господина бана Стефана, а еще его отца господина Владислава, знатных боснийских господ’

[SSPP 2006, I: 86, № 87 (1387), сс. 6–8]

(145) ѡ браѡнъ мойѡмъ рукоѡмъ все ѡписахъ више речено и *свѣдокую*^{НастПНСВ}...

‘Я, [ученик] Брайан, все вышесказанное написал своей рукой и об этом свидетельствую...’

[SSPP 2006, I: 371, № 377 (1423), сс. 9–10]

(146) + По милости божиеи ѡ Влкѡ Бранковикѡ *пишу*^{НастПНСВ} въ сведение въсьмъ, како послаше властеле дубровѣчци поклисаре свое господину ми кнезу именемъ Николу Гуделикиѡ и Йова Бавчиликѡ [...]

‘Милостью божьей я, Вук Бранкович, даю всем знать, что органы власти Дубровника послали нашему господину и князю своих посланников под именем Николы Гуделикиѡ и Якова Бавчиликѡ [...]

3.4.3.3. Комиссивы

Напомним, что, как и ранее в случае древне- и старорусского языков, мы будем отличать «настоящие» комиссивные перформативы (§3.4.3.3.1) от квазиперформативных (§3.4.3.3.2).

3.4.3.3.1. Перформативные комиссивы

В группу перформативных комиссивов сначала вошли следующие глаголы:

obećivati/obećati (se) (VITEZOVIĆ 2009: 619)
*obećavati/obećati [/ dati <ri(j)eč>] (MIKALJA 2011: 236)
prisegati [/ prisigati (se)]/priseći (VITEZOVIĆ 2009: 894–895)
prisegnuti (/ zakleti se) (MIKALJA 2011: 341)
uveriti (VITEZOVIĆ 2009: 1245)
jamčiti se (VITEZOVIĆ 2009: 299)
jamčiti/izjamčiti (MIKALJA 2011: 132–133)
zaklinjati (se) (VITEZOVIĆ 2009: 1329)
zaklinati (/ veoma moliti) (MIKALJA 2011: 523)

Таблица 7. Древнештокавские перформативные комиссивы.

По сравнению с древне- и старорусскими комиссивами (см. §3.3.2.3) эксплицитные комиссивы в древнештокавских источниках хорошо засвидетельствованы, особенно (и это само по себе значительный факт) в хартиях и в письмах князей и владетелей, в которых эти глаголы являются неотъемлемой частью риторической структуры текста и часто появляются в устойчивых конструкциях. Существуют некоторые различия в их лексических определениях, которые можно найти в лексиконах П. Витезовича и Я. Микальи. Например, глагол (предположительно ПСВ) *obećati (se)* зафиксирован у обоих авторов²⁷¹, а его видовой партнер (предположительно ПНСВ) *obećivati* (или *obećavati*) в лексиконе Я. Микальи не фигурирует в качестве независимой лексической единицы: существование глагола подразумевается на основе коллокации *tko obećava* ‘promissor, -ris’²⁷² (MIKALJA 2011: 236).

²⁷¹ П. Витезович предлагает читателям информацию о разных способах, которыми можно выразить обещание: *ruku davši obećati* ‘stipulata manu promittere’, *obećattise s zavezom* ‘promittere cum obligatione’ и т.д. (VITEZOVIĆ 2009: 619).

²⁷² С. Павлович (ПАВЛОВИЋ 2000: 765) упоминает также варианты *обѣкѣвати се* и *обѣтовати се*, которые образованы в результате разных морфофонологических процессов от одной и той же модели (**ob-větati*).

Кроме того, у Я. Микальи (непарный) глагол *uvjeriti* соответствует латинским (неперформативным) глаголам ‘credere’, ‘committere’, ‘concedere’ (MIKALJA 2011: 486), в то время как у П. Витезовича указано только перформативное значение ‘despondere’ (букв. ‘связывать клятвой’, ‘клясться’) (ср. VITEZOVIĆ 2009: 1245)²⁷³.

Глагол *predložiti*, который по морфологии соответствует современному комиссиву *predložiti*, обнаруживается только у П. Витезовича, но с единственным буквальным значением ‘praestruo’ ‘поставить, предустановить заранее’ (VITEZOVIĆ 2009: 852)²⁷⁴.

Впрочем, самую большую разницу можно наблюдать в определениях глагола *zaklin(j)ati (se)*. В лексиконе П. Витезовича немаркированная по возвратности форма, по мнению автора, сближается с латинскими глаголами ‘obserare’ и ‘adjurare’, в то время как прибавление рефлексивного маркера изменяет ее семантику (‘conspirare’, букв. ‘сговориться’ или ‘conjurare’, букв. ‘вызывать’, ‘наколдовать’)²⁷⁵. В лексиконе Я. Микальи, как мы уже вскользь заметили в связи с экспозитивами (см. §3.4.3.2), глагол почти равнозначен коллокации *veoma moliti* ‘obsecrare’.

Судя по этим данным, представляется очевидным, что особенно распространенной является модель, образованная на основе инфинитивного корня *-*kle-* (ФАСМЕР 1964-1973, II: 259), которая в древнештокавских источниках отображается по крайней мере в комиссивах *клети (се)* и *заклинати (се)*²⁷⁶. Хотя мы не располагаем достаточными данными, которые позволили бы прийти к достоверному выводу, кажется все-таки вероятным, что глагол *заклинати (се)* в связи с бесприставочным (и анаспектуальным?) *клети (се)* является третьим звеном (т.е. вторичным имперфективом) глагольной тройки, центральную позицию в которой, как и в современном языке, занимает приставочный перфектив *заклети (се)*²⁷⁷. Их распределение, как кажется, нежестко следует похожему критерию, который действует для древне- и старорусской тройки *велѣти*^{П(Н)СВ}/*новелѣти*^{ПСВ}/*новелѣвати*^{ПНСВ} (см. дискуссию в

²⁷³ По данным RHSJ, глагол засвидетельствован уже начиная с XIII века, но не в перформативном контексте. Видовой партнер *uvjeravati*^{НСВ} появляется значительно позже (RHSJ 1880-1976, XX: 184–185).

²⁷⁴ Переносное значение у *predložiti*^{СВ} в RHSJ отмечается, в основном, в примерах, датированных XIX веком, как и у его видového партнера *predlagati*^{НСВ} (RHSJ 1880–1976, XI: 482–483).

²⁷⁵ Та же закономерность у П. Витезовича наблюдается для глагола *prisigati* ‘jugare’, который за счет прибавления рефлексивного маркера приобретает, по мнению автора, более специализированное значение ‘dejugare’ (букв. ‘присягать навскидку’). Интересно также заметить, что в RHSJ глагол *prisigati*^{НСВ} приписывается только чакавским и кайкавским диалектным изоглоссам (RHSJ 1880–1976, XII: 126).

²⁷⁶ Это, однако, не единственные комиссивы, реализующие иллокутивный речевой акт обещания. Частотным в перформативном аористе, особенно в 1-м л. мн. ч., является также (анаспектуальный?) глагол обещания *rotiti se* (см. VITEZOVIĆ 2009: 987 и MIKALJA 2011: 382). По данным RHSJ (RHSJ 1880–1976, XIV: 185–187) глагол, который, вероятно, происходит (при посредничестве древнефранцузского) из немецкого *Rotte* ‘отряд’ и который по сей день встречается во всех славянских языках (кроме болгарского), засвидетельствован в древнештокавских источниках с XIII до начала XVIII века.

²⁷⁷ Хотя Я. Микалья записывает *zakleti (se)* как независимую лексическую единицу (MIKALJA 2011: 522–523), интересным является тот факт, что автор приближает этот глагол по семантике скорее к *prisegnuti*.

§3.4.3.4): вхождения вторичного имперфектива, по всей видимости, со временем учащаются за счет бесприставочного глагола²⁷⁸, как показывают нижеприведенные примеры (147)–(151).

В примере (147) сербский владыка Стефан Первовенчанный присягает на верность дубровницкому князю Дандоло и всему городской коммуне, а в примере (148) приводится отрывок из мирного соглашения между Бориславом Воисиличем и дубровницкой городской коммуной:

(147) *кльну ви се*^{НастПНСВ} . безъ всакога пропадѣства : ѣкорѣ да ви смѣ . приѣтель и моѣ детѣ .
доку сте прави.

‘Обещаю вам без всякого обмана, что мы со своими сыновьями останемся для вас друзьями, пока вы будете верными к нам’

[SSPP 2006, I: 3, № 4 (≈ 1215), сс. 5–6]

(148) азъ бориславъ воисиликъ *кельну сѣ*^{НастПНСВ} вечѣни миръ и любѣ имѣти сѣ дубровѣчаномъ
како ѣ сѣде преписано :

‘Я, Борислав Воисилич, обещаю сохранить мир и согласие с дубровницкой властью, как предписывается здесь’

[SSPP 2006, I: 9, № 11 (1240), сс. 49–51]

Пример (149) представляет собой выдержку из завещания княгини и писательницы Елены Балшич, а пример (150) – отрывок письма князя Лазаря в монастырь Св. Пантелеимона. Отметим в обоих примерах контекстуальное сопричастие экспозитива *молю* наряду с комиссивом *заклинам*:

(149) а шт^о е тисушта дукать у комуна молю и *заклина*^{НастПНСВ} го^дна ми и сина воѣводу [...]
‘А что касается тысячи дукатов в задужбине, молю и даю свою присягу своему господину и сыну воеводы [...]

²⁷⁸ Судя по этим данным, особенно частотными в корпусе писем являются вхождения *клетѣ* (*се*) во множественном числе (с квазиперформативной функцией), которые здесь не приводим из-за нехватки места.

Добавим, что в некоторых случаях обе формы (т.е. бесприставочный глагол и вторичный имперфектив) расположены на близком расстоянии в одном и том же контексте (см. пример 152):

(152) а *ѡ* го^днь ванѣ стефанъ *заклину се*^{НастПНСВ} у свето^е божѣ евангелиѣ и у . дѣ . евангелиста и у . бѣи . апосѣола
и у все мошти светѣ [...] а ми обштина и вси людѣ дубровачци *кльнемо се*^{НастПНСВ} у свето божѣ евангелѣ
[...]
‘Я, господин Стефан, клянусь святым божьим Евангелием, четырьмя евангелистами и двенадцатью апостолами, а также всеми святыми мощами [...] и мы, община и все люди дубровницкие, клянемся святым божьим Евангелием [...]

[SSPP 2006, I: 46, № 52 (1333), сс. 40–42, 45–46]

- (150) И молю и *заклинам*^{НастПНСВ} егоже изволи Бог по мнѣ господствовати . или у суродникъ моих . или ини кто [...]

‘А я молю [того] и присягаю тому, кому Бог разрешит после меня господствовать, кому-нибудь из моих родственников, либо кому-нибудь другому’

(POVLAZ 2015²: 148, сс. 20–21)

Наконец, в примере (151) приводится отрывок письма Селима I дубровницким торговцам, которым султан предоставляет им некоторые привилегии. В этом случае в перформативном контексте также обнаруживается *Наст*^{ПНСВ} *заклинам се*²⁷⁹:

- (151) и више овога нашега писанѣ *заклинам се*^{НастПНСВ}, тако ми родителѣ доше, и тако ми вере, и тако ми сенове глава, заради више речени добровачки кнез и властеле [...]

‘А сверх этого нашего письма я клянусь моим родителем Дошой, и клянусь верою, и клянусь головой сына, ради вышеупомянутого дубровницкого князя и властелинов [...]

[MONSERB 1964: 551, CDLXXVI (1517), сс. 31–32]

²⁷⁹ Заметим, что приставочный глагол *заклети (се)* иногда употребляется в квазиперформативном контексте, хотя исключительно в аористе. Он чаще обнаруживается в конструкциях, в которых входит в оппозицию (бесприставочному) *Наст*^{ПНСВ} *куну се*, тем создавая ощутимый риторический эффект. В следующем примере (153), который представляет собой отрывок письма воеводы Сандалья банице Анце, иллюстрируется как раз такое зеркальное противопоставление в констативном контексте (см. также противопоставление *Наст*^{ПНСВ} *примамь* и *Аор*^{ПНСВ} *примихь*):

- (153) ми воевода Сандаль даемо знати всакому кому се подоба по семь нашемъ листу и прид кога ѡвъ листь приде да примамь и примихь *куну се*^{НастПНСВ} и и (sic!) *заклех се*^{АорПНСВ} богомъ живимъ и всими нега угодници [...]

‘Мы, воевода Сандаль, даем узнать всякому адресованному в этом указе и кому этот указ придет, что я принимаю и принял, клянусь и поклялся живым Богом и всеми его святыми [...]

[SSPP 2006, I: 279, № 298 (1410), сс. 1–4]

Переход из модели презентного спряжения **klīn* (см. реализованные алломорфы *кльн-*, *келн-* и т.д.) к модели *кун-* (которую мы встречаем также в современном сербскохорватском языке) исторически объясняется развитием в южнославянском диалектном ареале слоговых (плавных) согласных *-ьr-* (*-ŷr-*) и *-ьl-* (*-ŷl-*), о котором свидетельствует, с одной стороны, присутствие слогаобразующего [r] в некоторых словах (см. *rt* ‘мыс’, *srce* ‘сердце’, *krv* ‘кровь’ и т.д.), а с другой стороны, ассимиляция [l] в огубленный гласный заднего ряда (верхнего подъема) [u] (см. *vik* ‘волк’, *rik* ‘народ, люди’, *rip* ‘полный’ и т.д.). Интересно заметить, что в вышеприведенном примере (153) «автохтонная» парадигма презентного спряжения (*кун-*) смешивается с окончаниями (церковнославянского происхождения) на *-(j)u/*. В текстах, однако, иногда появляется также другая модель, с южнославянскими окончаниями на *-em/*. Примером может служить следующий отрывок из пасторальной поэмы Дж. Бунича Вучича «*Razgovori pastirski*» («Пасторальные разговоры»):

- (154) San i las rađa obijes, a obijes Juvezan, / Juvezan pak nesvijes da mrziš sebe i stan. / Nu za trud prioni, *kunem se*^{НастПНСВ} tebi ja, / las i san odgoni, Jubav će uteć tja.

‘Сон и лож порождают разнузданность, а разнузданность – Любовь, / а любовь делает самоненависть невозможной. / Ну, возмись за работу, а клянусь я тебе / [она] безделье и сон отгоняет, и Любовь убежит от тебя’

(BUNIĆ VUČIĆ 1971: 141, ss. 95–98)

У других комиссиров наблюдается та же закономерность: они проявляются в перформативном контексте только в Наст^{ПНСВ} (если исключить редкие квазиперформативные вхождения в Аор^{ПНСВ}). Таков, например, случай глагола *obećivati (se)*, который в примерах (155)–(157), взятых из корпуса хартий и писем, приводится в трех (почти) синонимических алломорфических вариантах, т.е. *вбекаваю се*, *обѣтую се* и *обештавам се*:

(155) + Ъ стефанъ вла^дславъ . с помокию бжїѡвъ кра^л все^х рашки^х . змѣ . и диѡклитие . и далмацие . и травуниѣ и захльмиѣ . *вбекаваю се*^{НастПНСВ} вамъ . гостемъ дѣдинѣмъ ми и очинѣмъ [...]

‘Я, Стефан Владислав, с божией помощью король всех Рашских земель, и Дукли и Далмации, и Травунии и Хума, даю свою присягу вам, гостям моих деда и отца’

[SSPP 2006, I: 14, № 15 (1238), сс. 1–3]

(156) кѣлѣна млѣтиѡ бжїѡвъ кралица все српске земле и поморьске *обѣтую се*^{НастПНСВ}: архиепискупу дубровъчькому и кнезу и всои опкинѣ градъскои [...]

‘Я, Елена, милостью божией королева всей сербской земли и всего побережья, даю свою присягу (букв. ‘обещаюсь’) дубровницкому архиепископу, и князю, и всей городской коммуне’

[SSPP 2006, I: 28, № 28 (1267-8), сс. 1–3]

(157) *обештавам* им *се*^{НастПНСВ} бгѣмъ и прѣчѣтомъ бѣомъ и всѣми стѣми . ѡако да имъ овози . все више писанъ но црѣми испльни и сдрѣжи [...]

‘Клянусь Богом, Пречистой Богородицей и всеми святыми, что все, что было написано выше, будет выполнено и сохранено в их церквях’

[SSPP 2006, I: 101, № 99 (1362), сс. 51–53]

По этим примерам становится ясно, что лексические различия между определенными глагольными единицами не всегда являются четкими. В частности, *обештавам се* <*бгѣмъ и прѣчѣтомъ бѣомъ и всѣми стѣми*> в вышеприведенном примере (157) по синтаксическому управлению и лексической устойчивости функционирует похожим образом с глаголом *prisezati* [см. следующий пример (158), который представляет собой мирное соглашение о свободной торговле между боснийским баном Кулином и городской коммуной Дубровника], который мы регулярно встречаем в перформативном контексте в Наст^{ПНСВ}:

(158) У име оца и сына и светогa духа. Ћ бань босьньски Кулинь *присезаю*^{НастПНСВ} тебѣ, кнеже Крѣвашу, и всѣмь граѣмь дубровѣчамь [...]

‘Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Я, боснийский бан Кулин, даю свою присягу (букв. ‘присягаю’) тебе, князь Крваш, и всем дубровницким гражданам’

[MONSERB 1964: 1-2, IV (1189), сс. 1–3]

В других же источниках семантика глагола, как кажется, приближается к другому комиссиву, *jamčiti (se)*, который нам не удалось найти в перформативном контексте²⁸⁰. Интересно заметить, что в примере (159), взятом из «Дяди Мароя», Петруньела обращается к Помету по поводу возможного бракосочетания Уго и Лауры, употребляя не комиссив *jamчим (se)*, а *обећавам <за њу>*²⁸¹:

(159) ПЕТРУЊЕЛА: Пôмо, велика је та! Тко би се тога одвргао? Ја за њу *обећавам*^{НастПНСВ}, она ће то учинит, и толико веће, ер је и она Тудешка.

ПЕТРУЊЕЛА: ‘Очень хорошо, Помо! Кто бы мог отказаться от этого? Я за нее ручаюсь: она это сделает, тем более, что и она Немка’

(Држић 1950: 181)

В текстах не обнаруживается большого числа вхождений других комиссивов в перформативном контексте. В следующем примере (161), взятом из третьего действия «Дяди Мароя», слуга Мароя трактирщик Бокчило обращается к Попиве, употребляя комиссив *припоручивати се*^{ПНСВ} (букв. ‘рекомендовать <себя>’), который имеет только формальные (т.е. морфологические) отношения с омографом-директивом в современном сербскохорватском языке. Интересно, что в диалоге разговаривают два персонажа, которые (предположительно) имеют одинаковый социальный статус:

(161) БОКЧИЛО: Теби *се припоручујем*^{НастПНСВ}. Пôпо, Попива, мој кнеже и господине!

²⁸⁰ В RHSJ (RHSJ 1880–1976, IV: 448) подтверждается, что этот глагол встречается только начиная с XV века, а первое его перформативное вхождение, по данным словаря, приписывается Ю. Даниичу.

²⁸¹ Добавим, что в другом отрывке пьесы (т.е. в диалоге между сыном Мароя, Маро, и его слугой Попивой) появляется в (квази)перформативном контексте глагол ПСВ *обећати* в своем первичном значении. Фрагмент интересен не только потому, что является примером таких перформативных высказываний, описанных Р. Экхардт (см. §2.2.1.2), в которых подлежащее предложения (здесь Лаура) не совпадает с автором высказывания (здесь Попива), но и потому, что в контексте, что не удивительно, употребляется Фут^{ПСВ}:

(160) ПОПИВА: Сињора *ће све обећам*^{ФутПНСВ}. Гди је Жудио?
ПОПИВА: ‘Госпожа все пообещает. Где находится тот Еврей?’

(Држић 1950: 142)

БОКЧИЛО: ‘Я себя доверяю тебе, Попо, Попива, князь мой, господин!’

(Држиг 1950: 117)

Подводя итоги, если оставить в стороне пример (160) (см. сноску 281), для комиссивов наблюдается та же закономерность, что и для других классов перформативов: они проявляются почти всегда в Наст^{ПНСВ}, намного реже (причем исключительно в квазиперформативной функции в официальных документах) в форме аориста (точнее, в Аор^{ПСВ}) с перфектной функцией. Ни През^{ПСВ}, ни (практически) Фут^{ПСВ} не участвуют в этой двухсторонней видовой оппозиции.

3.4.3.3.2. Квазиперформативные комиссивы

В группу квазиперформативных комиссивов сначала вошли глагольные пары *kupovati/kúpiti*²⁸² (VITEZOVIĆ 2009: 415; MIKALJA 2011: 164) и *prodavati/prodati* (VITEZOVIĆ 2009: 906–907; MIKALJA 2011: 348).

Хотя эти глаголы не раз появляются в источниках, они никогда не употребляются в квазиперформативном контексте. Частичным исключением являются вхождения таких глаголов в Аор^{ПСВ}, как в примере (162), который представляет собой соглашение между деспотом Стефаном и Бенком (Венедиктом) Гундуличем о заеме рудничного места для взимания налогов:

(162) + **ia** г^днь деспоть стефанъ *продадохъ*^{АорПСВ} прѣну рудничку бенку и брату му федеригу .

за годиште за шесть сать литъ^р сребра

‘Я, господин деспот Стефан, продал за шестьсот литров серебра Бенку и его брату Федеригу годовые права на использование рудничного места и взимание налогов’

[SSPP 2006, I: 231, № 240 (1423), сс. 6–7]

3.4.3.4. Директивы

В группу директивов сначала вошли следующие глаголы:

moliti (se) (VITEZOVIĆ 2009: 499–500)

²⁸² Заметим, что в словаре Я. Микальи указывается на (краткое восходящее) ударение, чтобы отличить *kúpiti* ‘купить’ от *kŭpiti* (с кратким нисходящим ударением) ‘собирать’. В современном сербскохорватском языке такие ударения сохранили свою различительную функцию.

moliti (MIKALJA 2011: 193)
zabranjivati (/zabranjevati)/zabraniti (VITEZOVIĆ 2009: 1318) zabraniti (/ zabaviti, ne dati) (MIKALJA 2011: 517)
naredati/narediti (VITEZOVIĆ 2009: 554) narediti (/zapovjediti) (MIKALJA 2011: 211)
umoliti (VITEZOVIĆ 2009: 1229) umoliti (/ ispratiti) (MIKALJA 2011: 476)
pozivati/pozvati (VITEZOVIĆ 2009: 838, 840) pozvati <na pravdu (/ na sud)> (MIKALJA 2011: 326)

Таблица 8. Древнештокавские директивы.

Как и предполагалось (см. §3.4.3.2), в подавляющем большинстве случаев директивы в перформативном контексте представляют собой глагол *moliti* (*moliti se*) и, в значительно меньшей степени, его квазисиноним *prositi*²⁸³. Это положение дел перекликается с картиной древне- и старорусского языков, в которых, как уже говорилось в предыдущем параграфе (см. §3.3.2.4), в перформативном контексте мы встречаем «общие» (т.е. неспециализированные) директивы *просити*^{ПНСВ}, *велѣти*^{П(Н)СВ} и *молити*^{ПНСВ} (*молитися*^{ПНСВ}) (см. дальше §3.5).

Мы уже видели, что в общей семантике глаголов *moliti* и *moliti se* выделяется значение ‘supplicare’ (VITEZOVIĆ 2009: 499–500): более специализированный глагол *umoliti*, точно как в древне- и старорусском языках, в самом деле существует, хотя ни разу не обнаруживается в

²⁸³ Напомним, что глагол *prositi*^{НСВ} выжил в современном сербскохорватском языке, но только в более специализированном значении, соответствующем русской коллокации ‘просить <милостыню>’. Общеславянское значение ‘обращаться к кому-либо с просьбой’ в сербскохорватском континууме сохранилось только в некоторых диалектных изоглоссах.

С другой стороны, нам не удалось найти перформативных вхождений глагола *prašati*^{НСВ}, который в современном сербскохорватском языке (где он, однако, давно вытеснен на периферию узуса) является синонимом (значительно более частотного) квазиперформативного глагола *pitati*^{НСВ} ‘спрашивать’. По данным RHSJ (RHSJ 1880–1976, XI: 374–375) глагол *prašati*^{НСВ} (с долгим восходящим ударением) может быть равнозначным как глаголу *moliti*^{НСВ}, так и глаголу *pitati*^{НСВ}, но является характерен только для дубровацкого говора XV–XVIII вв. На самом деле, в древнештокавских источниках не только этот глагол обнаруживается вне перформативного контекста. Встречается также большое количество таких специализированных глагольных форм, образованных преимущественно путем префиксации бесприставочных глаголов и суффиксации приставочных. Среди примеров можно упомянуть следующие глаголы: *zaprošiti*^{СВ}, по всей вероятности, видовой партнер *prositi*^{НСВ} (RHSJ 1880–1976, XXII: 326: в лексиконе П. Витезовича глагол определяется как ‘apposcere, deposcere’, см. VITEZOVIĆ 2009: 1323); менее распространенный *poprositi*^{СВ} ‘zamoliti’ (RHSJ 1880–1976, X: 823); *uprositi*^{СВ}, который образует вторичный имперфектив *uprašati*^{НСВ} и у которого первичные значения – ‘upitati, zaripati’ с одной стороны, а с другой ‘umoliti, izmoliti’. Вторичный имперфектив часто встречается в таких устойчивых коллокациях, как *moliti i uprašati*, *iskati i uprašati* (RHSJ 1880–1976, XIX: 730–731, 767–768). Интересно, что в лексиконе П. Витезовича засвидетельствован глагол *uprositi*^{НСВ} ‘exorare, expetere’, но не *uprašati*^{ПНСВ} (VITEZOVIĆ 2009: 1234), а в лексиконе Я. Микальи наоборот (со значением ‘interrogare’, см. MIKALJA 2011: 478).

Похожую картину мы встречаем в древне- и старорусском языках. Судя по данным, обсужденным в BIASIO 2019: 202–207 (см. дискуссию в §3.1), в древне- и старорусском языках глагол *прашати*^{ПНСВ}, который, как кажется, образуется от бесприставочного *просити*^{ПНСВ} путем удлинения корневого гласного и суффикса, формально отождествляющегося с имперфективирующим суффиксом, употребленным в целях образования вторичных имперфективов от приставочных (ПСВ) глаголов, функционирует так же, как и современный многократный способ действия (Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015: 128–129).

перформативном контексте²⁸⁴. В лексиконе Я. Микальи у глагола *umoliti* зафиксированы значения ‘impetrare’, букв. ‘получать, раздобывать’, и ‘exorare’, которое обнаруживается также в лексиконе П. Витезовича. Что касается других директивов, они в лексиконах засвидетельствованы, но в их определениях существуют некоторые различия. Например, в то время как у Я. Микальи не приводится видовой партнер глагола *zabraniti*²⁸⁵, у П. Витезовича их два, но каждый связан с отдельным перформативным значением: по мнению автора у глагола *zabranjivati* первичное значение – ‘vetare’ (‘накладывать <вето>’), а у *zabranjevat* – ‘interdicere’ (‘запрещать’).

Кроме того, в лексиконе Я. Микальи глагол *narediti* ‘instituire’ остается непарным (записан глагол *naređivati*, но только со значением ‘administrare’, см. MIKALJA 2011: 211), в то время как у П. Витезовича видовой партнер *narediti* образован при помощи другого имперфективирующего суффикса *-ja-* (*naređati*).

Похожим образом в лексиконе Я. Микальи глагольная единица *pozvati* засвидетельствована не самостоятельно, но только в коллокации *pozvati <na pravdu>*, *<na sud>* ‘вызвать <при мэре, подесте>, засудить’, в то же время в лексиконе П. Витезовича у глагола *pozvati* с видовым партнером (предположительно ПНСВ) *pozivati* зафиксировано также значение ‘invitare’.

Напомним наконец, что ради полноты и репрезентативности данных к этому списку мы добавили также директивы *povelěvati*, *zapovědati* и *tužiti*, которые перечисляются в ПАВЛОВИЋ 2000: 765²⁸⁶.

Директивы *moliti* и *moliti se* следуют одной и той же закономерности, которая отмечается в их экспозитивных употреблениях. В частности, они проявляются в перформативном контексте исключительно в Наст^{ПНСВ}, вне зависимости от присутствия каких-либо формальных и/или функциональных дополнительных параметров. В примере (163) приводится отрывок письма патриарха Спиридона, подтверждающего пожертвование владельца Лазаря в пользу монастыря Святой Троицы в селе Ждрело (заметим контекстуальное присутствие другого директива *запрѣшитаю* в Наст^{ПНСВ}):

²⁸⁴ В RSHJ подтверждается, что глагол появляется уже в XIII веке, хотя и не в перформативном контексте. Видовой партнер *umoljavati*^{ПНСВ} засвидетельствован только в RSHJ, хотя его первое перформативное вхождение, как кажется, восходит к 1835 году (RSHJ 1880–1976, XIX: 606–607).

²⁸⁵ Однако засвидетельствована коллокация с глаголом ПНСВ *zabranjivati/zabranjevat* *zapov(i)jed koja zabranjuje* ‘перехват, запрещение’ (MIKALJA 2011: 517). Добавим, что в текстах иногда встречается в перформативном контексте («неавтохтонный») вариант *zaprěštati*, который мы уже упоминали при анализе экспозитивов в §3.4.3.2.

²⁸⁶ В список перформативных глаголов, перечисленных в статье С. Павловича, входит также глагол *prěporučevati*, который, однако, как мы видели в примере (161), не равнозначен современной паре директивов *preporučivati*^{ПНСВ}/*preporučiti*^{СВ}. Скорее его уместно отнести к классу древнештокавских комиссивов.

(163) и в сихъ *молю*^{НастПНСВ}, *запрѣштаю*^{НастПНСВ} духовною властью, *пакже* в выше реченыхъ, симъ непотвореномъ быти

‘И об этом я прошу и запрещаю духовной властью, чтобы этим [письмом] никто ничего не изменил из вышесказанного’

[MONSERB 1964: 214, CC (1376-1389), cc. 57–59]

В примере (164) приводится отрывок письма Стефана Лазаревича Высокого, подтверждающего действенность документов своих преемников:

(164) и *млю*^{НастПНСВ} его^ж изволи^тбѣ по мнѣ бити гнѣ земли сръбскви . или кого *в*^д снѣозь моихъ, или од рода г^спо^дства ми [...]

‘Я тоже прошу у того, кому Бог разрешит господствовать после меня над сербской землей, пусть он будет одним из моих сыновей или кем-либо из моей семьи’

[SSPP 2006, I: 203, № 212 (1405), cc. 89–90]

В примере (165) цитируется диалог «Дяди Мароя» между капитаном корабля Дживулином и двоюродным братом Перы (т.е. невесты Маро), Дживо:

(165) ЦИВО: Цивулине, *молим*^{НастПНСВ} те да се нађемо, кад оправиш, пак око овизијех овди воштарија.

ДЖИВО: ‘Дживулин, прошу тебя, когда ты разберешься в твоих вещах, давай мы встретимся, а может быть в одном из таких кабаков’

(Држић 1950: 70)

Наконец, в примере (166) приводится секстина из поэмы Ю. Палмотича, а в примере (167) – пассаж из второй части шестьдесят первой молитвы М. Дивковича:

(166) I vas ribe, morske zvijeri, / ovdi, *molim*^{НастПНСВ}, skupite se, / ter me drpi svaka i oderi, / moje krvi sitite se, / koliko je vama dosti, / a ostavte samo kosti. (*Koliko ‘e svak deržan mjestu rodnomu*, Junije Palmotić)

‘А я вас, рыбы, морские звери / прошу сюда сплыться, / пока каждая из вас меня не разорвет и растерзает, / насытитесь моей крови / пока вам не станет достаточно / а потом оставьте только кости’

(ADL 1960: 227, ss. 667–672)

(167) Po Luci na 10. [pog.] veli Bog Svemogući: „Tko vas sluša, mene sluša.” To jest, što vas mole počteni pripovijedaoci da se obratite i pokajete, to vas ja isti *molim*^{НастПНСВ}.

‘По Евангелию от Луки, 10. Так говорит Бог Всемогущий: «Слушающий вас Меня слушает», то есть, то, что у вас просят почтенные пророки, чтобы вы превратились и покалялись, я тоже у вас прошу’

(Divković 2016: 744)

Употреблений глагола *prositi*^{ПНСВ} в текстах слишком мало, чтобы сделать точные выводы о его семантических свойствах и о его синтаксическом распределении²⁸⁷. Можно все же ограничиться общим замечанием о том, что, как показано в примере (168) (письмо Стефана Твртко об отправке посланника в целях взимания налога с населенного пункта Стон), функциональное поле директива *prositi* во многом совпадает с полем директива *moliti* (подчеркнем, что в данном примере иллюстрируется употребление экспозитивного *moliti*). Вдобавок, не наблюдается и отклонение от видовременного маркирования *moliti*:

(168) зато мѣю васъ и *прошу*^{НастПНСВ} да му дасте ѡнъ нашъ дохотькъ кои ни даѣте о всакомъ дмитроку (sic!) днѣвъ и бгѣ буди съ вами

‘По этим причинам молю вас и прошу, чтобы вы ему [посланнику] дали тот наш доход, который даете нам в каждый Дмитров день. Пусть Бог будет с вами’

[SSPP 2006, I: 86, № 86 (1387), сс. 4–5]

В области иллокутивных директивных актов приказа, хотя частотность эксплицитных перформативов остается низкой, можно наблюдать некоторую лексическую вариативность, большую по сравнению с данными древне- и старорусского языков. В примере (169), в котором появляется глагол *повелевамь*^{НастПНСВ}, приводится отрывок письма зетского господаря Балши II Балшича дубровчанам, подтверждающего действенность предыдущих документов деспота Стефана Лазаревича Высокого и отца Балши I (отметим контекстуальное присутствие квазиперформативной декларации в Наст^{ПНСВ} *пишу*):

(169) + **И** Балша милѣти бжѣимъ дука драчки и оште . имамъ хотение пишу и *повелевамь*^{НастПНСВ} да еѣтъ въ свѣдѣние всакому чловеку како доге къ мнѣ поклиѣарь [...]

²⁸⁷ Даже в RHSJ глаголы считаются синонимами: приводятся некоторые примеры из источников нештокавского происхождения (напр. *Monumenta croatica*), в которых оба употребляются в перформативном контексте, см. напр. *Zato molim*^{НастПНСВ} *i prosim*^{НастПНСВ} *vsih, ki budu va te knige šteli* ‘Так молю и прошу всех, кто будет читать те книги’ (RSHJ 1880–1976, VI: 916).

‘Я, Балша, милостью божьей герцог Дурреса и далее, так пишу и приказываю, чтобы каждый человек узнал (букв. ‘чтобы у каждого человека было в знании’), что ко мне наведася посланник [...]’

[SSPP 2006, I: 109, № 113 (1385), сс. 1–3]

В примере (170), в котором появляется глагол *заповедамъ*^{НастПНСВ}, цитируется пассаж буллы султана Мехмеда II по поводу получения хараджа (т.е. государственного налога для иноверцев) в размере 5000 дукатов:

- (170) м^лѣтију бжиw^м. ја велики гпда^р и вели^ками^ра су^лта^н мухаметь такw^и *заповедамъ*^{НастПНСВ} велети и знати в^сако^му члв^ку малw^му и го^лемом^у и у всемъ краишни^{ком} [...] ‘Я, милостью божьей великий государь и эмир Мехмед, так приказываю, чтобы каждый человек, скромный и великий, во всех окраинах узнал [...]’

[SSPP 2006, II: 246, № 831 (1469), сс. 1–3]

Пример (171), в котором появляется глагол *naređujem*^{НастПНСВ}, взят из третьей части пятьдесят восьмой беседы М. Дивковича, в которой он ссылается на слова Христа:

- (171) Po Luci na 22. pog. Isukrst: „Ja *naređujem*^{НастПНСВ} vam kako je naredio meni Otac moj, kraljevstvo da blagujete i pijete svrhu trpeze moje u kraljevstvu momu.” ‘По Евангелию от Луки, 22. Иисус Христос: «Я приказываю вам как мне приказал мой Отец, чтобы вы ели и пили за моей трапезой в моем царстве»’

(DIVKOVIĆ 2016: 715)

По поводу видовой пары директивов *naređati* (/ *naređivati*)^{ПНСВ}/*naređiti*^{ПСВ} стоит добавить, что в фрагменте народного рассказа *За што у људи није табан раван?* («Почему у людей подошва не прямая?»), приведенном в примере (172), в квазиперформативном контексте, как кажется, появляется Фут^{ПСВ} *ћу naređити*. Контекст толкуется неоднозначно, ведь автор высказывания (сам Бог), который совпадает с субъектом предложения, мог бы проще выразить свое намерение осуществить событие, которое находится под его контролем и которое локализовано в неопределенном будущем²⁸⁸. Важно, что, по мнению информантов, перформативное толкование не исключено:

²⁸⁸ Проблема дальше усугубляется, если принять во внимание особый тип директивного перформатива, который во всех славянских языках в перформативном контексте по правилу проявляется только в Наст^{НСВ}, что связано, вероятно, с прагматико-конверсационными причинами (см. сноску 177).

(172) А Бог му рече: -Ћути, не бој се; ја *ћу наредити*^{ФутПСВ} да сви људи имају тако на табану као малу долину.

‘Но Бог ему сказал: «Молчи, не бойся: я приказываю (/ прикажу?), чтобы у всех людей была прямо на подошве маленькая кривизна’

(Вук 2017: 147)

Это, однако, является единственным исключением в группе директивов, что, конечно, заслуживает внимания, но одновременно настораживает. В случае других (редких) директивов в перформативном контексте, на самом деле, закономерность сохраняется неизменной. В примере (173), в котором употребляется бесприставочный глагол *пуштаю*^{НастПНСВ}, приводится отрывок из переписки между жителями Дубровника и Стефаном Лазаревичем Высоким:

(173) и такогѣ и^хъ слобод^но изъ ни^хъ землѣ *пуштаю*^{НастПНСВ} скупивыши своеѣ иманье [...]

‘Тех, собравших свое имущество, я свободно отпускаю из их территорий’

[SSPP 2006, I: 224, № 232 (1417), сс. 30–31]

Наконец, в примере (174), в котором употребляется вторичный имперфектив *dopuštam*^{НастПНСВ}, цитируется пассаж из двадцать второй беседы М. Дивковича:

(174) Veli, evo je u ruci tvojoj, to jest, evo ti dajem i *dopuštam*^{НастПНСВ} da ga možeš napastovati, ne da ga možeš umoriti i život mu uzeti, zašto nikada Gospodin Bog ne dopušta svojije[h] sluga sasvijem u oblast djavaosku, nego samo koliko vidi Bog da je čovjeku korisnije i napretčanije za spasen’je.

‘[Он] говорит: вот он у тебя в руках. Значит, я тебе это даю и разрешаю его заманить, а не утомить, не отнять у него жизнь, ведь Господин Бог никогда не пускает свою прислугу полностью проникнуть в дьявольские края, а только в той степени, в какой сам Бог считает, что человеку будет полезнее ради спасения’

(DİVKOVIĆ 2016: 318)

3.5. К решению некоторых исследовательских вопросов

В этом разделе мы уделим внимание нескольким пока не решенным вопросам, уже поднятым и рассмотренным при сопоставительном анализе экспозитивов (§3.3.2.2, §3.4.3.2) и

директивов (§3.3.2.4, §3.4.3.4). Мы постараемся предложить подходящее решение, опираясь прежде всего на аргументы прагматико-конверсационного характера.

В вышеуказанных параграфах мы задавались следующими вопросами:

- 1) Почему, несмотря на общую лексическую вариативность экспозитивов и директивов в констативных высказываниях в древне- и старорусских и в древнештокавских источниках, в перформативном контексте выбор в значительной степени ограничен одними и теми же лексическими единицами?
- 2) Почему в перформативном контексте в древне- и старорусских источниках формы НП^{ПСВ} не являются приемлемой альтернативой формам Наст^{ПНСВ}, в отличие от современного языка?
- 3) Почему в перформативном контексте в древнештокавских источниках почти не встречаются случаи перформативного Фут^{ПСВ}?

Что касается первого вопроса, объяснить причины этой тенденции, обойдясь без количественного анализа диахронических данных, трудно. Однако можно выдвинуть предположение о том, что на такую общую лексическую недифференцированность в перформативном контексте может влиять отсутствие возможности определения высказывания со стороны говорящего (“the speaker’s act of defining the category of the utterance” по определению, предложенному в ESKARDT 2012: 47; см. §2.3). Исторические причины этого отсутствия будут обсуждаться ниже. Пока же заметим, что из этой предпосылки естественно вытекает гипотеза о том, что, если говорящий не может определить категорию своего высказывания (т.е. если не может сообщить своему собеседнику, что он хочет, чтобы его высказывание было напр. приказом, обещанием, просьбой и т.д.), эта прагматическая дефектность обуславливает невозможность перформативного употребления данного предиката.

Прямую зависимость между лексической специфичностью предиката и возможностью его употребления в перформативном контексте (т.е. чем лексически специфичнее предикат, тем менее вероятно его перформативное употребление) можно объяснить следующим образом. Предположим, что на древних этапах исторического развития современных русского и сербскохорватского языков участник речевого акта не мог определить категорию своего высказывания, если иллокутивный акт носил слишком специфичный (прагматический, т.е. информативный, и семантический) характер²⁸⁹.

²⁸⁹ Можно также выдвинуть гипотезу о том, что такое ограничение вызвал тот факт, что большинство древних экспозитивов и директивов в перформативном контексте нарушали грайсовскую максиму количества информации («Изложи не больше информации, чем требуется» – т.е. при отсутствии акта категориального

Разумеется, это важное расхождение по сравнению с современными языками, в которых, наоборот, экспозитивные и директивные иллокутивные акты могут быть реализованы большим количеством разных лексических единиц. Это расхождение можно объяснить двумя причинами. Во-первых, прагматическую невозможность употребления определенных лексических единиц в перформативном контексте мог вызывать некоторый принцип прагматической «неответственности» говорящего за более конкретное пропозициональное содержание своего высказывания (мы его будем называть *принципом неответственности*). Иными словами, говорящий не был обязан раскрывать перед своим собеседником характер своего высказывания.

В некотором смысле, однако, такое объяснение оказывается обтекаемым. Откуда мог возникнуть такой принцип неответственности?

В пользу нашей гипотезы выступает второй аргумент, который одновременно является возможным ответом на второй вопрос. В частности, совсем верно, что в то время статус участников в событии речевого акта (т.е. совокупность таких лингвистических и внелингвистических параметров, как социальное положение собеседников, межличностные отношения власти между ними, а также собственные коммуникативные цели и принятые участниками паралингвистические стратегии) еще не был лингвистически релевантен, вероятно, из-за отсутствия соответствующих (и подходящих) культурных правил и норм, *de facto* устанавливающих такой статус²⁹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что последовательное расширение видовременных противопоставлений в перформативном контексте и кодирование прагматико-конversationных отношений на формальном уровне, в зависимости от того или иного славянского языка (см. уже обсужденную схему в ВИМЕР 2014), могло допустить в значительной степени развитие таких норм. В то же время, распространились к новым общественным слоям основы речевого этикета, отображающего новые властные отношения в обществе (см. дискуссию в §3.1), что могло привести к возникновению акта определения высказывания (т.е. к расширению возможных контекстов, подходящих к настоящему перформативному толкованию). Если учитывать, что развитие всех этих параметров могло осуществиться только при постоянной грамматикализации видовой системы, на протяжении

определения высказывания они вносили в контекст слишком много информации). Это, конечно, не исключается возможность другого объяснения, которое принимает во внимание факторы и практики более культурного характера (см. дальше).

²⁹⁰ Заметим вскользь, что действенность принципа неответственности, наряду с отсутствием акта определения высказывания и неопределенностью статуса собеседников могут объяснять, среди прочего, отсутствие в древних источниках таких словарных статей как, например, совр. рус. декларации *увольнять*^{НСВ}/*уволить*^{СВ} и с-х. *otpuštati*^{НСВ}/*otpuštiti*^{СВ}, употребление которых (разумеется, в современном смысле слова) требует не только особой коммуникативной ситуации, но и определенного социального статуса у участников (см. §3.2).

длительного периода времени, тогда становится яснее, почему на ранних этапах исторического развития каждого языка систематическое видовременное противопоставление в перформативном контексте не может представлять собой надежную альтернативу.

Наконец, чтобы ответить на *третий вопрос*, т.е. почему в древнештокавских источниках Фут^{ПСВ} в перформативном контексте практически не появляется, необходимо в первую очередь рассмотреть формальные способы выражения будущего времени в историческом развитии сербскохорватского континуума²⁹¹. В своей статье (Грковић-Мелдор 2012) Я. Гркович-Мейджор замечает, что в древнештокавских письменных памятниках сербского происхождения, созданных между XII и XV веками, доминирующей в области выражения будущего времени является уже волитивная конструкция, грамматикализация которой, однако, осуществляется только в течение XIV века²⁹². Таким образом в древнештокавских письменных памятниках принимается формальная стратегия выражения будущего времени, которая является морфосемантически маркированной и значительно отличается от присутствующих в других славянских языках стратегий (напр. от восточнославянских граммем аспектуального будущего или от перифрастических конструкций с глаголом *быть*). При наличии уже в ранний период грамматического ограничения на самостоятельное употребление През^{ПСВ} в главных предложениях можно предположить, что исходный волитивный характер новообразованного футурума²⁹³ подвергался существенному воздействию со стороны общего принципа ответственности. Иными словами, вероятно, что футурум в древнештокавском языке вносил в контекст слишком много информации, которая не соответствовала чисто перформативному характеру высказывания (т.е. она делала контекст семантически насыщенным). Это замечание вероятно указывает на то, что волитивный сербскохорватский футурум в перформативном контексте, по крайней мере в некоторых контекстах, не всегда ограничивается чистым отражением видовременных отношений (т.е. не является «чистым» футурумом, не приписывает перформативному высказыванию футуральную ориентацию), а может допускать проявление на морфосинтаксическом уровне

²⁹¹ Из-за нехватки места сосредоточимся только на древнештокавских диалектных ареалах.

²⁹² Что касается форм През^{ПСВ}, автор замечает, что они никогда не появляются самостоятельно в главных предложениях (т.е. парадокс перфектного презенса накладывает грамматические ограничения на языковую систему древнештокавского языка) (Грковић-Мелдор 2012: 87). Другие перифрастические конструкции (напр. *начети*, *учети* + инф.^{ПНСВ}, *јети* + инф.^{ПНСВ}) появляются реже и характеризуются географически ограниченным распространением. Наконец, конструкция (церковнославянского происхождения) *имати* + инф.^{ПСВ/ПНСВ}, как кажется, специально используется как маркер гипотетичности в подчинительных конструкциях и только в документах дубровницкого происхождения появляется в главных предложениях (Грковић-Мелдор 2012: 93–95).

²⁹³ К слову, исходный волитивный характер сербскохорватского будущего все же сохраняется в современном языке, особенно в контекстах отрицательной полярности: см. двойное толкование предложения *Neću <to <da radim>>* ('Я этого не сделаю / не хочу делать'). О статусе футурума в сербскохорватском языке см., в частности, Волводић 2018а: 108–129.

сети других (прагматических) параметров, которые мы постараемся рассмотреть в дальнейшем (§5.3–§5.4).

По этому поводу интересно заглянуть, в конечном счете, в языковую картину трех вариантов молизско-славянского микроязыка²⁹⁴, на которых по сей день говорят в итальянских поселках Круч (на итальянском Acquaviva Collecroce), Филич (на итальянском San Felice del Molise) и Мундимитар (на итальянском Montemitro). Как известно, все эти варианты молизско-славянского микроязыка до начала XVI века принадлежали к сербскохорватскому диалектному континууму, а точнее, представляли собой смешанную группу чакавско- и штокавско-икавских наречий, на которых говорили славяне, тогда проживавшие вдоль Далматинского побережья между реками Цетина и Неретва (REŠETAR 1997 [1911]: 55). Будущее время в молизско-славянских говорах как раз выражается конструкцией, формально отождествляющейся с волитивной конструкцией современного сербскохорватского континуума²⁹⁵.

Хотя сербскохорватский языковой континуум уже давно не имеет никакого влияния на внутреннее развитие систем молизско-славянского микроязыка, анализ показывает, что видовременное маркирование перформативов, за частичным исключением экспозитивов²⁹⁶, как раз демонстрирует закономерность, которую мы встречаем в древнештокавских источниках (все эти примеры зафиксированы в речи носителей говора Круча). В примере (175) приводится отрывок из сказки *Il gatto con gli stivali* («Кот в сапогах»), в котором обнаруживается декларация в Наст^{НCB} *ostavlam* ‘оставляю’, ‘предназначаю’:

(175) [...] prvomu sinu *ostavlam*^{НастНCB} malen, drugomu *ostavlam*^{НастНCB} tovar e nazeñemu mačku.

‘Первому своему сыну я оставляю мельницу, второму осла, а младшему кошку’

(Круч; REŠETAR 1997 [1911]: 174)

В примере (176) встречаем комиссив в Наст^{НCB} *primičivam* (‘обещаю’: соответствующий глагол СВ – *primitit*, вероятно, из ит. *promettere* при возможном посредничестве молизского диалекта):

²⁹⁴ См. более подробно об этом БИАЗИО 2020А.

²⁹⁵ Нужно добавить, что волитивное будущее часто обнаруживается в языках мира и, по всей видимости, представляет собой языковую универсалию (ВУБЕЕ, ДАНЛ 1989).

²⁹⁶ Что касается экспозитивов, их можно безразлично обнаружить как в Наст^{НCB}, так и в Фут^{СВ} (также в парентетических конструкциях), но неясно, насколько ситуация абсолютного языкового контакта с итальянским (не говоря о молизском диалекте) могла повлиять на видовременное маркирование таких форм. По этим причинам анализ экспозитивов здесь отведен в сторону.

(176) *Ti primičivam*^{Наст^{НСВ}} ka ono ka mi govoraš si držim za mena.

‘Я тебе обещаю, что буду в себе держать то, что будешь мне говорить’

(Круч: Вальтер Брой, личное сообщение)

В примере (177) говорящий пересказывает события *Притчи о блудном сыне*, употребляя при этом директив в Наст^{НСВ} *prosim* ‘прошу’:

(177) [...] *ti prosim*^{Наст^{НСВ}} ka mam do ja sta jopa s teбом.

‘Я прошу тебя, чтобы я мог вернуться и вновь остаться с тобой’

(Круч: <https://doi.org/10.24397/pangloss-0000747#S38>)

Независимое от древнештокавских результатов отсутствие перформативных форм Фут^{СВ} в молизско-славянском микроязыке является важным показателем того, что, с одной стороны, такое ограничение не является обязательно вызванным влиянием сербскохорватского континуума (в случае молизско-славянского языка, на самом деле, такие говоры уже целыми веками находятся в ситуации полного языкового контакта исключительно с романскими языками), а с другой стороны, что в целях правильного лицензирования таких форм необходимо особое синтаксическо-прагматическое окружение, которое мы начнем исследовать в следующих двух главах (§4, §5).

3.6. Итоги

В этой главе мы представили анализ видовременных свойств четырех классов эксплицитных перформативов в древне- и старорусском и древнештокавском языках.

В первом разделе первой части (§3.1) мы рассмотрели предыдущие исследования, посвященные проблеме видовременного маркирования эксплицитных перформативов на древних этапах славянских языков. В перформативном контексте дефолтной видовременной формой является Наст^{ПНСВ}. В случае квазиперформативных глаголов наблюдается широкое распространение Прет^{ПНСВ} в характерной функции «эпистолярного прошедшего времени».

Несмотря на тот факт, что НП^{ПНСВ}/През^{ПНСВ} появляется только в ограниченном числе случаев и в связи с ограниченным количеством предикатов, есть основания считать НП/През^{ПНСВ} не периферийной и необычной, а наоборот исходной общеславянской перформативной формой, которая в каждом славянском языке была последовательно утрачена в большей или меньшей степени (это случилось в разных языках по грамматическим и/или

семантическим причинам). В параграфе §3.1.1 приводились четыре возможных аргумента в пользу этой гипотезы, а точнее: 1) раннее датирование Брижинских памятников; 2) существование в сербскохорватском континууме (возможно, реликтовых) оскорбительно-метонимических перформативов; 3) «сужение» функций произошедшего от общеславянского «общего вида» СВ в процессе грамматикализации славянского глагольного вида (Маслов 2004); 4) намного большее распространение перформативов в НП^{СВ} в различных современных славянских языках, отмеченных в предыдущих исследованиях (к этому факту мы вернемся в продолжение следующей главы, а точнее, в §4.1), особенно в западославянских, но также в современном русском языке.

Во втором разделе (§3.2) обсуждались некоторые проблемы диахронического анализа, в том числе сложность точного определения коммуникативных ситуаций, отраженных в текстах (такую проблему стараются решить, хотя не всегда успешно, т.н. прагмафилологические исследования); частичное (грамматическое и/или лексическое) соответствие между глагольными единицами на современных и древних этапах нами проанализированных славянских языков; ограниченность исторических словарей и электронных ресурсов для древнештокавских источников.

Третий раздел (§3.3) посвящен древне- и старорусскому языкам. После описания древне- и старорусских источников (§3.3.1) был проведен анализ древне- и старорусских перформативов по четырехсторонней таксономии (§3.3.2). Обсуждались по очереди декларации (§3.3.2.1), экспозитивы (§3.3.2.2), перформативные (§3.3.2.3.1), квазиперформативные (§3.3.2.3.2) комиссивы и директивы (§3.3.2.4). В контрастивных целях приводились также некоторые вхождения делокутивов и квазиперформативных деклараций (тоже в §3.3.2.1). Анализ показал, что, за частичным исключением экспозитивов, в древне- и старорусском языках эксплицитные перформативы регулярно проявляются в Наст^{ПНСВ}. Квазиперформативные же декларации могут проявляться в Прет^{ПНСВ}. О редких исключениях (напр. некоторые квазиперформативные декларации в НП^{ПНСВ}) трудно сказать что-либо определенное, поскольку они не подчиняются ни одной установленной закономерности. Как кажется, на видовое маркирование перформативов не влияют никакие особые параметры морфосинтаксического или прагматико-коммуникативного характера.

По поводу экспозитивов и директивов интересно заметить, что, несмотря на их большую лексическую вариативность в констативных высказываниях, в перформативном контексте в подавляющем большинстве случаев появляются одни и те же глаголы: экспозитивы *сказати*^{ПНСВ} и *молити*^{ПНСВ} (*молитися*^{ПНСВ}), с одной стороны, и директивы *просити*^{ПНСВ}, *велѣти*^{П(Н)СВ} и *молити*^{ПНСВ} (*молитися*^{ПНСВ}), с другой. Что еще интереснее, в случае

экспозитивов можно наблюдать связь лексической недифференцированности предикатов (т.е. нейтрализацию их лексических особенностей в более общей семантике ‘акта говорения’) с их возможным проявлением в перформативном контексте в НП^{ПН^{СВ}} [см. случай глагольной пары *извъщати(ся)*^{ПН^{СВ}}/*извъстити(ся)*^{П^{СВ}}].

Четвертый раздел (§3.4) посвящен древнештокавскому языку. В первом параграфе раздела (§3.4.1) обсуждался ряд исторических вопросов, связанных в первую очередь с определением и названием языка (точнее, языкового диалектного континуума), на котором говорили южнославянские народы на территориях нынешних южнославянских самостоятельных республик между XI и XVIII веками. Приведены аргументы в пользу употребления более нейтрального термина «древнештокавский», за счет которого признается исторический характер языка, его существенное единство, а также его наднациональный характер.

После описания древнештокавских памятников (§3.4.2) в третьем параграфе раздела (§3.4.3) мы проанализировали древнештокавские перформативы, подразделяя их на декларации (§3.4.3.1), экспозитивы (§3.4.3.2), перформативные (§3.4.3.3.1) и квазиперформативные (§3.4.3.3.2) комиссивы и директивы (§3.4.3.4). В контрастивных целях приводились также некоторые вхождения делокутивов и квазиперформативных деклараций (тоже в §3.4.3.1). Та же картина, которую встречаем для древне- и старорусских данных, складывается и для древнештокавских перформативов, которые регулярно проявляются в Наст^{ПН^{СВ}}, вне зависимости от формальных, семантических и/или прагматико-конверсационных параметров. Дефолтной форме Наст^{ПН^{СВ}} противопоставляется скорее Аор^{П^{СВ}}, особенно в случае квазиперформативов (деклараций, комиссивов), а также некоторых перформативных комиссивов (напр. *заклети се*), употребленных в квазиперформативных высказываниях. През^{П^{СВ}} ни разу не был обнаружен в самостоятельной синтаксической позиции в главных предложениях (тем более в перформативном контексте). Фут^{П^{СВ}}, с другой стороны, встречается, но в единичных случаях.

Интересно заметить, что одну и ту же лексическую недифференцированность древне- и старорусских экспозитивов и директивов в перформативном контексте мы встречаем также в древнештокавских источниках, где регулярно появляются, прежде всего, только глаголы *moliti*^{ПН^{СВ}} и *moliti se*^{ПН^{СВ}}. Решению этого вопроса, а также сопоставительному рассмотрению возможных причин, лежащих в основе отсутствия настоящего видовременного противопоставления в перформативном контексте в древне- и старорусском и древнештокавском языках, посвящается последний раздел (§3.5).

4. СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РУССКИЙ ЯЗЫК

В этой главе мы перейдем от диахронического к синхроническому анализу языка и рассмотрим данные из электронных корпусов и из нами обработанных анкет. В частности, в настоящей главе мы сосредоточимся на обсуждении данных современного русского языка.

Глава состоит из пяти разделов (§4.1–§4.5). Первые два раздела имеют теоретический характер. В первом разделе (§4.1) на основе уже существующих тематических исследований обсуждается спорный вопрос о том, какие глаголы обладают видовременным противопоставлением в перформативном контексте в современном русском языке. Как мы увидим в дальнейшем, принятое в лингвистической традиции мнение о том, что рассмотренное явление распространяется только на узкий круг глаголов речи следует, если не полностью отвергнуть, то хотя бы пересмотреть с бóльшей осторожностью. Во втором разделе (§4.2) мы будем тестировать на русском материале надежность синтаксической вставки темпорального оператора *now* (на русском *сейчас*) и автореференциального оператора *hereby* (на русском *настоящим*) в целях определения перформативного характера высказывания. В частности, мы обратим внимание на выдвинутую Р. Экхардт гипотезу (изложение точки зрения автора см. в §2.2.1.2) о ключевых функциях оператора *hereby* в перформативном толковании предложения, особенно по сравнению с лишенными оператора предложениями, которые, по мнению Р. Экхардт, толкуются прежде всего как экзистенциальные.

Следующие два раздела посвящены анализу данных. В третьем разделе (§4.3) комментируются данные из основных корпусов НКРЯ и ГИКРЯ (информацию о поиске см. в §4.3.1), употребления делятся на группы на основе речевого акта, который они реализуют (по модели предыдущей главы), а именно на декларации (§4.3.2), экспозитивы (§4.3.3), комиссивы (§4.3.4, в том числе «настоящие» перформативы, см. §4.3.4.1, и квазиперформативы, см. §4.3.4.2) и директивы (§4.3.5). В четвертом разделе (§4.4) обсуждаются результаты опроса, проведенного среди носителей русского языка с помощью Google Forms (подробности составления анкеты см. в §4.4.1). В классификации анкетных токенов используется та же таксономия, что и в корпусных данных: сначала обсуждаются декларации (§4.4.2), а потом экспозитивы (§4.4.3), комиссивы (§4.4.4, в том числе «настоящие» перформативы, см. §4.4.4.1, и квазиперформативы, см. §4.4.4.2) и директивы (§4.4.5).

Наконец, в пятом разделе (§4.5) подведены первые итоги исследования, в частности в связи с предварительными результатами, которые мы проиллюстрировали в предыдущей главе (§3), а также приведена анкета.

4.1. Сколько глаголов, какие глаголы?

Уязвимостью исследований, посвященных грамматической доступности видового противопоставления для русских перформативов, является точное определение (качественное и количественное) глагольных лексем, вступающих в данную оппозицию. Несколько упрощая вопрос (см. также §2.4.1), можно выделить следующие две позиции. С одной стороны, в славистической литературе до сих пор преобладает глубоко укоренившееся мнение о том, что такая оппозиция ограничивается малой группой глаголов (по существу *verba dicendi*, относящимися к классу экспозитивов, а также некоторыми определенными делокутивами и директивами, напр. *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ}). С другой стороны, все чаще и чаще отмечается, особенно в работах последних десятилетий, что такое явление, судя по материалу спонтанного речевого взаимодействия, доступного в интернете, охватывает значительно бóльшее число глаголов, чем предполагалось.

В своей монографии, посвященной функционированию видовременных отношений в русском глаголе, А. В. Бондарко подчеркивает, что настоящая видовая конкуренция (т.е. возможность проявления перформатива в НП^{СВ} вместо «канонической» конфигурации, которую автор считает проявлением в Наст^{НСВ}) имеет место только в случае экспозитивов *замечу*^{НПСВ}, *прибавлю*^{НПСВ}, *доложу*^{НПСВ}, *повторю*^{НПСВ}, многозначного элемента *скажу*^{НПСВ} (в квазиперформативной функции, как парентетический глагол и т.д.), а также директива *попрошу*^{НПСВ} (БОНДАРКО 1971: 222). Однако в тексте дальше не уточняется, при каких общих условиях и в каких контекстах действует такое видовое противопоставление. В ходе рассмотрения семантической функции «презенса коинциденции», сохранившейся по сей день у През^{СВ} в разных славянских языках, Х. Голтон упоминает некоторые частные случаи перформативного употребления в НП (През)^{СВ} в словенском²⁹⁷, польском и верхнелужицком языках. Что касается русского, автор мимоходом и несистематическим образом перечисляет некоторые случаи нефутурального употребления НП^{СВ}, которые, однако, не только не имеют перформативного характера, но и, напротив, отображают другие частные значения СВ как, например, презенс напрасного ожидания (GALTON 1976: 92–95).

Минимальный список подвергающихся видовому противопоставлению перформативов, предложенный А. В. Бондарко, приводится по существу без изменений в исследованиях

²⁹⁷ Интересно, что сам Х. Голтон признает, основываясь на предыдущих замечаниях С. Шкрабца, что такой «презенс коинциденции» в словенском часто появляется в ассоциации не только с чисто перформативными глаголами, но и с квазиперформативными комиссивами вроде *kipim*, *dam* (GALTON 1976: 94).

последних десятилетий²⁹⁸. В подавляющем большинстве случаев к составу лексем, перечисленных А. В. Бондарко, авторы добавляют свои элементы. Например, М. А. Шелякин утверждает, что среди чувствительных к видовой оппозиции пар перформативов нужно упомянуть декларации *каюсь*^{НСВ}/*покаюсь*^{СВ}, экспозитивы *подчеркиваю*^{НСВ}/*подчеркну*^{СВ} и *признаюсь*^{НСВ}/*признаюсь*^{СВ}, комиссивы *предлагаю*^{НСВ}/*предложу*^{СВ}, а также директивы *советую*^{НСВ}/*посоветую*^{СВ} и делокутивы *желаю*^{НСВ}/*пожелаю*^{СВ}. Автор говорит о “синонимии видов при коинциденции” в случае некоторых глаголов сообщения, тем самым указывая на существенную синонимию членов каждой глагольной пары, но не уточняя, при каких условиях осуществляется взаимозаменяемость (ШЕЛЯКИН 1976: 58). Обсуждая возможность появления перформативов в «первом лице единственного числа простого будущего времени активного залога индикатива», Ю. Д. Апресян приводит делокутив *пожелаю*^{НПСВ}, декларацию *покаюсь*^{НПСВ}, а также экспозитивы *признаюсь*^{НПСВ} и *сознаюсь*^{НПСВ}, хотя, необходимо подчеркнуть, в тексте настоящий список перформативов отсутствует (АПРЕСЯН 1995А: 203). Наконец, в статье А. Израэли добавляются только квазисинонимические экспозитивы *объясню*^{НПСВ} и *поясню*^{НПСВ} (ISRAELI 2001: 84), хотя, напомним (см. §2.4.1), автор сосредоточивается не столько на составлении списка перформативов, сколько на определении семантических и прагматических критериев, допускающих видовременное противопоставление для глаголов речи в (не)прошедшем.

С появлением ряда исследований, которые направлены на исследование перформативов в связи с семантическим анализом ими реализуемых речевых актов, перечень перформативов, потенциально подвергающихся видовому противопоставлению, стал постепенно расширяться. Стараясь преодолеть классическую остиновскую таксономию, а также последующую серлевскую модель, Н. К. Рябцева предложила ввести новую бинарную классификацию, отличая т.н. «социальные» перформативные высказывания (т.е. декларации) от т.н. «ментальных», по определению автора, “тип предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и мышлением, а не действительностью” (т.е. экспозитивы; см. РЯБЦЕВА 1992: 12 и АПРЕСЯН 1995В)²⁹⁹. В отличие от «социальных», «ментальные» перформативы, которые часто употребляются в научной и научно-популярной

²⁹⁸ Почти тот же список повторяется около 30 лет спустя в монографии С. Дики без значительных добавлений и/или изменений (DISKEY 2000: 175–202).

²⁹⁹ Следует принять во внимание, однако, что «ментальные» перформативы, по таксономии Н. К. Рябцевой, не являются однородным классом. Среди них можно обнаружить иллокутивные (собственно перформативные) глаголы (вроде *уточнить*, *возразить*, *признать*), собственно ментальные глаголы (*определить*, *напомнить*), «миропорождающие» предикаты (*допустить*, *предположить*, *представить*), «перцептивные» предикаты (*показать*, *увидеть*, *рассмотреть*), «семиотические» глаголы (*отметить*, *подчеркнуть*), фазисные глаголы, (метафорические) глаголы движения (*начать*, *перейти*, *вернуться*, *закончить*) и физические глаголы, управляющие не конкретным, а отвлеченным внутренним аргументом (*сделать <вывод>*, *вести <понятие>*) (РЯБЦЕВА 1992: 17–18).

литературе, служат логическими связками, соединяющими разные части текста³⁰⁰, таким образом его прочтение уподобляется воспроизведению симфонии³⁰¹. Это различие в функциональной сфере отображается также в формальном кодировании «ментальных» перформативов, которые, по правилу, проявляются не в настоящем, а в будущем времени (СВ или НСВ, т.е. в НП^{СВ} или в Фут^{НСВ}) чаще всего во множественном числе³⁰² и в интенциональных контекстах, напр. при синтаксическом управлении прямыми дополнениями с отвлеченным значением: ср. констативное высказывание *Сравним <размеры <этих карандашей>>* с перформативным *Сравним <эти две формулы>* (РЯБЦЕВА 1992: 15).

Интересно, что прототипическое проявление таких «ментальных» перформативов в 1-м л. мн. ч. НП^{СВ}, по мнению автора, носит не случайный характер. С одной стороны, форма множественного числа подлежащего “[...] отражает тот факт, что автор считает субъектом текущей ментальной операции не только себя, но и адресата” (РЯБЦЕВА 1992: 24). Из этого естественно вытекает замечание, что такие перформативы имеют природный импозитивный характер. По словам автора (разрядка в оригинале), “чтобы удостовериться в правильности и убедительности выводов, адресат в ы н у ж д е н выполнять, вслед за автором, его логические шаги, т.е. рассуждать. В этом проявляется и м п о з и т и в н а я роль ментальных перформативов [...]. Они приводят в соответствие ход мыслей читателя с ходом мыслей автора [...]”³⁰³ (РЯБЦЕВА 1992: 24).

В духе работы А. Вежбицкой интегральное описание глаголов (в том числе как констативных глаголов речи, так и «настоящих» перформативов), обозначающих и реализующих разные типы речевых актов, содержится в объемной статье М. Я. Гловинской (ГЛОВИНСКАЯ 1992). Автор предлагает использовать новую классификацию глаголов,

³⁰⁰ Названия, которые автор присваивает каждой части научного текста («завязка», «развитие», «кульминация», «развязка») во многом напоминают, с одной стороны, аристотелевское определение формальных способов выражения содержания в ораторской речи (προοίμιον, ῥήσις, ἀπόδειξις, ἐπίλογος), а с другой традицию формалистов (РЯБЦЕВА 1992: 19).

³⁰¹ Идея о том, что эксплицитные перформативы в каком-то смысле выполняют ту же функцию, что и риторические союзы, перекликается с похожей гипотезой, выдвинутой в том же году в статье Л. Н. Иорданской (ИОРДАНСКАЯ 1992). В дальнейших исследованиях (напр. в RIEBER 1997) даже предполагается, что риторические союзы являются особым подтипом парентетических перформативов, относящихся к классу экспозитивов.

³⁰² Это, конечно, не единственный способ, которым «ментальные» перформативы могут проявляться. Автор также упоминает другие способы, которые, однако, свойственны также «настоящим», т.е. социальным перформативам: сочетание модального (в том числе эпистемического) оператора и инфинитива (вроде *следует <подчеркнуть>*, *нелишне <повторить>*), деепричастные обороты (вроде *соглашаясь <с этим мнением>...*) и безличные конструкции (вроде *имеются <в виду>...*) (РЯБЦЕВА 1992: 13).

³⁰³ Это замечание вызвано тем фактом, что, разумеется, в процессе обработки логической структуры текста только автор может нести ответственность за конечный порядок и последовательность событий. Другими словами, автор сам решает, как и в каком порядке связываются аргументы его рассуждений. С другой стороны, прагматическая роль собеседника в событии речевого акта если не принижена, то значительно смягчена, т.е. она вообще не принимается во внимание в целях удовлетворения условиям успешности иллокутивного акта. Это, в свою очередь, можно считать частным проявлением признака авторитета со стороны говорящего, что обуславливает употребление СВ.

опираясь на некоторые основные принципы: среди них перечисляются трехчленная структура речевых актов (т.е. набор пресуппозиций, ассертивная часть, цель и/или мотивировка речевого акта), прототипическое употребление главного предиката и его актантов, а также анализ высказываний с субъектом не в 1-м, а в 3-м л. ед. ч. (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 161–163). Не вдаваясь сейчас в детали классификации, мы ограничимся только упоминанием классов, выделенных автором на основе вышеупомянутых принципов. В интерпретационную модель автора входят глаголы сообщения³⁰⁴: доноса; уверения и подтверждения³⁰⁵; признания³⁰⁶; предсказания и предупреждения³⁰⁷; жалобы и нарекания; объяснения и поучения; обещания и обязательства³⁰⁸; отказа, отмены и отречения³⁰⁹; просьбы³¹⁰; вопроса; совета и предложения³¹¹; убеждения, уговора и призыва³¹²; угрозы; запрета³¹³; разрешения³¹⁴; требования и приказа³¹⁵;

³⁰⁴ В том числе и следующие перформативы: *доводить*^{НСВ} <до сведения>, *докладывать*^{НСВ}, *доносить*^{НСВ}, *заявлять*^{НСВ}, *замечать*^{СВ}, *извещать*^{НСВ}, *информировать*^{НСВ}, *констатировать*^{ДВ}, *объявлять*^{НСВ}, *оповещать*^{НСВ}, *осведомлять*^{НСВ}, *отметить*^{СВ}, *подтверждать*^{НСВ} <получение <письма>>, *подчеркивать*^{НСВ}/*подчеркнуть*^{СВ}, *предупреждать*^{НСВ}, *провозглашать*^{НСВ}, *рапортовать*^{НСВ}, *сообщать*^{НСВ}, *ставить*^{НСВ} <в известность>, *уведомлять*^{НСВ}, *умолчать*^{СВ}, *утверждать*^{НСВ} <что...> (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 163–164).

³⁰⁵ В том числе и следующие перформативы: *клясться*^{НСВ}, *подтверждать*^{НСВ}, *ручаться*^{НСВ}, *свидетельствовать*^{НСВ}, *уверять*^{НСВ}, *удостоверять*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 168).

³⁰⁶ В том числе и следующие перформативы: *каяться*^{НСВ}, *признавать*^{НСВ}, *признаваться*^{НСВ}, *сознаваться*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 169–170).

³⁰⁷ В том числе и следующие перформативы: *остерегать*^{НСВ}, *предвещать*^{НСВ}, *предостерегать*^{НСВ}, *предупреждать*^{НСВ}, *предрекать*^{НСВ}, *предсказывать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 171). Автор дальше замечает, что у некоторых (неперформативных) глагольных пар этой группы, отражающих языковое представление о магической силе слова, напр. *пророчить*^{НСВ}/*напророчить*^{СВ} и *каркать*^{НСВ}/*накаркать*^{СВ}, а также *perfectivum tantum* *сглазить*^{СВ}, глагол НСВ реализует (конвенциональный) иллюкутивный акт, а партнер СВ описывает соответствующий перлокутивный эффект. Этот факт значительно приближает эти пары к таким конативным глагольным парам, как *убеждать*^{НСВ}/*убедить*^{СВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 173, 215–216; см. об этом еще ШАТУНОВСКИЙ 2014).

³⁰⁸ В том числе и следующие перформативы: *гарантировать*^{ДВ}, *брать*^{НСВ}/*принимать*^{НСВ} <на себя <обязательство>>, *давать*^{НСВ} <зарок>/<обет>/<обещание>/<честное слово>, *заверять*^{НСВ}, *заключать*^{НСВ} <договор>, *клясться*^{НСВ}, *обещать*^{ДВ}, *обязываться*^{НСВ}, *присягать*^{НСВ}, *ручаться*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 176). В ходе рассуждений автор делает некоторые интересные замечания о семантических различиях между речевыми актами обещания и обязательства, которые действуют не только на набор пресуппозиций, но и на их ассертивные части, на следствия их невыполнения и на мотивировки речевых актов (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 177).

³⁰⁹ В том числе и следующие перформативы: *аннулировать*^{ДВ}, *брать*^{НСВ} <назад <свое слово>>, *возвращать*^{НСВ} <слово>, *давать*^{НСВ} <отвод>, *дезаурировать*^{ДВ}, *демонстрировать*^{ДВ}, *капитулировать*^{ДВ}, *освобождать*^{НСВ} <от слова>, *отвергать*^{НСВ}, *отводить*^{НСВ} <кандидатуру>/<вопрос>, *отказывать(ся)*^{НСВ}, *отклонять*^{НСВ}, *отлучать*^{НСВ}, *отменять*^{НСВ}, *отступаться*^{НСВ}, *отрекаться*^{НСВ}, *подавать*^{НСВ} <в отставку>, *снимать*^{НСВ} <предложение>, *увольнять*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 178–179).

³¹⁰ В том числе и следующие перформативы: *апеллировать*^{ДВ}, *взывать*^{НСВ} <о чем-либо>, *заклинать*^{НСВ}, *испрашивать*^{НСВ} <согласие>/<решение>, *молить*^{НСВ}, *обращаться*^{НСВ} <с просьбой>, *просить*^{НСВ}, *умолять*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 180).

³¹¹ В том числе и следующие перформативы: *вызывать*^{НСВ} <на соревнование>, *давать*^{НСВ} <совет>, *предлагать*^{НСВ}/*предложить*^{СВ}, *рекомендовать*^{НСВ}/*порекомендовать*^{СВ}, *советовать*^{НСВ}/*посоветовать*^{СВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 183).

³¹² В том числе и перформативы *взывать*^{НСВ} и *призывать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 185).

³¹³ В том числе и перформативы *воспрепятствовать*^{НСВ}, *запрещать*^{НСВ} и *накладывать*^{НСВ} <вето> (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 188).

³¹⁴ В том числе и следующие перформативы: *давать*^{НСВ} <право>, *позволять*^{НСВ}, *разрешать*^{НСВ}, *санкционировать*^{ДВ} и *соглашаться*^{НСВ} <на чем-либо> (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 189).

³¹⁵ В том числе и следующие перформативы: *давать*^{НСВ} <наказ>, *настаивать*^{НСВ} <на чем-либо <чтобы...>>, *обязывать*^{НСВ}, *поручать*^{НСВ}, *предлагать*^{НСВ}, *предписывать*^{НСВ}, *призывать*^{НСВ}, *приказывать*^{НСВ}, *рекомендовать*^{НСВ}, *требовать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 189–190).

апеллятивы³¹⁶; глаголы одобрения³¹⁷; осуждения, упрека и оскорбления³¹⁸; оправдания и прощения³¹⁹; шутки и насмешки; названия, наименования и назначения³²⁰; ответа; согласия³²¹; возражения и отрицания³²²; воспроизведения сказанных слов; речевые ритуалы и этикет³²³; глаголы лжи (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 163–213).

Оставляя в стороне эту таксономию отметим, что особенно интересными для нашей работы являются скорее заключительные замечания автора, касающиеся, с одной стороны, статуса говорящего и адресата в событии речевого акта, а с другой стороны, влияния прагматики и грамматики на видовременную дистрибуцию глаголов, реализующих разные речевые акты. По поводу первого вопроса в духе исследований Дж. Серля и Ю. Д. Апресяна, М. Я. Гловинская подчеркивает, что по признаку авторитета реализованные соответствующими предикатами речевые акты можно подразделить на три группы, а именно: речевые акты, отражающие более высокое положение говорящего (напр. *приказывать*^{НСВ}, *уполномочивать*^{НСВ}, *увольнять*^{НСВ}, *отлучать*^{НСВ}), речевые акты, отражающие более высокое положение адресата (напр. *присягать*^{НСВ}, *ходатайствовать*^{НСВ}), и речевые акты, в которых “[...] говорящий и адресат равноправны по своему статусу” (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 214). Что касается второго вопроса, М. Я. Гловинская подробно рассматривает взаимодействие видовременных отношений предиката с формальной структурой речевого акта. В ее анализе содержится два основных положения. Во-первых, она замечает, что в некоторых парах глаголов речи (особенно, по ее мнению, это касается классов просьб, убеждений и уговоров) член НСВ относится к иллокутивному, а член СВ к перлокутивному речевому акту. Например, в случае пары директивных перформативов *умолять*^{НСВ}/*умолить*^{СВ} глагол НСВ

³¹⁶ В том числе и следующие перформативы: *апеллировать*^{ДВ}, *взывать*^{НСВ}, *вызывать*^{НСВ}, *обращаться*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 192).

³¹⁷ В том числе и перформативы *одобрять*^{НСВ} и *хвалить*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 193).

³¹⁸ В том числе и следующие перформативы: *обвинять*^{НСВ}, *осуждать*^{НСВ}, *порицать*^{НСВ}, *проклинать*^{НСВ}, *ставить*^{НСВ} <в вину>, *упрекать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 194–195).

³¹⁹ В том числе и следующие перформативы: *оправдывать*^{НСВ}, *отпускать*^{НСВ}/*отпустить*^{СВ} <грехи>, *прощать*^{НСВ}, а также делокутив *извинять*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 199).

³²⁰ В том числе и следующие перформативы: *назначать*^{НСВ}, *называть*^{НСВ}, *наименовывать*^{НСВ}, *нарекать*^{НСВ}, *посвящать*^{НСВ} <в рыцари>, *присваивать*^{НСВ} <звание>, *рекомендовать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 201).

³²¹ В том числе и перформативы *поддерживать*^{НСВ}, *соглашаться*^{НСВ} и *уступать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 204).

³²² В том числе и следующие перформативы: *возражать*^{НСВ}, *выражать*^{НСВ} <протест>, *отрицать*^{НСВ}, *протестовать*^{НСВ} (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 205).

³²³ Автор здесь группирует глаголы, обозначающие конвенциональное языковое поведение в некоторых устойчивых социальных ситуациях (т.е. словесные реакции посредством определенных формул). В частности, глаголы подразделены по своему доминирующему семантическому инварианту на классы благодарности (включая делокутивы *благодарить*^{НСВ} и *выражать*^{НСВ} <благодарность>), приветствия (включая делокутивы *кланяться*^{НСВ}, *передавать*^{НСВ} <привет>, *приветствовать*^{НСВ}, *прощаться*^{НСВ} и *свидетельствовать*^{НСВ} <почтение>), извинения (включая делокутив *извиняться*^{НСВ} и перформатив *просить*^{НСВ} <прощения>), поздравления (включая делокутив *поздравлять*^{НСВ}), пожелания (включая делокутив *желать*^{НСВ} <удачи>/<счастья>), приглашения (включая перформативы *звать*^{НСВ}, *приглашать*^{НСВ} и *просить*^{НСВ}) и представления (включая перформативы *рекомендовать*^{НСВ} и *представлять*^{НСВ} <кому-либо>) (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 209–212).

ограничивается обозначением речевого действия (“горячо, настоятельно просить”), а глагол СВ скорее намекает на достигнутый адресатом конкретный результат (т.е. уговорить адресата выполнить то, чего хочет говорящий)³²⁴ (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 216–217; см. также ЧЖАН, ШАТУНОВСКИЙ 2014). Во-вторых, хотя проблема видовременного противопоставления в перформативном контексте в ее статье остается незатронутой, М. Я. Гловинская утверждает, что к членам глагольной пары относятся разные типы иллокутивных речевых актов. Например, в случае пары директивных перформативов *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ}, член НСВ реализует настоящую просьбу, а член СВ обозначает только требование, т.е. “[...] причиной, по которой выполняется требование, в отличие от просьбы, является не интенсивность желания говорящего, а обязанность адресата”³²⁵ (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 217). Иными словами, можно сказать, что, по мнению автора, в перформативном контексте глагол СВ допустим только при наличии признака авторитета со стороны говорящего.

Одной из первых попыток более точного определения количества чувствительных к видовой оппозиции перформативных глаголов в русском языке является BARTSCHAT 1977. Опираясь на предыдущие исследования Э. Кошмидера о польском языке (в сопоставлении со словенским и латышским языками, а также со современным ивритом) и на работы по философии языка З. Вендлера, в своей статье автор приводит результаты консультаций с некоторыми носителями русского языка о возможности взаимозамены шестнадцати форм НП^{НСВ} в перформативном контексте (которые, по мнению автора, являются всегда приемлемыми) с соответствующими формами НП^{СВ} (которые, в отличие от форм НСВ, автор как раз считает маркированными)³²⁶. На основе статистического анализа данных, полученных автором от носителей русского языка, складывается интересная картина. Эти глаголы, по всей видимости, можно подразделить на три группы: перформативы, которые свободно допускают

³²⁴ Эти особые прагматические импликатуры, которые свойственны конативным глагольным парам, объясняют почему в сложном предложении вроде *Он уговорил меня выступить на вечере, но я отказался второй член предложения вызывает внутреннее противоречие, т.е. либо говорящий убедил своего собеседника выступить на вечере, либо при его просьбах собеседник все-таки отказался выступить (слегка модифицированный пример взят из ГЛОВИНСКАЯ 1992: 216).

³²⁵ В пользу этой гипотезы, М. Я. Гловинская иллюстрирует несочетаемость члена СВ с т.н. «наречиями высокой степени» типа *очень*: можно сказать *Очень прошу*^{НСВ} вас (просьба), но не **Очень попрошу*^{СВ} вас (требование) (ГЛОВИНСКАЯ 1992: 217). Интересно, что в своей статье о польских перформативах в связи с проявлением вежливости М. Лазиньски утверждает, что в директивных речевых актах разрешения форма СВ *poproszę* не может заменить «стандартную» форму НСВ *proszę*. Подобным образом *poproszę*, который свободно модифицируют наречия времени вроде *teraz* ‘сейчас’ и *zaraz* ‘тотчас’, не может вообще сочетаться с наречиями *bardzo* ‘очень’ и *uprzejmie* ‘любезно’. Автор пишет, что “[...] the tense/aspect shift is only possible in an act of real request, when the position of the speaker is distinctly subordinate in relation to the addressee” (ŁAZIŃSKI 2015: 339).

³²⁶ Необходимо подчеркнуть, что лексические критерии отбора перформативов не очень четкие, ведь среди основных форм НСВ появляются не только «настоящие» перформативы (напр. декларация *протестовать*; экспозитивы *напоминать*, *обращаться*, *признаваться*, *сообщать*; комиссивы *клясться*, *обещать*, *предлагать*; директивы *предупреждать*, *просить*, *советовать*), но и разные делокутивы (*благодарить*, *желать*, *поздравлять*, *приносить* <извинения>) и многозначный элемент *говорить* (в противопоставлении партнеру СВ *сказать*).

видовое противопоставление (напр. экспозитивы *напоминать*^{НСВ}/*напомнить*^{СВ} и *сообщать*^{НСВ}/*сообщить*^{СВ}, комиссивы *предлагать*^{НСВ}/*предложить*^{СВ} и директивы *советовать*^{НСВ}/*посоветовать*^{СВ}); перформативы, которые в некоторой степени допускают видовое противопоставление, хотя не без трудностей и при ограниченных обстоятельствах (напр. экспозитивы *признаваться*^{НСВ}/*признаться*^{СВ}, комиссивы *клясться*^{НСВ}/*поклониться*^{СВ} и *обещать*^{ДВ}/*пообещать*^{СВ}, директивы *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ}, а также делокутивы *желать*^{НСВ}/*пожелать*^{СВ})³²⁷; перформативы, которые регулярно встречаются в НП^{НСВ} и не допускают никакого видового противопоставления (напр. декларации *протестовать* и *приносить* <извинения>, экспозитив *обращаться*, директив *предупреждать*, а также делокутивы *благодарить* и *поздравлять*)³²⁸. На основе результатов автор заключает, что преобладающей формой в перформативном контексте в русском языке является НП^{НСВ}, причем (преимущественно) по семантическим причинам, т.е. в целях снятия двусмысленности между НП^{СВ} в перформативной и НП^{СВ} в футуральной функции: с чисто семантической точки зрения, однако, почти невозможно распознать последовательную закономерность в выборе чувствительных к видовому противопоставлению перформативов, т.е. выбор является, как кажется, семантически непредсказуемым³²⁹ (BARTSCHAT 1977: 636). Интересен тот факт, что в перечне словарных статей, проанализированных Б. Бартшат, наряду с отдельными

³²⁷ В этом классе, по-видимому, наблюдается значительное варьирование в суждениях носителей языка о грамматичности. Б. Бартшат замечает, например, что предложение *Пожелаю*^{СВ} *удачного полета!* было отвергнуто статистически значимой частью информантов, а другие информанты его приняли, хотя с оговорками. Степень грамматичности перформатива *поклониться*^{СВ} в парентетической конструкции в предложении *Поклонюсь*^{СВ}, *это немка* подверглась сомнению, в то время как в предложении *Поклонюсь*^{СВ} *говорить правду! И только правду!* усиливалась. Замена формы НСВ *прошу* формой СВ *попрошу* в предложениях вроде *Прошу*^{НСВ} *ближе к делу. Мы не на предвыборном митинге!*, наконец, всегда считалась возможной. Б. Бартшат добавляет, что один из ее информантов определил форму СВ *попрошу* как более вежливую, чем «нейтральный» НСВ *прошу*. Учитывая, что такой признак вежливости вообще не встречается при объяснении видовой конкуренции в перформативном контексте, автор заключает, что здесь речь вероятно идет о частных, особых семантических свойствах события ‘просьба’ (BARTSCHAT 1977: 634–635).

См. также КУЗНЕЦОВА 1987: 106, где автор, сопоставляя употребление французского «простого будущего» (*le futur simple*) в качестве вежливой формы в перформативном контексте (*Je vous demanderai de m'en informer*) с русским эквивалентом, отмечает, что данной французской форме в русском соответствуют две формы СВ: (1) в разговорном языке – простое будущее, соответственно НП^{СВ} (*Попрошу вас держать меня в курсе*) и (2) в литературном языке (в том числе и в официальном стиле речи) – сослагательное наклонение СВ [*Я попросил бы вас (про)информировать меня*]. Таким образом, можно сказать, что данные случаи употребления презентной формы СВ расходятся с гипотезой о взаимосвязи между СВ и признаком авторитета со стороны говорящего, которая, как мы и дальше увидим [ср. §4.3.3, особенно примеры с экспозитивами в НП^{СВ} (215) и (217); см. также §4.5], устанавливается контекстуально.

³²⁸ Обсуждение случаев видового противопоставления между *говорить*^{НСВ} и *сказать*^{СВ}, которые в настоящей работе не считаются перформативными, здесь не принимается во внимание (BARTSCHAT 1977: 635–636).

³²⁹ Автор замечает, однако, что существуют некоторые интересные синтаксические различия между СВ и НСВ формами, напр. перформативы в НП^{НСВ} обычно не управляют клаузуальными дополнениями, в то время как перформатив *пообещать*^{СВ} без клаузуального дополнения грамматически неприемлем (BARTSCHAT 1977: 636). Автор также выдвигает гипотезу о том, что (почти) обязательное проявление эксплицитных деклараций в НП^{НСВ} вызывает, по всей вероятности, темпоральная отчетливость самого события (которое не может не осуществиться в настоящем) и фиксирует конвенциональность соответствующих социальных процедур (BARTSCHAT 1977: 636–637).

экспозитивами широко представлены и другие типы перформативов. Таким образом, возможность видовременного противопоставления в перформативном контексте скорее тестируется на основе других перформативных (и квази-перформативных) лексем, которые в литературе часто определяются как не чувствительные к видовой конкуренции.

Идея о том, что заключения, к которым часто тяготели лингвисты предыдущих десятилетий, нуждаются в дополнительной проверке (при помощи распространения вопросников среди носителей языка и/или анализа примеров, представляющих текущие тенденции в устной речи), лежит в основе некоторых недавних исследований о теме. Особенно интересным является уже упомянутый обзор Б. Вимера (ВИМЕР 2014). Автор замечает, что, несмотря на высказанное в аспектологической литературе общепринятое мнение, формы НП^{CB} употребляются в перформативном контексте в русском языке не только в случае экспозитивов, но и в случае социальных перформативов (по обсужденному выше определению Н. К. Рябцевой), т.е. для таких «стержневых», «настоящих» перформативов, как напр. директива *попрошу*^{CB} (пользуясь терминологией настоящей работы, можно сказать, что формы НП^{CB} в русском языке допустимы в перформативном контексте не только для ретических, но также для тетических перформативов). Свое исследование Б. Вимера проводит с помощью электронных корпусов и поисковой системы Google на материале русского, польского, чешского и словацкого языков, принимая во внимание инфинитивные формы НСВ 35 речевых глаголов³³⁰ и проверяя, засвидетельствована ли (или вообще возможна) видовая замена форм НСВ формами СВ в перформативном контексте (ВИМЕР 2014: 105–106). Как ни удивительно, результаты поиска показывают, что состав чувствительных к видовой оппозиции перформативов значительно шире, чем предполагалось в предыдущих исследованиях. В частности, к списку уже засвидетельствованных перформативов в НП^{CB} прибавляются экспозитивы *соглашусь*^{CB} и *возражу*^{CB}, комиссивы *покланюсь*^{CB}, *уверю*^{CB} и *пообещаю*^{CB}, директивы *предупрежу*^{CB} и *позволю*^{CB} <себе>, а также делокутив *поблагодарю*^{CB}, хотя, необходимо подчеркнуть, в большинстве случаев каждой формы СВ находится по двум-трем вхождению (ВИМЕР 2014: 107–108). Автор подытоживает, что речь не может всегда идти о лексикализованных конструкциях, а скорее употребление перформативов НП^{CB} “вытекает из некоторого правила” (ВИМЕР 2014: 110).

³³⁰ В список проанализированных автором глаголов, однако, включены не только разные классы перформативов (ср. декларации *каяться*, *назначать*, *объявлять*, *отказываться*, *отклонять*; экспозитивы *возражать*, *докладывать*, *обращаться*, *позволять*, *признаваться*, *соглашаться*, *предсказывать*, *сообщать*; комиссивы *клясться*, *обещать*, *обязывать*, *обязываться*, *приглашать*, *проклинать*, *уверять*; директивы *обвинять*, *предупреждать*, *призывать*, *приказывать*, *просить*, *разрешать*, *советовать*, *требовать*, *упрекать*), но и некоторые делокутивы (*благодарить*, *желать*, *извиняться*, *поздравлять*, *приветствовать*, *хвалить*) (ВИМЕР 2014: 106).

Именно поиску этого «правила» (или, точнее сказать, этих лицензирующих НП^{CB} в перформативном контексте условий) посвящены две работы исследовательской группы Тюбингенского университета (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018; GATTNAR, HÖRNIG 2020). Несмотря на общее предположение о том, что замена формы Наст^{HCB} формой НП^{CB} в перформативном контексте влияет на прагматическое толкование высказывания, авторы выдвигают гипотезу, согласно которой в русском языке перформативной функцией может обладать существенно большее количество глаголов речи в НП^{CB}, а также высказываниям с перформативом в НП^{CB} (напр., директивный иллокутивный акт *Я попрошу вас говорить громко и по очереди*) носители языка на самом деле приписывают перформативный характер (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018: 135). В целях проверки этой гипотезы авторы провели психолингвистический эксперимент³³¹ с 41 носителем русского языка, учившимся в течение 2016 г. в СПбГУ. Из начального списка 28 глаголов, восемь из которых были исключены на основе результатов (сетевого) экспериментального исследования, приемлемость двадцати перформативов в НП^{CB} обсуждалась информантами³³². Предварительные результаты эксперимента, как представляется, свидетельствуют о том, что при наличии предыдущего (даже минимального) контекста и/или после полного прочтения контекста носители языка более склонны приписывать высказыванию перформативный (иллокутивный) характер вне зависимости от того, относится ли предикат к классу глаголов речи. Иными словами, как кажется, существует взаимосвязь между перформативным употреблением глагольных форм в НП^{CB} и прагматической доступностью более широкого контекста³³³ (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018: 142–143). Однако, если в принципе любой перформатив в Наст^{HCB} может заменить соответствующая форма НП^{CB}, почему употребление перформативного НП^{CB} в

³³¹ Все технические подробности эксперимента см. в GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018: 138–139.

³³² В список были включены не только «настоящие» перформативные пары (напр. декларации *признавать^{HCB}/признать^{CB}*, *отклонять^{HCB}/отклонить^{CB}* и *прощать^{HCB}/простить^{CB}*; экспозитив *признаваться^{HCB}/признаться^{CB}*; комиссивы *уверять^{HCB}/уверить^{CB}*, *обязываться^{HCB}/обязаться^{CB}* и *отказывать^{HCB}/отказать^{CB}*; директивы *просить^{HCB}/попросить^{CB}*, *требовать^{HCB}/потребовать^{CB}*, *приглашать^{HCB}/пригласить^{CB}*, *разрешать^{HCB}/разрешить^{CB}* и *предупреждать^{HCB}/предупредить^{CB}*), а также некоторые делокутивы (*извиняться^{HCB}/извиниться^{CB}*, *желать^{HCB}/пожелать^{CB}*, *благодарить^{HCB}/поблагодарить^{CB}*, *хвалить^{HCB}/похвалить^{CB}*, *представлять^{HCB}/представить^{CB}*, *приветствовать^{HCB}/поприветствовать^{CB}* и *поздравлять^{HCB}/поздравить^{CB}*) (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018: 136–137). Однако нужно добавить, что список протестированных предикатов был еще сильнее сокращен с учетом того факта, что по крайней мере пять контекстов не соответствовали определенной структуре (перформатив был не в начальной позиции высказывания), а еще один токен был «выброшен» из-за неправильного положения относительно ударения. Таким образом, анализ основывается на рассмотрении функционирования всего 14 предикатов (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018: 139–140).

³³³ Добавим, что это замечание явно перекликается с уже обсужденной гипотезой, выдвинутой С. Дики, о первоочередности семантического инварианта темпоральной определенности как прототипическом значении СВ в восточнославянских языках (см. заметки о терминологии в §2.6), из которого естественно вытекают такие семантико-прагматические признаки, как рематичность, последовательность и авторитет (ср. с дискуссией в §2.4.1 и еще дальше в §4.3.4).

русском языке все же подвергается значительным ограничениям? Авторы изначально предполагают, вслед за исследованием Б. Вимера, что перформативы в НП^{CB} являются в некоторой степени лексикализированными (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018: 142). К сожалению, это объяснение носит обтекаемый характер и верно не для всех предикатов. Совсем недавно в другом сетевом эксперименте на основе исследований Б. Бартшат и А. Израэли авторами была поддержана теория о наличии прагматического компонента авторитета в семантике перформативов в НП^{CB}, что, по всей видимости, не допускает их употребления со стороны говорящих, не имеющих авторитета перед собеседником (GATTNAR, HÖRNIG 2020: 132–134).

В заключении раздела можно заметить, что общепринятое мнение о существовании довольно ограниченного количества чувствительных к видовому противопоставлению перформативов в русском языке, почти исключительно относящихся к классу глаголов речи, со временем значительно утратило убедительность. В исследованиях последних двух десятилетий, в частности, был сделан вывод о том, что, хотя дефолтной видовременной формой в перформативном контексте является Наст^{HCB}, в НП^{CB} могут появляться разные предикаты вне зависимости, видимо, от ими реализуемого иллокутивного акта (т.е. могут появляться как экспозитивы, так и комиссивы, директивы и даже декларации). Однако формальные и функциональные ограничения на их распределение, как кажется, еще во многом ускользают от понимания.

В ходе дальнейшего анализа (§4.3–§4.4) мы постараемся подтвердить гипотезу о более широком распределении перформативов в НП^{CB}. Прежде чем перейти к данным, однако, в следующем разделе (§4.2) мы вернемся к краткому обсуждению русских эксплицитных перформативных высказываний.

4.2. Гипотеза Р. Экхардт (2012) и русские перформативные высказывания

Во второй главе (§2.2) мы рассмотрели проблему точного различения констативных и перформативных высказываний, прибегая преимущественно к синтаксической манипуляции исходного высказывания (т.е. к синтаксической вставке темпоральных и автореференциальных дейктических операторов) и опираясь на результаты, полученные на основе данных английского языка. На основе аргументации, содержащейся в ESKARDT 2012, мы пришли к заключению, что на английском языке синтаксической вставки операторов (либо *now*, либо *hereby*) не достаточно, чтобы высказывание приобрело перформативный характер.

Что касается темпорального оператора *now*, его способность к мапированию в разные временные интервалы (т.е. его способность к сочетанию с разными операторами глагольного времени, напр. прошедшего или будущего) указывает на то, что временной отрезок необязательно совпадает с моментом высказывания. Что касается автореференциального оператора *hereby*, хотя в прагматической литературе принято мнение, что он является отличительной чертой «настоящих» перформативных высказываний, убедительно доказано, что его можно вставить также в констативные высказывания, которые не характеризуются присутствием признака автореференциальности (напр. *I hereby fry an egg*). Целью этого раздела является предварительное применение результатов для английского языка на перформативные высказывания русского языка.

В разделе §2.1 мы проанализировали вопрос об автореференциальности перформативных высказываний. Относительно русского языка, в частности, мы привели минимальную пару высказываний (1)–(2) с комиссивом *обещать* [для удобства чтения они снова приводятся ниже как (178)–(179)] и заметили, что различие в онтологическом характере формально отождествляющихся высказываний обуславливается только контекстом (и дальнейшей возможностью подвергать пропозициональному отрицанию второе высказывание, но не первое):

(178) Мать (*подловив сына на краже кошелька*): А что мне сейчас скажешь, а?

Сын: Я обещаю, что больше никогда не буду красть.

(перформативное – нельзя: **Я не обещаю...*)

(179) Режиссер (*за кулисами*): Давай пересмотрим вместе последние кадры фильма.

Актер (*вглядываясь в экран*): Вот, здесь я обещаю, что больше никогда не буду красть.

(констативное – можно: *✓Я тут не обещаю... а даю пощечину Игорю*)

Как известно, английскому темпоральному оператору *now* в русском языке соответствуют по крайней мере два отдельных лексических варианта, *сейчас* и *теперь*³³⁴, которые, однако, находятся в дополнительном распределении и обладают разными семантическими (дейктическими, таксисными) особенностями. Несмотря на это,

³³⁴ Семантическое различие между русскими темпоральными операторами *сейчас* и *теперь* отражается даже на уровне их диахронической (этимологической) деривации: в первом случае в процессе словообразования делается акцент на темпоральном (< ‘сей’ + ‘час’), а во втором на пространственном измерении (т.е. на местоположении) дейктика (< ст. сл. *топръво* < ‘тот’ + ‘первый’). Вопрос о том, влияет ли этимологическая деривация на их дополнительное распределение, а также сопоставительный анализ их семантики явно выходят за рамки настоящей диссертации. Более подробно о тонких семантических различиях между ними см., среди прочего, в МЕЛЬЧУК 1985 и в FORTUIN, DAVIDS 2019.

контекстуальная интерполяция обоих операторов (как и в английском) не выявляет с достаточной четкостью существенное различие между констативными и перформативными высказываниями. В частности, в нижеуказанных высказываниях (178')–(179'), которые являются слегка модифицированной версией предложений (178)–(179), синтаксическая вставка оператора *сейчас* не только не влияет на логическую классификацию высказываний (т.е. она в принципе не приводит к перформативному толкованию чисто констативного высказывания и наоборот), но и вызывает ощутимый эффект семантической избыточности (т.е. сферы действия двух темпоральных операторов *сейчас* и *Наст* здесь почти полностью пересекаются), что их делает грамматически приемлемыми не для всех информантов³³⁵:

(178') Мать (*подловив сына на краже кошелька*): А что мне сейчас скажешь, а?

Сын: Я сейчас обещаю, что больше никогда не буду красть.

(179') Режиссер (*за кулисами*): Давай пересмотрим вместе последние кадры фильма.

Актер (*вглядываясь в экран*): Вот, здесь я сейчас обещаю, что больше никогда не буду красть.

Заметим также, что оператор *сейчас*, на самом деле, может не указывать на сам момент высказывания, а свободно сочетаться с операторами прошедшего [см. пример (180)] и будущего времени [см. пример (181)], т.е. мапируется на временные интервалы, не совпадающие с самим настоящим:

(180) А брат самого главного *сейчас* пошел на большой срок.

[НКРЯ: Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)]

(181) *Сейчас* будет резко увеличиваться контингент судебных кадров, практически в два раза.

[НКРЯ: Тамара Морщакова. На пути к правосудию // «Отечественные записки», 2003]

С другой стороны, при вставке темпорального оператора *теперь* [см. нижеприведенные предложения (178"–179")] не осуществляется категориальный переход из констативного

³³⁵ См., однако, противоположное мнение, приведенное Ю. Д. Апресяном: “[...] Если высказывание *Сейчас я прошу тебя уйти* понимается как перформативное, то происходит это только за счет того, что областью действия СЕЙЧАС становится глагол УЙТИ: ‘Я прошу тебя, чтобы ты ушел сейчас’. Если этого не происходит, то оно допускает только дескриптивное осмысление, например: ‘сейчас прошу, а потом могу и потребовать’” (АПРЕСЯН 1995А: 205).

высказывания в перформативное, при этом, по мнению информантов, в событии речевого акта подчеркивается смена ситуации и противопоставление настоящего, только что осуществленного положения дел предыдущему. Таким образом, перформативное высказывание в (178") в изоляции звучит по крайней мере странно³³⁶, в то время как пример (179"), хотя и синтаксически хорошо сформированный, с семантико-прагматической точки зрения оказывается просто неестественным (создается впечатление, что актер отсылает не к последовательности действий, к которой режиссер в тот момент привлекает внимание, а к спонтанному, мгновенному его намерению дать обещание режиссеру)³³⁷:

(178") Мать (*подловив сына на краже кошелька*): А что мне сейчас скажешь, а?

Сын: ?Я теперь обещаю, что больше никогда не буду красть.

(179") Режиссер (*за кулисами*): Давай пересмотрим вместе последние кадры фильма.

Актер (*вглядываясь в экран*): ??Вот, здесь я теперь обещаю, что больше никогда не буду красть.

Таким образом, в русском языке темпоральные операторы *сейчас* и *теперь* (как и английский *now*) никак не влияют на категориальное определение высказывания, т.е. на приписывание ему констативного или перформативного характера.

Перейдем теперь к обсуждению соответствующего английскому *hereby* автореференциального оператора в русском языке, т.е. *настоящим*³³⁸. Роли *hereby* в

³³⁶ Заметим, однако, что высказывание становится более приемлемым, если оно включается в расширенную разговорную схему, напр. если перформативному высказыванию сына-говорящего предшествует констативное типа *Я вчера тебе (по)обещал, что отныне буду тебя слушаться, а теперь обещаю...*

³³⁷ С пассивно-результативными конструкциями, однако, степень приемлемости оператора *теперь* в перформативном контексте, по-видимому, повышается [см. пример (182)]:

(182) А теперь вы уволены, — гремит мистер Леннокс.

[Моя жизнь по соседству, Хантли Фицпатрик, С. 132 – [В сети](#)]

³³⁸ В целях упрощения поиска другие возможные варианты в русском языке, особенно те, которые реализуются в виде детерминированной группы (напр. *с этим, этими словами* и т.д.), были исключены.

С морфосинтаксической точки зрения интересно отметить, с одной стороны, что иллокутивный компонент русской лексической реализации автореференциального оператора (*настоящим*) выражается на поверхности не отдельной морфемой (как, например, английской *by*), а посредством падежного маркирования (т.е. в русском языке творительный падеж служит морфосемантическим «средством» выражения иллокутивного компонента). В связи с этим можно предположить, хотя и предварительно, что иллокутивный компонент глубже заложен в семантику русского оператора, чем его английского коррелята, а также что такой компонент не выражается эксплицитно, а остается на уровне прагматических пресуппозиций, что, вероятно, влияет на его внутреннюю синтаксическую репрезентацию (правдоподобность этой гипотезы, однако, можно проверить только в рамках таких новаторских подходов к синтаксическому словообразованию как, например, наносинтаксис, что явно выходит за рамки настоящей диссертации). Что же касается лексического значения автореференциального оператора можно заметить, с другой стороны, что его дейктические свойства в русском языке первично выделяются не на собственно пространственном 'здесь' (это, например, случай словенского *s tem*, чешского *tímto*, украинского *цим* и т.д., а также сербскохорватского *time*, см. §5.2), а скорее на временном 'настоящем' (похожим

английских перформативных высказываниях мы уделили внимание в подразделе §2.2.1.2, преимущественно основываясь на исследовании Р. Экхардт. Как мы уже видели, автор оспаривает общепринятую идею о таком операторе как чисто формальном маркере автореференциальности (т.е. внеклаузальном элементе), приводя в пользу своей аргументации невозможность его свободного синтаксического передвижения в структуру (т.е. оператор может служить только модификатором перформатива в наречной группе). То же самое ограничение, как кажется, мы обнаруживаем и в русском языке [см. нижеприведенные примеры (183)–(184) с экспозитивом *заявляю* и директивом *прошу*], где *настоящим* может появляться только в позиции модификатора перформативного глагола³³⁹:

- (183) Настоящим *заявляю*, что описанные выше грузы упакованы. (**Заявляю*, что описанные выше грузы *настоящим* упакованы)

[источник: United Nations – <https://conferences.unite.un.org/UNCorpus>]

- (184) Настоящим *прошу* предоставить мне 500 гектаров пашни, чернозема, возле дороги (железной или асфальтовой) для создания ассоциации крестьян-фермеров. (**Прошу* предоставить мне *настоящим* 500 гектаров пашни...)

[НКРЯ: Юрий Черниченко. Красный остров // «Огонек». № 10, 1991]

Вторым важным моментом в анализе Р. Экхардт о роли *hereby* является гипотеза о том, что в минимальной паре высказываний, отличающихся друг от друга присутствием оператора (напр. *I promise to come* vs. *I hereby promise to come*), предпочтение перформативного толкования отдается высказыванию с оператором, в то время как высказывание без оператора вне своего контекста толкуется скорее как экзистенциальное.

образом, что и для польского *niniejszym*, болгарского *с настоящото* и т.д.). В связи с этим уместно выдвинуть гипотезу о том, что расхождения в лексическом проявлении автореференциального оператора в разных славянских языках могут указывать на более общие расхождения в семантических свойствах перформативных высказываний. Однако исследование всех этих вопросов выходит за рамки настоящей диссертационной работы.
³³⁹ Следует заметить, однако, что автореференциальный оператор *настоящим* может занимать первое место (и более внешнюю позицию) в сложной наречной группе, включающей другие наречные элементы, принадлежащие к разным семантическим классам. Итак, вставка разных наречий (напр. наречий, указывающих на способ действия) между автореференциальным оператором и перформативом дает грамматически приемлемые последовательности составляющих, как <*настоящим* <*официально* <*заявляю*, <*что...*>>>>, <*настоящим* <*торжественно* <*обещаю...*>>>> или <*настоящим* <*убедительно* <*прошу*>>>>. В этих примерах сфера действия автореференциального оператора может соответствовать не глагольной группе, а предложению в целом, в то время как другой элемент в наречной группе собственно модифицирует вершину глагольной группы. Интересно также отметить, что обратный порядок невозможен: *<*Официально* <*настоящим* <*заявляю*, <*что...*>>>>. О формальной иерархической модели наречий и ими реализованных функциональных вершин в синтаксической структуре см. CINQUE 1999.

Типологическую правдоподобность такого теоретического предложения трудно проверить на материале русского языка. Причины по существу две. Во-первых, маловероятно, что «обычный» (т.е. без лингвистического опыта) носитель определенного языка может распознать такие тонкие логические различия на глубоком семантическом уровне. Тот факт, что в английском высказывания без оператора типа *I promise to come* в первую очередь толкуются все-таки как перформативные, а не как экзистенциальные, не проливает свет на их семантику, потому что контекст их произнесения слишком мал, чтобы исследователь мог действительно опереться на интуицию своих информантов (GARCÍA-CARPINTERO 2013: 7–8). В самом деле, в статистической выборке нами опрошенных носителей русского языка не было найдено никаких решающих суждений о том, отличаются ли как-то высказывания с оператором *настоящим* и без него и, если да, в какой степени. Можно только наблюдать некоторую сопротивляемость высказываний с оператором чисто констативному толкованию [см. минимальную пару (185)–(186)]:

(185) Я обещаю, что скоро вернусь домой. (✓констативное – ✓перформативное)

(186) *Настоящим* я обещаю, что скоро вернусь домой. (?констативное – ✓перформативное)

Во-вторых, в отличие от английского, где перформативы почти всегда реализуются в 1-м л. ед. ч. през. из. накл. акт. зал.³⁴⁰, реализация перформативов в славянских языках может подвергаться, даже в значительной степени, видовременной оппозиции (в виде двухчленной видовой конкуренции, см. §2.4.1, и трехчленной темпоральной конкуренции, см. §2.4.2), что значительно увеличивает число возможных контекстов и затрудняет формулировку общих выводов. Ограничиваясь пока данными русского языка, в принципе можно сказать, что в НКРЯ не было найдено ни одного контекста, в котором оператор *настоящим* сочетается с перформативами в НП^{CB}. Составленные искусственно контексты, показывающие именно такое необычное сочетание (т.е. *настоящим* + НП^{CB}), информанты считали либо крайне неестественными, либо грамматически неприемлемыми. Заметим, что ради репрезентативности данных в нижеприведенных примерах (187)–(190) употребляются декларация *одобрить*^{CB}, экспозитив *сообщить*^{CB}, комиссив *предложить*^{CB} и директив *запретить*^{CB}. Уместно добавить, что неприемлемость контекстов не зависит от типа

³⁴⁰ Исключением являются некоторые глаголы речи (в том числе также экспозитивы вроде *declare* ‘заявлять’) и некоторые перформативы, употребленные в директивных речевых актах, как *warn* ‘предупреждать’, *order*, *request* ‘требовать’ и т.д., и в декларациях, как *dedicate* ‘посвящать’, которые в определенных контекстах можно найти в прогрессиве. Ср. следующие контексты.: *That horse has won its third race in a row, and I'm betting you \$10 it'll win on Saturday* (ALLAN 2014: 170); *I'm dedicating this fight to all the African people who are fighting for their freedom and independence!* (DE WIT, BRISARD, MEEUWIS 2018: 257–258).

иллокутивного акта. Это может указывать на то, что несовместимость перформативов в НП^{CB} и автореференциального оператора *настоящим* действует на более основной (формальный) уровень:

- (187) */?? Настоящим я одобряю публикацию этой книги.
- (188) */?? Настоящим я вам сообщу, что скоро все будет в порядке.
- (189) */?? Настоящим я предложу провозгласить тост в честь Анны Константиновны.
- (190) */?? Настоящим я тебе запрещаю пойти в кино.

В конечном счете можно сказать, что формальные (синтаксические) критерии, использующиеся для выявления в английском языке различий между констативными и перформативными высказываниями, в русском языке применяются только с ограничениями. Вставка темпоральных операторов *сейчас* и *теперь* (которые, однако, обладают разными семантическими свойствами) в большинстве случаев совсем излишня, если не явно вызывает прагматические аномалии. Вдобавок *сейчас*, как и английский *now*, является индексикалом, который можно мапировать во временные интервалы, не совпадающие с моментом высказывания. Что касается автореференциального оператора *настоящим*, он тоже привязан к перформативу в позиции модификатора глагола (т.е. его передвижение в структуру значительно ограничено). В отличие от английского *hereby*, однако, неясно, как присутствие оператора *настоящим* в высказывании может отличать его категориальное определение (т.е. его толкование как «настоящее» перформативное высказывание) от высказывания без оператора (которому, по мнению Р. Экхардт, в минимальной паре приписывается скорее экзистенциальное толкование). Возможно, эта неясность вытекает не только из разных морфологических моделей кодирования иллокутивной силы автореференциального оператора в русском и английском языках (т.е. падежное маркирование vs. отдельная морфема), но и из возможности разных видовременных проявлений русских перформативов (т.е. НП^{CB} vs. Наст^{HCB}), возможности, которой в общем не существует в английском языке.

По всем этим причинам, хотя и следует придерживаться определения перформативных высказываний, предложенного Р. Экхардт, надо заметить, что некоторые результаты, полученные на материале английского языка, не воспроизводятся с легкостью в русском языке.

4.3. Данные корпусов

Начиная с этого раздела мы будем анализировать данные современного русского языка, принимая во внимание, в первую очередь, релевантные для нашего исследования контексты из основного корпуса НКРЯ и, хотя в меньшей степени, других онлайн источников [напр. Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)³⁴¹, поисковой системы Google и др.]. Отправная точка анализа – это гипотеза, с одной стороны, о том, что доминирующей в перформативном контексте является форма Наст^{НСВ}, а с другой стороны, что в принципе форма НП^{СВ} всегда может конкурировать в перформативном контексте с формой Наст^{НСВ} (и в центре внимания оказывается скорее вопрос о том, почему это не происходит в действительности, а также почему видовременная замена в перформативном контексте не осуществляется при условиях сохранения синонимичности). В следующем параграфе (§4.3.1) мы кратко опишем методологию поиска.

4.3.1. Данные о поиске

Поиск мы проводили следующим образом. Во-первых, через соответствующее окно на странице основного корпуса мы создавали запрос на точный поиск словоформы определенного перформативного глагола – первый раз в 1-м л. ед. ч. Наст^{НСВ} (напр. *прошу*), а второй раз в 1-м л. ед. ч. НП^{СВ} (напр. *попрошу*), тем самым исключая, в целях упрощения поисковой работы, все другие нестандартные перформативные конфигурации (т.е. уже обсужденные Ю. Д. Апресяном отклонения в лице, числе, глагольном времени, наклонении и т.д.). Дополнительное присутствие автореференциального оператора *настоящим* в поиске не уточнялось. Мы проанализировали первые 200 вхождений каждой словоформы, отсортировывая вручную все неподходящие контексты (напр. все констативные и/или описательные предложения, в том числе все предложения, в которых словоформы НП^{СВ} появлялись с чисто будущей референцией). Если по разным причинам в НКРЯ вхождений не было найдено (или их не было найдено в удовлетворительном количестве, т.е. более пяти), мы прибегали к дополнительному поиску по другим базам данных, самой важной из которых является ГИКРЯ.

³⁴¹ ГИКРЯ доступен по ссылке <http://www.webcorpora.ru/en/> (последний доступ: 1 февраля 2021 г.). Поскольку база данных корпуса в процессе постоянного развития и дополнения, доступ к поиску пока предоставляется только по заявке.

Остановимся на описании ГИКРЯ. В отличие от НКРЯ, ГИКРЯ, который был открыт только в 2012 году, является сетевым мегакорпусом, т.е. корпусом, содержащим приблизительно 20 миллиардов словоупотреблений (почти в три раза больше, чем НКРЯ в целом), которые приходятся почти исключительно на социальные сети (напр., ВКонтакте, LiveJournal и т.д.), на популярные форумы, на страницы блогосферы и на интернет-страницы разных информационных агентств (напр., РИА Новости, Росбалт и т.д.). Немного упрощая вопрос, можно сказать, что, в то время как большинство вхождений в НКРЯ взято из литературных и журналистских текстов (т.е. из текстов, представляющих стандартный вариант русского литературного языка), а разговорная и спонтанная речь (в том числе в своих субстандартных вариантах) в общем слабо репрезентирована, ГИКРЯ ставит перед собой задачу проиллюстрировать функционирование именно такого устного и спонтанного речевого взаимодействия, каким является язык интернета со своими различными жанрами, регионализмами, жаргонизмами и даже (в некоторых случаях сильными) орфографическими и формальными отклонениями от литературной нормы. Хотя в общем результаты поиска по ГИКРЯ не противоречат результатам поиска по НКРЯ³⁴², переход к анализу «живого», слабо нормированного языка обосновывается попыткой проследить за еще не утвердившимися в литературной норме тенденциями, которые, однако, уже активно действуют на уровень повседневного общения.

Наконец, в целях снятия двусмысленности каждый неоднозначно толкуемый пример (особенно те примеры с перформативами в НП^{CB}, в которых, на первый взгляд, неясно, идет ли речь о возможном перформативном употреблении или переосмысливается определенная словоформа как пример «простого» будущего времени) был предложен для обсуждения носителям русского языка.

Подчеркнем, что, как уже было сделано в предыдущей главе (см. §3.3 и §3.4), материал был разделен по таксономии иллокутивных актов, предложенной Дж. Серлем (SEARLE 1976). Мы проанализировали поочередно декларации (§4.3.2), экспозитивы (§4.3.3), комиссивы (в том числе перформативные, см. §4.3.4.1, и квазиперформативные комиссивы, см. §4.3.4.2) и директивы (§4.3.5).

³⁴² Ради репрезентативности данных подчеркнем, что результаты запроса по ГИКРЯ подсчитаны только на основе первых 100 контекстов употребления. Сокращение IPM (*instances per million*) обозначает частотность определенной словоформы в идеальном корпусе, содержащем миллион слов.

4.3.2. Декларации

В группу протестированных деклараций вошли следующие глагольные пары (приведем в скобках словоформы, поиск которых мы провели в корпусах):

нарекать ^{НСВ} (<i>нарекаю</i>) / наречь ^{СВ} (<i>нареку</i>)
объявлять ^{НСВ} (<i>объявляю</i>) / объявить ^{СВ} (<i>объявлю</i>)
крестить ^{НСВ} (<i>крещу</i>) / окрестить ^{СВ} (<i>окрещу</i>)
предназначать ^{НСВ} (<i>предназначаю</i>) / предназначить ^{СВ} (<i>предназначу</i>)
отказываться ^{НСВ} (<i>отказываюсь</i>) / отказать ^{СВ} (<i>откажусь</i>) <от чего-либо>
посвящать ^{НСВ} (<i>посвящаю</i>) / посвятить ^{СВ} (<i>посвящу</i>)
каяться ^{НСВ} (<i>каюсь</i>) / покаяться ^{СВ} (<i>покаюсь</i>)
увольнять ^{НСВ} (<i>увольняю</i>) / уволить ^{СВ} (<i>уволю</i>)
освобождать ^{НСВ} (<i>освобождаю</i>) / освободить ^{СВ} (<i>освобожу</i>)
приговаривать ^{НСВ} (<i>приговариваю</i>) / приговорить ^{СВ} (<i>приговорю</i>)

Таблица 9. Русские декларации.

Среди всех перформативов декларации («социальные перформативы», по определению Н. К. Рябцевой, обсужденному в разделе §4.1), как известно, показывают самую высокую степень лексической устойчивости. Это в первую очередь вызывает их стереотипная шаблонность, т.е. их естественное тяготение к проявлению в ограниченных речевых ситуациях, отличающихся социальной формальностью и кодифицированным неизменным языковым протоколом³⁴³. Учитывая тот факт, что они, как правило, обнаруживаются и употребляются только в определенных контекстах, относящихся к неповседневным социальным ситуациям, неудивительно, что их корпусные вхождения в общем довольно ограничены, а также, как мы дальше увидим (см. §4.4.2), что многие информанты с ними не знакомы.

Предполагается, что подавляющее большинство деклараций в русском языке проявляется только в прототипической для перформативов видовременной конфигурации, т.е. в Наст^{НСВ}. Эта гипотеза, в самом деле, подтверждается во многих случаях, особенно для редко

³⁴³ К этому нужно добавить еще одно замечание. Если верно, как мы уже заметили в предыдущих разделах (см. в частности §2.1 и §2.2), что декларации удовлетворяют условиям успешности только в случае их произнесения со стороны уполномоченного лица, это значит, что говорящий, как предполагается, должен уже обладать авторитетом над осуществляющимся событием. В связи с этим, вероятно, дополнительное подчеркивание авторитета говорящего путем видового маркирования (точнее, в форме НП^{СВ}) может легко оказаться излишним, если не прагматически неуместным. Это может частично объяснить почему в декларациях дефолтной перформативной формой в русском языке является Наст^{НСВ}. Другие аргументы в пользу этой гипотезы см. дальше в §4.4.2, §5.3.2 и §5.4.2, а также в заключительном разделе (§6).

встречающихся глаголов. Например, глагол *нарекать*^{НСВ} (в словоформе *нарекаю*) в НКРЯ отыскивается всего 10 раз³⁴⁴, глагол *крестить*^{НСВ} (в словоформе *крещу*) – 33 раза³⁴⁵, а глагол *предназначать*^{НСВ} (в словоформе *предназначаю*^{НСВ}) – всего 7³⁴⁶. В примерах (191)–(193) иллюстрируется перформативное употребление этих трех словоформ [добавим, что в примере (193) отмечается подъем отрицания из положения спецификатора глагольной группы к положению спецификатора предложной группы]:

(191) — *Нарекаю*^{НастНСВ} младенца именем Матвей, — отдавая мокрого и визжащего ребёнка няньке, торжественно произнёс он.

[НКРЯ: Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)]

(192) Подойдя в борту парохода он сказал: — *Крещу*^{НастНСВ} тебя именем «Император».

[НКРЯ: неизвестный. За границей. Телеграммы наших корреспондентов (1912.05.24) // «Русское слово», 1912]

(193) Эти стихи я не для печати *предназначаю*^{НастНСВ}.

[НКРЯ: А. Н. Арбузов. Мой бедный Марат (1964-1980)]

При обращении к другим сетевым источникам оказывается, что соответствующие словоформы НП^{СВ} очень редко засвидетельствованы³⁴⁷, тем более в перформативном контексте [см. примеры (194)–(195), в которых сохраняется очевидная референция к

³⁴⁴ Глагольная пара *нарекать*^{НСВ}/*наречь*^{СВ} для некоторых носителей русского языка звучит немного устаревшей, а вместо нее вошли в употребление стилистически более нейтральные пары *называть*^{НСВ}/*назвать*^{СВ} (для одушевленных и неодушевленных объектов) и *именовать*^{НСВ}/*наименовать*^{СВ} (преимущественно для неодушевленных объектов). Несмотря на стилистическую маркированность первой пары, однако, событие речевых актов наречения, названия или именования включает одних и тех же участников (т.е. субъекта, объект в винительном падеже и имя/название в творительном падеже). Вдобавок, в перформативном контексте не наблюдается различий в видовременном проявлении этих деклараций.

³⁴⁵ Однако по причинам, которые станут яснее в дальнейшем (см. §4.4.2), в корпусах декларация *крестить*^{НСВ} употребляется почти исключительно в констативных высказываниях, напр. в чисто описательных контекстах, а также в своем узком значении. Напомним, что, хотя в современном русском языке установлена глагольная пара *крестить*^{НСВ}/*окрестить*^{СВ}, до недавнего времени глагол *крестить*^{НСВ} относился к довольно узкому (реликтовому) классу неохарактеризованных по виду глаголов общеславянского происхождения, сохранившихся в современном русском языке (ср. с *казнить*^{ДВ}, *жениться*^{ДВ}, *велеть*^{ДВ} и др.; ср. с сербскохорватским двувидовым глаголом *krstiti*^{ДВ} в §5.4.2).

³⁴⁶ Глагол *предназначать*^{НСВ} относится к официально-деловому (канцелярско-бюрократическому) стилю и ограничен почти исключительно такими юридическими документами, как, напр., завещания. Вместо него употребляются скорее двувидовой глагол *завещать*^{ДВ} (который, по очевидным причинам, не может быть проверен в рамках нашего исследования) или глагольная пара *оставлять*^{НСВ}/*оставить*^{СВ} <в наследство> (которая, однако, в перформативном контексте не отличается от глагола *предназначать*^{НСВ}).

³⁴⁷ Глагол *нареку*^{СВ} в НКРЯ засвидетельствован всего 22 раза, а в ГИКРЯ – 50 (IPM = 0,0204; заметим, что в обоих случаях омонимия не снята): глагол *окрещу*^{СВ} в НКРЯ засвидетельствован 11 раз, а в ГИКРЯ – 45 (IPM = 0,0050); глагол *предназначу*^{СВ} в НКРЯ вообще не засвидетельствован, а в ГИКРЯ отмечен всего 10 раз (IPM = 0,0012).

футуральному положению дел]. Вероятно, это является побочным эффектом сформировавшегося (конвенционального) характера этих деклараций:

- (194) Ей пора спать... Пожалуй, я *нареку*^{НПСВ} ее Лаймой Вайкуле. Помнится, была на свете такая певица — рыжая, толстая и большая! Пока, дружок...

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/znamia/2003/11/dikopol.html>]

- (195) И говорит ему Иоанн: я *окрещу*^{НПСВ} тебя, только ты заплати сначала пожертвование в кассу, как положено. И заплатил Иисус, и вошел в Иордан, и крестил его Иоанн.

[ГИКРЯ: https://m.livejournal.com/read/user/tim_pegas/2632]

Тем не менее интересен тот факт, что в противоположность общепринятому мнению, выраженному в литературе, некоторые декларации в Наст^{НСВ} на самом деле могут входить в видовременную оппозицию со своим партнером НП^{СВ}. Это случай, например, перформативов *каяться*^{НСВ} и, хотя в меньшей степени, *объявлять*^{НСВ}.

Декларация *каяться*^{НСВ} (в словоформе *каюсь*) засвидетельствована в НКРЯ 1320 раз, т.е. в девять раз больше, чем *покаяться*^{СВ} (в словоформе *покаюсь*), вхождений которой насчитывается 168³⁴⁸. Обе словоформы обнаруживаются как в перформативных контекстах [см. примеры (196)–(197)], так и в парентетических конструкциях [см. примеры (198)–(199)]. Однако показателен тот факт, что во всех нами принятых во внимание случаях декларация не сохраняет своего исконного, относящегося к религиозной сфере значения (“признаваться <в своих грехах>”, “исповедоваться <перед священником>”), а скорее приобретает переносное значение “признаваться <в вине, ошибке>”, что приближает его к классу экспозитивов:

- (196) *Каюсь*^{НастНСВ}: много лет живу в городе, но ни разу не была в Звоннице, не видела после реконструкции Грановитую палату.

[НКРЯ: Людмила Данилкина. Дикий турист (2013.05.23) // «Новгородские ведомости», 2013]

- (197) А — под строгим секретом Вам — я *покаюсь*^{НПСВ}, что я опять стал мечтать о Запорожье.

[НКРЯ: К. А. Куприна. Куприн — мой отец (1979)]

³⁴⁸ В ГИКРЯ различия несколько смягчены — 85 вхождений *каюсь* (как в перформативных контекстах, так и в парентетических конструкциях) против 56 вхождений *покаюсь*.

(198) [Hetus, nick] Столько раз, помню, пересматривали тогда) А третью, *каюсь*^{НастНСВ}, так и не посмотрела, ибо начало не понравилось, а потом так и не дошли руки.

[НКРЯ: коллективный. Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)]

(199) Ну, а научное обоснование — тебе-то *покаюсь*^{НПСВ} — академик Рядно и Саул мне приделали.

[НКРЯ: Владимир Дудинцев. Белые одежды / Первая часть (1987)]

Заметим, что в примере (197) употребление перформативной словоформы *покаюсь*, как кажется, вызвано конверсационной потребностью, с которой говорящий обращается к своему адресату в строгом сохранении конфиденциального характера сообщения, т.е. настоятельной просьбой авторитетного говорящего к достоверному адресату.

Речевой акт объявления эксплицитным образом, как широко известно, реализуется при помощи перформатива в Наст^{НСВ} (вхождений такой словоформы в НКРЯ обнаруживается 728, а в ГИКРЯ – 75, IPM $\approx 0,9257$). В примере (200) приводится выдержка из «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, в которой главное лицо (т.е. прокуратор) обращается к Понтию Пилату, а в примере (201) – цитата из детектива Семена Данилюка:

(200) *Объявляю*^{НастНСВ} вам, что я не считаю нужным отдавать вас под суд.

[НКРЯ: М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

(201) Второв обвел всех почти ностальгическим взглядом: — Правление в данном составе *объявляю*^{НастНСВ} закрытым. И, подхватив под руку огорошенного Рублева, вышел через заднюю дверь.

[НКРЯ: Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

В некоторых контекстах, однако, словоформа НП^{СВ} *объявлю* (203 вхождения в НКРЯ, 78 в ГИКРЯ, IPM = 0,2094) также может появляться в перформативном контексте. Речь идет преимущественно о единичных речевых ситуациях, охарактеризованных некоторой степенью (либо естественной, либо искусственной) торжественности, в которых лексическая семантика перформатива приближается к семантике таких экспозитивов, как, напр., *сообщаю* [в примере (202)] и *заявляю* [в примере (203)]³⁴⁹:

³⁴⁹ Что касается примера (203), заметим, что толкование как потенциальное будущее время предпочитает (или, по крайней мере, допускает) большинство информантов.

(202) Главного героя воспоминаний *объявлю*^{НПСВ} пока так: певец Кривченя.

[НКРЯ: Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999)]

(203) Вот есть человек, который, как я считаю, посажен в тюрьму несправедливо. Допустим, Ходорковский. И я, Юлия Латынина, *объявлю*^{НПСВ}, что в такой-то день и час я полезу к нему через колючку в тюрьму. И я полезу. И в меня будут стрелять.

[ГИКРЯ: <https://m.livejournal.com/read/user/saponom/10395>]

Особого внимания заслуживают декларации *приговаривать*^{НСВ}/*приговорить*^{СВ} и *увольнять*^{НСВ}/*уволить*^{СВ}, которые отличаются от других «социальных» перформативов присутствием говорящего, имеющего эксплицитно более высокое социальное положение, по сравнению с его адресатом (т.е. в иллокутивном акте приговора судья по отношению к обвиняемому, а в иллокутивном акте увольнения начальник по отношению к работнику). Случай интересен тем, что канонической формой этих двух перформативов является пассивно-результативная конструкция с краткой формой страдательного причастия прошедшего времени [см. примеры (205)–(206)], в то время как словоформы в *Наст*^{НСВ} [см. примеры (207)–(208)] обнаруживаются со значительно меньшей частотностью, а словоформы в *НПСВ* [см. единичный пример (209)] являются прагматически маркированными исключениями³⁵⁰.

Пример (204), который изначально был включен в список перформативных высказываний с декларацией в *НПСВ*, большинство информантов не сочли подходящим:

(204) Я информирую депутатов, что Соединенные Штаты послали шпионский самолет в глубь территории СССР, и *объявлю*^{НПСВ}, что наши доблестные ракетчики сбили нарушителя.

[НКРЯ: Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)]

Несмотря на то, что декларации в *НПСВ* *объявлю* предшествует эксплицитный экспозитивный речевой акт с перформативом в *Наст*^{НСВ} *информирую*, здесь речь идет о типичном проспективном употреблении агентивного глагола в *Наст*^{НСВ} (заметим также, что глагол *информировать* сам по себе можно употреблять как двувидовой). Об этом свидетельствует предшествующий ему отрывок (204'):

(204') — Товарищи, гвоздем завтрашней сессии Верховного Совета станет вопрос об американском шпионском самолете, который мы сбили на Урале. Я информирую депутатов, [...]

³⁵⁰ Что касается примера (209), информанты не исключают возможности, что речь идет либо о будущем времени, либо о (ненормативной) игре слов говорящего и/или о конверсационном фокусе на перлокутивном эффекте угрозы (на такое объяснение, по-видимому, указывает присутствие темпорального оператора *сейчас*, который мы уже рассмотрели в §4.2). Однако контекст слишком скуден, чтобы прояснить вопрос. С другой стороны, словоформа *уволю*^{СВ} (200 вхождений в НКРЯ, 70 – в ГИКРЯ, $IPM \approx 0,0942$) никогда не обнаруживается в перформативном контексте. Такие примеры, как (210), информанты толкуют исключительно как неперформативные иллокутивные акты с подоплекой угрозы:

(205) — Вы *приговорены*, — торжественно огласил судья, — к исключительной мере наказания — расстрелу!

[НКРЯ: Сергей Довлатов. Когда-то мы жили в горах (1985)]

(206) Дармоеды... Устраивают, понимаешь, мне бойкоты убийственно ярким молчаньем! Вы *уволены*, говны, до истечения срока полномочий! Всей бредовой, диких мыслей командой!

[НКРЯ: Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011]

(207) Говорит судье: ты отъявленный мерзавец, все судишь в пользу богачей! *Приговариваю*^{НастНСВ} тебя к смертной казни!

[НКРЯ: Дина Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999]

(208) — Не знаю, как отблагодарить вас, мистер Джексон... — Вторая новость — я вас немедленно *увольняю*^{НастНСВ}. Теперь будете знать, бездельник, какое хорошее место вы потеряли!

[НКРЯ: Коллекция анекдотов: работа (1990-2000)]

(209) Я сейчас *приговорю*^{НПСВ} тебя к высшей мере наказания - расстрелу через забанивание! :) Какая нахрен рухлядь - это уже антиквариат полноценный, просто неухоженный и неотреставрированный.

[ГИКРЯ: https://m.livejournal.com/read/user/9_3viggen/202201/comments/p1]

Как мы уже заметили (см. сноску 114 в §2.3.1), эти пассивно-результативные конструкции в перформативном контексте типологически весьма распространены (см. также похожую картину в сербскохорватском в §5.3.2). Тем более, декларации, связанные с возможностью такого синтаксического кодирования в перформативном контексте, являются одинаковыми во всем мире. Решение вопроса о том, каковы (формальные и функциональные) причины на основе этой тенденции явно выходит за рамки настоящей диссертации. Однако можно заметить, что в обоих случаях употребление пассивно-результативной конструкции

(210) — Довлатов, — исполненным муки голосом произнес Туронок, — Довлатов, я вас *увольню*^{НПСВ}... За попытки дискредитировать все самое лучшее... Оставьте в покое своего засранного эфиопа!

[НКРЯ: Сергей Довлатов. Компромисс (1981-1984)]

служит некоторой прагматической (модальной) дефокализацией, снимающей «бремя» ответственности с плеч говорящего, т.е., иными словами, употреблением форм *приговорен* (/ -а, -ы), *уволен* (/ -а, -ы) вместо «канонических» *приговариваю*^{НастНСВ}, *увольняю*^{НастНСВ} основное внимание переключается с говорящего на адресата, который несет полную ответственность за (прежде всего негативные, а может быть, и позитивные)³⁵¹ результаты своих действий (своего поведения). Данный вопрос, однако, требует отдельного рассмотрения.

4.3.3. Экспозитивы

В группу протестированных экспозитивов вошли следующие глагольные пары (в скобках – использованные для поиска словоформы):

предполагать ^{НСВ} (<i>предполагаю</i>) / предположить ^{СВ} (<i>предположу</i>)
повторять ^{НСВ} (<i>повторяю</i>) / повторить ^{СВ} (<i>повторю</i>)
сравнивать ^{НСВ} (<i>сравниваю</i>) / сравнить ^{СВ} (<i>сравню</i>)
сообщать ^{НСВ} (<i>сообщаю</i>) / сообщить ^{СВ} (<i>сообщу</i>)
напоминать ^{НСВ} (<i>напоминаю</i>) / напомнить ^{СВ} (<i>напомню</i>)
заявлять ^{НСВ} (<i>заявляю</i>) / заявить ^{СВ} (<i>заявлю</i>)
докладывать ^{НСВ} (<i>докладываю</i>) / доложить ^{СВ} (<i>доложу</i>)
возражать ^{НСВ} (<i>возражаю</i>) / возразить ^{СВ} (<i>возражу</i>)
добавлять ^{НСВ} (<i>добавляю</i>) / добавить ^{СВ} (<i>добавлю</i>)
признаваться ^{НСВ} (<i>признаюсь</i>) / признаться ^{СВ} (<i>признаюсь</i>)

Таблица 10. Русские экспозитивы.

В отличие от деклараций, в видовременном функционировании которых наблюдается устойчивая закономерность (за редкими исключениями), экспозитивы в русском языке являются далеко не однородной группой глаголов. Большинство из них относится к общему

³⁵¹ Примером вызывающей позитивную ответственность декларации является глагольная пара *нанимать*^{НСВ}/*нанять*^{СВ}. На такую декларацию действуют даже более строгие формальные ограничения: высказывание *Я Вас нанимаю*, в отличие от антонимического высказывания *Я Вас увольняю*, имеет только квазиперформативный характер (похожим образом, что и англ. *I'm hiring you*, ит. *La assumo* и т. д.), в то время как «канонические» перформативные высказывания скорее реализуются путем пассивно-результативных конструкций вроде *Вы наняты*, англ. *You are hired*, ит. *Lei è assunto* (/ è dei nostri, букв. 'Вы один/одна из нас') и т. д. Причины такой асимметрии пока остаются неясными, хотя уместно предположить, что некоторую роль играет информационная структура сообщения (в первой позиции выступает информационно «старое», т.е. субъект, а во второй – информационно «новое», т.е. конкретный результат действия – увольнение, приговор, наем и т.д.) и намерение говорящего сделать акцент на последствиях такого действия, которые в зависимости от события могут повредить либо поддержать позитивное лицо адресата. За ценные замечания по этому поводу благодарю профессора Сару Джезуато.

классу «ментальных» перформативов (по определению Н. К. Рябцевой, обсужденному в §4.1), т.е. ретических перформативов, при помощи которых говорящий выражает разными речевыми способами свое мнение (свой комментарий) относительно некоторого, уже существующего, положения дел. Среди глаголов речи, однако, часть элементов представляет собой гибридные лексемы, которые имеют некоторые общие свойства с тетическими перформативами (прежде всего, признак автореференциальности). Это, например, случай глагольной пары *докладывать*^{НСВ}/*доложить*^{СВ} (см. сноску 164 в §2.6), которая в перформативном контексте не только описывает речевой способ обращения к внешнему положению дел, но и фактически является настоящим докладыванием. В конечном счете, третья группа глаголов употребляется как в «настоящих» перформативных контекстах, так и в прилегающих к ним в прагматическом континууме парентетических конструкциях. Членом этой группы является глагольная пара *признаваться*^{НСВ}/*признаться*^{СВ}.

В связи с социальным положением участников в событии речевого акта, заметим, что почти все протестированные нами экспозитивы нейтральны по этому признаку, т.е. они могут в равной степени употребляться в разных коммуникативных ситуациях с разными участниками (т.е. если говорящий и адресат равноправны по статусу или если один из них превосходит другого в статусе). Единичным исключением является опять же глагольная пара *докладывать*^{НСВ}/*доложить*^{СВ}: в событии, отображаемом предикатом, требуется в принципе присутствие субъекта/говорящего, который по социальному статусу находится в более низком положении, чем его/ее адресат (напр., солдат по отношению к полковнику; об этом см. подробнее в §4.4.2).

Показателен тот факт, что за частичным исключением глагольных пар *возражать*^{НСВ}/*возразить*^{СВ} и *заявлять*^{НСВ}/*заявить*^{СВ} (а эти глаголы употребляются в официальных контекстах, уже окрашенных формальностью) по корпусным данным все экспозитивы допускают видовременное чередование (Наст^{НСВ} vs. НП^{СВ}) в перформативном контексте³⁵². В целом, хотя в НКРЯ проценты вхождений в Наст^{НСВ} намного превышают проценты вхождений в НП^{СВ} (напр., глагол *повторяю*^{НСВ} появляется 11710 раз, а видовой партнер *повторю*^{СВ} – в девять раз меньше, всего 1680 – как в констативных, так и в перформативных высказываниях), перформативное проявление экспозитивов в НП^{СВ} все-таки засвидетельствовано с относительной частотностью (т.е. такие словоформы не проявляются в единичных контекстах). В примерах (211)–(212) приводятся в контрастивных целях два отрывка из выступления президента В. В. Путина (2004 г.), в которых обнаруживаются

³⁵² Из списка исключены, по уже упомянутым причинам, все вхождения в 1-м л. мн. ч., которые все-таки являются характерными для целого класса, особенно в научном дискурсе.

квазисинонимические формы $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$ (*повторяю*) и $\text{НП}^{\text{СВ}}$ (*повторю*). Однако в то время как в примере (211) словоформа в $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$ употреблена в парентетической конструкции, в примере (212) словоформой в $\text{НП}^{\text{СВ}}$ (которая, заметим, управляет клаузуальным дополнением, введенным комплементатором *что*) говорящий возвращается к предыдущему ходу рассуждений и добавляет дополнительный аргумент к уже сказанному. Иными словами, при выражении временной последовательности словоформа в $\text{НП}^{\text{СВ}}$ служит последним логическим звеном выступления³⁵³:

(211) Это касается, *повторяю* $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$ ещё раз, и геологоразведки, и добычи, и поставок необходимого оборудования.

[НКРЯ: В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004]

(212) Но *повторю* $\text{НП}^{\text{СВ}}$ ещё раз, что Россия, со своей стороны, эти проекты поддержит.

[НКРЯ: В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004]

Похожей закономерности, как кажется, следуют глагольные пары *предполагать* НСВ /*предположить* СВ [см. примеры (213)–(214)] и *напоминать* НСВ /*напомнить* СВ [см. примеры (215)–(216)]³⁵⁴. По мнению информантов, хотя формы в $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$ частотнее и в первую очередь приходят на ум, формы $\text{НП}^{\text{СВ}}$ тоже возможны, особенно в тех случаях, когда

³⁵³ Это замечание полностью соответствует гипотезе о том, что присутствие предшествующего контекста является подходящей предпосылкой для лицензирования перформативных словоформ в $\text{НП}^{\text{СВ}}$, по крайней мере это касается экспозитивов (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018).

³⁵⁴ Интересно, что в НКРЯ вхождений словоформы *напомню* СВ отыскивается почти в три раза больше, чем словоформы *напоминаю* НСВ (1166 vs. 2926), в то время как в ГИКРЯ среди первых 100 результатов обнаруживается по 92 вхождения каждой словоформы (IPM $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$ = 1,1799, $\text{НП}^{\text{СВ}}$ = 3,1267).

Неожиданное различие в статистическом распределении может намекать на фиксированный характер оборотов с формой в $\text{НП}^{\text{СВ}}$. Ср. эти данные, например, с похожими процентами, которые показывает глагольная пара *добавлять* НСВ /*добавить* СВ (372 вхождения словоформы *добавляю* НСВ vs. 1376 вхождений словоформы *добавлю* СВ в НКРЯ, 88 vs. 97 в ГИКРЯ; IPM $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$ = 0,2103, $\text{НП}^{\text{СВ}}$ = 0,7726). Вероятно, на необычное видовременное маркирование здесь может влиять естественный компонент рематичности (т.е. вклад новой информации в контекст), заложенный в лексическую семантику глагола, который прежде всего ассоциируется с СВ. Ср. следующие примеры (217)–(218):

(217) Радостно *добавляю* $\text{Наст}^{\text{НСВ}}$: да попросту сволочной, и легкость такого моего заявления оправдана тем, что таковым же «герой» считает и мой нрав.

[НКРЯ: С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)]

(218) Что же касается еврейских ритуальных убийств, то по этой части Даль не был авторитетом — в этом я полностью согласен с г-ном Панченко. *Добавлю* $\text{НП}^{\text{СВ}}$ только, что Даль на это не претендовал.

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/zachem-zhe-snova-pyatnat-v-i-dalya.html>]

говорящий хочет смягчить интенсивность иллокутивной силы своего высказывания: см., в частности, пример (216), в котором собственное предложение говорящего, которому он отдает свое предпочтение, сделано только после того, как предыдущие предложения уже рассмотрены и обсуждены³⁵⁵:

- (213) [navalny, nick] *Предполагаю*^{НастНСВ}, что это пост не добавит мне популярности, но тут я занимаю жёсткую и агрессивную позицию: запреты, запреты и еще раз запреты.

[НКРЯ: коллективный. Форум: Всемирный день борьбы с курением (2011)]

- (214) [zloradskij, муж] *Предположу*^{НПСВ} скорее вариант, что похотливый дед противопоставил химии дипломатию и обхитрил смерть умением высовывать язык на фут.

[НКРЯ: коллективный. Форум: Неравный брак (2013)]

- (215) Настоятельно *напоминаю*^{НастНСВ} (sic!), что мы сегодня читаем, всё ещё "Анафем" Стивенсона, слегка перевалив за его середину.

[ГИКРЯ: <https://m.livejournal.com/read/user/arrina/337979>]

- (216) *Напомню*^{НПСВ}, что узаконенная форма «митець» не является результатом этимологических изменений: она создана искусственно — это гибрид из слов «мистець» (что означает «мастер») и «метець» — ловкач, проныра, мошенник...

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/sp/2011/13/zerkalcze-dlya-zadzerkallya.html>]

В противоположность принятому в литературе мнению, видовременная оппозиция охватывает бóльшее количество экспозитивов, в том числе, что несколько удивительно, глагольные пары *сообщать*^{НСВ}/*сообщить*^{СВ} и *докладывать*^{НСВ}/*доложить*^{СВ}. Однако в этих случаях выбор той или иной видовременной конфигурации ограничен и влечет за собой ощутимые семантические и прагматические различия.

«Канонической» перформативной формой в иллокутивном акте сообщения является, как правило, *Наст*^{НСВ} *сообщаю* (всего 1324 вхождения в НКРЯ), как указано в примерах (219)–(220):

³⁵⁵ О возможных причинах этого явления, которое, как кажется, расходится с гипотезой о взаимосвязи между СВ и признаком авторитета со стороны говорящего, см. дальше в §4.5.

(219) Прошу Вас застраховать гражданскую ответственность Страхователя возместить ущерб, нанесенный жизни и здоровью, имуществу третьих лиц на выставке. *Сообщаю*^{НастНСВ} следующую информацию: 1. Полное наименование Страхователя (с указанием организационно-правовой формы): [...]

[НКРЯ: Заявление на страхование гражданской ответственности (2004)]

(220) *Сообщаю*^{НастНСВ} новость: мне дали стипендию в университете Торонто.

[НКРЯ: Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]

Замена формы *Наст*^{НСВ} формой *НП*^{СВ} *сообщу* (всего 1536 вхождений в НКРЯ) в принципе возможна, однако способствует включению в темпоральный аргумент перформатива чисто футурального компонента. На это намекает, напр. в примере (221), отсутствие реализованного на поверхности прямого дополнения, соблюдающего условия локальности с вершиной глагольной группы [см. <следующую информацию> в примере (219), а <новость> в примере (220)], а также присутствие двоеточия, которое наглядно сигнализирует просодическую паузу в дискурсе. В связи с этим точнее будет сказать, что речевой акт сообщения в примере (221) разделен на две части, т.е. подготовительная фаза к выражению сообщения («установление сцены»), а потом само сообщение:

(221) Крымов с тем же угрюмым видом, с каким слушал его, сказал: — Пользуясь тем, что мы родственники, *сообщу*^{НПСВ} вам: Бухарин и охранка у меня не умещаются в голове и не уместятся.

[НКРЯ: Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

Те же синтаксические особенности наблюдаются также в примере (222), где появляется фразеологический оборот *сообщить* <для сведения> (“осведомить <кого-либо>”):

(222) Одним из основных нарушений на воде является управление маломерными судами без специальных документов, дающих право на вождение плавающих средств. *Сообщу*^{НПСВ} для сведения, что подготовку «капитанов» ведет Государственная инспекция по маломерным судам.

[ГИКРЯ: <https://ria.ru/20090611/174098515.html>]

Что касается экспозитивного иллокутивного акта докладывания, в подавляющем большинстве случаев в перформативном контексте находится форма Наст^{НСВ} *докладываю* (всего 662 вхождения в НКРЯ). Учитывая тот факт, что этот перформатив можно употреблять при предположении, что существует разница в социальных положениях участников в событии речевого акта (см. выше), результат сам по себе не удивителен [см. пример (223)]:

(223) *Докладываю*^{НастНСВ}, что на протяжении 1964-1965 годов органами государственной безопасности был раскрыт ряд антисоветских групп, в той или иной форме проводивших подрывную работу против советского социалистического строя, политики КПСС, участники некоторых групп пытались даже пропагандировать идеи реставрации капитализма в нашей стране.

[НКРЯ: Александр Яковлев. Омут памяти. Т.2 (2001)]

Вопреки ожиданиям, форма НП^{СВ} *доложу* (всего 2198 вхождений в НКРЯ) также приемлема в перформативном контексте, но только в фиксированных (парентетических) оборотах (ср. с §4.4.3) с разными контекстуально определенными значениями [“сказать”, “признаться”, см. пример (224)], слегка окрашенными шутливостью [см. пример (225)]:

(224) У вас, *доложу*^{НПСВ} я вам, были все условия, какие только может предоставить человеку природа: жилье на тихой псковской улице, старые липы у окна и хорошая музыка за стеной.

[НКРЯ: Евгений Водолазкин. Лавр (2012)]

(225) Я пьянею и вдруг с важностью информирую его, что написал несколько рассказов, что это удивительное чувство. Но он не прост, *доложу*^{НПСВ} вам! — он будто бы и ждал, что я могу об этом начать.

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2008/1/u-menya-dyrka-v-vedre-dorogaya-liza-dorogaya-liza.html>]

Наиболее устойчивыми к видовременному противопоставлению в перформативном контексте, как уже сказано, являются глагольные пары *возражать*^{НСВ}/*возразить*^{СВ} и *заявлять*^{НСВ}/*заявить*^{СВ}, которые регулярно проявляются в Наст^{НСВ} [см. примеры (226)–(227)]:

(226) Категорически *возражаю*^{НастНСВ} против того, что решения, принятые после съезда и воплощенные в новой структурной модели кинодела, оказались роковыми для нашей кинематографии, что команда Элема Климова прокламировала нигилизм по отношению к истории нашего кино.

[НКРЯ: Армен Медведев. Территория кино (1999-2001)]

(227) — Я публично *заявляю*^{НастНСВ}, что ни одному ребенку по причине отсутствия регистрации не будет отказано в приеме в первый класс.

[НКРЯ: коллективный. «Ни одному ребенку не будет отказано...» // «Русский репортер», 2012]

Единичные случаи, в которых соответствующие словоформы НП^{СВ} *возражу* и *заявлю* могут появляться в перформативном контексте, не являются «настоящими» (т.е. прагматически нейтральными) иллокутивными актами возражения и заявления, но в них скорее возникают разные модальные оттенки, преимущественно связанные с (искусственным) передвижением темпорального аргумента перформатива к плану будущего³⁵⁶ [см. примеры (228)–(229)]:

(228) А мне кажется, что социализм и капитализм как раз конгруэнтны, потому что, например, научно-технический прогресс развивается там и тут! А по второму пункту я *возражу*^{НПСВ}, что весь мир движется к своей цели, опираясь на единый алгоритм, то есть и человек растет, и дерево растет по единому образцу.

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/ballada-o-bludnom-syne-otrochestvo-yunost-i-tak-dalee.html>]

(229) Из тугого, как обмылок, желания разве не может родиться дружба, и чувство? Я прямо и честно *заявлю*^{НПСВ}: мне «этого» надо много.

[НКРЯ: Сергей Есин. Стоящая в дверях // «Наш современник», 1992]

³⁵⁶ Сходную функцию, например, в итальянском языке может выполнять т.н. «аттенуативное» будущее (которое преимущественно осуществляется с общими глаголами речи), в предложениях вроде *Ti confesserò che l'ultimo disco degli Aukcyon non mi è piaciuto* 'Вот тебе скажу (букв. 'признаюсь'), что последняя пластинка Аукциона мне не понравилась'. «Аттенуативное» будущее употребляется, чтобы создать межличностное расстояние между участниками в событии речевого акта, тем самым смягчить интенсивность иллокутивной силы высказывания, особенно в тех случаях, в которых считается, что пропозициональное содержание сообщения может быть вредным и/или нежелательным для адресата (BERTINETTO 1986: 486–487).

Заключительное замечание про экспозитивы касается глагольной пары *признаваться*^{НСВ}/*признаться*^{СВ}. Как известно, перформативные словоформы в *Наст*^{НСВ} и в *НП*^{СВ}, хотя и формально принадлежат к разным классам спряжения, по сути различаются положением ударения, которое в перформативной словоформе *Наст*^{НСВ} падает на последний слог (*призна́юсь*), а в перформативной словоформе *НП*^{СВ} – на предпоследний (*призна́юсь*). Таким образом, в целях снятия двусмысленности нужно провести поиск по акцентологическому корпусу (в других подкорпусах НКРЯ, а также в ГИКРЯ трудно понять, к какой инфинитивной форме относится графически безударная словоформа), где ударение всегда проставлено.

Анализ показывает, что вхождений обеих словоформ насчитывается почти одинаковое количество. Как *призна́юсь*^{НастНСВ}, так и *призна́юсь*^{НПСВ} часто употребляются в квазиперформативных контекстах (напр. в парентетических конструкциях, отделенных от главного предложения), без значительных семантических различий [см. примеры (230)–(231)]. Однако в нашей выборке только *призна́юсь*^{НПСВ} лицензирует клаузальное дополнение, введенное эксплицитным комплементатором [напр. *что*, см. пример (232)], в то время как *призна́юсь*^{НастНСВ} комплементатора обычно не выбирает [см. пример (233)]:

(230) [29, Шиллер, Павел Деревянко, 1976, муж] Како́во моё положéние? Бо́же. Я́ / *призна́юсь*^{НастНСВ} / немно́го смути́лся. Выхожу́ / понима́ете ли / натурáльно в халáте. Ой.
[НКРЯ: Гиви Шавгулидзе, Мариэтта Захарян, Николай Гоголь, Павел Лунгин, Юрий Арабов.
Дело о «Мертвых душах» / к/ф (2005)]

(231) [политический деятель, Зюганов Геннадий Андреевич, муж] Но меня́ порази́ло и друго́е/ *призна́юсь*^{НПСВ} ва́м откровéнно.

[НКРЯ: Пресс-конференция председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова (2016)]

(232) [32, журналист, Казанский, муж] Че́стно призна́юсь / и мне́ каза́лось до игры́ / что фавори́т-то «Ба́зель» / с учётом того́ / что у них и соста́в уже́ сб́итый / у них не́т таки́х гигáнтских ка́дровых пробле́м/ и то́ / что кома́нда в конце́ концóв игра́ет уже́ сво́й чемпио́нат.

[НКРЯ: Денис Казанский. Спортивный репортаж: футбол. «Базель» (Швейцария) – «Спартак» (Россия) 1/16 финала Лиги Европы. 18.02.2011 (2011) // Телеканал НТВ+, прямой эфир]

(233) [56, Армстронг, Анатолий Ромашин, 1931, муж] Запрещённая операция? Не так ли?
Признаюсь^{НПСВ} / я в полном замешательстве. Имя моей жертвы... хм... мне ни о чём не
говорит!

[НКРЯ: Агата Кристи, Станислав Говорухин. Десять негритят, к/ф (1987)]

4.3.4. Комиссивы

При анализе отличаются «настоящие» комиссивные перформативы (§4.3.4.1) от квазиперформативных (§4.3.4.2).

4.3.4.1. Перформативные комиссивы

В группу протестированных перформативных комиссивов вошли следующие глагольные пары (в скобках – использованные при поиске):

обещать ^{ДВ} (<i>обещаю</i>) / (пообещать ^{СВ}) (<i>пообещаю</i>)
присягать ^{НСВ} (<i>присягаю</i>) / присягнуть ^{СВ} (<i>присягну</i>)
заверять ^{НСВ} (<i>заверяю</i>) / заверить ^{СВ} (<i>заверю</i>)
ручаться ^{НСВ} (<i>ручаюсь</i>) / поручиться ^{СВ} (<i>поручусь</i>)
клясться ^{НСВ} (<i>клянусь</i>) / поклясться ^{СВ} (<i>поклянусь</i>)
спорить ^{НСВ} (<i>спорю</i>) / поспорить ^{СВ} (<i>поспору</i>)
предлагать ^{НСВ} (<i>предлагаю</i>) / предложить ^{СВ} (<i>предложу</i>)
давать ^{НСВ} (<i>даю</i>) / дать ^{СВ} (<i>дам</i>) <(свое) слово>

Таблица 11. Русские перформативные комиссивы.

Случай перформативных комиссивов в русском языке является весьма интересным. С одной стороны, автопрескриптивный характер соответствующих речевых актов (т.е. удовлетворение условиям их успешности при выполнении определенного действия, которое говорящий обязывается осуществить перед своим собеседником) приближает комиссивы к декларациям, т.е., вносит изменение в существующее положение дел: в частности, спорить на что-либо фактически значит держать пари, обещать что-либо кому-либо фактически значит осуществить акт обещания (т.е. на самого говорящего возложена обязанность по выполнению ожидаемого действия, а его невыполнение приводит к нарушению условий успешности речевого акта), присягать кому-либо фактически значит торжественно заверить собеседника, что какие-то обязательства будут соблюдены и т.д. Эта логико-семантическая близость между

комиссивными речевыми актами и декларациями выделяется также на формальном уровне, т.е., выражается в их тяготении к появлению в первую очередь в устойчивых, неизменных оборотах (прежде всего, в канонической конфигурации в Наст^{НСВ}).

Следует, однако, заметить, что, в отличие от деклараций не все комиссивы функционируют подобным образом. Среди них некоторые элементы (напр. *присягать*) употребляются скорее в официальных (торжественных) коммуникативных ситуациях, объединенных обязательным присутствием уполномоченного (назначенного) лица/агенса. Многие другие, однако, регулярно используются разными говорящими/агенсами и в повседневных ситуациях, без дополнительного (и обязательного) указания на возможное различие в социальном статусе участвующих в событии речевого акта.

В противоположность часто высказывавшемуся в литературе мнению, в перформативном контексте большинство комиссивов может проявляться не только в форме Наст^{НСВ} (которая в целом остается дефолтной видовременной формой), но и в НП^{СВ}. По этому поводу наблюдается интересное различие между корпусными данными: в то время как в НКРЯ частотность вхождения комиссивов в НП^{СВ} бывает относительно низкой, в ГИКРЯ отыскивается намного больше подходящих контекстов. Это может отражать соответствующее различие в частотности и распределении перформативов в НП^{СВ} между уровнями строго литературного (который теснее придерживается прототипической конфигурации в Наст^{НСВ}) и более разговорного языка (в котором при удовлетворении некоторых условий формы в НП^{СВ} свободнее допускаются).

Особенно показателен случай двувидового глагола *обещать*^{ДВ}, который уже в начале XVII века приобрел свой приставочный коррелят СВ *пообещать*^{СВ} (в засвидетельствованной инфинитивной форме *пообѣцати*, см. СРЯ 1975-2015, XVII: 68) и на котором следует ненадолго остановиться. В отличие от чисто двувидовых глаголов (вроде *завещать*^{ДВ}, *казнить*^{ДВ} и др.), глагол *обещать*^{ДВ} в современном русском языке не всегда можно употреблять в подходящих для глаголов СВ контекстах, напр. его употребление в цепочке наряду с другими глаголами СВ в целях обозначения последовательности событий значительно ограничено в пользу *пообещать*^{СВ} (примеры см. в ЗАЛИЗНЯК, МИКАЭЛЯН, ШМЕЛЕВ 2015: 84). Более того, как мы уже видели (см. §4.1), в отличие от словоформы *обещаю*^{НастНСВ}, словоформа *пообещаю*^{НПСВ} как в констативном, так и в перформативном контексте не может появляться самостоятельно, т.е. без клаузуального дополнения, что указывает, с одной стороны, на возможное различие в синтаксической репрезентации управления двух комиссивов, а с другой стороны, на тот факт, что глагол *обещать*^{ДВ} постепенно теряет свои исходные черты двувидовости и подвергается перестройке в видовой

системе современного русского языка при включении в новую, полноценную видовую пару с партнером *пообещать*^{СВ}.

В перформативном контексте словоформа *обещаю*^{НастНСВ} превосходит по частотности употребления словоформу *пообещаю*^{НПСВ} (по статистике, в НКРЯ найдено 3040 вхождений *обещаю* vs. 38 вхождений *пообещаю*). Словоформа в Наст^{НСВ} обнаруживается как без дополнительных обстоятельств [см. пример (234), в котором иллокутивная сила акта обещания подкрепляется последующим актом клятвы, реализованным эксплицитным комиссивом *клянусь*^{НастНСВ}], так и в синтаксическом сочетании с клаузальным дополнением без комплементатора [см. пример (235)], а также при наличии наречий, указывающих на способ действия [см. пример (236)]:

(234) — Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще. — *Обещаю*^{ДВ} и клянусь! — торжественно произнес Иван. Клятву скрепили рукопожатием, и тут из коридора донеслись мягкие шаги и голоса.

[НКРЯ: М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

(235) *Обещаю*^{ДВ} биться за каждый мяч и демонстрировать все, что умею, чтобы болельщики ЦСКА не сочли потерю Кириленко.

[НКРЯ: Дмитрий Навоши. Мирсад Туркан: «Сделаю все, чтобы армейские болельщики не заметили потери Кириленко» // «Известия», 2001.08.03]

(236) Уж по крайней мере столько, сколько наломали дров Романовы, мы не допустим, это я тебе, Шепетуха, твердо *обещаю*^{ДВ}!

[НКРЯ: Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]

Словоформа *пообещаю*^{НПСВ} намного чаще обнаруживается в ГИКРЯ (всего 68 вхождений среди первых 100 результатов, и приблизительно 40% из них – перформативные), как в газетных статьях, так и в относящихся к блогосфере текстах. В большинстве случаев глагол управляет клаузальным дополнением, введенным комплементатором *что* [см. примеры (237)–(239)].

В примере (237) цитируется заявление 2011 г. тогдашнего капитана футбольного клуба «Локомотив» Д. В. Лоськова, который своим высказыванием берет на себя всю ответственность со стороны команды:

(237) Как капитан *пообещаю*^{НПСВ}, что мы будем изо всех сил стараться пополнять коллекцию музея российскими и международными трофеями высокой пробы", - отметил Лоськов.

[ГИКРЯ: <https://ria.ru/20111124/497066990.html>]

Похожим образом, в примерах (238)–(239) говорящие ведут себя так, как будто они обязываются перед своими адресатами выполнить не просто обещание, а торжественную присягу, т.е. в их высказываниях отчетливо выделяется указание на межличностный авторитет:

(238) И вот сейчас я себе твердо *пообещаю*^{НПСВ}, что когда-нибудь от чистого сердца я скажу это, я буду чувствовать так.

[ГИКРЯ: <https://m.livejournal.com/read/user/darinasnowqueen/2013>]

(239) Пожалуй, *пообещаю*^{НПСВ} Вам, что за оставшиеся полтора года обучения постараюсь еще более улучшить отношения и взаимопонимание внутри группы, по возможности подтяну отстающих, ведь какими бы посторонними они не были, все равно все свои.

[ГИКРЯ: <https://m.livejournal.com/read/user/trance491/20773>]

Заметим, что отсутствие клаузуального дополнения (с комплементатором или без него) вызывает констатиное (т.е. футуральное) толкование контекста, как в примере (240):

(240) Ничего, переживет. Обидно, конечно... Посулю что-нибудь... Обласкаю, поговорю, *пообещаю*^{НПСВ}... Может, место кушбеги освободится?

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/october/2012/7/vozvrashhenie-v-panchrud.html>]

Косвенным доказательством того, что присутствие словоформы *пообещаю*^{НПСВ} в перформативном контексте связано с проявлением прагматического признака авторитета говорящего может являться закономерность в употреблении более торжественного комиссива *присягать*^{НСВ}/*присягнуть*^{СВ}, который в перформативном контексте никогда не реализуется маркированной словоформой НП^{СВ} *присягну*. Если мы свяжем словоформу в НП^{СВ} с проявлением авторитета говорящего, т.е. с вариацией в интенсивности (с усилением) иллокутивной силы высказывания, то станет понятнее, почему в данном контексте такие формы неприемлемы: это, в свою очередь, нарушение грайсовской максимы количества (т.е.

избыточная информация о том, что говорящий в коммуникативной ситуации владеет авторитетом, что уже ясно из структуры иллокутивного акта):

- (241) — Я, рядовой Тепурджиди Александр Владимирович, — доходит очередь до Саши, — торжественно *присягаю*^{Наст^{НСВ}} (**присягну*^{НП^{СВ}}) на верность своей Родине.

[НКРЯ: Василий Гулин. Клятва Тепурджиди // «Столица», 1997.07.29]

Во всех других случаях, когда говорящему предоставлен выбор вести себя более или менее авторитетно по отношению к адресату, замена словоформы Наст^{НСВ} словоформой НП^{СВ} в принципе возможна. Релевантным вновь является качественно-количественное различие между корпусами: в ГИКРЯ словоформы НП^{СВ} обнаруживаются намного чаще, чем в НКРЯ.

Примером может служить видовая пара *заверять*^{НСВ}/*заверить*^{СВ}. Что неудивительно, прототипической перформативной формой является Наст^{НСВ} [их вхождений в НКРЯ насчитывается 216, см. примеры (242)–(243)]:

- (242) [Car. Din, nick] Читателю форума [«Когда такое вижу, хочется законодательно ввести наказание - отрезание рук»] *Заверяю*^{Наст^{НСВ}} Вас, что я полностью с Вами согласен.

[НКРЯ: коллективный. Форум: Реставрация книг. Переплетное дело (2009)]

- (243) *Заверяю*^{Наст^{НСВ}} вас, что лучше стоять в пробке с кондиционером в салоне, чем чувствовать себя спрессованной селедкой, чьи товарищи по несчастью взопрели от жары и вовсю подвывают притом.

[НКРЯ: Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)]

Употребление словоформы НП^{СВ} *заверю* (12 вхождений в НКРЯ, 58 – в ГИКРЯ, IPM ≈ 0,0102) обусловлено главным образом намерением говорящего обеспечить адресату более прочные гарантии для выполнения акта, тем самым снимая с него ответственность за удовлетворение условиям успешности заверения. В примере (244), переведенном с итальянского языка, тогдашний наставник футбольного клуба «Зенит» Лучано Спаллетти, хотя и признает свои трудности с изучением русского языка, одновременно обещает, что он будет прогрессировать:

(244) "За год выучить русский так, чтобы говорить свободно, я не смогу. Я уже пожилой человек, и память моя уходит. *Заверю*^{НПСВ}, что буду полностью отдаваться, потому что мне было бы очень приятно делить свои эмоции с игроками на их языке. [...]"

[ГИКРЯ: <https://ria.ru/20100507/231564856.html>]

Похожим образом, в примере (245) глава службы и проверки аэропорта им. Бен-Гуриона гарантирует, что неприятных ситуаций с журналистами больше не возникнет:

(245) Мы пользуемся электронными средствами проверки и если "машина" говорит, что что-то не в порядке, приходится следовать правилам. Но *заверю*^{НПСВ} вас, такого рода скандалы больше не повторятся", - отметила собеседница портала IzRus.

[ГИКРЯ: <https://regnum.ru/news/polit/1431519.html>]

Пример (246) является описанием водной транспортной системы Венеции. Что интересно, в этом примере говорящий делает упор на достоверность своих рекомендаций. Следуя за гипотезой, выдвинутой С. Дики (§2.4.1), можно сказать, что здесь деривация прагматического признака авторитета говорящего из семантического макропризнака контроля особенно заметна:

(246) Погружать читателей в описание каждого, конечно, сейчас не стоит, но *заверю*^{НПСВ}, что нескольких часов скакания с маршрута на маршрут достаточно, чтобы понять их продуманную логику и совсем не теряться.

[ГИКРЯ: <https://m.livejournal.com/read/user/freemanincruise/9944>]

По поводу формального проявления этого признака в перформативном контексте можно дальше сказать, что именно контекстуальной отчетливостью контроля со стороны говорящего объединены также перформативные употребления таких (слабо засвидетельствованных в литературе) комиссивных словоформ в НПСВ, как *поклонусь*^{НПСВ}, *поручусь*^{НПСВ} и *предложу*^{НПСВ}. Как будет показано в дальнейшем, в событии речевого акта клятвы, поручения и предложения этот (контекстуально определенный и привязанный к видовому проявлению предиката) признак выполняет функцию прагматического (иллокутивного) «нейтрализатора», т.е. он сводит до минимума возможные (положительные или отрицательные) реакции со стороны адресата, который признает характер иллокутивного акта, не подвергая обсуждению его пропозициональное содержание. Иными словами, адресат в этих контекстах является

только пассивной целью иллокутивного акта говорящего. Эти ограничения на активную роль адресата в событии речевого акта, которые представляют собой угрожающий лицу акт, имеют, как станет понятно далее, важные прагматические последствия.

В примере (248) употребление маркированной словоформы *поручусь*^{НПСВ} вместо более нейтральной *ручаюсь*^{НастНСВ} [см. пример (247)] обусловлено контекстом, а точнее, твердой убежденностью говорящего в истинности им описанного положения дел (см. следующее предложение-доказательство *ни на шаг не отходил*). Итак, проявление СВ в перформативном контексте, как кажется, вызвано вариацией в интенсивности иллокутивной силы высказывания, точнее, в данном случае, ее усилением³⁵⁷:

(247) — Петр Нилыч, я *ручаюсь*^{НастНСВ} вам за него как за себя.

[НКРЯ: Сати Спивакова. Не всё (2002)]

(248) А после никто не менял. За это *поручусь*^{НПСВ}. Ни на шаг не отходил. Короче, в семнадцать тридцать объявляют, что участвуют четыре компании (две ихние, две от нас), все документы действительны.

[НКРЯ: Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

Похожим образом употреблением словоформы в НП^{СВ} *покланусь* в примере (250) наряду с предикативным (абсолютным) дополнением в творительном падеже <чем угодно> говорящий выражает свою незыблемую уверенность в том, что дела обстоят именно так, как он считает. С использованием перформатива в НП^{СВ} связана маркированная (усиленная) иллокуция:

(249) *Клянусь*^{НастНСВ} честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

[НКРЯ: Валерий Фадеев. На твердой почве // «Эксперт», 2014]

(250) Я *покланусь*^{НПСВ} чем угодно, что те стихи были мне в голову вложены.

[НКРЯ: Марина Палей. Дань саламандре (2008)]

³⁵⁷ Показательно, что в подавляющем большинстве случаев (57 из 72 только в ГИКРЯ, IPM = 0,0786) словоформе в НП^{СВ} *поручусь* предшествует прилагательное отрицание. Вопрос о том, является ли такая синтагма прагматической стратегией в целях смягчения интенсивности иллокутивной силы высказывания или, наоборот, лексикализованной конструкцией, в рамках этой диссертации останется незатронутым.

Наконец, в то время как Наст^{НСВ} *предлагаю* в примере (251) представляет собой немаркированный акт предложения, словоформой в НП^{СВ} *предложу* в примере (252) говорящий находит место для своего собственного предложения, выбранного из множества ему противопоставленных альтернатив. Следовательно, адресат может прийти к заключению, что говорящий находится в позиции, в которой он может взвесить все альтернативы и сам решить (не опираясь на отклик адресата или третьего лица), что лучше в данной коммуникативной ситуации. Интересно, что (см. дальше картину директивов в §4.3.5), в этом контексте проявление макропризнака контроля, который выражается через морфологическую «призму» СВ, обуславливает принятие восстановительных стратегий, нацеленных на возобновление негативного лица обоих участников и связанных с их межличностной дистанцией:

- (251) *Предлагаю*^{НастНСВ} уважаемой публике принять все эти аргументы некритически, наивно и доверчиво, тем более, что публика так уже и поступила.

[НКРЯ: Сергей Доренко. Левые силы - перезагрузка // «Завтра», 2003.08.13]

- (252) Где же выход? *Предложу*^{НПСВ} свой, может быть, наивный вариант решения проблемы. Следует разработать некое законоположение, регламентирующее автоматическую реакцию правоохранительных или иных органов на наиболее острые публикации в СМИ. Каким-то образом оговорить в нем тот уровень «остроты», после которого на публикацию нельзя не реагировать.

[НКРЯ: Оружие для разгильдяя. Обратная связь // «Известия», 2003.02.26]

4.3.4.2. Квазиперформативные комиссивы

В группу протестированных квазиперформативных комиссивов (т.е. «транзакционных» глаголов) вошли глагольные пары *продавать*^{НСВ}/*продать*^{СВ} и *покупать*^{НСВ}/*купить*^{СВ}.

Хотя эти глаголы нельзя считать перформативными в узком смысле слова (никакого акта купли или продажи не осуществляется произнесением соответствующего высказывания), они с «настоящими» перформативными комиссивами разделяют некоторые семантические свойства, как, например, соприсутствие компонента однократности (относящегося к прагматическому уровню высказывания) и компонента длительности (относящегося к семантическому представлению события, концептуализированного предикатом; см. АПРЕСЯН 1995А: 214–217).

Насколько нам известно, видовому противопоставлению транзакционных глаголов в квазиперформативном контексте, в частности чешским глагольным парам *prodávát^{HCB}/prodat^{CB}* и *kupovat^{HCB}/koupit^{CB}*, посвящена единственная статья Ф. Есвана (ESVAN 2011A)³⁵⁸. Ф. Есван замечает, что в чешском языке глагольные пары *prodávát^{HCB}/prodat^{CB}* и *kupovat^{HCB}/koupit^{CB}* могут выражать три основных значения. Во-первых, они могут описывать транзакционный акт на стадии выполнения. Во-вторых, они могут употребляться в рекламных объявлениях, когда говорящий/пишущий ищет потенциального покупателя и/или продавца. В-третьих, они могут обозначать сам транзакционный акт. На основе корпусных данных автор выдвигает гипотезу о том, что настоящая видовая оппозиция осуществляется только в последнем случае, в то время как в контексте рекламных объявлений предпочтение отдается прежде всего форме НП^{CB} (форма Наст^{HCB}, наоборот, употребляется только в тех случаях, когда речь идет о технических деталях транзакции) (ESVAN 2011A: 143–146).

В русском языке в квазиперформативных комиссивных контекстах можно найти как словоформы в Наст^{HCB} *продаю, покупаю*, так и соответствующие корреляты в НП^{CB} *продам, куплю*. Однако следует добавить, что их синтаксическое распределение не является случайным, а скорее регулируется в соответствии с некоторыми общими семантическими принципами³⁵⁹.

Как известно, в контекстах рекламных объявлений в русском языке в первую очередь выбираются словоформы в НП^{CB} *продам, куплю*. За счет употребления словоформы в НП^{CB} эти акты купли/продажи характеризуются присутствием компонентов темпоральной неактуальности (т.е. они не привязаны к темпоральной оси, являются нелокализованными во времени) и отвлеченного намерения говорящего, нацеленного на выполнение действия, выраженного предикатом [см. примеры (253)–(254)]:

(253) *Продам^{НП^{CB}}* свою Leica IIIg 1957 г.в. Камера в отличном состоянии, летом 2013 года прошла CLA у DAG'a (инвойс-лист на фото).

[ГИКРЯ: https://m.livejournal.com/read/user/spb_photo_sale/5977921]

(254) По всему городу висели объявления: *куплю^{НП^{CB}}... куплю^{НП^{CB}}... «Куплю^{НП^{CB}} килограмм еды»* — не мяса, не сыра, а любой еды.

[НКРЯ: Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013]

³⁵⁸ О видовременной оппозиции квазиперформативных комиссивов в русском языке см. подробнее в БИАЗИО 2020Б. Некоторые дополнительные замечания о транзакционных глаголах содержатся в GALTON 1976: 92–95; DISKEY 2000: 175–184.

³⁵⁹ Детали и общая теоретическая гипотеза представлены в БИАЗИО 2020Б.

Как кажется, употребление словоформ в Наст^{НСВ} *продаю, покупаю*, хотя и возможно, но на него накладываются большие синтаксические ограничения. Во-первых, определенность и квантифицирование прямого дополнения играют роль в видовом маркировании главного предиката иллокутивного акта продажи. Словоформа в Наст^{НСВ} чаще способствует неопределенному толкованию объекта [см. противопоставление в лице прямых дополнений <крокодилов> и <детеныша леопарда... малайского медвежонка-бируанга> в примере (255)], хотя она также может управлять определенными объектами [см. пример (256)]:

- (255) В Интернете глаза разбегаются от предложений. «*Продаю*^{НастНСВ} крокодилов. Миролюбивые, идеально подходят для домашнего террариума». «*Продам*^{НПСВ} детеныша леопарда и малайского медвежонка-бируанга. Цена договорная».
- [НКРЯ: А. Велигжанина. Комсомольская правда, 2014.07.17]

- (256) — Недорого *продаю*^{НастНСВ} два дома в большом селе вдоль трассы Москва — Самара.
- [НКРЯ: Хочу работать в деревне // «Сельская новь», 2003.11.11]

По сравнению с актами продажи видовое противопоставление в иллокутивных актах купли функционирует на основе скорее не формальных, а конверсационных принципов. Словоформы в Наст^{НСВ} употребляются с прямыми дополнениями как в единственном [см. пример (257)], так и во множественном числе [см. пример (258)]. При наличии объекта во множественном числе предпочтение отдается узуальному толкованию, хотя это далеко не обязательно [см. пример (259)]:

- (257) *покупаю*^{НастНСВ} себе книжный шкаф и вот такую имею ко всем друзьям просьбу - верните мне книги пожалуйста.
- [ГИКРЯ: https://m.livejournal.com/read/user/_you_are_/151831]

- (258) Соорудив некое подобие прилавка, скупщик выставлял на нем объявление: «*Покупаю*^{НастНСВ} старые вещи, «приметы времени», серебро, золото».
- [НКРЯ: Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы (2008)]

(259) В косметике перешла на Аюрведу и масла. *Покупаю*^{Наст^{НСВ}} исключительно натуральные порошки, жидкие средства для рук и посуды, натуральные зубные пасты.

[ГИКРЯ: https://m.livejournal.com/read/user/afina_24/41818]

Поскольку в случае иллокутивных актов купли и продажи нерелевантна гипотеза о том, что словоформы в НП^{СВ} ассоциируются с наличием признака авторитета со стороны говорящего, уместно найти иную основополагающую причину, обуславливающую видовое противопоставление транзакционных глаголов в квазиперформативном контексте. По этому поводу заметим, что в данной коммуникативной ситуации не наблюдается значительное различие в темпоральности обеих словоформ. Иными словами, обе словоформы, т.е. НП^{СВ} и Наст^{НСВ}, отличаются непривязанностью к темпоральной оси, значит, обе словоформы (а не только НП^{СВ}) являются темпорально нелокализованными.

Возможно, различие заключается в том, что на когнитивном уровне употреблением той или иной словоформы соответствующие акты концептуализируются неодинаково: можно предположить, в духе некоторых выдвинутых в литературе гипотез (см. напр. DISKEY 2018: 81–102), что словоформы в НП^{СВ} (*продам, куплю*) ассоциируются с полной узнаваемостью внутренней структуры события (т.е. с его бóльшей когнитивной допустимостью со стороны говорящего), в то время как такой ассоциации для словоформ в Наст^{НСВ} просто не возникает (БИАЗИО 2020б: 54). Связь между видовым маркированием в СВ и степенью узнаваемости внутренней структуры события не случайна, а скорее обоснована на прототипическом семантическом инварианте СВ в восточнославянских языках, т.е. темпоральной определенности (см. §2.6). Как мы уже видели в предыдущих главах (см. особенно §2.4.1), из понятия темпоральной определенности вытекают прагматические (контекстуальные) оттенки, действующие на различные семантические уровни глагола (напр. на его темпоральность, см. своеобразный эффект последовательности, создающийся в цепи действий, кодифицированных предикатами в СВ), а также на пропозициональное содержание события (напр. рематичность) и на прагматический статус участников в событии речевого акта (напр. проявление макропризнака контроля, а точнее авторитета). Полная узнаваемость события, в свою очередь, является когнитивным коррелятом макропризнака контроля, который остается недоспецифицированным по сравнению со словоформами в Наст^{НСВ}.

Однако нужно добавить, что, хотя на основе этих замечаний можно подтвердить гипотезу о причинах, регулирующих видовое противопоставление квазиперформативных комиссивов в русском языке, в сербскохорватском языке картина является несколько иной, особенно из-за грамматических ограничений на присутствие форм През^{СВ} в главных

предложениях, что препятствует обсуждавшейся выше когнитивной корреляции между узнаваемостью события и видовым маркированием глагола (соответствующие данные мы рассмотрим в §5.3.4.2).

4.3.5. Директивы

В группу протестированных директивов вошли следующие глагольные пары (в скобках использовавшиеся при поиске словоформы):

просить ^{НСВ} (<i>прошу</i>) / попросить ^{СВ} (<i>попрошу</i>)
советовать ^{НСВ} (<i>советую</i>) / посоветовать ^{СВ} (<i>посоветую</i>)
запрещать ^{НСВ} (<i>запрещаю</i>) / запретить ^{СВ} (<i>запрещу</i>)
настаивать ^{НСВ} (<i>настаиваю</i>) / настоять ^{СВ} (<i>настою</i>)
заклинать ^{НСВ} (<i>заклинаю</i>) / заставить ^{СВ} (<i>заклян</i> у)
приказывать ^{НСВ} (<i>приказываю</i>) / приказать ^{СВ} (<i>прикажу</i>)
умолять ^{НСВ} (<i>умоляю</i>) / умолить ^{СВ} (<i>умолю</i>)
предупреждать ^{НСВ} (<i>предупреждаю</i>) / предупредить ^{СВ} (<i>предупрежу</i>)
приглашать ^{НСВ} (<i>приглашаю</i>) / пригласить ^{СВ} (<i>приглашу</i>)
позволять ^{НСВ} (<i>позволяю</i>) / позволить ^{СВ} (<i>позволю</i>) <себе>
требовать ^{НСВ} (<i>требую</i>) / потребовать ^{СВ} (<i>потребую</i>)
разрешать ^{НСВ} (<i>разрешаю</i>) / разрешить ^{СВ} (<i>разрешу</i>)

Таблица 12. Русские директивы.

В отличие от других групп перформативов, в которых на каждую приходится по десять глагольных пар, группу директивов представляют двенадцать глагольных пар. Во-первых, это связано с тем, что директивы являются классом, демонстрирующим более высокую степень лексической неоднородности по сравнению с экспозитивами и комиссивами, особенно в том, что касается их употребления в речевых актах, отражающих социальные статусы их участников (т.е. в директивных иллокутивных актах говорящий и адресат могут быть как равноправны, так и неравноправны по статусу). Во-вторых, поскольку директивы и директивные речевые акты подробно описаны в славистической литературе (см. §2.4.1, §2.4.2, §4.1, §5.1), пришлось принять во внимание большее количество лексических единиц, чтобы проверить правдоподобность наших гипотез на более широком материале.

Как известно (см. §1.4.2), в директивных иллокутивных актах говорящий побуждает (или – в некоторых актах – даже пытается заставить) адресата совершить какое-то действие.

Из этого следует, что в целях достижения конечного результата говорящий может относиться к своему адресату не только более или менее авторитетным образом, но и прибегая к конверсационным восстановительным стратегиям, которыми говорящий пытается минимизировать эффекты осуществления своего (директивного) акта, угрожающего негативному лицу адресата и показывающего слишком открытым образом намерения говорящего. По поводу видового противопоставления у директивов, которое наблюдается в половине всех случаев, интересно заметить, что прагматическая отчетливость семантического макропризнака контроля может выражаться практически во всех коммуникативных ситуациях, отклоняющихся от нейтрального способа обращения, т.е. в контекстах, отличающихся бóльшей формальностью или, наоборот, проникнутых императивностью (иными словами, во всех ситуациях, в которых интенсивность иллокутивной силы высказывания смягчается или усиливается).

Относительно взаимодействия параметра авторитета со связанными с вежливостью стратегиями исправления в видовом маркировании директива примером может служить глагольная пара *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ}. Словоформа в Наст^{НСВ} *прошу*, как свидетельствуют примеры (260)–(262), употребляется также в немаркированных, даже повседневных коммуникативных ситуациях, вне зависимости от статуса говорящего по сравнению с адресатом (и, соответственно, от характера способа обращения):

(260) [Дмитрий Лызлов, nick] *Прошу*^{НастНСВ} уточнить (sic!) как Вы собираетесь лечить страну?

[НКРЯ: коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]

(261) Ваши предложения *прошу*^{НастНСВ} направить в Отдел содержания педагогического образования по факсу: (095) 900-00-00 или электронной почте: ***** mail. ru по возможности в кратчайшие сроки.

[НКРЯ: Сопроводительное письмо к пакету предложений (2004)]

(262) Следующая операция запланирована на май. Я *прошу*^{НастНСВ} помочь моему ребёнку. Неужели она обречена? С уважением, Наталья Чеснокова, Владимирская обл.

[НКРЯ: Помогите, пожалуйста! // «Домовой», 2002.04.04]

Видовая оппозиция в перформативном контексте со словоформой в НП^{CB} *попрошу*³⁶⁰, как кажется, возникает только при смягчении (напр. в случае вежливого обращения) или усилении (напр. в случае авторитетного обращения) интенсивности иллокутивной силы директивного речевого акта. В примере (263) настоятельная просьба говорящего, т.е. помощника начальника цирка, как будто действует на персонажей с перлокутивным эффектом принудительного веления, т.е. категорического императива:

(263) Публика потянулась к выходу, и через пять минут в цирке остались только циркачи и пятнадцать людей в форме. — *Попрошу*^{НП^{CB}} всех нарушителей явиться сюда. Не пытайтесь скрыться, это бесполезно, — сказал помощник начальника.

[НКРЯ: Дина Сабитова. Цирк в шкапулке (2007)]

Грубость обращения наблюдается в примере (264), в котором разъяренный командир ругает свой экипаж:

(264) — Да хрен с вами! — не выдержал командир. — Шуток, что ли, не понимаете? С уткой мы поцеловались, вот вам первое апреля! Но всех *попрошу*^{НП^{CB}} молчать! Вы лучше свои борта осмотрите, нет ли дырок. Сгрудились тут, пулю какую-то несчастную ищут...

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/sib/2011/11/pyataya-pulya.html>]

С другой стороны, употребление словоформы в НП^{CB} может также сигнализировать, что говорящий намеревается создать или удержать межличностное расстояние, тем самым обращаясь к своему адресату с некоторой (даже неестественной) вежливостью. Это типичный пример восстановительной коммуникативной стратегии со стороны говорящего, который хочет как-то компенсировать эффекты, связанные с осуществлением директивного иллокутивного акта просьбы (т.е. угроза негативному лицу адресата, а также импозитивное выявление собственных коммуникативных намерений). На это, напр., в примере (265) указывает употребление вежливой аллокуции *извините* вместе с модифицированным на морфопрагматическом уровне прямым дополнением <расписочку>:

³⁶⁰ При поиске в НКРЯ словоформа в Наст^{Н^{CB}} *прошу* встречается почти в десять раз чаще, чем *попрошу* (всего 46230 вхождений vs. 4238).

(265) — А вот и очередной денежный взнос. Только, извините, *попрошу*^{НПСВ} расписочку для порядка. Алла Сергеевна саркастически усмехнулась. Ей уже давно стало ясно, что здесь разыгрывается примитивный, хотя и неплохо срежиссированный спектакль.

[НКРЯ: Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)]

В примере (266), наконец, папа римский обращается к верующим и сообщает им, что рассчитывает на их молитвы. Употреблением словоформы в НПСВ в директивном иллокутивном акте просьбы говорящий как будто извиняется перед его адресатами, что должен у них попросить об одолжении. Замена словоформы в НПСВ *попрошу* словоформой в Наст^{НСВ} *прошу* не столь выразительна, хотя и грамматически приемлема:

(266) "Я *попрошу*^{НПСВ} вас о милости. Молитесь за меня, мне это надо. Пусть Господь благословит вас, пусть наша Богоматерь из Апаресиды заботится о вас, в 2017 году я вернусь", — сказал понтифик, выступая перед более чем 200 тысячами паломников.

[ГИКРЯ: <https://ria.ru/20130724/951899015.html>]

Заметим, что *прошу*^{НастНСВ} и *попрошу*^{НПСВ} могут в равной степени управлять как именными, так и клаузуальными прямыми дополнениями, хотя, как уже замечено в случае комиссива *пообещать*^{СВ}, словоформа в НПСВ не может появляться в изоляции³⁶¹.

Та же видовая закономерность наблюдается для других директивов, напр. *советовать*^{НСВ}/*посоветовать*^{СВ} (5746 вхождений vs. 348 вхождений только в НКРЯ) и, хотя в меньшей степени, *требовать*^{НСВ}/*потребовать*^{СВ} (3212 вхождений vs. 430 вхождений только в НКРЯ). В то время как словоформам в Наст^{НСВ} отдается предпочтение в контекстах нейтрального обращения, словоформы в НПСВ обусловлены особым прагматическим окружением, т.е. особым намерением говорящего, выраженным в речевом акте.

В примерах (268)–(270) иллюстрируется функционирование глагольной пары *советовать*^{НСВ}/*посоветовать*^{СВ} в перформативном контексте. В то время как в примере (268) директивный акт совета осуществляется без дополнительных прагматических оттенков (хотя заслуживает внимания коллокация <рекомендую> и <советую>, которая создает интересный

³⁶¹ Демонстративные нарушения этого постулата, как в нижеприведенном примере (267), в самом деле можно объяснить на основе таких явлений в прагматико-синтаксическом интерфейсе, как передвижение составляющих к левой периферии предложения в целях топикализации [*Я попрошу встать* → *Встать* (– это то, что попрошу)] и последующего эллипсиса инфинитивной формы *встать*:

(267) — Вста-а-ать! Я *попрошу*^{НПСВ}! Я тебе так *попрошу*^{НПСВ}, гад! — И вдруг, закусив губу, он размахнулся и прямо-таки всадил сапог ему в колено.

[НКРЯ: Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)]

риторический эффект), в следующих контекстах говорящий обращается к своему адресату либо тактично [см. пример (269), взятый из пьесы Э. С. Радзинского, в котором безымянный женский персонаж общается с равным по статусу мужчиной], либо с некоторым межличностным авторитетом [в примере (270) журналист «Одесских новостей» Герцог-Виноградский дает совет молодому писателю В. П. Катаеву]:

- (268) Причина этого проста — книга замечательная. Искренне рекомендую и *советую*^{НастНСВ} ее прочитать. Даю интернетскую ссылку: <http://dutum.ru/element/elem00.htm>, А статья эта еще написана с некоторой надеждой, что все-таки книгу переиздадут — она того стоит.

[НКРЯ: Ася Лapidус. И. Нечаев — Яков Пан // «Знание-сила», 2012]

- (269) Я тебе *посоветую*^{НПСВ} вместо всего этого глупого потока ненужных слов — оставь всего одну фразу, кажется, из Бернарда Шоу: «Нет в мире женщины, способной сказать «прощай» меньше, чем в тридцати словах».

[НКРЯ: Эдвард Радзинский. «Я стою у ресторана...» (Монолог женщины) (1990-2000)]

- (270) Так что я вам *посоветую*^{НПСВ}: дайте свои стихи прочесть настоящему писателю.

[НКРЯ: В. П. Катаев. Трава забвенья (1964-1967)]

С другой стороны, следует подчеркнуть, что прагматическая успешность директивов *требовать*^{НСВ}/*потребовать*^{СВ} зависит от присутствия в коммуникативной ситуации обладающего авторитетом субъекта, ведь на самом деле требование может выдвинуть только подходящее для этого лицо [см. примеры (271)–(272)]:

- (271) "Голос маленького человека в шляпе задрожал, однако не сдался:" Зовите работников милиции. Я *требую*^{НастНСВ} предъявить тело моего сына!" Институт попятился, но высокомерно усмехнулся: "Это бред.

[НКРЯ: Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]

- (272) Я *требую*^{НастНСВ} встречи с представителем правительства национального спасения.

[НКРЯ: Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]

Видовое противопоставление в перформативном контексте, хотя в ограниченных случаях (большинство корпусных вхождений словоформы *потребую*^{НПСВ} имеет чисто футуральную референцию), становится возможным только при решительном, даже чрезмерно, характере позиции, занимаемой говорящим³⁶². Во всех этих случаях директивный иллокутивный акт функционирует как косвенный императив. В примере (274) московский ЛГБТ-активист Н. Алексеев эмоционально обращается к Европейскому суду по правам человека по поводу своего незаконного заключения в петербургских тюрьмах:

- (274) "Зато, когда они хотят, вытащили без очереди декабрьские задержания, - отметил он. - Теперь я точно *ПОТРЕБУЮ*^{НПСВ} в ЕСПЧ приоритета моего дела по гей-пропаганде в Петербурге. Иначе это беспредел".

[ГИКРЯ: <https://www.rosbalt.ru/piter/2012/07/04/1006847.html>]

В примере (275), взятом из фантастики М. и С. Дяченко, король яростно и взыскательно выносит порицание:

- (275) А теперь я *потребую*^{НПСВ} ответа у этой скотины, позволившей украсить себя перевернутым гербом Дривегоциусов!

[НКРЯ: Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)]

Что касается видовой пары *предупреждать*^{НСВ}/*предупредить*^{СВ}, интересно заметить, что преобладающим в определении видовременного маркирования перформативной словоформы является принятие восстановительных стратегий, направленных на возобновление негативного лица адресата. Наряду с «нейтральными» иллокутивными актами предупреждения, которые обычно реализуются словоформами в Наст^{НСВ} [см. пример (276)], можно обнаружить перформативные контексты, в которых употребление НП^{СВ} обусловлено

³⁶² Именно по этим причинам ясно, почему директивный иллокутивный акт настаивания реализуется почти исключительно словоформой в Наст^{НСВ} *настаиваю* <на чем-либо>, в то время как коррелят НП^{СВ} *настою* <на чем-либо> (всего 15 вхождений в НКРЯ, 90% из которых отсылают к футуральному положению дел) вытеснен в маргинальных и не всеми информантами принимаемых контекстах [см. напр. пример (273)]. В самом деле, акт настаивания сам по себе наносит значительный ущерб негативному лицу адресата, а дополнительное усиление интенсивности иллокутивной силы высказывания, выраженное через морфологию СВ, нарушает грайсовскую максиму количества и является прагматически неуместным:

- (273) [Алекс_андр, муж] Как бы меня ни отговаривали родители, семья, я *настою*^{НПСВ} на своем. Если не я, то кто? Мой 80-80-летний дедушка или 60-60-летний отец.

[НКРЯ: коллективный. Как у нас вообще обстоят дела с армией и в военке? (2014)]

стремлением говорящего к компенсированию нежелательных эффектов, связанных с осуществлением его иллокутивного акта. Отметим, однако, что употреблением в НП^{CB} говорящий может и не ограничиваться вежливым обращением к адресату. Восстановление негативного лица адресата может привести к обратным результатам, т.е. говорящий может игнорировать активную роль адресата в принятии и признании иллокутивного акта, не принимая во внимание его реакцию на исходную иллокуцию. Это значит, в первую очередь, что говорящий осуществляет директивный иллокутивный акт предупреждения без учета того, будет ли он действовать на адресата. По этой причине интересно заметить, что перформативная словоформа в НП^{CB} тяготеет к некоторой лексической устойчивости [см. повторяющуюся коллокацию с обстоятельственным наречием *сразу* в примере (277)³⁶³, а также синтаксическое сочетание с делокутивом в НП^{CB} *извинюсь* в примере (278)]:

(276) *Пре-ду-пре-ждаю*^{НастНСВ364}, — громко, отдельно и внятно сказал Корытин, — воровства зерна не допущу.

[НКРЯ: Борис Екимов. Пиночет (1999)]

(277) "Сразу вас *предупрежу*^{НП^{CB}}: я не собираюсь обсуждать решения тренерского штаба команды, - подчеркнул Александр Карелин.

[ГИКРЯ: <https://regnum.ru/news/sport/1008850.html>]

(278) Извинюсь и *предупрежу*^{НП^{CB}}: дальнейшее течение этой главы, которую я назвал «ТОВСТОНОГОВИЯ», будет отражать только мои личные с ним отношения в субъективном восприятии.

[НКРЯ: Сергей Юрский. Четырнадцать глав о короле // «Октябрь», 2001]

Разумеется, возможность видового противопоставления в перформативном контексте предсказуема только для главных предикатов в тех речевых актах, для которых интенсивность иллокутивной силы модулируется в зависимости от конверсационных целей и намерений

³⁶³ Однако синтаксическое сочетание с такими наречиями, как *сразу*, не является прерогативой словоформы в НП^{CB}, см. следующий пример:

(279) [Мавр, nick] Сразу *предупреждаю*^{НастНСВ} — тиснение, золото, шитье специальное, кожа — это к другим специалистам, которых здесь нет...

[НКРЯ: коллективный. Форум: Реставрация книг. Переплетное дело (2010)]

³⁶⁴ Заметим, что в данном примере не исключается какая-то фоносемантическая корреляция между произнесением перформатива на слоги и актуально-длительным значением НСВ. Однако этот вопрос нельзя решить, обходясь без экспериментальных данных.

говорящего. Экспрессивно окрашенные директивы, такие как *умолять*^{НСВ} и *заклинать*^{НСВ}, структура которых предполагает полностью подчиненного адресату говорящего (проявление признака авторитета семантически нескладен с иллокутивной силой соответствующих речевых актов, а вежливое обращение прагматически неуспешно), или, наоборот, *запрещать*^{НСВ} или *приказывать*^{НСВ}, которые требуют наличие у говорящего полного контроля над выраженным предикатом события (проявление признака авторитета прагматически избыточно, а вежливое обращение несовместимо с иллокутивной силой соответствующих речевых актов), в перформативном контексте могут появляться только как Наст^{НСВ} [см. примеры (280)–(283)]:

(280) Но я тебя *умоляю*^{НастНСВ} (**умолю*^{НПСВ}), Сотников: не лезь ты в чужую личную жизнь.
[НКРЯ: Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]

(281) Я *заклинаю*^{НастНСВ} (**заклян*^{НПСВ}) вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!
[НКРЯ: Михаил Эпштейн. О философских чувствах и действиях // «Знание-сила», 2014]

(282) Потом сказал: — Везти в город, в больницу категорически *запрещаю*^{НастНСВ} (**запрещу*^{НПСВ})!
[НКРЯ: Вацлав Михальский. Храм Согласия (2008)]

(283) — А я *приказываю*^{НастНСВ} (**прикажу*^{НПСВ}) отменить полет, — заявил генерал³⁶⁵.
[НКРЯ: Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)]

В конце обратим внимание на глагольную пару *позволять*^{НСВ}/*позволить*^{СВ} <себе>, которая употребляется как в перформативных контекстах, так и в парентетических конструкциях. Она занимает особое место среди других директивов из-за своего гибридного прагматического характера, поскольку разделяет с комиссивами автопрескриптивное

³⁶⁵ По этому поводу уместно добавить, что в редчайших случаях словоформу в НПСВ *прикажу* можно употреблять в неперформативных иллокутивных актах, вызывающих различные перлокутивные эффекты, напр. имплицатуру угрозы [как и употребление НПСВ *приговорю* в вышеприведенном примере (209)]. См. следующий пример (284):

(284) Зеленцов обернулся, подмигнул свойски ребятам: то ли еще будет, друзья мои, ждите и обрящете. — Я *прикажу*^{НПСВ} вывести публику из зала! — стукнул по столу вдруг всплывший председатель трибунала.
[НКРЯ: Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]

Неслучайно, иллокутивная сила речевого акта в примере (284) определена только авторитетом говорящего, без учета принятия слушателя-адресата, что делает высказыванием неперформативным (см. сноску 177).

направление соответствующего иллокутивного акта. Иными словами, в иллокутивную силу речевого акта самопозволения наряду с директивным (прескриптивным, т.е. от говорящего к адресату) компонентом входит дополнительный комиссивный (автопрескриптивный) компонент, нацеленный на самого говорящего. Такое интересное смешение иллокутивных функций можно назвать *автодирективным*.

Риторическая окрашенность этой устойчивой синтаксической конструкции с возвратным бенефактивом в дательном падеже может объяснить, почему преобладающими в корпусах являются вхождения словоформы в НП^{CB} (всего 1149 в одном НКРЯ vs. 404 вхождения «нейтрального» видового партнера *позволю*^{НастНCB} <себе>). Употреблением автодиректива говорящий предупреждает адресата о том, что пропозициональное содержание последующего высказывания может оказаться ему нежелательным (напр., потому что говорящий выходит за пределы определенной коммуникативной ситуации и вносит в нее собственный информационный вклад). Таким образом, употреблением словоформы в НП^{CB} говорящий применяет восстановительную стратегию, направленную на возобновление негативного лица адресата, а также на уменьшение импозитивного характера собственных коммуникативных намерений. Пару примеров, иллюстрирующих это поведение, мы рассмотрим ниже. В примере (285) приводится отрывок передовицы Данилы Давыдова, а в примере (286) ответ диакона Андрея Кураева на вопрос журналиста «Неприкосновенного запаса»:

(285) *Позволю*^{НПCB} себе привести довольно пространную цитату из, увы, малодоступной статьи вышеупомянутого Игоря Жукова, поэта и неумолимого собирателя детского творчества [...]

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/arion/2002/3/deti-poety-i-detskoe-v-poezii.html>]

(286) А.К.: Нет, у меня такой ассоциации не было. *Позволю*^{НПCB} себе сделать вид, что я недостаточно информирован.

[ГИКРЯ: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/pravoslavie-naczionalnaya-bezopasnost-i-demokratiya.html>]

В перформативном контексте словоформа в Наст^{НCB} также возможна, хотя она при одинаковых контекстуальных условиях с НП^{CB} прагматически не окрашена [см. отрывок письма М. В. Юдиной к К. И. Чуковскому в примере (287)], а в большинстве случаев даже толкуется как частное употребление узуального значения НCB:

(287) Я позволяю^{НастНСВ} себе настоятельно просить Вас снова — как Вы найдете возможным — поддержать или обласкать его.

[ГИКРЯ: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/11/pro-domo-sua-k-i-chukovskij-i-m-v-yudina.html]

4.4. Данные анкеты

Наряду с анализом корпусных данных, в этом разделе представляется естественным рассмотреть данные, взятые из анкеты, нацеленной на воспроизведение образцовых, обуславливающих употребление эксплицитных перформативов коммуникативных ситуаций. В следующем параграфе (§4.4.1) мы остановимся на описании ее структуры.

4.4.1. Заметки о составлении анкеты

Анкета, которая была создана с помощью Google Forms, разделена на шесть частей³⁶⁶. В первой части содержится просьба указать личные данные респондентов (возраст, пол, место рождения и/или проживания, образование, владение иностранными языками). Во второй части представлены инструкции по правильному заполнению вопросника. В третьей, четвертой, пятой и шестой частях приведен ряд контекстов (их всего 50), разделенных по типу реализованного перформативом иллокутивного акта: декларации (всего 12 контекстов), экспозитивы (всего 13 контекстов), комиссивы (всего 12 контекстов) и директивы (всего 13 контекстов).

В заполнении анкеты приняли участие 70 носителей русского языка различного возраста и образования, которые ответили на распространенный по интернету и социальным сетям опросник. Возраст информантов, по их утверждениям, составляет от 18 до 71 года, а на момент заполнения 9 из них (т.е. 12,9%) был 21 год (средний возраст – 33,54 лет). 58 информантов (82,9%) женского пола. Большинство из них (26 информантов, ≈ 37,1%) родились и/или живут в Москве, в то время как другие указали как место рождения и/или проживания такие города, как Казань, Санкт-Петербург, Калининград, Тамбов, Смоленск, а также другие города, в частности в Латвии и в Украине. Большинство информантов получили высшее образование (всего 64, 91,4%), в то время как еще трое на данный момент его получают, четверо имеют

³⁶⁶ Опросник доступен по следующей ссылке: <https://docs.google.com/forms/u/1/d/1SfDGiP7jZVo6QiWP-Ek1GjxWQjiN4hmO1E3t6VDIDDc>.

среднее или средне-специальное образование и один из информантов является кандидатом филологических наук. Наконец, кроме русского, большинство информантов (всего 51, $\approx$ 72,8%) владеет также английским языком.

Все примеры, в том числе и их обрамляющие коммуникативные ситуации, создавались автором, за исключением некоторых предложений-дистракторов (см. ниже), которые были в основном взяты из электронных корпусов. Грамматическая приемлемость всех контекстов, а также их прагматическая естественность были проверены группой информантов. Целью анкеты являлась проверка результатов корпусного поиска (§4.3) на материале спонтанного речевого общения, а также уточнение статистической встречаемости определенных форм.

При обработке анкеты мы решили придерживаться следующих правил. Чтобы избежать ошибочных или не вполне объективных результатов (из-за присутствия фонового шума, разных типов внешних интерференции и т.д.) мы периодически вставляли среди интересующих нас контекстов дистракторы, т.е. неперформативные контексты, содержащие другие типы предикатов (напр. разные глаголы из акциональных классов свершений и достижений, а также глаголы движения). Дистракторов в анкете 10, т.е. они составляют 20% всех контекстов (распределение таково: по двум элементам на классы деклараций и комиссивов и по трем на классы экспозитивов и директивов). Они частично созданы нами, а частично взяты из электронных источников, прежде всего корпусов.

Кроме этого, чтобы проверить уровень внимания информанта, мы модифицировали некоторые перформативные контексты посредством искусственной манипуляции как формальными (напр. морфология глагола), так и функциональными параметрами предложения (напр. употребления перформатива с неправильным темпоральным аргументом, употребления перформатива в неподходящем контексте и т.д.). Этими манипуляциями вызываются эффекты грамматической и/или прагматической неприемлемости, которые, в принципе, носители русского языка должны распознавать. Если такие эффекты не распознаны, ответ автоматически считается ошибочным и исключается. При достижении трех неправильных ответов все ответы информанта автоматически исключаются из заключительного анализа.

Случаями «настоящего» видового противопоставления мы будем называть только те случаи, в которых порог колебания в определении подходящей перформативной словоформы равен или превышает 15% всех ответов (т.е. 10 ответов из 70). В противном случае (т.е. если порог видового противопоставления составляет менее 15% всех ответов) мы будем говорить о единичных (т.е. несистематических) случаях видового противопоставления, которые зависят от лингвистического чутья отдельного информанта.

4.4.2. Декларации

Мы протестировали те же декларации, которые мы рассматривали в посвященном корпусному поиску разделе (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 9’):

нарекать ^{НСВ} (<i>нарекаю</i>) / наречь ^{СВ} (<i>нареку</i>)
объявлять ^{НСВ} (<i>объявляю</i>) / объявить ^{СВ} (<i>объявлю</i>)
крестить ^{НСВ} (<i>крещу</i>) / окрестить ^{СВ} (<i>окрещу</i>)
предназначать ^{НСВ} (<i>предназначаю</i>) / предназначить ^{СВ} (<i>предназначу</i>)
отказываться ^{НСВ} (<i>отказываюсь</i>) / отказать ^{СВ} (<i>откажусь</i>) <от чего-либо>
посвящать ^{НСВ} (<i>посвящаю</i>) / посвятить ^{СВ} (<i>посвящу</i>)
каяться ^{НСВ} (<i>каюсь</i>) / покаяться ^{СВ} (<i>покаюсь</i>)
увольнять ^{НСВ} (<i>увольняю</i>) / уволить ^{СВ} (<i>уволю</i>)
освобождать ^{НСВ} (<i>освобождаю</i>) / освободить ^{СВ} (<i>освобожу</i>)
приговаривать ^{НСВ} (<i>приговариваю</i>) / приговорить ^{СВ} (<i>приговорю</i>)

Таблица 9’. Русские декларации.

В качестве дистракторов были включены контексты с описательными глаголами *писать*^{НСВ}/*написать*^{СВ} и *говорить*^{НСВ}/*сказать*^{СВ}.

Как и ожидалось, «настоящее» видовое противопоставление для деклараций никогда не осуществляется, хотя некоторые предикаты демонстрируют нетривиальные колебания, которые их приближают к минимальному порогу. Удивителен скорее тот факт, что наряду с предикатами, которые были уже выделены (см. §4.3.2), как, например, глагольная пара *каяться*^{НСВ}/*покаяться*^{СВ} (всего 6 выборов словоформы в НП^{СВ} *покаюсь*), обнаруживаются также совсем неожиданные предикаты, такие, как *нарекать*^{НСВ}/*наречь*^{СВ} (выборов словоформы в НП^{СВ} *нареку*, а также более обычного варианта *назову* насчитывается 8) и *крестить*^{НСВ}/*окрестить*^{СВ} (выборов словоформы в НП^{СВ} *окрещу* насчитывается 9).

Однако единственная глагольная пара, для которой следует говорить о возможном, хотя и спорадически осуществляющемся видовом противопоставлении — это *каяться*^{НСВ}/*покаяться*^{СВ}. Заметим, что в созданном нами контексте употребления [см. ниже пример (288)], в отличие от взятых из корпусов диагностических контекстов для словоформы

в НП^{CB}, глагол толкуется дословно, в связи с религиозной сферой (коммуникативная ситуация разворачивается в исповедальне)³⁶⁷:

(288) [Контекст: Священник сидит в исповедальне. Входит верующий. Священник спрашивает у верующего, хочет ли он покаяться в своих грехах]

“Да, я _____ перед Господом и перед Вами, Отец, что я согрешил” (*каюсь*^{НастНCB} / *покаюсь*^{НПCB})

Два информанта, хотя и признают, что обе словоформы приемлемы, но также добавляют в стороне, что в семантике НП^{CB} преобладает дополнительный компонент инхоативности, т.е. либо действие только что началось, либо говорящий только что решил его выполнить. Этот компонент, по всей видимости, вытекает из семантического инварианта СВ в восточнославянских языках, т.е. темпоральной определенности.

Как мы уже отметили (см. §4.3.2), глагольная пара *нарекать*^{НCB}/*наречь*^{CB} некоторым носителям русского языка представляется несколько устаревшей, и они заменяют ее более употребительными синонимами, такими, как *называть*^{НCB}/*назвать*^{CB}. Возможно, многие информанты не знакомы с функционированием этого глагола, что влияет на полученные ответы [см. пример (289)]. Однако не исключена также гипотеза, что лишь некоторые информанты истолковали контекст, как будто темпоральная референция перформатива ориентирована на будущее³⁶⁸:

(289) [Контекст: Мэр Москвы приглашен на официальную инаугурацию парохода «Рябь».

Он должен разбить бутылку шампанского о борт корабля. Говорит мэр]

“Я _____ этот пароход именем «Рябь»” (*нарекаю*^{НастНCB} / *нареку*^{НПCB})

Проблемы возникают также при обсуждении контекста с декларациями *крестить*^{НCB}/*окрестить*^{CB} [см. пример (290)]. Как отмечают некоторые носители (всего 7, т.е. 10% всех опрошенных информантов), ни словоформа *крещу*^{НастНCB}, ни словоформа

³⁶⁷ В соответствии с замечаниями про корпусные данные (см. §4.3.2) представляется вероятным, что число случаев видового противопоставления могло бы увеличиться, если бы глагольная пара *каяться*^{НCB}/*покаяться*^{CB} толковалась в переносном значении “признаваться <в вине, ошибке>”.

³⁶⁸ На это, по-видимому, указывает комментарий информантки, которая так пишет (сохраняется оригинальная орфография сообщения): «В принципе возможны оба варианта, хотя "нарекаю" более привычно в таком контексте (хотя вообще-то такой глагол в таком контексте никто не употребит в реальности :). "Нарекаю - если мэр просто озвучивает то, что придумано заранее, и это ритуал просто. Нарекую - если это он сам только что придумал (возможно не с мэром, а с капитаном корабля, который сам придумывает название)». Таким образом, кажется, что употребление словоформы в НП^{CB} *нареку* сохраняет компонент инхоативности, подобно *покаюсь*^{НПCB}.

окрещу^{НПСВ} не подходят в данном контексте, поскольку в употреблении скорее зафиксирована тайносовершательная, пассивно-результативная формула (церковнославянского происхождения) *Крещается раб Божий/раба Божья* (_ имя новорожденного ребенка) *во имя Отца, аминь, Сына, аминь и Святого Духа, аминь*. Таким образом, вероятно, что большинство информантов либо не знакомо с ритуальной формулой крещения, либо заполнило пробел в анкете по аналогии с другими перформативными контекстами – хотя, разумеется, это не может объяснить аномальные проценты в пользу употребления словоформы в НП^{СВ} *окрещу*:

(290) [Контекст: При крещении ребенка говорит священник]

“Я _____ тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа” (*крещу*^{НастНСВ} / *окрещу*^{НПСВ})

Это не единичные лексические трудности, связанные с декларациями, с которыми информанты споткнулись при заполнении анкеты. Спорной является также (принадлежащая к книжному, официальному стилю) глагольная пара *предназначать*^{НСВ}/*предназначить*^{СВ}, которую в примере (291) 14 информантов (20%) предлагают заменить двувидовым глаголом *завещать*^{ДВ}, а еще 7 (10%) – словоформой в Наст^{НСВ} *оставляю*. Это свидетельствует не только об исключительно редкой встречаемости таких форм в повседневном общении, но и о более общих трудностях в понимании их функционирования:

(291) [Контекст: Умерла во сне старая бабушка. Все внуки собрались у нотариуса, чтобы вскрыть завещание. Читает нотариус]

“Я, Маргарита Николаевна, будучи еще в здравом теле и уме, в своем завещании _____ своим внукам все свое имущество, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни состояло” (*предназначаю*^{НастНСВ} / *предназначу*^{НПСВ})

Итак, все нами опрошенные информанты соглашались в том, что дефолтной видовой формой для деклараций является, без исключений, Наст^{НСВ}.

4.4.3. Экспозитивы

Мы протестировали те же экспозитивы, которые мы уже использовали в посвященном корпусному поиску разделе (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 10’):

предполагать ^{НСВ} (<i>предполагаю</i>) / предположить ^{СВ} (<i>предположу</i>)
повторять ^{НСВ} (<i>повторяю</i>) / повторить ^{СВ} (<i>повторю</i>)
сравнивать ^{НСВ} (<i>сравниваю</i>) / сравнить ^{СВ} (<i>сравню</i>)
сообщать ^{НСВ} (<i>сообщаю</i>) / сообщить ^{СВ} (<i>сообщу</i>)
напоминать ^{НСВ} (<i>напоминаю</i>) / напомнить ^{СВ} (<i>напомню</i>)
заявлять ^{НСВ} (<i>заявляю</i>) / заявить ^{СВ} (<i>заявлю</i>)
докладывать ^{НСВ} (<i>докладаваю</i>) / доложить ^{СВ} (<i>доложу</i>)
возражать ^{НСВ} (<i>возражаю</i>) / возразить ^{СВ} (<i>возражу</i>)
добавлять ^{НСВ} (<i>добавляю</i>) / добавить ^{СВ} (<i>добавлю</i>)
признаваться ^{НСВ} (<i>признаюсь</i>) / признать ^{СВ} (<i>признаюсь</i>)

Таблица 10'. Русские экспозитивы.

В качестве дистракторов использовались контексты с парой глаголов определенного движения *идти*^{НСВ}/*пойти*^{СВ}, с глаголами интеллектуальной деятельности *понимать*^{НСВ}/*понять*^{СВ} и с описательными глаголами *смотреть*^{НСВ}/*посмотреть*^{СВ}.

Кроме этого, внесены изменения в некоторые перформативные контексты, содержащие экспозитивы *докладывать*^{НСВ}/*доложить*^{СВ} и *признаваться*^{НСВ}/*признать*^{СВ}. В первом случае [см. пример (292)] коммуникативной ситуацией вопреки ожиданиям управляет не подчиненный адресату говорящий, а говорящий, занимающий намного более высокий социальный статус по сравнению с адресатами (в данном случае, главнокомандующий обращается к солдатам, а не наоборот), что должно вызывать у носителя русского языка впечатление прагматической неуспешности:

(292) [Контекст: Главнокомандующий должен сообщить солдатам, что враждебная армия приблизилась к их военному лагерю]

“_____ вам, солдаты, что война в полном разгаре. Враги впереди, они на нас вот-вот нападут” (*докладаваю*^{НастНСВ} / *доложу*^{НПСВ})

Подавляющее большинство информантов (54 из 70, 77,1%) все-таки не нашли ошибку и выбрали словоформу в Наст^{НСВ} *докладаваю*, наверное, по аналогии с другими перформативными контекстами. В то время как 8 из них (≈ 11,4%) не только исправили ошибку, но и предложили другой, более подходящий вариант (чаще всего, в трех случаях, *сообщаю*^{НастНСВ}). Словоформу в НП^{СВ} *доложу* посчитали приемлемой только шесть информантов (≈ 8,6%), хотя они и признали, что формула *доложу* <Вам> имеет фиксированный характер и употребляется в основном при выражении оценки.

Во втором случае [см. пример (293)] говорящий использует глагольную пару *признаваться*^{НСВ}/*признаться*^{СВ} для того, чтобы сообщить адресату то, что он/а уже знает (т.е. тот факт, что он оскорбил адресата). На самом деле адресату можно признаться только в том, что ему/ей пока не известно. Неподходящее употребление экспозитивов должно вызвать у носителя русского языка ощущение семантической непоследовательности:

(293) [Контекст: Вчера Ваш друг взбесился и страшно Вас оскорбил. Сегодня он Вам звонит по телефону]

“Сто раз прошу извинить, не знаю, что со мной случилось. _____, я был вне себя...” (*признаваться*^{НСВ} / *признаться*^{СВ})

На этот факт, однако, указывают только двое информантов, написавших по этому поводу подробные комментарии³⁶⁹. Другие ответы разделились почти поровну, с небольшим перевесом в пользу словоформы в НП^{СВ} *признаюсь* (33 выбора, ≈ 47,1%) по сравнению со словоформой в Наст^{НСВ} *признаюсь* (28 выборов, 40%). Трое информантов выбрали как возможные обе словоформы.

Согласно полученным результатам, состав экспозитивов, допускающих «настоящее» видовое противопоставление, ограничен только тремя глагольными парами: *предполагать*^{НСВ}/*предположить*^{СВ}, *повторять*^{НСВ}/*повторить*^{СВ} и *напоминать*^{НСВ}/*напомнить*^{СВ}. Во всех трех контекстах предпочтение информантов отдается словоформам в Наст^{НСВ}, хотя и в разной степени. В экспозитивном иллокутивном акте предположения, например, словоформу в НП^{СВ} *предположу* выбрали носителей (12,9%), а еще шесть посчитали, что она равнозначна словоформе в Наст^{НСВ} *предполагаю* [см. пример (294)]:

(294) [Контекст: На научной конференции по лингвистике два участника дерзко спорят друг с другом. Один обращается к другому]

“Вы в этом уверены? Я _____, что Вы никогда в своей жизни не читали «Минималистическую программу» Хомского!” (*предполагаю*^{НастНСВ} / *предположу*^{НПСВ})

³⁶⁹ Одна из них пишет (сохраняется оригинальная орфография комментария): «И то, и другое не очень. ПризнАюсь: дальше он говорит что-то, о чем я раньше не знал (а по контексту судя, я и так это уже заметил). ПризнАюсь: он сейчас продолжит и расскажет, из-за чего он был так зол (но и здесь лучше было бы сказать как-то по-другому. Не очень соотносится по смыслу с контекстом глагол признаться или признаваться.». Другая информантка отмечает, что замена словоформы в Наст^{НСВ} на словоформу в НП^{СВ} меняет пропозициональное содержание сообщения: в первом случае речь как будто идет об актуальном признании вины, во втором перформатив скорее выполняет парентетические функции (≈ ‘честно говоря’).

В экспозитивном иллокутивном акте повторения словоформу в Наст^{НСВ} *повторяю* выбрали 30 информантов, а словоформу НП^{СВ} *повторю* – 29. Семь информантов указали, что обе словоформы в определенном контексте приемлемы [см. пример (295)]:

(295) [Контекст: Идет бурная дискуссия в ООН между представителями России и США по поводу экономических санкций. Говорит российский представитель]

“Вы, американцы, явно нарушаете все учредительные правовые нормы – да, я это _____, вы явно их нарушаете!” (*повторяю*^{НастНСВ} / *повторю*^{НПСВ})

Следует отметить, однако, что, по мнению некоторых из информантов видовой переход из Наст^{НСВ} в НП^{СВ} ассоциируется с изменением пропозиционального содержания сообщения. Одна информантка написала: «Возможны оба варианта в разных ситуациях. Повторяю - если говорящий уже когда-то эти слова произносил, а сейчас повторяет. Повторю - если имеется в виду повторение того, что было сказано только что в первой фразе». Иными словами, можно сказать, что здесь вновь возникает противопоставление, которое мы уже обсуждали в примерах (212)–(213), т.е. в отличие от более нейтральной словоформы в Наст^{НСВ}, использованием словоформы в НП^{СВ} говорящий делает акцент на временной последовательности событий и на заключительной позиции глагола.

Наконец, в случае пары *напоминать*^{НСВ}/*напомнить*^{СВ}, хотя преобладающее большинство информантов указывает на словоформу в Наст^{НСВ} *напоминаю* как на предпочтительный выбор в перформативном контексте (всего 56 предпочтений, 80%), словоформе в НП^{СВ} *напомню* отдали предпочтение пять информантов ($\approx 7,1\%$), а еще 9 указали, что между предложенными альтернативами различий почти не существует [или не чувствуется: см. пример (296)]. В соответствии с выдвинутой в §4.3.3 и уже поддержанной суждениями носителей гипотезой, самое заметное различие между словоформами в Наст^{НСВ} и НП^{СВ} заключается в том, что употреблением словоформы в НП^{СВ} говорящий, при принятии исправленной стратегии, намеревается смягчить интенсивность иллокутивной силы своего высказывания:

(296) [Контекст: Собираются регистрации на экскурсию в горы. Организатор объявляет]

“_____, что осталось всего только три дня до закрытия регистрации!”
(*напоминаю*^{НастНСВ} / *напомню*^{НПСВ})

Интересно заметить, что среди экспозитивов доминирующей перформативной словоформой не всегда является *Наст^{НСВ}*. Что касается глагольных пар *сравнивать^{НСВ}/сравнить^{СВ}* и *добавлять^{НСВ}/добавить^{СВ}*, например, в соответствующих иллокутивных актах носители русского языка явно выбирают, по уже обсужденным причинам (напр. при выделении компонента рематичности; см. §4.3.3), словоформы в НП^{СВ} *сравню* [68 информантов из 70, 98,1%: см. пример (297)] и *добавлю* [63 информанта из 70, 90%: см. пример (298)]. Вероятно, здесь речь идет о (почти) лексикализованных словоформах:

(297) [Контекст: Профессор ведет урок по математике и объясняет теории по фракталам]
 “А теперь я _____ теории Ричардсона и Мандельброта по фракталам”
 (*сравниваю^{НастНСВ} / сравню^{НПСВ}*)

(298) [Контекст: Аспирант выступает с докладом на конференции]
 “Еще _____, что мои результаты до сих пор никак не являются окончательными”
 (*добавляю^{НастНСВ} / добавлю^{НПСВ}*)

Что касается этих данных, хотя естественное тяготение экспозитивов к видовому противопоставлению в перформативном контексте в целом оправдывается на основе принадлежности многих их членов к классу ретических перформативов, необходимо добавить, что засвидетельствованные в литературе контексты, в которых видовая оппозиция действует и для других лексических единиц (см., например, случай глагольной пары *сообщать^{НСВ}/сообщить^{СВ}*)³⁷⁰, по результатам анкетирования все-таки не выделяются. Это может быть доказательством того, что экспозитивные иллокутивные акты, в которых употребление словоформ в НП^{СВ} остается маргинальным, на прагматическом уровне по какой-то причине являются слишком маркированными и, хотя в принципе возможны, но исключаются из числа подходящих перформативных форм.

³⁷⁰ По результатам анкетирования отмечается единодушие среди информантов по поводу перформативного употребления словоформы в *Наст^{НСВ} сообщаю* (69 ответов из 70, 98,5%), в то время как видовой коррелят *сообщу* никем не выбрано.

4.4.4. Комиссивы

Хотя в анкете перформативные комиссивы не отличались от квазиперформативных, при рассмотрении результатов мы будем разделять две категории по модели предыдущих глав (см. §4.4.4.1 и §4.4.4.2).

4.4.4.1. Перформативные комиссивы

Мы протестировали те же перформативные комиссивы, которые мы уже использовали в посвященном корпусному поиску разделе, за исключением коллокации *давать*^{НСВ}/*дать*^{СВ} <(свое) слово>, функционирование которой зеркально отражает закономерность других комиссивов [напр. *обещать*^{ДВ}/*(по)обещать*^{СВ}] и поэтому не представляет особого интереса. Вместо нее мы выбрали глагольную пару *отказываться*^{НСВ}/*отказаться*^{СВ} (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 11'):

обещать ^{ДВ} (обещаю) / (по)обещать ^{СВ} (пообещаю)
присягать ^{НСВ} (присягаю) / присягнуть ^{СВ} (присягну)
заверять ^{НСВ} (заверяю) / заверить ^{СВ} (заверю)
ручаться ^{НСВ} (ручаюсь) / поручиться ^{СВ} (поручусь)
клясться ^{НСВ} (клянусь) / поклясться ^{СВ} (поклонусь)
спорить ^{НСВ} (спору) / поспорить ^{СВ} (поспору)
предлагать ^{НСВ} (предлагаю) / предложить ^{СВ} (предложу)
отказываться ^{НСВ} (отказываюсь) / отказаться ^{СВ} (откажусь)

Таблица 11'. Русские перформативные комиссивы.

В качестве дистракторов использовались контексты с описательными глаголами *спрашивать*^{НСВ}/*спросить*^{СВ} и *делать*^{НСВ}/*сделать*^{СВ}.

Кроме того, в комиссивном иллокутивном акте отказа мы модифицировали морфологию перформатива, лишив его маркера возвратности -ся. В полученном контексте [см. пример (299)] новая глагольная пара *отказывать*^{НСВ}/*отказат*^{СВ} не подходит к коммуникативной ситуации, тем самым вызывая грамматическую неприемлемость, которую носитель русского языка в принципе должен уметь распознавать:

(299) [Контекст: После того, как жена ушла от Петра, она требует, чтобы Петр время от времени клал деньги в ее текущий счет. Он против]

“Я _____ тебе помочь при таких обстоятельствах. Не смей больше просить!”
(*отказываю^{Наст^{НСВ}} / *откажу^{НП^{СВ}})

Хотя почти половина опрошенных информантов не только нашли ошибку и исправили ее, но и предложили правильный возвратный вариант³⁷¹, все-таки 33 носителя (47,1%) выбрали неприемлемую словоформу в Наст^{НСВ} *отказываю*, а еще трое (4,3%) – даже словоформу в НП^{СВ} *откажу*. Все эти ответы были исключены из анализа.

Анализ данных анкет дает неожиданный результат, значительно отличающийся от итогов корпусного поиска (ср. §4.3.4.1). В то время как корпусные данные указывали на возможность спорадического видового противопоставления в комиссивных иллокутивных актах, особенно в связи с изменением в интенсивности иллокутивной силы высказывания (либо по направлению более отчетливого авторитета говорящего, либо в повышении торжественности речевого акта), судя по ответам в анкетах такая возможность, как кажется, едва ли существует. Напротив, по крайней мере в случае трех комиссивных пар, т.е. *обещать*^{ДВ}/(*пообещать*^{СВ}), *клясться*^{НСВ}/*поклясться*^{СВ} и (в меньшей степени) *присягать*^{НСВ}/*присягнуть*^{СВ}, единственным возможным выбором в перформативном контексте, по мнению информантов, являются словоформы в Наст^{НСВ} *обещаю*, *клянусь* и *присягаю*³⁷². Можно предположить, что при отсутствии предшествующего контекста словоформы в НП^{СВ} *пообещаю*, *поклянусь* и *присягну* носитель русского языка толкует в первую очередь как формы будущего времени³⁷³, в то время как перформативное толкование вытесняется, вероятно, на основании критериев маркированности. Однако учитывая тот факт, что словоформы в НП^{СВ} *пообещаю* и *поклянусь* засвидетельствованы в перформативном контексте, было бы уместно рассмотреть более конкретные причины, препятствующие перформативному употреблению.

Видовое противопоставление информанты допускают только в случае пары *спорить*^{НСВ}/*поспорить*^{СВ} <на что-либо> (35 ответов в пользу словоформы в Наст^{НСВ} *спору*, 23 в пользу словоформы в НП^{СВ} *поспору*, а еще 12 допустили оба варианта), см. пример (300):

³⁷¹ Добавим, что часть этих информантов (всего 11) предложили также изменить либо вид инфинитивного дополнения (*Отказываюсь <тебе <помогать>>*), либо часть речи, заменив инфинитив в именной объект (*Отказываюсь <тебе <в помощи>>*).

³⁷² Проценты в пользу словоформ в Наст^{НСВ} остаются довольно высокими также в случаях глаголов *заверять*^{НСВ} (65 ответов, 92,9%), *предлагать*^{НСВ} (то же) и *ручаться*^{НСВ} (63 ответа, 90%). Среди редких альтернатив словоформу в НП^{СВ} *предложу* (3 ответа, ≈ 4,3%) одна информантка определяет как возможную, хотя ей кажется, что это употребление «изысканное, более светское».

³⁷³ На это указывает комментарий информантки о паре *присягать*^{НСВ}/*присягнуть*^{СВ}: «Присягаю - во время речи, присягну - в этот день, но до начала церемонии».

(300) [Контекст: Сегодня вечером в Москве проводится матч между Локомотивом и Ювентусом]

“Я _____ на что угодно, что Ювентус никак не выиграет выездную игру”
(*спорю*^{НастНСВ} / *поспорю*^{НПСВ})

Интересно отметить, что одна информантка в своем комментарии выдвигает чисто предположительную гипотезу о взаимосвязи между употреблением словоформы в НПСВ и меньшей степенью уверенности в выполнении действия со стороны говорящего. На самом деле пример составлен именно для того, чтобы создать обратное впечатление (т.е. чтобы вызвать эффект более отчетливой уверенности, на которую указывает наличие управляемого глаголом отвлеченного обстоятельства <на что угодно>). По всей вероятности, то, что принимается как меньшая степень уверенности, является скорее случаем применения восстановительной стратегии со стороны говорящего, т.е. выражением вежливой аттенуативной функции. Если это предположение верно, употребление словоформы в НПСВ *поспорю* продиктовано прагматическим проявлением макропризнака контроля, которое непосредственно действует на интенсивность иллокутивной силы высказывания (в направлении ее смягчения или, наоборот, ее усиления, в зависимости от определенной коммуникативной ситуации).

4.4.4.2. Квазиперформативные комиссивы

Асимметрия в видовом определении главного предиката между иллокутивными актами купли и продажи, которую мы уже обсудили в посвященном корпусному поиску параграфе (§4.3.4.2), отображается также на закономерности в анкетных данных.

В нижеприведенном примере (301) приводится акт купли. Все информанты соглашались с тем, что единственно возможным выбором в квазиперформативном контексте является словоформа в НПСВ *куплю*. Наряду с основополагающими обоснованиями, связанными с атемпоральным характером события, на такой выбор также указывает, по всей видимости, присутствие определенного прямого дополнения в единственном числе (*гитару*):

(301) [Контекст: Человек, которому нужна гитара, приклеивает объявление к афише]

“_____ гитару срочно – звоните на нижеуказанный номер” (*покупаю*^{НастНСВ} / *куплю*^{НПСВ})

Пример (302) представляет собой акт продажи. Несмотря на присутствие в синтаксической структуре прямого дополнения в единственном числе (*рубашку*), здесь ответы более разнородные: в то время как словоформу в НП^{CB} *продам* выбрали 38 информантов (54,3%), словоформу в Наст^{HCB} *продаю* выбрали 16 информантов (22,9%), а остальные 16 допустили обе словоформы;

(302) [Контекст: Вы купили рубашку, но она Вам слишком мала и никак не подходит. Вы решаете ее продать и публикуете объявление на Фейсбуке]

“Внимание! _____ новую рубашку, одетую только один раз. Узор в горошек. Желающие пишите в личку” (*продаю*^{HCB} / *продам*^{CB})

Неодинаковое функционирование глаголов купли-продажи в иллокутивных комиссивных актах можно объяснить по-разному. Поскольку изменение в интенсивности иллокутивной силы высказывания в случае неперформативных комиссивов не играет никакой роли и обе словоформы акта купли/продажи все-таки сохраняют свои атемпоральные характеристики, вероятно, что некоторую роль здесь играет возможность представления акта продажи, в отличие от акта купли, как более протяженного во времени. Разворачивающееся во времени действие, как кажется, обеспечивает подходящий контекст для употребления словоформы в Наст^{HCB} *продаю*, которая свободно чередуется с лексикализованной словоформой в НП^{CB} *продам*.

4.4.5. Директивы

Мы протестировали те же директивы, которые мы уже использовали в посвященном корпусному поиску разделе, при этом исключили только глагольные пары *приказывать*^{HCB}/*приказать*^{CB} и *приглашать*^{HCB}/*пригласить*^{CB} (функционирование которых, впрочем, следует общей закономерности) в целях достижения симметричности с другими классами (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 12’):

просить ^{HCB} (<i>прошу</i>) / попросить ^{CB} (<i>попрошу</i>)
советовать ^{HCB} (<i>советую</i>) / посоветовать ^{CB} (<i>посоветую</i>)
запрещать ^{HCB} (<i>запрещаю</i>) / запретить ^{CB} (<i>запрещу</i>)
настаивать ^{HCB} (<i>настаиваю</i>) / настоять ^{CB} (<i>настою</i>)
заклинать ^{HCB} (<i>заклинаю</i>) / заклясть ^{CB} (<i>закляну</i>)

умолять ^{НСВ} (умоляю) / умолить ^{СВ} (умолю)
предупреждать ^{НСВ} (предупреждаю) / предупредить ^{СВ} (предупрежу)
позволять ^{НСВ} (позволяю) / позволить ^{СВ} (позволю) <себе>
требовать ^{НСВ} (требую) / потребовать ^{СВ} (потребую)
разрешать ^{НСВ} (разрешаю) / разрешить ^{СВ} (разрешу)

Таблица 12'. Русские директивы.

В качестве дистракторов использовались контексты с комиссивной коллокацией *давать*^{НСВ}/*дать*^{СВ} <(свое) слово>, с транзакционными глаголами *раздавать*^{НСВ}/*раздать*^{СВ}, а также с описательной глагольной парой *есть*^{НСВ}/*съесть*^{СВ}. В последнем случае мы также создали явно сомнительный пример, чтобы вызвать у информантов эффект грамматической неприемлемости.

Весьма интересен тот факт, что, хотя в литературе не раз показывалось, что в перформативном контексте видовая оппозиция действует для небольшого количества директивов, судя по ответам в анкетах единичными примерами «настоящего» противопоставления между словоформами являются глагольные пары *просить*^{НСВ}/*попросить*^{СВ} и *разрешать*^{НСВ}/*разрешить*^{СВ}. В обоих случаях предпочтение отдается словоформам в Наст^{НСВ} *прошу* и *разрешаю*, хотя в разной степени, как показано ниже.

В примере (303) приводится образец директивного иллокутивного акта просьбы. 52 информанта ($\approx 74,3\%$) выбрали словоформу в Наст^{НСВ}, в то время как 9 ($\approx 12,9\%$) указали словоформу в НП^{СВ}, а еще семь написали, что обе словоформы в данном контексте приемлемы:

(303) [Контекст: Водитель автобуса просит закомпостированные билеты у пассажиров]³⁷⁴

“Господа, я _____ показать билеты, пожалуйста” (*прошу*^{НастНСВ} / *попрошу*^{НПСВ})

По поводу употребления словоформы в НП^{СВ} *попрошу* некоторые информанты сделали ценные замечания, которым здесь следует уделить немного внимания. Одна информантка выступила против употребления *попрошу*, указывая на тот факт, что глагол может появляться в таких коммуникативных ситуациях «с глазу на глаз, более доверительно, или для медленных действий, и более сложных». Другие же высказали мнение, что употребление *попрошу*

³⁷⁴ Двое информантов сообщили, что в предложенном контексте причастная форма в прилагательной функции *закомпостированные* должна быть заменена формой *прокомпостированные*. Однако поиск в Google показывает, что обе формы в определенной именной группе приемлемы.

немного устарело и, в общем, характеризуется бóльшей вежливостью. Все эти замечания можно связать с общим параметром изменения (в этом случае смягчения) в интенсивности иллокутивной силы высказывания, которое осуществляется при применении восстановительной коммуникативной стратегии со стороны говорящего, допускающей употребление словоформ в Наст^{НСВ}.

В примере (304) приводится директивный иллокутивный акт разрешения. Словоформа в Наст^{НСВ} *разрешаю* выбрана 34 информантами (48,6%), словоформа в НП^{СВ} *разрешу* – 26 (37,1%), а остальные 10 указали, что можно принять обе:

(304) [Контекст: Сын сдержал свое обещание позаниматься математикой. Сейчас он просит деньги у отца, чтобы пойти в кино с друзьями посмотреть фильм ужаса]

“Ладно, я тебе _____ пойти в кино, но только при одном условии – ты уже к полуночи вернешься домой” (*разрешаю*^{НастНСВ} / *разрешу*^{НПСВ})

По мнению некоторых информантов, при употреблении *разрешу* в контекст закладываются дополнительные прагматические компоненты. Одна информантка подчеркивает, что отец может употреблять словоформу *разрешаю*, если думает, что сын согласится на условие легко, в то время как употребление *разрешу* снимает эту presupposition. Другая же информантка выдвигает гипотезу о том, что словоформой *разрешу* делается акцент на условиях, при которых разрешение успешно. Как кажется, ключевыми для лицензирования словоформы в НП^{СВ} является именно выделение авторитета говорящего, его полного контроля над событием. На основе этого контроля он игнорирует ответную реакцию адресата (см. §4.3.4.1).

Во всех других случаях, дефолтной перформативной формой для директивов является Наст^{НСВ375}, за исключением пары *позволять*^{НСВ}/*позволить*^{СВ} <себе> [67 ответов в пользу лексикализованной словоформы в НП^{СВ} *позволю*, т.е. 95,7%, vs. два в пользу словоформы в Наст^{НСВ} *позволяю*, т.е. 2,9%; см. пример (305)]:

(305) [Контекст: Ваша знакомая похвасталась, что в супермаркете обсчитала кассиршу на шесть рублей. Вы перебиваете дискуссию]

“Я _____ себе заметить, что ты неправильно поступила” (*позволяю*^{НастНСВ} / *позволю*^{НПСВ})

³⁷⁵ В случае глагольных пар *запрещать*^{НСВ}/*запретить*^{СВ} и *умолять*^{НСВ}/*умолить*^{СВ}, как и предполагалось, все информанты выбрали исключительно словоформы в Наст^{НСВ} *запрещаю* и *умоляю*.

Судя по замечаниям информантов возможные причины, по которым носители языка предпочитают не выбирать директивные словоформы в НП^{CB}, могут заключаться, с одной стороны, в темпоральном (футуральном) аргументе, автоматически ассоциированном с такими формами, а также в прагматических осложнениях, контекстуально вызванных взаимоотношением вида и лексической семантики глагола.

Примером первого случая может служить следующий перформативный контекст, в котором словоформа в НП^{CB} *настою*, хотя и была выбрана как основная четырьмя информантами (5,7%), для подавляющего большинства влечет за собой футуральное передвижение темпорального аргумента предиката³⁷⁶:

- (306) [Контекст: Вас оштрафовали на 100 рублей за опасное вождение, но Вы вину перед милиционерами не признаете]
“Я никакого правила за рулем не нарушал и _____ на том, что штраф платить не буду” (*настаиваю*^{Наст^{HCB}} / *настою*^{НП^{CB}})

По поводу второго случая в директивном иллокутивном акте предупреждения в примере (307) почти все информанты выбрали словоформу в Наст^{HCB} *предупреждаю*, а одна информантка также добавила, что словоформу в НП^{CB} *предупрежу* в принципе можно употреблять, но только «если мне безразлично, что он [т.е. адресат, М. Б.] умрет». На основе этого замечания, которое перекликается с нашими комментариями в §4.3.5, можно провести параллель между функционированием словоформы *предупрежу*^{НП^{CB}} и выше обсуждавшейся словоформы *разрешу*^{НП^{CB}}. В обоих контекстах употребление словоформ в НП^{CB} обусловлено прагматическим выявлением макропризнака контроля, который из-за особой коммуникативной структуры глаголов чаще всего выражается как авторитет. В обоих контекстах, авторитетный говорящий не принимает во внимание ответную реакцию адресата, в частности признание и принятие иллокутивного акта:

- (307) [Контекст: Вашего лучшего друга оставила его невеста у алтаря. Он впал в депрессию и спился. Вы сходили к нему разговорить]

³⁷⁶ Двое информантов подчеркивают, что употребление *настою* может приниматься только в описательном контексте с ясной референцией к футуральному положению дел. Один из них пишет, что в случае словоформы *настою* «речь идет, что я буду дела не с этим милиционером, а добьюсь своего у его начальства или кого-то еще». Эти замечания хорошо соотносятся с гипотезой, выдвинутой в сноске 362.

“Слушай меня, ты так дальше не можешь. Я тебя _____, не отрезвишься – умрешь” (*предупреждаю*^{НастНСВ} / *предупрежу*^{НПСВ})

Наконец, в соответствии с результатами корпусного анализа, видовое противопоставление в директивном иллокутивном акте требования ограничено редкими случаями (словоформу в НП^{СВ} *потребую* выбрали только двое информантов). На выбор НП^{СВ} непосредственно влияет изменение в интенсивности иллокутивной силы высказывания, т.е. авторитетное требование либо приобретает перлокуцию косвенного императива, либо приближается к иллокутивному акту со скрытым перлокутивным эффектом угрозы [см. пример (308)]:

(308) [Контекст: Ваш новый коллега на работе постоянно подтрунивает над Вами. Вы потеряли терпение]

“Владимир Владимирович, я серьезно говорю. Я от Вас _____, чтобы Вы ко мне проявляли уважение” (*требую*^{НастНСВ} / *потребую*^{НПСВ})

4.5. Итоги

В этой главе мы сосредоточились на рассмотрении видового противопоставления в перформативном контексте в современном русском языке, проанализировав контексты, взятые из электронных корпусов (НКРЯ, ГИКРЯ) и собранные посредством анкет.

В разделе §4.1 мы рассмотрели прошлые исследования, в которых обсуждался вопрос о количестве и типе предикатов, подвергающихся видовременному противопоставлению в перформативном контексте. Мы заметили, что в исследованиях последних десятилетий их количество постепенно возрастало, тем самым указывая на возможность того, что распространение перформативных форм в НП^{СВ} намного шире, чем предполагалось. В разделе §4.2 мы протестировали на материале русского языка гипотезу Р. Экхардт об отличительных чертах, характеризующих исключительно перформативные высказывания, но заметили, что при синтаксической вставке темпорального оператора *сейчас* и автореференциального оператора *настоящим* категориальный сдвиг констативных высказываний к перформативным не осуществляется автоматически.

В разделе §4.3 мы проанализировали корпусные данные. Параграф §4.3.1 посвящен краткому описанию метода корпусного поиска. Потом приводятся результаты, начиная с

деклараций (§4.3.2), продолжая с экспозитивами (§4.3.3), комиссивами (перформативные комиссивы см. в §4.3.4.1, а неперформативные в §4.3.4.2) и директивами (§4.3.5).

Преобладающей видовой формой в декларациях является почти без исключений Наст^{НСВ}. Выдвигается гипотеза о том, что для деклараций, которые по социокультурным причинам нуждаются в присутствии уполномоченного лица говорящего, способного выполнять соответствующее действие, дополнительное маркирование СВ в глаголе вносит излишний компонент авторитета. В нашей выборке в перформативном контексте в НП^{СВ} обнаруживаются только словоформы *покаюсь* (из *покаяться*) и реже *объявлю* (из *объявить*), однако с переносным значением: в первом случае *покаюсь*, если не употребляется в парентетических конструкциях, приближается по смыслу к классу экспозитивов (“признаваться <в вине, ошибке>”), в то время как во втором случае *объявлю* либо употребляется в контекстах, отличающихся особой торжественностью, либо является равнозначным таким экспозитивам, как *сообщать*.

В отличие от деклараций, которые составляют стержень т.н. «социальных» или «тетических» перформативов, в лексически неоднородной группе экспозитивов обнаруживаются как «ментальные» или «ретические» перформативы (напр. *напоминать*^{НСВ}/*напомнить*^{СВ}), так и гибридные лексемы, разделяющие семантические и прагматические характеристики с декларациями (напр. *докладывать*^{НСВ}/*доложить*^{СВ}) и лексемы, часто употребляемые в парентетических конструкциях (напр. *признаваться*^{НСВ}/*признаться*^{СВ}). В первой группе видовая замена в пользу НП^{СВ} почти всегда допускается, особенно когда говорящий хочет смягчить интенсивность иллокутивной силы своего высказывания, прибегая к восстановительным коммуникативным стратегиям, которые нацеливают на возобновление негативного лица обоих участников в событии речевого акта. Во второй группе видовая оппозиция сильно ограничена контекстами, в которых словоформы в НП^{СВ} употребляются чаще всего в определенных лексических оборотах. В третьей группе замена формы Наст^{НСВ} формой НП^{СВ} нуждается в синтаксическом преобразовании предложения (напр. в обязательной реализации комплементатора, вводящего клаузуальное дополнение перформатива в НП^{СВ}).

Перформативные комиссивы («автопрескриптивы» по Д. Войводичу) сходятся с декларациями в том, что они не только относятся к уже существующему положению дел, но и вносят изменения в него, вызывая возникновение новой ситуации. Степень видового противопоставления для комиссивов зависит в первую очередь от того, насколько авторитетно ведет себя говорящий (т.е. насколько интенсивность иллокутивной силы высказывания подвергается усилению). Таким образом, при наличии признака авторитета такие

комиссивные словоформы, как *обещаю*^{НастНСВ} и *заверяю*^{НастНСВ}, допускают видовую замену, которая часто влечет за собой изменения в синтаксической структуре события (напр. обязательное присутствие клаузуального дополнения в случае *пообещаю*). С другой стороны, комиссивы как *присягаю*^{НастНСВ}, которые употребляются исключительно в торжественных коммуникативных ситуациях, в которых принимает участие авторитетный (уполномоченный) говорящий, не могут принимать на себя дополнительный признак авторитета. Наконец, что касается употребления некоторых комиссивов в НП^{СВ} (напр. *предложу*), в словоформы СВ заложен макропризнак контроля, который является семантическим осуществлением инварианта СВ в восточнославянских языках, т.е. темпоральной определенности (и из которого, следует добавить, естественно вытекает параметр авторитета, а также связанные с вежливостью восстановительные стратегии).

Квазиперформативные комиссивы («транзакционные глаголы» или «глаголы купли-продажи») скорее всего маркированы в НП^{СВ}. Словоформы в Наст^{НСВ} приемлемы в зависимости от присутствия неопределенного (нереференциального) прямого дополнения, часто во множественном числе. Более того, существует взаимосвязь между видовым маркированием предиката и когнитивной узнаваемостью события: СВ ассоциируется с бо́льшей когнитивной допустимостью события со стороны говорящего.

Директивы («прескриптивы» по Д. Войводичу) образуют неоднородную группу. Определяющим фактором для возможности видового противопоставления в перформативном контексте является проявление макропризнака контроля, который в зависимости от коммуникативной ситуации и от социального статуса участников в событии речевого акта может либо определяться как эффект авторитета говорящего (посредством усиления интенсивности иллокутивной силы высказывания), либо выражаться при применении восстановительной стратегии, которая должна компенсировать эффекты осуществления директивного иллокутивного акта, угрожающего негативному лицу адресата и показывающего слишком открытым образом намерения говорящего (причем посредством интенсивности иллокутивной силы высказывания). Употребление словоформ в НП^{СВ} невозможно для тех директивов, в коммуникативной структуре которых говорящий подчинен адресату (напр. *умолять*^{НСВ} или *заклинать*^{НСВ}) или наоборот (напр. *запрещать*^{НСВ} или *приказывать*^{НСВ}).

Разделе §4.4 мы посвятили анализу данных анкеты, созданной для рассмотрения спонтанной речи, в заполнении которой участвовали 70 носителей русского языка (детали ее составления см. в §4.4.1). Что интересно, результаты опроса не во всех случаях воспроизводят закономерности, представленные в корпусных данных. Таким образом, в то время как, по

мнению информантов, декларации (§4.4.2) относительно редко допускают настоящее видовое противопоставление, а экспозитивы (§4.4.3) могут подвергаться видовой оппозиции в почти всех засвидетельствованных в литературе контекстах, особенно спорным является случай перформативных комиссивов (§4.4.4.1), которые, как кажется, почти никогда не появляются в НП^{CB}, за исключением единичных случаев, а также глагольной пары *спорить*^{HCB}/*поспорить*^{CB}. Причины этой асимметрии не вполне ясны, хотя, вероятно, отсутствие предшествующего контекста и маркированность перформативных форм в НП^{CB} могут играть нетривиальную роль.

Наконец, квазиперформативные комиссивы (§4.4.4.2) в основном появляются в НП^{CB}, хотя и в разной степени, а для большинства директивов (§4.4.5), как кажется, замена формы в Наст^{HCB} формой в НП^{CB} связана у информантов с контекстуальным передвижением темпорального аргумента предикатов к будущему (за исключением глагольных пар *просить*^{HCB}/*попросить*^{CB} и *разрешать*^{HCB}/*разрешить*^{CB}).

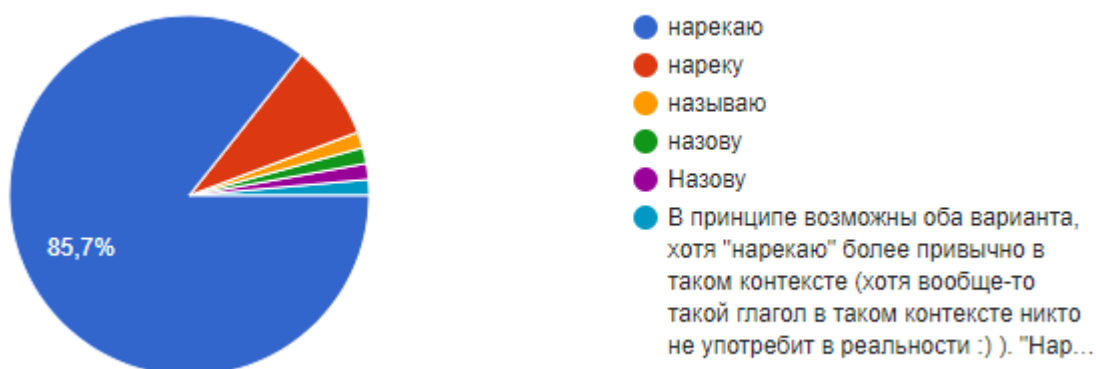
Сопоставительный анализ корпусных и анкетных данных показывает, в первую очередь, что существует значительный разрыв между письменным и устным языком. Хотя мнения носителей русского языка следует принимать во внимание, необходимо также сравнивать их с корпусными данными, поскольку в литературе легко обнаруживаются (казалось бы) незасвидетельствованные в спонтанном речевом общении перформативные контексты со словоформами в НП^{CB}, которые сами носители языка признают как грамматически приемлемые. Во-вторых, формальные (напр. синтаксические) и функциональные (напр. семантические, прагматические) ограничения, действующие на распределение НП^{CB} в перформативном контексте в русском языке, необходимо учитывать при сравнении с сербскохорватским, в котором НП (През)^{CB} заменяют формы аналитического Фут^{CB}. В частности, уместен вопрос о том, ассоциируется ли с сербскохорватским Фут^{CB} такой характеризующий русский НП^{CB} семантический признак, как контроль (реализованный либо как проявление авторитета, либо как вежливое обращение к адресату). К этому вопросу мы обратимся в следующей главе.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ. АНКЕТА

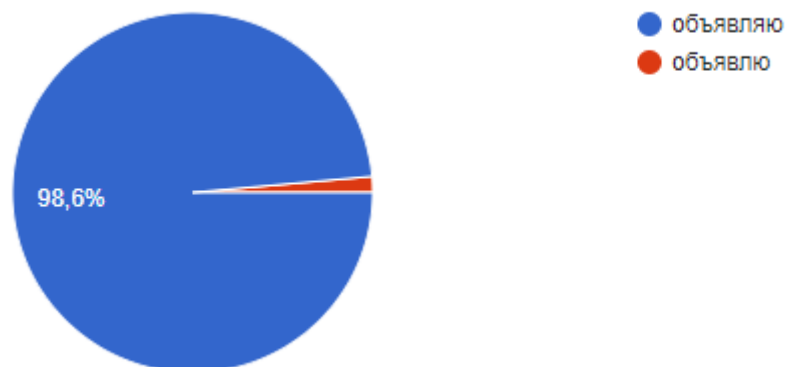
В приложении приводятся в графическом виде (т.е. в виде круговых диаграмм) результаты русского анкетирования. Контексты разделены, как правило, на декларации, экспозитивы, комиссивы и директивы. Дистракторы выделены жирным шрифтом, а искусственно модифицированные примеры – курсивом. Подчеркнем, что в приложении сохраняется орфография и пунктуация оригинальных контекстов (в том числе и возможные описки). Напомним, что некоторые среди более широких комментариев, которые здесь не удалось воспроизвести по техническим причинам, уже приводились в тексте диссертации. Добавим также, что в приложении не приводятся ответы на модуль «Личные сведения».

ДЕКЛАРАЦИИ

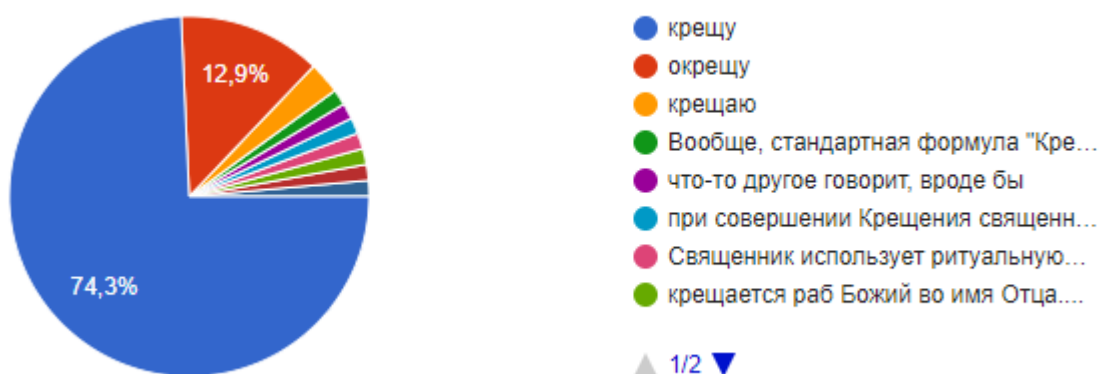
- 1) [Контекст: Мэр Москвы приглашен на официальную инаугурацию парохода «Рябь». Он должен разбить бутылку шампанского о борт корабля. Говорит мэр]
“Я _____ этот пароход именем «Рябь»” (*нарекаю*^{НастНСВ} / *нареку*^{НПСВ})

- 2) [Контекст: Деловое совещание завершается. Говорит генеральный директор многонациональной корпорации]
“Спасибо за активное участие. Я _____ совещание закрытым” (*объявляю*^{НастНСВ} / *объявлю*^{НПСВ})

- 3) [Контекст: При крещении ребенка говорит священник]
 “Я _____ тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа” (*крещу*^{НастНСВ} / *окрещу*^{НПСВ})

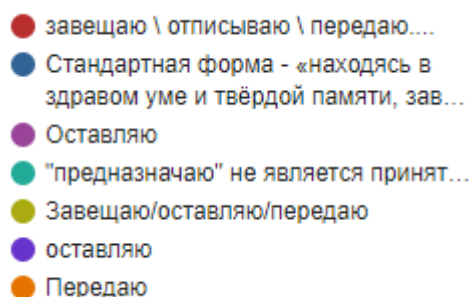
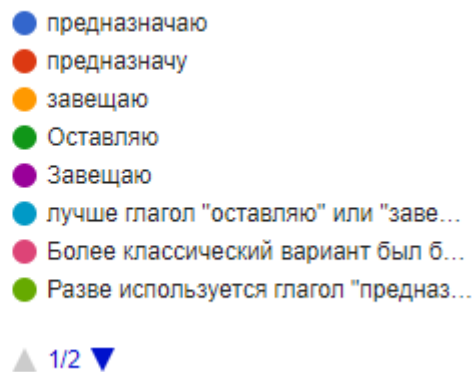
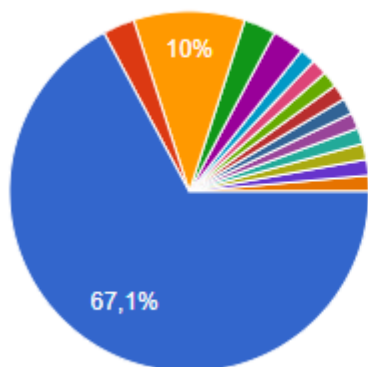
- обычно говорят "крещается раб Божий" - и это не русский, а церковнославянский язык
 ● нужен несовершенный вид, но, мне кажется, другой глагол (нарекаю?)

- 4) [Контекст: Ваша подруга обсуждает содержание фильма «Все будет хорошо»]
 “Я не буду оригинальной, если _____, что этот фильм - сказка. Сказка в которую, будучи ребенком, очень легко поверить” (*пишу*^{НастНСВ} / *напишу*^{НПСВ})

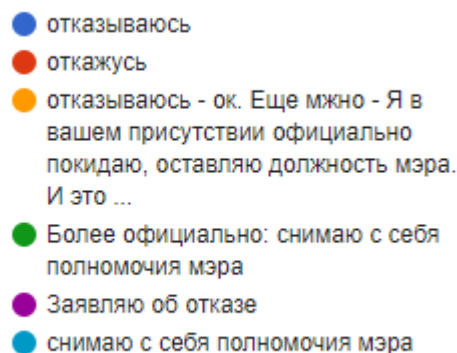
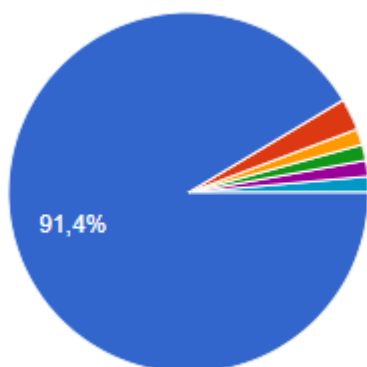
- 5) [Контекст: Умерла во сне старая бабушка. Все внуки собрались у нотариуса, чтобы вскрыть завешание. Читает нотариус]

“Я, Маргарита Николаевна, будучи еще в здоровом теле и уме, в своем завешании _____ своим внукам все свое имущество, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни состояло”
(*предназначаю*^{НастНСВ} / *предназначу*^{НПСВ})

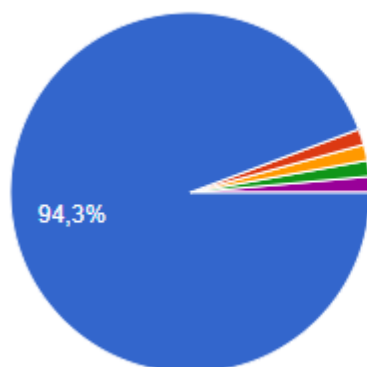
- 6) [Контекст: В газетах опубликовано, что мэр большого города принял взятки, чтобы ускорить работу над назиданием нового района на окрестностях города. Разыгрывается скандал. Мэр созывает пресс-конференцию]

“Я в вашем присутствии официально _____ от должностей мэра. Это будет исполнено немедленно” (*отказываюсь*^{НастНСВ} / *откажусь*^{НПСВ})

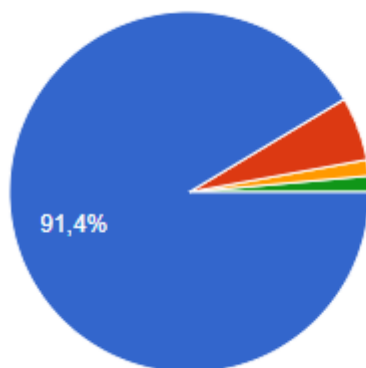
- 7) [Контекст: Вышла новая книга знаменитого писателя. Заявляет автор на официальной презентации]

“Эту свою новую книгу я _____ всем людям, которых я в своей жизни разочаровывал”
(*посвящаю*^{НастНСВ} / *посвящу*^{НПСВ})

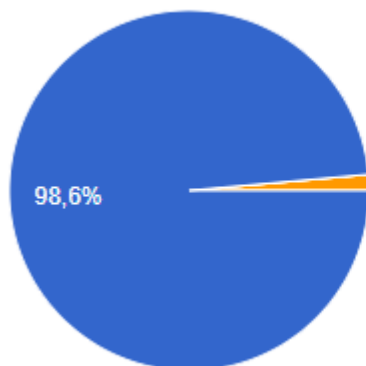
- посвящаю
- посвящу
- посвятил
- Если он её уже написал - посвящаю, если он её напишет в будущем - посвящу
- оба варианта возможны, посвящаю лучше

- 8) [Контекст: Священник сидит в исповедальне. Входит верующий. Священник спрашивает у верующего, хочет ли он покаяться в своих грехах]
 “Да, я _____ перед Господом и перед Вами, Отец, что я согрешил” (*каюсь*^{НастНСВ} / *покаюсь*^{НПСВ})

- каюсь
- покаюсь
- каюсь лучше, покаюсь означает, что он еще не кается, а начнет
- Можно и то, и другое, при "покаюсь" есть идея, что только что решил

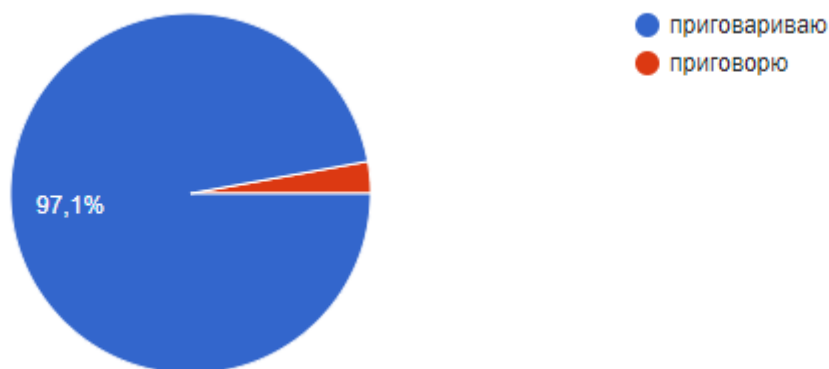
- 9) [Контекст: Жозе Моуринью тренирует Zenit Санкт-Петербург, но через шесть месяцев после начала чемпионата команда занимает последнее место в таблице и оказывается под угрозой выбывания. Президент команды звонит Моуринью по телефону]
 “Учитывая все результаты, я убежден, что нам надо срочно менять курс. Я Вас _____ от всех должностей” (*освобождаю*^{НастНСВ} / *освобожу*^{НПСВ})

- освобождаю
- освобожу
- Освобождаю. Освобожу можно только если он лсвободит тренера ото всех других должностей, чтобы тот сосредоточился на команде. Если он его увольняет, то освобожу сказать нельзя

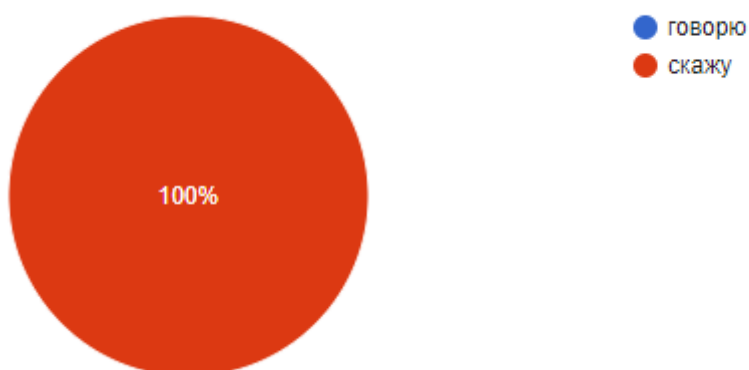
- 10) [Контекст: Мужчина убил свою жену. Судья читает приговор]

“Парфен Семенович Рогожин, Вы признаны виновным в убийстве первой степени. Поэтому, я Вас _____ к тюремному заключению на срок до десяти лет” (*приговариваю*^{НастНСВ} / *приговорю*^{НПСВ})

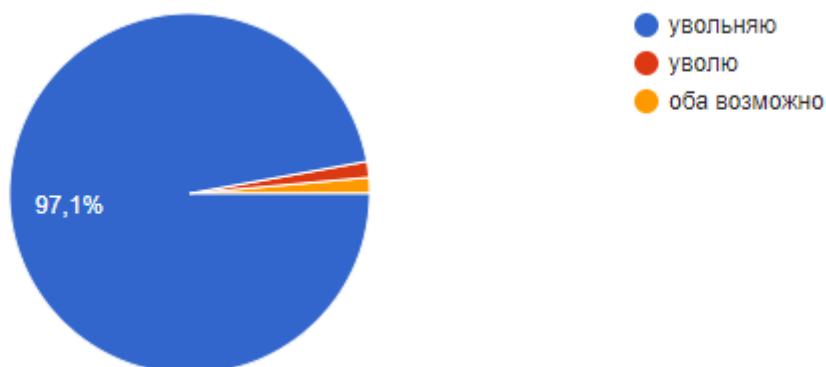
- 11) [Контекст: Леонардо Ди Каприо не был номинирован на премию Оскар за лучшую мужскую роль в фильме «Однажды в Голливуде». Ваша подруга утверждает, что он номинацию заслуживал]

“Думаю, не ошибусь, если _____, что это его первая столь многоплановая роль” (*говорю*^{НастНСВ} / *скажу*^{НПСВ})

- 12) [Контекст: Четыре дня подряд Вы сильно опаздывали на работу. Директор вызывает Вас в офис]

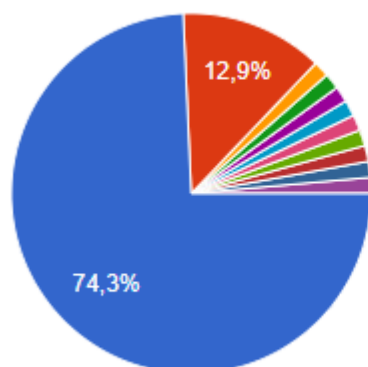
“Мне очень жаль, но у меня же нет выбора. Я Вас _____” (*увольняю*^{НастНСВ} / *уволю*^{НПСВ})

ЭКСПОЗИТИВЫ

- 1) [Контекст: На научной конференции по лингвистике два участника дерзко спорят друг с другом. Один обращается к другому]

“Вы в этом уверены? Я _____, что Вы никогда в своей жизни не читали «Минималистическую программу» Хомского!” (*предполагаю*^{НастНСВ} / *предположу*^{НПСВ})

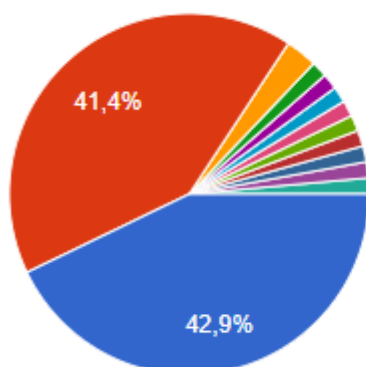
- предполагаю
- предположу
- Оба варианта возможны.
- Считаю, полагаю, думаю
- Лучше: я полагаю. Если из предлож...
- возможны оба варианта, но первый...
- Оба варианта возможны
- первое лучше

▲ 1/2 ▼

- Могу предположить
- оба варианта
- Можно любое

- 2) [Контекст: Идет бурная дискуссия в ООН между представителями России и США по поводу экономических санкций. Говорит российский представитель]

“Вы, американцы, явно нарушаете все учредительные правовые нормы – да, я это _____, вы явно их нарушаете!” (*повторяю*^{НастНСВ} / *повторю*^{НПСВ})

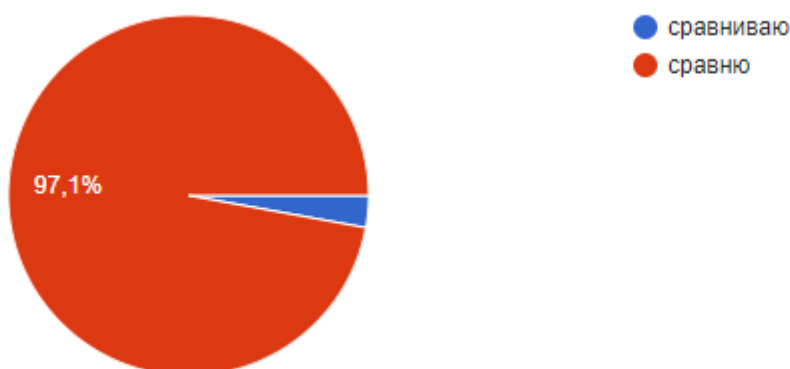

- повторяю
- повторю
- Оба варианта возможны
- оба варианта вполне возможны
- повторю / повторяю
- Оба варианта
- второе лучше
- оба варианта

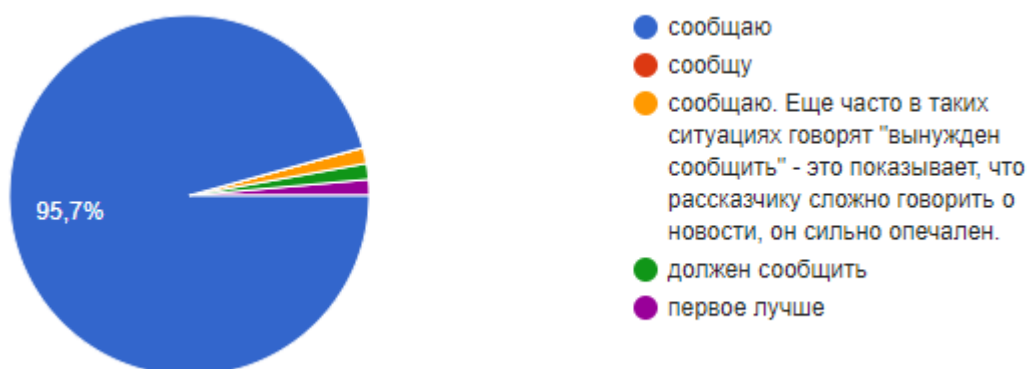
▲ 1/2 ▼

- И то, и то
- возможны оба
- Заявляю
- Возможны оба варианта в разных ситуациях. Повторяю - если говорящий уже когда-то эти слова произносил, а сейчас повторяет. Повторю - если имеется в виду повторение того, что было сказано т...

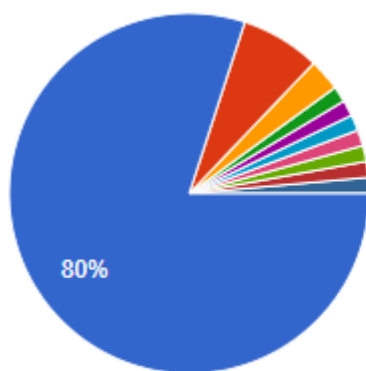
- 3) [Контекст: Профессор ведет урок по математике и объясняет теории по фракталам]
 “А теперь я _____ теории Ричардсона и Мандельброта по фракталам” (*сравниваю*^{НастНСВ}
 / *сравню*^{НПСВ})

- 4) [Контекст: Накануне важного соревнования гимнастка получает серьезную травму. Диктор вынужден сообщить неприятную новость зрителям]
 “С тяжелым сердцем я _____ Вам, что соревнование по легкой атлетике не состоится”
 (*сообщаю*^{НастНСВ} / *сообщу*^{НПСВ})

- 5) [Контекст: Собираются регистрации на экскурсию в горы. Организатор объявляет]
 “_____ что осталось всего только три дня до закрытия регистрации!” (*Напоминаю*^{НастНСВ}
 / *Напомню*^{НПСВ})

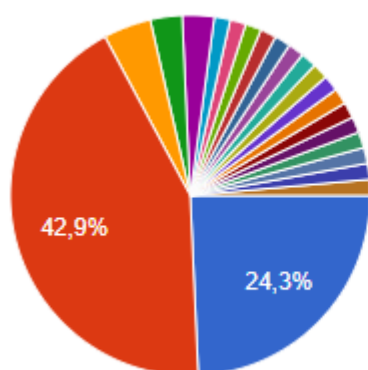

- Напоминаю
- Напомню
- Оба варианта
- Оба варианта возможны
- Оба варианта для меня равнозначны
- Оба
- возможны оба варианта, но первый...
- оба возможны

▲ 1/2 ▼

- И то, и другое
- Скорее "напоминаю", но "напомню" тоже возможно

- 6) [Контекст: Вам нужно новое критическое издание «Братьев Карамазовых», но не можете лично зайти в книжный магазин и просите помощи у друга. Друг отвечает] “Я сегодня _____ в книжный магазин, где самый большой выбор российской литературы. Если не будет, буду через интернет заказывать” (*иду*^{НастНСВ} / *пойду*^{НПСВ})

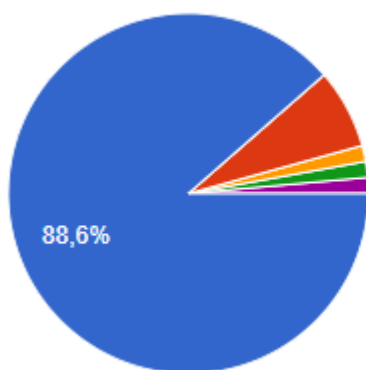

- иду
- пойду
- Оба варианта
- Оба варианта возможны
- возможны оба варианта
- Наиболее естественно было бы - "з..."
- Лучше: зайду
- Возможны оба варианта

▲ 1/3 ▼

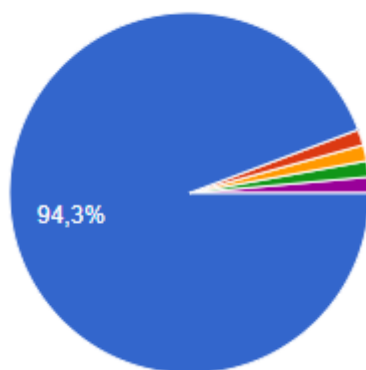
- иду - и так буду там по своим делам...
- Оба варианта равнозначны
- зайду
- «Иду» - если у друга до этого были...
- Пойду
- оба возможны
- Если друг собирался в магазин изна...
- иду - если друг уже до этого сам соб...
- Иду - если он идет по своему делу и заодно посмотрит для меня. если п...
- зайду; иду - если и до просьбы предполагал туда идти сам, по свои...
- возможны оба
- И "иду", и "пойду" примерно равнозначны
- Возможны оба варианта. Первый предпочтительнее.

- 7) [Контекст: Рок-группа нашла, что ее последнюю пластинку неожиданно слили и распространили по интернету без разрешения. Ее члены хотят отдать виновных под суд. Говорит певец] “Я _____, что эти мошенники никакого права на нашу работу не имели и не будут иметь” (*заявляю*^{НастНСВ} / *заявлю*^{НПСВ})

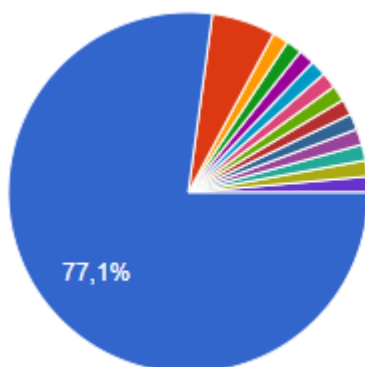
- заявляю
- заявлю
- заявляю - делаю заявление сейчас, заявлю - скажу в суде
- Повторяю
- зависит от контекста: если заявляю - то это официальное заявление, например, перед журналистами; если заявлю - это перед членами группы, о намерении сделать заявление в буд...

- 8) [Контекст: Человек хочет убедить собеседника в правдоподобии своей теории]
 “Наверное, Акакий Акакиевич думает, что если прибавить 3 к первому и третьему числам получится 12, но я категорически _____ против этой тривиальной точки зрения”
 (возражаю^{НастНСВ} / возражу^{НПСВ})

- возражаю
- возражу
- Должен возразить
- Против
- оба возможны

- 9) [Контекст: Главнокомандующий должен сообщить солдатам, что враждебная армия приблизилась к их военному лагерю]
 “_____ вам, солдаты, что война в полном разгаре. Враги впереди, они на нас вот-вот нападут” (докладаваю^{НастНСВ} / доложу^{НПСВ})

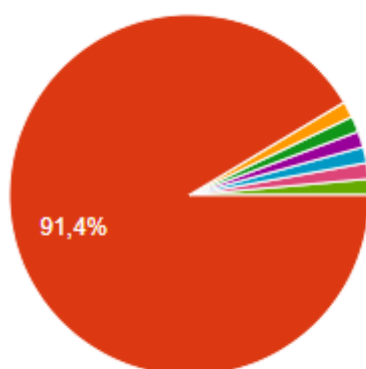

- Докладаваю
 - Доложу
 - Сообщаю (генерал по иерархии вы...)
 - Вряд ли глагол "докладывать" будет...
 - сообщаю
 - Вообще неподходящий глагол для г...
 - Лучше "докладаваю". "Доложу" воз...
 - Сообщаю (докладывать командир с...
- ▲ 1/2 ▼

- Генерал не может докладывать солдатам, так как докладывает лиш...
- Должен доложить
- возможны оба варианта. Правда, главнокомандующий вряд ли будет...
- Довожу, информирую. Начальник не может докладывать подчиненным
- сам глагол неуместен; наверное, лу...
- Можно только докладываю. "Долож...

10) [Контекст: У Вашей подруги дочь стала ветеринаром, но Вы знаете, что она всегда мечтала работать с лошадьми в конюшне. Подруга возражает]

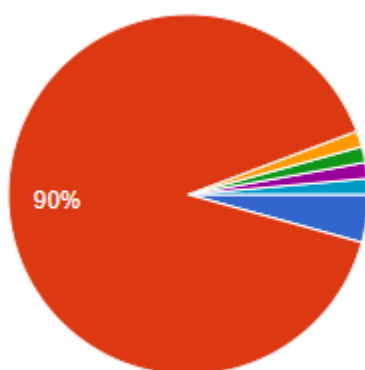
“Я что-то никак не _____, как её мечта стать конюхом противоречит тому, что она стала ветеринаром?” (понимаю^{НастНСВ} / пойму^{НПСВ})

- понимаю
- пойму
- Both variants, but пойму is more common
- "Я что-то никак не пойму" или "Я что-то не понимаю", варианты равнозначны
- второе лучше
- Можно и то, и то, какая-то разница есть
- оба варианта, пойму - более экспрессивно
- возможны оба

11) [Контекст: Аспирант выступает с докладом на конференции]

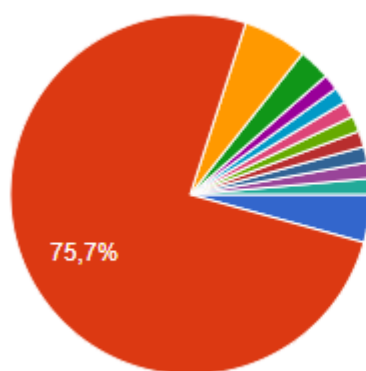
“Еще _____, что мои результаты до сих пор никак не являются окончательными” (добавляю^{НастНСВ} / добавлю^{НПСВ})

- добавляю
- добавлю
- Оба варианта возможны
- хотелось бы добавить (еще добавлю - не говорят, хотя грамматически это верно)
- Следует добавить
- Следует отметить

12) [Контекст: По Москве проходят школьные забастовки в защиту климата. Вы скептически относитесь к таким шествиям, но хотите получить более подробное представление о них]

“Сейчас увидим, в чем дело - иду, _____, буду орать, если нужно” (смотрю^{НастНСВ} / посмотрю^{НПСВ})

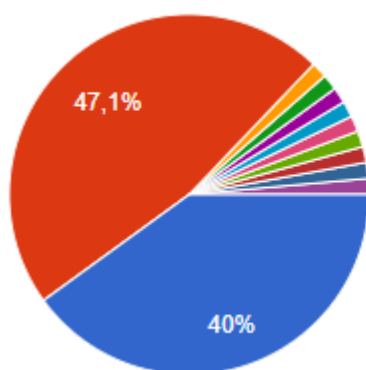
- смотрю
- посмотрю
- пойду посмотрю
- пойду, посмотрю, буду орать
- "посмотрю", но тогда перед ним ест...
- Посмотрю, но тогда и "пойду"
- Если человек случайно оказался на...
- "иду" - не уместно, разрушает всю...

▲ 1/2 ▼

- Посмотреть
- Пойду, посмотрю
- Я бы сказал: пойду, посмотрю
- либо "пойду посмотрю", либо "иду, буду смотреть"; первое лучше

13) [Контекст: Вчера Ваш друг взбесился и страшно Вас оскорбил. Сегодня он Вам звонит по телефону]

“Сто раз прошу извинить, не знаю, что со мной случилось. _____, я был вне себя...”
(признаюсь^{НастНСВ} / признаюсь^{НПСВ})

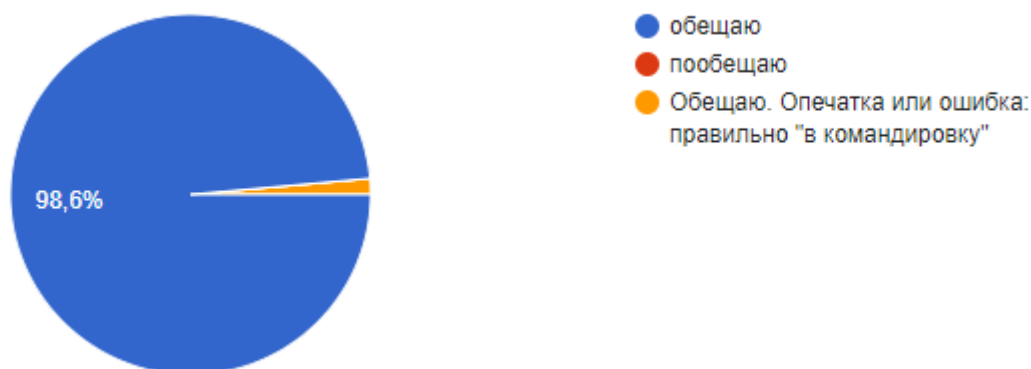
- Признаюсь
- Признаюсь
- Оба варианта возможны, но смысл...
- Оба варианта
- Тоже не совсем подходящий глагол:...
- Оба варианта возможны
- скажу честно
- И то, и другое не очень. Признаюсь:...

▲ 1/2 ▼

- возможны оба
- Признаю
- Наверное

КОМИССИВЫ

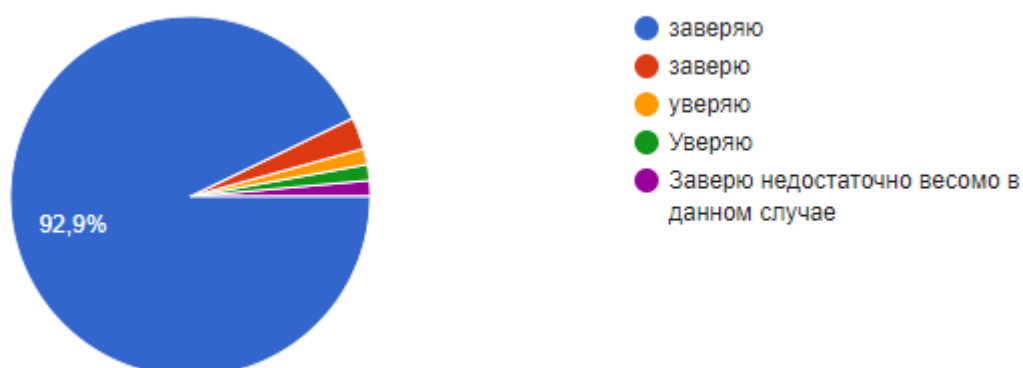
1) [Контекст: Вы скоро уедете на командировку, а Вашим детям стало грустно]
“Я вам _____, что скоро вернусь домой” (обещаю^{НастНСВ} / пообещаю^{НПСВ})

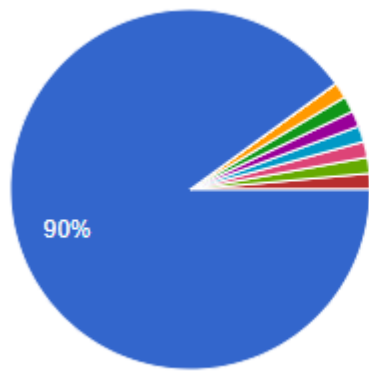
- 2) [Контекст: Пора американскому президенту переселяться в Белый дом. Настал день присяги]
 “Я торжественно _____ на верность своей стране и ее народу” (*присягаю*^{НастНСВ} / *присягну*^{НПСВ})

- 3) [Контекст: Теракт в пешеходной зоне центра большого города унес жизни пятерых человек. Мэр созывается пресс-конференцию и обращается к горожанам]
 “Я _____ вас, господа, что это кровавое и наглое преступление не останется безнаказанным” (*заверяю*^{НастНСВ} / *заверю*^{НПСВ})

- 4) [Контекст: У дорогой подруги диагностирована хроническая болезнь. Вы пытаетесь ее утешить]
 “Я тебе _____, солнышко – что тебя не убивает, делает тебя сильнее” (*ручаюсь*^{НастНСВ} / *поручусь*^{НПСВ})

- ручаюсь
- поручусь
- Разве можно "ручаться кому-либо"? Ручаться за кого-либо. В этом конте...
- Поверь мне, солнышко, ...
- "ручаюсь", хотя фраза для такого ко...
- Повторяю
- я тебе в этом ручаюсь
- Поручаюсь без ЗА бывает только с НЕ
- возможны оба

- 5) [Контекст: У Вашего брата украли кошелек. Он Вас подозревает, хотя Вы ни в чем не виноваты]

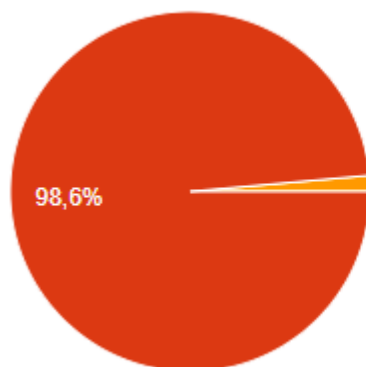
“_____ своей жизнью, я ничего не сделал” (клянусь^{НастНСВ} / поклянусь^{НПСВ})

- Клянусь
- Поклянусь

- 6) [Контекст: Среда бела дня случается грабеж. Вы увидели подозреваемых. Ваш друг Вас уговаривает сообщить полиции, но Вы боитесь последствий]

“Ты знаешь, что случится, если я это _____” (делаю^{НастНСВ} / сделаю^{НПСВ})

- делаю
- сделаю
- Здесь согласование со Случится. Поэтому только сделаю. Если наоборот: Если я это делаю, то мы должны быть готовы к последствиям (тогда вариант скорее принимается, чем отменяется)

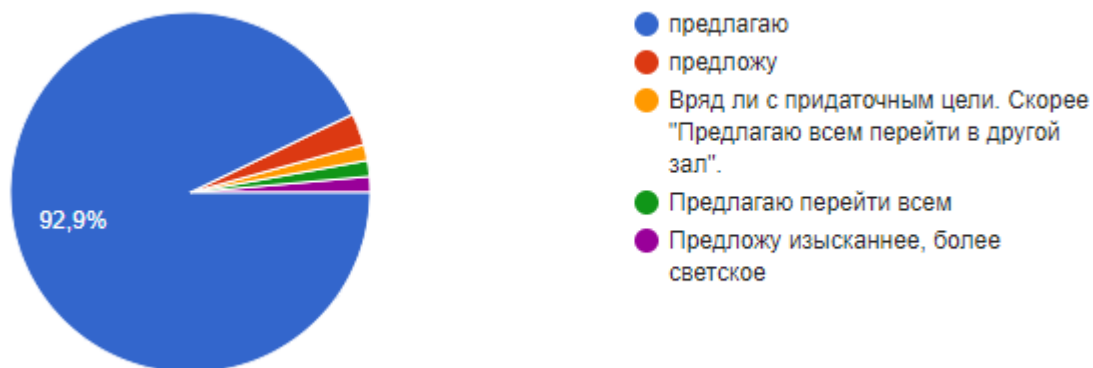
- 7) [Контекст: Сегодня вечером в Москве проводится матч между Локомотивом и Ювентусом]

“Я _____ на что угодно, что Ювентус никак не выиграет выездную игру” (спорю^{НастНСВ} / поспорю^{НПСВ})

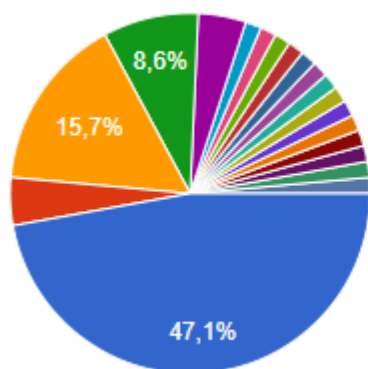

- Оба
- возможны оба варианта (только лучше "ни за что не выиграет")
- оба возможны
- Любое
- Возможны оба варианта. Пожалуй "спору" лучше звучит без "я".

- 8) [Контекст: В приемной яблоку негде упасть. Становится все теснее и теснее и гостям нечем дышать]
 “Господа, я _____, чтобы все мы перешли в другой зал” (*предлагаю*^{НастНСВ} / *предложу*^{НПСВ})

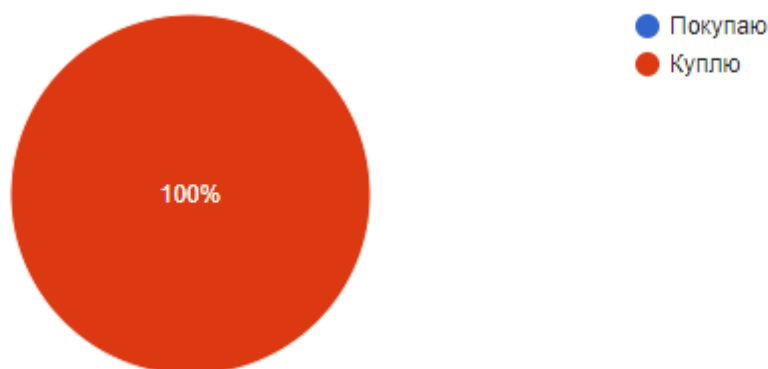
- 9) [Контекст: После того, как жена ушла от Петра, она требует, чтобы Петр время от времени клал деньги в ее текущий счет. Он против]
 “Я _____ тебе помочь при таких обстоятельствах. Не смей больше просить!” (*отказываю*^{НастНСВ} / *откажу*^{НПСВ})

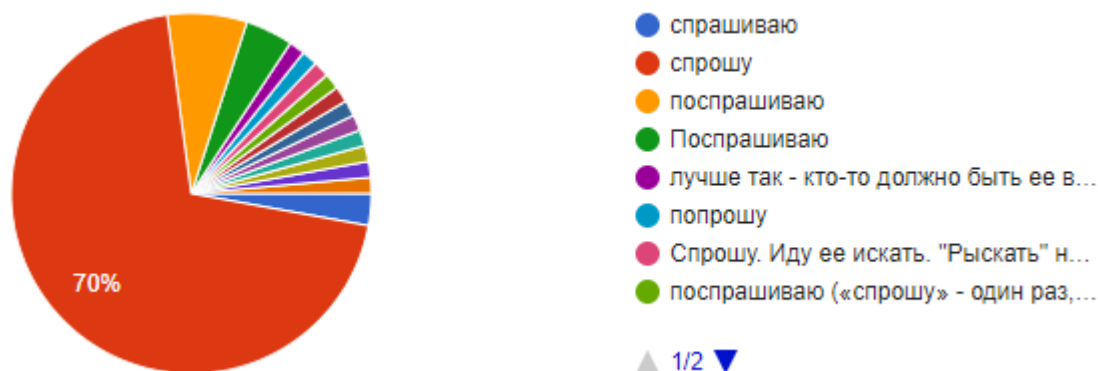
- отказываю
 - откажу
 - Отказываюсь
 - отказываюсь
 - отказываюсь тебе помочь
 - "отказываюсь тебе помочь"
 - Отказываюсь тебе помочь... Также:...
 - Отказываюсь. Attenzione che è rifles...
- ▲ 1/3 ▼

- отказываюсь помочь
- Нельзя употребить этот глагол, прос...
- Я отказываюсь помочь тебе ...
- Я отказываюсь тебе помочь...
- «Я отказываюсь тебе помочь».
- Отказываюсь помочь
- Я отказываюсь
- Отказываюсь тебе помочь
- Я отказываюсь тебе помочь или я отказываю тебе в помощи
- Здесь нужны возвратные глаголы (Отказываюсь. Откажусь тут нельзя)
- Первый вариант, но только "отказываюсь"

- 10) [Контекст: Человек, которому нужна гитара, приклеивает объявление к афише]
 “_____ гитару срочно – звоните на нижеуказанный номер” (*покупаю*^{НастНСВ} / *куплю*^{НПСВ})

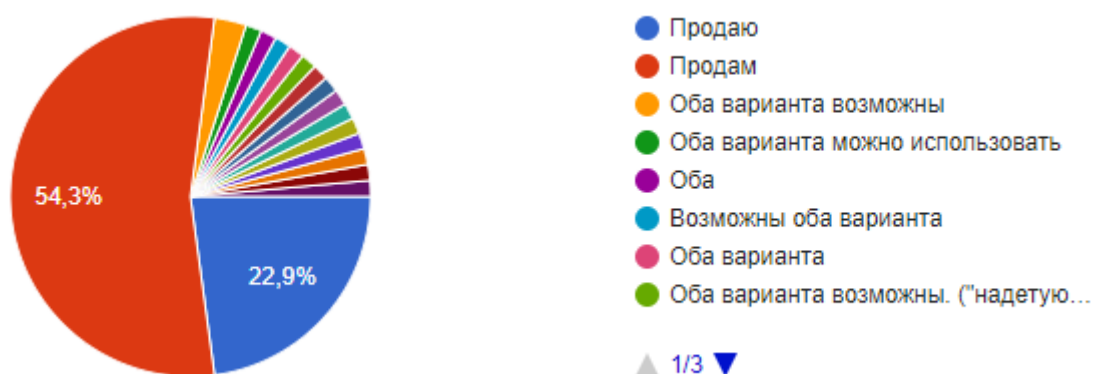

- 11) [Контекст: Ваша собака исчезла. Вы тревожитесь за ее жизнь и боитесь, что с ней случилось что-то плохое]
 “Кто-то, должно быть, ее увидел на улице! Сейчас переодеваюсь, иду ее рыскать, _____ у людей, пусть кто-нибудь меня известит, если что-то случилось!” (*спрашиваю*^{НастНСВ} / *спрошу*^{НПСВ})

- Сейчас переоденусь, пойду ее искать, спрошу/поспрашиваю у люд...
- Сейчас переодеваюсь и иду её иска...
- Искать, поспрашиваю
- Сейчас переоденусь, пойду ее иска...
- переодеваюсь, иду ее искать, буду...
- Ни то, ни другое. Буду спрашивать т...
- "буду спрашивать"

- 12) [Контекст: Вы купили рубашку, но она Вам слишком мала и никак не подходит. Вы решаете ее продать и публикуете объявление на Фейсбуке]
 “Внимание! _____ новую рубашку, одетую только один раз. Узор в горошек. Желающие пишите в личку” (*продаю*^{НастНСВ} / *продам*^{НПСВ})

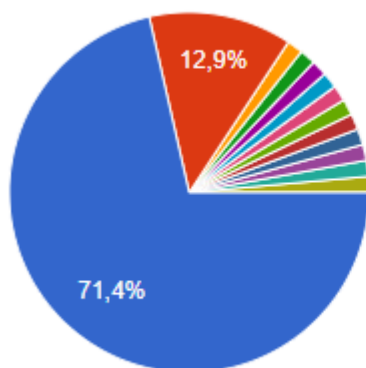

- оба варианта
- возможны оба варианта
- оба возможны
- И так, и так можно
- оба варианта возможны
- Любое
- возможны оба
- И то, и другое

● "Продаю" более естественно в таком контексте. Но "продам" тоже возможно. Вместо "одетую" нужно написать "которую я надевал/носил"

ДИРЕКТИВЫ

- 1) [Контекст: Водитель автобуса просит закомпостированные билеты у пассажиров]
 "Господа, я _____ показать билеты, пожалуйста" (*прошу*^{НастНСВ} / *попрошу*^{НПСВ})

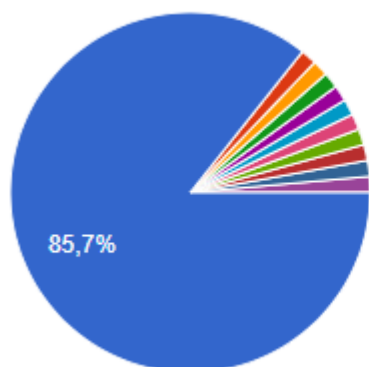

- прошу
- попрошу
- Оба варианта возможны
- Прошу. Прокомпостированные
- Попрошу — это не для автобуса. Эт...
- прошу / попрошу
- Пассажиры, покажите билеты, пожа...
- оба варианта, "попрошу" - более ве...

▲ 1/2 ▼

- оба возможны
- прошу вас предъявить билеты
- Лучше прошу, но попрошу почти ок
- возможны оба
- Прошу - более современное.
 Попрошу - немного устаревшее, но
 тоже возможный вариант. Билеты не
 "закомпостированные", а
 "прокомпостированные".

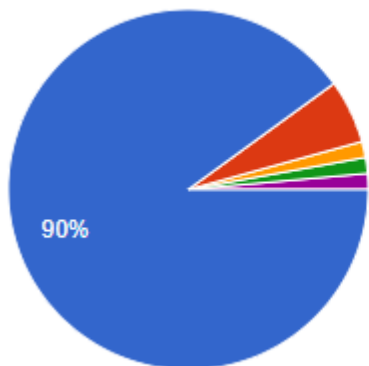
- 2) [Контекст: Внезапное затемнение воспрепятствовало вечеринке на открытом воздухе. Вы извиняетесь перед гостями]
 "Сегодня вечером возникло несколько проблем с освещением, а _____ свое слово, что это никогда больше не случится" (*даю*^{НастНСВ} / *дам*^{НПСВ} <слово>)

- даю
 - дам
 - Я даю свое слово
 - Без "а", можно сказать "я даю"
 - "Но даю слово"
 - даю вам слово
 - я даю слово
 - даю слово
- ▲ 1/2 ▼

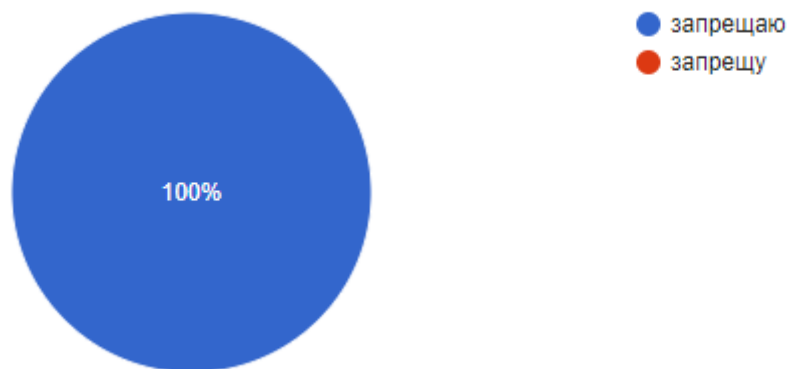
- Непонятна ситуация; возможно, стоило бы изменить формулировку вопроса
- Оба
- первый вариант. Но реплика к контексту надуманная, простите.

- 3) [Контекст: Вашему другу очень хочется пойти в кино, но не знает, какую именно ленту посмотреть. Вам особенно понравилась «Нелюбовь» Андрея Звягинцева]
 “Если выбирать, я очень тебе _____ «Нелюбовь» – это такая сильная картина”
 (советую^{НастНСВ} / посоветую^{НПСВ})

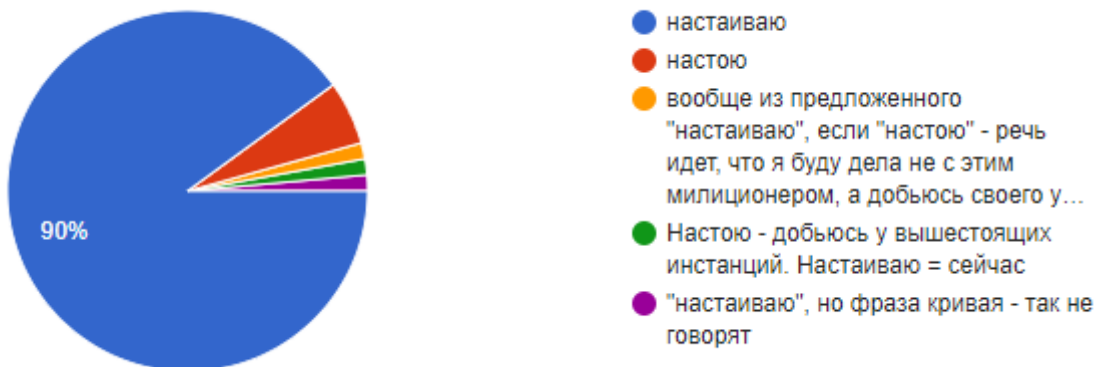

- советую
- посоветую
- оба возможны
- Лучше советую, но можно и посоветую
- возможны оба

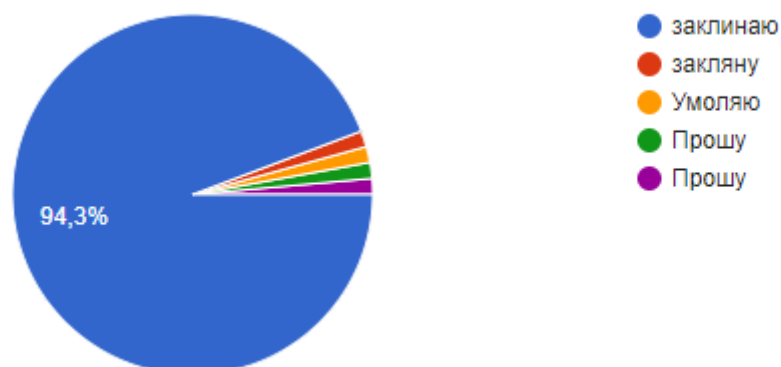
- 4) [Контекст: Сын спрашивает маму, может ли он пойти поиграть во двор с друзьями. Она его не пускает, потому что не хочет, чтобы он запачкал брюки, а сын непослушный. Мама на него сердится]
 “Я тебе категорически _____ играть во дворе! Ты меня понимаешь? Маму слушайся!”
 (запрещаю^{НастНСВ} / запрещу^{НПСВ})

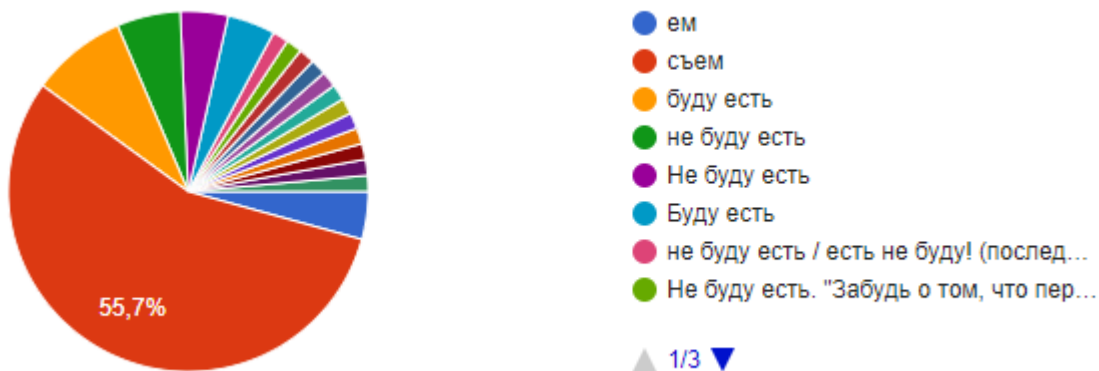
- 5) [Контекст: Вас оштрафовали на 100 рублей за опасное вождение, но Вы вину перед милиционерами не признаете]
 “Я никакого правила за рулем не нарушал и _____ на том, что штраф платить не буду”
 (настаиваю^{НастНСВ} / настою^{НПСВ})

- 6) [Контекст: Вы за рулем, когда замечаете, что незнакомый человек намеревается спуститься с моста и совершить самоубийство. Вы приближаетесь к нему]
 “Я _____ Вас, стойте на месте, не спускайтесь! В этом мире есть люди, которые Вас любят!” (заклинаю^{НастНСВ} / заляну^{НПСВ})

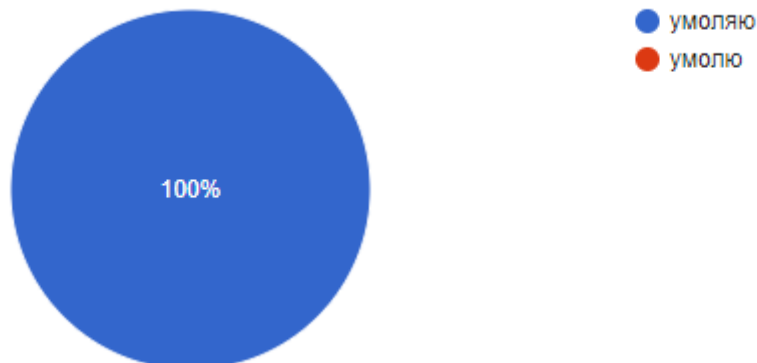

- 7) [Контекст: Вы купили свежий хлеб на сегодняшний день, но ненароком оставили его на открытом воздухе. Он зачерствел. Ваш сын отказывается его есть]
 “Этот хлеб несъедобный! Забудь о том, что передумаю. Я его не _____!”
 (ем^{НастНСВ} / съем^{НПСВ})

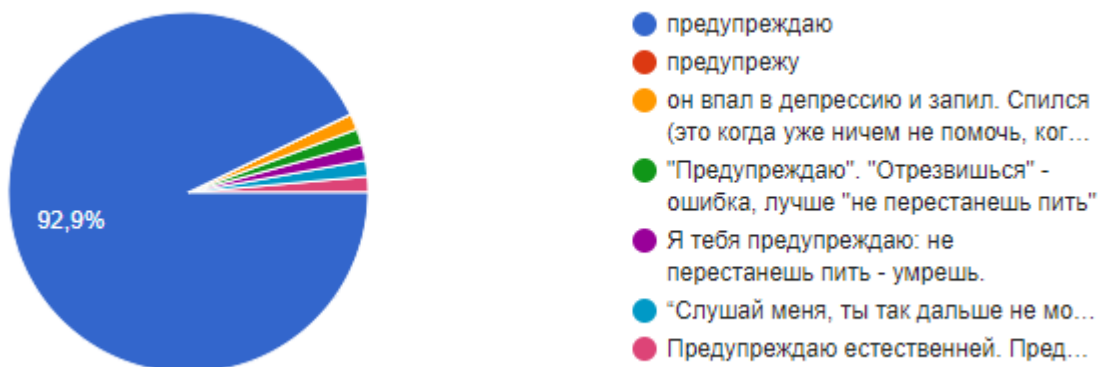

- Ну, милый друг, это уж совсем не-по...
- есть не буду
- "Забудь о том, что передумаю" - так...
- Я его есть не буду! («Я его не ем» =...
- "буду есть", другие варианты не под...
- не буду есть/не стану есть
- Не буду есть. Ни то, ни другое. Я ег...
- "не буду есть"; либо "не съем" в см...
- Я не буду его есть
- ни одно, ни другое. "Я его не буду есть". "Забудь о том, что передумаю" - так не говорят.

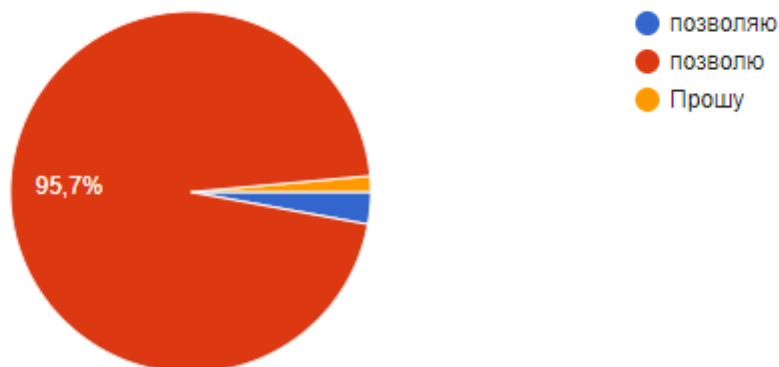
- 8) [Контекст: При расставании, любовник в отчаянии обращается к своей возлюбленной]
 “Настя, я тебя _____, не уезжай, останься со мной!” (*умоляю*^{НастНСВ} / *умолю*^{НПСВ})

- 9) [Контекст: Вашего лучшего друга оставила его невеста у алтаря. Он впал в депрессию и спился. Вы сходили к нему поговорить]
 “Слушай меня, ты так дальше не можешь. Я тебя _____, не отрезвишься – умрешь”
 (*предупреждаю*^{НастНСВ} / *предупрежу*^{НПСВ})

- 10) [Контекст: Ваша знакомая похвасталась, что в супермаркете обсчитала кассиршу на шесть рублей. Вы перебиваете дискуссию]
 "Я _____ себе заметить, что ты неправильно поступила" (*позволяю*^{НастНСВ} / *позволю*^{НПСВ})

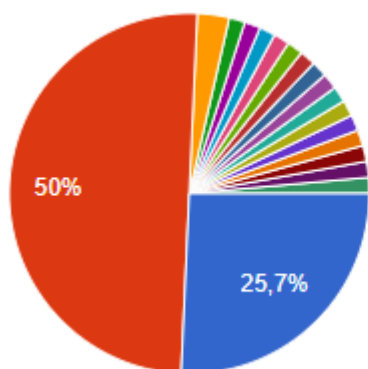

- 11) [Контекст: Ваш новый коллега на работе постоянно подтрунивает над Вами. Вы потеряли терпение]
 "Владимир Владимирович, я серьезно говорю. Я от Вас _____, чтобы Вы ко мне проявляли уважение" (*требую*^{НастНСВ} / *потребую*^{НПСВ})

- 12) [Контекст: За несколько дней до переезда, Вам необходимо освободиться от старых вещей]

“_____ свои старые вещи кому угодно. Наличные не принимаются”
(раздаю^{НастНСВ} / раздам^{НПСВ})

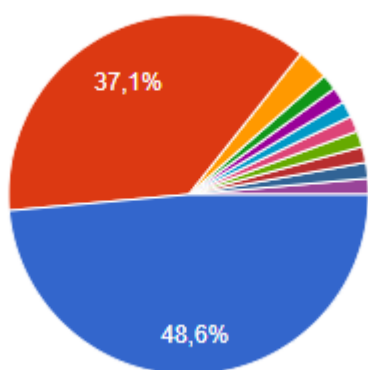
- Раздаю
- Раздам
- Отдам
- Оба варианта возможны
- отдам (и "наличные")
- Возможны оба варианта
- Оба варианта
- Раздаю / Раздам

▲ 1/3 ▼

- оба варианта
- возможны оба варианта
- Отдам
- оба возможны
- оба варианта возможны
- Отдам любому / продам любому (ес...
- Любое
- возможны оба

- отдам
- В принципе возможны оба варианта.

- 13) [Контекст: Сын сдержал свое обещание позаниматься математикой. Сейчас он просит деньги у отца, чтобы пойти в кино с друзьями посмотреть фильм ужаса]
 “Ладно, я тебе _____ пойти в кино, но только при одном условии – ты уже к полуночи вернешься домой” *(разрешаю^{НастНСВ} / разрешу^{НПСВ})*

- разрешаю
- разрешу
- Оба
- Возможны оба варианта
- оба варианта
- разрешаю / разрешу
- можно оба
- оба возможны

▲ 1/2 ▼

- И так, и так
- Любое, может быть в случае Разрешу - больше акцент на условии
- оба варианта; разрешаю - если отец предполагает, что сын согласится на условие легко; разрешу - если не очень уверен.

5. СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: СЕРБСКОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

Настоящая глава представляет собой анализ сербскохорватских данных, взятых из самых объемных национальных корпусов (подробности см. в §5.3.1) и полученных из двух анкет, адресованных носителям сербского и хорватского вариантов сербскохорватского континуума.

Глава состоит из пяти разделов (§5.1–§5.5). Как и в предыдущей главе, первые два раздела (§5.1–§5.2) носят теоретический характер. В первом разделе (§5.1) принимаются во внимание предыдущие исследования, в которых рассматривается вопрос о том, сколько глаголов и какие именно подвергаются видовременному противопоставлению в перформативном контексте в современном сербскохорватском языке. Как мы увидим в дальнейшем, исследующие эту тему сербские и хорватские лингвисты фокусировались не столько на обсуждении видовременных характеристик единичных глаголов (которыми в целом ученые в своих работах пренебрегали), сколько на семантическом анализе и определении соответствующих иллокутивных актов, чаще всего в духе Московской семантической школы. Во втором разделе (§5.2) мы вернемся к выдвинутой Р. Экхардт гипотезе о роли и функциях автореференциального оператора *hereby* (в сербскохорватском *time*) в определении перформативного характера высказывания, тем самым тестируя на сербскохорватском материале надежность синтаксической вставки *hereby* и темпорального оператора *now* [в сербскохорватском *sad(a)*]. Полученные для русского языка результаты, как мы увидим, во многом подтверждаются также на материале сербскохорватского, что побуждает нас к общему пересмотру выводов, сделанных Р. Экхардт.

Следующие два раздела посвящены анализу данных. В третьем разделе (§5.3) приводятся и комментируются данные, извлеченные из Корпуса современного сербского языка (SRPKOR, *Korpus savremenog srpskog jezika*), из Национального корпуса хорватского языка (HNK, *Hrvatski nacionalni korpus*) и из Языкового корпуса хорватского языка (HJK, *Hrvatski jezični korpus*) (замечки о поиске см. в §5.3.1). Мы вновь поделим перформативы на основе речевого акта, который они реализуют, а именно на декларации (§5.3.2), экспозитивы (§5.3.3), комиссивы (§5.3.4, в том числе «настоящие» перформативы, см. §5.3.4.1, и квазиперформативы, §5.3.4.2) и директивы (§5.3.5). В четвертом разделе (§5.4) обсуждаются результаты опроса, проведенного среди носителей сербского и хорватского вариантов сербскохорватского континуума и осуществленного с помощью Google Forms (подробности составления анкеты и сравнение с русской анкетой см. в §5.4.1). В анализе анкетных токенов

принята та же таксономия, что и для корпусных данных: обсуждаются декларации (§5.4.2), экспозитивы (§5.4.3), комиссивы (§5.4.4, в том числе «настоящие» перформативы, см. §5.4.4.1, и квазиперформативы, см. §5.4.4.2) и директивы (§5.4.5). В связи с этим нас интересуют два вопроса: существует ли в перформативном контексте в сербскохорватском языке корреляция между футуральной морфологией и выражением семантического макропризнака контроля (который может появляться либо при выделении авторитета говорящего, либо при выражении восстановительных стратегий, нацеленных на возобновление негативного лица адресата и на уменьшения импозитивного характера собственных намерений говорящего) – по модели корреляции между СВ и контролем в русском языке; связано ли видовременное маркирование футуральности с передвижением темпорального аргумента перформатива.

Наконец, в пятом разделе (§5.5) подведены итоги, а также приведены анкеты.

5.1. Сколько глаголов, какие глаголы?

В отличие от исследований, посвященных русскому языку (§4.1), в которых вопрос о видовременном противопоставлении в перформативном контексте и об определении охваченных такой оппозицией предикатов ставился еще с 70-х годов (см. §1.4), в югославском, а потом в сербском и хорватском языкознании этим проблемам уделялось значительно меньше внимания. По всей вероятности, причин этому две. Во-первых, если оставить в стороне небольшие замечания в некоторых новаторских работах 60-х и 70-х годов (см., напр., Ивић 1977), интерес к этим темам в югославском лингвистическом пространстве возник только в 80-е годы, т.е. на десятилетие позже, чем в советском языкознании. Во-вторых, в своих исследованиях первые прагматисты сосредоточивались не столько на перформативах, сколько на определении речевых актов и анализе их семантических компонентов. За редкими исключениями (см. дальше) общая тенденция не изменилась и сейчас. Относительно этого можно выделить два основных исследовательских направления: первое – рассмотрение проблемы точного определения речевых актов, а второе – лексический анализ перформативов, часто в целях их полного лексикографического описания. Начнем с краткого анализа первого направления.

Первой систематической работой о речевых актах в сербскохорватском языке можно считать исследование германистки М. Личен (Ličen 1987), в котором подробно обсуждается, в духе тогдашней научной деятельности Дж. Серля, проблема разных синтаксических реализаций директивных иллокутивных актов в сопоставлении с немецким языком. Одной из самых сильных сторон монографии М. Личен является акцент на актуальном вопросе

косвенных речевых актов и на различии между их синтаксическим кодированием и иллокутивной силой соответствующих высказываний, которые часто явно расходятся (о «скрытых» директивах, замаскированных под вопросительные и повелительные конструкции, т.е. о т.н. *whimperatives*, см. подробнее §2.2 и LiCEN 1987: 171–172). Однако о перформативах, кроме некоторых замечаний об их семантическом содержании в связи с ими реализуемыми иллокутивными актами, ничего особенного не сообщается.

В последние годы интерес к директивным иллокутивным актам возобновился. Особенно оригинальным является вклад в дискуссию Д. Попович (Поповић 2011А), которая, с одной стороны, принимает во внимание достижения прагматики и философии языка в англо-американской лингвистике, одновременно с учетом исследований Московской семантической школы (см. §1.3, §1.4 и §4.1), а с другой стороны подвергает критике многие их постулаты, приближаясь скорее к теории речевых жанров М. М. Бахтина и вытекающей из нее саратовской школы жанроведения³⁷⁷. В первой части статьи автор предлагает семантический анализ иллокутивного акта совета³⁷⁸, исходя из бахтинской концепции центральной роли человека (в том числе и его целей и намерений) в процессе речевого общения, а также из эгоцентрического определения высказывания как целенаправленной интеракции между говорящим (адресантом) и его адресатом. По мнению автора, на основе данной коммуникативной ситуации акт совета можно в первую очередь разделить на желательный (потребованный) и нежелательный (непотребованный), на него адресат может откликнуться разным образом и в разной степени, в зависимости от того, хочет ли он/она принять совет или от того, какую социальную роль занимает говорящий³⁷⁹ (Поповић 2011А: 140–144). В заключительной части статьи Д. Попович связывает синтаксическую реализацию совета с особенностями речевого жанра, тем самым различая официальные и неофициальные советы, советы-инструкции, советы-предложения, советы-предупреждения, советы-угрозы и ироничные советы (Поповић 2011А: 155–160). Однако, за исключением замечаний о семантическом определении некоторых предикатов, реализующих разные типы директивных

³⁷⁷ Более подробное описание различных теоретических направлений жанроведения см. в Поповић 2011Б.

³⁷⁸ Об этом см. также Войводић 2000, Войводић 2003, Маслова 2016 и Стешевич 2014. Похожий подход к директивным иллокутивным актам приглашения и вызова в русском языке и сербском варианте сербскохорватского языка см. в Милякович 2014, а для комиссивного иллокутивного акта клятвы см. Маслова 2011. Сопоставительный анализ русских, украинских и сербских деклараций см. в Поповић 1997, а также (с усиленным фокусом на эпистолярный дискурс украинского и сербского языков) в Поповић 2000.

³⁷⁹ Д. Попович признает аргументацию М. М. Бахтина, который еще в 50-е годы XX века подчеркивал, что на коммуникативную ситуацию могут влиять социальное положение, авторитет, репутация, статус и возраст участников в событии речевого акта, а также их межличностная близость (Поповић 2011А: 144). Д. Попович также замечает, что в директивном иллокутивном акте совета считается очевидной пресуппозиция, что говорящий находится в более высокой позиции по сравнению с адресатом (в том, что связано, напр., с фактивным знанием) и поэтому имеет право давать советы (Поповић 2011А: 147).

иллокутивных актов (с одной стороны, обсуждаются, напр., определения М. Я. Гловинской для директива *советовать* и комиссива *предлагать*, а с другой – определения Ю. Д. Апресяна для директивов *просить* и *требовать*; см. ПОПОВИЋ 2011А: 148–150) ничего особенного не сказано о возможной видовойременной оппозиции в перформативном контексте в современном сербскохорватском языке³⁸⁰.

Что касается второго направления, как уже было сказано в §2.3.1, исследования в этой области проводились прежде всего в духе семантических работ М. Я. Гловинской, Ю. Д. Апресяна и А. Вежбицкой, часто с точки зрения полного описания определенной лексемы в лексикографических целях. В публикациях последних лет анализировались, в частности, глаголы из подгруппы апеллятивов³⁸¹ (ПОПОВИЋ 2011В) и институционализированные глагольные формы аллокуции (МИЛОСАВЛЕВИЋ 2018).

Теме видовойременного противопоставления в перформативном контексте в современном сербскохорватском языке, чаще всего в связи с основными характеристиками ими реализуемого (в первую очередь автопрескриптивного, т.е. комиссивного, и прескриптивного, т.е. директивного) иллокутивного акта и с общим характером иллокуции, уделяется особое внимание в ряде статей Д. Войводича (ср. с §2.4.2; см. в частности ВОЙВОДИЧ 1998Б: 130–131; ВОЙВОДИЋ 2002; ВОЙВОДИЧ 2015; ВОЙВОДИЋ 2018А; ВОЙВОДИЋ 2019). Анализируя эксплицитные директивные иллокутивные акты как один из способов выражения иллокутивной силы директива, которая может варьироваться в значительной степени при изменении лексического перформатива (напр. директив *наређујем* ‘приказываю’ в акте приказа намного сильнее, чем *молим* ‘прошу’ в акте просьбы), автор останавливается на взаимоотношении между синтаксической реализацией высказывания и иллокутивной силой речевого акта, замечая, что существует обратная пропорциональность между ростом иллокутивной силы высказывания и увеличением гонорифичности иллокуции³⁸². В частности, Д. Войводич предполагает, что на шкале интенсивности иллокутивной силы директивного иллокутивного акта первое место занимают эксплицитные перформативы в Фут^{CB} (см. с-х.

³⁸⁰ Некоторые дополнения к теме можно обнаружить в более поздней статье, в которой коротко обсуждается взаимосвязь между интенсивностью (иллокутивной силой) совета и синтаксической реализацией иллокутивного акта, особенно с учетом вставки наречий оценки (*хорошо/добро*, *лучше/больше*) и употребления форм сослагательного наклонения (ПОПОВИЋ 2012).

³⁸¹ В статье Д. Попович, в частности, предлагается сопоставительный анализ русских и сербских апеллятивов *апеллировать*^{ДВ}/*апеловати*^{ДВ}, *взывать*^{НСВ}/*дозивати*^{НСВ} (*позивати*^{НСВ}), *обращаться*^{НСВ}/*обраћати се*^{НСВ} и *вызывать*^{НСВ}/*позивати*^{НСВ}. Таким образом, в определенную М. Я. Гловинской семантическую подгруппу апеллятивов входят различные глаголы, прежде всего относящиеся к макроклассам экспозитивов и директивов и реализующие иллокутивные акты просьбы, предложения и призыва.

³⁸² Иными словами, здесь применяется максима такта Дж. Лича, которая накладывается именно на комиссивные и директивные иллокутивные акты и измеряет приемлемость иллокуции на основе косвенности или непосредственности речевого акта (см. §2.4.1).

Замолићу^{Фут^{СВ}} *Вас да ми донесете воде* и соответствующий рус. пример с перформативом в НП^{СВ} *Попрошу*^{НП^{СВ}} *Вас принести мне воды*), в то время как последнее место занимают модальные перифрастические конструкции с глаголом *моћи* (ср. с-х. *Могу ли да Вас замолим да ми донесете воде* и рус. *Могу ли я попросить Вас принести мне воды*: см. ВОЛВОДИЋ 2002: 154). Так, в этой схеме автор проводит явную параллель между «авторитетным» употреблением НП^{СВ} в русских перформативных высказываниях и употреблением Фут^{СВ} в сербскохорватских перформативных высказываниях. Однако следует заметить, как уже говорилось в предыдущей главе, что в этом случае не принимается во внимание, что использование русских перформативных форм в НП^{СВ} могут обуславливать также другие факторы, связанные с разной интенсивностью (т.е. с ее смягчением) иллокутивной силы высказывания, как, например, связанные с выражением вежливости восстановительные стратегии. Поэтому остается нерешенным существенный вопрос о том, являются ли функционально связанными во всех их значениях русские перформативные словоформы в НП^{СВ} и сербскохорватские перформативные словоформы в Фут^{СВ}, хотя в последующих работах ответ, как кажется, положителен³⁸³.

В более поздних публикациях Д. Войводић специально обращается к теме видового противопоставления сербскохорватских перформативов, отталкиваясь от теоретической предпосылки о том, что оно действует только для ограниченного количества глаголов речи, обладающих проспективной семантикой (т.е., пользуясь нашими терминами, проспективным темпоральным аргументом), напр. для комиссива *кладити*^{НСВ}/*о(п)кладити се*^{СВ}, директивов *молити*^{НСВ}/*замолити*^{СВ} и *саветовати*^{ДВ}, а также некоторых других глаголов (ср. с §2.4.2; см. также ВОЙВОДИЋ 2015; ВОЛВОДИЋ 2018А: 336; ВОЛВОДИЋ 2019: 22–26). Автор предполагает, однако, что решающую роль в проявлении сербскохорватских перформативов в Фут^{СВ} играют не только интенсивность иллокутивной силы высказывания и темпоральный аргумент предиката, но и, как уже отмечено А. В. Бондарко для русского языка, (десемантизированный) волитивный компонент, исконно приписываемый вспомогательному глаголу *хт(ј)ети*. Прототипическим примером перформатива, в лексической семантике которого сочетаются все эти три компонента, является глагол *молити*^{НСВ} (ВОЛВОДИЋ 2018А: 338).

³⁸³ В своей монографии о футуральности в русском, сербскохорватском и польском языках Д. Войводић замечает, что в разговорном стиле современного русского языка употреблением форм в НП^{СВ} в перформативном контексте говорящий может смягчать интенсивность иллокутивной силы своего высказывания, схожим образом с сослагательным наклонением в литературном языке (ВОЛВОДИЋ 2018А: 337–338). Представляется, что это употребление форм НП^{СВ} в перформативном контексте Д. Войводић уподобляет т.н. «аттенуативному» будущему (см. сноску 356). Противоположное мнение выражает в своей кандидатской диссертации А. Ю. Маслова, по мнению которой побудительное значение в сербскохорватском языке выражается с помощью футуральной морфологии только в том случае, когда «побуждение носит смягченный характер» (МАСЛОВА 1998).

Эти замечания, хотя и очень важны для нашей работы, все-таки, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем дополнении, поскольку, как станет яснее в следующих разделах (см. в частности §5.3.2–§5.3.5 и §5.4.2–§5.4.5), чувствительные к видовой оппозиции в перформативном контексте предикаты не столь многочисленны, как в русском языке, однако включают большее число элементов, а их лексический характер является более разнородным, чем предполагалось ранее.

5.2. Гипотеза Р. Экхардт (2012) и сербскохорватские перформативные высказывания

В разделе §4.2 мы обращались к вопросу об отличительных чертах, исключительно характеризующих перформативные высказывания, на основе общего замечания о том, что различие между прототипически констативным и прототипически перформативным высказыванием в синтаксической изоляции во многих случаях обуславливается только контекстом (наряду с дальнейшей возможностью подвергать пропозициональному отрицанию второе высказывание, но не первое). В следующих примерах (309)–(310), в которых для удобства чтения мы воспроизводим уже обсуждавшуюся в §2.1 минимальную сербскохорватскую пару (1')–(2'), единичного употребления комиссива *obećavam* недостаточно, чтобы определить логический статус высказывания (т.е. констативный или перформативный его характер). Вне контекста различие выделяется только при вставке отрицательного оператора перед глаголом (напомним, что перформативные высказывания нельзя подвергнуть отрицанию, в отличие от констативных):

(309) Mama (*zatekavši sina dok krade novčanik*) A šta sada imaš da mi kažeš?

Sin: Obećavam ti da nikada više neću krasti.

(перформативное – нельзя: **Ja ne obećavam...*)

(310) Reditelj (*iza bine*): Hajde da ponovo pogledamo poslednje kadrove filma.

Glumac (*buljeći u ekran*): Eto, ovd(j)e obećavam da nikada više neću krasti.

(констативное – можно ✓*Ne obećavam... a šamaram Pavla svojom rukom*)

Подобно русскому языку, синтаксическая интерполяция темпорального оператора *sad(a)*³⁸⁴, как кажется, не вызывает ощутимых семантических эффектов и не влияет на логическую классификацию высказываний (напр. не превращает констативное высказывание в перформативное или наоборот), см. примеры (309')–(310'):

(309') Mama (*zatekavši sina dok krade novčanik*) A šta sada imaš da mi kažeš?

Sin: Sad ti obećavam da nikada više neću krasti.

(310') Reditelj (*iza bine*): Hajde da ponovo pogledamo poslednje kadrove filma.

Glumac (*buljeći u ekran*): 'Eto, ovd(j)e sad obećavam da nikada više neću krasti.

Кроме того, согласно мнению большинства нами опрошенных носителей языка вставка темпорального оператора *sad(a)* влечет за собой нежелательные прагматические импликатуры, которые было бы интересно рассмотреть в рамках отдельного исследования. В частности, в примере (309') ответ сына на упрек матери звучит так, как будто он был заранее подготовлен (такую ситуацию можно представить для некоторых особых контекстов, напр. при чтении сценария, однако в повседневном речевом общении она совсем неприемлема), в то время как в примере (310') она находится на грани грамматической приемлемости (возможно, из-за эффекта семантической избыточности).

Сербскохорватский оператор *sad(a)*, помимо других эквивалентов в славянских и неславянских языках (ср. §2.1 и §4.2), не отсылает исключительно к дейктическому измерению момента высказывания, а, напротив, свободно мапируется в разные временные интервалы, т.е. может сочетаться с операторами прошедшего [см. пример (311)] и будущего времен [см. пример (312)]³⁸⁵. Он может появляться даже при наличии подвергающихся временной транспозиции операторов [см. в примере (313) форму аориста глагола движения *otići*^{CB} 'уйти', которая отсылает не к прошедшему, а к футуральному положению дел]:

³⁸⁴ В отличие от русского языка, в котором англ. *now* можно перевести как *сейчас* или *теперь* в зависимости от контекста (о различиях между двумя операторами см. сноску 334), в сербскохорватском оператор *sad(a)*, диахроническая деривация которого отражает первичное темпоральное значение [< пр. сл. 'сь' + '-да': происхождение этого окончания пока не вполне ясно, см. у М. Фасмер сравнение с этимологией рус. *когда* (ФАСМЕР 1964-1973, II: 274–275); следует еще добавить, что присутствие /a/ в конце слова в современном языке исключительно продиктовано принципами благозвучия] является единственным возможным выбором. Иные псевдоэквиваленты, вроде *odmah* 'сразу' (диахроническая деривация которого отражает первичное пространственное значение, см. 'од' + 'мах'), демонстрируют другие особенности, неподходящие для перформативного контекста.

³⁸⁵ В примере (312) при наличии формы в През^{CB} *pokažem*, управляемой комплементаром *da*, допустимо также не футуральное, а чисто модальное, волитивное толкование контекста ('хочу вам показать'...).

(311) No *sad* sam shvatio da su dotična pitanja njemu određena i zadana i da ih on nema pravo mijenjati.

[HNK, doc#9144]

(312) Šta hladno, *sad* ću vama ja da pokažem da se može sat vremena čistiti sneg, pa pauza.

[SRPKOR, Politika (11.12.2009.), poli091211.txt]

(313) Ja *sad* odoh u novogodisnju kupovinu, a vi uzivajte u NOVOM VIDEU! :) Ljubim vas :***
(sic!)

[[В сети](#)]

Подводя итоги, можно сказать, что в сербскохорватском языке темпоральный оператор *sad(a)* (похожим образом, как английский *now* и русские *сейчас/теперь*) не приписывает высказыванию констативный или перформативный характер³⁸⁶.

Похожим образом, вставка соответствующего англ. *hereby* и рус. *настоящим* автореференциального оператора в сербскохорватском, *time*³⁸⁷, дает такие же результаты, что и были получены ранее. В сербскохорватском языке оператор также может появляться только в позиции модификатора перформативного глагола в наречной группе и не может передвигаться свободно в синтаксической структуре. В нижеприведенных примерах (314)–(315) передвижение оператора *time* с позиции глагольного модификатора (экспозитива *izjavljujem* и декларации *proglašavam*, соответственно) вызывает эффект грамматической неприемлемости:

³⁸⁶ В отличие от русского оператора *теперь*, однако, сербскохорватский оператор *sad(a)* не играет роли в таких пассивно-результативных конструкциях, как *Otpušteni ste s dužnosti ministra* (декларация), *Unajmljeni ste* (декларация), *Umoljeni ste da...* (директив), *Pozvani ste* (директив), о которых в диссертации уже шла речь (см. сноски 114 и 351). Интересно отметить, что в линейной синтаксической реализации этих конструкций в сербскохорватском языке причастная форма часто предшествует связке, что может соответствовать подъему причастной формы в синтаксической структуре, вероятно, в прагматических целях выявления рематического компонента высказывания. Однако обсуждение всех этих вопросов выходит за рамки диссертационной работы.

³⁸⁷ Подчеркнем, что в целях упрощения поиска другие возможные варианты в сербскохорватском языке, особенно те аналитические [напр. *ovime*, *ovim r(ij)еčima* и т.д.], были исключены из анализа, хотя, по всей видимости, различные лексические элементы в качестве автореференциального оператора функционируют примерно одинаково.

С морфологической точки зрения с-х. оператор *time*, как и рус. *настоящим*, выражает посредством простого падежного маркирования (в творительном падеже) автореференциальный (иллокутивный) характер высказывания, хотя, в отличие от русского, его дейктические компоненты являются прежде всего пространственными, а не темпоральными (см. сноску 338).

- (314) *Time izjavljujem* da dajem svoju saglasnost da se podaci moje e-mail adrese od strane instituta mogu koristiti u svrhu slanja newslettera. (*...da se podaci moje e-mail adrese od strane instituta *time* mogu koristiti...)

[<https://www.kinderwunsch-institut.at/hr/novosti/newsletter/>]

- (315) Baš sam jučer napravila drugu turu pekmeza od šljiva i *time proglašavam* sezonu kuhanja zimnice završenom, sada kreće onaj bolji dio, konzumacija pripremljenog. (*...i proglašavam sezonu kuhanja zimnice *time* završenom...)

[<http://www.thursdaycooking.com.hr/2018/09/torta-sa-sljivama.html>]

С другой стороны, однако, высказыванию с оператором *time* автоматически не присваивается перформативный характер. Тем более трудно проверить правдоподобность гипотезы Р. Экхардт о том, что в минимальной паре высказываний предпочтение перформативного толкования отдается высказыванию с оператором, в то время как высказывание без оператора вне контекста скорее толкуется как экзистенциальное (см. §2.2.1.2 и §4.2). По мнению нами опрошенных сербских и хорватских информантов, такое различие в принципе незаметно, хотя, добавим, для правильного толкования высказывания нужен более широкий контекст. Однако некоторые информанты указали на то, что, в отличие от соответствующего русского примера, эксплицитный комиссивный иллокутивный акт с перформативом *obećavam* и приглагольным оператором *time* [см. пример (317)] не звучит естественно, независимо от того, толкуется ли высказывание в первую очередь как констативное или перформативное. Причины этой асимметрии нам пока не ясны³⁸⁸:

- (316) *Obećavam* da ću se uskoro vratiti kući. (✓констативное – ✓перформативное)

- (317) [?]*Time obećavam* da ću se uskoro vratiti kući. ([?]констативное – [?]перформативное)

³⁸⁸ При замене оператора *time* квазисинонимическим элементом *ovime*, однако, высказывание однозначнее толкуется как перформативное [см. нижеприведенный пример (318)]:

- (318) Ako City ne osvoji ligaški naslov u utakmici protiv Uniteda, *ovime obećavam* da ću čitavu sedmicu svoju ženu staviti na raspolaganje svom drugu Tonyju.

[<https://sport.novi.ba/clanak/221951/prokleta-kladionica-stavio-zenu-na-manchester-city-i-izgubio-a-vodili-su-2-0>]

Заметим также (см. сноску 339), что оператор *time* (а также его вариант *ovime*) может занимать первое место в сложной наречной группе. В этом случае сфера действия автореференциального оператора включает целое предложение, а другие наречные элементы модифицируют скорее вершину глагольной группы. См. грамматическую приемлемость следующих предложений: <*time (ovime)* <*zvanično* <*proglašavam*...>>>, <*time (ovime)* <*tužno* <*izjavljujem*...>>>, <*time (ovime)* <*svesrdno* <*molim*...>>>. Обратный порядок нарушает такую приемлемость: *<*zvanično* <*time (ovime)* <*proglašavam*...>>> и т.д.

Помимо того, настоящая роль автореференциального оператора *time* в определении перформативного характера высказывания оспаривается на том основании, что в сербскохорватском языке коррелят Наст^{HCB} отличается не только видовыми (похожим образом, что и русские формы в НП^{CB}), но и временными характеристиками, т.е. он формально относится не к плану (неактуального) настоящего, а к плану будущего. Семантическая несовместимость автореференциального оператора с видовременными формами, отсылающими к временным отрезкам, не включающим момент высказывания, по всей видимости засвидетельствована тем фактом, что в сербских и хорватских национальных корпусах (см. дальше) комбинация «словоформа в Фут^{CB} + *time*» отсутствует. Проверка таких, искусственно сконструированных контекстов, включающих именно такое незасвидетельствованное сочетание [они являются переводами на сербскохорватский русских примеров (187)–(190), уже обсужденных в §4.2] с участием информантов подтверждает, что фразы грамматически неприемлемы, независимо от того, какой иллокутивный акт реализует перформативная словоформа [см. примеры (319)–(322)]³⁸⁹:

- (319) *Time odobriću_{SR}/ću odobriti_{SR/HR} publikaciju ove knjige.
- (320) *Time obavestiću vam_{SR}/ću vam obavijestiti_{HR} da će sve uskoro biti u redu.
- (321) *Time predložiću_{SR}/ću predložiti_{HR} zdravicu u čast Ane Konstantinovne.
- (322) *Time zabraniću ti_{SR}/ću ti zabraniti_{HR} da ideš_{SR}/ići_{HR} u bioskop_{SR}/kino_{HR}.

Невозможность вставки автореференциального оператора *time* на место модификатора перформативной словоформы в Фут^{CB} можно объяснить тремя разными способами. Во-первых, возможно, имеет место семантическая несовместимость между сферами действия оператора глагольного времени и автореференциального оператора (эту гипотезу, однако, необходимо проверить отдельно). Во-вторых, можно предположить, что вставка оператора *time* определяет перформативный характер высказывания, а его несовместимость со словоформами в Фут^{CB} показывает, что они не являются настоящими перформативами. Если это предположение верно, однако, неясно, почему в некоторых перформативных контекстах видовременными коррелятами форм в Наст^{HCB} являются именно формы в Фут^{CB}. В-третьих, наоборот, можно опираться на тезис о том, что оператор *time*, в отличие от англ. *hereby* (и

³⁸⁹ Построчные сокращения SR и HR указывают, что данная форма чаще обнаруживается в узусе в сербском или хорватском варианте сербскохорватского континуума. Подчеркнем также, что хорватские формы Фут^{CB} с послеглагольной (неунивербированной) клитикой вроде *odobrit ću* в таких контекстах автоматически исключены, поскольку нарушают закон Ваккернагеля о фиксированной позиции клитических элементов в предложении (т.е. клитики должны всегда занимать второе место, а автореференциальный оператор *time* занимает первое).

отчасти от рус. *настоящим*), не служит категориальным определителем высказывания, а является только дополнительным лексическим элементом, необязательным для правильного толкования высказывания. В данном случае, однако, возникает вопрос о том, в каком именно компоненте оператора закодирована иллокутивная сила высказывания (в падежном маркировании, как и в русском?), а также о том, заложена ли она вообще в семантику оператора или дается скорее среди пресуппозиций коммуникативной ситуации. Вопрос пока остается открытым.

Неясность статуса автореференциального оператора *time* может быть признаком того, что определение перформативных высказываний, предложенное Р. Экхардт нуждается в дальнейшем уточнении. Хотя ограничения в сфере синтаксического распределения сербскохорватского оператора во многом похожи на ограничения для соответствующих английских (*hereby*) и русских операторов (*настоящим*), нужно заметить, что с-х. *time*, как кажется, по сравнению с другими операторами, является недостаточно весомым. Следует заключить, что общие выводы, сделанные на материале английского языка, хотя и требуют дополнительной проверки, но могут быть адаптированы для сербскохорватских данных.

5.3. Данные корпусов

В этом разделе мы проанализируем данные современного сербскохорватского языка. Хотя анализ не разделяется на отдельные части, ради большей ясности мы будем различать данные, происходящие из собственно сербского и собственно хорватского вариантов. Поскольку для обоих вариантов сербскохорватского континуума пока не существует онлайн-источника, похожего на русский ГИКРЯ, поиск проведен в первую очередь по соответствующим национальным корпусам, о которых речь будет идти ниже (§5.3.1), а затем по другим поисковым системам, например, Google.

Основной принцип анализа соответствует выдвинутой в §4.3 гипотезе о том, что также в сербскохорватском языке доминирующей в перформативном контексте является форма Наст^{НСВ}. Предстоит еще выяснить, находится ли Фут^{СВ} в комплементарной дистрибуции с Наст^{НСВ} тем же образом, что и русские формы в НП^{СВ} с формами в Наст^{НСВ}, а также, какие именно факторы регулируют видовременное противопоставление в перформативном контексте в сербскохорватском языке³⁹⁰. Актуальными являются также вопросы о том,

³⁹⁰ Как мы уже уточнили в ходе дискуссии в §2.4.2, недавнюю гипотезу о том, что в перформативном контексте в сербскохорватском языке может появляться и форма Фут^{НСВ} [напр. *moli(t)ći* или *(Ja) ċi moliti*, см. ВОЛВОДИЋ 2019] мы здесь оставим в стороне.

существуют ли ареальные различия в функционировании и в формальном проявлении перформативов между сербским и хорватским вариантами континуума, и если они существуют, то каковы они. В следующем параграфе (§4.3.1) мы кратко опишем методологию поиска.

5.3.1. Данные о поиске

Что касается сербского варианта сербскохорватского континуума, поиск мы провели по Корпусу современного сербского языка (SRPKOR)³⁹¹. Разработанный на математическом факультете Белградского университета корпус состоит из многочисленных подкорпусов, среди которых самым объемным является т.н. SrpKor2013, аннотированный корпус, содержащий примерно 122 миллиона словоупотреблений. В этом корпусе размещены как литературные произведения сербской литературы XX и XXI вв., так и переводы, научно-популярные тексты, тексты из блогосферы, статьи из ежедневных и еженедельных газет и журналов и т.д. Через соответствующее окно на странице основного корпуса мы вводили запрос (латиницей) на точный поиск словоформы определенного перформативного глагола – первый раз в 1-м л. ед. ч. Наст^{HCВ} (напр. *molim*), второй раз в 1-м л. ед. ч. Фут^{CB} с послеглагольной (универбированной с инфинитивом) клитикой (напр. *zamoliću*), а третий раз с приглагольной (неунивербированной) клитикой [напр. *(ja) ću zamoliti*]³⁹². В целях упрощения работы все другие нестандартные перформативные конфигурации (т.е. отклонения в лице, числе, глагольном времени, наклонении и т.д.) не принимались во внимание, при поиске также не уточнялось присутствие автореференциального оператора *tim(e)*. Мы включили в результаты первые 100 вхождений каждой словоформы, отсортировывая вручную все неподходящие контексты.

Что касается хорватского варианта сербскохорватского континуума, мы провели поиск по двум (частично совпадающим друг с другом) корпусам: Национальному корпусу

³⁹¹ Корпус доступен по следующей ссылке: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.). Доступ к поиску по корпусу пока предоставляется только по заявке.

³⁹² В случае возвратного глагола (напр. *kajati se*) мы проводили по четыре поиска на каждый предикат, учитывая все возможные комбинации футуральной клитики и маркера возвратности (напр. *kajem se*, *_ se kajem*, *pokajaću se*, *_ ću se pokajati*). Корпусный поиск не давал возможности проверять все те сложные случаи, в которых между клитикой и маркером (напр. *Ja se iskreno kajem*, *Ja ću se za to pokajati* и др.) вставлены другие составляющие.

Заметим, что перформативные вхождения словоформ в Фут^{CB} с приглагольной клитикой достаточно редки, может быть, из-за маркированности формы и/или ее тяготения к чисто модальной семантике (клитика *ću* в изолированной или выделенной позиции часто равнозначна полному вспомогательному глаголу *hoću*).

хорватского языка (HNK)³⁹³ и Языковому корпусу хорватского языка (HJK)³⁹⁴. Разработанный на философском факультете Загребского университета, с 2009 г. корпус HNK, содержащий примерно 218 миллионов словоупотреблений из текстов, охватывающих разные области и текстуальные жанры, работает на платформе обеспечения SketchEngine. Работающий через интерфейс Philologic корпус HJK, для которого в 2005 году были выделены первые денежные средства в рамках исследовательской программы Института хорватского языка и лингвистики Rizinica, является аннотированным корпусом, состоящим из научных, научно-популярных и литературных текстов, а также из переводов и газетных статей. Необходимо иметь в виду, что по сравнению с НКРЯ (а тем более с ГИКРЯ) сербские и хорватские национальные корпуса более ограничены по размеру (число словоупотреблений в самом объемном из трех, HNK, почти в два раза меньше, чем в НКРЯ), что, конечно, качественно влияет на корпусный поиск.

Поиск по корпусам HNK и HJK был проведен по тем же критериям, что и поиск в SRPKOR. Через соответствующее окно на странице основного корпуса мы вводили запрос на точный поиск словоформы определенного перформативного глагола – первый раз в 1-м л. ед. ч. Наст^{НСВ} (напр. *molim*), второй раз в 1-м л. ед. ч. Фут^{СВ} с послеглагольной клитикой (напр. *zamolit ću*), а третий раз с приглагольной клитикой [напр. *(ja) ću zamoliti*]³⁹⁵. Мы проанализировали первые 50 вхождений на каждый поиск.

Если по разным причинам вхождений не было найдено (или их не было найдено в удовлетворительном количестве, т.е. более пяти), мы прибегали к дополнительному поиску по другим поисковым системам, напр. Google.

Наконец, в целях снятия двусмысленности каждый сомнительный пример (особенно те с перформативами в Фут^{СВ}, для которых разница между возможным перформативным употреблением и «простой» будущей референцией является иногда стертой) был обсужден с носителями хорватского языка.

Как правило, материал разделялся, как и в предыдущих главах (см. §3.3–§3.4 и §4.3–§4.4), по таксономии иллокутивных актов, предложенной Дж. Серлем (SEARLE 1976). Мы проанализировали по очереди декларации (§5.3.2), экспозитивы (§5.3.3), комиссивы (в том числе перформативные, см. §5.3.4.1, и квазиперформативные комиссивы, см. §5.3.4.2) и в самом конце директивы (§5.3.5).

³⁹³ Корпус доступен по следующей ссылке: http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

³⁹⁴ Корпус доступен по следующей ссылке: <http://riznica.ihj.hr/philologic/Cijeli.whizbang.form.hr.html> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

³⁹⁵ При наличии возвратного глагола мы использовали критерии, уже уточненный в сноске 392, с тем лишь различием, что формы Фут^{СВ} с послеглагольной клитикой в хорватском литературном варианте не являются универбируемыми с инфинитивом (т.е. пишется *pokajat ću se*).

5.3.2. Декларации

В группу протестированных деклараций вошли следующие глагольные пары (в скобках указаны использованные для поиска словоформы):

nazivati ^{HCB} (<i>nazivam</i>) / nazvati ^{CB} [<i>nazva(t)ću – ću nazvati</i>]
prolašavati ^{HCB} (<i>prolašavam</i>) / proglasiti ^{CB} [<i>proglasi(t)ću – ću proglasiti</i>]
krstiti ^{LB} (<i>krstim</i>) / pokrstiti ^{CB} [<i>pokrsti(t)ću – ću pokrstiti</i>]
I. predodređivati ^{HCB} (<i>predodređujem</i>) / predodrediti ^{CB} [<i>predodredi(t)ću – ću predodrediti</i>]
II. ostavljati ^{HCB} (<i>ostavljam</i>) / ostaviti ^{CB} (<i>ostavi(t)ću – ću ostaviti</i>)
podnositi ^{HCB} (<i>podnosim</i>) / podneti ^{SR} -podnijeti ^{HR} ^{CB} [<i>podn(ij)e(t)ću – ću podn(ij)eti</i>] <ostavku>
posvećivati ^{HCB} (<i>posvećujem</i>) / posvetiti ^{CB} [<i>posveti(t)ću – ću posvetiti</i>]
kajati se ^{HCB} (<i>kajem se – se kajem</i>) / pokajati se ^{CB} [<i>pokaja(t)ću se – ću se pokajati</i>]
otpuštati ^{HCB} (<i>otpuštam</i>) / otpustiti ^{CB} [<i>otpusti(t)ću – ću otpustiti</i>]
smenjivati ^{SR} -smjenjivati ^{HR} ^{HCB} [<i>sm(j)enjujem</i>] / smeniti ^{SR} -smijeniti ^{HR} ^{CB} [<i>sm(ij)eni(t)ću – ću sm(ij)eniti</i>]
osuđivati ^{HCB} (<i>osuđujem</i>) / osuditi ^{CB} [<i>osudi(t)ću – ću osuditi</i>]

Таблица 13. Сербскохорватские декларации.

По сравнению с русскими декларациями, которые, как мы уже видели (см. §4.3.2), в некоторых случаях могут проявляться в НП^{CB}, в сербскохорватском языке (как в сербском, так и в хорватском варианте) они почти всегда кодированы в Наст^{HCB}, в то время как формы в Фут^{CB} ограничены редкими контекстами, в которых главный предикат употребляется в переносном значении.

Что касается частотности деклараций в корпусном поиске, можно отметить, что они, как правило, не превышают нескольких десятков вхождений. Этот факт не удивляет, если учесть, что декларации, как мы уже видели (см. §4.3.2), очень редко употребляются в повседневном речевом общении и почти исключительно ограничены официальными или торжественными общественными ситуациями. Коллокация *podnositi*^{HCB} <ostavku>, например, в SRPKOR

засвидетельствована всего 29 раз, в HNK – 10, а в HJK – всего лишь 5³⁹⁶. Все перформативные употребления (70% от общего числа употреблений) обнаруживаются в журналистских выступлениях, прежде всего в политических новостях, которые отличаются стилистической прямолинейностью и простотой. В примерах (323)–(324) иллюстрируется употребление формы Наст^{НCB} *podnosim* <*ostavku*>. Заметим, что в примере (323) в позиции глагольного модификатора появляется автореференциальный оператор *ovime* (синонимичный с *time*):

(323) »Ovime *podnosim*^{НастНCB} *ostavku* na mjesto predsjednika stranke i morat će te nastaviti bez mene«, naveo je Račan.

[HJK, NA. Vjesnik online]

(324) "I pored toga što sam ubeđen da sam najbolje radio za ovu kompaniju i za Srbiju, *podnosim*^{НастНCB} *ostavku*, jer sam u delu javnosti izvrgnut linču i progonu", zaključuje Krišto.

[SRPKOR, www.rts.rs (26.11.2008.), rts081126.txt]

С другой стороны, формы в Фут^{CB} *podn(ij)e(t)ću* <*ostavku*> / *ću podn(ij)eti* <*ostavku*> в корпусах засвидетельствованы довольно редко (в SRPKOR всего 15 раз, в HNK – 20, а в HJK – всего лишь 11), причем только в констативных контекстах, прежде всего в подчиненных предложениях и в аподозисах, с явной референцией к будущему.

Та же закономерность наблюдается для словоформы в Наст^{НCB} *prolašavam*³⁹⁷ и для двувидового глагола *krstim*, которые в перформативном контексте никогда не чередуются с соответствующими словоформами в Фут^{CB} *proglasi(t)ću* / *ću proglasiti* и *pokrsti(t)ću* / *ću pokrstiti* [см. примеры (325)–(326)]. Словоформа в Наст^{НCB} *predodređujem*, напротив, не засвидетельствована ни в одном корпусе, тем более словоформа в Фут^{CB} *predodredi(t)ću* / *ću predodrediti*. Это может быть признаком исключительной принадлежности этих глаголов к официальному (бюрократическому) стилю, часто чуждому носителю языка³⁹⁸.

³⁹⁶ Коллокация с обратным порядком составляющих (т.е. с предшествующим инфинитиву прямым дополнением) появляется намного реже (всего 5 раз в SRPKOR, 2 раза в HNK и ни разу в HJK). Заметим также, что в этих случаях преобладающим является констативное толкование высказывания.

³⁹⁷ Поражает статистика HNK, в котором словоформа обнаруживается 2593 раза, против 22 вхождений (!) в SRPKOR и ни одного в HJK. Причины этой асимметрии не ясны, хотя, вероятно, довольно весомым является характер включенных в HNK текстов.

³⁹⁸ Заметим, что глагольную пару *predodređivati*^{НCB}/*predodrediti*^{CB} в общеупотребительном языке регулярно заменяют пары *zav(j)eštavati*^{НCB}/*zav(j)estiti*^{CB} (в хорватском варианте чаще встречается пара *oporučivati*^{НCB}/*oporučiti*^{CB}) и *ostavljati*^{НCB}/*ostaviti*^{CB} <*u zavet*>/<*amanet*>. Однако лексическая вариативность не связывается с вариативностью в плане видовременного маркирования, поскольку во всех контекстах обнаруживаются только словоформы в Наст^{НCB}: *zav(j)eštavam*, *oporučujem*, *ostavljam* <*u zavet*>/<*amanet*>.

(325) Nastavljajući se na ovu slavnu tradiciju naših umjetnika, a sudeći prema onome što vidim na ovoj izložbi, mogu samo čestitati umjetnicima te nacionalnoj povjerenici Biserki Rauter Plančić na ovoj izuzetnoj izložbi te je *proglašavam*^{НастНСВ} otvorenom.

[HNK, doc#223731]

(326) — Velim, ti kralju naš: hvaljen Isus! Odgovoriš li mi: »vazda Isus i Marija« cjelivat ćeš oba uva i svoju plemenitu kitu. 'Oćeš, slave mi i godina, i kitu i guicu. — *Krstim*^{НастНСВ} te krvlju Miljevića. I Stojanovu krvlju. Znaš mojem sinovcu Stojanu bilo je svega četrnaest dana, a rekli su mu hvaljen Isus, pozdravlja te Petar Karadorđević.

[HJK, Vojin Jelić. Anđeli lijepo pjevaju (str. 176)]

Среди самых частотных деклараций, с другой стороны, мы обнаруживаем *posvećujem* (всего 102 вхождения в SRPKOR, 74 в HNK, 70 в HJK), *kajem se* (97 вхождений в SRPKOR, только 9 в HNK, 33 в HJK)³⁹⁹ и *osuđujem* (132 вхождения в SRPKOR, 111 в HNK, 85 в HJK). В перформативном контексте они никогда не чередуются со словоформами в Фут^{СВ} [см. примеры (327)–(329)]. Единственным исключением является словоформа *posveti(t)ću* (всего 26 вхождений в SRPKOR, 17 в HNK, 14 в HJK), которая в редчайших случаях, по мнению большинства информантов, может толковаться как перформатив. В этом случае преобладающим является дополнительный модальный оттенок намерения [*posvetiću* в дословном смысле *hoću/želim da posvetim*, см. пример (330) и §5.4.2]:

(327) - Pobedu u ovim kvalifikacijama *posvećujem*^{НастНСВ} bratu Desimiru, čija je jedna od poslednjih želja bila da se plasiramo u Makedoniju.

[SRPKOR, Politika (10.06.2008.), poli080610.txt]

(328) Dorčec se zatim udaljio u nepoznatom smjeru, a od ozljeda koje su zadobili, Benčić je preminuo u vozilu Hitne pomoći, a Matišan na mjestu događaja. »Kriv sam i *kajem se*^{НастНСВ} zbog svega, nije mi bila namjera ubiti«, rekao je Dorčec, izjašnjavajući se o krivnji.

[HNK, doc#187692]

(329) *Osuđujem*^{НастНСВ} najnoviju besramnu krađu intelektualnog vlasništva Istarske županije, koju su izveli nemoralni, neodgovorni i neozbiljni pojedinci, navodi se u izjavi istarskog župana Ivana Jakovčića.

³⁹⁹ В обратном порядке (*se kajem*) словоформа обнаруживается 47 раз в SRPKOR, 11 в HNK, 12 в HJK.

[HJK, NA. Vjesnik online]

- (330) Đoković je zatim naglasio da još nije svestan koliki je uspeh napravio u Melburnu. - Ovaj pehar *posvetiću*^{Фут^{CB}} ljudima koji su sve vreme bili uz mene, osobama koje najviše volim, mojoj braći [...]

[SRPKOR, Politika (03.02.2008.), poli080203.txt]

Единственная другая декларация, которая, как кажется, допускает видовременное противопоставление в перформативном контексте – это пара *nazivati*^{Наст^{НСВ}}/*nazvati*^{CB}. Заметим, однако, что словоформы в Наст^{НСВ} и в Фут^{CB} семантически неодинаковы. В то время как имеющая презентный темпоральный аргумент словоформа в Наст^{НСВ} *nazivam* (137 вхождений в SRPKOR, 76 в HNK, 59 в HJK) может иметь как значение “нарекать, назначать”, так и значение “определять”, “давать название” [см. примеры (331)–(332)], словоформы в Фут^{CB} *nazva(t)ću* (по 20 вхождений на каждый корпус) / *ću nazvati* (4 вхождения в SRPKOR, 5 в HNK, 5 в HJK: ни одно вхождение, однако, не является перформативным) тяготеют к утрате «настоящего» декларативного характера и регулярно толкуются как синонимы глаголов *определять*, *давать <определение, именование>*, функционирование которых в значительной степени сближается с семантикой ретического перформатива, как, напр., члена класса экспозитивов [см. пример (333)]. Употребление словоформы в Фут^{CB}, по-видимому, придает больший авторитет тону говорящего:

- (331) Ja svoju fotografiju *nazivam*^{Наст^{НСВ}} pionirskom, jer danas tek postoji prava tehnika kojom se može dobiti ovakva fotografija. Premda treba znati da je tehnika samo sredstvo kao i u medicini ili bilo kojoj znanosti.

[HJK, NA. Vjesnik online]

- (332) Ispravnije bi bilo zapravo reći za svet svog vlastitog iskustva, jer izmišljanjem *nazivam*^{Наст^{НСВ}} sve ono što stavlja na hartiju vešta ruka spisateljska - a iza čega ne stoji jedan skoro lirski...

[SRPKOR, Kiš, Danilo. Homo poeticus. homo-poet.txt]

- (333) Međutim, te su redukcije površinski izraz mnogo dubljih procesa koji se zbivaju u suvremenoj civilizaciji. *Nazvat ću*^{Фут^{CB}} ih sukobom između svijeta koji bi težio kakvoj koherenciji i supstanciji, i desupstancijaliziranog svijeta.

[HNK, doc#146973]

Дополнительно следует приостановиться на глагольной паре *otpuštati*^{HCB}/*otпустiti*^{CB}. Хотя в литературе засвидетельствованы примеры со словоформой в Наст^{HCB} *otpuštam*, которая в перформативном контексте никогда не находится в оппозиции словоформам в Фут^{CB} *otпусти(t)ću/ću otpustiti* (ВОЛВОДИЋ 2018А: 344), в национальных корпусах примеров такого типа очень мало⁴⁰⁰, причем они не связаны с рынком труда. Намного более частотными (как и в английском, русском и других языках) являются скорее перформативные пассивно-результативные конструкции с причастием в начале фразы, вроде *Otpušten(-a) si, Otpušteni(-e) ste* [см. сноску 386 и заголовок спортивного журнала в примере (334)]:

(334) Ovaj razgovor će trajati pet minuta. *Otpušten* si!

[<https://sportske.jutarnji.hr/sn/ovaj-razgovor-ce-trajati-pet-minuta.-otpusten-si-jedan-od-najskupljih-dinamovih-igraca-nakon-susreta-s-trenerom-ostao-u-potpunom-soku...-5536995>]

Наконец, за частичным (и обоснованным) исключением глагольной пары *nazivati*^{HCB}/*nazvati*^{CB} и, в значительно меньшей степени, *posvećivati*^{HCB}/*posvetiti*^{CB} сербскохорватские декларации, как кажется, не подвергаются видовременному противопоставлению в перформативном контексте.

5.3.3. Экспозитивы

В группу протестированных экспозитивов вошли следующие глагольные пары (в скобках – использованные при поиске словоформы):

pretpostavljati ^{HCB} (<i>pretpostavljam</i>) / pretpostaviti ^{CB} [<i>pretpostavi(t)ću – ću pretpostaviti</i>]	
ponavljati ^{HCB} (<i>ponavljam</i>) / ponoviti ^{CB} [<i>ponovi(t)ću – ću ponoviti</i>]	
I.	sravnjivati ^{HCB} (<i>sravnjujem</i>) / sravniti ^{CB} [<i>sravni(t)ću – ću sravniti</i>]
II.	upoređivati _{SR} -uspoređivati _{HR} ^{HCB} [<i>u(s)poređujem</i>] / uporediti _{SR} -usporediti _{HR} ^{CB} [<i>u(s)poredi(t)ću – ću u(s)porediti</i>]

⁴⁰⁰ Точнее, словоформа в Наст^{HCB} *otpuštam* обнаруживается 5 раз в SRPKOR, один раз в HNK и 9 раз в HJK: словоформа в Фут^{CB} *otпусти(t)ću* обнаруживается 2 раза в SRPKOR, один раз в HNK и 2 раза в HJK, в то время как *ću otpustiti* обнаруживается только один раз в HJK. Добавим также, что словоформы в Фут^{CB} никогда не обнаруживаются в перформативном контексте.

obaveštavati _{SR} -obavještavati _{HR} ^{HCB} [<i>obav(j)eštavam</i>] / obavestiti _{SR} -obavijestiti _{HR} ^{CB} [<i>obav(ij)esti(t)ću – ću obav(ij)estiti</i>]
podsećati _{SR} -podsjećati _{HR} ^{HCB} [<i>pods(j)ećam</i>] / podsetiti _{SR} -pods(j)etiti _{HR} ^{CB} [<i>pods(j)eti(t)ću – ću pods(j)etiti</i>]
izjavljivati ^{HCB} (<i>izjavljujem</i>) / izjaviti ^{CB} [<i>izjavi(t)ću – ću izjaviti</i>]
dodavati ^{HCB} (<i>dodajem</i>) / dodati ^{CB} [<i>doda(t)ću – ću dodati</i>]
zamerati _{SR} -zamjerati _{HR} ^{HCB} (<i>zam(j)eram</i>) / zameriti _{SR} -zamjeriti _{HR} ^{CB} [<i>zam(j)eri(t)ću – ću zam(j)eriti</i>]
prijavljivati ^{HCB} [<i>prijavljujem</i>] / prijaviti ^{CB} [<i>prijavi(t)ću – ću prijaviti</i>]
priznavati ^{HCB} (<i>priznajem</i>) / priznati ^{CB} [<i>prizna(t)ću – ću priznati</i>]

Таблица 14. Сербскохорватские экспозитивы.

Как и в русском языке, в сербскохорватском языке под термином «экспозитивы» подразумеваются семантически неоднородные предикаты, в том числе ретические («ментальные») перформативы, гибридные (социально-ментальные) перформативы вроде *izjavljivati*^{HCB}/*izjaviti*^{CB} и лексические единицы, появляющиеся как в перформативных контекстах, так и в других синтаксических конструкциях (см. парентетические функции пары *priznavati*^{HCB}/*priznati*^{CB}). Итак, уместно считать, что непрототипическое видовременное проявление сербскохорватских экспозитивов продиктовано присутствием тех же параметров, которые действовали для русских экспозитивов. Как мы увидим в дальнейшем, однако, возможное распределение словоформ в Фут^{CB} по сравнению с русскими словоформами в НП^{CB} может охватывать даже большее число контекстов, поскольку более весомым в определении видовременного маркирования перформатива, как кажется, является характер темпорального аргумента глагола.

Единственными исключениями являются глагольные пары *obav(j)eštavati*^{HCB}/*obav(ij)estiti*^{CB} и *prijavljivati*^{HCB}/*prijaviti*^{CB}. В русском языке, как мы уже видели в предыдущей главе (§4.3.3), употребление словоформы в НП^{CB} *сообщу* вместо канонической словоформы в Наст^{HCB} *сообщаю* доступно только в ограниченных случаях, причем эта замена приводит к разделению речевого акта на две части (т.е. подготовительная фаза к выражению сообщения, а потом само сообщение). Напротив, в сербскохорватском языке в перформативном контексте употребляется только словоформа в Наст^{HCB} *obav(j)eštavam* [66 вхождений в SRPKOR, 21 в HNK, 38 в HJK, см. примеры (335)–(336), в которых также наблюдается контекстуальное соприсутствие автореференциального оператора *ovim* и словосочетания *svojom otvorenim pismom* ‘своим открытым письмом’ в позиции модификатора глагольной группы], в то время как словоформы в Фут^{CB} *obav(ij)esti(t)ću* (23

вхождения в SRPKOR, 3 в HNK, 10 в HJK) / *ću obav(ij)estiti* (5 вхождений в SRPKOR, по одному на каждый хорватский корпус) доступны только в коммуникативных ситуациях, явно отсылающих к футуральному положению дел [(см. пример (337))]:

- (335) Naša saglasnost za razgovore sa Vaše strane je zloupotrebljena i ovim Vas *obaveštavam*^{НастНСВ} da do daljeg nismo spremni da vodimo bilo kakve razgovore", piše Tasić.
[SRPKOR, Politika (08.11.2008.), poli081108.txt]

- (336) "Svojim otvorenim pismom *obavještavam*^{НастНСВ} sveukupnu javnost da Gradsko poglavarstvo, Ministarstvo kulture i Gradski zavod za zaštitu spomenika kulture nisu odgovorili na cijeli niz mojih zamolbi i proklamacija o skrbi i očuvanju zbirke Antimuzej.
[HNK, doc#106273]

- (337) Sve sam to naveo u dopisu Saborskom odboru za vanjsku politiku, našem uredu pri Ujedinjenim narodima, Hrvatskome uredu pri Europskoj zajednici, našoj Hrvatskoj misiji u Ženevi, a *obavijestit ću*^{ФутСВ} u i sva strana poslanstva u Hrvatskoj.
[HJK, NA. Vjesnik online]

С другой стороны, в то время как в экспозитивном иллокутивном акте докладывания русская словоформа *докладываю*^{НастНСВ} и сербскохорватская словоформа *prijavljujem*^{НастНСВ} [18 вхождений в SRPKOR, 37 в HNK, 10 в HJK: см. пример (338)] находятся в дополнительной дистрибуции, редкие и зафиксированные в парентетических оборотах употребления русской словоформы в НП^{СВ} *доложу* не соответствуют сербскохорватским словоформам в Фут^{СВ} *prijavi(t)ću* (10 вхождений в SRPKOR, 5 в HNK, 6 в HJK) / *ću prijaviti* (4 вхождения в SRPKOR, одно в HNK, 3 в HJK), которые могут иметь только футуральное толкование, даже с перлокутивным эффектом угрозы [вызванным, по всей вероятности, семантикой самого глагола, см. пример (339)].

- (338) *Prijavljujem*^{НастНСВ} puštanje u pogon navedenu opremu/sustav na gore navedenoj lokaciji.
Datum puštanja u pogon: [...]
[HNK, doc#304935]

(339) Plaćaće, i tačka. Od njih nemoj da očekuješ ništa. - Ne može tu bogzna šta da se učini. - *Prijaviću*^{ФутCB} ih pandurima - reče zlobno Mila. - Baš tako, ima da ih iscinkarim. Ja radim svoj posao.

[SRPKOR, Rančev, Palmi. Na semaforu. Mostovi : časopis za prevodnu književnost Udruženja književnih prevodilaca Srbije, br. 145, Sveska 1. Beograd : UKPS, januar-mart 2009.str. 36-40, m145-036-040.xml]

Стоит также уделить внимание тому факту, что среди экспозитивов сербскохорватская глагольная пара *zam(j)erati*^{HCB}/*zam(j)eriti*^{CB} не полностью равнозначна русской паре *возражать*^{HCB}/*возразить*^{CB}. В самом деле, сфера употребления словоформы в *Наст*^{HCB} *zam(j)eram* (140 вхождений в SRPKOR, 174 в HNK, а 132 в HJK) не совпадает функционально только с русской словоформой *возражаю*^{НастHCB} [см. пример (340)]⁴⁰¹, но может также включать другие лексические признаки, свойственные скорее русским экспозитивам *осуждать*^{HCB}/*осудить*^{CB}, а также неперформативной паре *обрекать*^{HCB}/*обречь*^{CB} [см. пример (341)]:

(340) Auto izgleda fantastično. Pravi gradski automobil. Možda ce upravo on biti zamena za sada vec legendarni YUGO u nekim buducim vremenima. Samo naravno, *zameram*^{НастHCB} cenu, mislim da je malo previsoka za nase standarde.

[https://www.b92.net/biz/komentari.php?nav_id=588239]

(341) Država je, međutim, uzela kredite i kažu da ne mogu da odlažu početak radova. *Zameram*^{НастHCB} preduzeću "Putevi Srbije" što do danas nismo obavesteni o preciznoj dinamici radova.

[SRPKOR, Politika (19.08.2009.), poli090819.txt]

Как и ожидалось, словоформы в *Фут*^{CB} *zam(j)eri(t)ću* (по одному вхождению в SRPKOR и HNK, 3 в HJK) / *ću zam(j)eriti* (только одно вхождение в HJK), подобно русской словоформе в *НП*^{CB} *возражу*, не употребляются в перформативном контексте.

Все остальные экспозитивы свободно допускают видовременное противопоставление в перформативном контексте, хотя, заметим, среди них уместно выделить две отдельные

⁴⁰¹ Подчеркнем, что согласно нормативной грамматике глагол *zamerati* должен управлять предложной группой в местном падеже, введенного предлогом *na* (*zameram <na ceni>*), хотя в разговорном языке, как кажется, возможны и другие управления.

подгруппы: с одной стороны, экспозитивы, для которых видовременная замена осуществляется при присутствии подходящих прагматико-коммуникативных обстоятельств, а с другой, экспозитивы, для которых видовременная замена возможна только при неполном сохранении семантики прототипической перформативной словоформы в Наст^{HCB}.

В первую группу входят такие глагольные пары, как *ponavljati*^{HCB}/*ponoviti*^{CB} и *pod(j)ećati*^{HCB}/*pod(j)etiti*^{CB}. По зеркальному противопоставлению в примерах (343)–(344) можно понять, что существенное различие между словоформой в Наст^{HCB} *ponavljam* (71 вхождение в SRPKOR, 1012 в HNK, а 832 в HJK) и словоформами в Фут^{CB} *ponovi(t)ću* (73 вхождения в SRPKOR, 69 в HNK, а 75 в HJK) / *ću ponoviti* (11 вхождений в SRPKOR, 25 в HNK, а 19 в HJK) состоит только в смягчении интенсивности иллокутивной силы высказывания, которое в примере (342) является нейтральным (прагматически немаркированным), а в примере (343) более вежливым, отдаленным от адресата, может быть, в результате применения восстановительных стратегий:

(342) "Rekao sam tad i sad *ponavljam*^{НастHCB}: vrlo sam uveren da će Milošević biti uhapšen pre 31. marta.

[SRPKOR, Politika (17.03.2001.), poli010317.txt]

(343) I istražnom sudiji sam rekao i sada *ću ponoviti*^{ФутCB}: ovo privođenje je osveta države i pritisak na porodicu, otkako je najavila da će tražiti da se...

[SRPKOR, www.rts.rs (08.06.2010.), rts100608.txt]

Похожим образом, в то время как словоформа в Наст^{HCB} *pod(j)ećam* (391 вхождение в SRPKOR, 340 в HNK, 242 в HJK) абсолютно нейтральна по характеру иллокуции [см. пример (344)], словоформами в Фут^{CB} *pod(j)eti(t)ću* (172 вхождения в SRPKOR, 68 в HNK, 54 в HJK) / *ću pod(j)etiti* (4 вхождения в SRPKOR, 6 в HNK, а 4 в HJK) говорящий более вежливо и при этом менее интимно обращается к своему адресату, от которого он принимает некоторую дистанцию в рамках коммуникативной ситуации. Как кажется, вежливый характер обращения обоснован намерением говорящего минимизировать (уравновесить) нежелательные эффекты, связанные с осуществлением иллокутивного акта (в самом деле, актом напоминания говорящий как раз «врывается» в личное пространство адресата, тем самым раскрывая импозитивный характер собственных коммуникативных намерений). Интересно, что в целях достижения этого связанного с вежливостью перлокутивного эффекта для перформативов в

при- или послеглагольной позиции часто употребляется указывающее на способ действия наречие *samo* 'только' [см. пример (345)]:

- (344) Tema privatizacije nije jučer ušla u orbitu, ona je tijekom cijele ove godine bila prisutna u našim međusobnim raspravama. *Podsjećam*^{НастНCB} da smo 31. srpnja ove godine potpisali Prioritete koalicije do kraja mandata, koji moraju biti na snazi do kraja mandata ove vlade.

[HNK, doc#15531]

- (345) One kojima još nije jasno šta se dogodilo, i ko iza koga stoji, *samo ću podsetiti*^{ФутCB} da je Toma tihi ali zakleti "grobar", a nestašni mu saradnik Vučić je vrlo transparentni [...]

[SRPKOR, Politika (31.07.2008.), poli080731.txt]

Коммуникативная потребность в смягчении интенсивности иллокутивной силы высказывания может быть риторически окрашена. Таков, например, случай глагольной пары *priznavati*^{НCB}/*priznati*^{CB}, которая, по сравнению с русской парой *признаваться*^{НCB}/*признаться*^{CB}, отличается по крайней мере по двум важным параметрам: с одной стороны, отсутствием существенных различий между словоформами в их синтаксическом управлении (оба глагола могут управлять как клаузальным дополнением, введенным комплементатором *da*, так и именным дополнением)⁴⁰², а, с другой стороны, присутствием связи между видовременным маркированием в Фут^{CB}, прагматической функцией аттенуативности (по всей вероятности, контекстуально проявляющейся как побочный эффект восстановительных стратегий вежливости) и временной функцией последовательности будущего времени. Иными словами, в то время как в примере (346) словоформой в Наст^{НCB} *priznajem* (1123 вхождения в SRPKOR, 682 в HNK, 659 в HJK) говорящий ограничивается простым выражением признания, в примере (347) словоформой в Фут^{CB} *priznat ću*⁴⁰³ говорящий раскрывает новую, дополнительную, а может быть и неожиданную информацию своему адресату, тем самым сохраняя с ним дистанцию:

- (346) Što je zapravo javna televizija? *Priznajem*^{НастНCB} skrušeno da meni nije bilo nikada jasno što se misli pod nazivom »javna televizija«, kojoj je suprotnost, dakle, tajna televizija!

[HJK, NA. Vjesnik online]

⁴⁰² Причем обе словоформы можно употреблять в парентетических конструкциях.

⁴⁰³ Словоформа *prizna(t)ću* обнаруживается 52 раза в SRPKOR, 22 в HNK и 28 в HJK, в то время как словоформа *ću priznati* обнаруживается 10 раз в SRPKOR, 6 в HNK и 10 в HJK.

(347) - Potpuno ste u pravu, a *priznat ću*^{ФутCB} vam još da se upravo pripremam s Čedomirom Kolarom producirati mali film novog, mladog redatelja iz Bosne, kao i novi Tanovićev film koji će raditi slijedeće godine.

[HJK, NA. Vjesnik online]

Аналогично, в случае глагольной пары *dodavati*^{HCB}/*dodati*^{CB} замена словоформы в Наст^{HCB} *dodajem* (119 вхождений в SRPKOR, 49 в HNK, 55 в HJK) словоформами в Фут^{CB} *doda(t)ću* (24 вхождения в SRPKOR, 19 в HNK, 19 в HJK) / *ću dodati* (15 вхождений в SRPKOR, 9 в HNK, 6 в HJK) прежде всего вызвана принятием стратегий вежливости. Добавим, однако, что, в отличие от словоформы в Наст^{HCB} [см. пример (348)], словоформы в Фут^{CB} часто употребляются не в промежуточной позиции, а как заключительное звено общего рассуждения, т.е. как последнее дополнение к вышесказанному. Так, употребление будущего времени действует не только на переносном уровне межличностных отношений (т.е. как риторическое средство отдаления), но и на уровне собственно временных отношений [см. пример (349)]:

(348) Recimo, Drnovšek je na konferenciji za štampu dana 10. prosinca 2001. ocijenio da je Slovenija u pogledu poštivanja ljudskih prava na visokoj razini. *Dodajem*^{НастHCB} da su za Drnovšeka bez sumnje na visokoj razini, ali za obične građane to se ne može kazati.

[HJK, NA. Vjesnik online]

(349) "I pre nego sto završim ovu moju malu pobunu, samo *ću dodati*^{ФутCB} da nijedna strana firma nije kupila Parking servis, ni dobra, ni loša, ni ona ravnodušna.

[SRPKOR, Politika (05.11.2010.), poli101105.txt]

Та же закономерность наблюдается для глагольной пары *u(s)poređivati*^{HCB}/*u(s)porediti*^{CB}⁴⁰⁴. Употребление словоформы в Фут^{CB} *u(s)poredi(t)ću* (одно вхождение в SRPKOR и по три на каждый хорватский корпус)⁴⁰⁵ предпочитается словоформе в Наст^{HCB} *u(s)poređujem* (38 вхождений в SRPKOR, 27 в HNK, 20 в HJK) при выражении

⁴⁰⁴ Глагольная приставка *uz-* (< ст. сл. **vъz-*) в сербском варианте упростилась и потеряла конечный звонкий альвеолярный сибилант, в то время как в хорватском варианте сибилант сохранился и оглушился в контакте с глухим губно-губным взрывным /p/. Синонимичная пара *sravnjivati*^{HCB}/*sravniti*^{CB} в корпусах, а тем более в перформативных высказываниях, практически не обнаруживается.

⁴⁰⁵ Словоформа *ću u(s)porediti* в корпусах не засвидетельствована.

межличностной дистанции и временной последовательности. В частности, в примере (351), в отличие от примера (350), словоформой в Фут^{CB} экспозитивный иллокутивный акт сравнения разделен на подготовительную и собственно иллокутивную часть:

- (350) Neovisno o ideologiji, važna im je negativna slika o Hrvatima Začudilo me rušenje Titova spomenika upravo sada. *Uspoređujem*^{Наст^{HCB}} to sa sličnim zbivanjima u bliskoj prošlosti. Zaključila sam da su ona uslijedila svaki put kada bi svijet dobio pravu sliku o Hrvatima.

[NA: Vjesnik online]

- (351) Kako se s otpadom postupa u inozemstvu, a kako u Hrvatskoj? - *Usporedit ću*^{Фут^{CB}} našu situaciju s Austrijom. U Austriji se od sto posto komunalnog otpada polovina preradi, a preduvjet za to je konzekventno odvojeno prikupljanje otpada.

[HNK, doc#22428]

Во вторую группу входят такие глаголы, как *izjavljivati*^{HCB}/*izjaviti*^{CB}, которые вопреки ожиданиям могут допускать видовременное противопоставление в перформативном контексте только в ограниченном количестве случаев, причем за счет частной лексической семантики словоформ в Фут^{CB}. Иными словами, в то время как словоформой в Наст^{HCB} *izjavljujem* (120 вхождений в SRPKOR, 220 в HNK, 66 в HJK) говорящий реализует стандартный экспозитивный иллокутивный акт заявления [см. пример (352)], словоформами в Фут^{CB} *izjavi(t)ću* (3 вхождения в SRPKOR и только одно в HNK) / *ću izjaviti* (только одно вхождение в SRPKOR) выражается семантически недифференцированный иллокутивный акт с общей семантикой 'говорение' [см. пример (353)]:

- (352) Sve sam radio profesionalno i po propisima. Žao mi je zbog svega što se dogodilo i ovom prilikom *izjavljujem*^{Наст^{HCB}} saučešće Zarićevoj porodici - rekao je Raičević.

[SRPKOR, Politika (14.11.2009.), poli091114.txt]

- (353) Prilikom napada Muslimana na naša sela Gusti Grab, Osolište i Bukovce *izjavit ću*^{Фут^{CB}} slijedeće: U to vrijeme kada su Muslimani napali na nas nije bilo borbenih djelovanja, a s tim što su oni prvi postavili barikadu na mjestu Kokoti, tako da su totalno zapriječili put Kiseljak - Busovača.

[HNK, doc#8661]

Итак, как кажется, в перформативном контексте сербскохорватские экспозитивы могут проявляться как в Наст^{НCB}, так и в Фут^{CB}. Хотя, по сравнению с русским языком, в сербскохорватском некоторые экспозитивы употребляются только в Наст^{НCB} (что, по всей видимости, свидетельствует о функциональном неполном совпадении между рус. НП^{CB} и с-х. Фут^{CB}), словоформы в Фут^{CB} все-таки широко распространены. Выбор словоформ в Фут^{CB}, в частности, зависит от наличия двух основных параметров: применения связанных с вежливостью восстановительных стратегий и присутствия футурального темпорального аргумента глагола. На основе этого последнего параметра выделяются весомые различия в сопоставлении с русским языком, в котором, наоборот, использование перформативов в НП^{CB} продиктовано прежде всего прагматическими факторами, связанными с интенсивностью иллокутивной силы высказывания.

5.3.4. Комиссивы

В ходе анализа мы различаем «настоящие» перформативные (§5.3.4.1) и квазиперформативные комиссивы (§5.3.4.2).

5.3.4.1. Перформативные комиссивы

В группу протестированных перформативных комиссивов вошли следующие глагольные пары (в скобках – использованные при поиске словоформы):

obećavati ^{НCB} (<i>obećavam</i>) ⁴⁰⁶ / obećati ^{CB} [<i>obeća(t)ću – ću obećati</i>]
prisezati ^{НCB} (<i>prisežem</i>) / priseći ^{CB407} [<i>prisećiću_{SR}–priseći ću_{HR} – ću priseći</i>]
uveravati _{SR} –uvjeravati _{HR} ^{НCB} (<i>uv(j)eravam</i>) / uveriti _{SR} –uvjeriti _{HR} ^{CB} [<i>uv(j)eri(t)ću – ću uv(j)eriti</i>]
jamčiti ^{НCB} (<i>jamčim</i>) / zajamčiti ^{CB} [<i>zajamči(t)ću – ću zajamčiti</i>]
zaklinjati se ^{НCB} (<i>zaklinjem se – se zaklinjem</i>) / zakleti se ^{CB} [<i>zakle(t)ću se – ću se zakleti</i>]
kladiti se ^{НCB} (<i>kladim se</i>) / okladiti se _{SR} –okladiti se _{HR} ^{CB} [<i>o(p)kladi(t)ću se – ću se o(p)kladiti</i>]
predlagati ^{НCB} (<i>predlažem</i>) / predložiti ^{CB} [<i>predloži(t)ću – ću predložiti</i>]

⁴⁰⁶ Наряду с нормативной словоформой в 1-м л. ед. ч. НCB *obećavam* в разговорной речи нередко обнаруживается словоформа *obećajem* (см. §5.4.4.1).

⁴⁰⁷ Поиск мы провели также по вхождению футуральной словоформы другого инфинитива, т.е. *prisegnuti*^{CB}, который семантически равнозначен *priseći*^{CB}.

Таблица 15. Сербскохорватские перформативные комиссивы.

Корпусный поиск по списку комиссивов дает неожиданные результаты, которые не находятся в полном соответствии с выдвигавшимся в литературе гипотезами. По всей видимости, видовременное противопоставление в перформативном контексте допускается не только в единичных случаях, но и для очень ограниченного количества глаголов. Интересно, что среди них нет глагольной пары *kladiti se*^{HCB}/*o(p)kladiti se*^{CB}, которая во многих работах последних лет (см. §5.2) была, наоборот, включена в список допускающих видовременную оппозицию перформативов. Однако как мы увидим в дальнейшем (см. §5.4.4.1), результатам корпусов в этом случае не стоит доверять, поскольку они не дают правильного представления о закономерности, которая наблюдается в современном языке. Также это можно обнаружить при онлайн-поиске, который свидетельствует о перформативном употреблении словоформ как в Наст^{HCB} *kladim se*⁴⁰⁸ [см. пример (354)], так и в Фут^{CB} *o(p)kladiću se/ću se o(p)kladiti* [см. пример (355)]. В отличие от русского языка, однако, на видовременное маркирование сербскохорватского комиссива не влияет определенность прямого дополнения, которое в обоих случаях (*u sve <što <imam>>* ‘всем, что у меня есть’, *u <što god <hoćeš>>* ‘чем угодно’) носит абсолютный и довольно отвлеченный характер. В обоих языках, по всей видимости, на выбор между дефолтными словоформами в Наст^{HCB} *спору/kladim se* и коррелятами в НП^{CB} *поспору/o(p)kladiću se* [ću se o(p)kladiti] влияет прежде всего аттенуативная функция, свойственная восстановительным (вежливым) стратегиям, которые в свою очередь являются показателем выделения макропризнака контроля:

- (354) *Kladim se*^{НастHCB} *u sve što imam - ako mi u jednu prostoriju, bez prethodne najave i pripreme, sakupe sve koji su, na primjer, ove godine završili studij novinarstva - da njih najmanje devedeset posto neće uspjeti napisati vijest prema teorijskim pravilima i zahtjevima struke - što je podloga svakoj dobroj praksi.*

[HNK, doc#131787]

- (355) – *Njihove molitve su molitve rarae – odgovori Merkur, mašući repom vreckavo – uostalom, okladit ću se*^{ФутCB} *s tobom u što god hoćeš da nitko od njih neće izmoliti molitvu za tvoj spas.*

[<http://www.strava.online/index.php/oklada-s-vragom/>]

⁴⁰⁸ Словоформа в Наст^{HCB} *kladim se* обнаруживается 167 раз в SRPKOR, 24 раза в HNK и 38 раз в HJK. Обратный порядок был найден 47 раз в SRPKOR, 3 раза в HNK и 6 раз в HJK.

Как и в русском языке, в сербскохорватском языке все те же предикаты, отражающие события, которые сами по себе требуют присутствия уполномоченного (владеющего авторитетом) агенса-говорящего, в перформативном контексте проявляются исключительно в Наст^{НСВ}. Иными словами, если верно, что существует корреляция между изменением (т.е. усилением или смягчением) в интенсивности иллокутивной силы высказывания и видовременным кодированием соответствующего перформатива, то для глаголов, в пресуппозитивной части которых уже должен входить макропризнак контроля, замена словоформы в Наст^{НСВ} словоформой Фут^{СВ} является излишней и, соответственно, прагматически нежелательной.

Среди них мы находим, например, фиксированную словоформу *prisežem* (одно вхождение в SRPKOR, 82 вхождения в HNK, 6 вхождений в HJK), которая, как правило, употребляется в редких контекстах, имеющих торжественную окраску и намного чаще в публичных выступлениях, процитированных в хорватских источниках [см. официальное заявление загребского мэра в примере (356)]:

- (356) Prije samog glasanja o odluci, zastupnici HDZ-a napustili su skupštinske klupe. »Ljubomorni ste jer je nas zapala uloga da odamo tu počast Franji Tuđmanu. *Prisežem*^{НастНСВ} (**Priseći* *ću*^{ФутСВ}) da će taj trg za dvije godine biti najljepši u Zagrebu«, odgovorio je oporbi gradonačelnik Milan Bandić.

[HJK, NA. Vjesnik online]

В отличие от русского языка, однако, в сербскохорватском языке отсутствуют употребления в Фут^{СВ} глаголов, реализующих разные подтипы комиссивных иллокутивных актов, иллокутивная сила которых может в принципе усиливаться или смягчаться в соответствии с большей или меньшей интенсивностью, обусловленной коммуникативным статусом говорящего по сравнению со слушающим-адресатом (напр. более или менее авторитетным характером обращения, применением связанных с вежливостью восстановительных стратегий, уменьшением активной роли адресата в событии речевого акта и т.д.). Иными словами, судя по корпусным данным, контроль говорящего не является решающим фактором в видовременном определении перформативной словоформы комиссива.

В то время как в некоторых случаях (и при определенных прагматических условиях) в русском языке прототипические перформативные словоформы в Наст^{НСВ} *заверяю*, *ручаюсь* и

предлагаю могут заменять словоформы в НП^{CB} *заверю*, *поручусь* и *предложу*, в сербскохорватском языке возможности такой замены, как кажется, не наблюдается. В частности, комиссивная словоформа *uv(j)eravam*^{Наст^{НСВ}} в перформативном контексте никогда не входит в видовременную оппозицию со словоформами *uv(j)eri(t)ću/ću uv(j)eriti*^{Фут^{CB}}⁴⁰⁹ [см. пример (357)], а словоформам *jamčim*^{Наст^{НСВ}} и *predlažem*^{Наст^{НСВ}} никогда не противопоставляются словоформы *zajamči(t)ću/ću zajamčiti*^{Фут^{CB}}⁴¹⁰ [см. пример (358)] и *predloži(t)ću/ću predložiti*^{Фут^{CB}}⁴¹¹ [см. пример (359)]:

(357) "Iako zakonski propisi izričito zabranjuju korišćenje kladionica maloletnim licima, *uveravam*^{Наст^{НСВ}} [**uv(j)eri(t)ću/ja ću uv(j)eriti*^{Фут^{CB}}] vas da u proseku oko 60 odsto njihovih klijenata još nema 18 godina.

[SRPKOR, Politika (20.03.2008.), poli080320.txt]

(358) Koje biste razlike istaknuli između sebe i Mesića, a koje bi trebale presuditi u izboru građana? Zašto bi oni glasovali za Vas? - Svojim dosadašnjim životom i političkom djelatnošću *jamčim*^{Наст^{НСВ}} [**zajamči(t)ću*^{Фут^{CB}}] da ću odgovornu dužnost obnašati časno i efikasno, u suradnji s Vladom i parlamentom, na dobrobit cijeloga hrvatskog naroda i svih građana.

[HJK, NA. Vjesnik online]

(359) Ne znam kako će to Englezi i Amerikanci izgovarati, kad to po tvrdnji Ive Škarića ne mogu naučiti ni Hrvati pa predlaže da se ukine razlika između č i ć. Ja *predlažem*^{Наст^{НСВ}} [*?ću predložiti*^{Фут^{CB}}] Horvatiniću da ide i dalje, da ukine svako č i ć i da svoje prezime piše jednostavno Horvatincic.

[HNK, doc#6149]

⁴⁰⁹ С одной стороны, словоформа *uv(j)eravam*^{Наст^{НСВ}} засвидетельствована 432 раза в SRPKOR, 217 раз в HNK и 190 раз в HJK. С другой же стороны, словоформа *uv(j)eri(t)ću*^{Фут^{CB}} засвидетельствована 5 раз в SRPKOR и по 2 раза в хорватских корпусах, в то время как *ću uv(j)eriti*^{Фут^{CB}} засвидетельствуется 5 раз в HNK и 3 раза в HJK. Словоформы в Фут^{CB} не засвидетельствованы в перформативном контексте.

⁴¹⁰ В то время как словоформа в Наст^{НСВ} *jamčim* засвидетельствована 46 раз в SRPKOR, 192 в HNK, а 125 в HJK (заметим, однако, что в SRPKOR процент перформативных вхождений остается очень низким; попытку решения этой проблемы см. в §5.4.4.1), словоформы в Фут^{CB} почти не засвидетельствованы в корпусах (обнаруживается только одно вхождение *zajamčit ću*^{Фут^{CB}} в HJK, причем в констативном высказывании).

⁴¹¹ Обе словоформы довольно частотны в корпусах. В частности, словоформа в Наст^{НСВ} *predlažem* обнаруживается 433 раза в SRPKOR, 338 раз в HNK и 580 раз в HJK. Словоформа в Фут^{CB} *predloži(t)ću* обнаруживается 54 раза в SRPKOR, 52 в HNK и 41 в HJK, в то время как вариант с приглагольной клитикой *ću predložiti* обнаруживается 17 раз в SRPKOR, 30 в HNK и 27 в HJK.

Что касается глагольной пары *predlagati*^{HCB}/*predložiti*^{CB}, следует добавить, что в корпусах словоформы в Фут^{CB} *predloži(t)ću/ću predložiti* никогда не обнаруживаются в перформативном контексте, а скорее сосредоточены в аподозисе придаточных сложных предложений и в главных предложениях, явно отсылающих к футуральному положению дел. Эта картина, однако, не отражает закономерность, которая наблюдается в современном языке. Как становится яснее при дополнительном онлайн-поиске, в некоторых случаях словоформы в Фут^{CB} могут появляться в перформативном контексте, прежде всего в двух связанных друг с другом случаях. Футуральная словоформа может приобретать перформативный характер, во-первых, когда говорящий может сам решать, какова лучшая альтернатива для его адресата, тем самым уменьшая его роль в принятии иллокутивного акта. Во-вторых, она употребляется в перформативном контексте, когда говорящий, при применении восстановительных стратегий, отдаляется от адресата в определенной коммуникативной ситуации, пытаясь восстановить негативного лица адресата и одновременно уменьшить импозитивный характер собственных коммуникативных намерений. Так обращение приобретает более вежливый и одновременно более обезличенный характер [см. примеры (360)–(361)]:

- (360) Recimo, starojevrejska reč jom, kao i u ruskom jeziku dan (npr. otac sinu: u danu kada ćeš biti samostalan...) može značiti ne samo svetlo doba dana, već i vremenski razmak neodređenog trajanja. I radi jednostavnosti *predložiću*^{Фут^{CB}} da posmatramo značenje ove reči kao epohe.

[http://www.spc.rs/sr/vasiona_kosmos_zhivot_tri_dana_stvaranja]

- (361) Međutim, *predložiću*^{Фут^{CB}} vam nešto drugo: prepravite svoju platformu tako da sintakse zapisa brojeva i formula odgovaraju našem podneblju. Ako je jezik vaše platforme već na srpskom, izvesno je da to ne treba da činite [...]

[http://www.praktikum.rs/office/Excel/xl_120.asp]

Единичные случаи настоящего видовременного противопоставления в перформативном контексте касаются глагольных пар *obećavati*^{HCB}/*obećati*^{CB} и *zaklinjati se*^{HCB}/*zakleti se*^{CB}. Хотя, как и ожидалось, прототипическими являются перформативные словоформы в Наст^{HCB}

*obećavam*⁴¹² и *zaklinjem se*⁴¹³ [см. торжественные контексты в примерах (362)–(363)], редко встречающиеся в корпусах⁴¹⁴ словоформы в Фут^{CB} *obeća(t)ću/ću obećati* и *zakle(t)ću se/ću se zakleti* засвидетельствованы в некоторых коммуникативных ситуациях, в которых говорящий осуществляет полный контроль над выраженным предикатом событием [см. примеры (364)–(365)]:

- (362) »Zagrebački je interes da Histrioni, institucija grada Zagreba, i dalje žive i rade na čelu sa Zlatkom Vitezom, uzdižući kulturne vrijednosti grada, a da stanari imaju svoj mir«, rekao je. »Svečano *obećavam*^{Наст^{HCB}} da ću doći na zatvaranje Histrionskog ljeta u Ilici 12 a pozivam i stanare da mi se tom prilikom pridruže«, zaključio je gradonačelnik.

[HJK, NA. Vjesnik online]

- (363) *Zaklinjem se*^{Наст^{HCB}}, kada budem predsjednik, nećemo prodati naše vode, otoke, more, šume i zemlju - rekao je Letica.

[HNK, doc#36682]

- (364) Naravno, želim opet što više ljudi na tribinama, jer to je za nas veliki poticaj, a može biti i presudan. Opet ću *obećati*^{Фут^{CB}} borbenost do granica izdržljivosti, a za pobjedu će nam trebati možda i mala naklonost sreće.

[HNK, doc#46885]

⁴¹² Словоформа обнаруживается 350 раз в SRPKOR, 88 раз в HNK и 81 раз в HJK. Заметим также (см. сноску 406), что особенно частотным в хорватских источниках является синонимический вариант *obećajem* (46 вхождений в HNK, 76 вхождений в HJK). Сравнение распределения этих двух словоформ, которое по-видимому связано с внутренними диалектными различиями, все-таки остается за рамками настоящей диссертационной работы.

⁴¹³ Словоформа встречается 74 раза в SRPKOR, 5 раз в HNK и 7 раз в HJK. С приглагольной клиткой (*se zaklinjem*) словоформа встречается еще один раз в HNK и 6 раз в HJK.

Заметим, что словоформа вторичного имперфектива *zaklinjem se* находится в дополнительной дистрибуции с бесприставочной словоформой HCB *kunem se* (по поводу распределения этой видовременной тройки в древнештокавских источниках см. также сноску 263 в §3.4.3.3.1). Хотя словоформы в Наст^{HCB} *kunem se* и *zaklinjem se* не различаются по значению, бесприставочный глагол в общем подвергается большей лексикализации, т.е. его можно употреблять в качестве прагматического маркера, а также он обнаруживается в других нетипичных для вторичного имперфектива контекстах, например, в парентетических конструкциях [см. пример (366)];

- (366) Ponekad me gledaju na ulici čudno, ali *kunem se*^{Наст^{HCB}} (sic!) ako imam problem, popričam sam sa sobom i to uglavnom pomogne.

[SRPKOR, Politika (25.10.2008.), poli081025.txt]

⁴¹⁴ Словоформа в Фут^{CB} *obeća(t)ću* встречается всего 2 раза в SRPKOR, а *ću obećati* по разу на каждый корпус. Словоформа в Фут^{CB} *zakle(t)ću se* обнаруживается один раз в HJK, а *ću se zakleti* по разу на каждый хорватский корпус. Однако если расширить поиск, число таких вхождений вне корпусов увеличивается [ср. примеры (367)–(368)].

(365) - Pritiskali su me moji igrači i Bonačić. Tražili su samo da osiguram pošteno suđenje i to *ću se zakleti*^{Фут^{CB}} na grobu svojih roditelja. Vi ne možete shvatiti pod kakvim smo mi pritiscima odigrali kraj prošlog prvenstva.

[HNK, doc#14459]

На тот факт, что такие словоформы в Фут^{CB} появляются в перформативном контексте относительно чаще, чем показывают корпуса, указывает наблюдение о том, что подходящие примеры со словоформами в Фут^{CB} легко обнаруживаются вне корпусов, напр. при общем онлайн-поиске по страницам информационных агентств [см. пример (367)] и на форумах [см. пример (368)]. В частности, в примере (367) говорящий берет на себя обязательство перед своими адресатами таким образом, как будто осуществление обещания не подвергается сомнению:

(367) Prolazili smo pored vrtića i mene uvek besкраjno обрадује када чујем да кажу да је капацитет вртића премашен, у предшколској установи има више од 700 деце, у овом објекту их је више од 200 и са највећим задовољством *обећају*^{Фут^{CB}} да ћемо повећати капацитет вртића у Zubinom Potoku, rekao je Vulin.

[<http://www.mediagrom.uz.rs/index.php/2k/241-vulin-nema-potrebe-za-formiranjem-skupstine-kim>]

В нижеприведенном примере (368), говорящий-мусульманин дает весьма весомую клятву, принося священную присягу на Библии и на Коране:

(368) Ja sam musliman po rođenju, ali, (sic!) *zakleću se*^{Фут^{CB}} u Kuran i Bibliju da nema nečiste vjere, nego pokvarenih vjerskih službenika, koji zloupotrebljavaju vjeru u političke svrhe.

[[Online](#)]

Итак, что касается комиссиров, хотя видовременная оппозиция в перформативном контексте не настолько постоянна и расширена, насколько в русском языке (особенно в корпусных данных), наблюдается некая взаимосвязь между отклонением от дефолтной перформативной словоформы (т.е. выбор Фут^{CB} вместо Наст^{НCB}) и изменением (т.е., в зависимости от глаголов, усилением или смягчением) в интенсивности иллокутивной силы высказывания.

5.3.4.2. Неперформативные комиссивы

В группу протестированных квазиперформативных комиссивов (т.е. «транзакционных» глаголов) вошли глагольные пары *prodavati*^{HCB}/*prodati*^{CB} и *kupovati*^{HCB}/*kupiti*^{CB}.

Проблема видовременной оппозиции транзакционных глаголов в комиссивных иллокутивных актах в сербскохорватском языке уже обсуждалась нами в отдельной статье (БИАЗИО 2020Б: 50–52). Анализ показал, что единственным возможным выбором в этом контексте являются словоформы в Наст^{HCB} *prodajem* (179 вхождений в SRPKOR, 96 в HNK, а 78 в HJK) и *kupujem* (317 вхождений в SRPKOR, 145 в HNK, 91 в HJK), см. примеры (369)–(370):

- (369) Na banderi oglas: "*Prodajem*^{НастHCB} predratnu kapiju od kovano gvožđe u odlično stanje", a ispod "Imam sirup od narandže [...]"

[SRPKOR, Politika (06.02.2001.), poli010206.txt]

- (370) Kad smo nazvali nekoliko osoba iz oglasa tipa „*Kupujem*^{НастHCB} Ž. M.” saznali, da su neki spremni platiti taj iznos, kako bi živjeli upravo u tom prestižnom domu.

[HNK, doc#112311]

Интересно заметить, однако, что словоформы в Фут^{CB} *kupi(t)ću* (57 вхождений в SRPKOR, 16 в HNK, 35 в HJK) / *ću kupiti* (14 вхождений в SRPKOR, 9 в HNK, 19 в HJK) и *proda(t)ću* (24 вхождения в SRPKOR, 6 в HNK, 14 в HJK) / *ću prodati* (6 вхождений в SRPKOR, одно в HNK, 10 в HJK) не находятся в дополнительной дистрибуции с русскими словоформами в НП^{CB} *куплю*, *продам*. На самом деле, в то время как русским словоформам в НП^{CB} отдается предпочтение прежде всего при наличии определенного (квантифицированного) прямого объекта (хотя, необходимо добавить, этот параметр является более весомым для события продажи, см. §4.3.4.1), сербскохорватские словоформы в Фут^{CB} могут только отсылать к конкретному намерению говорящего, нацеленному на будущее осуществление выраженного предикатом события (а не к настоящему или временно отвлеченному намерению, выделенному скорее словоформой в Наст^{HCB}). Иными словами, словоформы в Фут^{CB} в данном контексте не могут обладать атемпоральностью [см. пример (371)]:

- (371) ?“*Prodaću*^{ФутCB} kasetu sa lekcijama engleskog jezika i *kupiću*^{ФутCB} jednog velikog psa”, šali se pekinški taksista Vang.

[SRPKOR, Politika (12.07.2001), poli010712.txt]

Что касается причин такого основного расхождения между двумя языками, в параграфе, посвященном транзакционным глаголам в русском языке (см. §4.3.4.2), мы аргументированно выступили за когнитивную ассоциацию между полной узнаваемостью внутренней структуры события (т.е. его бóльшей когнитивной допустимостью со стороны говорящего) и морфологическим проявлением предиката в СВ, которая естественно вытекает из прототипического семантического инварианта СВ в восточнославянских языках, т.е. темпоральной определенности. В своей монографии (DISKEY 2000) С. Дики убедительно доказал, что по семантическому инварианту СВ сербскохорватский язык, видовая система которого отличается своей архаичностью, занимает промежуточное положение между восточно- и западнославянскими языками, в которых прототипичным для СВ является скорее значение целостности (§2.6). После принятия во внимание бóльшего количества морфосинтаксических и семантических параметров, в более поздней статье автор уточняет свою позицию, приближая сербский вариант (основанный на штокавском наречии) к восточнославянской, а хорватский (основанный на кайкавском наречии) – к западнославянской группе (DISKEY 2015b). Это тонкое различие имеет важный характер не только, как мы увидим в дальнейшем (особенно в §5.4.5), для правильного толкования некоторых расхождений между вариантами в анкетных данных, но и объясняет, почему в кайкавских изоглоссах хорватского ареала, в отличие от сербского, През^{CB} можно употреблять в большем количестве контекстов (напр., аспектуальное будущее с глаголами движения).

В случае транзакционных глаголов, однако, ограничение на употребление През^{CB} в главных предложениях (т.н. парадокс перфективного презенса, см. §2.4.2) по семантическим причинам не снято, что делает грамматически неприемлемым использование комиссивных словоформ вроде **kupim*^{ПрезCB}, **prodam*^{ПрезCB}⁴¹⁵. Таким образом, чтобы сохранить полный когнитивный доступ к внутренней структуре события и одновременно не вступить в противоречие с грамматической структурой языка (следование которой всегда имеет приоритет над когнитивным представлением событий), в системе видовременных отношений сербскохорватского языка говорящий должен прибегнуть ко второй по очереди глагольной форме, являющейся функционально близкой к русскому НП^{CB}, т.е. Фут^{CB}. Однако, как мы видели выше, словоформами в Фут^{CB} говорящий не может отсылать к лишенному временной локализации событию, а только к предполагаемому событию, которое он намеревается

⁴¹⁵ Это большое различие между кайкавскими наречиями и напр. словенским литературным языком, в котором в рекламных объявлениях регулярно допускается употребление словоформ в През^{CB} (при наличии прямого дополнения, обычно – но не исключительно – в единственном числе): *Prodam*^{ПрезCB}/*Kupim*^{ПрезCB} <hišo <na torju>>. Благодарю Младена Ухлика за эти примеры (личное сообщение от 25 мая 2019 г.).

осуществить в (ближайшем или дальнейшем) будущем. Таким образом, в то время как словоформа в През^{CB} в данном контексте грамматически невозможна, словоформа в Фут^{CB} неуспешна прагматически. Итак, единственным возможным выбором является словоформа в Наст^{HCB}, которая проявляется в данном контексте и, как мы увидим в дальнейшем (см. §5.4.4.2), выбирается всеми сербскими и хорватскими информантами при заполнении анкет.

5.3.5. Директивы

В группу протестированных директивов вошли следующие глагольные пары (в скобках – использованные при поиске словоформы):

	$\text{moliti}^{\text{HCB}}$ (<i>molim</i>) / $\text{zamoliti}^{\text{CB}}$ [<i>zamoli(t)ću – ću zamoliti</i>]
I.	$\text{savetovati}_{\text{SR}}\text{-savjetovati}_{\text{HR}}^{\text{DB}}$ [<i>sav(j)etujem – sav(j)etova(t)ću – ću sav(j)etovati</i>]
II.	$\text{preporučivati}^{\text{HCB}}$ (<i>preporučujem</i>) / $\text{preporučiti}^{\text{CB}}$ [<i>preporuč(i)tću – ću preporučiti</i>]
	$\text{zabranjivati}^{\text{HCB}}$ (<i>zabranjujem</i>) / $\text{zabraniti}^{\text{CB}}$ [<i>zabrani(t)ću – ću zabraniti</i>]
I.	$\text{ustrajavati}_{\text{SR}}^{\text{HCB}}$ (<i>ustrajavam</i>) / $\text{ustrajati}_{\text{SR}}^{\text{CB}}\text{-}_{\text{HR}}^{\text{HCB416}}$ [<i>ustrajem – ustraja(t)ću – ću ustrajati</i>]

⁴¹⁶ Необходимо подчеркнуть, что в сербских/сербскохорватских словарях (напр. в словаре Речник МС 2011²: 1388) глагол *ustrajati* ('не уступить <кому, в чем>') с кратким восходящим ударением [не путать с инфинитивной формой *ustrájati*^{HCB} 'устраивать', которая имеет долгое восходящее (пропарокситноническое) ударение и входит в видовую пару с глаголом СВ *ustrôjiti*] интерпретируется только как глагол СВ, что соответствует и языковому чутью большинства носителей сербскохорватского континуума. Видовым партнером глагола СВ *ustrajati* в этих словарях является глагол HCB *ustrajávati* (с долгим восходящим ударением). В других же словарях, «официально» принадлежащих хорватскому варианту сербскохорватского континуума (напр. в словаре DEANOVIĆ, JERNEJ 2012¹⁰: 965), а также на Хорватском языковом портале глагол *ustrajati* рассматривается как глагол HCB (в значении 'не уступать', т.е. так же как и глагол *ustrajávati*, который в этих словарях считается разговорным вариантом глагола *ustrajati*), несмотря на то что все синтаксические контексты в корпусах, иллюстрирующие данный глагол, указывают именно на СВ.

Можно предположить (благодарю проф. Д. Войводица за ценное замечание), что в хорватском варианте сербскохорватского континуума допускается значение HCB данного глагола потому что на это, может быть, влияет способ глагольного действия исходного глагола *trájati* (с кратким нисходящим ударением), характеризующегося дуративностью (длительностью), причем при сочетании с префиксом *uz-* (см. сноску 387) образуется глагол с длительно-ограничительным способом действия, а именно в качестве пердуративного протекания действия во времени (типа рус. *просидеть* <целых два часа>, *переспать* <всю ночь>; ср. с-х. *proboračiti* <*negd(j)e* <*pet dana*>>). Однако длительно-ограничительный способ действия (в данном случае его пердуративный вариант) глаголов СВ не следует отождествлять с характеристиками имперфективности, несмотря на то что обе глагольные категории отличаются протяженной длительностью типа «как долго», характерной как раз для HCB (см. подробнее об этом БОНДАРКО 1987: 112–115). Следует отметить, что глагол *ustrajati* обладает протяженно-ограничительной длительностью и имеет все дифференциальные признаки СВ, а именно: «достижение внутреннего абстрактного предела протекания действия во времени», «неделимая целостность (полное завершение по отношению к началу, середине и концу) действия», а также ими вызванное последствие – признак «возникновение нового состояния (ситуации-события)».

Можно также предположить, что на приписывание перфективного характера обсуждаемому глаголу влияет и диалектная основа составителей словарей, в которых зафиксировано данное толкование. Ведь общеизвестно, что

II.	insistirati ^{ДВ} [<i>insistiram – (insistira(t)ću – ću insistirati</i>]
	preklinjati ^{НВ} ⁴¹⁷ [<i>preklinjem – preklinja(t)ću – ću preklinjati</i>]
	naređivati ^{НВ} (<i>naređujem</i>) / narediti ^{СВ} [<i>naredi(t)ću – ću narediti</i>]
	umoljavati ^{НВ} (<i>umoljavam</i>) / umoliti ^{СВ} [<i>umoli(t)ću – ću umoliti</i>]
I.	predupređivati ^{НВ} (<i>predupređujem</i>) / preduprediti ^{СВ} [<i>predupredi(t)ću – ću preduprediti</i>]
II.	upozoravati ^{НВ} (<i>upozoravam</i>) / upozoriti ^{СВ} [<i>upozori(t)ću – ću upozoriti</i>]
	pozivati ^{НВ} (<i>pozivam</i>) / pozvati ^{СВ} [<i>pozva(t)ću – ću pozvati</i>]
	usuđivati se ^{НВ} (<i>usuđujem se – se usuđujem</i>) / usuditi se ^{СВ} [<i>usudi(t)ću se – ću se usuditi</i>]
	zahtevati ^{СР} -zahtijevati ^{НВ} ^{ДВ} [<i>zaht(ij)evam – zaht(ij)eva(t)ću – ću zaht(ij)evati</i>]
	dozvoljavati ^{НВ} (<i>dozvoljavam</i>) / dozvoliti ^{СВ} [<i>dozvoli(t)ću – ću dozvoliti</i>]

Таблица 16. Сербскохорватские директивы.

Как мы раньше видели (см. §5.2), самая объемная часть литературы про перформативы и речевые акты в сербскохорватском языке посвящена директивам и директивным иллокутивным актам, что обосновывает расширение поиска до 13 элементов, похожим образом, как это уже сделано для русского языка (§4.3.5). В области директивов между вариантами сербскохорватского континуума наблюдаются некоторые интересные лексические расхождения, которые были соответственно зафиксированы в Таблице 16. Например, наряду с двувидовым⁴¹⁸ глаголом *sav(j)etovati*^{ДВ}, употребляемым во всем южнославянском ареале (но предпочтительно в сербском варианте), часто встречается квазисинонимическая⁴¹⁹ пара *preporučivati*^{НВ}/*preporučiti*^{СВ}, которая, наоборот, не принадлежит определенным географическим зонам. Глагол *ustrajati*, видовой статус которого причем остается неясным (см. сноску 416), употребляется почти исключительно в хорватских

кайравский диалект (который может быть близок составителям упомянутых словарей) отличается (как и словенский, а также все севернославянские языки) употреблением глаголов (в первую очередь глаголов речи) СВ (как раз в форме перфективного презенса) в перформативном значении.

В самом деле, как мы увидим в дальнейшем (§5.4.5), большинство опрошенных информантов хорватского варианта с-х. континуума, в отличие от сербских информантов, в общем выбрали словоформу *ustrajem*. Это значит, что они могли бы воспринимать словоформу *ustrajem* как глагол НВ и в анкете использовать ее в качестве прототипического перформатива (1-е л. ед. ч. Наст^{НВ} из. накл.).

⁴¹⁷ Для глагола НВ *preklinjati* не удалось найти соответствующего коррелята СВ.

⁴¹⁸ Видовой статус глагола в современном языке, однако, остается не вполне ясным, поскольку в толковых словарях сербского и хорватского вариантов зарегистрирован также отдельный коррелят СВ *posav(j)etovati* ‘посоветовать’. Вопрос о возможном формировании новой видовой пары остается за рамками настоящей диссертационной работы.

⁴¹⁹ Хотя эти глаголы не различаются по значению, они же имеют разные управления: в то время как *sav(j)etovati*^{ДВ}, наряду с возможным косвенным дополнением в дательном падеже, скорее управляет клаузальным дополнением [*sav(j)etujem <(ti) <da...>>*], *preporučivati*^{НВ}/*preporučiti*^{СВ} чаще управляет прямым (именным) дополнением [*preporučujem <(ti) <nešto>>*].

источниках, в то время как в сербском варианте скорее вошел в узус двувидовой глагол *insistirati*^{ДВ}. Наконец, глагольная пара *predupređivati*^{НСВ}/*preduprediti*^{СВ}, которая в стандартном языке может приближаться по значению к русским инфинитивам *предотвращать*^{НСВ}/*предотвратить*^{СВ} или *деактивировать*^{ДВ}, в качестве директива чаще всего заменяется парой *upozoravati*^{НСВ}/*upozoriti*^{СВ}, которая употребляется в обоих языковых вариантах.

В отличие от комиссивов, в случае директивов данные из национальных корпусов дают довольно достоверную картину. Видовременное противопоставление регулярно допускается, хотя в разной степени и с разными ограничениями, для следующих глагольных пар: *moliti*^{НСВ}/*zamoliti*^{СВ}, *upozoravati*^{НСВ}/*upozoriti*^{СВ}, *usuđivati se*^{НСВ}/*usuditi se*^{СВ} и *dozvoljavati*^{НСВ}/*dozvoliti*^{СВ}. Интересно заметить, что, за исключением двувидовых глаголов *sav(j)etovati*^{ДВ} [или квазисинонимической пары *preporučivati*^{НСВ}/*preporučiti*^{СВ}, см. пример (372)] и *zaht(ij)evati*^{ДВ} [см. пример (373)], это тот же список директивов, подвергающихся видовой оппозиции, что и в русском языке:

- (372) Sneg je u južnom Banatu oko 10 do 15 centimetara, pa *savetujem*^{ДВ} [*preporučujem*^{НастНСВ} – **ću preporučiti*^{ФутСВ} – **ću sav(j)etovati*^{ФутСВ}] građanima da ne kreću na put bez preke potrebe", rekao je Jovanović.

[SRPKOR, Politika (13.02.2010.), poli100213.txt]

- (373) Autor teksta je dopisnik lista iz Požarevca Zoran Simić. U smislu Zakona o javnom informisanju, *zahtevam*^{НастНСВ} [**zaht(ij)eva(t)ću*^{ФутСВ}] da objavite odgovor: Pred Opštinskim sudom u Požarevcu u toku je izvršni postupak pod brojem I.

[SRPKOR, Politika (17.05.2001.), poli010517.txt]

Наибольшее различие между двумя языками, однако, состоит в том, что в перформативном контексте сербскохорватские словоформы в Фут^{СВ} не чередуются с дефолтными словоформами в Наст^{НСВ} при сохранении тех же прагматических условий, т.е. словоформы в Фут^{СВ} не только употребляются относительно реже по сравнению с русским языком, но и отчасти обусловлены присутствием других параметров.

Самым частотным директивом в корпусах является глагол *moliti*. Словоформа в Наст^{НСВ} *molim* находится 4655 раз в SRPKOR, 1415 раз в HNK и 4651 раз в HJK. Вне устойчивых (т.е. фиксированных, часто в парентетических конструкциях) синтагм типа *molim <te>/<Vas>*, которые совпадают по значению с русским прагматическим маркером *пожалуйста* и часто

употребляются в разных косвенных речевых актах в целях смягчения категоричности обращения, словоформа *molim* в настоящих директивных иллокутивных актах просьбы управляет либо прямым дополнением [которое часто обнаруживается наряду с обстоятельством в винительном падеже, введенным предлогом *za*, см. пример (374)], либо клаузальным дополнением, введенным комплементатором *da* [см. примеры (375)–(376)]:

- (374) "Svoje nove prijatelje i poznanike koji su poznavali dr. Dabića, *molim*^{НастНСВ} *za oproštaj i poručujem da veruju sebi, a ne propagandi*", naveo je Karadžić [...]

[SRPKOR, www.rts.rs (01.08.2008.), rts080801.txt]

- (375) Stoga *molim*^{НастНСВ} *da se u ovu humanitarnu akciju uključe sve općine, županije, tvrtke, obrtnici, kao i svi ljudi dobre volje kako bismo mogli ostvariti željeni cilj i kupiti inkubator neophodan svoj našoj, još nerođenoj djeci* - kaže Marina Sršen.

[HNK, doc#4532].

- (376) S obzirom da je člankom počinjena nenadoknadiva šteta časti i ugleda dr. Renata Baumana *molim*^{НастНСВ} *da objavite slijedeće: »Povjerenstvo za stručni nadzor nije utvrdilo krivnju liječnika već učinjenu stručnu grešku.* [...]

[HJK, NA. Vjesnik online]

Как и русская словоформа в НП^{СВ} *попрошу*, в сербскохорватском языке словоформы в Фут^{СВ} *zamoli(t)ću* (8 вхождений в SRPKOR, 20 в HNK, 22 в HJK) / *ću zamoliti* (одно вхождение в SRPKOR, 2 в HNK, 9 в HJK)⁴²⁰ могут появляться в перформативном контексте при двойном изменении в интенсивности иллокутивной силы высказывания, т.е. либо когда говорящий занимает более высокое социальное положение и обращается авторитетно к своему адресату [см. заявление тогдашнего мэра Ягодины Драгана Марковича в примере (377)], либо когда он по разным причинам хочет от него отдалиться, восстанавливая его негативное лицо при сохранении межличностной дистанции [см. примеры (378)–(379)]. Это замечание, как кажется, подтверждает гипотезу о двойных комплементарных функциях Фут^{СВ} в перформативных высказываниях, выдвинутую Д. Войводицем в его последних исследованиях (см. §5.2). Это также может быть доказательством того, что рус. *просить*^{НСВ}/*непросить*^{СВ} и с-х. *moliti*^{НСВ}/*zamoliti*^{СВ} не обеспечивают заранее определенное иллокутивное кодирование, а

⁴²⁰ По всей вероятности, это количественное различие не является случайным, но отражает скорее микровариацию в семантике СВ в сербском и хорватском вариантах диалектного континуума (см. §5.4.5).

оказываются скорее семантически нейтральными по отношению к интенсивности иллокутивной силы высказывания (см. §6.1):

- (377) Marković je rekao da će poljoprivrednici u Parizu obići sajam poljoprivrede, gde će se upoznati sa novim tehnologijama u Evropi, a zakazan je i prijem u ambasadi Srbije u Parizu. "Zamoliću^{ФутCB} našeg ambasadora, a to je poruka za sve ambasadore u svetu, da se malo bave trgovinom i pomognu pri prodaji proizvoda iz Srbije u zemlje gde su na funkcijama", rekao je Marković.

[<http://www.jedinstvenasrbija.org.rs/index.php?action=aktuelnosti&id=1654&page=15&>]

- (378) *Zamoliću^{ФутCB}* Vladana Batića da Ministarstvo pravde ubrza postupak koji se vodi u sudu u vezi sa ovim sporom između...

[SRPKOR, Politika (19.06.2001.), poli010619.txt]

- (379) Čini se da imate spremno rješenje za sve poteškoće koje bi se mogle pojaviti u provedbi. Međutim - kad sam se već prihvatio te nesretne uloge đavoljega odvjetnika - *zamolit ću^{ФутCB}* vas za još jedan odgovor.

[HNK, doc#48155]

Это созвучие между данными русского и сербскохорватского языков, однако, для других глаголов не имеет систематического характера. В отличие от русского языка, например, видовременное противопоставление между словоформой в Наст^{НСВ} *upozoravam* (156 вхождений в SRPKOR, 155 в HNK, 152 в HJK) и словоформами в Фут^{CB} *upozori(t)ću* (одно вхождение в SRPKOR, 8 в HNK, 7 в HJK) / *ću upozoriti* (5 вхождений в HNK и 3 в HJK) не регулируется исключительно на основе применения восстановительных (вежливых) стратегий (это, напомним, случай рус. *предупрежу*^{НПСВ}, см. §4.3.5). Если употреблением словоформы в Наст^{НСВ} реализуется образцовый директивный иллокутивный акт предупреждения [даже с эмоциональной подоплекой, см. пример (380)], употреблением словоформ в Фут^{CB} говорящий может ввести в высказывание некоторые дополнительные прагматические функции. Например, он может дистанцироваться от своего адресата, устанавливая полный контроль над коммуникативной ситуацией и не принимая во внимание ответа слушающего [см. раздраженное обращение говорящего к своему адресату в примере (381)]:

(380) "Ozbiljno *upozoravam*^{НастНCB} Zapad. Ako moja vlada padne, to će koštati međunarodnu zajednicu 10 milijardi dolara.

[SRPKOR, Politika (15.07.2001.), poli010715.txt]

(381) U nadi da je gospodin Abel u obavljanju profesije pažljiviji no u pisanju pisama novinama, *upozorit ću*^{ФутCB}, ponajprije, da sam- kako to i pismo citira- govorio o 1991. godini, a on me tjera u laž govoreći o 1992.

[HJK, NA. Vjesnik online]

Кроме того, говорящий может увеличивать или сохранять межличностную дистанцию с адресатом в событии речевого акта, в попытке восстановить его негативное лицо (поставлено под угрозу своим иллокутивным актом) и одновременно уменьшить импозитивный характер собственных коммуникативных намерений [см. пример (382)]:

(382) Prošle godine, kada su podignute optužnice protiv generala Gotovine i Ademija, upozoravali smo da tome nije kraj. *Upozorit ću*^{ФутCB} vas da je tada i gospođa Pusić, primjerice, koja zastupa drukčiji stav od nas, rekla da bi se te optužnice još možda i mogle prihvatiti kada bi se znalo koliko će još optužnica biti, da ne bi svaka nova optužnica opet izazivala nove potrebe, opet nove rasprave...

[HNK, doc#16234]

Наконец, словоформами в Фут^{CB}, в особенности с приглагольной клитикой, говорящий может выразить свое намерение осуществить пропозициональное содержание последующего предложения, без дополнительного акцента на характере взаимоотношения со своим адресатом. Иными словами, употреблением словоформы в Фут^{CB} (как и в случае русской словоформы в НП^{CB} *предупрежу*) говорящий намеревается выполнить директивный иллокутивный акт предупреждения без учета его принятия (и, возможно, ответной реакции) со стороны адресата:

(383) Ne treba zaboraviti ni Bičanićev učinak. No odmah *ću upozoriti*^{ФутCB} kako ovakav pristup treba biti u svim susretima prvenstva, a ne samo kada se igra protiv Zagreba. Samo u tom slučaju možemo razmišljati o Ligi šest.

[HNK, doc#26112]

Вне парентетических конструкций функционирование видовременного противопоставления глагольной пары автодирективов *usudivati se*^{HCB}/*usuditi se*^{CB}, если с функциональной точки зрения и напоминает соответствующие русские глаголы *позволять*^{HCB}/*позволить*^{CB} <себе>, с другой стороны, отличается отсутствием ограничений на перформативное употребление словоформ в Наст^{HCB} *usudujem se* (119 вхождений в SRPKOR, 137 в HNK, 125 в HJK) / *se usudujem* (18 вхождений в HNK и 27 в HJK), которые не толкуются в своем узуальном значении [см. пример (384)]. По сравнению со словоформами в Наст^{HCB}, словоформы в Фут^{CB} *usudi(t)ću se* (14 вхождений в SRPKOR, одно в HNK, 3 в HJK) / *ću se usuditi* (3 вхождения в SRPKOR, одно в HNK, 3 в HJK) чаще употребляются, когда говорящий хочет отдалиться от пропозиционального содержания высказывания, тем самым снимая со своих плеч связанные с иллокутивным актом нежелательные эффекты и смягчая импозитивность акта. Заметим, что обе словоформы тяготеют к некоторой лексической и синтаксической устойчивости [см. присутствие клаузуальных дополнений <*da kažem <da...>*> в примере (384) и <*reći*> в примере (385)]:

- (384) Iako nije lako definisati režiju, *usudujem se*^{НастHCB} da kažem da to nije ništa drugo do stečeno iskustvo u bilo kom autorskom segmentu rada na filma [...]

[SRPKOR, Politika (01.04.2007.), poli070401.txt]

- (385) One su tajne samo po metodama koje se primjenjuju u određenim okolnostima, ali same po sebi nisu ništa mistično. Drugo, potreban je kvalitetan nadzor nad njihovim radom. *Usudit ću se*^{ФутCB} reći da kvaliteta demokracije u nekoj zemlji ovisi o kvaliteti nadzora nad obavještajnim službama.

[HJK, NA. Vjesnik online]

Отдельное внимание следует уделить глагольной паре *dozvoljavati*^{HCB}/*dozvoliti*^{CB}, для которой видовременное противопоставление в перформативном контексте, как кажется, действует только в ограниченных случаях и в значительно меньшей степени, чем для других проанализированных глаголов.

Словоформой в Наст^{HCB} *dozvoljavam* (108 вхождений в SRPKOR, 33 в HNK, 31 в HJK: высока доля вхождений с приглагольным отрицанием) говорящий осуществляет стандартный иллокутивный директивный акт разрешения, вне зависимости от своего социального статуса [см. пример (386), в котором в позиции глагольного модификатора появляется автореференциальный оператор *ovime*]:

- (386) Ovime *dozvoljavam*^{Наст^{НСВ}} ustupanje svih gornjih podataka i priloga liječniku-AME, Agenciji za civilno zrakoplovstvo, te gdje je to potrebno i nadležnom tijelu zrakoplovne medicine druge države, kako bi ti ili elektronički pohranjeni podaci mogli biti upotrijebljeni za procjenu zdravstvene sposobnosti.

[HNK, doc#297059]

Напротив, словоформами в Фут^{СВ} *dozvoli(t)ću* (17 вхождений в SRPKOR и по одному на каждый хорватский корпус) / *ću dozvoliti* (7 вхождений в SRPKOR, 2 в HNK, 3 в HJK) может пользоваться только авторитетный говорящий, который при осуществлении акта разрешения позволяет своему адресату действовать определенным, подходящим коммуникативной ситуации образом⁴²¹. В следующем примере (387) представитель сербской палаты депутатов предупреждает выступающего, что выделит ему еще немного дополнительного времени, чтобы он мог закончить свой доклад вовремя:

- (387) Sumnja da će ekspozice i sve što je Vlada namerila u njemu da uradi, da će biti ostvareno, postoji zbog objektivne situacije u Srbiji koja je zaista teška, a i zbog svega ovoga što smo videli namere Vlade, kako da smenjuje državne službenike, kako da se vrši koncentracija moći kod jednog ili dva čoveka. (Predsednik: *Dozvoliću*^{Фут^{СВ}} vam da ukratko završite rečenicu, pošto ste već prešli jedan minut. Onda bih to morao da dopustim svim drugim poslaničkim klubovima.)

[<https://otvoreniparlament.rs/2012/07/26/348980>]

В параграфе §4.3.5 мы заметили, что в русском языке отсутствует видовое противопоставление не может осуществляться для всех глаголов, в коммуникативной структуре которых предполагается присутствие участника, занимающего намного более низкое (см. словоформы в Наст^{НСВ} *умоляю, заклинаю*) или намного более высокое (см. словоформы в Наст^{НСВ} *запрещаю, приказываю*) положение по сравнению со своим адресатом (т.е. во всех случаях, когда выделение признака авторитета и/или применение восстановительных стратегий являются по структуре коммуникативной ситуации либо семантически избыточными, либо прагматически неуспешными). Эти ограничения

⁴²¹ Контекстуальная приемлемость этой словоформы в Фут^{СВ} напоминает употребление словоформы в НП^{СВ} польского квазиперформатива *puścić* ‘отпускать’ в таких директивных иллокутивных актах, как *Puszczę pana* ‘Отпускаю (букв. ‘Отпущу’) Вас (букв. ‘господина’)’ (профессор обращается к студенту после окончания устного экзамена; см. GALTON 1976: 93).

накладываются также в сербскохорватском языке, причем на те же глаголы (см. словоформы в Наст^{НСВ} *umoljavam, preklinjem, zabranjujem, naređujem*). Обязательное употребление этих директивов в Наст^{НСВ} может свидетельствовать о некоторой типологической закономерности, хотя, разумеется, по этому поводу требуются более объемные исследования [см. примеры (388)–(391); см. также замечания в сносках 177 и 182 в §3.1]:

(388) Ja imam samo jedan primjerak toga rukopisa, koji predajem uredništvu Zajedničara, za koji list mi je rečeno, da je najveća jugoslovenska novina u Americi. Ostale jugoslovenske listove ovime pozivam i *umoljavam*^{НастНСВ} [**umoli(t)ću*^{ФутСВ}], da ovaj prikaz prešampaju.

[HNK, doc#48040]

(389) Bilo bi mi puno lakše i draže da to zajednički ponesemo na svojim plećima i igrači i uprava i navijači. *Preklinjem*^{НастНСВ} [**Preklinja(t)ću*^{ФутСВ}] navijače da dođu!«

[HNK, doc#210479]

(390) Kategorički *zabranjujem*^{НастНСВ} [**zabrani(t)ću*^{ФутСВ}] lekarima kozmetičkih klinika da unose u organizam matične ćelije.

[SRPKOR, Politika (03.03.2010.), poli100303.txt]

(391) I dok je Blažević bio spreman odgovoriti na koje novinarsko pitanje, za rukav ga je prilično agresivno povukao Mamić, obrativši mu se riječima: - *Naređujem*^{НастНСВ} [**Naredi(t)ću*^{ФутСВ}] ti da ništa ne govoriš! Idemo...

[HJK, NA. Vjesnik online]

Однако тот факт, что к списку не подвергающихся видовременному противопоставлению в перформативном контексте глаголов следует добавить, в отличие от русского, директивы *sav(j)etovati*^{ДВ} (*preporučivati*^{НСВ}/*preporučiti*^{СВ}) и *zaht(ij)evati*^{ДВ}, может указывать на то, что функциональная сфера сербскохорватского вида, точнее, взаимодействия вида и времени, еще не охватывает все периферийные (т.е. обоснованные прагматико-конверсационными факторами) значения, которые в русском языке могут быть выражены посредством видовой морфологии. При анализе анкетных данных, однако (см. §5.4.5), мы увидим, что картина оказывается более сложной.

5.4. Данные анкет

В этом разделе мы обратимся к рассмотрению данных, взятых из анкет, адресованных сербским и хорватским информантам. В следующем параграфе (§5.4.1) мы остановимся на описании их структуры, которая слегка отличается от структуры русского опросника.

5.4.1. Заметки о составлении анкет

Сербскохорватский опросник был составлен с помощью Google Forms по модели русского (см. §4.4). В отличие от русской анкеты, однако, в случае сербскохорватского языка мы решили создать две отдельные анкеты, нацеленные на информантов, являющихся преимущественно носителями сербского и хорватского вариантов континуума. Причин для этого выбора две. Во-первых, следуя ранее принятым критериям для корпусного поиска, мы выделили два основных варианта в целях бóльшей репрезентативности данных, чтобы в первую очередь определить, существует ли региональная вариация в лексическом проявлении (ср. случай директивы *ustrajati*^{НСВ/СВ} и *insistirati*^{ДВ}, уже обсуждавшийся в §5.3.5) и в видовременном кодировании перформативов, а также, в какой степени она является значительной. Во-вторых, чтобы избежать путаницы с разной графической передачей одинаковых лексических единиц (см. напр. экспозитив *obavestiti*_{SR} vs. *obavijestiti*_{HR})⁴²², а также с орфографическими правилами для написания футуральных форм с послеглагольной клитикой (которая в сербском варианте, но не в хорватском, является универбированной: ср. напр. комиссив *zakleću se*_{SR} vs. *zaklet ću se*_{HR}), мы решили не уточнять в едином тексте все возможные варианты, а скорее предоставить информантам два отдельных модуля. Заметим, однако, что именно смешение двух правописаний в некоторых случаях служило дистрактором (см. далее).

В заполнении каждой анкеты участвовало по 35 носителей сербского и хорватского вариантов, без ограничения по возрасту и образованию. Информанты откликнулись в основном на распространенное по интернету и социальным сетям обращение.

Что касается сербского опросника⁴²³, возраст информантов составил от 22 года до 53 лет, при этом на момент заполнения 5 из них (14,3%) было 23 года (средний возраст – 31,2 года). 30 информантов (85,7%) женского пола. Большинство из них родились и/или живут либо в

⁴²² Такая передача, как известно, связана прежде всего с разным отражением современного произношения древнего гласного *ъ* в южнославянском ареале (см. сноску 237).

⁴²³ Опросник доступен по следующей ссылке: <https://docs.google.com/forms/d/1be7IiDdwAPIYAnAGLgYjSdoy-zv0UL1nz9KnMsNOHNQ>.

Белграде (13 информантов, $\approx 37,1\%$), либо в Нови-Саде (10 информантов, $\approx 28,6\%$), в то время как другие информанты указали как место рождения и/или пребывания более маленькие сербские города и местности (Ниш, Крушевац, Пожаревац, Ужице, Горни-Милановац, Кладово, Лозница, Вршац, Вране), другие города в нынешних республиках Хорватии (Загреб, Пула, Риека, Книн), Боснии и Герцеговины (Власеница) и Черногории (Цетине, Биело-Поле), а также города в Италии (Падуя, Верона), США (Тусон), Канаде (Торонто) и Австрии (Зигггабен). Большинство информантов имеют либо послевузовское (всего 18, $51,4\%$), либо высшее образование (всего 10, $28,6\%$), а 7 из них (20%) – среднее. Наконец, почти все информанты (всего 32, $91,4\%$) наряду с сербским (и, в некоторых случаях, хорватским) вариантом⁴²⁴ владеют также английским языком.

Что касается хорватского опросника⁴²⁵, возраст информантов составил от 29 до 59 лет, а на момент заполнения 6 из них ($17,1\%$) было 30 лет (средний возраст – 39,9 лет). 26 информантов ($74,3\%$) женского пола. Большинство из них родились и/или живут в Загребе (26 информантов, $74,3\%$), а другие информанты указали как место рождения и/или пребывания различные хорватские города (Осиек, Пула, Вуковар, Запрешич, Сплит, Славонски-Брод) и более мелкие местности (Буге, Кутина, Иванич-Град, Воднян), города в нынешних республиках Сербии (Белград, Варварин), Боснии и Герцеговины (Сараево) и Словении (Брежице), а также города в Германии (Штутгарт) и Австрии (Грац). Большинство информантов имеют либо послевузовское (всего 15, $42,9\%$), либо высшее образование (всего 17, $48,5\%$), а 3 из них ($8,6\%$) – среднее. Наконец, почти все информанты (всего 32, $91,4\%$) наряду с хорватским (и, в паре случаев, сербским) вариантом⁴²⁶ владеют также английским языком.

Примеры в основном создавались автором, за исключением некоторых предложений-дистракторов (см. ниже), взятых прежде всего из электронных корпусов. Грамматическая приемлемость всех контекстов, а также их прагматическая естественность были проверены группой информантов. Целью анкет, как и в предыдущей главе, является в конечном счете проверка результатов корпусного поиска (§5.3) на материале более спонтанного речевого общения, а также уточнение статистической встречаемости определенных форм и выявление возможных географических различий между вариантами⁴²⁷.

⁴²⁴ Двое информантов употребили эксплицитную формулировку «српскохрватски/srpskohrvatski» при указании владения языками.

⁴²⁵ Опросник доступен по следующей ссылке: <https://docs.google.com/forms/d/1R4Cqx7Mskn-5sDg2I-Q3OJ8qfiOdEVMUojzInpa-Os>.

⁴²⁶ Двое информантов указали «srpski» среди языков, которыми они владеют, а еще один употребил сокращение «SBC» [англ. BCS(M) 'Bosnian-Croatian-Serbian-(Montenegrin)'].

⁴²⁷ Как представляется в целом, в отличие от русского языка, эксплицитные перформативы менее частотны и менее кодированы в сербском и хорватском вариантах сербскохорватского континуума, т.е. в коммуникативных ситуациях, допускающих выражение эксплицитных перформативных высказываний, носители сербского и хорватского вариантов чаще обходятся без перформатива, чем носители русского языка. При этом употребление

В процессе обработки сербской и хорватской анкет мы следовали за несколько иным правилам по сравнению с русским опросником. Мы переработали русские примеры, изменяя контексты в соответствии с сербскими и хорватскими реалиями (напр. включая имена сербских и хорватских художников, литературных персонажей и т.д.). Помимо таргетных контекстов мы включили определенное количество дистракторов, т.е. неперформативных контекстов, содержащих другие типы предикатов (напр. неперформативные глаголы речи, различные глаголы из акциональных классов свершений и достижений, глаголы движения и т.д.). В каждую анкету было включено по 10 дистракторов, т.е. они составляли 20% от общего числа контекстов (такое же распределение, как и в русской анкете, т.е., по два элемента на классы деклараций и комиссивов и по три на классы экспозитивов и директивов). Примеры частично были созданы автором диссертации (и проверены вместе с информантами), а частично взяты из электронных источников, прежде всего корпусов. Таким образом, они не являются только репрезентативными примерами литературной и/или разговорной речи, но и в некоторых случаях даже не нуждаются в правильном ответе говорящего (на самом деле, ответ уже доступен в оригинальном тексте).

Как и ранее в русской анкете, мы модифицировали некоторые перформативные контексты посредством изменения как формальных (напр. морфологии глагола), так и функциональных параметров (напр. употребления перформатива с неправильным темпоральным аргументом, употребления перформатива в неподходящем контексте и т.д.), а также модифицировали некоторые контексты, чтобы намеренно создать эффект грамматической неприемлемости. Если такие эффекты не были распознаны респондентами, ответ автоматически считался ошибочным и исключался. При обнаружении трех неправильных ответов все ответы информанта автоматически исключались из анализа.

Примерами «настоящего» видового противопоставления мы будем называть только те случаи, в которых колебания при определении подходящей перформативной словоформы составляют не менее 15% от всех ответов (т.е. 5 ответов из 35). В противном случае (т.е. если порог видового противопоставления составляет менее 15% от всех ответов) мы будем говорить о единичных (т.е. несистематических) случаях видового противопоставления, которые зависят от языкового чутья определенного информанта.

Заметим также, что при составлении контекстов мы постарались создать предложения таким образом, чтобы в случае видовременного противопоставления единственным

эксплицитных перформативов некоторые информанты считают прямыми переводами из других зарубежных языков, напр. из английского. Возможные причины для этой асимметрии было бы уместно рассмотреть в отдельном исследовании. Благодарю за ценное замечание Дуню Радойкович (Аризонский университет: личное сообщение от 20 декабря 2019 г.).

возможным вариантом в Фут^{CB} являлась словоформа с послеглагольной (универбированной) клитикой. Этот выбор объясняется двумя принципами: потребностью избежать слишком маркированных форм, а также потребностью избежать двусмысленных контекстов (напр. в целях снятия двусмысленности между чисто футуральной формой, модально-футуральной формой и перформативом в Фут^{CB}).

5.4.2. Декларации

Мы протестировали те же декларации, которые уже выбирали в посвященном корпусному поиску разделе (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 13'):

$\text{nazivati}^{\text{HCB}}$ (<i>nazivam</i>) / $\text{nazvati}^{\text{CB}}$ [<i>ću nazvati</i>]
$\text{proglašavati}^{\text{HCB}}$ (<i>proglašavam</i>) / $\text{proglasiti}^{\text{CB}}$ [<i>proglasi(t)ću</i>]
$\text{krstiti}^{\text{DB}}$ (<i>krstim</i>) / $\text{pokrstiti}^{\text{CB}}$ [<i>pokrsti(t)ću</i>]
$\text{ostavljati}^{\text{HCB}}$ (<i>ostavljam</i>) / $\text{ostaviti}^{\text{CB}}$ [<i>ostavi(t)ću</i>]
$\text{podnositi}^{\text{HCB}}$ (<i>podnosim</i>) / $\text{podneti}_{\text{SR}}\text{-podnijeti}_{\text{HR}}^{\text{CB}}$ [<i>podn(ij)e(t)ću</i>] <ostavku>
$\text{posvećivati}^{\text{HCB}}$ (<i>posvećujem</i>) / $\text{posvetiti}^{\text{CB}}$ [<i>posveti(t)ću</i>]
$\text{kajati se}^{\text{HCB}}$ (<i>kajem se</i>) / $\text{pokajati se}^{\text{CB}}$ [<i>pokaja(t)ću se</i>]
$\text{otpuštati}^{\text{HCB}}$ (<i>otpuštam</i>) / $\text{otpustiti}^{\text{CB}}$ [<i>otpusti(t)ću</i>]
$\text{smenjivati}_{\text{SR}}\text{-smjenjivati}_{\text{HR}}^{\text{HCB}}$ [<i>sm(j)enjujem</i>] / $\text{smeniti}_{\text{SR}}\text{-smijeniti}_{\text{HR}}^{\text{CB}}$ [<i>sm(ij)eni(t)ću</i>]
$\text{osuđivati}^{\text{HCB}}$ (<i>osuđujem</i>) / $\text{osuditi}^{\text{CB}}$ [<i>osudi(t)ću</i>]

Таблица 13'. Сербскохорватские декларации.

В число дистракторов вошли контексты с описательными глаголами $\text{pisati}^{\text{HCB}}/\text{napisati}^{\text{CB}}$ и с глаголами речи $\text{kazati}^{\text{DB}}/\text{reći}^{\text{CB}}$ (о географическом распределении этих глаголов речи см. вкратце сноски 116 и 268). Более того, при составлении контекста с декларациями $\text{krstiti}^{\text{DB}}/\text{pokrstiti}^{\text{CB}}$ [см. ниже пример (392)] возможность выбора мы расширили (искусственным образом) за счет третьего члена – глагола HCB pokrštavati , который образуется от глагола CB pokrstiti путем вторичной имперфективации. Глагол $\text{pokrštavati}^{\text{HCB}}$, однако, в отличие от бесприставочного $\text{krstiti}^{\text{DB}}$, никогда не употребляется в иллокутивном (перформативном) акте крещения, поскольку у него первичное значение – ‘обратиться (массово) <в христианство>’, ‘принять <христианство>’. Таким образом, в создавшейся видовой тройке двувидовой глагол $\text{krstim}^{\text{DB}}$ отсылает исключительно к акту крещения, в

семантике глагола СВ *pokrstiti* соприсутствуют оба значения, а для вторичного имперфектива *pokrštavati*^{НСВ} релевантно только второе значение:

(392) [Kontekst: Pri krštenju novorođenčeta govori sveštenik_{SR} (svećenik_{HR})]

"Dušane_{SR} (Marko_{HR}), _____ te u ime Oca, Sina i Svetog Duha" [*krstim*^{НастНСВ} / *pokrsti(t)ću*^{ФутСВ} / *pokrštavam*^{НастНСВ}]

Большинство сербских (28, или 80%) и хорватских информантов (32, или 91,4%) выбрали словоформу *krstim*⁴²⁸ (всего 60, ≈ 85,7%), а словоформу в Фут^{СВ} *pokrsti(t)ću* не выбрал никто из информантов. Удивительно, что в сербском опроснике шесть информантов (17,1%) выбрали ошибочную словоформу *pokrštavam*^{НСВ}, хотя одна информантка верно заметила, что в указанном контексте значение глагола *pokrštavati* является неподходящим. Наконец, двое информантов (по одному для сербской и хорватской анкет) указали на возможность употребления иной, не выделенной в анкете словоформы, вторичного имперфектива (от двувидового *krstiti*) *krštavam*^{НастНСВ}.

На основе корпусных данных ожидалось, что «настоящее» видовое противопоставление в перформативном контексте для деклараций допускается только в редчайших случаях. Один из этих случаев касается глагольной пары *nazivati*^{НСВ}/*nazvati*^{СВ}, уже обсуждавшейся в предыдущем параграфе (§5.3.2). В отличие от корпусных вхождений, однако, в анкетах контекст моделирует торжественную коммуникативную ситуацию (т.е. характерную для «настоящей» декларации), чтобы не возникало двусмысленности с экспозитивной функцией [ср. выше пример (333)]. Тем не менее, в нижеприведенном примере (393) 9 сербских информантов (25,7%) и еще пять хорватских (14,3%: всего 14 ответов, т.е. 40%) выбрали словоформу в Фут^{СВ} *ću nazvati* вместо «канонической» словоформы в Наст^{НСВ} *nazivam* (выбранной 20 сербскими, или 57,1%, и 25 хорватскими информантами, или 74,1%; всего 45, ≈ 64,3%):

(393) [Kontekst: Gradonačelnik Novog Sada_{SR} (Dubrovnika_{HR}) je pozvan na svečanu_{SR} (službenu_{HR}) inauguraciju parobroda «Merak». On mora da razbije flašu_{SR} (razbiti bocu_{HR}) šampanjca o bok broda. Gradonačelnik kaže]

"Ja _____ ovaj brod nazivom «Merak»" (*nazivam*^{НастНСВ} / *ću nazvati*^{ФутСВ})

⁴²⁸ Двое хорватских информантов выбрали другой порядок слов, с эксплицитным выражением личного местоимения и передвижением безударного местоимения-объекта в винительном падеже во вторую линейную позицию, в соответствии с законом Ваккернагеля: *ja te krstim...*

Нужно иметь в виду, однако, что по крайней мере некоторые информанты не знакомы с такой коммуникативной ситуацией⁴²⁹ и/или с функционированием этой глагольной пары, которая, по всей вероятности, в разговорной речи не употребляется в этом значении. Об этом свидетельствует тот факт, что трое сербских информантов предпочли вариант *dajem*^{Наст^{НCB}} <ovom brodu <ime/naziv>>, в то время как двое сербских и трое хорватских отдали предпочтение словоформе в Наст^{НCB} *imenujem*.

Другой случай касается глагольной пары *sm(j)enjivati*^{НCB}/*sm(ij)eniti*^{CB}. В обеих анкетах, однако, выбор словоформы в Фут^{CB} *sm(ij)eni(t)ću* (этот ответ выбрали 9 сербских, или 25,7%, и 12 хорватских информантов, или ≈ 34,3%; всего 21, т.е. 30%⁴³⁰) связан с футуральным толкованием контекста, т.е. ее выбирали только в том случае, если иллокутивный акт говорящего не имел перформативного характера, а представлял собой заявление о будущих мерах [см. пример (394)]. Таким образом подтверждается, что единственная возможная словоформа в данном контексте – это Наст^{НCB} *sm(j)enjujem*⁴³¹:

- (394) [Kontekst: Pep Gvardiola_{SR} (Guardiola_{HR}) trenira Vojvodinu_{SR} (Hajduk Split_{HR}), ali šest meseci_{SR} (mjeseci_{HR}) nakon početka prvenstva momčad_{SR} (klub_{HR}) zauzima zadnje mesto_{SR} (poslednje mjesto_{HR}) u tabeli i u opasnosti je od ispadanja iz prve lige. Predsednik_{SR} (Predsjednik_{HR}) kluba telefonira Gvardioli_{SR} (Guardioli_{HR})]
- "S obzirom na sve rezultate, uveren_{SR} (uvjeren_{HR}) sam u to da moramo hitno da preduzmemo_{SR} (poduzeti_{HR}) nužne korake. Žao mi je, ali _____ Vas sa dužnosti" [*sm(j)enjujem*^{Наст^{НCB}} / *sm(ij)eni(t)ću*^{Фут^{CB}}]

Что касается глагольной пары *posvećivati*^{НCB}/*posvetiti*^{CB}, для которой по корпусным данным видовременное противопоставление в перформативном контексте допускалось в единичных (и не всеми принятых) случаях, окрашенных динамической модальностью, в обеих анкетах только трое информантов (≈ 4,3%) выбрали словоформу в Фут^{CB} *posveti(t)ću*, однако без дополнительных комментариев [см. пример (395)]:

⁴²⁹ Две информантки эксплицитно указали на то, что никогда в своей жизни не принимали участие в таком социальном мероприятии и ввиду этого об ответе на вопрос они могут только догадываться.

⁴³⁰ В это число не входят ответы троих информантов, для которых оба выбора были приемлемы, в зависимости от коммуникативных целей говорящего (т.е. перформативное высказывание vs. заявление о будущем положении дел).

⁴³¹ В первом черновике хорватской анкеты словоформа в Наст^{НCB} была ошибочно написана как *smijenujem*. Благодарю всех хорватских информантов, которые указали на опisku.

- (395) [Kontekst: Izašla je nova knjiga poznatog pisca. Autor to izjavljuje na zvaničnoj_{SR} (službenoj_{HR}) prezentaciji]
 "_____ svoju novu knjigu svima koje sam u svom_{SR} (svojem_{HR}) životu razočarao"
 [posvećujem^{HCB} / posveti(t)ću^{CB}]

В заключение рассмотрим глагольную пару *otpuštati*^{HCB}/*otpustiti*^{CB}. Интересно, что ответы на этот контекст были очень разнородными. Хотя большинство носителей отдали предпочтение словоформе в Наст^{HCB} *otpuštam* (28 сербских, или 80%, и 26 хорватских информантов, или ≈ 74,3%; всего 54, ≈ 77,1%), четверо сербских (≈ 11,4%) и шестеро хорватских информантов (≈ 17,1%; всего 10, т.е. ≈ 14,3%) выбрали словоформу в Фут^{CB} *otpusti(t)ću*, которая традиционно не считается приемлемой альтернативой в перформативном контексте⁴³². Может быть, на этот выбор влияет (ошибочное) футуральное толкование контекста, как и в примере (394). При этом меньшая часть информантов дала другие ответы, напр. выбрала пассивно-результативную конструкцию *otpušteni ste* или прямое обращение *dajem*^{HCB} <Vam <otkaz>> (в одном случае даже со словоформой в Фут^{CB}: *daću* <Vam <otkaz>>) [см. пример (396)]:

- (396) [Kontekst: Vi ste četiri dana za redom jako kasnili na posao. Šef Vas poziva u kancelariju_{SR} (ured_{HR})]
 "Žao mi je, ali ne mogu drugačije. _____ Vas" [*Otpuštam*^{HCB} / *Otpusti(t)ću*^{CB}]

5.4.3. Экспозитивы

Мы протестировали те же экспозитивы, которые уже выбирали в посвященном корпусному поиску разделе (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 14’):

pretpostavljati ^{HCB} (<i>pretpostavljam</i>) / pretpostaviti ^{CB} [<i>pretpostavi(t)ću</i>]
ponavljati ^{HCB} (<i>ponavljam</i>) / ponoviti ^{CB} [<i>ponovi(t)ću</i>]
upoređivati _{SR} -uspoređivati _{HR} ^{HCB} [<i>u(s)poređujem</i>] / uporediti _{SR} -usporediti _{HR} ^{CB} [<i>u(s)poređi(t)ću</i>]

⁴³² Одна сербская информантка в своем ответе уточнила, что в данном контексте возможны обе словоформы, но еще больше подходит целая деонтическая формула *moram <da <Vas> otpustim>*, за счет которой ответственность снимается с говорящего и приписывается внешним, неизбежным обстоятельствам. Следует также подчеркнуть, что эксплицитное выделение модального компонента декларации служит попыткой говорящего уменьшить импозитивный характер собственных коммуникативных намерений, т.е. служит своеобразной восстановительной стратегией, связанной с вежливостью.

obaveštavati _{SR} -obavještavati _{HR} ^{HCB} [obav(j)eštavam] / obavestiti _{SR} -obavijestiti _{HR} ^{CB} [obav(ij)esti(t)ću]
podsećati _{SR} -podsjećati _{HR} ^{HCB} [pods(j)ećam] / podsetiti _{SR} -pods(j)etiti _{HR} ^{CB} [pods(j)eti(t)ću]
izjavljivati ^{HCB} (izjavljujem) / izjaviti ^{CB} [izjavi(t)ću]
dodavati ^{HCB} (dodajem) / dodati ^{CB} [doda(t)ću]
zamerati _{SR} -zamjerati _{HR} ^{HCB} (zam(j)eram) / zameriti _{SR} -zamjeriti _{HR} ^{CB} [ću zam(j)eriti]
prijavljivati ^{HCB} [prijavljujem] / prijaviti ^{CB} [prijavi(t)ću]
priznavati ^{HCB} (priznajem) / priznati ^{CB} [prizna(t)ću]

Таблица 14'. Сербскохорватские экспозитивы.

В число дистракторов вошли контексты с глаголом движения *ići*^{HCB}, с глаголами целенаправленного зрительного восприятия *gledati*^{HCB}/*pogledati*^{CB} и с отрицательными формами глаголов интеллектуальной деятельности *shvatati*_{SR}-*shvaćati*_{HR}^{HCB}/*shvatiti*^{CB}.

В параграфе, посвященном анализу корпусным данным (§5.3.3), мы отметили, что, за обоснованным исключением глагольных пар *obav(j)eštavati*^{HCB}/*obav(ij)estiti*^{CB}, *zam(j)erati*^{HCB}/*zam(j)eriti*^{CB} и *prijavljivati*^{HCB}/*prijaviti*^{CB}⁴³³, в принципе все сербскохорватские экспозитивы допускают видовременное противопоставление в перформативном контексте, хотя более весомым в неканоническом определении видовременного маркирования глагола является его (футуральный) темпоральный аргумент (а не макропризнак контроля со стороны говорящего, как в русском). Анализируя результаты анкетирования, можно заметить, что они отражают ту же закономерность, что и корпусные данные, а также, что сербский опросник показывает те же тенденции, что и хорватский. По мнению информантов, подвергающимися видовременному противопоставлению экспозитивами являются, прежде всего, глагольные пары *ponavljati*^{HCB}/*ponoviti*^{CB}, *u(s)poređivati*^{HCB}/*u(s)porediti*^{CB}⁴³⁴, *pods(j)ećati*^{HCB}/*pods(j)etiti*^{CB} и *dodavati*^{HCB}/*dodati*^{CB}.

Что касается экспозитивного иллюкутивного акта повторения [см. пример (397)], дефолтной видовременной словоформой в сербском опроснике является Наст^{HCB} *ponavljam* (22 ответа, или 62,9%), а в хорватском – Фут^{CB} *ponovit ću* (22 ответа, или 62,9%). Это различие объясняется тем фактом, что, как заметили четыре информанта, варьирование в

⁴³³ В отличие от русского языка, в котором мы составили прагматически неуспешный контекст с глагольной парой *докладывать*^{HCB}/*доложить*^{CB} [ср. дискуссию о примере (292) в §4.4.3], в сербской и хорватской анкетах употребление экспозитивов *prijavljivati*^{HCB}/*prijaviti*^{CB} соответствует новой коммуникативной ситуации (заявлению о краже).

⁴³⁴ Поскольку корпусный поиск не давал результатов, мы не включали в анкеты глагольную пару *sravnjivati*^{HCB}/*sravniti*^{CB}.

видовременном кодировании глагола может зависеть от географического распределения этих форм (т.е. от их конкретных употреблений на разных диалектных территориях). Одна информантка выбрала общий глагол *kažem* и добавила, что словоформа в Фут^{CB} употребляется, когда кому-либо что-либо не было слышно. Если это верно, употреблением словоформы в Фут^{CB} говорящий, с одной стороны, применяет вежливую восстановительную стратегию, чтобы возобновить негативное лицо адресата, а в то же время сигнализирует последовательность события. Однако эти прагматические окраски временной последовательности, как мы уже видели, приписываются не одной словоформе, а глаголу в целом, вне зависимости от его конкретного употребления [ср. с примерами (342)–(343) в §5.3.3]:

- (397) [Kontekst: Izazvana je prepirka u UN-u između ruskog i američkog predsjednika_{SR} (predsjednika_{HR}) oko ekonomskih sankcija. Govori ruski predsjednik_{SR} (predsjednik_{HR})]
 "Vi, Amerikanci, očito kršite sve pravne norme - da, _____ to, vi ih očito kršite!"
 [ponavljam^{Наст^{HCB}} / ponovi(t)ću^{Фут^{CB}}]

Акцент на (футуральном) темпоральном аргументе глагола особенно заметен в случае экспозитивного иллокутивного акта сравнения. Словоформу в Наст^{HCB} *u(s)poređujem* выбрали 15 сербских (42,9%) и 12 хорватских информантов (34,3%; всего 27, ≈ 38,6%), а соответствующую словоформу в Фут^{CB} *u(s)poredi(t)ću* – 17 сербских (≈ 48,6%) и 20 хорватских информантов (57,1%; всего 37, ≈ 52,9%)⁴³⁵. Однако выбор словоформы в Фут^{CB} влечет за собой два важных изменения в проявлении и в семантическом толковании высказывания: с одной стороны, как мы уже видели, иллокутивный акт делится на две части (на подготовительную фазу иллокуции и на собственно иллокуцию), а с другой темпоральный аргумент глагола передвигается к будущему [см. пример (398)]:

- (398) [Kontekst: Profesor drži lekciju iz matematike i objašnjava teoriju fraktala]
 "Sad _____ Ričardsonovu teoriju sa Mandelbrotovom" [*u(s)poređujem*^{Наст^{HCB}} /
 **u(s)poredi(t)ću*^{Фут^{CB}} – правильно: *ću u(s)porediti*^{Фут^{CB}}]

⁴³⁵ Благодаря 23 информантов, которые заметили в первом черновике анкет, что в предложенной словоформе в Фут^{CB} инфинитивную форму и клитический элемент в данном контексте нужно было поменять местами [т.е. клитика должна была при-, а не послеглагольной, т.е. *ću u(s)porediti* вместо *u(s)poredi(t)ću*].

Применение восстановительных стратегий вежливости, вытекающих из прагматического выделения макропризнака контроля, характеризует употребление словоформы в Фут^{CB} *Pods(j)eti(t)ću* (5 ответов в сербском, или $\approx 14,3\%$, а 3 в хорватском опроснике, или $\approx 8,6\%$; всего 8 ответов, $\approx 11,4\%$) вместо нейтральной словоформы в Наст^{HCB} *Pods(j)ećam* (27 ответов в сербском, или $\approx 77,1\%$, а 29 в хорватском опроснике, или $82,9\%$; всего 56 ответов, т.е. 80%). Семь информантов указали на возможность употребления обеих словоформ в данном контексте, хотя с легким прагматическим различием. Это может свидетельствовать о том, что важную роль в видовременном маркировании экспозитивов на самом деле играет географическое варьирование⁴³⁶ [см. пример (399)]:

(399) [Kontekst: Skupljaju se prijave za planinski izlet. Govori organizator]

"_____ vas da je ostalo samo tri dana za rezervacije!" [*Pods(j)ećam*^{НастHCB} / *Pods(j)eti(t)ću*^{ФутCB}]

Промежуточное место занимает глагольная пара *dodavati*^{HCB}/*dodati*^{CB}. Употребление словоформы в Фут^{CB} *doda(t)ću*, которой отдается предпочтение в обоих опросниках (17 ответов в сербской, или $48,6\%$, а 20 в хорватской анкете, или $57,1\%$; всего 37 ответов, $\approx 52,9\%$), происходит как при передвижении темпорального аргумента глагола к будущему, так и при вежливом обращении говорящего к адресату⁴³⁷. Словоформа в Наст^{HCB} *dodajem* (11 ответов в сербском, или $31,4\%$, а 9 в хорватском опроснике, или $25,7\%$; всего 20 ответов, $\approx 28,6\%$) нейтральна по обоим признакам и всегда может чередоваться со словоформой в Фут^{CB} (восемь носителей выбрали обе словоформы) [см. пример (400)]:

(400) [Kontekst: Doktorski kandidat predstavlja prezentaciju na kongresu]

"_____ još da su ovi rezultati za sada samo preliminarni" [*Dodajem*^{НастHCB} / *Doda(t)ću*^{ФутCB}]

⁴³⁶ Интересно, что на основе данного контекста одна хорватская информантка высказала аналогичные замечания.

⁴³⁷ Очень точным представляется комментарий одной сербской информантки, которая подчеркнула, что в данном контексте возможны обе словоформы, а словоформе в Фут^{CB} в общем отдается предпочтение – наряду с модальными высказываниями, эксплицитно выражающими волю и/или намерение говорящего, вроде *želim <da <dodam>>*, *želeo (-la) bih <da <dodam>>* и *hteo (-la) bih <da <dodam>>* – по двум причинам: во-первых, для достижения большей степени вежливости (причем при применении восстановительных стратегий, нацеленных на возобновление негативного лица обоих участников), а во-вторых, чтобы соединить в одном темпоральном плане настоящий момент высказывания и последующие моменты. В соответствии с этой точкой зрения, другие информанты указали на возможность употребления сослагательного наклонения (*dodao bih*) и/или других модальных выражений, в том числе с иными глаголами (напр. *želim <istaknuti>*).

В отличие от сербского варианта, в хорватском варианте, судя по данным анкетирования, возможность «настоящего» видовременного противопоставления в перформативном контексте распространяется на глагольную пару *pretpostavljati*^{HCB}/*pretpostaviti*^{CB}. Однако употребление словоформы в Фут^{CB} *pretpostavit ću* (4 ответа, или 11,4%; трое информантов указали на возможность употребления обеих форм) в нижеприведенном контексте (401) является, с одной стороны, географически ограниченным, а с другой стороны, семантически неравноправным по сравнению со словоформой в Наст^{HCB} *pretpostavljam*. Один информант подчеркнул, что *pretpostavljam* часто употребляется в изоляции, без дальнейших уточнений, в то время как употреблением *pretpostavit ću* адресат ожидает продолжения логического рассуждения. Это замечание вновь указывает на центральность роли темпорального аргумента в определении видовременного маркирования экспозитива:

- (401) [Kontekst: Na međunarodnom naučnom_{SR} (znanstvenom_{HR}) kongresu lingvista dva učesnika_{SR} (sudionika_{HR}) se burno prepiru oko podataka. Jedan se obraća drugome]
 "Da li ste uvereni u to? _____ da nikada u svom_{SR} (svojem_{HR}) životu niste čitali «Minimalistički program» Noama Čomskog_{SR} (Noama Chomskog_{HR})!"
 [*Pretpostavljam*^{HCB} / *Pretpostavi(t)ću*^{ФутCB}]

По сравнению с корпусными данными, единственным исключением является функционирование глагольной пары *izjavljivati*^{HCB}/*izjaviti*^{CB}. Напомним, что в корпусах была отмечена возможность перформативного употребления словоформ в Фут^{CB} *izjavi(t)ću/ću izjaviti* за счет дальнейшего семантического определения экспозитивного иллокутивного акта (т.е. за счет употребления определенного акта заявления, замененного общим иллокутивным актом с семантикой говорения; ср. с §5.3.3). При сохранении подходящей для официального заявления коммуникативной ситуации оппозиция, напротив, больше не допускается, и дефолтной видовременной словоформой, за исключением единичных случаев, является Наст^{HCB} *izjavljujem* (100% ответов в сербском опроснике; ≈ 94,3%, или 33 из 35, в хорватском). В этом контексте, говорящий может употреблять *izjavi(t)ću*, только если он отсылает к тому, что он намеревается сказать в будущем [см. пример (402)]:

- (402) [Kontekst: Rok grupa je otkrila da je njihova zadnja_{SR} (poslednja_{HR}) ploča neočekivano procurila i bez dozvole stavljena na internet. Članovi grupe žele da predaju krivce sucu (sudcu_{HR}). Govori pevač_{SR} (pjevač_{HR})]

"_____ da ove varalice nemaju i nikada neće imati nikakva prava na naš materijal"
 [Izjavljujem^{Наст^НСВ} / Izjavi(t)ću^{Фут^{СВ}}]

5.4.4. Комиссивы

Хотя в анкетах перформативные и неперформативные комиссивы не представлены отдельно, по модели предыдущих глав мы решили рассмотреть их по очереди: сначала перформативные (§5.4.4.1), а затем неперформативные комиссивы (§5.4.4.2).

5.4.4.1. Перформативные комиссивы

Мы протестировали большинство перформативных комиссивов, уже рассмотренных в посвященном корпусному поиску разделе (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 15'). В отличие от протестированных на корпусном материале перформативных комиссивов, однако, в анкетах мы решили исключить предикат *davati*^{НСВ}/*dati*^{СВ} <(svoju) *r(ij)eč*>, функционирование которого не отличалось от таких прототипических комиссивов как, напр., *obećavati*^{НСВ}/*obećati*^{СВ}, и заменили его глагольной парой *odbijati*^{НСВ}/*odbiti*^{СВ} (как и в русском языке; см. §4.4.4.1). Кроме этого, по результатам поиска в сербском национальном корпусе (см. сноску 410 в §5.3.4.1), в сербской анкете мы заменили глагольную пару *jamčiti*^{НСВ}/*zajamčiti*^{СВ} синонимическим двувидовым глаголом *garantovati*^{ДВ}:

<i>obećavati</i> ^{НСВ} (<i>obećavam</i>) / <i>obećati</i> ^{СВ} [<i>obeća(t)ću</i>]
<i>prisezati</i> ^{НСВ} (<i>prisežem</i>) / <i>priseći</i> ^{СВ} [<i>prisećiću</i> _{SR} - <i>priseći ću</i> _{HR}]
<i>uveravati</i> _{SR} - <i>uvjeravati</i> _{HR} ^{НСВ} (<i>uv(j)eravam</i>) / <i>uveriti</i> _{SR} - <i>uvjeriti</i> _{HR} ^{СВ} [<i>uv(j)eri(t)ću</i>]
<i>garantovati</i> _{SR} ^{ДВ} (<i>garantujem</i> – <i>garantovaću</i>) – <i>jamčiti</i> ^{НСВ} (<i>jamčim</i>) / <i>zajamčiti</i> _{HR} ^{СВ} (<i>zajamčit ću</i> – <i>ću zajamčiti</i>)
<i>zaklinjati se</i> ^{НСВ} (<i>zaklinjem se</i> – <i>se zaklinjem</i>) / <i>zakleti se</i> ^{СВ} [<i>zakle(t)ću se</i>]
<i>kladiti se</i> ^{НСВ} (<i>kladim se</i>) / <i>opkladiti se</i> _{SR} - <i>okladiti se</i> _{HR} ^{СВ} [<i>o(p)kladi(t)ću se</i>]
<i>predlagati</i> ^{НСВ} (<i>predlažem</i>) / <i>predložiti</i> ^{СВ} [<i>predloži(t)ću</i>]
<i>odbijati</i> ^{НСВ} (<i>odbijam</i>) / <i>odbiti</i> ^{СВ} (<i>ću odbiti</i>)

Таблица 15'. Сербскохорватские перформативные комиссивы.

В число дистракторов вошли контексты с описательными глаголами *raditi*^{НСВ}/*napraviti*^{СВ} и *pitati*^{НСВ}/*upitati*^{СВ}. Следует добавить, что в случае первой глагольной пары отмечается лексическое различие между двумя вариантами, связанное с употреблением глагола СВ: в

сербском варианте чаще обнаруживается приставочный глагол *uraditi*^{CB}, а в хорватском в узусе преобладающей является супплетивная форма *napraviti*^{CB}.

При анализе анкетных данных, касающихся перформативных комиссивов, возникают некоторые интересные проблемы, поскольку количество подвергающихся видовременному противопоставлению единиц сводится к минимуму. Мы уже отметили (см. §5.3.4.1), что в этом отношении корпусный поиск является относительно надежным, поскольку для некоторых глаголов он не демонстрирует ожидавшуюся нами и долгое время отмечавшуюся в научной литературе закономерность [см. неспорный случай пары *kladiti se*^{HCB}/*o(p)kladiti se*^{CB}]. По мнению информантов, однако, настоящее видовое противопоставление в перформативном контексте для комиссивов осуществляется в еще меньшем количестве случаев, чем для деклараций. Оппозиция, по-видимому, является приемлемой именно в случае глагольной пары *kladiti se*^{HCB}/*o(p)kladiti se*^{CB}, с чем соглашаются как сербские, так и хорватские информанты. Хотя всегда преобладающей является словоформа в Наст^{HCB} *kladim se* (29 ответов в сербском, или 82,9%, а 31 ответ в хорватском опроснике, или 88,6%; всего 60, т.е. ≈ 85,7%), словоформа в Фут^{CB} *o(p)kladi(t)ću se* также приемлема (ее выбрали четверо сербских, а двое хорватских информантов, в то время как еще четверо указали на возможность употребления обеих словоформ). Заметим, что одна хорватская информантка высказала предположение, что употребление словоформы в Фут^{CB} связано не с «настоящим» комиссивным иллокутивным актом спора, а скорее с заявлением говорящего о своем будущем намерении держать пари. Действительно, в данном контексте оппозиция осуществляется без значительных семантических изменений, даже при наличии общего обстоятельства *u <šta <hoćeš>>_{SR}/u bilo što_{HR}* [см. пример (403)]:

- (403) [Kontekst: U Beogradu_{SR} (Zagrebu_{HR}) se igra utakmica između Crvene Zvezde_{SR} (Dinamo Zagreba_{HR}) i Juventusa_{SR} (Milana_{HR})]
"_____ u šta hoćeš_{SR} (u bilo što_{HR}) da Juventus_{SR} (Milan_{HR}) nikada neće dobiti utakmicu u gostima" [*Kladim se*^{HCB} / *O(p)kladi(t)ću se*^{ФутCB}]

Хорватские информанты указывают на возможность видовременного противопоставления для глагольной пары *zaklinjati se*^{HCB}/*zakleti se*^{CB}, которое также было зафиксировано в корпусных данных, хотя и только в ограниченных и прагматически окрашенных контекстах. Наряду с дефолтной видовременной словоформой в Наст^{HCB} *zaklinjem se* (32 ответа в сербском, или 91,4%, а 28 в хорватском опроснике, или 80%; всего 60 ответов, т.е. ≈ 85,7%), трое хорватских информантов выбрали словоформу в Фут^{CB} *zaklet ću se*.

Одна информантка добавила, что обе словоформы возможны, а употреблением словоформы в Фут^{CB} говорящий принимает на себя еще более существенную обязанность, напр. на рабочем совещании с вкладчиком⁴³⁸ [см. пример (404)]:

- (404) [Kontekst: Pokušali ste da razradite_{SR} (razraditi_{HR}) zajednički projekat_{SR} (projekt_{HR}) s prijateljima-arhitektima, ali to je bio strašan neuspeh_{SR} (uspjeh_{HR})]
" _____ dušom da sam pokušao da napravim_{SR} (napraviti_{HR}) dobar projekat_{SR} (projekt_{HR}), ali svakako nisam uspeo_{SR} (uspio_{HR})" [Zaklinjem se^{Наст^{HCB}} / Zake(t)ću se^{Фут^{CB}}]

Эта закономерность, однако, не наблюдается для других, прагматически более «легких» комиссивов, вроде «канонических» *obećavati*^{HCB}/*obećati*^{CB}. Только одна сербская информантка выбрала словоформу в Фут^{CB} *obećaću*, которая, как мы уже видели в ходе анализа корпусных данных, на самом деле употребляется в единичных случаях в целях подтверждения достоверности акта обещания (см. §5.3.4.1). Этот факт может представлять собой доказательство того, что, по сравнению с русским языком, в сербскохорватской системе видовременных отношений принадлежащие к прагматико-конверсационному уровню параметры кодированы со значительно меньшей регулярностью. Иными словами, из этого естественным образом вытекает, что сербскохорватская видовая система менее грамматикализована по сравнению с русской. С этой точки зрения, различие в употреблении в перформативном контексте между глагольными парами *zaklinjati se*^{HCB}/*zakleti se*^{CB} и *obećavati*^{HCB}/*obećati*^{CB} может зависеть от разных факторов, среди которых, напр., устойчивый (т.е. лексикализованный) характер некоторых словоформ в Фут^{CB} и спорадичность выражения через видовременную морфологию связанных с контролем говорящего конверсационных параметров [см. пример (405)]:

- (405) [Kontekst: Vi ćete uskoro krenuti na poslovno putovanje, pa su Vaša deca tužna]
" _____ da se uskoro vraćam kući" [*Obećavam*^{Наст^{HCB}} / *Obeća(t)ću*^{Фут^{CB}}]⁴³⁹

Что касается других перформативных комиссивов, по данным анкетирования, видовременных отклонений от прототипической словоформы в Наст^{HCB} в общем не

⁴³⁸ Сербская информантка подчеркивает, что употребление словоформы в Фут^{CB} можно обосновать в более широком контексте, включающем также другие обстоятельственные составляющие, напр. условные предложения (*ako treba/je potrebno...*). Заметим также, что трое информантов выбрали бесприставочный комиссив *kunet se*^{Наст^{HCB}}.

⁴³⁹ Заметим, что 11 хорватских информантов (≈ 31,4%) выбрали альтернативную словоформу в Наст^{HCB} *obećajem*, которая, как мы уже отмечали (см. сноски 406 и 412), типична для хорватского варианта.

наблюдается. Единичный случай колебания связан с глагольной парой *predlagati*^{HCB}/*predložiti*^{CB}, для которой, напомним, по данным корпусного поиска, употребление словоформы в Фут^{CB} в перформативном контексте является приемлемым в случае применения связанных с вежливостью восстановительных стратегий. Возможность этого отклонения, однако, отмечена только в сербской анкете, в которой две информантки выбрали словоформу в Фут^{CB} *predložiću*, причем без дополнительных комментариев. Обращение со словоформой в Фут^{CB}, однако, как мы уже видели в §5.3.4.1, носит более вежливый характер [см. пример (406)]:

- (406) [Kontekst: U predsoblju je prenatrpano. Prostor postaje sve tešnji_{SR} (tjesniji_{HR}) i gosti ne mogu disati]⁴⁴⁰
 "Gospodo, _____ da se premestimo_{SR} (premjestimo_{HR}) u drugu salu" [*predlažem*^{HactHCB}
 / *predloži(t)ću*^{ФутCB}]

Кроме этого, между двумя вариантами существуют некоторые лексические различия, касающиеся определенных комиссивов, которые затрудняют правильное толкование предложенного контекста. В качестве примера можно привести глагольную пару *prisezati*^{HCB}/*priseći*^{CB} [см. пример (407)]. В то время как хорватские носители в общем допустили и свободно выбрали прототипическую для комиссивного иллокутивного акта присяги словоформу в Hact^{HCB} *prisežem*, по крайней мере семь сербских информантов либо не были знакомы с этим глаголом, либо его знали, но заменили его близкой по семантике словоформой в Hact^{HCB} *zaklinjem se*:

- (407) [Kontekst: Vreme_{SR} (Vrijeme_{HR}) je da se novi američki predsednik premesti u Belu kuću_{SR} (predsjednik premjesti u Bijelu kuću_{HR}). Došao je dan zakletve]
 " _____ svečano_{SR} (službeno_{HR}) na vernost_{SR} (vjernost_{HR}) zastavi Republike i njenom_{SR} (njezinom_{HR}) narodu" (*Prisežem*^{HactHCB} / *Prisećiću*_{SR}-*Priseći ću*_{HR}^{ФутCB})

⁴⁴⁰ Один сербский информант подчеркнул, что в сербском варианте более приемлемой является синтаксическая конструкция с придаточным предложением, введенным комплементаром *da* (*ne mogu <da dišu>*), а не простая инфинитивная форма.

5.4.4.2. Неперформативные комиссивы

В соответствии с корпусными данными (см. §5.3.4.2), суждения информантов показывают, что единственной возможной видовременной формой для комиссивных актов купли и продажи является Наст^{HCB} . Возможные различия в их когнитивной концептуализации, в отличие от русского языка, не играют роли в определении видовременного маркирования предикатов [см. примеры (408)–(409)]:

- (408) [Kontekst: Čovek_{SR} (Čovjek_{HR}) kojem treba gitara lepi_{SR} (lijepi_{HR}) oglase]
"_____ hitno gitaru - telefonirajte na broj koji se nalazi ispod" [*Kupujem*^{Наст^{HCB}} / *Kupi(t)ću*^{Фут^{CB}}]
- (409) [Kontekst: Kupili ste košulju, ali je premala i ne odgovara Vam. Odlučili ste da je prodate_{SR} (ju prodati_{HR}) i objavljujete post na Facebooku]
"_____ novu košulju, nošenu samo jednom. Materijal je na tufnice_{SR} (točkice_{HR}). Ko je zainteresovan_{SR} (Tko je zainteresiran_{HR}), neka se javi u inboks" [*Prodajem*^{Наст^{HCB}} / *Proda(t)ću*^{Фут^{CB}}]

Хотя отсутствие дополнительных комментариев информантов препятствует дальнейшему обсуждению вопроса, однородность ответов подтверждает правдоподобность общих выводов, сделанных в §5.3.4.2.

5.4.5. Директивы

Мы протестировали большинство директивов, которые мы уже анализировали в посвященном корпусному поиску разделе, за исключением глагольных пар *naređivati*^{HCB}/*narediti*^{CB} и *pozivati*^{HCB}/*pozvati*^{CB}. Они были исключены по двум причинам: во-первых, закономерность в их видовременном маркировании в Наст^{HCB} никогда не нарушается (т.е. они никогда не употребляются в Фут^{CB}), что делает их функционирование максимально предсказуемым; во-вторых, ввиду этого было принято решение восстановить количественную симметричность с другими классами, исключив реже отклоняющиеся от нормы члены. В целях упрощения контекстов мы решили исключить также некоторые лексические варианты, которые изначально были включены в корпусный поиск, т.е. квазисинонимическую с директивом *sav(j)etovati*^{ДВ} глагольную пару *preporučivati*^{HCB}/*preporučiti*^{CB}, двувидовой глагол

insistirati^{ДБ}, а также квазисинонимическую с директивами *upozoravati*^{НCB}/*upozoriti*^{CB} глагольную пару *predupređivati*^{НCB}/*preduprediti*^{CB} (ниже приведем еще раз таблицу под названием Таблица 16'):

<i>moliti</i> ^{НCB} (<i>molim</i>) / <i>zamoliti</i> ^{CB} [<i>zamoli(t)ću</i>]
<i>savetovati</i> _{SR} - <i>savjetovati</i> _{HR} ^{ДБ} [<i>sav(j)etujem</i> – <i>sav(j)etova(t)ću</i>]
<i>zabranjivati</i> ^{НCB} (<i>zabranjujem</i>) / <i>zabraniti</i> ^{CB} [<i>zabrani(t)ću</i>]
<i>ustrajati</i> ^{НCB/CB} [<i>ustrajem</i> – <i>ustraja(t)ću</i>]
<i>preklinjati</i> ^{НCB} [<i>preklinjem</i> – <i>preklinja(t)ću</i>]
<i>umoljavati</i> ^{НCB} (<i>umoljavam</i>) / <i>umoliti</i> ^{CB} [<i>umoli(t)ću</i>]
<i>upozoravati</i> ^{НCB} (<i>upozoravam</i>) / <i>upozoriti</i> ^{CB} [<i>upozori(t)ću</i>]
<i>usuđivati se</i> ^{НCB} (<i>usuđujem se</i>) / <i>usuditi se</i> ^{CB} [<i>usudi(t)ću se</i>]
<i>zahtevati</i> _{SR} - <i>zahtijevati</i> _{HR} ^{ДБ} [<i>zaht(ij)evam</i> – <i>zaht(ij)eva(t)ću</i>]
<i>dozvoljavati</i> ^{НCB} (<i>dozvoljavam</i>) / <i>dozvoliti</i> ^{CB} [<i>dozvoli(t)ću</i>]

Таблица 16'. Сербскохорватские директивы.

Как и в русском языке, в число дистракторов были включены контексты с комиссивной коллокацией *davati*^{НCB}/*dati*^{CB} <(svoju) r(ij)ec> (которая, напомним, была изначально исключена из списка собственно перформативных комиссивов), с транзакционными глаголами *razdavati*^{НCB}/*razdati*^{CB}, а также с описательной глагольной парой *jesti*^{НCB}/*pojesti*^{CB}. Заметим, что сербскохорватская глагольная пара *razdavati*^{НCB}/*razdati*^{CB} не вполне синонимична русской *раздавать*^{НCB}/*раздать*^{CB}, а ее употребление в том же контексте создает эффект семантической неестественности, на которую указала большая часть информантов (14 сербских, или 40%, и 12 хорватских информантов, или ≈ 34,3%; всего 26 информантов, т.е. ≈ 37,1%)⁴⁴¹.

Кроме этого, в качестве дополнительного дистрактора в контексте, содержащем глагол *ustrajati*^{НCB/CB} [см. пример (410)], мы изменили синтаксический порядок клитики и инфинитивной формы в словоформе в Фут^{CB/(НCB)}, которая, наоборот, в соответствии с законом Ваккернагеля, в данном контексте должна употребляться с при-, а не послеглагольной клитикой [[✓]*ću ustrajati*, **ustraja(t)ću*]. Ошибку заметили только восемь сербских (≈ 22,9%) и трое хорватских информантов (≈ 8,6%; всего 11 информантов, 15,7%):

⁴⁴¹ Среди наиболее частотных вариантов информанты упомянули словоформы в Наст^{НCB} *dajem*, *poklanjam*, *razd(ij)eljujem*, *d(ij)elim*, а также словоформы в Фут^{CB} *da(t)ću*, *razd(ij)eli(t)ću*, *pod(ij)eli(t)ću*, *ud(ij)eli(t)ću*. Исходную словоформу в Наст^{НCB} *razdajem* выбрали 12 сербских (34,3%) и 13 хорватских информантов (37,1%; всего 25 информантов, т.е. ≈ 35,7%), а словоформу в Фут^{CB} *razda(t)ću* – 8 сербских (22,9%) и 10 хорватских информантов (28,6%; всего 18 информантов, ≈ 25,7%).

- (410) [Kontekst: Kaznili su Vas 3000 dinara_{SR} (s 300 kuna_{HR}) zbog brze vožnje_{SR} (za brzu vožnju_{HR}), ali Vi ne želite_{SR} (nećete_{HR}) priznati krivicu pred policijom]
"Ja nisam prekršio nikakav zakon za volanom pa _____ u tome da kaznu neću platiti"
[ustrajem^{Наст^{НСВ}} / ustraja(t)ću^{Фут^{СВ}(НСВ)}]

Следует также добавить, что в сербском опроснике возникли некоторые проблемы, связанные с функционированием глагола *ustrajati*^{НСВ/СВ}, точнее, с его видовым статусом (см. сноску 416). Как мы уже заметили, в хорватских словарях глагол обозначен как НСВ, в дополнительной дистрибуции с глаголом НСВ *ustrajavati*: напротив, в сербских словарях *ustrajati* является партнером СВ глагола НСВ *ustrajavati*. Итак, в то время как в хорватской анкете дефолтной видовременной формой в директивном иллокутивном акте настаивания, в соответствии с ожиданиями, являлась Наст^{НСВ} *ustrajem* (24 информанта, 68,6%), а словоформа в Фут^{СВ(НСВ)} *ustraja(t)ću* была выбрана шестью информантами (17,1%), в сербском опроснике каждая словоформа была выбрана по 8 раз (22,9%), а остальные носители, по понятным причинам, высказали свои сомнения относительно общей приемлемости употребления этого глагола⁴⁴².

Как мы уже заметили в предыдущих разделах (ср. §4.3.5–§4.4.5 для русского и §5.3.5 для сербскохорватского языка), употребление директивов в отклоняющихся от Наст^{НСВ} видовременных конфигурациях обосновано прагматическим выделением макропризнака контроля и из него вытекающим двухсторонним изменением в интенсивности иллокутивной силы высказывания, т.е. либо ее усилением (проявление признака авторитета говорящего), либо ее смягчением (применение связанных с вежливостью восстановительных стратегий, в том числе создание межличностной дистанции, аттенуативная функция и т.д.), в зависимости от коммуникативной ситуации и от статуса участников в событии речевого акта. Анкетные данные далее подтверждают эту гипотезу.

Как было предсказано, все глаголы, для которых дополнительное выделение авторитета говорящего или попытка восстановления негативного лица обоих участников явно нарушают грайсовскую максиму количества (т.е. являются либо семантически избыточными, либо прагматически неуспешными), в перформативном контексте могут употребляться только в Наст^{НСВ}. Таков, например, случай глагола *preklinjati*^{НСВ} [см. пример (411)]. Все нами опрошенные информанты выбрали словоформу в Наст^{НСВ} *preklinjem*:

⁴⁴² Среди выбранных альтернатив выделяются словоформы в Наст^{НСВ} *ustrajavam* и *istrajavam*, словоформа в Фут^{НСВ} *ću ustrajavati*, словоформа в Фут^{СВ} *istrajaću* и пассивно-результативная конструкция *sam istrajan*. Ни один сербский информант не выбрал словоформы глагола *insistirati*.

(411) [Kontekst: Vi ste za volanom i iznenada primećujete da nepoznati čovek_{SR} (čovjek_{HR}) sprema da se ubije_{SR} (se ubiti_{HR}), tako što će se baciti s mosta. Vi mu se približavate]

"_____ Vas, ostanite na mestu_{SR} (mjestu_{HR}), nemojte da se bacite_{SR} (se baciti_{HR})! Ima ljudi na ovom svetu_{SR} (svjetu_{HR}) koji Vas vole!" [*Preklinjem*^{HactHCB} / *Preklinja(t)ću*^{Фут(H?)CB}]⁴⁴³

Та же закономерность наблюдается для глагольной пары *zabranjivati*^{HCB}/*zabraniti*^{CB}, несмотря на то, что шесть сербских (17,1%) и трое хорватских информантов (8,6%; всего 9 информантов, ≈ 12,9%) выбрали словоформу в Фут^{CB} *zabrani(t)ću*. Такой неожиданный выбор, по-видимому, связан с неправильным толкованием контекста, т.е. неправильным пониманием синтаксического порядка составляющих⁴⁴⁴ [см. пример (412)]:

(412) [Kontekst: Sin pita majku da li može da se igra_{SR} (da li se može igrati_{HR}) s prijateljima u dvorištu. Majka mu to ne dozvoljava, jer neće da zaprlja farmerke_{SR} (traperice_{HR}), ali sin je ne sluša. Majka se ljuti na njega]

"_____ ti da se igraš u dvorištu! Razumeš_{SR} (Razumiješ_{HR}) li? Poslušaj mamu!" [*Zabranjujem*^{HactHCB} / *Zabrani(t)ću*^{ФутCB}]

Что касается глагольной пары *umoljavati*^{HCB}/*umoliti*^{CB}, следует заметить, что большинство сербских (21 ответ, или 60%) и хорватских информантов (19 ответов, или 54,3%; всего 40 информантов, т.е. 57,1%) в предложенном контексте эти глаголы вообще не допустили [см. пример (413)], а как вариант выбрали скорее один из членов более нейтральной глагольной пары *moliti*^{HCB}/*zamoliti*^{CB}, т.е. либо словоформу в Hact^{HCB} *molim* (10 сербских, или 28,6%, и 14 хорватских информантов, или 40%; всего 24 информантов, т.е. ≈ 34,3%), либо словоформу в Фут^{CB} *zamoli(t)ću* (5 сербских, или 14,3%, и трое хорватских информантов, или 8,6%; всего 8 информантов, т.е. 11,4%)⁴⁴⁵. Среди остальных информантов, словоформу в

⁴⁴³ Колебания в видовом маркировании словоформы вызваны тем, что, как кажется, у глагола *preklinjati*^{HCB} нет партнера CB.

⁴⁴⁴ Как подчеркивает одна хорватская информантка, словоформа в Фут^{CB} *zabrani(t)ću* приемлема в данном контексте только при допущении, что говорящий сдержит свое слово (т.е. запретит адресату играть во дворе), если адресат ее не послушается. В этом случае линейный порядок между составляющими меняется на противоположный (иллокутивному акту предшествует императив), что, однако, в данной коммуникативной ситуации неприемлемо. Таким образом директивный иллокутивный акт запрета приобретает перлокутивный эффект угрозы.

⁴⁴⁵ Двое информантов указали на возможность употребления словоформы в Фут^{HCB} *moli(t)ću* (которую мы исключили из нашего исследования), а одна хорватская информантка выбрала сослагательное наклонение с глаголом HCB [*molio (-la) bih*], которым делается эксплицитным попытка говорящего восстановить негативное лицо обоих участников в событии речевого акта.

Наст^{HCB} *umoljavat* выбрали шесть сербских (17,1%) и 10 хорватских информантов (28,6%; всего 16 информантов, т.е. ≈ 22,9%), а словоформу в Фут^{CB} *umoli(t)ću* 8 сербских (≈ 22,9%) и шесть хорватских информантов (17,1%; всего 14 информантов, т.е. 20%). Тот факт, что прагматически неприемлемую словоформу в данном контексте выбрало так много информантов, представляет собой сигнал о том, что эти глаголы не подходят в предложенной коммуникативной ситуации:

- (413) [Kontekst: Vaš kolega u univerzitetu_{SR} (na sveučilištu_{HR}), s kojim delite kancelariju_{SR} (ured_{HR}), Vam je ukrao novčanik. Vi ste to doznali i plaćući se mu obraćate]
 "_____ Vas da uzmete svoje stvari i da odete odavde zauvek" [*Umoljavam*^{HCB} / *Umoli(t)ću*^{ФутCB}]

«Настоящее» видовременное противопоставление, согласно суждениям информантов, допускается только для трех глагольных пар директивов, которые уже обсуждались в параграфе, посвященном анализу корпусных данных (§5.3.5), т.е. *moliti*^{HCB}/*zamoliti*^{CB}, *usudivati se*^{HCB}/*usuditi se*^{CB} и *dozvoljavati*^{HCB}/*dozvoliti*^{CB}.

В директивном иллокутивном акте просьбы [см. пример (414)] приемлемым является как употребление словоформы в Наст^{HCB} *molim*, так и употребление словоформы в Фут^{CB} *zamoli(t)ću*. В особенности в сербской анкете каждый вариант был выбран почти одинаковое количество раз, т.е. 18 информантов (51,4%) выбрали *molim*, 10 (28,6%) – *zamoli(t)ću*, а 7 (20%) указали на возможность употребления обеих словоформ. В хорватской анкете чаще выбиралась словоформа в Наст^{HCB} (24 раза, 68,6%)⁴⁴⁶, в то время как словоформа в Фут^{CB} была выбрана шестью информантами (17,1%) и трое информантов выбрали обе⁴⁴⁷. Хотя подавляющее большинство информантов не уточняли причины своего выбора, одна сербская информантка прокомментировала, что словоформа в Фут^{CB} относится к тому же уровню вежливости, что и сослагательное наклонение (*zamolio bih <Vas>*), что вновь указывает на связь между употреблением CB и применением восстановительных стратегий возобновления

⁴⁴⁶ В это число включены также те информанты (всего 4), которые предлагали изменить клаузуальное дополнение в хорватском примере, заменив инфинитивную форму либо придаточным предложением, введенным комплементаром *da* (*da pokažete*), либо повелительной формой (*pokažite*). В последнем случае уместно добавить, что глагол *molim* теряет свою перформативную функцию и превращается в простой прагматический маркер, равнозначны русскому *пожалуйста* (см. §5.3.5).

⁴⁴⁷ Одна хорватская информантка выбрала сослагательное наклонение с глаголом CB [*Zamolio (-la) bih <vas <da...>>*].

негативного лица, связанных с вежливостью, вытекающей из проявления макропризнака контроля говорящего⁴⁴⁸:

(414) [Kontekst: Vozač u autobusu pita putnike za karte]

"Gospodo, _____ Vas da mi pokažete_{SR} (pokazati_{HR}) karte" [*molim*^{Наст^{НCB}} / *zamoli(t)ću*^{Фут^{CB}}]

В случае глагольной пары *usuđivati se*^{НCB}/*usuditi se*^{CB} [см. пример (415)] была отмечена интересная асимметрия между сербскими и хорватскими данными, на которой следует приостановиться. В то время как словоформа в Фут^{CB} *usudiću se* была выбрана большинством сербских информантов (24 ответа, 68,6%, vs. 6 ответов в пользу словоформы в Наст^{НCB} *usuđujem se*, или 17,1%; пять информантов выбрали обе словоформы), в хорватской анкете соотношение противоположное: 26 информантов (74,3%) выбрали *usuđujem se* и только 8 (22,9%) – *usudit ću se* (одна информантка допустила употребление обеих словоформ);

(415) [Kontekst: Vaša se poznanica hvali da je u supermarketu prevarila kasirku_{SR} (blagajnicu_{HR}) za sto dinara_{SR} (za deset kuna_{HR}). Vi prekidate raspravu]

"_____ da primetim_{SR} (primjetiti_{HR}) da si se ružno ponela_{SR} (ponijela_{HR})" [*Usudujem se*^{Наст^{НCB}} / *Usudi(t)ću se*^{Фут^{CB}}]

Случай особенно интересен, потому что данный контекст был специально составлен, чтобы информанты столкнулись с ситуацией, допускающей употребление словоформы в Фут^{CB} в своей аттенуативной функции, в связи с применением восстановительных стратегий вежливости. Предпочтение для выбора словоформы в Фут^{CB} можно объяснить двумя причинами: во-первых, говорящий перебивает разговор и берет слово при нарушении очередности высказывания, что представляет собой угрозу негативному лицу адресата; во-вторых, пропозициональное содержание последующего высказывания является явно нежелательным для адресата. Тот факт, что в хорватском варианте в этом контексте преобладающей все-таки является словоформа в Наст^{НCB}, может зависеть не только от

⁴⁴⁸ Несмотря на (обоснованное) замечание информантки, следует заметить, что связь между словоформой в Фут^{CB} и проявлением признака авторитета далеко не исключена, т.е. водитель может попросить билеты у пассажиров авторитетным образом при употреблении той же словоформы, т.е. *zamoli(t)ću* (см. параллель с русским НП^{CB} *попрошу* в §2.4.1). К этому замечанию привлекли мое внимание коллеги – носители языка, принимавшие участие на международной конференции *Aspect in the Arctic* (Арктический университет Норвегии в Тромсе, 5–6 сентября 2019 г.). Они истолковали проанализированный контекст по-разному. За дискуссию благодарю, в частности, Стефана Савича и Елену Живойинович.

лингвистического чутья отдельных информантов, но также и от того, что функциональная сфера СВ в хорватском ареале, в отличие от сербского, приближается скорее к западославянским языкам и, следовательно, к прототипическому значению целостности, из которого не обязательно вытекает семантический макропризнак контроля (DICKY 2015b: 34–35). Иными словами, возможно, в данном случае в хорватском варианте континуума макропризнак контроля (выделение которого, напомним, действует на изменение в интенсивности иллокутивной силы высказывания) просто не выражается с помощью видовой морфологии. Этот вопрос, однако, требует отдельного рассмотрения, поскольку пока не ясно, почему ассоциация между СВ и макропризнаком контроля действует только для отдельных глаголов, а для некоторых других не действует.

Распределение между языковыми вариантами вновь уравнивается при рассмотрении глагольной пары *dozvoljavati*^{HCB}/*dozvoliti*^{CB} [см. пример (417)]. Словоформа в Фут^{CB} *dozvoli(t)ću* была выбрана 18 сербскими (51,4%) и 15 хорватскими информантами (42,9%), в то время как семь сербских (20%) и двое хорватских информантов (5,7%) выбрали обе словоформы:

- (416) [Kontekst: Sin je održao obećanje da malo provežba_{SR} (malo provježbati_{HR}) matematiku. Sad pita svoga_{SR} (svoje_{HR}) oca za para_{SR} (novac_{HR}) da ide u bioskop s prijateljima da gleda_{SR} (gledati_{HR}) horor film]
 "Važi, _____ ti da ideš u bioskop_{SR} (kino_{HR}), ali samo pod uslovom_{SR} (uvjetom_{HR}) da se vratiš kući do ponoći" [*dozvoljavam*^{HactHCB} / *dozvoli(t)ću*^{ФутCB}]

Заметим, однако, что словоформа в Фут^{CB} не равнозначна словоформе в Наст^{HCB}. Она создает в высказывании интересные прагматические эффекты, связанные прежде всего с выявлением контроля говорящего. В частности, как замечает среди других одна хорватская информантка, употреблением словоформы в Фут^{CB} говорящий как будто не уделяет внимания ответной реакции адресата, который, в принципе, при употреблении словоформы в Наст^{HCB} мог бы добросовестно подчиниться разрешению своего собеседника или, наоборот, отвергнуть его. Уменьшение активной роли адресата в процессе признания и принятия иллокуции как раз является побочным эффектом выделения контроля.

Это замечание соответствует корпусным данным, уже обсуждавшимся в §5.3.5. Добавим, однако, что, согласно анкетным данным, этой закономерности не наблюдается для других директивов, таких, как, напр., *upozoravati*^{HCB}/*upozoriti*^{CB}, которые, напротив, при подобных условиях могут употребляться в перформативном контексте в Фут^{CB}. В

нижеприведенном примере (417) приводится директивный иллокутивный акт предупреждения. Почти все носители выбрали словоформу в Нас^{НCB} *upozoravam*, за исключением одной сербской информантки (которая выбрала словоформу в Фут^{CB} *upozoriću*) и одной хорватской информантки (которая, выбирая *upozoravam*, прокомментировала, что видовременная альтернатива также приемлема). Значимое отсутствие указания на возможность перформативного употребления словоформы в Фут^{CB} свидетельствует еще раз о том, что прагматико-конверсационные параметры, связанные с выделением макропризнака контроля и с изменением в интенсивности иллокутивной силы высказывания, кодированы в видовременной морфологии не последовательным образом:

- (417) [Kontekst: Verenica je ostavila Vašeg najboljeg prijatelja na oltaru. On je pao u depresiju, pa se propio. Svratili ste kod njega da popričate]
 "Slušaj me, tako ne možeš dalje. _____ te: ako ne prestaneš da piješ_{SR} (piti_{HR}), poginućeš_{SR} (poginut ćeš_{HR})" [*Upozoravam*^{Нас^{НCB}} / *Upozori(t)ću*^{Фут^{CB}}]

5.5. Итоги

В этой главе мы обсудили перформативные контексты, в которых осуществляется видовременное противопоставление в современном сербскохорватском языке. Контексты были взяты из электронных корпусов (SRPKOR, HNK, HJK) и соответствующих анкет.

В разделе §5.1 мы остановились на прошлых исследованиях, в которых в разной степени затрагивался вопрос о количестве и типе чувствительных к видовременному противопоставлению перформативов, а также обсуждались смежные проблемы, такие, как, напр., семантический анализ соответствующих иллокутивных актов. Хотя полного списка глаголов пока не существует, в работах неоднократно проводилась параллель между перформативным употреблением русских словоформ в НП^{CB} и сербскохорватских словоформ в Фут^{CB}, которые, по-видимому, могут употребляться в перформативном контексте при изменении в интенсивности (т.е. при ее усилении или смягчении) иллокутивной силы высказывания. В разделе §5.2 мы протестировали на материале сербскохорватского языка гипотезу Р. Экхардт об отличительных чертах, характеризующих исключительно перформативные высказывания. По сравнению с русским, а также с английским языком, сербскохорватские темпоральный оператор *sad(a)* и автореференциальный оператор *tim(e)* не только не осуществляют категориальный сдвиг констативных высказываний к перформативным, но и демонстрируют более ограниченную семантическую совместимость с

настоящими перформативными высказываниями (эти ограничения, как раз, требуют отдельного исследования).

Раздел §5.3 посвящен анализу корпусных данных. В параграфе §5.3.1 описывается метод корпусного поиска. Далее приводятся результаты для деклараций (§5.3.2), экспозитивов (§5.3.3), комиссивов (о перформативных комиссивах см. §5.3.4.1, о неперформативных – §5.3.4.2) и директивов (§5.3.5).

Как и в русском, преобладающей видовременной формой для деклараций является *Наст^{HCB}*, за исключением глагольной пары *nazivati^{HCB}/nazvati^{CB}* как (квазиэкспозитивного) синонима коллокации *давать/дать* <определение>. По всей вероятности, причины однородности заключаются в том, что для деклараций дополнительное маркирование СВ излишне, так как в их коммуникативной структуре уже предполагается присутствие уполномоченного агенса/говорящего (в противном случае они не могут удовлетворять условиям успешности).

За исключением глагольных пар *obav(j)eštavati^{HCB}/obav(ij)estiti^{CB}* и *prijavljivati^{HCB}/prijaviti^{CB}*, которые, в отличие от русского языка, не допускают отклонений от канонической словоформы в *Наст^{HCB}* в перформативном контексте, сербскохорватские экспозитивы могут всегда употребляться в *Фут^{CB}*. Прототипический случай отклонения от словоформы в *Наст^{HCB}* имеет место при смягчении интенсивности иллокутивной силы высказывания, т.е. в иллокуциях, носящих отчетливо вежливый характер. Однако эти прагматико-конверсационные параметры, вытекающие из выявления макропризнака контроля говорящего, которые в русском языке регулярно выражаются через видовую морфологию, в сербскохорватскую систему видовременных отношений проникают значительно реже. Более весомым в этом отношении является параметр темпорального (футурального) аргумента глагола, на основе которого допускается видовременное противопоставление даже для более специализированных экспозитивов (напр. *izjavljivati^{HCB}/izjaviti^{CB}*), лексическая семантика которых нейтрализуется в общем иллокутивном акте говорения. Преобладание временного параметра (т.е. темпорального аргумента глагола) над прагматическими факторами в определении видовременного маркирования перформатива может быть показателем того, что категория вида в сербскохорватском языке менее грамматикализована, чем в русском.

Согласно корпусным данным, перформативные комиссивы допускают видовременное противопоставление в перформативном контексте только в редчайших случаях. Однако этим результатам не следует доверять, поскольку в разговорной речи, как свидетельствует общий электронный поиск вне корпусов, легко обнаруживаются доказательства обратного (хотя и, нужно признать, в единичных примерах). Тем не менее верно, что количество

подлежащих оппозиции комиссивов значительно более ограничено, чем в русском. В зависимости от глагола, словоформы в Фут^{CB} могут употребляться при смягчении [ср. *o(p)kladi(t)ću se, predloži(t)ću*] или усилении [ср. *obeća(t)ću, zakle(t)ću se*] интенсивности иллокутивной силы высказывания. Спорадичность этой ассоциации является доказательством того, что система находится в активном развитии.

Неперформативные комиссивы употребляются исключительно в Наст^{HCB}. Это связано с взаимодействием двух факторов: общей грамматической неприемлемости словоформ в През^{CB} в главных предложениях (в отличие от русского НП^{CB}) и неспособности сербскохорватского будущего времени отсылать к исключительно атемпоральным событиям.

Главную роль в определении видовременного маркирования директивов, наконец, играет выявление семантического макропризнака контроля говорящего, который может изменять интенсивность иллокуции в обоих направлениях. При применении восстановительных стратегий, связанных с возобновлением негативного лица адресата и с уменьшением импозитивного характера конверсационных намерений говорящего, релевантной часто оказывается аттенуативная функция словоформ в Фут^{CB}. Выявление признака авторитета, с другой стороны, может влечь за собой уменьшение активной роли адресата в процессе признания и принятия речевого акта. Среди самых частотных директивов, которые в перформативном контексте допускают видовременное противопоставление, мы обнаруживаем пары *moliti*^{HCB}/*zamoliti*^{CB}, *usuđivati se*^{HCB}/*usuditi se*^{CB}, *dozvoljavati*^{HCB}/*dozvoliti*^{CB}, а также, хотя и в меньшей степени, *upozoravati*^{HCB}/*upozoriti*^{CB}.

В разделе §5.4 мы проанализировали данные из сербского и хорватского опросников, в заполнении которых поучаствовали по 35 носителей каждого языкового варианта (подробности составления анкет см. в §5.4.1). Особенно интересным является тот факт, что между результатами двух анкет обнаруживаются расхождения. Таков, например, случай некоторых директивов (§5.4.5), вроде *usuđivati se*^{HCB}/*usuditi se*^{CB}, которые сербские информанты выбирали чаще в Фут^{CB}, а хорватские в Наст^{HCB}. Выбор может зависеть не только от языкового чутья отдельных информантов, но и от различий в семантике СВ между двумя языковыми вариантами: в самом деле, кажется, что сербский вариант разделяет с восточнославянскими языками семантический инвариант темпоральной определенности, а хорватский по значению СВ приближается скорее к западнославянским, характеризующимся инвариантом целостности, из которого не обязательно вытекает макропризнак контроля говорящего. Что касается других классов, декларации (§5.4.2), согласно ответам информантов, в общем не допускают видовременного противопоставления, а экспозитивы (§5.4.3) могут подвергаться видовой оппозиции при выражении связанных с вежливостью

восстановительных стратегий и/или наличии глагола с футуральным темпоральным аргументом, что подтверждает закономерность, обнаруженную в корпусных данных. Наконец, видовременная оппозиция для перформативных комиссивов (§5.4.4.1) ограничивается почти исключительно глагольной парой *kladiti se*^{HCB}/*o(p)kladiti se*^{CB} (подтверждая еще раз, что прагматико-конверсационные параметры не выражаются через видовременную морфологию последовательным образом), в то время как для неперформативных (§5.4.4.2) единственной возможной словоформой является *Наст*^{HCB}.

В заключение сопоставительного анализа можно добавить с относительной уверенностью, что употребление в перформативном контексте русских словоформ в НП^{CB} и сербскохорватских словоформ в Фут^{CB} связано с присутствием того же общего параметра, а именно, семантического макропризнака контроля говорящего (который действует на интенсивность иллокутивной силы высказывания). Следует также заметить, что в сербскохорватском языке такая ассоциация не настолько закреплена, насколько в русском языке, а также, что в сербскохорватском морфологическое (футуральное) маркирование не только действует на переносном плане прагматических отношений, но и сохраняет прежде всего свое исходное временное значение (по крайней мере для некоторых перформативов, вроде экспозитивов). Это может быть показателем меньшей степени грамматикализации, достигнутой сербскохорватской видовой системой по сравнению с русской. Еще больший интерес представляет тот факт, что сербский и хорватский варианты континуума не всегда совпадают в функционировании видовременного маркирования, что было уже отмечено в некоторых недавних исследованиях (напр. в DISKEY 2015b).

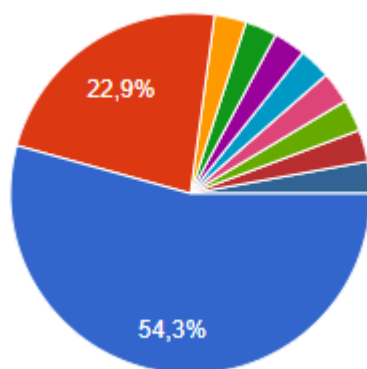
В заключительной части диссертации мы постараемся систематизировать результаты предыдущих трех глав, останавливаясь на понятии контроля и, в частности, сосредоточиваясь на трех частных разновидностях, им приобретаемых на прагматическом (т.е. вопрос о взаимосвязи между интенсивностью иллокутивной силы высказывания и участниками в событии речевого акта, см. §6.1), собственно темпоральном (т.е. эффективная действенность будущего времени на план перформативного высказывания, см. §6.2) и когнитивном уровне лингвистического анализа (т.е. соотносительность между синтаксическим отражением перформативного высказывания и когнитивным отображением соответствующего события, см. §6.3). В свете теоретического углубления понятия контроля, наконец, вопрос об автохтонности славянских перформативов в ПСВ вновь обсужден и дополнен (§6.4).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ (1). АНКЕТА (СЕРБСКИЙ ВАРИАНТ)

В приложении приводятся в графическом виде (т.е. в виде круговых диаграмм) результаты анкетирования, адресованного носителям сербского варианта сербскохорватского континуума. Контексты разделены, как правило, на декларации, экспозитивы, комиссивы и директивы. Дистракторы выделены жирным шрифтом, а искусственно модифицированные примеры – курсивом. Подчеркнем, что в приложении сохраняется орфография и пунктуация оригинальных контекстов (в том числе и возможные описки). Напомним, что некоторые среди более широких комментариев, которые здесь не удалось воспроизвести по техническим причинам, уже приводились в тексте диссертации. Добавим также, что в приложении не приводятся ответы на модуль «Lični podaci».

ДЕКЛАРАЦИИ

- 1) [Kontekst: Gradonačelnik Novog Sada je pozvan na svečanu inauguraciju parobroda «Merak». On mora da razbije flašu šampanjca o bok broda. Gradonačelnik kaže]
"Ja _____ ovaj brod nazivom «Merak»" (*nazivam*^{НастНСВ} / *ću nazvati*^{ФутСВ})

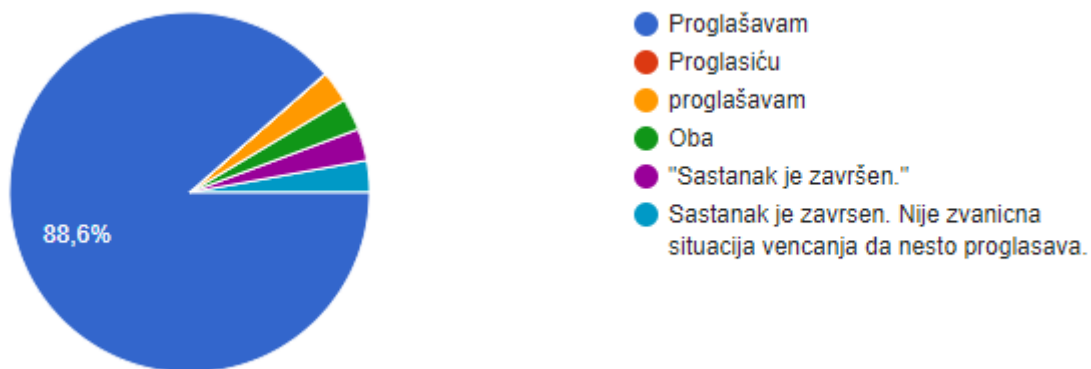

- nazivam
- ću nazvati
- Imenujem ovaj brod nazivom „Merak”...
- Ovaj brod nazivam Merak
- Ja ću nazvati ovaj brod „Merak”. Nem...
- imenujem
- Dajem ovom brodu ime.
- ‘Dajem ovom brodu naziv “Merak”.

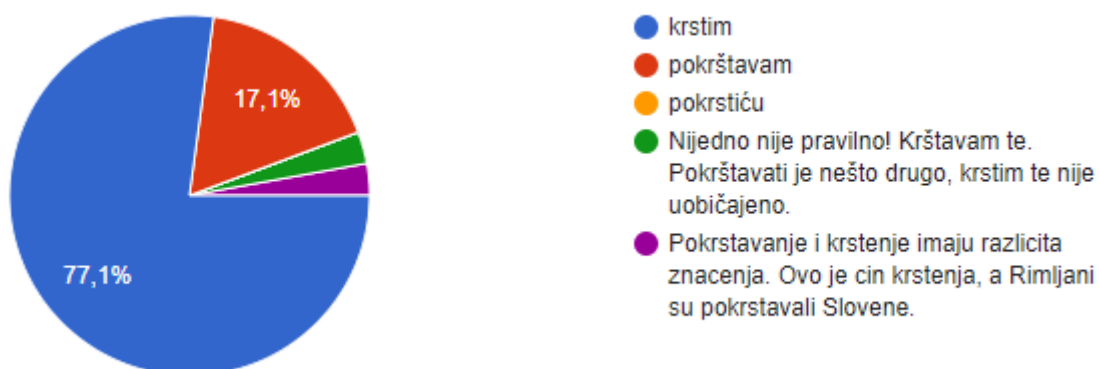
▲ 1/2 ▼

- Za ovako nekakav odgovor bi mi trebalo ikakvo iskustvo bilo da procitam ili vidim slicnu situaciju, sto se nikad nije desilo. Ali rekla bih, Od sad ce se ovaj brod zvati Merak. "Ja" na pocetku nikad ne bih rekla, a ponavljanje glagola "naziv...
- Ova su rogovatna, ali bih svakako koristila prezent. Npr. Dajem ovom brodu ime...

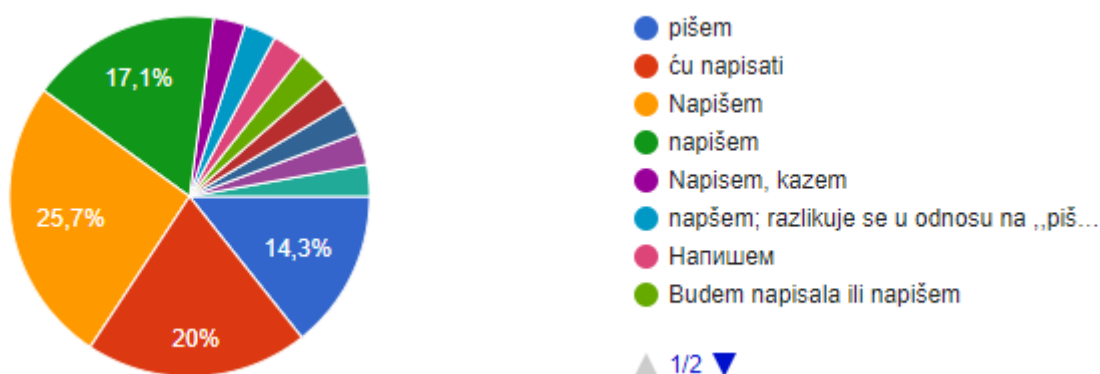
- 2) [Kontekst: Završava se poslovni sastanak. Govori izvršni direktor međunarodne korporacije]
"Hvala Vam svima što ste aktivno učestvovali. _____ sastanak završenim"
(*Proglasavam*^{НастНСВ} / *Proglasicu*^{ФутСВ})

- 3) [Kontekst: Pri krštenju novorođenčeta govori sveštenik]
 "Dušane, _____ te u ime Oca, Sina i Svetog Duha" (*krstim*^{НастНСВ} / *pokrštavam*^{НастНСВ} / *pokrstiću*^{ФутСВ})

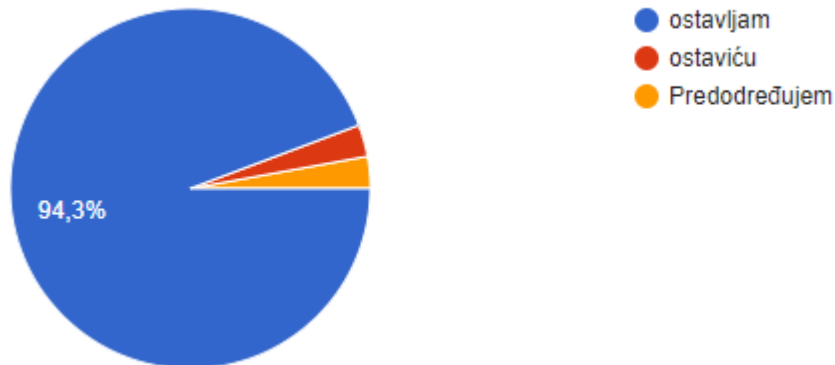

- 4) [Kontekst: Prijateljica analizira sadržaj filma «Ko to tamo peva»]
 "Neću biti originalna, ako _____ da je ovaj film bajka - bajka u koju se kao dete lako veruje" (*pišem*^{НастНСВ} / *ću napisati*^{ФутСВ})

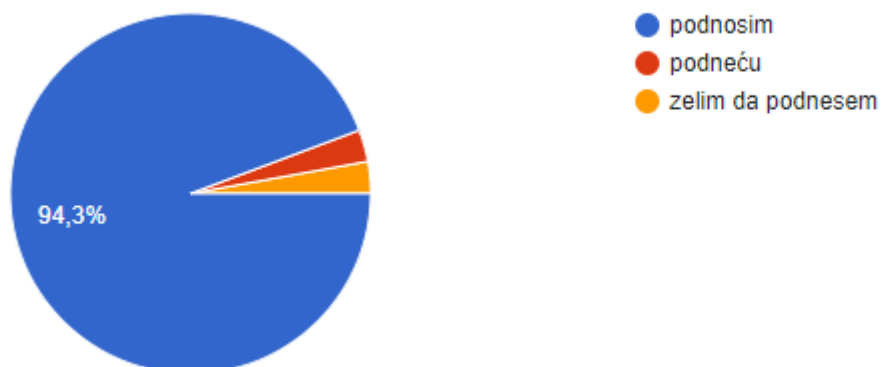

- napišem
- Nejasna mi je recenica. Ali odgovor je "napisem" ili "budem napisala." Ovo je kondicional i tu Futur 1 ne ide. Mi imamo svršeno stanje glagola pisati - napisem (bez zareza ispred) i Futur 2 koji označava buduće svršeno vreme..
- Napišem
- napišem (svršeni glagol)

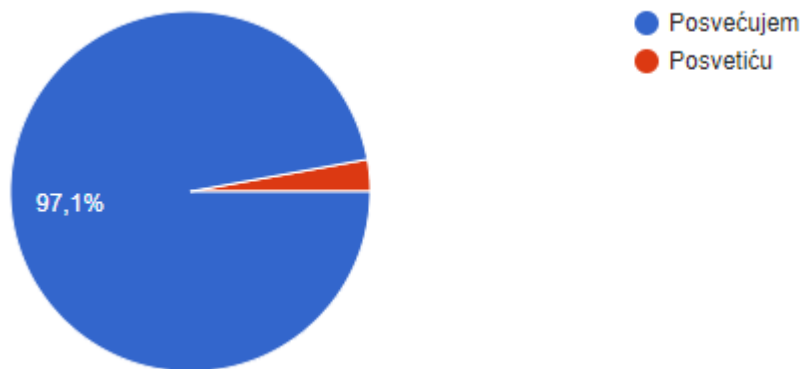
- 5) [Kontekst: Baka Vam je umrla u snu. Unuci su se okupili kod javnog beležnika kako bi otvorio i pročitao testament. Notar čita]
 "Ja, Tijana Babić, potpuno sposobna za rasuđivanje i po svojoj slobodnoj volji raspolazem svojom imovinom za slučaj smrti. Posle svoje smrti _____ gore opisanu imovinu svojim unucima"
 (*ostavljam*^{HactHCB} / *ostaviću*^{ФyтCB})

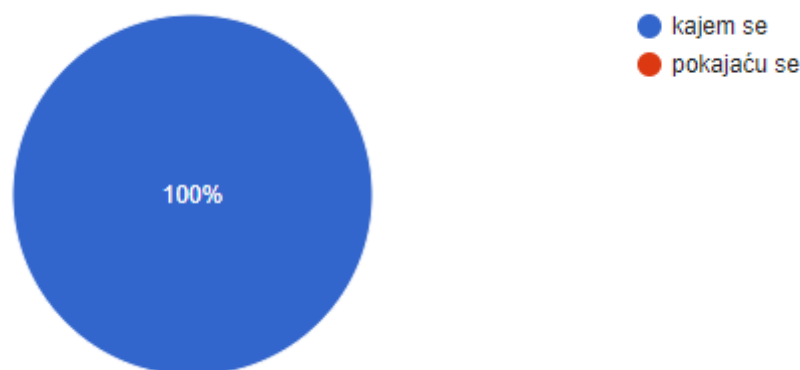
- 6) [Kontekst: U novinama su objavili da je gradonačelnik velikog grada dobio mito da ubrza izgradnju novoga kvarta u blizini grada. Puca skandal. Gradonačelnik saziva konferenciju za novinare]
 "U vašem prisutstvu zvanično _____ ostavku. Ova će se mera odmah sprovesti"
 (*podnosim*^{HactHCB} / *podneću*^{ФyтCB})

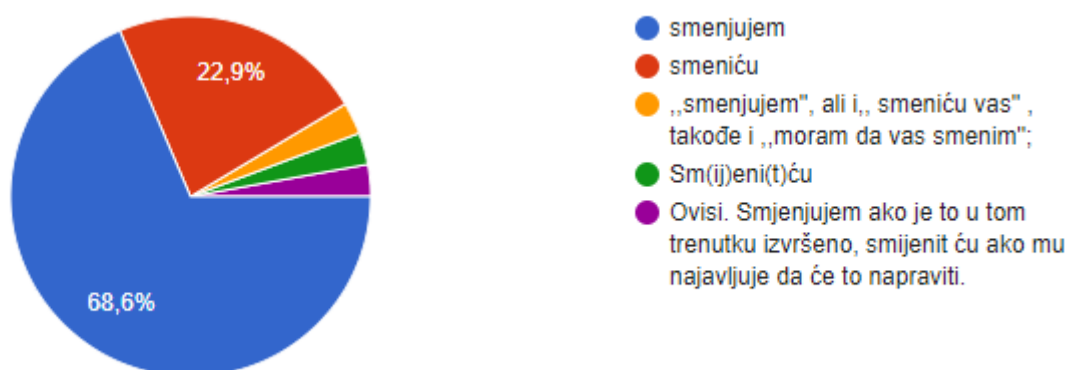
- 7) [Kontekst: Izašla je nova knjiga poznatog pisca. Autor to izjavljuje na zvaničnoj prezentaciji]
 "_____ svoju novu knjigu svima koje sam u svom životu razočarao" (*Posvećujem*^{HactHCB} / *Posvetiću*^{ФyтCB})

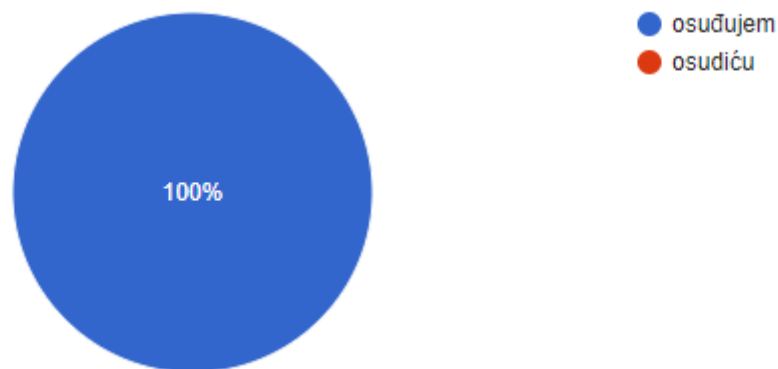
- 8) [Kontekst: Sveštenik sedi u ispovedaonici. Ulazi vernik. Sveštenik ga pita da li se kaje za svoje grehe]
 "Da, Oče, _____ pred Bogom i pred Vama zbog onoga što sam učinio" (*kajem se*^{HacrHCB} / *pokajaću se*^{ФyтCB})

- 9) [Kontekst: Pep Gvardiola trenira Vojvodinu, ali šest meseci nakon početka prvenstva klub zauzima zadnje mesto u tabeli i u opasnosti je od ispadanja iz prve lige. Predsednik kluba telefonira Gvardioli]
 "S obzirom na sve rezultate, uveren sam u to da moramo hitno da preduzmemo nužne korake. Žao mi je, ali _____ Vas sa dužnosti" (*smenjujem*^{HacrHCB} / *smeniću*^{ФyтCB})

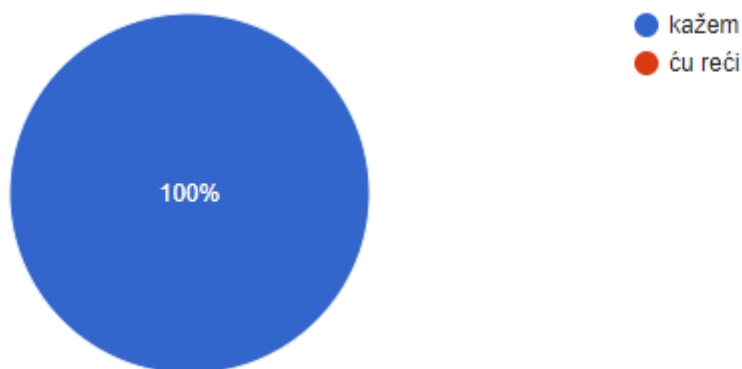

- 10) [Kontekst: Muškarac je ubio svoju suprugu. Sudac čita presudu]
 "Ivice Kičmanoviću, tužilaštvo Vas je optužilo za ubistvo prvog stepena. Dakle, _____ Vas na bezuslovnu kaznu u trajanju od deset godina" (*osudjujem*^{HacrHCB} / *osudiću*^{ФyтCB})

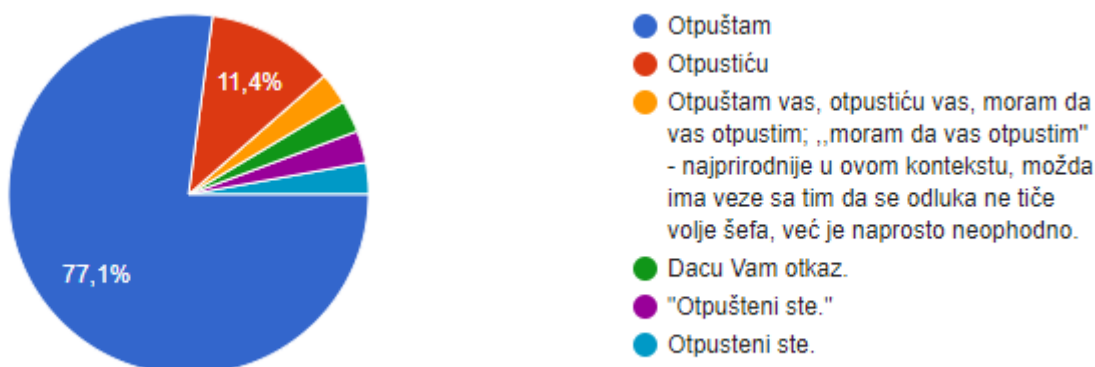

- 11) [Kontekst: Leonardo Di Kaprio nije nominovan za nagradu Oskar za najboljeg glumca u glavnoj ulozi u filmu «Bilo jednom u Holivudu». Vaša prijateljica tvrdi da je on nominaciju zaslužio]

"Mislim da ne preterujem ako _____ da je ova uloga najkomplikovanija u njegovoj karijeri" (*kažem*^{HacrHCB} / *ću reći*^{FytrCB})

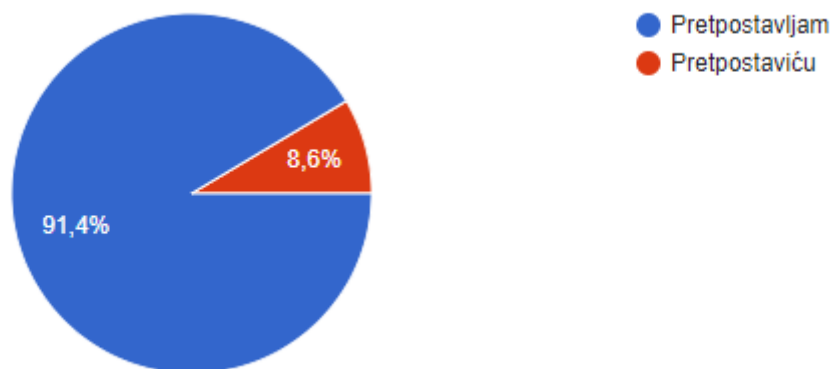
- 12) [Kontekst: Vi ste četiri dana za redom jako kasnili na posao. Šef Vas poziva u kancelariju]
 "Žao mi je, ali ne mogu drugačije. _____ Vas" (*otpuštam*^{HacrHCB} / *otpustiću*^{FytrCB})

ЭКСПОЗИТИВЫ

- 1) [Kontekst: Na međunarodnom naučnom kongresu lingvista dva učesnika se burno prepiru oko podataka. Jedan se obraća drugome]

"Da li ste uvereni u to? _____ da nikada u svom životu niste čitali «Minimalistički program» Noama Čomskog!" (*Pretpostavljam*^{HactHCB} / *Pretpostaviću*^{ФутCB})

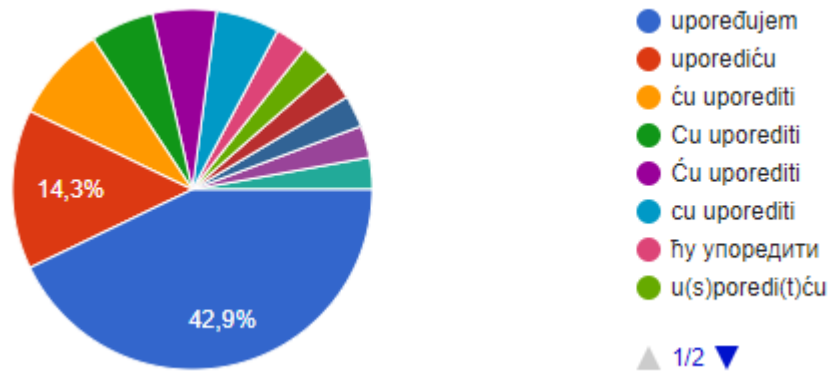
- 2) [Kontekst: Izazvana je prepirka u UN-u između ruskog i američkog predsednika oko ekonomskih sankcija. Govori ruski predsednik]

"Vi, Amerikanci, očito kršite sve pravne norme - da, _____ to, vi ih očito kršite!" (*ponavljam*^{HactHCB} / *ponoviću*^{ФутCB})

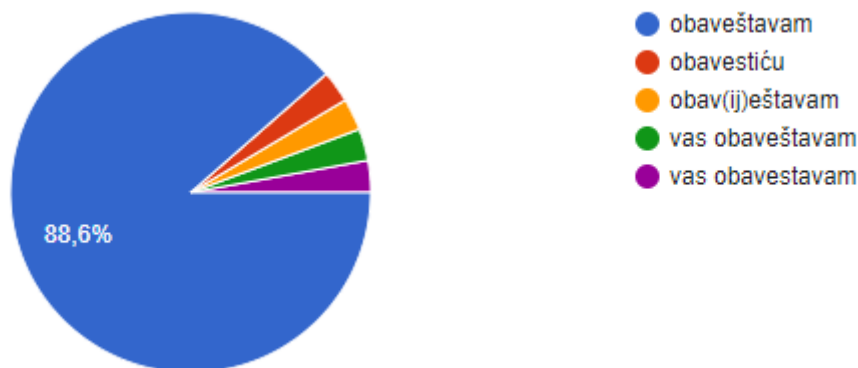
- 3) [Kontekst: Profesor drži lekciju iz matematike i objašnjava teoriju fraktala]

"Sad _____ Ričardsonovu teoriju sa Mandelbrotovom" (*upoređujem*^{HactHCB} / *ću uporediti*^{ФутCB})

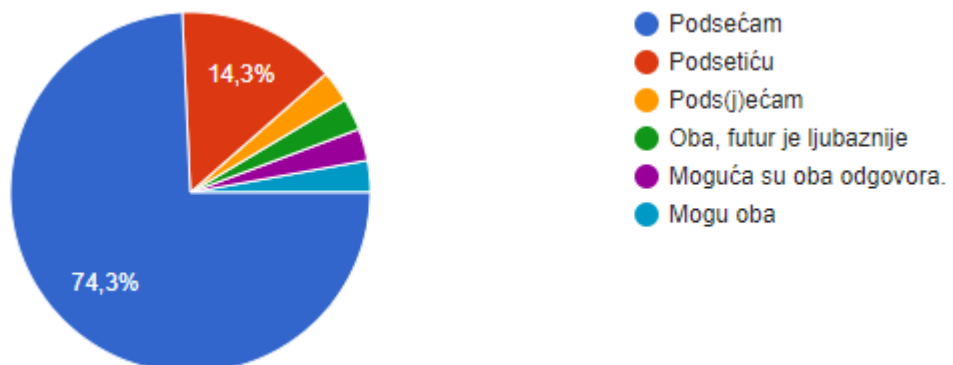

- Ovisi. Je li to ono što on u tom trenutku radi - onda uspoređujem ili najavljuje temu na koju prelazi
- Poredim
- ću uporediti
- ću da uporedim

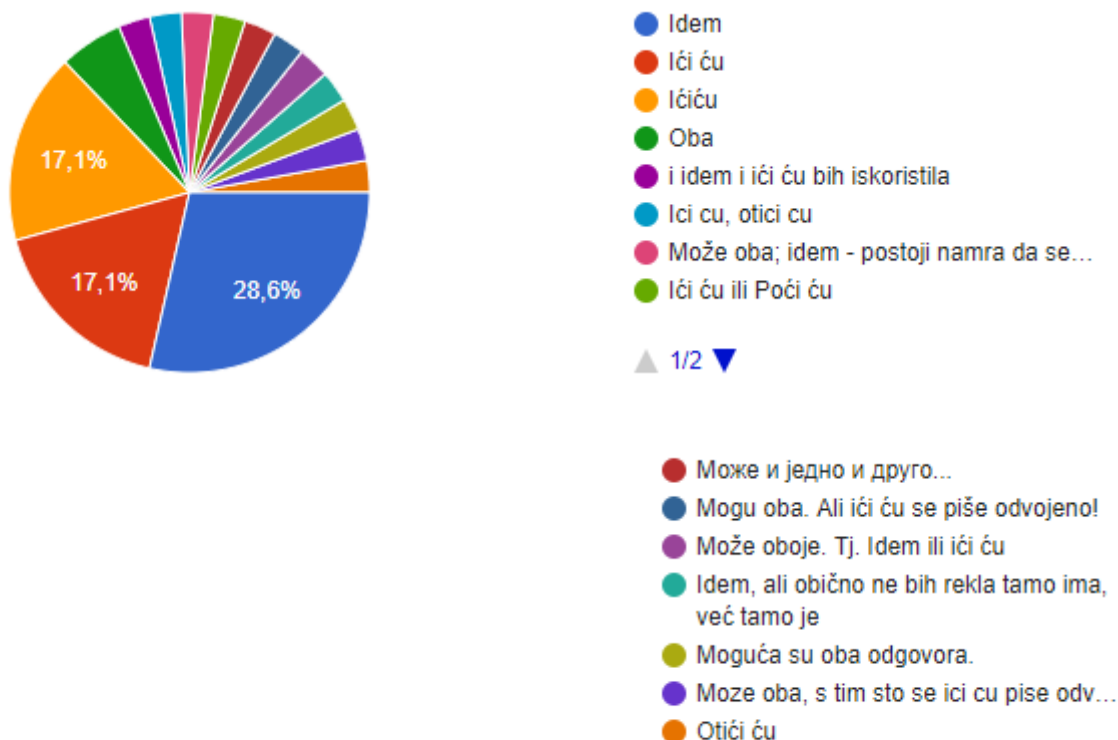
- 4) [Kontekst: Uoči važnog takmičenja gimnastičarka se ozbiljno ozleđuje. Voditelj programa je prisiljen da obavesti gledaoce o strašnoj vesti]
 "Teška srca _____ vas da se atletsko takmičenje neće održati" (*obaveštavam*^{HacrHCB} / *obavestiću*^{ФyтCB})

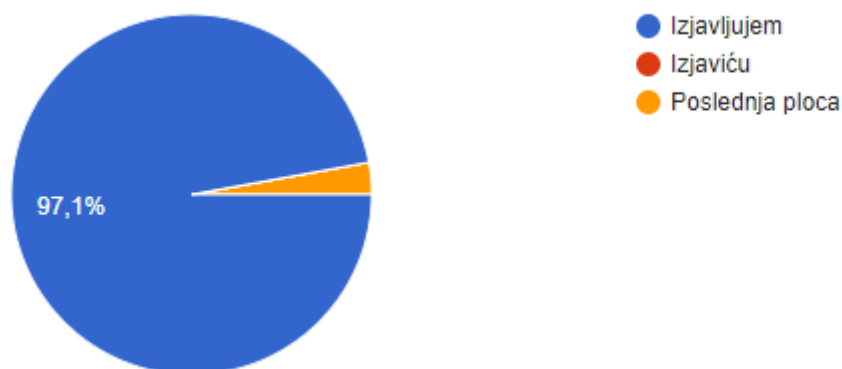
- 5) [Kontekst: Skupljaju se prijave za planinski izlet. Govori organizator]
 "_____ vas da je ostalo samo tri dana za rezervacije!" (*Podsećam*^{HacrHCB} / *Podsetiću*^{ФyтCB})

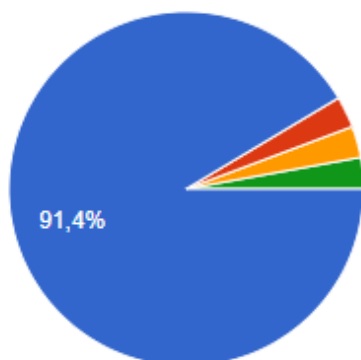
- 6) [Kontekst: Treba Vam novo kritičko izdanje «Predela slikanog čajem» Milorada Pavića, ali ne možete lično svratiti u knjižaru da ga kupite i pitate prijatelja za pomoć. Prijatelj odgovara]
 "_____ danas u knjižaru, tamo ima najveći izbor srpske književnosti. Ako ga nema u knjižari, naručicu ga preko interneta" (*Idem*^{HacrHCB} / *Ići ću*^{ФyтHCB})

- 7) [Kontekst: Rok grupa je otkrila da je njihova zadnja ploča neočekivano procurila i bez dozvole stavljena na internet. Članovi grupe žele da predaju krivce sucu. Govori pevač]
 "_____ da ove varalice nemaju i nikada neće imati nikakva prava na naš materijal" (*Izjavljujem*^{HacrHCB} / *Izjaviću*^{ФyтHCB})

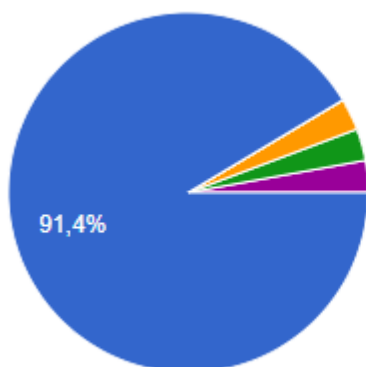

- 8) [Kontekst: Čovek želi da ubedi svog sugovornika u verodostojnost svoje teorije]
 "Možda Vuk Isaković misli da se Zemlja ne okreće oko Sunca, već stoji u mestu, dok mu ja _____ na ovoj trivijalnoj argumentaciji" (*zameram*^{HacrHCB} / *ću zameriti*^{ФyтHCB})

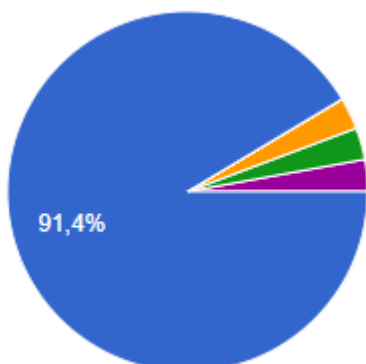
- zameram
- ću zameriti
- Овде је из самог постављеног задатка нужно одговорити са "зaмepaм".
- Ne znam kakve veze ima glagol zameriti sa ovom situacijom, ali ako treba neki glagol, onda prezent.

- 9) [Kontekst: Ukrali su Vam nakit. Vi prijavljujete slučaj policiji]
 "_____ da je neko provalio u moj dom i ukrao mi skup nakit" (*Prijavljujem*^{HacrHCB} / *Prijaviću*^{ФyтCB})

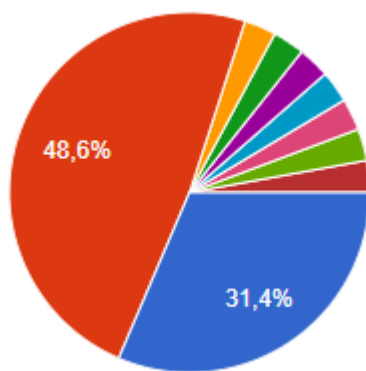
- Prijavljujem
- Prijaviću
- Zelim da prijavim
- Prijavljujem ako sam u policiji i to njima govorim, tj. Tim govornim činom izjavljujem da se to dogodilo, a prijaviti ću ako nekom drugom najavljujem da...
- Niko ne bih ove glagole uopste izgovarao. Ali ako mora da se izabere, onda prezent.

- 10) [Kontekst: Prijateljčina kćerka je postala veterinarka, a Vi znate da je ona uvek sanjala da radi u konjušnici s konjima. Prijateljica kaže]
 "_____ kako se njen aktuelni posao kosi sa strašću prema konjima" (<Ne> *shvatam*^{HacrHCB} / <Neću> *shvatiti*^{ФyтCB})

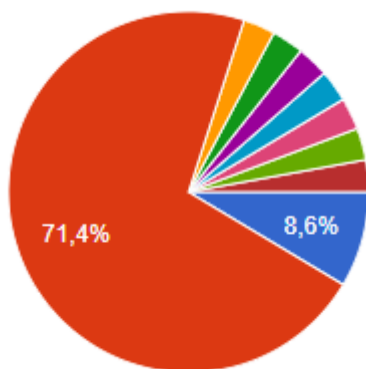
- Ne shvatam
- Neću shvatiti
- Ne shvaćam
- Hrv. Je neshvaćam
- Ja ne shvatam ovaj tekst. Prezent bih rekla, ali opet, ne razumem poentu.

- 11) [Kontekst: Doktorski kandidat predstavlja prezentaciju na kongresu]
 "_____ još da su ovi rezultati za sada samo preliminarni" (*Dodajem*^{HacrHCB} / *Dodaću*^{ФyтCB})

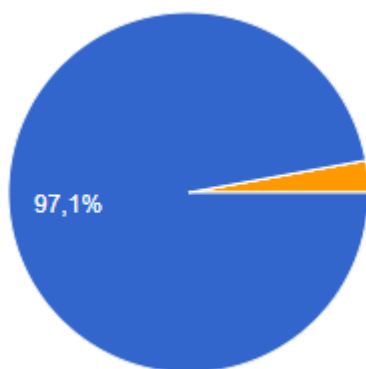
- Dodajem
- Dodaću
- Napomenucu
- Може обоба, али обоба облика звуче пріоніје ако у наставку стої „još i to”; pre bih...
- Може и једно и друго.
- Mogu oba.
- Dodao bih
- Oba
- Koristi se i jedno i drugo

- 12) [Kontekst: U Banjoj Luci je održan školski protest za klimu. Vi ste skeptični prema takvim povorkama pa želite da dobijete jasniju ideju o njima]
 "Videćemo sad o čemu je reč - idem, _____ pa ću još i vikati sa njima, ako bude potrebno" (*gledam*^{НастНСБ} / *pogledaću*^{ФутСБ})

- gledam
- pogledaću
- „pogledaću” je prihvatljivo, ali više je prihvatljivo reći „idem da pogledam”, i...
- видећу
- Bez zarez: idem da pogledam
- pogleda(t)ću
- videcu
- Mozda "idem da vidim o čemu se radi....
- Da pogledam (gledam)

- 13) [Kontekst: Juče se Vaš prijatelj naljutio i jako Vas uvredio. Danas Vas zove]
 "Hiljadu se puta izvinjavam, ne znam šta mi se dogodilo. _____ da sam bio izvan sebe od besa..." (*Priznajem*^{НастНСБ} / *Priznaću*^{ФутСБ})

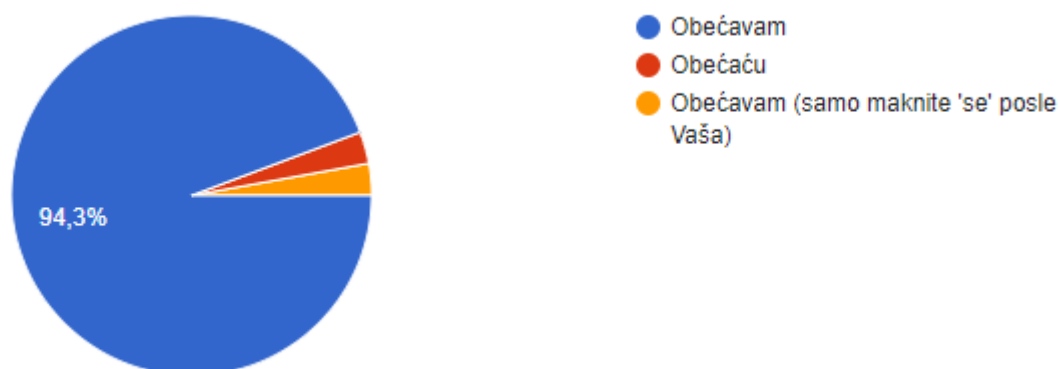

- Priznajem
- Priznaću
- Priznajem, ali na srpskom je prirodnije po sto puta izvini nego hiljadu puta se izvinjavam

КОМИССИВЫ

- 1) [Kontekst: Vi ćete uskoro krenuti na poslovno putovanje, pa su Vaša deca tužna]

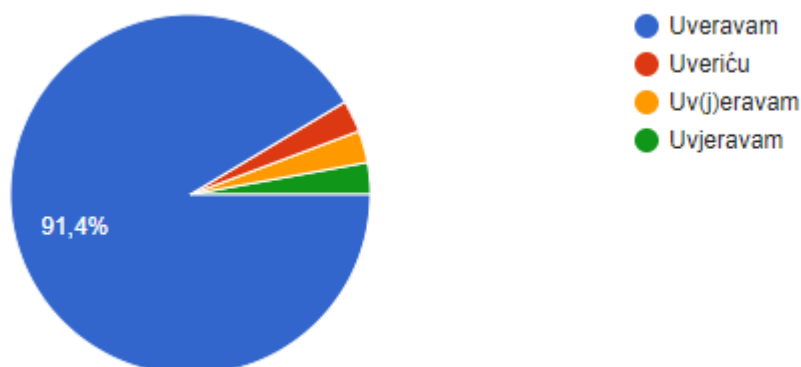
"_____ da se uskoro vraćam kući" (*Obećavam*^{HacrHCB} / *Obećaću*^{ФырCB})

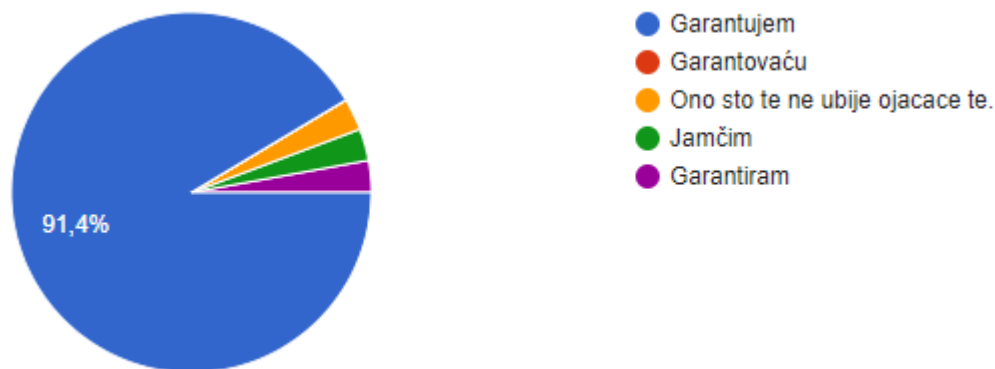
- 2) [Kontekst: Vreme je da se novi američki predsednik premesti u Belu kuću. Došao je dan zakletve]
 "_____ svečano na vernost zastavi Republike i njenom narodu" (*Prisežem*^{HacrHCB} / *Prisećiću*^{ФырCB})

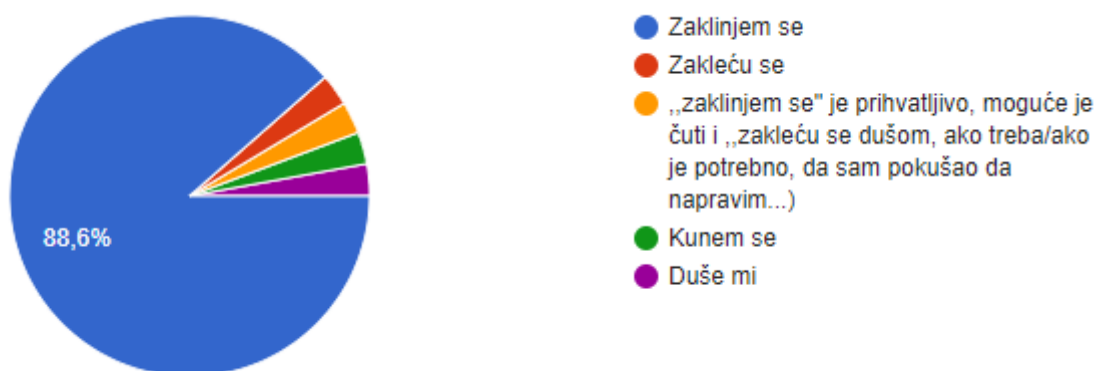
- 3) [Kontekst: Krvav atentat je u pešačkoj zoni u centru velikog grada odneo život petoro ljudi. Gradonačelnik saziva konferenciju za novinare i obraća se građanima]
 "_____ Vas, gospodo, da ovaj krvav i kukavički zločin neće proći nekažnjeno" (*Uveravam*^{HacrHCB} / *Uveriću*^{ФырCB})

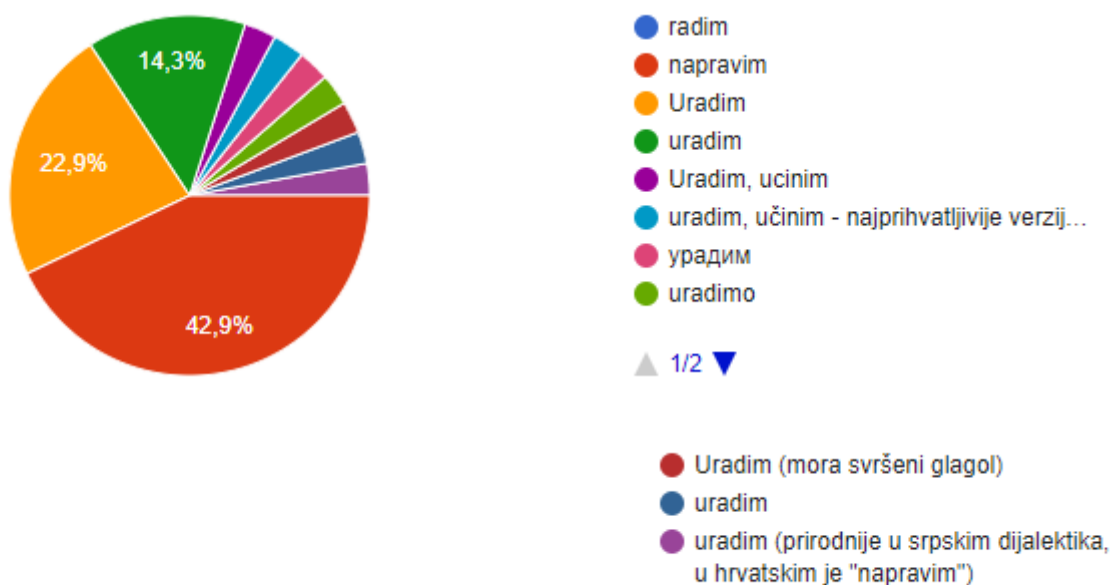
- 4) [Kontekst: Dragoj je prijateljici postavljena dijagnoza hronične bolesti. Vi se trudite da je utešite]
 "_____ ti, ljubavi - ono što te ne ubije te ojača" [*Garantujem*^{HacrHCB} / *Garantovaću*^{Фыр(H)CB}]

- 5) [Kontekst: Pokušali ste da razradite zajednički projekat s prijateljima-arhitektima, ali to je bio strašan neuspeh]
 "_____ dušom da sam pokušao da napravim dobar projekat, ali svakako nisam uspeo"
 (Zaklinjem se^{HactHCB} / Zakleću se^{ФутCB})

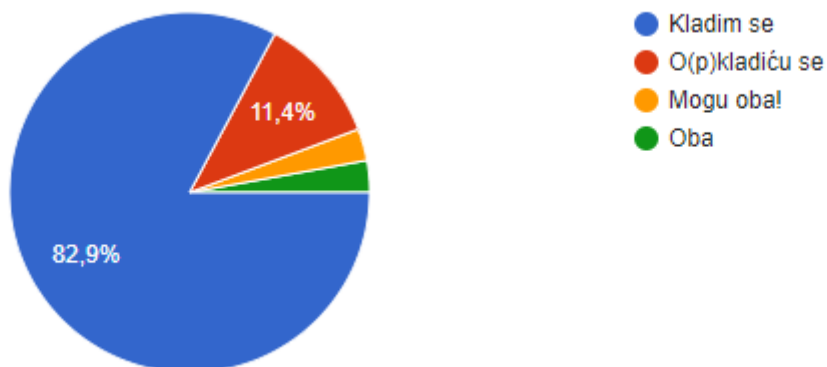

- 6) [Kontekst: Usred bela dana se događa krađa. Vi ste приметili sumnjiva lica. Vaš se prijatelj trudi da Vas nagovori da obavestite policiju, ali Vi se bojite posledica]
 "Znaš šta će biti ako to _____" (*radim*^{HactHCB} / *napravim*^{ФутCB})

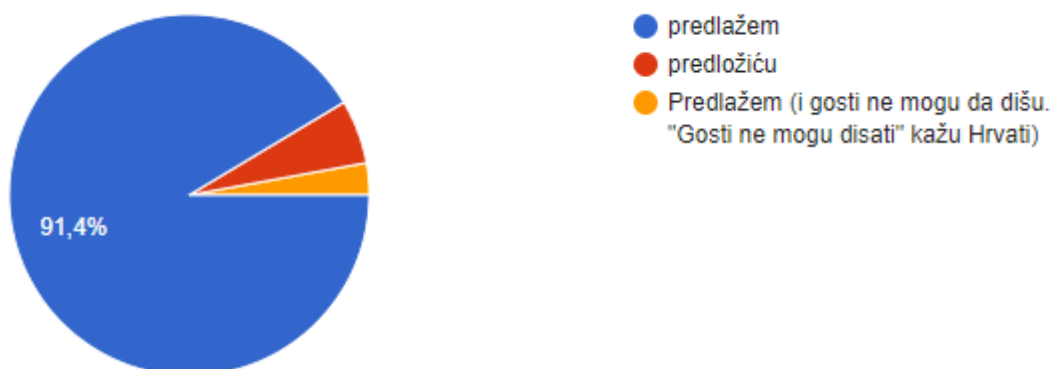

- 7) [Kontekst: U Beogradu se igra utakmica između Crvene Zvezde i Juventusa]

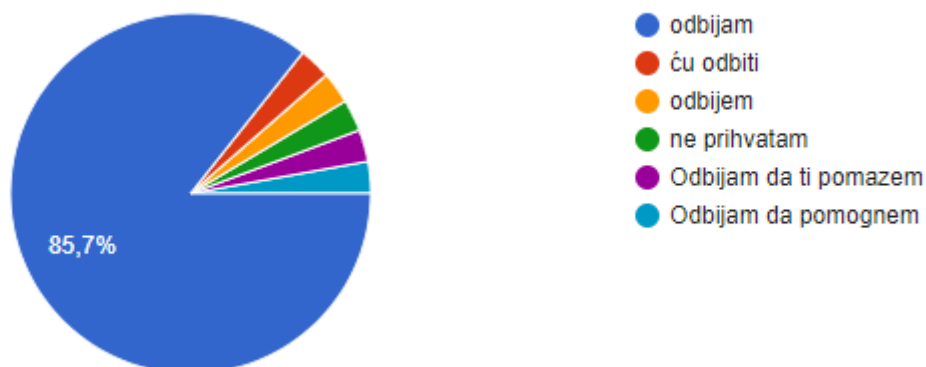
"_____ u šta hoćeš da Juventus nikada neće dobiti utakmicu u gostima" [*Kladim se*^{HactHCB} / *O(p)kladiću se*^{ФyтCB}]

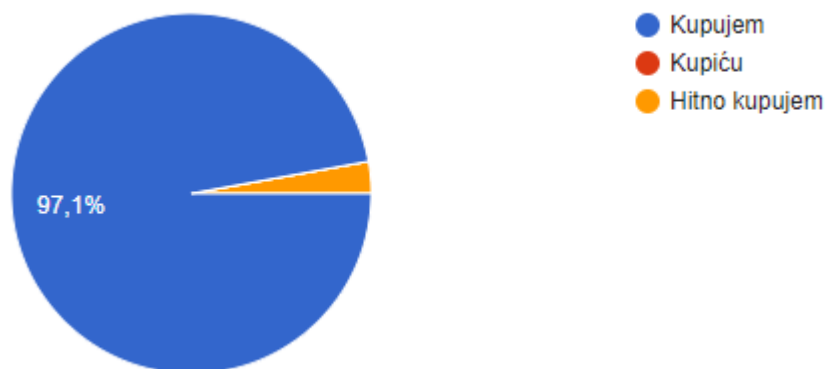
8) [Kontekst: U predsoblju je prenatrpano. Prostor postaje sve tešniji i gosti ne mogu disati]
 "Gospodo, _____ da se premestimo u drugu salu" (*predlažem*^{HactHCB} / *predložiću*^{ФyтCB})

9) [Kontekst: Nakon što se supruga razvela od Petra, ona zahteva da Petar s vremena na vreme uplaćuje novac na njen račun. On se ne slaže]
 "Ja _____ pomoći u takvim uslovima. Da ti to više nije palo na pamet!" (*odbijam*^{HactHCB} / *ću odbiti*^{ФyтCB})

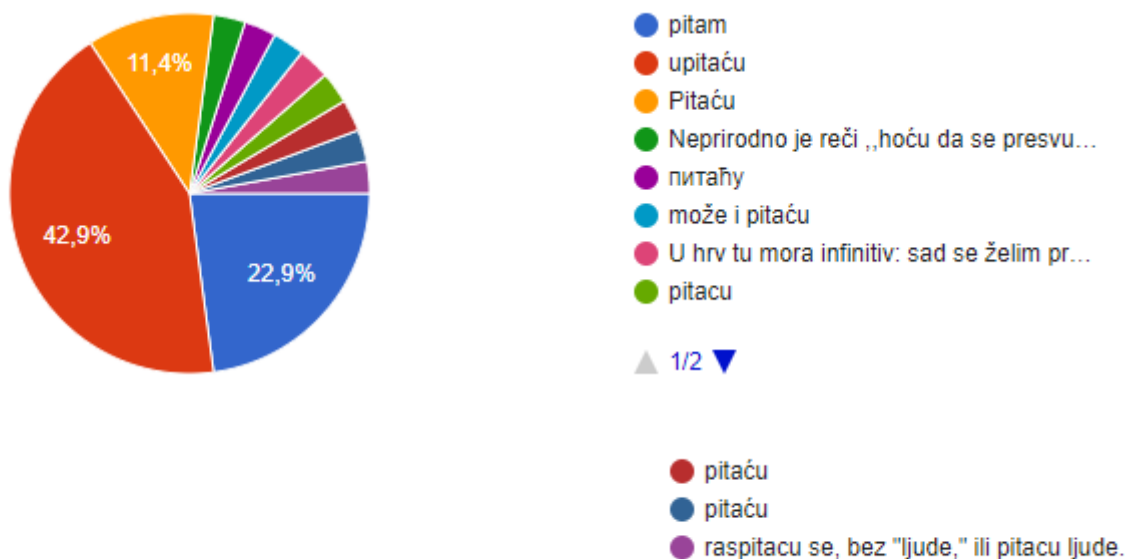

10) [Kontekst: Čovek kojem treba gitara lepi oglase]
 "_____ hitno gitaru - telefonirajte na broj koji se nalazi ispod" (*Kupujem*^{HactHCB} / *Kupiću*^{ФyтCB})

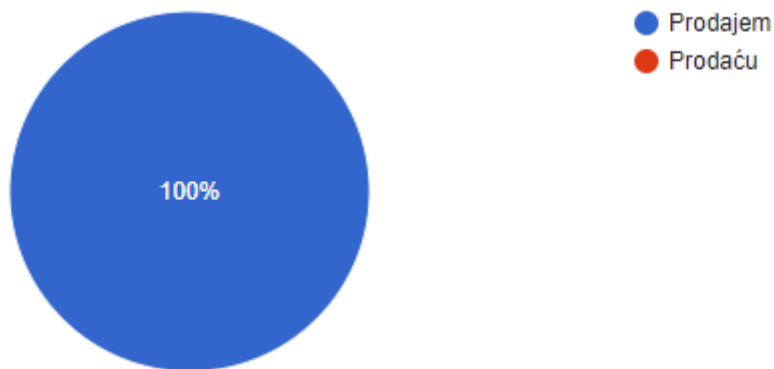
- 11) [Kontekst: Nestao Vam je pas. Vi se brinete za njegov život i bojite se da se nešto nije dogodilo]

"Možda ga je neko primetio napolju! Sad hoću da se presvučem pa idem da ga naokolo tražim, _____ ljude i nadamo se da će me neko obavestiti ako se nešto dogodilo!"
 (pitam^{НастНCB} / upitaću^{ФутCB})

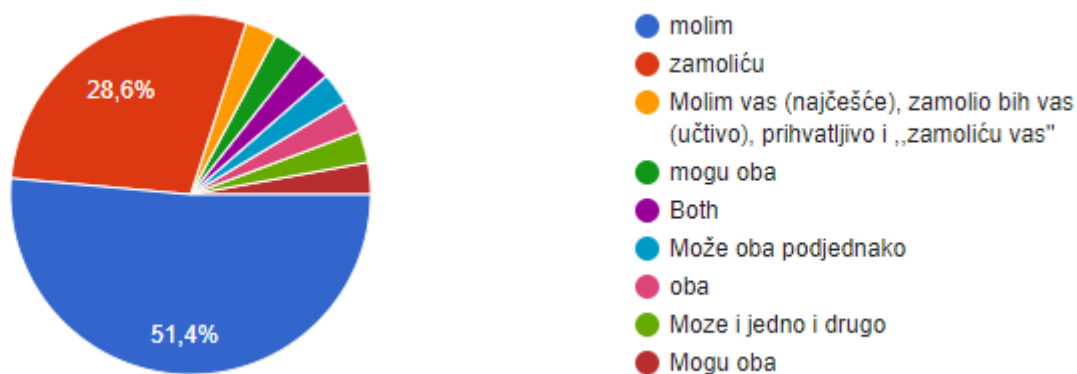
- 12) [Kontekst: Kupili ste košulju, ali je premala i ne odgovara Vam. Odlučili ste da je prodate i objavljujete post na Facebooku]

"_____ novu košulju, nošenu samo jednom. Materijal je na tufnice. Ko je zainteresovan, neka se javi u inboks" (Prodajem^{НастНCB} / Prodaću^{ФутCB})

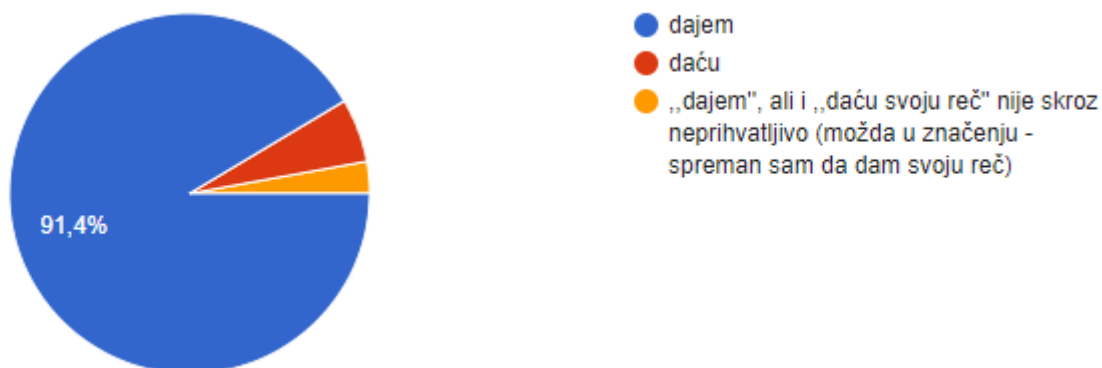

ДИРЕКТИВЫ

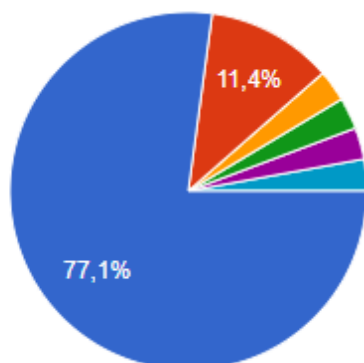
- 1) [Kontekst: Vozač u autobusu pita putnike za karte]
 "Gospodo, _____ Vas da mi pokažete karte" (*molim*^{HactHCB} / *zamoliću*^{ФyтCB})

- 2) [Kontekst: Iznenadan nestanak struje je pokvario večernju zabavu na otvorenom. Vi se izvinjavate svim gostima]
 "Večeras se pojavilo nekoliko problema sa osvetljenjem, ali _____ svoju reč da se ovo više neće ponoviti" (*dajem*^{HactHCB} / *daću*^{ФyтCB})

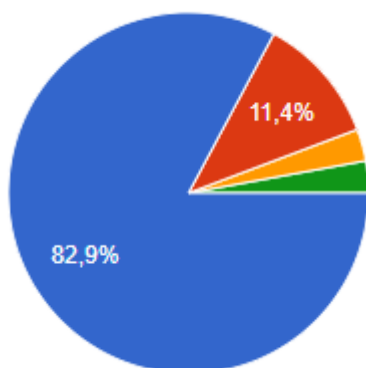

- 3) [Kontekst: Vašem prijatelju se ide u bioskop, ali ne zna koji film da gleda. Vama se mnogo svideo "Klip" Maje Miloš]
 "Ako baš moramo da izaberemo, _____ ti "Klip". Film je super!" (savetujem^{НастНБ} / savetovaću^{ФутНБ})

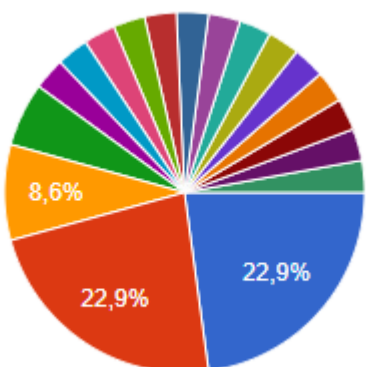
- savetujem
- savetovaću
- predlažem ti „Klip“; ne koristimo glagol „savetovati“ u ovakvoj formi, dopustivo je jedino „savetujem ti da pogledaš „Klip“
- sav(j)etujem
- Ako bas moram da izaberem jedan film, preporucujem ti...
- preporucujem

- 4) [Kontekst: Sin pita majku da li može da se igra s prijateljima u dvorištu. Majka mu to ne dozvoljava, jer neće da zaprlja farmerke, ali sin je ne sluša. Majka se ljuti na njega]
 "_____ ti da se igraš u dvorištu! Razumeš li? Poslušaj mamu!" (Zabranjujem^{НастНБ} / Zabraniću^{ФутНБ})

- Zabranjujem
- Zabraniću
- Oba
- Može oboje, ali ima drugačiji smisao. Zabranjujem znači da kazna odmah stupa na snagu, a zabraniću je pretnja.

- 5) [Kontekst: Kaznili su Vas 3000 dinara zbog brze vožnje, ali Vi ne želite priznati krivicu pred policijom]
 "Ja nisam prekršio nikakav zakon za volanom pa _____ u tome da kaznu neću platiti" (ustrajem^{НастНБ} / ustrajaću^{ФутНБ})

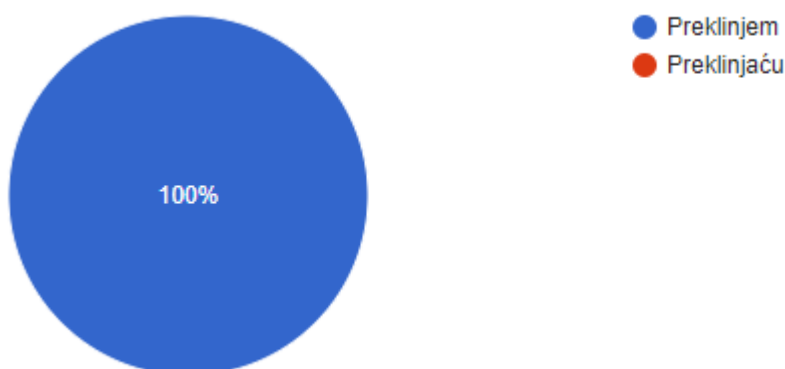

- ustrajem
- ustrajaću
- ću ustrajati
- ustrajavam
- Pa cu.ustrajati u tome da ne platim ka...
- čudan glagol; pre „pa sam istrajan u t...
- "истрајавам" или "истрајаћу у томе...
- Па ћу устрајати у томе да казну не п...

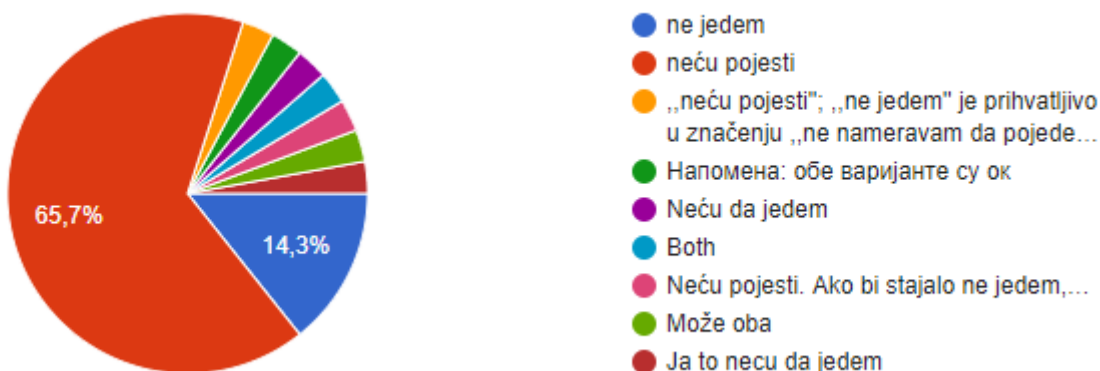
▲ 1/3 ▼

- ne može na srpskom ni jedno ni drugo...
- Ustrajavam
- Ću istrajati (srpska varijanta zahteva i...
- Ću ustrajati
- Ću istajati
- Ću biti istrajan
- Istrajavam
- sam istrajan
- Ova rec se ovako ne koristi. Vecina stvari je ovde direktan prevod i ne bi se ni rekla na srpskom. Kad bih preporicala nekome, rekla bih mozda, istrajacu u tome da ne platim kaznu.
- Ću ustrajajati

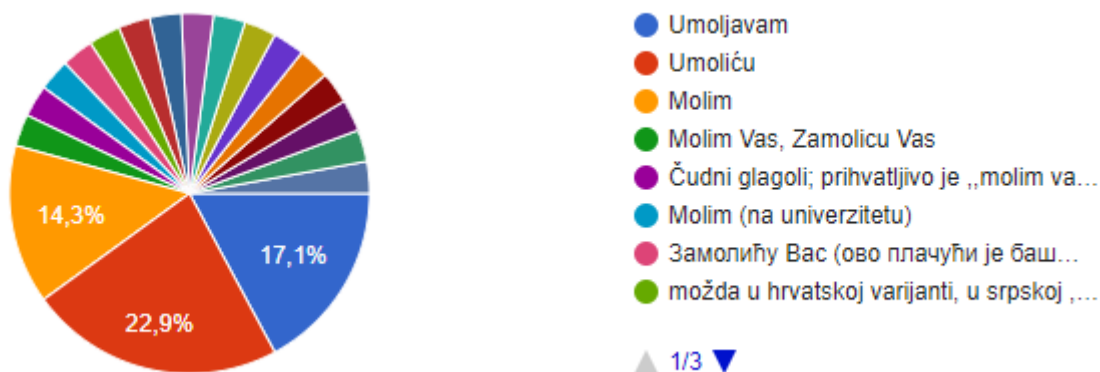
- 6) [Kontekst: Vi ste za volanom i iznenada primećujete da nepoznati čovek sprema da se ubije, tako što će se baciti s mosta. Vi mu se približavate]
 "_____ Vas, ostanite na mestu, nemojte da se bacite! Ima ljudi na ovom svetu koji Vas vole!" [*Preklinjem*^{HacrHCB} / *Preklinjaću*^{Фyт(Н)CB}]

- 7) [Kontekst: Danas ste kupili sveži hleb, ali ste ga nehotice ostavili na svežem vazduhu. Hleb se ubajatio. Vaš sin ga odbija da ga pojede]
 "Ovaj je hleb nejestiv! Nikako se neću predomisliti, ja to _____!" (<ne> *jedem*^{HacrHCB} / <neću> *pojesti*^{ФyтCB})

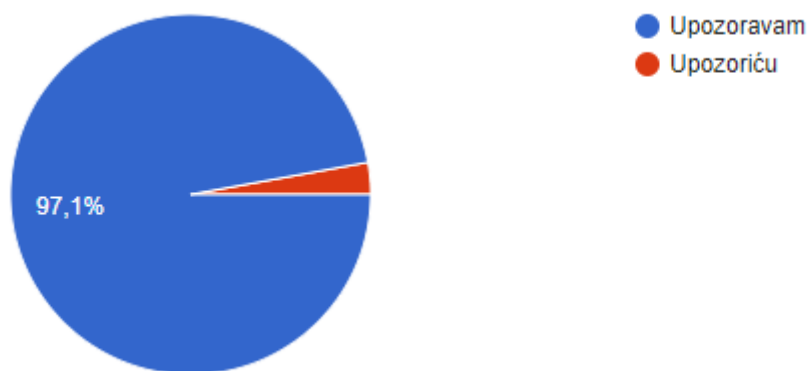

- 8) [Kontekst: Vaš kolega u univerzitetu, s kojim delite kancelariju, Vam je ukrao novčanik. Vi ste to doznali i plaćući se mu obraćate]
 "_____ Vas da uzmete svoje stvari i da odete odavde zauvek" (*Umoljavam*^{HacrHCB} / *Umoliću*^{ФyтCB})

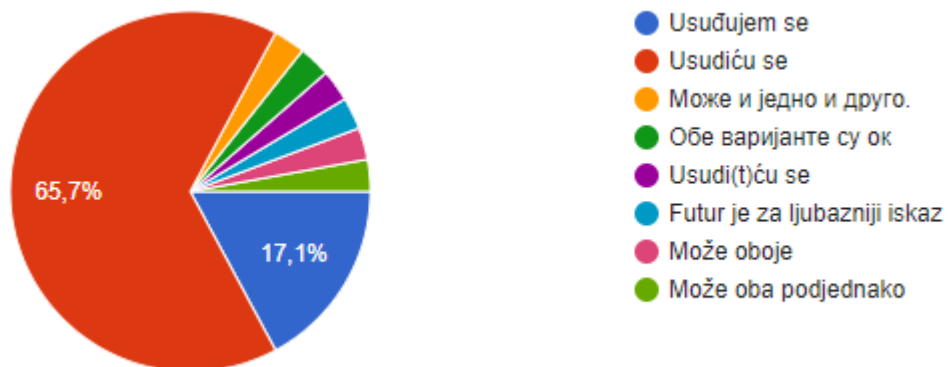

- Molim te
- Molim
- molim
- Zamolicu
- Moliću vas zvuči učtivije, ali i distancir...
- Zamoliću
- Zamolicu vas
- Zamoliću
- Molim Vas
- Molim ili Zamoliću
- molim ili zamoliću

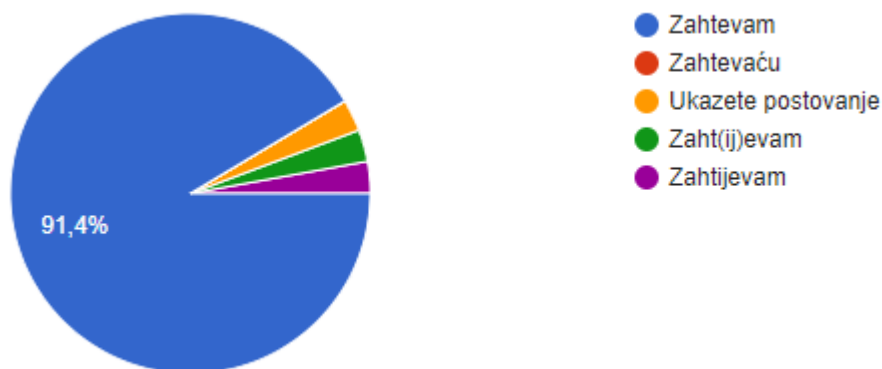
- 9) [Kontekst: Verenica je ostavila Vašeg najboljeg prijatelja na oltaru. On je pao u depresiju, pa se propio. Svratili ste kod njega da popričate]
 "Slušaj me, tako ne možeš dalje. _____ te: ako ne prestaneš da piješ, poginućeš"
 (Upozoravam^{НастHCB} / Upozoriću^{ФутCB})

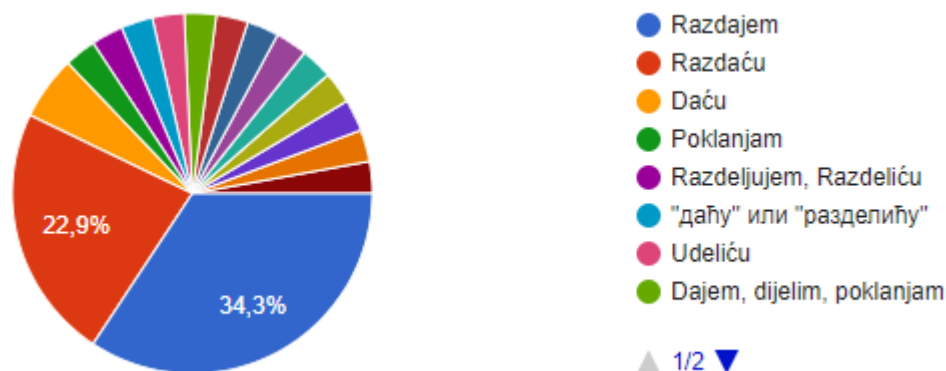
- 10) [Kontekst: Vaša se poznanica hvali da je u supermarketu prevarila kasirku za sto dinara. Vi prekidate raspravu]
 "_____ da primetim da si se ružno ponela" (Usudujem se^{НастHCB} / Usudiću se^{ФутCB})

- 11) [Kontekst: Novi kolega na poslu Vas stalno ismejava, a Vi ste izgubili strpljenje]
 "Glembaju, ozbiljno pričam. _____ da mi pokažete poštovanje!" [Zahtevam^{НастНCB} /
 Zahtevaću^{Фут(Н)CB}]

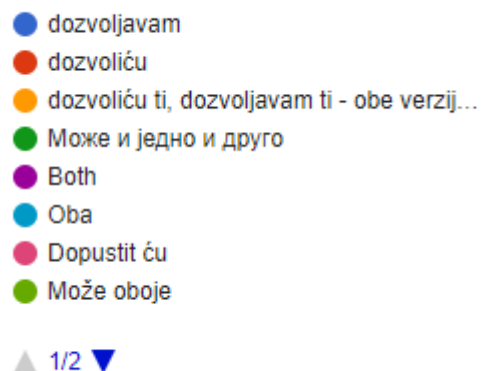
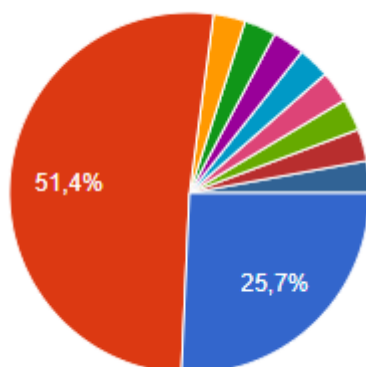

- 12) [Kontekst: Nekoliko dana pre preseljenja morate da se oslobodite starih stvari]
 "_____ svoje stare stvari kome god da su potrebne" (Razdajem^{НастНCB} / Razdaću^{ФутCB})

- ▲ 1/2 ▼
- Dajem, Poklanjam
 - Razdeliću
 - Delim/poklanjam
 - Prva varijanta ako npr stavljamo oglas...
 - Podeliću
 - Sta znaci ova rec? Mozda "dacu"
 - Razdeljujem
 - ne znam ovaj glagol, možda dajem ili r...

- 13) [Kontekst: Sin je održao obećanje da malo provežba matematiku. Sad pita svog oca za pare da ide u bioskop s prijateljima da gleda horor film]
 "Važi, _____ ti da ideš u bioskop, ali samo pod uslovom da se vratiš kući do ponoći"
 (*dozvoljavam*^{НастНCB} / *dozvoliću*^{ФутCB})

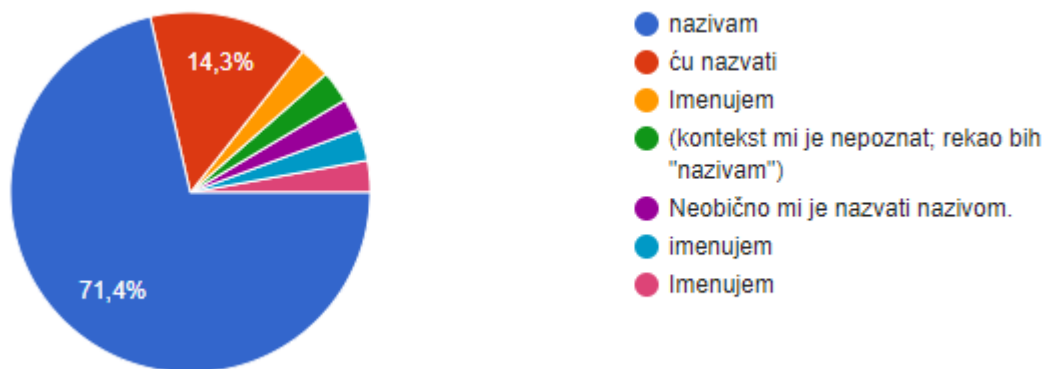
● oba
 ● Oba su ok

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ (2). АНКЕТА (ХОРВАТСКИЙ ВАРИАНТ)

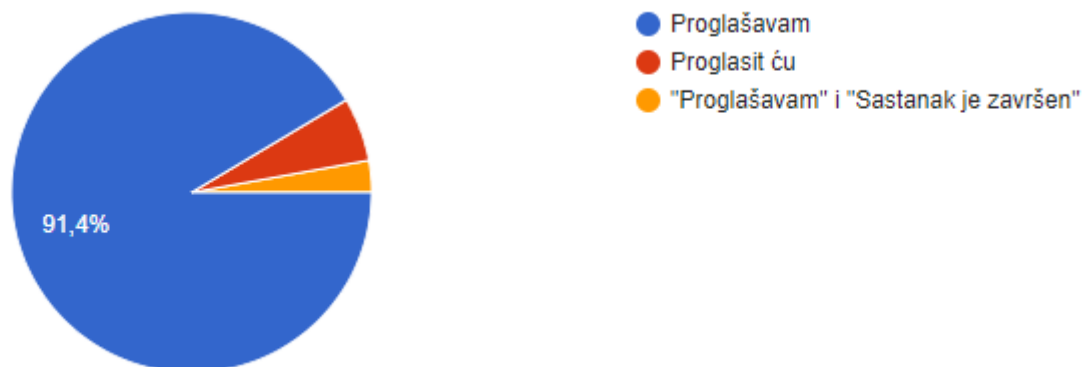
В приложении приводятся в графическом виде (т.е. в виде круговых диаграмм) результаты анкетирования, адресованного носителям хорватского варианта сербскохорватского континуума. Контексты разделены, как правило, на декларации, экспозитивы, комиссивы и директивы. Дистракторы выделены жирным шрифтом, а искусственно модифицированные примеры – курсивом. Подчеркнем, что в приложении сохраняется орфография и пунктуация оригинальных контекстов (в том числе и возможные описки). Напомним, что некоторые среди более широких комментариев, которые здесь не удалось воспроизвести по техническим причинам, уже приводились в тексте диссертации. Добавим также, что в приложении не приводятся ответы на модуль «Osobni podaci».

ДЕКЛАРАЦИИ

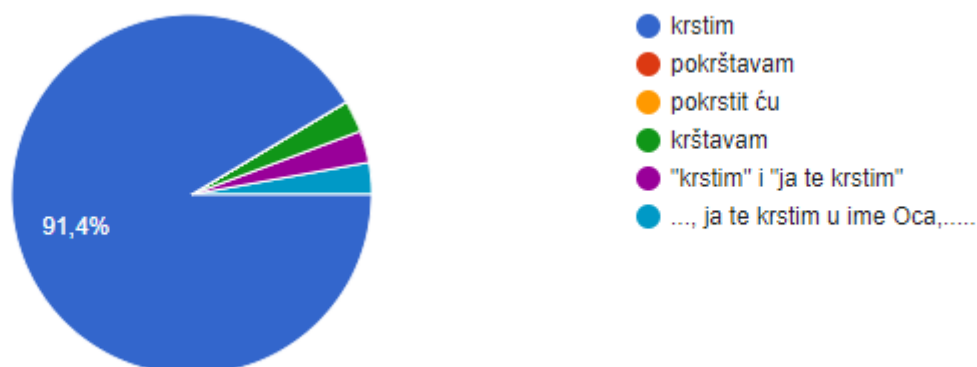
- 1) [Kontekst: Gradonačelnik Dubrovnika je pozvan na službenu inauguraciju parobroda «Merak». On mora razbiti bocu šampanjca o bok broda. Gradonačelnik kaže]
"Ja _____ ovaj brod nazivom «Merak»" (***nazivam***^{НастНСВ} / ***ću nazvati***^{ФутСВ})

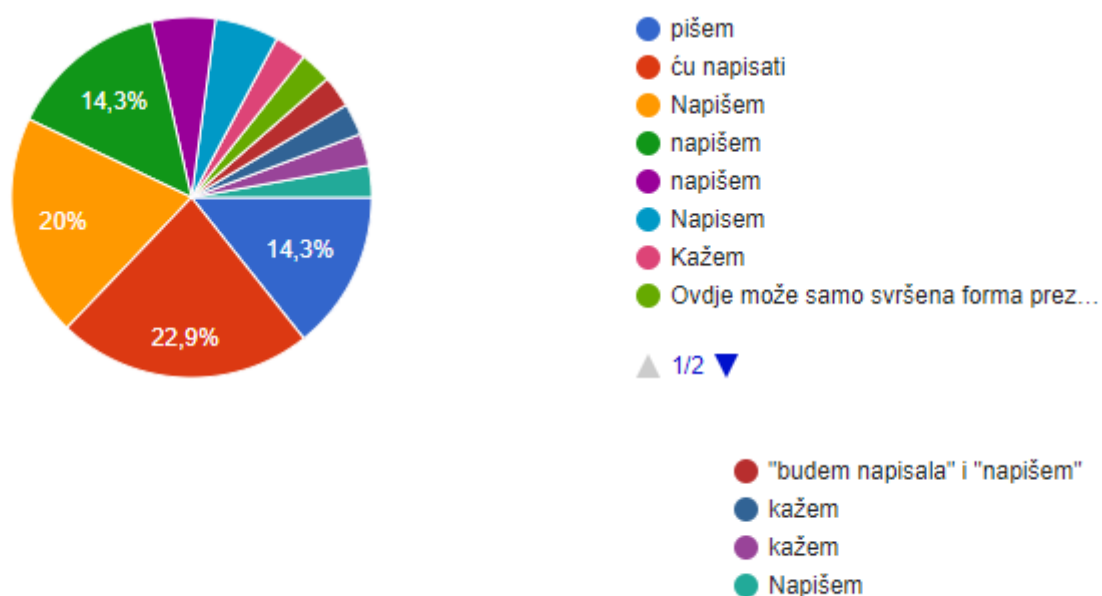
- 2) [Kontekst: Završava se poslovni sastanak. Govori izvršni direktor međunarodne korporacije]
"Hvala Vam svima što ste aktivno sudjelovali. _____ sastanak završenim"
(***Prolašavam***^{НастНСВ} / ***Proglasit ću***^{ФутСВ})

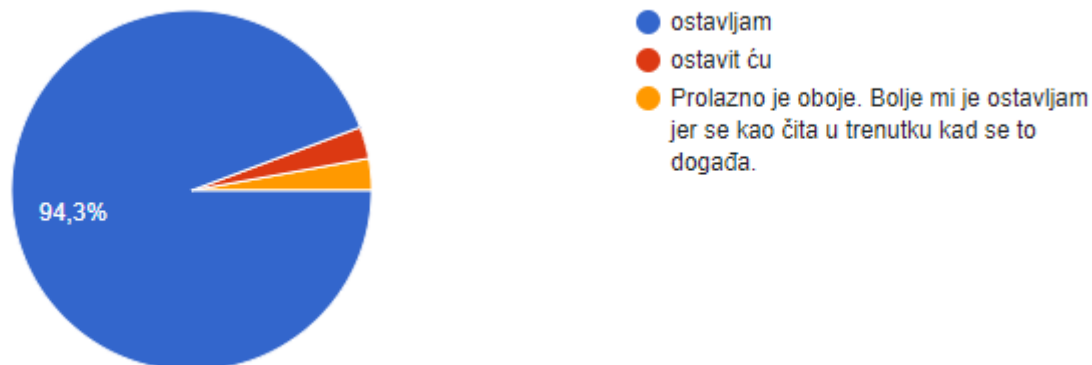
- 3) [Kontekst: Pri krštenju novorođenčeta govori svećenik]
 "Marko, _____ te u ime Oca, Sina i Svetog Duha" (*krstim*^{HacrHCB} / *po*krštavam^{HacrHCB} / *po*krstit ću^{ФyтCB})

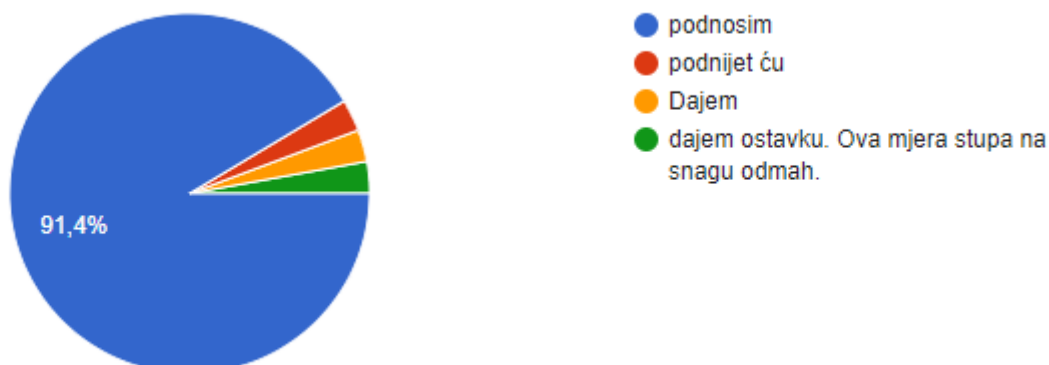
- 4) [Kontekst: Prijateljica analizira sadržaj filma «Tko pjeva zlo ne misli»]
 "Neću biti originalna, ako _____ da je ovaj film bajka - bajka u koju se kao dijete lako vjeruje" (*pišem*^{HacrHCB} / *ću napisati*^{ФyтCB})

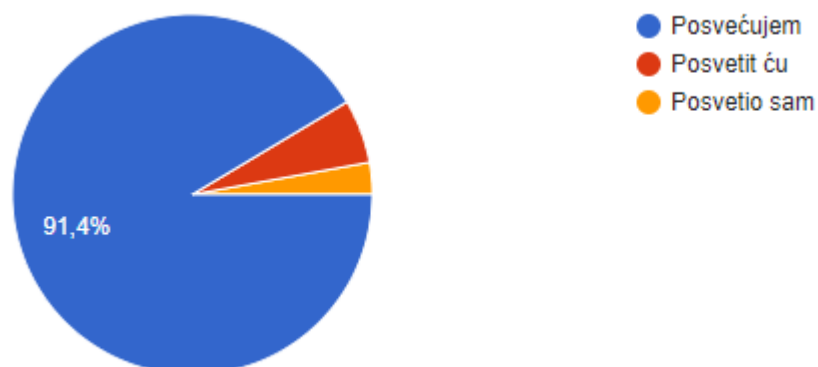
- 5) [Kontekst: Baka Vam je umrla u snu. Unuci su se okupili kod javnog bilježnika kako bi otvorio i pročitao oporuku. Notar čita]
 "Ja, Tijana Babić, potpuno sposobna za rasuđivanje i po svojoj slobodnoj volji raspolazem svojom imovinom za slučaj smrti. Posle svoje smrti _____ gore opisanu imovinu svojim unucima"
 (*ostavljam*^{HactHCB} / *ostavit ću*^{ФyтCB})

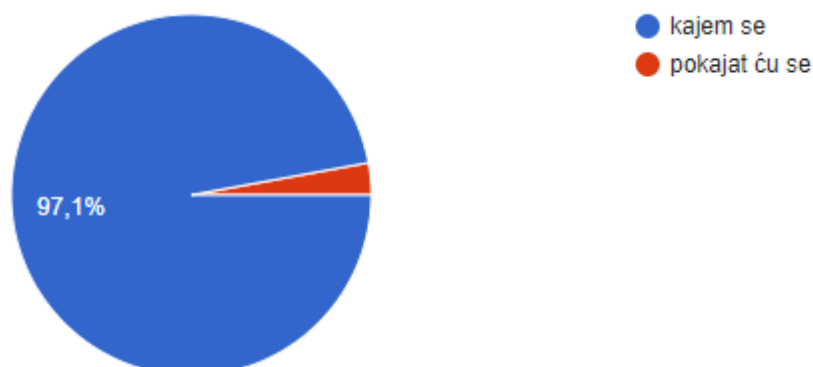
- 6) [Kontekst: U novinama su objavili da je gradonačelnik velikog grada dobio mito da ubrza izgradnju novoga kvarta u blizini grada. Puca skandal. Gradonačelnik saziva konferenciju za novinare]
 "U vašem prisutstvu službeno _____ ostavku. Ova će se mjera odmah sprovesti"
 (*podnosim*^{HactHCB} / *podnijet ću*^{ФyтCB})

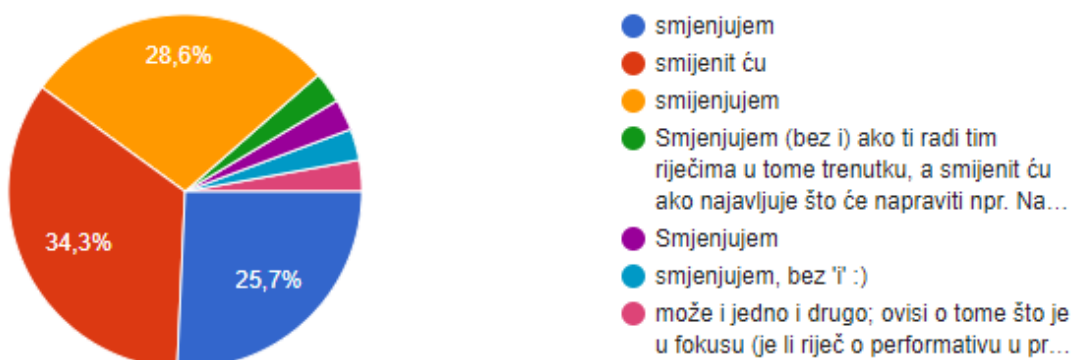
- 7) [Kontekst: Izašla je nova knjiga poznatog pisca. Autor to izjavljuje na službenoj prezentaciji]
 "_____ svoju novu knjigu svima koje sam u svojem životu razočarao" (*Posvećujem*^{HactHCB} / *Posvetit ću*^{ФyтCB})

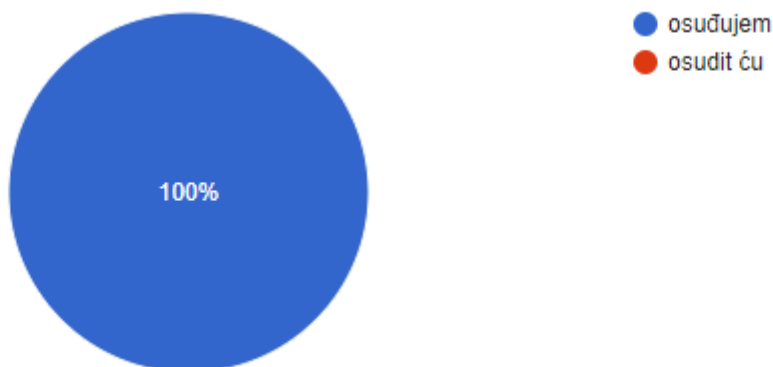
- 8) [Kontekst: Svećenik sjedi u ispovjedaonici. Ulazi vjernik. Svećenik ga pita želi li se pokajati za svoje grijeh]
 "Da, Oče, _____ pred Bogom i pred Vama zbog onoga što sam učinio" (*kajem se*^{HacrHCB} / *pokajat ću se*^{ΦyrCB})

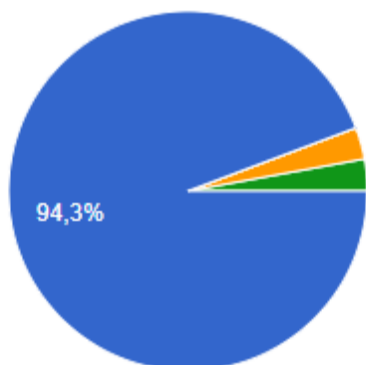
- 9) [Kontekst: Pep Guardiola trenira Hajduk Split, ali šest mjeseci nakon početka prvenstva momčad zauzima posljednje mjesto u tabeli i u opasnosti je od ispadanja iz prve lige. Predsjednik kluba telefonira Guardiola]
 "S obzirom na sve rezultate, uvjeren sam u to da moramo hitno poduzeti nužne korake. Žao mi je, ali _____ Vas sa dužnosti" (*smjenjujem*^{HacrHCB} / *smijenit ću*^{ΦyrCB})

- 10) [Kontekst: Muškarac je ubio svoju suprugu. Sudac čita presudu]
 "Ivice Kičmanoviću, tužilaštvo Vas je optužilo za ubojstvo prvog stupnja. Dakle, _____ Vas na bezuvjetnu kaznu u trajanju od deset godina" (*osuđujem*^{HacrHCB} / *osudit ću*^{ΦyrCB})

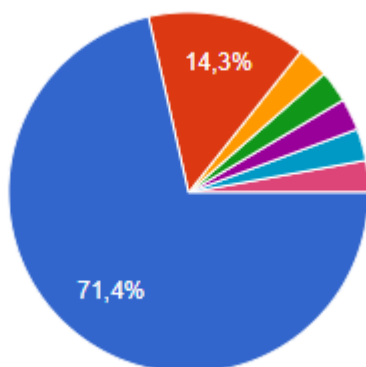

- 11) [Kontekst: Leonardo Di Caprio nije nominovan za nagradu Oscar za najboljeg glumca u glavnoj ulozi u filmu «Bilo jednom u Hollywoodu». Vaša prijateljica tvrdi da je on nominaciju zavrijedio]
 "Mislim da ne pretjerujem ako _____ da je ova uloga najkompliciranija u njegovoj karijeri" (*kažem*^{HacrHCB} / *ću reći*^{ФырCB})

- kažem
- ću reći
- može i jedno i drugo; "ću reći" nešto je učtivije od "kažem" u ovome kontekstu
- budem rekla

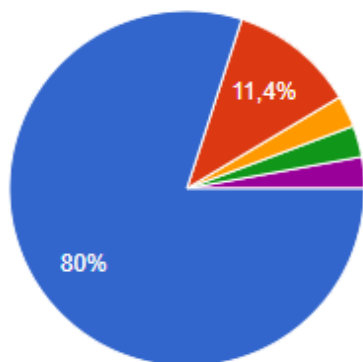
- 12) [Kontekst: Vi ste četiri dana za redom jako kasnili na posao. Šef Vas poziva u ured]
 "Žao mi je, ali ne mogu drugačije. _____ Vas" (*otpuštam*^{HacrHCB} / *otпустит ću*^{ФырCB})

- Otpuštam
- Otpustit ću
- Otpuštam vas ako je to tim činom učinio, otpustiti ću vas ako je to plan
- Otpustiću
- Šef je trebao pitati zašto kasnim 😊
- Dajem Vam otkaz.
- Ništa od navedenoga. Prije: "Sutra ne trebate doći na posao." Ili: "Dajem Vam otkaz."

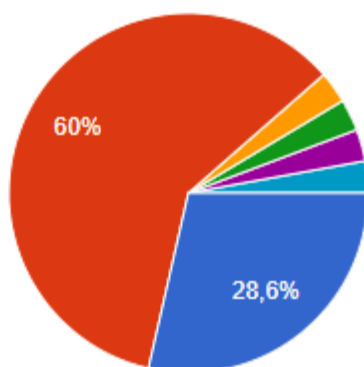
ЭКСПОЗИТИВЫ

- 1) [Kontekst: Na međunarodnom znanstvenom kongresu lingvista dva sudionika se burno prepiru oko podataka. Jedan se obraća drugome]
 "Da li ste uvjereni u to? _____ da nikada u svojem životu niste čitali «Minimalistički program» Noama Chomskog!" (*Pretpostavljam*^{HacrHCB} / *Pretpostavit ću*^{ФырCB})

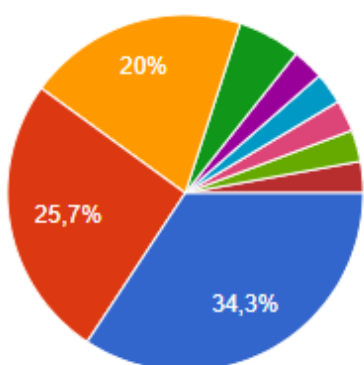
- Pretpostavljam
- Pretpostavit ću
- Ja bih rekla pretpostavljam. Ali mislim da u Hrv to ovisi o regiji.
- "Pretpostavit ću" označivalo bi da slijedi dodatna argumentacija.
- "Pretpostavljam" ako je to jedino što će govornik reći.
- both are okay for me

- 2) [Kontekst: Izazvana je prepirka u UN-u između ruskog i američkog predsjednika oko ekonomskih sankcija. Govori ruski predsjednik]
 "Vi, Amerikanci, očito kršite sve pravne norme - da, _____ to, vi ih očito kršite!"
 (ponavljam^{HacrHCB} / ponovit ću^{ФyтCB})

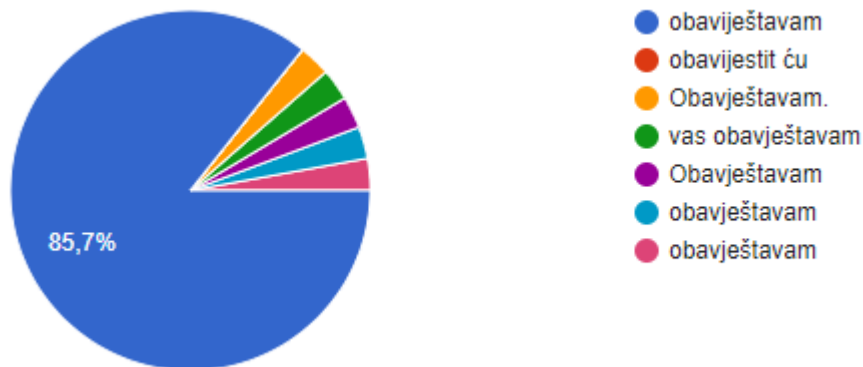
- ponavljam
- ponovit ću
- Ponavljam. Ali može i ponovit ću. Mislim da je regionalno različito što prevladava.
- ponoviću
- oboje može
- both are okay for me

- 3) [Kontekst: Profesor drži lekciju iz matematike i objašnjava teoriju fraktala]
 "Sad _____ Ričardsonovu teoriju sa Mandelbrotovom" (uspoređujem^{HacrHCB} / ću usporediti^{ФyтCB})

- uspoređujem
- usporedit ću
- ću usporediti
- Ћu usporediti
- Ovisi je li to ono što radi u tom trenu, onda je uspoređujem. Ili najavljuje nov...
- ću usporediti :)
- "uspoređujem" ili "ću usporediti" (ne "u...")
- Is he about to compare or already co...
- Cu usporediti

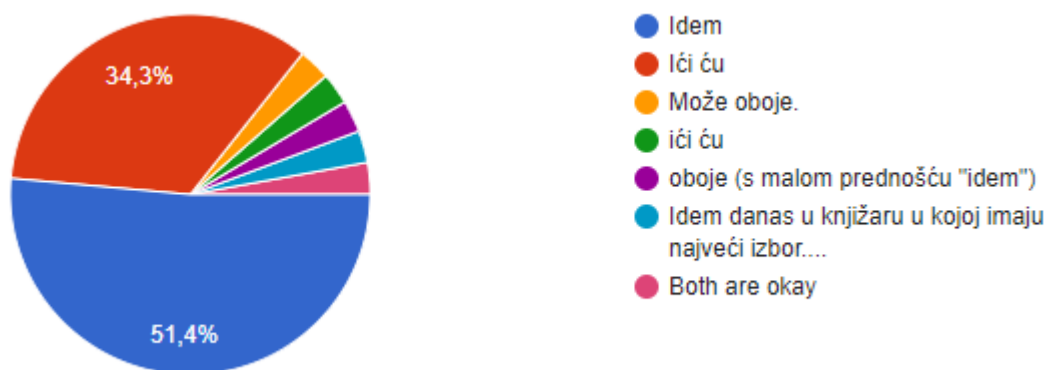
- 4) [Kontekst: Uoči važnog natjecanja gimnastičarka se ozbiljno ozljeđuje. Voditelj programa je prisiljen obavijestiti gledaoce o strašnoj vijesti]
 "Teška srca _____ vas da se atletsko natjecanje neće održati" (obaveštavam^{HacrHCB} / obavestiću^{ФyтCB})

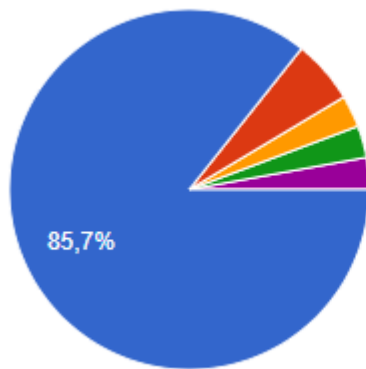
- 5) [Kontekst: Skupljaju se prijave za planinski izlet. Govori organizator]
 "_____ vas da je ostalo samo tri dana za rezervacije!" (*Podsjećam*^{HacrHCB} / *Podsjetit ću*^{ФyтCB})

- 6) [Kontekst: Treba Vam novo kritičko izdanje knjige Dubravke Ugrešić «Baba Jaga je snijela jaje», ali ne možete osobno svratiti u knjižaru je kupiti, te pitate prijatelja za pomoć. Prijatelj odgovara]
 "_____ danas u knjižaru, tamo ima najveći izbor hrvatske književnosti. Ako je nema u knjižari, naručit ću ga preko interneta" (*Idem*^{HacrHCB} / *Ići ću*^{ФyтCB})

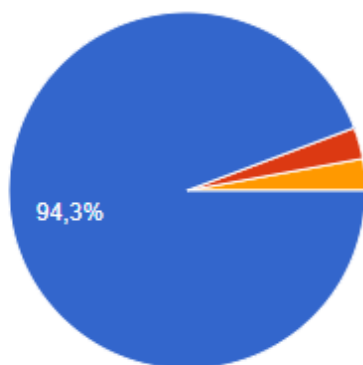

- 7) [Kontekst: Rok grupa je otkrila da je njihova poslednja ploča neočekivano procurila i bez dozvole stavljena na internet. Članovi grupe žele da predaju krivce sudcu. Govori pjevač]
 "_____ da ove varalice nemaju i nikada neće imati nikakva prava na naš materijal" (*Izjavljujem*^{HacrHCB} / *Izjavit ću*^{ФyтCB})

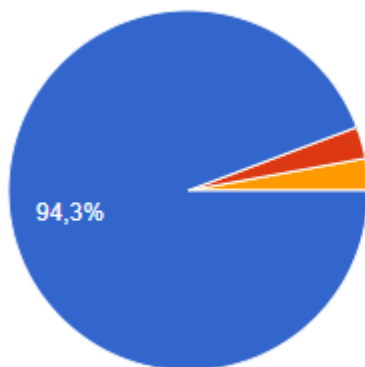
- Izjavljujem
- Izjaviti ću
- Izjavljujem ako to sad izjavljuje. Izjaviti ću ako najavljuje što će reći kad dođe pred sudca.
- "Izjavljujem" iako bi se izostavio taj dio u razgovornome jeziku.
- Context not clear. Is he saying what he is planning to say in court? Then #2. If he is already in court giving a stateme...

- 8) [Kontekst: Čovjek želi ugovoriti svojeg sugovornika u vjerodostojnost svoje teorije]
 "Možda Filip Latinovicz misli da se Zemlja ne okreće oko Sunca, već stoji u mjestu, dok mu ja _____ na ovoj trivijalnoj argumentaciji" (*zamjeram*^{HacrHCB} / *ću zamjeriti*^{ФyтCB})

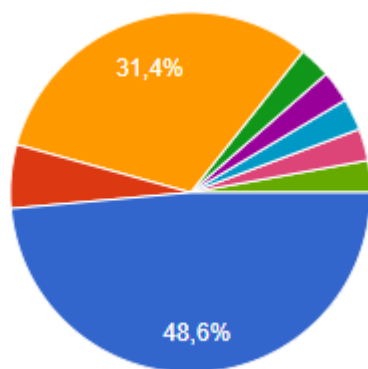
- zamjeram
- ću zamjeriti
- zamjeram jer je "ću zamjeriti" u ovoj poziciji agramatično ("...dok ću mu ja zamjeriti...")

- 9) [Kontekst: Ukrali su Vam nakit. Vi to prijavljujete policiji]
 "_____ da je netko provalio u moj dom i ukrao mi skup nakit" (*Prijavljujem*^{HacrHCB} / *Prijavit ću*^{ФyтCB})

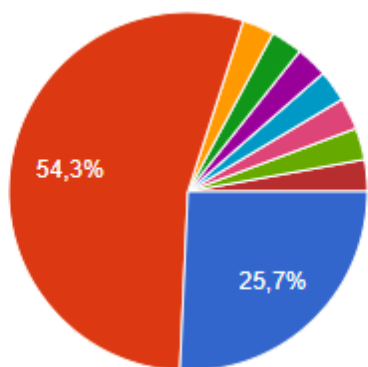
- Prijavljujem
- Prijavit ću
- Prijavljujem ako to radim tim činom. Prijavit ću ako samo nekome najavljujem da idem policiji. Dakle pretpostavljam da je s obzirom na kontekst prijavljujem

- 10) [Kontekst: Prijateljičina kćerka je postala veterinarka, a Vi znate da je ona uvijek sanjala da radi u konjušnici s konjima. Prijateljica kaže]
 "_____ kako se njezin aktualni posao kosi sa strašću prema konjima" (<Ne> *shvatam*^{HacrHCB} / <Neću> *shvatiti*^{ФyтCB})

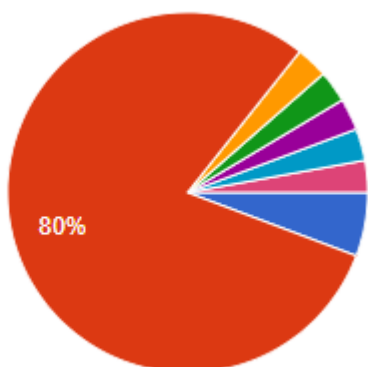
- Ne shvatam
- Neću shvatiti
- Ne shvaćam
- Ne shvaćam. Funkcioniralo bi i neću nikad shvatiti.
- ne shvaćam / ne razumijem
- Ne mogu razumijeti
- Ne razumijem
- Ne shvaćam

- 11) [Kontekst: Doktorski kandidat predstavlja prezentaciju na kongresu]
 "_____ još da su ovi rezultati za sada samo preliminarni" (*Dodajem*^{HactHCB} / *Dodat ću*^{ФyтCB})

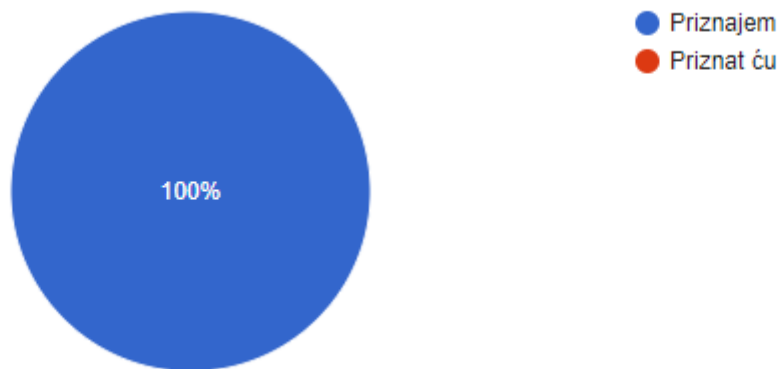
- Dodajem
- Dodat ću
- Može oboje. Mislim da bih ovdje češće rekla dodat ću
- oboje
- Dodao bih
- Još bih dodao da su.... /Želim istaknuti...
- Napominjem
- Dodati ću
- Both are okay.

- 12) [Kontekst: U Slavonskom Brodu je održan školski protest za klimu. Vi ste skeptični prema takvim povorkama pa želite dobiti jasniju ideju o njima]
 "Vidjet ćemo sad o čemu je riječ - idem, _____ pa ću još i vikati sa njima, ako bude potrebno" (*gledam*^{HactHCB} / *pogledat ću*^{ФyтCB})

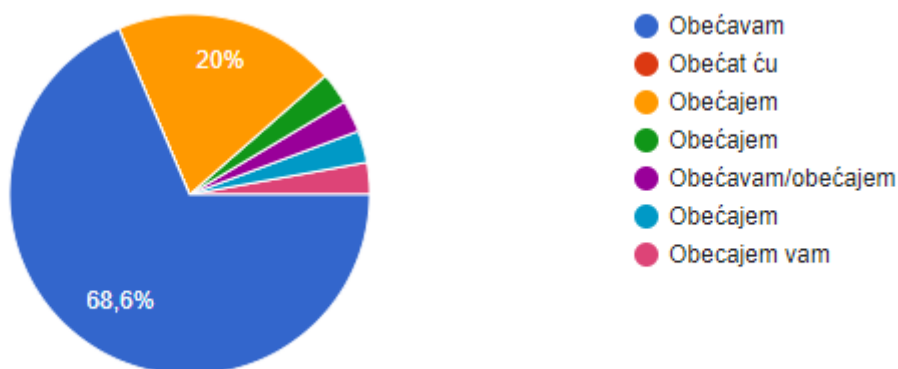
- gledam
- pogledat ću
- Gledati
- "pogledat ću", ali bolje "vidjet ću"
- vidjet ću pa ću i vikati s njima
- pogledati ću
- Pogledati

- 13) [Kontekst: Jučer se Vaš prijatelj naljutio i jako Vas uvrijedio. Danas Vas zove]
 "Tisuću se puta ispričavam, ne znam što mi se dogodilo. _____ da sam bio izvan sebe od bijesa..." (*Priznajem*^{HactHCB} / *Priznat ću*^{ФyтCB})

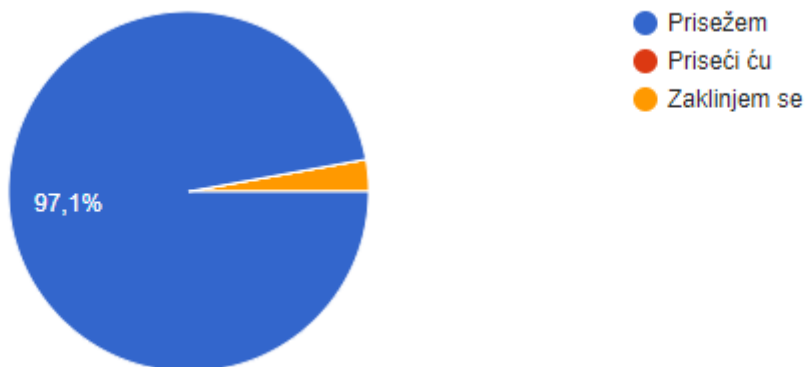

КОМИССИВЫ

- 1) [Kontekst: Vi ćete uskoro krenuti na poslovno putovanje, pa su Vaša djeca tužna]
 "_____ da se uskoro vraćam kući" (*Obećavam*^{НастНCB} / *Obećat ću*^{ФутCB})

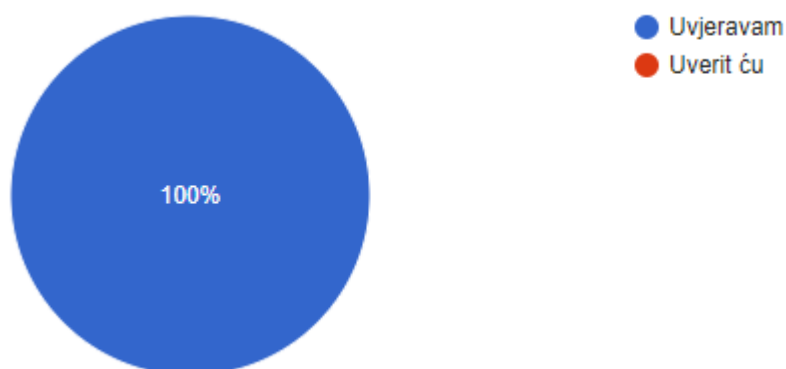

- 2) [Kontekst: Vrijeme je da se novi američki predsjednik premjesti u Bijelu kuću. Došao je dan zakletve]
 "_____ službeno na vjernost zastavi Republike i njezinom narodu" (*Prisežem*^{НастНCB} / *Priseći ću*^{ФутCB})

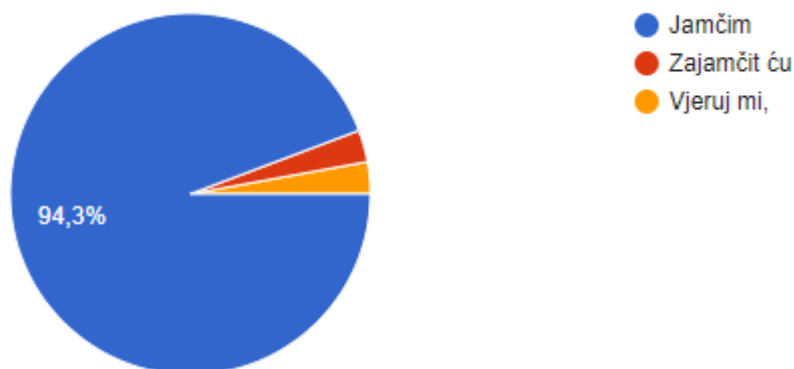

- 3) [Kontekst: Krvav atentat je u pješačkoj zoni u centru velikog grada odnio život petoro ljudi. Gradonačelnik saziva konferenciju za novinare i obraća se građanima]

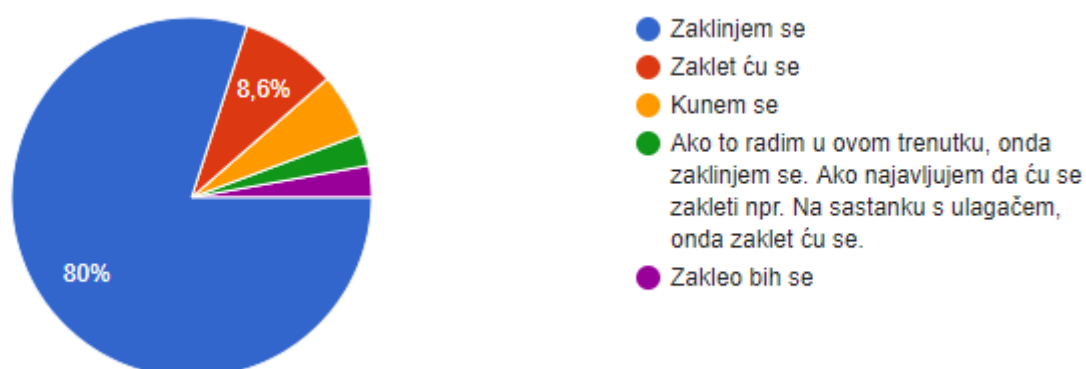
"_____ Vas, gospodo, da ovaj krvav i kukavički zločin neće proći nekažnjeno"
(*Uvjeravam*^{HactHCB} / *Uverit ću*^{ФyтCB})

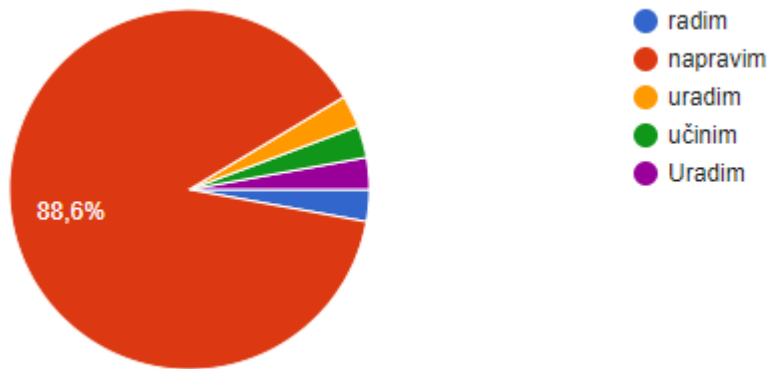
- 4) [Kontekst: Dragoj je prijateljici postavljena dijagnoza kronične bolesti. Vi se trudite utješiti ju]
"_____ ti, ljubavi - ono što te ne ubije te ojača" [*Jamčim*^{HactHCB} / *Zajamčit ću*^{Фyт(H)CB}]

- 5) [Kontekst: Pokušali ste razraditi zajednički projekt s prijateljima-arhitektima, ali to je bio strašan neuspjeh]
"_____ dušom da sam pokušao napraviti dobar projekt, ali svakako nisam uspio"
(*Zaklinjem se*^{HactHCB} / *Zaklet ću se*^{ФyтCB})

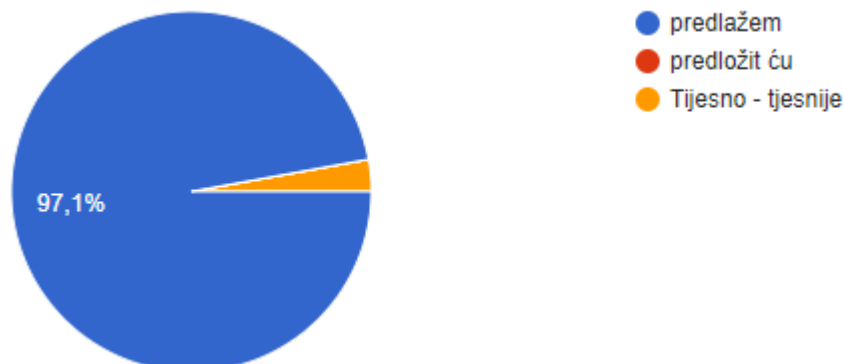
- 6) [Kontekst: Usred bijela dana se događa krađa. Vi ste primjetili sumnjivce. Vaš se prijatelj trudi Vas nagovoriti da obavjestite policiju, ali Vi se bojite posljedica]
"Znaš što će biti ako to _____" (*radim*^{HactHCB} / *napravim*^{ФyтCB})

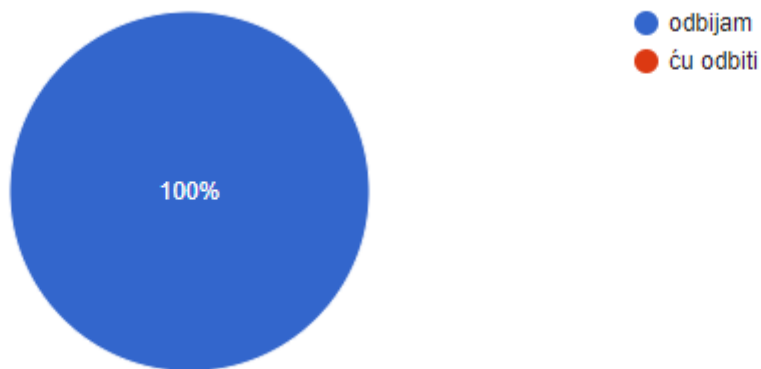
- 7) [Kontekst: U Zagrebu se igra utakmica između Dinama Zagreba i Milana]
 "_____ u bilo što da Milan nikada neće dobiti utakmicu u gostima" (*Kladim se*^{HacrHCB} / *Okladit ću se*^{ФyтCB})

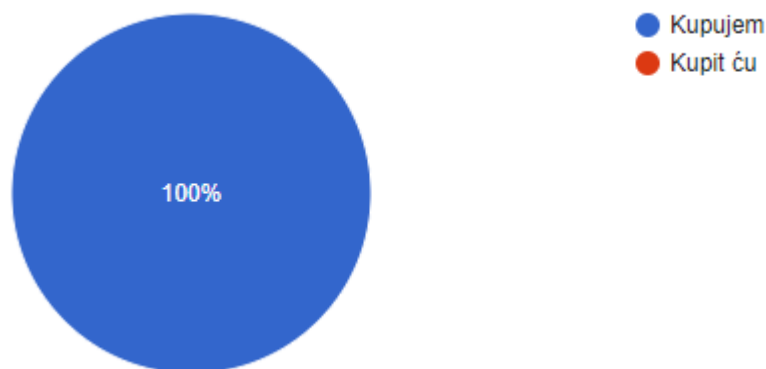
- 8) [Kontekst: U predsoblju je prenatrpano. Prostor postaje sve tjesniji i gosti ne mogu disati]
 "Gospodo, _____ da se premjestimo u drugu salu" (*predlažem*^{HacrHCB} / *predložiti ću*^{ФyтCB})

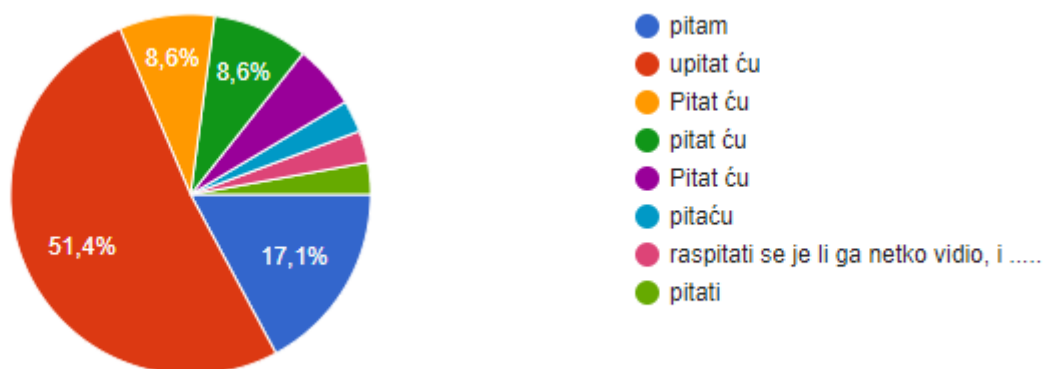
- 9) [Kontekst: Nakon što se supruga razvela od Petra, ona zahtijeva da Petar s vremena na vrijeme uplaćuje novac na njezin račun. On se ne slaže]
 "Ja _____ pomoći u takvim uvjetima. Da ti to više nije palo na pamet!" (*odbijam*^{HacrHCB} / *ću odbiti*^{ФyтCB})

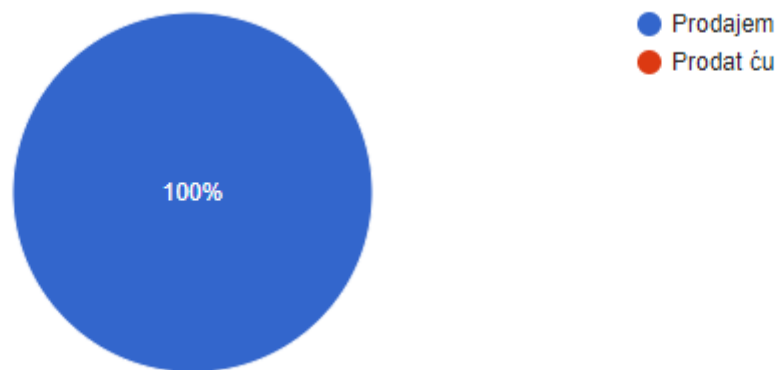
- 10) [Kontekst: Čovjek kojem treba gitara lijepi oglase]
 "_____ hitno gitaru - telefonirajte na broj koji se nalazi ispod" (*Kupujem*^{HactHCB} / *Kupit*^{ću^{ФyтCB}})

- 11) [Kontekst: Nestao Vam je pas. Vi se brinete za njegov život i bojite se da se nešto nije dogodilo]
 "Možda ga je netko primjetio vani! Sad se želim presvući i ići ga tražiti naokolo, _____ ljude i nadamo se da će me neko obavijestiti ako se nešto dogodilo!" (*pitam*^{HactHCB} / *upitat*^{ću^{ФyтCB}})

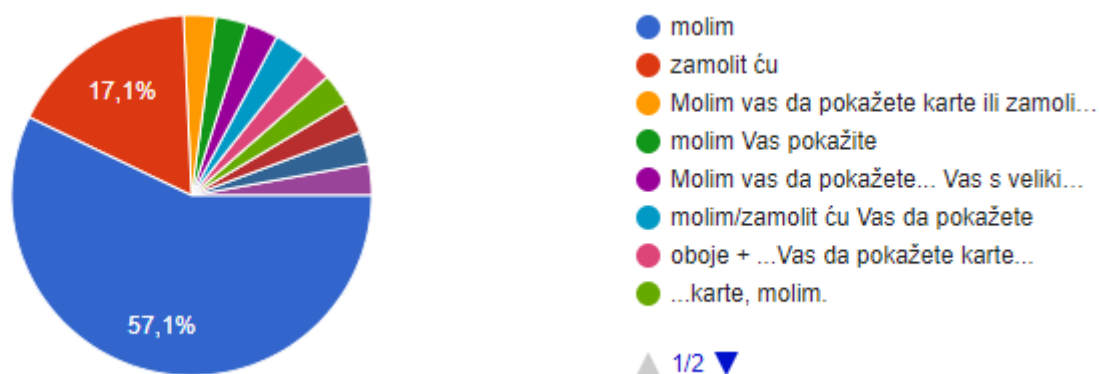

- 12) [Kontekst: Kupili ste košulju, ali je premala i ne odgovara Vam. Odlučili ste ju prodati i objavljujete post na Facebooku]
 "_____ novu košulju, nošenu samo jednom. Materijal je na točkice. Tko je zainteresiran, neka se javi u inboks" (*Prodajem*^{HactHCB} / *Prodat ću*^{ФyтCB})

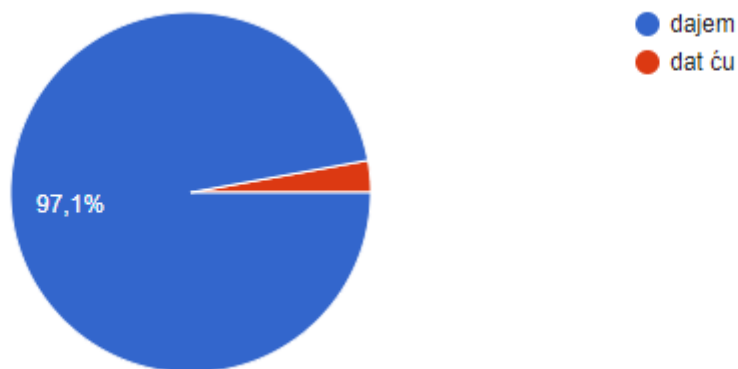
ДИРЕКТИВЫ

- 1) [Kontekst: Vozač u autobusu pita putnike za karte]
 "Gospodo, _____ Vas pokazati karte" (*molim*^{НастНСВ} / *zamolit ću*^{ФутСВ})

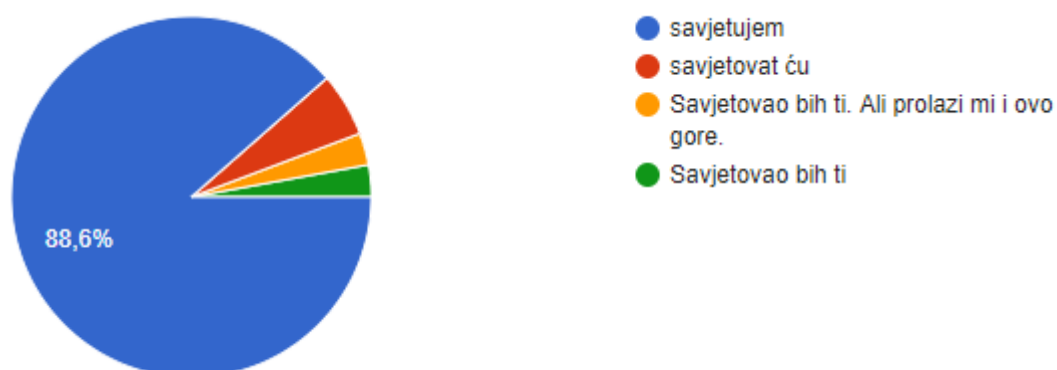

- Zamolio bih vas da mi pokažete
 ● Molim Vas da pokažete karte.
 ● molim vas da pokažete

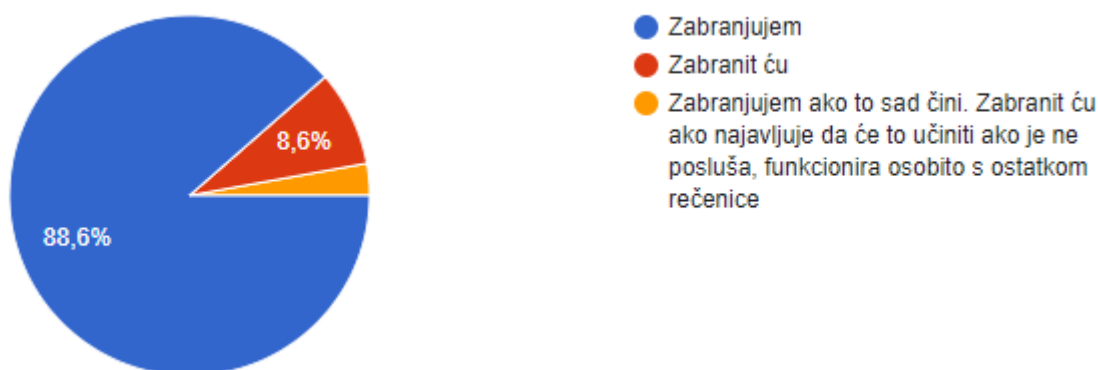
- 2) [Kontekst: Iznenadan nestanak struje je pokvario večernju zabavu na otvorenom. Vi se ispričavate svim gostima]
 "Navečer se pojavilo nekoliko problema sa osvjetljenjem, ali _____ svoju riječ da se ovo više neće ponoviti" (*dajem*^{НастНСВ} / *dat ću*^{ФутСВ})

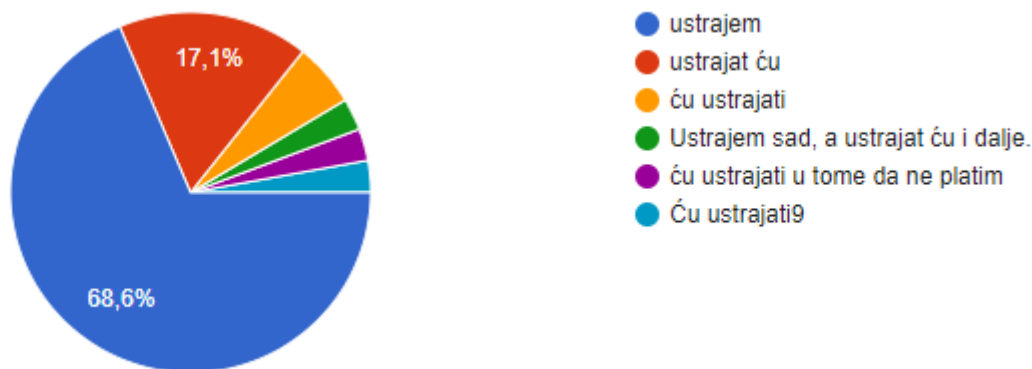
- 3) [Kontekst: Vašem prijatelju se ide u kino, ali ne zna koji film valja gledati. Vama se mnogo svidjela "Svećenikova djeca" Vinka Brešana]
 "Ako baš trebamo odabrati, _____ ti "Svećenikovu djecu". Film je super!"
 (savjetujem^{HactHCB} / savjetovat ću^{ФyтCB})

- 4) [Kontekst: Sin pita majku da li se može da igrati s prijateljima u dvorištu. Majka mu to ne dozvoljava, jer neće da zaprlja traperice, ali sin je ne sluša. Majka se ljuti na njega]
 "_____ ti da se igraš u dvorištu! Razumiješ li? Poslušaj mamu!" (Zabranjujem^{HactHCB} /
 Zabranit ću^{ФyтCB})

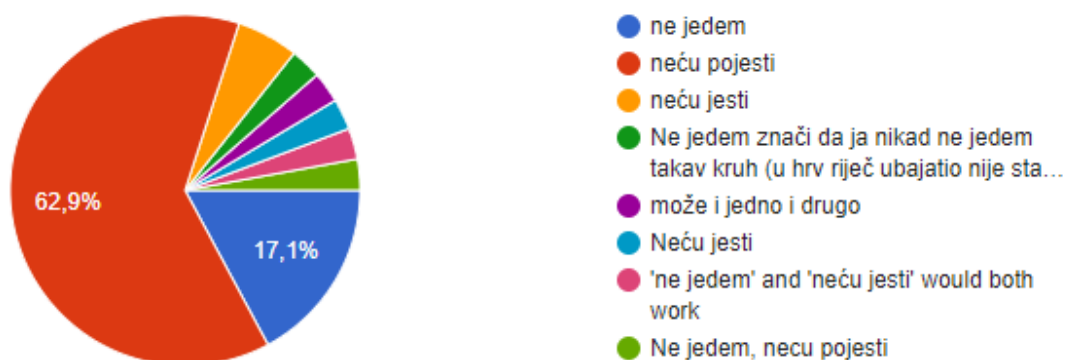
- 5) [Kontekst: Kaznili su Vas s 300 kuna za brzu vožnju, ali Vi nećete priznati krivicu pred policijom]
 "Ja nisam prekršio nikakav zakon za volanom pa _____ u tome da kaznu neću platiti"
 (ustrajem^{HactHCB} / ustrajat ću^{ФyтCB})

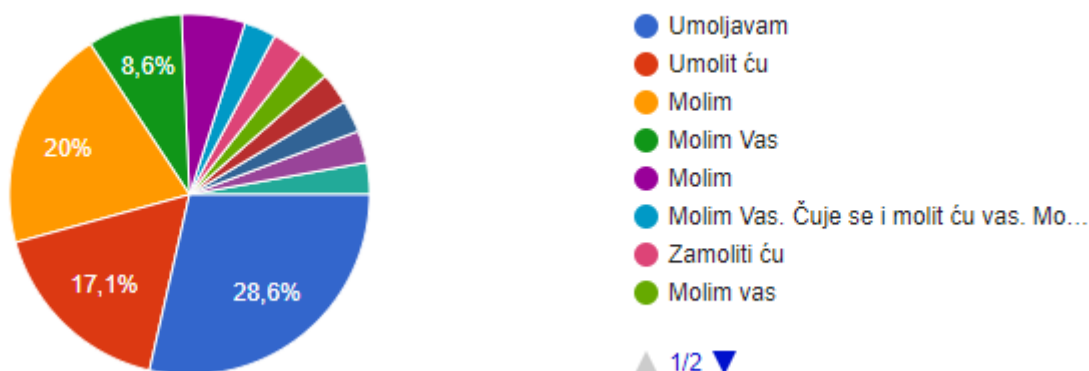
- 6) [Kontekst: Vi ste za volanom i iznenada primjećujete da nepoznati čovek sprema se ubiti, tako što će se baciti s mosta. Vi mu se približavate]
 "_____ Vas, ostanite na mjestu, nemojte se baciti! Ima ljudi na ovom svjetu koji Vas vole!"
 [Preklinjem^{HacrHCB} / Preklinjat ću^{Φyr(H)CB}]

- 7) [Kontekst: Danas ste kupili sveži kruh, ali ste ga nehotice ostavili na svježem zraku. Kruh se ubajatio. Vaš sin ga odbija pojesti]
 "Ovaj je kruh nejestiv! Nikako se neću predomisli, ja to _____!" (<ne> jedem^{HacrHCB} / <neću> pojesti^{ΦyrCB})

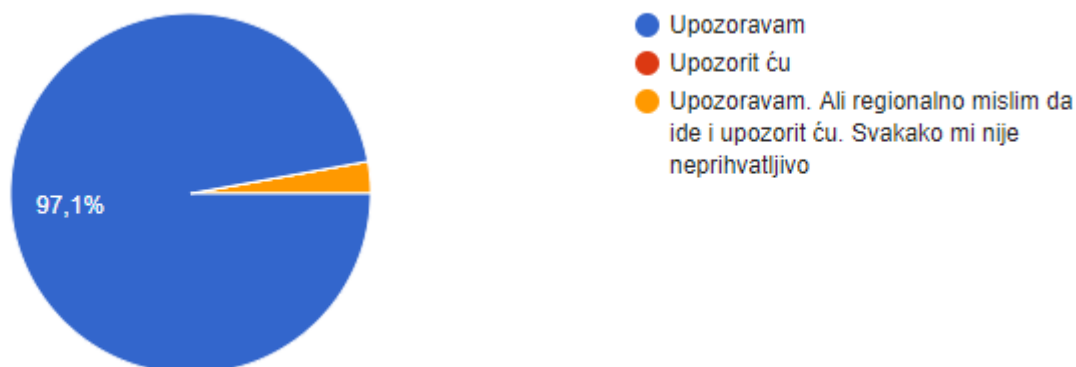

- 8) [Kontekst: Vaš kolega na sveučilištu, s kojim delite ured, Vam je ukrao novčanik. Vi ste to doznali i plačući se mu obraćate]
 "_____ Vas da uzmete svoje stvari i da odete odavde zauvijek" (Umoljavam^{HacrHCB} / Umolit ću^{ΦyrCB})

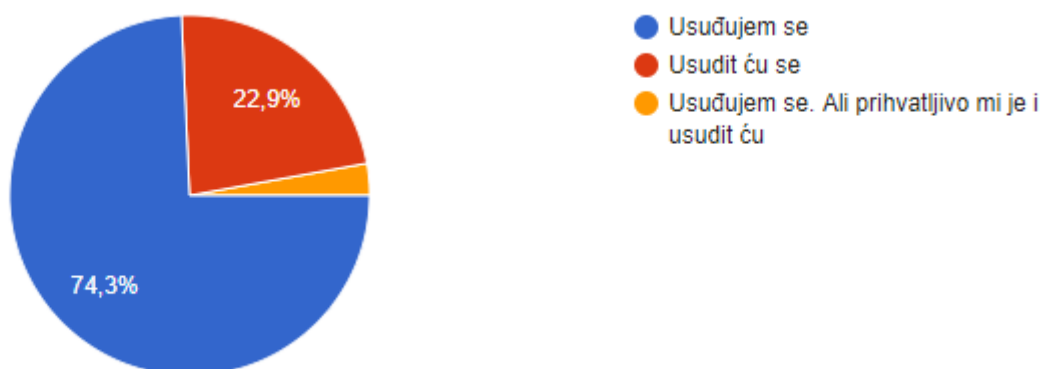

- Zamolit
- Molio bih vas
- Zamolit ću
- Molim vas

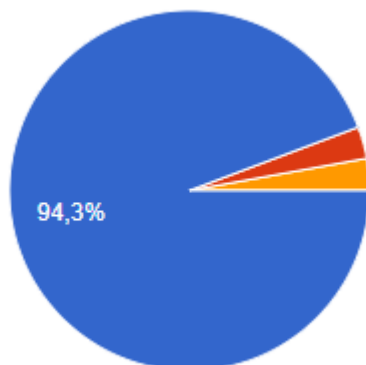
- 9) [Kontekst: Zaručnica je ostavila Vašeg najboljeg prijatelja na oltaru. On je pao u depresiju, pa se propio. Svratili ste kod njega da popričate]
 "Slušaj me, tako ne možeš dalje. _____ te: ako ne prestaneš piti, poginut ćeš"
 (*Upozoravam*^{HacrHCB} / *Upozorit ću*^{ΦyrcB})

- 10) [Kontekst: Vaša se poznanica hvali da je u supermarketu prevarila blagajnicu za deset kuna. Vi prekidate raspravu]
 "_____ primjetiti da si se ružno ponela" (*Usuđujem se*^{HacrHCB} / *Usudit ću se*^{ΦyrcB})

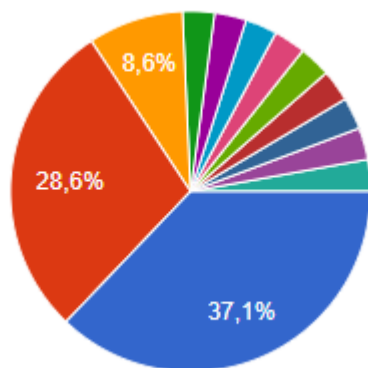

- 11) [Kontekst: Novi kolega na poslu Vas stalno ismijava, a Vi ste izgubili strpljenje]
 "Glembaju, ozbiljno pričam. _____ da mi pokažete poštovanje!" [Zahtijevam^{HactHCB} /
 Zahtijevat ću^{Фyт(H)CB}]

- Zahtijevam
- Zahtijevat ću
- Zahtijevam. Zahtijevat ću bi mi značilo da će otići razgovarati sa šefom i od njega to zahtijevati

- 12) [Kontekst: Nekoliko dana prije preseljenja morate se osloboditi starih stvari]
 "_____ svoje stare stvari kome god da su potrebne" (Razdajem^{HactHCB} / Razdat ću^{ФyтCB})

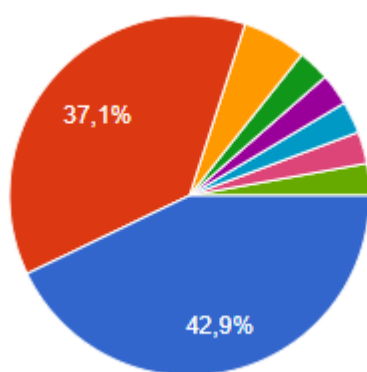

- Razdajem
- Razdat ću
- Poklanjam
- Dijelim, dajem, poklanjam.
- dajem / dijelim
- Razdijeljujem
- Podijeliti ću
- Ne može ovaj glagol. Dajem/Poklanja...

▲ 1/2 ▼

- Dajem? Poklanjam? (present)
- Dat ću
- Podijeliti ću
- Dijelim

- 13) [Kontekst: Sin je održao obećanje malo provježbati matematiku. Sad pita svojeg oca za novac da ide u kino s prijateljima gledati horor film]
 "Važi, _____ ti da ideš u kino, ali samo pod uvjetom da se vratiš kući do ponoći"
 (dozvoljavam^{HactHCB} / dozvolit ću^{ФyтCB})

- dozvoljavam
- dozvolit ću
- dopuštam
- Vrijedi. Ovdje mi je bolje dopustiti ću jer je kao potreban još korak gdje se sin slaže da će doći do ponoći, a dopušta...
- dozvoliću
- oboje
- Može, smiješ ići u kino....
- Dozvoljavam, dozvolit ću

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключительная часть диссертации ставит целью обобщение полученных в предыдущих трех главах результатов при углубленном рассмотрении понятия контроля, который, как мы уже видели, играет ключевую роль в видовременном маркировании предикатов в перформативном контексте как в русском (Наст^{НСВ} vs. НП^{СВ}), так и в сербскохорватском языке (Наст^{НСВ} vs. Фут^{СВ}). Этот выбор обусловлен тем, что, хотя в работе понятие контроля уже было определено (см. заметки о терминологии в §2.6), при изменении уровня лингвистического анализа (напр. при переходе от уровня прагматики к уровню морфосинтаксиса) контроль может обретать частные (хотя и связанные друг с другом) разновидности, т.е. его проявление (и, следовательно, его выражение) связано с контекстуальной отчетливостью различных параметров⁴⁴⁹. Целью заключительной части является обсуждение этих разновидностей, а также их отнесение к общему (т.е. прототипическому) источнику, на основе которого можно обосновать выдвинутую в этой работе гипотезу о большей маркированности перформативных словоформ в НП^{СВ} (Фут^{СВ}).

Заключительная часть состоит из четырех разделов. В первом разделе (§6.1) понятие контроля определяется на прагматическом уровне анализа: принимаются во внимание отношения между участниками в событии речевого акта и их влияние на интенсивность иллюкутивной силы высказывания. Во втором разделе (§6.2) понятие контроля определяется в сравнении с характером темпорального аргумента перформативов. В третьем разделе (§6.3) дается когнитивное определение понятия контроля, с учетом аспектологических исследований последних десятилетий, в которых параметр контроля выделяется на основе различных конфигураций видовых (или видовременных) отношений. Наконец, в свете рассмотрения всех разновидностей, в которых могут проявляться отношения между выделением макропризнака контроля и видовым маркированием перформатива в СВ, в заключение вновь обсуждается вопрос об (общеславянской) автохтонности словоформ в НП^{СВ} в перформативном контексте, которому уже был посвящен раздел третьей главы (см. §6.4; ср. с §3.1.1).

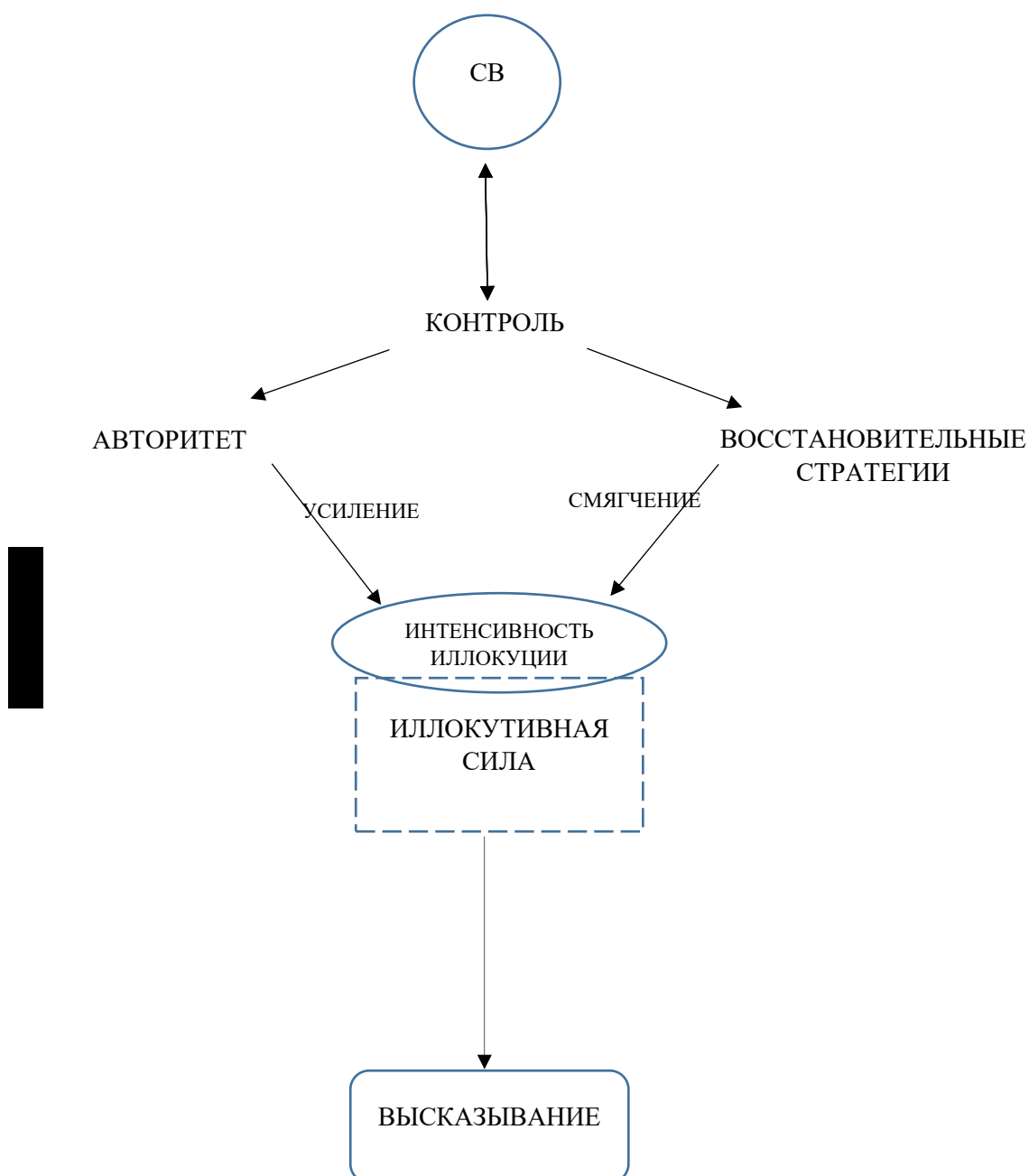
⁴⁴⁹ Последовательное употребление термина «макропризнак» по отношению к понятию контроля обосновано именно в связи с его неоднозначным лингвистическим характером, т.е. на основе того факта, что «контроль» является общим термином, охватывающим разные лингвистические явления, выраженные при помощи многочисленных формальных средств (напр. при помощи вида, времени, аллокутивных местоимений и т.д.).

6.1. Контроль и прагматика речевого акта

Как было не раз отмечено в настоящей диссертации, в аспектологической литературе последних десятилетий принято считать, что макропризнак контроля выделяется контекстуально в качестве семантического расширения инварианта СВ в восточнославянских языках, т.е. временной определенности (DISKEY 2018). В этом отношении, как уже известно, сербскохорватский язык занимает промежуточное место между западной ветвью (к которой тяготеет скорее хорватский вариант) и восточной ветвью (к которой тяготеет скорее сербский вариант). Иными словами, восточнославянские языки разделяют с сербскохорватским континуумом (видовременная система которого, впрочем, отличается своей архаичностью, особенно в связи с морфологическим механизмом видовой деривации) только некоторые свойства, причем несистематическим образом, т.е. не последовательно во всей парадигме (см. DISKEY 2015b и §6.2).

В различных местах диссертации мы неоднократно отмечали, что в разных коммуникативных ситуациях связанный с СВ макропризнак контроля может осуществляться неодинаково, в зависимости от социального статуса участников в событии речевого акта и от характера ему приписываемой иллокутивной силы. Интенсивность иллокутивной силы может меняться в двух направлениях: либо усиливаться (контроль осуществляется контекстуально как авторитет говорящего), либо смягчаться (говорящий использует восстановительные коммуникативные стратегии, чтобы уравновесить возможные нежелательные эффекты осуществления иллокутивного акта, прежде всего, угрозу негативному лицу адресата и импозитивное проявление собственных коммуникативных намерений). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что интенсивность иллокутивной силы не отождествляется с самой иллокуцией, а, напротив, включает ее в свою сферу действия. Иными словами, в то время как на основе характера иллокутивной силы определяется общая категория высказывания (начиная с самых основных разновидностей, таких, как ассерция и вопрос, и заканчивая более специфическими семантическими функциями, напр. приказом, просьбой, запретом и т.д.), в событии речевого акта сама иллокутивная сила модулируется по-разному, в зависимости, во-первых, от коммуникативных намерений и целей говорящего, и, во-вторых, от присутствия или отсутствия принятия иллокуции адресатом.

Эту систему взаимосвязей можно схематизировать нижеприведенным образом:

Прямой «затененной» линией указывается на возможность (но не на необходимость) видового употребления перформатива в СВ в связи с выделением макропризнака контроля (выбор СВ отображается соответственно в высказывании). Усиление интенсивности иллокуции может привести к формированию более авторитетного (категорического) высказывания, а смягчение – более вежливого. В обоих языках маркированное по интенсивности иллокутивной силы высказывание является идеальным синтаксическим окружением для употребления перформативной словоформы в СВ, хотя эта корреляция, как мы уже видели и как еще увидим в дальнейшем, является более слабой в сербскохорватском.

Учитывая тот факт, что любой речевой акт, а тем более перформативное высказывание, имеет эгоцентрический характер (см. §1.2.1), т.е. он сфокусирован прежде всего на точке зрения говорящего, уместно сказать, что на уровне прагматического анализа высказывания контролем можно считать иерархическое, контингентное (т.е. случайное) отношение между говорящим и адресатом в событии речевого акта. Иерархичность отношения вытекает из привилегированного положения говорящего по сравнению с его адресатом в событии речевого акта, а контингентность – из того факта, что такое отношение является в первую очередь условным (т.е. определенным не априори, а контекстуально)⁴⁵⁰. Важно подчеркнуть, что в этом определении выделяются два отдельных теоретических момента: во-первых, значимость (салиентность) говорящего, который на основе своих коммуникативных целей и намерений определяет категорию высказывания и направляет его в желаемом направлении; во-вторых, центральность роли адресата, который активно взаимодействует с говорящим в процессе признания и принятия содержания иллокутивного акта. Иными словами, адресат самостоятельно решает включать или нет высказывание говорящего в состав общего знания (NORTON 2012), тем самым разделяя с говорящим одинаковые коммуникативные цели и намерения⁴⁵¹.

Итак, если верно, что на прагматическом уровне высказывания под контролем говорящего подразумевается иерархичность отношений с адресатом, не вызывает удивления тот факт, что употребление словоформ в СВ (НП^{СВ} в русском, Фут^{СВ} в сербскохорватском) в перформативном контексте является контекстуально ограниченным и значительно более маркированным по сравнению с «нейтральными» словоформами в Наст^{НСВ} (даже при удовлетворении необходимым условиям, способствующим его употреблению). Именно этой

⁴⁵⁰ Это действует во всех случаях, за исключением деклараций, которые, как мы уже видели (ср. §4.3.2–§4.4.2, §5.3.2–§5.4.2), в перформативном контексте почти никогда не проявляются в НП^{СВ} (Фут^{СВ}).

По этому поводу стоит также добавить, что формализация роли участников в событии речевого акта и их взаимоотношений проводилась не только в рамках генеративной лингвистики (см. т.н. «перформативную гипотезу» в сноске 118 в §2.3.1), но и по функциональным моделям анализа, как, напр., смешанной когнитивно-дискурсивной модели В. Зайцевой (ZAITSEVA 1995).

⁴⁵¹ Вплоть до настоящего времени предметом нескончаемых споров является вопрос о том, какой подход к речевым актам (а также, в общем, к речевому общению) адекватнее: в рамках основанной на намерениях модели (*intention-based*) или в рамках модели, основанной на обязанностях (*commitment-based*; см. также дискуссию в §2.2). Этой теме недавно был посвящен специальный выпуск журнала *Theoretical Linguistics*. Защитники модели намерений (напр. HARRIS 2019) считают, что осуществить речевой акт в каком-то смысле равнозначно действию с определенным коммуникативным намерением, а также что разные намерения включаются в семантику разных речевых актов, чтобы вызывать у адресата разные перлокутивные эффекты. Защитники модели обязанностей (напр. GEURTS 2019; KRIFKA 2019) выступают за отождествление осуществления речевых актов с автаноложением различных социальных обязанностей. Не вдаваясь здесь в подробности, заметим, что у каждой модели есть как сильные стороны, так и изъяны. При анализе перформативных высказываний, проведенном в ESKARDT 2012, используется смешанная модель, в которой учитывается, с одной стороны, намерение говорящего взять на себя обязательство иллокутивного акта и определить категорию своего высказывания перед адресатом, а, с другой, – активная роль адресата, который может признавать и принимать такое коммуникативное намерение.

маркированности, по той или иной причине, говорящий, возможно, стремится избежать. Можно выделить четыре прагматико-коммуникативные причины, лежащие в основе этой маркированности и препятствующие свободному употреблению словоформ СВ в перформативном контексте в русском и сербскохорватском языках.

Во-первых, акцент, который в нейтральных коммуникативных ситуациях (т.е. в ситуациях, в структуре которых не предполагается изначально наличие авторитетного агенса) эксплицитно делается на существовании (настоящего или вымышленного) неравенства в социальном статусе говорящего по сравнению с адресатом (т.е. на иерархическом характере их отношений), можно толковать по-разному. Он представляет собой либо усиленную угрозу негативному лицу адресата, либо коммуникативную дефектность при передаче сообщения. Угроза негативному лицу особенно очевидна во всех контекстах, в которых контроль контекстуально реализуется как авторитет, поскольку навязывание целей и намерений говорящего набору взглядов и убеждений адресата воспринимается как коммуникативно необоснованное вторжение в личное пространство собеседника⁴⁵². В обратном случае, т.е. когда говорящий старается компенсировать эффекты иллокутивного акта при более вежливом обращении, нацеленном на восстановление негативного лица адресата и на уменьшение импозитивного характера собственных коммуникативных намерений, картина несколько иная. Применение связанных с вежливостью стратегий нацелено именно на защиту негативного лица адресата, т.е. на сохранение его собственного пространства. Однако, поскольку говорящий полностью контролирует событие, отраженное в высказывании, добровольно воздерживаясь от вторжения в личное пространство адресата, он может считать себя вправе не принимать во внимание возможную ответную реакцию, а также набор взглядов и убеждений адресата, которые могут совпадать или не совпадать с убеждениями говорящего. Приращение агентивного характера адресата, т.е. отрицание его роли в процессе признания и принятия иллокутивного акта, представляет собой серьезный коммуникативный дефект, поскольку событие речевого акта по сути лишено одного из своих основных участников⁴⁵³.

Во-вторых, в связи с этим следует заметить, что употребление словоформ в СВ в перформативном контексте может удовлетворять желанию говорящего повлиять на восприятие (или, точнее, на качество восприятия) речевого акта адресатом. Однако нельзя не

⁴⁵² Стоит также заметить, что эта контекстуальная импликация «вторжения» сама по себе свойственна некоторым иллокутивным актам, принадлежащим прежде всего к классу директивов (напр. требования, приказы и т.д.). Точнее сказать, употребление словоформ в СВ, если допускается в грамматической структуре определенного языка, усиливает интенсивность перлокуции.

⁴⁵³ На основе этих замечаний можно заключить, что видовременное противопоставление в перформативном контексте, по крайней мере в русском языке, демонстрирует обратную закономерность по сравнению с функционированием видовых отношений в повелительном наклонении, в котором менее нейтральной формой является скорее НСВ (ср. с §2.4.1). Причины этой асимметрии заслуживают отдельного рассмотрения.

согласиться с М. Збизой, которая утверждает, что неотъемлемой частью точного определения иллокутивной силы высказывания является ее признание и принятие адресатом. Если это принятие не осуществляется, оспаривается или, еще хуже, отвергается, возможно, что иллокутивный акт будет прагматически неуспешным⁴⁵⁴ (SBISÀ 1981: 148–149). В указанной статье М. Збизы есть еще один интересный момент, где, независимо от славистических исследований того времени и основываясь исключительно на материале итальянского языка (в котором, как известно, в отличие от славянских языков, категория вида не грамматикализована), автор замечает, что «предопределенная целостность форм совершенного вида» (*“la completezza a scatola chiusa del perfetto”*) не отвечает за возможность возникновения прагматической неуспешности в процессе восприятия иллокуции. Более того, если верно, что употреблением СВ говорящий пытается определить иллокутивную категорию своего высказывания, обходясь без необходимой реакции адресата (который, напомним, может либо не признавать иллокуцию, либо признавать, но не принимать ее), это значит, что по мнению говорящего дело уже сделано, т.е. иллокутивная сила уже определена и ответная реакция адресата должна без сомнений удовлетворить ожиданиям. Такие однонаправленные конверсационные стратегии, разумеется, всегда опасны и могут быть надежными только в редких, маркированных случаях⁴⁵⁵ (SBISÀ 1981: 150).

В-третьих, как мы уже видели в предыдущих двух главах, перформативные словоформы в НП^{СВ}/Фут^{СВ} и в Наст^{НСВ} не находятся в дополнительной дистрибуции. Более «нейтральные» словоформы в Наст^{НСВ}, за немногочисленными и объяснимыми исключениями, появляются в перформативном контексте намного чаще, чем словоформы СВ (даже в тех случаях, когда видовое или видовременное противопоставление допускается), при этом распространение словоформ в СВ ограничивается исключительно теми глаголами, в структуре которых выделение параметра контроля не нарушает грайсовские максимы качества и/или количества. Например (см. дискуссию в §4.3.5 и §5.3.5), наряду с прототипическими социальными перформативами, т.е. с декларациями, в структурах директивов НСВ *умолять/umoljavati* и *заклинать/preklinjati* уже предполагается присутствие подчиненного адресату говорящего: употребление партнеров СВ *умолить/umoliti* и *заклясть* семантически и прагматически

⁴⁵⁴ Интересно, что в итальянском языке, по мнению автора, относительно высокая частотность перформативных вхождений таких предикатов, как *chiedere* <di> и *dire* <di> ‘просить’, по сравнению с лексически более специфичными предикатами, вроде *avvertire* ‘предупреждать’ и *consigliare* ‘советовать’, связана именно с их общей лексической семантикой, которая в событии речевого акта влечет за собой более непосредственное восприятие со стороны адресата (SBISÀ 1981: 148).

⁴⁵⁵ Показательно, что С. Дики, чтобы объяснить явление т.н. оскорбительно-метонимических перформативов в сербскохорватском и в других славянских языках (см. §3.1.1), устанавливает связь не только между выделением макропризнака контроля и СВ, но и между активной ролью адресата и НСВ: “[...] perfective performatives occur in cases of absolute control by the speaker, whereas imperfective performatives presuppose consideration of the will and reaction of the listener” (DICKEY 2015: 270).

неуместно (говорящий не обладает авторитетом, а применение восстановительных стратегий для так эмоционально окрашенных глаголов просто бессмысленно). Похожим образом, замена директивов НСВ *zaprećati/zabranjivati* и *приказывать/naređivati* партнерами СВ *zapremiti/zabraniti* и *приказать/narediti*, которые требуют присутствия авторитетного агенса, сталкивается с теми же непреодолимыми трудностями (дополнительное проявление авторитета семантически избыточно, а применение восстановительных стратегий неуспешно). Это также объясняет, почему употребление словоформ в НСВ, которые не указывают на существование иерархически ориентированных отношений между говорящим и адресатом, всегда остается возможным.

В-четвертых, во всех языках, преодолевших парадокс перфективного презенса при помощи футурального переосмысления форм презенса (непрошедшего) СВ, чисто временное (семантически более первичное) толкование этих словоформ всегда имеет приоритет над перформативным (последовательным, семантически более периферийным: см. также ВИМЕР 2014: 102; GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018). Корреляция между временными функциями будущего времени и перформативами сама по себе не исключается, но ограничена она только некоторыми глаголами, в частности, ретическими перформативами, о которых пойдет речь в следующем разделе (§6.2).

6.2. Контроль и морфосинтаксис темпорального аргумента

Как мы уже видели, если на прагматическом уровне анализа понятие контроля отсылает к существованию иерархических соотношений между говорящим и адресатом, при учете темпоральных свойств предиката контролем следует считать семантический компонент, выделяющийся при взаимодействии агентивного субъекта с контролируемым событием (см. заметки о терминологии в §2.6). В то время как отображенное предикатом событие имеет (предпочтительно) футуральный темпоральный аргумент (напр. рус. *построить* <дом>, с-х. *sagraditi* <kuću>), выделением параметра контроля указывается на способность и/или на намерение субъекта выполнить действие, сохраненное в пропозициональном содержании высказывания, т.е. на отождествление целей и намерений говорящего с достижением внутреннего предела события⁴⁵⁶.

В случае перформативов следует отметить, что связывание параметра контроля с футуральным темпоральным аргументом предиката не приводит автоматически к футуральному переосмыслению конкретной темпоральной референции глагола, т.е. к его

⁴⁵⁶ Для упрощения изложения мы здесь абстрагируемся от всех формальных деталей.

отнесению к футуральному положению дел. Например, прототипический перформатив, имеющий футуральный темпоральный аргумент, а именно, рус. комиссив *обещать*^{ДВ}, в эксплицитном перформативном высказывании (т.е. в эгоцентрическом высказывании, маркированном по признаку контроля) обычно употребляется с презентной референцией, а темпоральный аргумент реализуется на поверхности как клаузуальное дополнение с (эксплицитной или имплицитной) футуральной референцией [ХОМУТСКИЙ 2010; см. пример (418)]:

(418) Хорошо бы мне походить в этом костюме, поваляться, даже на улицу бы выйти под дождь, потереться о стены. [ПрезЯ обещаю это сделать немедленно]].

[НКРЯ: Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)]

Для того чтобы в перформативном контексте употреблялась словоформа СВ с переносной (см. рус. НП^{СВ}) или прямой футуральной референцией (см. с-х. Фут^{СВ}), единственное присутствие футурального темпорального аргумента предиката является необходимым, но недостаточным условием. Также должны быть выполнены два дополнительных условия, связанные с лексической семантикой предикатов и их коммуникативной структурой: либо говорящий должен опираться на «вежливые» восстановительные стратегии, либо предикат должен принадлежать классу ретических перформативов, т.е. представлять собой метакомментарий относительно некоторого футурального положения дел. Рассмотрим оба случая поочередно.

Как мы уже видели в предыдущих главах (см. в частности сноску 356 в §4.3.3), аттенуативная функция будущего времени активируется контекстуально как вытекающий из создания межличностной дистанции эффект⁴⁵⁷. В свою очередь, межличностная дистанция является одной из возможных «вежливых» коммуникативных стратегий, которая нацелена на защиту негативного лица адресата. Иными словами, употреблением аттенуативного будущего говорящий, который полностью контролирует событие, предусматривает (потенциальные) нежелательные или вредные для адресата последствия, связанные с пропозициональным содержанием ассертивной части высказывания, тем самым прибегая к смягчению интенсивности иллокутивной силы высказывания (в качестве предостережения и/или побуждения к принятию перлокутивного эффекта, связанного с иллокутивным актом). Этой

⁴⁵⁷ Эта корреляция между будущим временем и межличностной дистанцией, вероятно, обоснована семантико-когнитивными причинами, хотя подробный анализ участвующих в этой взаимосвязи формальных и функциональных параметров требует отдельного рассмотрения.

конверсационной стратегией говорящий, скрывая свои намерения за полным соблюдением негативного лица адресата, по существу может приравнивать набор взглядов адресата к своим собственным целям и намерениям, т.е. он/она сам(а) решает, что лучше для адресата [см. пример (419)]:

(419) Я *поспорю*^{НПСВ}, что все люди скажут, что это правильно.

[НКРЯ: Александр Клейн. Удивительное явление Бучч // «Пятое измерение», 2003]

Возможная интерпретация: 'Я делаю эту ставку, но знаю (/ предполагаю), что ее содержание тебе будет нежелательным, поэтому тебя заранее предупреждаю'⁴⁵⁸

В таких случаях, в соответствии с аналогичной гипотезой, выдвинутой М. Збизой (SBISA 1981: 140; см. также §4.3.3), можно предположить, что при употреблении «вежливого» НП^{СВ} говорящий расщепляет речевой акт на два отдельных компонента: на подготовительную (пресуппозитивную) часть, в которой говорящий устанавливает «сцену» (в смысле GINET 1979) и предвещает адресату пропозициональное содержание иллокуции (k_1), а также на определение категории собственного иллокутивного акта (k_2). Таким образом, в высказывании не только осуществляется искусственное футуральное передвижение темпорального аргумента перформатива (глагол *поспорить* может обладать также презентным аргументом), но и сама темпоральная референция перформатива как будто относится к футуральному положению дел. Так, пример (419) можно иначе истолковать как (419'):

(419') Я *поспорю*^{НПСВ}, что все люди скажут, что это правильно.

k_1 : 'сейчас сообщу тебе что-то нежелательное'

k_2 : 'дело сказано: ставка сделана'

Наряду с этим переносным употреблением, однако, употребление перформативов в СВ может быть связано с настоящим, а не с искусственным передвижением их темпоральной референции к будущему, т.е. иллокуция осуществляется в отрезке времени, следующем за моментом высказывания. Иными словами, видовая (видовременная) морфология прозрачно отражает настоящие временные свойства глагола. Таков случай т.н. ретических перформативов (см. заметки о терминологии в §2.6), т.е. ограниченного класса глаголов речи,

⁴⁵⁸ Заметим, что такое толкование хорошо сочетается с многослойным анализом перлокуции, проведенным в GU 1993, т.е. с разделением перлокуции на подготовительную часть (т.е. на собственно иллокутивный акт) и на положительные/отрицательные перлокутивные последствия (т.е. на собственно перлокутивный эффект).

обладающих футуральным темпоральным аргументом. Примерами этого класса могут служить русская экспозитивная словоформа *сравню*^{НПСВ} и сербскохорватская *doda(t)ću*^{ФутСВ}. Как мы уже заметили, оба глагола не являются перформативами *senso strictu*, поскольку не отсылают к положению дел, ими самими созданному, но скорее выражают речевое отношение говорящего к уже установленному положению дел. Мы уже видели в предыдущих разделах (ср. §4.3.3, §4.4.3, §5.3.3, §5.4.3), что их употребление в перформативном контексте действует не только на прагматико-коммуникативный уровень отношений между участниками в событии речевого акта, но и на уровень видовременных отношений. Это значит, что только для этих глаголов на вопрос, заданный в заглавии диссертации (*dictum erit factum?* ‘сказанное будет сделано?’), можно ответить положительно [ср. примеры (420)–(421)]:

(420) Тебе ближе художественный мир. *Сравню*^{НПСВ} «черный» с художественным шедевром.
[НКРЯ: Виктор Конецкий. На околонуучной параболe (Путешествие в Академгородок).
Повесть (1978)]

(421) *Dodat ću*^{ФутСВ} da ne mogu znati kako bi se rasplela utakmica protiv Zagreba da je isključen Labudović, a u Puli sam zbog dosuđenoga kaznenog udarca za domaćina posijedio, za što nitko nije kažnjen.

[HJK: NA. Vjesnik online]

В заключение напомним, что, в отличие от русского языка, в котором временная референция к будущему активируется контекстуально и заложена в видовую семантику словоформ в НПСВ (CASTAGNOU 1964)⁴⁵⁹, в сербскохорватском языке морфологическое выражение будущего времени осуществляется посредством более эксплицитной конструкции, т.е. перифрастики с (исходно) волитивной клитикой. Такой морфологической «прозрачности» соответствует менее разветвленная (по сравнению с русским) семантическая комплексность функционального поля сербскохорватского футурума. Иными словами, те периферийные семантические параметры, которые играют важную роль в определении видовременной конфигурации перформативов в русском языке, в сербскохорватском языке не столь закреплены. Тот факт, что ретические перформативы, принадлежащие классу экспозитивов и обладающие футуральным темпоральным аргументом, могут чаще употребляться в Фут^{СВ} в перформативном контексте (т.е. тот факт, что существует более тесная корреляция между

⁴⁵⁹ За исключением, конечно, случаев аспектуального футурума НСВ (т.н. *praesens pro futuro*) и перифрастического будущего НСВ, которые, однако, нерелевантны для настоящей дискуссии.

футуральным темпоральным аргументом перформатива и его возможным употреблением в Фут^{CB}), по всей видимости, свидетельствует о том, что видовременная система сербскохорватского пока достигла меньшей степени грамматикализации.

6.3. Контроль и полная узнаваемость события

Анализ темпоральных свойств события в связи с контекстуальным выделением параметра контроля неслучайно тесно связан с концептуализацией дейктических категорий вида и времени в рамках когнитивной лингвистики. Основная идея когнитивных направлений заключается в том, что операторы глагольного времени, ввиду разнообразия и частотности их переносных (т.е. не собственно временных) значений, являются не столько индексикальными элементами в узком смысле слова, сколько операторами высших порядков, предлагающими эпистемическое определение отображаемого в предложении события⁴⁶⁰. Под «эпистемическим определением события» понимается тот факт, что “[...] speakers possess linguistic means to anchor or ground situations in their conception of current reality” (DE WIT 2017: 5). Так, согласно этой модели, собственно временные значения являются прототипическими, более стержневыми функциями операторов глагольного времени (DE WIT 2017: 12). Подобным образом, исходя из того, что говорящий должен иметь некое (непосредственное, косвенное или даже энциклопедическое) представление о возникновении и последующем развитии отраженного в предложении события, категория аспекта (или, ограничиваясь славянскими языками, вида) тоже является эпистемической по своему характеру, поскольку

Just as situations are always grounded in some domain of the basic epistemic model [т.е. основополагающая модель, которая в концепции Р. Лангакера включает все темпоральные и модальные конфигурации предикации в английском языке, М. Б.], they are also always ‘perceived’ in some way—as fully identifiable or not necessarily so—even in languages which do not (systematically) make a formal distinction between perfectivity and imperfectivity.⁴⁶¹

⁴⁶⁰ Подчеркнем, что обсуждение теоретических определений темпоральных операторов, предложенных в рамках когнитивной лингвистики, никак ставит под сомнение терминологические определения временных понятий, уже обсуждавшихся в §2.4.2 и в §2.6.

⁴⁶¹ Понятие «эпистемического обоснования» (*epistemic grounding*), в котором делается акцент на наборе непосредственных знаний говорящего по отношению к отраженному в предложении событию, не может не напоминать похожие (хотя не тождественные) понятия, сформулированные в рамках исследований Московской семантической школы 80-х годов, такие, как, например, «точка отсчета» (ПАДУЧЕВА 2009; ср. также «point of reference» в REICHENBACH 1947) и «место наблюдателя» (АПРЕСЯН 1995б: 643–644). В свою очередь, эти определения перекликаются с метафорическим описанием прототипических значений СВ и НСВ, которые А. В. Исаченко в своей монографии уподобляет точке зрения движущегося с толпой участника первомайского парада (НСВ) или стоящих на трибуне зрителей, которые “видят и начало и конец шествия, так что парад оставляет в них целостностное впечатление” (СВ; см. ИСАЧЕНКО 1960: 132–133; см. также заметки о терминологии в §2.6).

Из вышесказанного вытекает, что, в принципе, при выражении пропозиционального содержания высказывания говорящий может всегда представить событие тем или иным образом⁴⁶². В когнитивной лингвистике роль субъективности говорящего в процессе представления события, т.е. способ организации взглядов и знаний говорящего при выражении события, принято называть *конструированием* (этот термин заимствован из социальной психологии; см. LANGACKER 2008: 55–89 для более широкой дискуссии).

В рамках когнитивной лингвистики контекстуальное проявление параметра контроля (который, напомним, в восточнославянских языках, а также, хотя в меньшей степени, в южнославянских вытекает из семантического инварианта СВ, т.е. темпоральная определенность) обязательно связано с характером конструирования события, т.е. с его эпистемическим (видовременным) обоснованием. Так, на когнитивном уровне контролем можно считать степень осведомленности говорящего о внутренней структуре события. Как уже обсуждалось в предыдущих разделах, посвященных корпусному анализу неперформативных комиссивов (ср. §4.3.4.2 и §5.3.4.2), в свете этих замечаний уместно установить корреляцию, по крайней мере в двух проанализированных языках, между конструированием в СВ и полной узнаваемостью внутренней структуры события. Таким образом, говорящий, который имеет доступ к событию извне и концептуализирует его как (временно определенное) единое целое, словно осуществляет полный контроль над ним. Важно отметить, что такая ассоциация не исключается априори для НСВ: она просто не возникает, т.е. не является когнитивно отчетливой⁴⁶³.

Не вдаваясь в детали, заметим, что взаимодействие видового конструирования в СВ с планами презентной (в русском) или футуральной референции (в сербскохорватском) представляет собой две отдельные группы проблем для когнитивного анализа. Во-первых,

⁴⁶² Для упрощения изложения абстрагируемся от того факта, что не все события могут быть представлены каким угодно образом, поскольку существуют определенные (прежде всего лексические и акциональные) ограничения на морфосинтаксическое выражение события.

⁴⁶³ Интересно, что на связь между конструированием события в СВ и выделением контроля говорящего за несколько лет до установления теоретических основ когнитивной лингвистики обращала внимание в своей статье М. Збиза (SBISA 1981: 145). По мнению автора, ограничения на употребление английского прогрессива в перформативном контексте можно объяснить возможным толкованием прогрессива как своеобразного «среднего залога», употреблением которого говорящий указывает на отчасти контролируемый характер действия (которое представлено как уже *in fieri*). Напротив, при использовании простого настоящего субъект осуществляет контроль над событием и непосредственно влияет на соответствующее действие. Это может также объяснить, почему употреблением прогрессива в перформативных высказываниях, не представляющих собой первые разговорные стратегии (вроде *I'm warning you*: см. сноску 340) говорящий может выражать свою раздосадованность к адресату, особенно в тех случаях, когда адресат либо не признает определенную говорящим категорию иллокуции, либо не принимает иллокуцию в целом: действие конструируется как объективно необходимое, вне зависимости от воли и намерения говорящего.

необходимо принять во внимание, что эпистемический статус событий, конструированных с НП^{CB}, расходится со статусом событий в Фут^{CB}. Частные (переносные) значения каждой словоформы (т.е. рус. НП^{CB} и с-х. Фут^{CB}) относятся по-разному к «актуальному» миру (т.е. совпадающему с миром говорящего) и «виртуальным» мирам (т.е. мирам, состоящим из концептуальных событий, к которым говорящий может всегда иметь доступ)⁴⁶⁴. В частности, реализованные в НП^{CB} события, хотя и виртуальны по характеру (т.е. не имеют места в настоящем мире), могут всегда быть вызваны в воображении говорящего (*conjured up*), потому что принадлежат т.н. «структурному» плану, т.е. виртуальному миру, в который входят (эпистемические и/или энциклопедические) обобщения, представляющие структуру настоящего мира (т.е. мир, такой, какой он есть). С другой стороны, реализованные в Фут^{CB} события находятся в виртуальном мире, который существует за пределами знаний говорящего, т.е. к которому говорящий еще не получал доступа⁴⁶⁵.

Во-вторых, важно иметь в виду, что стратегии видового конструирования среди славянских языков не совпадают при варьировании прототипического значения СВ (т.е. его семантического инварианта), которое в русском языке является когнитивно более сложным, чем в сербскохорватском.

⁴⁶⁴ Недавний анализ английского простого настоящего по модели Р. Лангакера [т.е. с учетом трехступенчатой эпистемической модели '(не)известная реальность' – 'ближайшая реальность' – 'нереальность'] содержится в DE Wit 2017: 13–17.

Для сопоставительного анализа эпистемического обоснования в конструировании событий в През^{CB} и Наст^{HCB} в хорватском варианте сербскохорватского континуума см. также GELD, ZOVKO DINKOVIĆ 2007. В этой последней статье, среди прочего, затрагивается вопрос о недоступности През^{CB} в перформативных высказываниях. Авторы считают, что, хотя контроль говорящего является релевантным параметром для с-х. През^{CB} (подобно русскому языку: см. предложение *Prvo sjednem pa ustanem*), в комиссивном иллокутивном акте обещания "[...] The perfective form of the same verb, that is obećati, cannot fulfill the performative function because it cannot profile the process identical with the speech event. It involves substantial change and it is always bounded within the immediate temporal scope" (GELD, ZOVKO DINKOVIĆ 2007: 128). В статье возможность употребления словоформ в Фут^{CB} в (по крайней мере некоторых) перформативных высказываниях вовсе не упоминается. Следует также добавить, что авторы в своей статье приписывают футуральной референции статус нереальности, в соответствии с расширенной эпистемической моделью Р. Лангакера (GELD, ZOVKO DINKOVIĆ 2007: 120).

Подобное рассмотрение различий в эпистемическом обосновании конструированных событий в НП^{CB} и в Наст^{HCB} в польском языке (а также в их отношении к «актуальному» миру и «виртуальным» мирам, с учетом их прототипических и периферийных значений) представлено в KOCHAŃSKA 2002. Анализ проблемы видовременного противопоставления в перформативном контексте, однако, не является всегда удачным. Автор считает, например, что в польском языке только Наст^{HCB} может проявляться в перформативных высказываниях, но это нежелательная и, что важнее, неверная генерализация. По мнению автора, кажущаяся неприемлемость комиссива в НП^{CB} *przrzeknę*, букв. 'пообещаю', когнитивно обоснована, ведь "[...] In the case of conceptualizing a process instance identified with the speech event, the object of conception is so close to the observing subject that its endpoints coincide with the boundaries of the immediate scope delimited by the conceptualizer's viewing frame, instead of falling properly within them" (KOCHAŃSKA 2002: 356).

⁴⁶⁵ Это может объяснять, почему в сербскохорватском языке неперформативные комиссивы (т.е. транзакционные глаголы), употребленные в контекстах объявления, не могут проявляться в Фут^{CB}. Конструированные в Фут^{CB} события, на самом деле, не принадлежат «структурному» плану виртуальных событий, всегда доступных говорящему, но находятся за пределами знаний говорящего, который может только предположить их существование.

При анализе дистрибуции словоформ в НП^{CB} в ряде контекстов, в том числе и в перформативных высказываниях, А. Де Вит заключает, в соответствии с основной гипотезой С. Дики (DISKEY 2000), а также с предыдущей моделью А. Барентсена (БАРЕНТСЕН 1998), что прототипическая конфигурация русского СВ, по сравнению напр. с чешским, является более сложной, поскольку она обязательно обуславливает конструирование событий как временно определенных. В представленной ниже диаграмме (иллюстрация взята из DE WIT 2017: 172) изображена схема таких эпистемических взаимоотношений. Определенная ситуация X находится в противоположности смежным и качественно отличающимся ситуациям Y и Z, включенным в максимальный концептуальный диапазон MS⁴⁶⁶. Сокращения IS_A и IS_T обозначают соответственно видовой и темпоральный концептуальные диапазоны, которые в этой конфигурации совпадают:

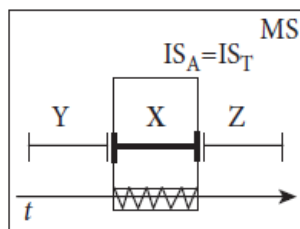

FIGURE 7.2 Temporal definiteness

Иллюстрация взята из DE WIT 2017: 172.

На основе конструирования определенного по времени события (т.е. события, над которым говорящий осуществляет полный контроль) в некоторых коммуникативных ситуациях обосновывается последующее выделение параметра авторитета говорящим. В рамках теории ментальных пространств С. Дики рассматривает видовое расхождение в употреблении русских перформативных словоформ в директивном иллокутивном акте просьбы [см. примеры (422)–(423)]:

(422) Я *прошу*^{НастНСВ} тебя объяснить мне твою мысль.

(DISKEY 2018: 99)

⁴⁶⁶ Максимальный концептуальный диапазон (*maximal scope*) включает “[...] the array of conceptual content that is not focused upon but that is nevertheless relevant for the overall semantics of the construction at hand” (DE WIT 2017: 16).

(423) А я вас *попрошу*^{НПСВ} объяснить свое поведение.

(DICKY 2018: 99; пример взят из ISRAELI 2001: 84)

Исходя из предположения о том, что *verba rogandi*, вне зависимости от их частной видовой реализации, всегда отсылают к другому, виртуальному пространству (т.е. всегда отсылают к будущему положению дел, желательному для говорящего), автор выдвигает гипотезу о том, что при употреблении перформатива в НП^{СВ} параметр авторитета выделяется на фоне т.н. положительной оценки события, т.е. эпистемической убежденности говорящего в том, что желаемый им результат [в случае примера (423), объяснение поведения адресата] будет иметь место. Напротив, в примере (422) употреблением перформативной словоформы в Наст^{НСВ} говорящий как будто оценивает событие нейтральным образом, т.е. не обязуется выражать эксплицитно свою убежденность в том, что результат будет достигнут (DICKY 2018: 99–100).

Достижение полной узнаваемости внутренней структуры (виртуального) события влечет за собой высшую степень маркированности, несмотря на то что это говорящему, в принципе, выгодно. Точнее, конструирование события и использованием конфигурации с СВ является более маркированным, как на семантическом, так и на синтаксическом уровне. Что касается обработки более широкой временной референции событий в СВ, А. Де Вит правильно замечает, что (курсив наш – М. Б.) “ [...] Given this configuration, we can predict that the use of the present perfective in (actual or virtual) present-time contexts is restricted to those cases in which there are *contextual indications of at least one preceding or subsequent contiguous situation*” (DE WIT 2017: 172). Эта формулировка не только соответствует теоретическому предложению С. Дики (см., в частности, DICKY 2018; ср. с §2.4.1), но и перекликается с результатами психолингвистического эксперимента исследовательской группы Тюбингенского университета, в котором, напомним, была обнаружена корреляция между присутствием предыдущего контекста и возможностью приписывания высказыванию перформативного характера (GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018; см. также дискуссию в §4.1). Необходимость более широкого контекста для употребления перформативных словоформ в СВ, т.е. необходимое употребление перформатива в СВ в цепи последовательных событий (в отличие от перформативных словоформ в НСВ, которые не нуждаются в этой отвлеченной темпоральной конфигурации), не только приводит к бóльшей семантической

маркированности⁴⁶⁷, но и отражается в синтаксической конфигурации события. Как мы уже видели в предыдущих разделах (см. в частности дискуссию в §4.1, а затем анализ перформативных комиссивов по корпусным данным в §4.3.4.1), перформативные события, сконструированные с использованием конфигурации с СВ, часто не могут проявляться в изоляции, но нуждаются в более сложной синтаксической конфигурации. Таков случай, например, комиссивной словоформы *пообещаю*^{НПСВ}, приемлемость которой в перформативном контексте связана с обязательным присутствием клаузуального дополнения, введенного комплементатором *что*. Иными словами, обязательное присутствие клаузуального дополнения доказывает, что перформатив в НП^{СВ} должен быть звеном последовательной цепи событий [напомним, нижеприведенный пример (237) уже обсуждался в §4.3.4.1]:

(237) Как капитан *пообещаю*^{НПСВ}, что мы будем изо всех сил стараться пополнять коллекцию музея российскими и международными трофеями высокой пробы", - отметил Лоськов.

[ГИКРЯ: <https://ria.ru/20111124/497066990.html>]

Что касается событий, сконструированных в сербскохорватском языке в Фут^{СВ}, принято считать, что они принадлежат виртуальному плану нереальности, т.е. они (еще) не доступны говорящему, не входят в набор его знаний, а их существование в момент высказывания может быть только постулировано. Хотя, как нам известно, в сербскохорватском языке конструирование событий при помощи конфигурации в СВ может быть связано с выделением параметра контроля (см. случай оскорбительно-метонимических перформативов в §3.1.1; см. также сноску 455), эпистемический статус эксплицитной будущей референции менее четок по сравнению со статусом референции к настоящему, т.е. узнаваемость будущего (виртуального) события более ограничена по сравнению с настоящим (виртуальным) событием⁴⁶⁸. Это расхождение в эпистемических статусах настоящего и будущего может объяснить, почему в сербскохорватском ассоциация между употреблением перформативных словоформ в Фут^{СВ} и изменением в интенсивности иллюкутивной силы высказывания приобретает более спорадический характер. Употребление маркера будущего времени, обоснованное присутствием у глагола футурального темпорального аргумента, частично компенсирует невозможность конструирования перформативного события с конфигурацией в През^{СВ}.

⁴⁶⁷ Не будет лишним подчеркнуть, что такая маркированность является адекватной не во всех коммуникативных ситуациях, поскольку она предполагает более сложное, трудоемкое конструирование целого события (т.е. подразделенного на разные части макрособытия, частью которого является перформативное подсобытие).

⁴⁶⁸ Напомним, что передвижением временной референции глагола к будущему создается типичное ментальное пространство для (переносного) выражения связанных с негативной вежливостью стратегий, т.е. на когнитивном плане временному отдалению соответствует межличностная дистанция в событии речевого акта.

6.4. Итоги: разве общеславянские перформативы были ПСВ?

В свете вышеизложенных аргументов уместно задаться заключительным вопросом: если на употребление перформативных словоформ в СВ в русском (НП^{СВ}) и сербскохорватском языках (Фут^{СВ}) накладываются столь многочисленные ограничения прагматического, семантического и когнитивного характера, возможно ли подтвердить выдвинутую в §3.1.1 гипотезу о славянской автохтонности перформативов в НП^{ПСВ}? Иными словами, если грамматическая приемлемость перформативов в СВ зависит от контекстуального определения ряда параметров, полностью или отчасти выраженных на уровне видовременных отношений, как можно постулировать общеславянскую исконность таких форм в видовой системе, которая в то время лишь встала на путь грамматикализации?

Возможный ответ на этот вопрос содержится в статье Ю. С. Маслова, которая уже обсуждалась выше (МАСЛОВ 2004; см. §3.1.1). В отрывке, в котором описывается возникновение «предшественника» современного несовершенного вида для предельных глаголов на позднем этапе общеславянского периода (суффиксальной формы с отчетливым процессуальным значением, напр. **se sьbiraetъ* ‘он занят собиранием’), обнаруживается следующий пассаж (разрядка и курсив в оригинале):

Можно сказать, что в этот период праславянский язык уже имел, точнее начинал иметь несовершенный вид, только, во-первых, сильно ограниченный лексически, и, во-вторых, противостояла ему не перфективность, не совершенный вид, который еще не сложился, а, так сказать, о б щ и й в и д, как, например, в современном английском языке конкретно-процессуальному виду *to be collecting* противостоит общий вид *to collect*. Несовершенный вид был, как ясно из сказанного, и «маркированным» (по форме) и очень интенсивным (по содержанию) членом противопоставления, а общий вид и по форме и по содержанию служил для него только фоном. [...] Постепенно, однако, положение меняется. [...] Наступает момент, когда для предельных основ общего вида (т.е. не расширенных суффиксом имперфективации) становится во все невозможным употребление в процессном значении, в частности, в настоящем времени действия, конкретно протекающего в момент речи [...] Тем самым общий вид превращается в совершенный вид.

(МАСЛОВ 2004: 472–473)

Так, на основе периодизации, предложенной Ю. С. Масловым, частую встречаемость словоформ в През^{ПСВ} в Брижинских отрывках (а также, в меньшей степени, в церковнославянских источниках) уместно считать не той «древнейшей порчей», на которую указывал Ф. Миклошич (см. §1.2.1), а скорее всего реликтом общего вида, который, вероятно, просуществовал во всем славянском ареале вплоть до позднего этапа общеславянского периода и который, по ряду разных причин – вероятно, из-за периферийного положения тогдашних словенских территорий, соблюдения процесса репликового сохранения в связи с механизмом словообразования в древневерхненемецком языке, а также по причине низкой степени грамматикализации древнесловенской видовой системы (см. §3.1.1), – выжил еще некоторое время в древнесловенском. С этой точки зрения, «перфективные» перформативы, на самом деле, были недифференцированными по виду, точнее, были маркированными по параметру «не-несовершенности».

Последующее постоянное расширение функциональной сферы «нового» НСВ на древних этапах исторического развития славянских языков за счет «старого» общего вида (который к тому времени уже превратился в «новый», более маркированный СВ) может объяснять аномальное отсутствие перформативных словоформ в ПСВ, которое находится в непреодолимом противоречии с гипотезой об их общеславянской автохтонности. Вероятно, древне- и старорусские видовые системы еще не были достаточно развитыми, чтобы охватить и выразить все периферийные параметры, которые в современном языке играют важную роль в определении видовременного кодирования перформатива. Картина древнештокавского языка далее осложнялась грамматической недоступностью През^{ПСВ} в главных предложениях уже в первых письменных источниках сербского и хорватского происхождения: «перформативная запаска» в современном языке, т.е. Фут^{СВ}, в древнештокавских источниках не была доступна, по всей вероятности, потому что волитивный футурум мог выражать только собственно темпоральные и модальные значения, которые придали перформативному контексту семантическую насыщенность⁴⁶⁹ (см. дискуссию в §3.5). Так, единственным возможным вариантом в перформативном контексте не могло не быть Наст^{ПНСВ}. Спорадичная конкуренция претеритальных словоформ (прежде всего аориста и перфекта, т.е. «эпистолярного прошедшего времени») была ограничена в первую очередь неперформативными единицами, напр., делокутивами и различными лексическими предикатами (транзакционными глаголами, другими типами свершений и достижений),

⁴⁶⁹ В этом отношении показательно, что даже в современном языке периферийные параметры кодированы на уровне видовременных отношений намного более спорадично, чем в русском. Это замечание хорошо соотносится с гипотезой С. Дики об архаичности сербскохорватской видовременной системы (DISKEY 2015b).

употребляемыми в квазиперформативных контекстах, а также, в древнештокавских источниках, некоторыми шаблонными комиссивами (ср. §3.3.2.1, §3.4.3.1 и §3.4.3.3.1).

Если основы предложенной реконструкции верны, то следует признать, что распространение словоформ в СВ в перформативном контексте восходит к значительно более позднему периоду. Возможность нового видового (видовременного) противопоставления в перформативном контексте, по всей видимости, возникла при обретении каждым языком способности выражать более периферийные, контекстуально активируемые значения на уровне видовых (видовременных) отношений. В восточнославянском ареале, зачатки этого процесса, вероятно, сформировались при переходе от старорусского к современному русскому языку, т.е. во второй половине XVIII века. Уместно предположить, что оппозиция изначально охватывала наиболее частотные перформативы, определяющие категорию семантически несложных иллокутивных актов (напр. директив *просити*; см. BIASIO 2019), а затем постепенно дополнялась другими, более специфичными лексическими единицами, за исключением тех глаголов, для которых это противопоставление не могло (и до сих пор не может) осуществляться по семантическим и прагматическим причинам (см. дискуссию в §6.1). Можно также предположить, что и в сербскохорватском континууме оппозиция возникла и развивалась подобным образом, т.е. из «ядерных», наиболее часто употребляемых перформативов (напр. *moliti*), однако на данный момент мы не располагаем корпусными диахроническими данными для более четкой хронологизации⁴⁷⁰. Однако темпы этого процесса расширения видовременного противопоставления в перформативном контексте замедлились не только из-за грамматикализации, достигнутой сербскохорватской видовременной системой в меньшей степени по сравнению с русской, но и из-за относительной семантической автономности темпорального (футурального) модуля от модуля вида, который внедряет в перформативный контекст временные переменные, не полностью совпадающие с презентным планом высказывания (предикации).

Можно схематизировать предполагаемые этапы развития видовременного противопоставления в перформативном контексте в следующей таблице:

⁴⁷⁰ Однако учитывая тот факт, что Фут^{СВ}, как было показано выше, является более маркированной формой, чем рус. НП^{СВ}, вероятно, зачатки видовременной оппозиции в перформативном контексте в сербскохорватском языке возникли позднее, чем в русском.

1) Общеславянский период	
Общий вид	
2) Поздняя фаза общеславянского периода (до IX в.)	
Общий вид	 1. Возникновение «нового» НСВ 2. Возникновение «нового», маркированного СВ
3) Первые письменные свидетельства древних славянских языков (X в.)	
1. Расширение функций НСВ 2. Сужение функций СВ	 ▪ <u>Древнерусский</u>: футуральное переосмысление ▪ <u>Древнештокавский</u>: неприемлемость в главных предложениях
Древний период (XI–XVIII вв.)	
▪ <u>Древне- и старорусский</u>: Наст^{ПНСВ} (/ Прет^{ПСВ}) ▪ <u>Древнештокавский</u>: Наст^{ПНСВ} (/ Аор^{ПСВ}) ▪ Реликты общего вида в древнесловенском	
Переход к современному периоду (2-я пол. XVIII в.)	
1. Постепенная грамматикализация глагольного вида 2. Постепенная интеграция новых прагматико-конверсационных параметров в видовую оппозицию	 ▪ <u>Русский язык</u>: первые перформативные вхождения в НП^{(П)СВ} (напр. <i>попрошу</i>) ▪ <u>Сербскохорватский язык</u>: нет данных (вероятно, позднее проявление Фут^{СВ})
Современный период (начиная с 2-й пол. XVIII в./1-й пол. XIX в.)	
▪ <u>Русский язык</u>: Наст^{НСВ} (дефолтная форма) / НП^{СВ} (конкурирующая форма) ▪ <u>Сербскохорватский язык</u>: Наст^{НСВ} (дефолтная форма) / Фут^{СВ} (конкурирующая форма)	

Таблица 17. Историческое развитие видовременной оппозиции в перформативном контексте.

Итак, хочется надеяться, что в настоящей диссертации нам удалось привести убедительные доказательства в пользу гипотезы о том, что видовое (видовременное) противопоставление в перформативном контексте в русском и сербскохорватском языках может осуществляться при определенных и прогнозируемых условиях, т.е., в первую очередь, при контекстуальном выделении семантического макропризнака контроля, который может

вызывать изменения (т.е. усиление или смягчение) в интенсивности иллокутивной силы высказывания⁴⁷¹. В связи с выше очерченной диахронической и синхронической реконструкции исторического развития видовременного противопоставления, однако, остаются открытыми еще три вопроса. Во-первых, было бы интересно применять нами полученные результаты на материале других современных славянских языков, напр., западнославянских, в которых, как известно, видовое противопоставление в перформативном контексте осуществляется несмотря на то, что параметр контроля действует только до некоторой степени. Во-вторых, актуальным и непосредственно связанным с этой проблемой является также вопрос о том, какую закономерность соблюдали западнославянские языки на древних этапах их исторического развития. В-третьих, если верно, что в различных коммуникативных ситуациях параметр авторитета и принятие восстановительных («вежливых») стратегий связаны с возможным употреблением перформативных словоформ в СВ, уместно предположить, что с этими параметрами должны ассоциироваться разные интонационные структуры, которые, по всей видимости, играют важную роль в определении видовременной конфигурации перформативов (похожим образом, как и в случае императива). Возможно ли проверить эту связь при помощи экспериментального акустического анализа просодических контуров, связанных с контекстуальным выделением каждого параметра? По-видимому, это может стать темой для отдельных, будущих исследований.

⁴⁷¹ В этой связи, конечно, интересной темой для будущих исследований может являться вопрос о том, станет ли более тесной связь между сербскохорватским Фут^{СВ} и контролем по мере того, как процесс грамматикализации глагольного вида в сербскохорватском языке будет продолжаться (за счет более стержневых, собственно темпоральных функций), или же, напротив, параметр контроля будет ассоциироваться только с выбором вида, вне зависимости от собственно темпоральных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛИСОВА 1971. Алисова Т. В., *Дополнительные отношения модуса и диктума* // Вопросы языкознания, 1, С. 54–64.
- АПРЕСЯН 1995А. Апресян Ю. Д., *Перформативы в грамматике и в словаре* // Избранные труды, Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография, Москва, Школа “Языки Русской Культуры”, С. 199–218.
- АПРЕСЯН 1995Б. Апресян Ю. Д., *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира* // Избранные труды, Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография, Москва, Школа “Языки Русской Культуры”, С. 629–650.
- АПРЕСЯН 1995В. Апресян Ю. Д., *Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке* // Избранные труды, Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография, Москва, Школа “Языки Русской Культуры”, С. 219–241.
- АРКАДЬЕВ 2015. Аркадьев П. М., *Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*, Москва, Языки славянской культуры.
- АРИСТОТЕЛЬ 1978. Аристотель, *Об истолковании* // Аристотель, Сочинения в четырех томах. Том 2, Микеладзе З. Н. (под ред.), Москва, Мысль, С. 91–115.
- АРУТЮНОВА 1976. Арутюнова Н. Д., *Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы*, Москва, Наука.
- БАРЕНТСЕН 1998. Барентсен А., *Признак ‘секвентная связь’ и видовое противопоставление в русском языке* // Черткова М. Ю. (под ред.), Типология вида: проблемы, поиски, решения, Москва, Языки славянской культуры, С. 43–58.
- БЕНАККЬО 2010. Бенаккьо Р., *Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ*, Мюнхен-Берлин, Отто Сагнер.
- БЕНАККЬО, ПИЛА 2015. Бенаккьо Р., Пила М., *Выражение вида в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским* // Бенаккьо Р. (под ред.), Глагольный вид: грамматическое значение и контекст, Мюнхен-Берлин-Вашингтон, Верлаг Отто Сагнер, С. 79–91.
- БЕНВЕНИСТ 1974. Бенвенист Э., *Общая лингвистика*, Степанова Ю.С. (под ред.), Москва, Прогресс.
- БИАЗИО 2018. Биазио М., *Общая черта неконтролируемости в семантике безличных предложений и презенса совершенного вида* // Патроева Н. В. (под ред.), Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции (10-12 сентября 2018 г., Петрозаводск). Часть 1, Петрозаводск, Издательство ПетрГУ, С. 84–87.
- БИАЗИО 2020А. Биазио М., *Перформативы в резьянском и молизско-славянском микроязыках* // Кибрик А. А., Семенова Кс. П., Сичинава Д. В., Татевосов С. Г., Урманчиева А. Ю. (под ред.), ВАПросы Языкознания. Мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна, Москва, Буки Веди, С. 409–414.
- БИАЗИО 2020Б. Биазио М., *Заметки о видовременных свойствах глаголов купли-продажи в русском и сербохорватском языках* // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 5, С. 46–59.
- БОГДАНОВИЋ 1980. Богдановић Д., *Историја старе српске књижевности*, Београд, Српска књижевна задруга.
- БОНДАРКО 1958. Бондарко А. В., *Настоящее историческое (praesens historicum) глаголов несовершенного и совершенного видов в чешском языке* // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii, 27(4), С. 556–584.
- БОНДАРКО 1959. Бондарко А. В., *Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида* // Академия Наук СССР, Советский комитет славистов (под ред.), Славянское языкознание. Сборник статей, Москва, Издательство Академии Наук СССР, С. 48–58.
- БОНДАРКО 1971. Бондарко А. В., *Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов*, Москва, Просвещение.
- БОНДАРКО 1987. Бондарко А. В., *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, Ленинград, Наука.
- БОНДАРКО И ДР. 1990. Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А., Корди Е. Е., Сильницкий Г. Г., Храковский В. С., Цейтлин С. Н., Шелякин М. А., *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*, Ленинград, Наука.

- ВИМЕР 2014. Вимер Б., *Употребление совершенного вида в перформативном настоящем* // Казанский Н.Н. (под ред.), Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований: Типологические исследования (Посвящается 80-летию Виктора Самуиловича Храковского), 10(3), Санкт-Петербург, Наука, С. 90–113.
- ВИМЕР 2015. Вимер Б., *О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии)* // Бенаккьо Р. (под ред.), Глагольный вид: грамматическое значение и контекст, Мюнхен-Берлин-Вашингтон, Верлаг Отто Сагнер, С. 585–609.
- ВИНОГРАДОВ 2001⁴. Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва, Русский язык.
- ВИТГЕНШТЕЙН 1994. Витгенштейн Л., *Философские исследования* // Философские работы. Часть 1, Козлова М. С. (под ред.), Москва, Гнозис, С. 74–319.
- ВОЙВОДИЧ 1997. Войводић Д., *Перформативы как периферия ФСП футуральности в русском языке в сопоставлении с сербским* // Станкович Б. (под ред.), Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков. IV Международный симпозиум МАПРЯЛ, Белград-Нови Сад, 8-10 октября 1996 г., Београд, Славистичко друштво Србије, С. 171–178.
- ВОЈВОДИЋ 1998А. Војводић Д., *Futurum effectivum у словенским језицима* // Славистика, 2, С. 45–52.
- ВОЙВОДИЧ 1998Б. Войводић Д., *Русский и сербско-хорватский перфективный презенс в сопоставительном аспекте* // Сборник Матице српске за славистику, 54–55, С. 119–147.
- ВОЙВОДИЧ 1999. Войводић Д., *О валентности перформативных глаголов в славянских языках* // Сборник Матице Српске за славистику, 56–57, С. 71–94.
- ВОЙВОДИЧ 2000. Войводић Д., *Перформативное микрополе прескриптивности* // Сборник Матице Српске за филологију и лингвистику, 43 (посвећено профессору др. Драгољубу Петровићу поводом 65-годишњице живота), С. 111–124.
- ВОЈВОДИЋ 2002. Војводић Д., *О „принципу градуелне квантификације“ илокутивне моћи у прескриптивним говорним чиновима* // Сборник Матице српске за славистику, 62, С. 149–157.
- ВОЙВОДИЧ 2003. Войводић Д., *Функционально-семантическое поле перформативности в славянских языках* // Сборник Матице српске за славистику, 53, С. 45–77.
- ВОЙВОДИЧ 2005. Войводић Д., *О темпоральном характере пропозиции перформативных высказываний* // Золотова Г.А. (под ред.), Вопросы русского языкознания, 12. Традиции и тенденции в современной грамматической науке: по материалам I международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, Издательство МГУ, С. 100–109.
- ВОЙВОДИЧ 2010. Войводић Д., *Об употреблении и значении совершенного вида в перформативных высказываниях в славянских языках: опыт типологической дифференциации* // Тупикова Н. А. (под ред.), Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы. Сборник научных трудов (30-летию ВолГУ посвящается), Волгоград, Издательство ВолГУ, С. 175–191.
- ВОЈВОДИЋ 2014². Војводић Д. П., *Проблематика развоја футура и његове граматикализације у словенским језицима*, Русе, Лени-Ан.
- ВОЙВОДИЧ 2015. Войводић Д. П., *Эффективный презенс или эффективный футурум? (К вопросу о типологии славянских перформативов совершенного вида)* // Китадзе М. (под ред.), Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, Университет Киото Санге, 13–15 ноября 2015 г., Киото, Tanaka Print, С. 27–33.
- ВОЈВОДИЋ 2018А. Војводић Д., *Футуралност у савременом руском, пољском и српском језику* [Електронски извор], Нови Сад, 2018. (Едиција Е-дисертација; књ. 15). URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8>.
- ВОЈВОДИЋ 2018Б. Војводић Д. П., *Аспектуално-темпоралне карактеристике перформатива (с посебним освртом на прескриптиве у српском и другим словенским језицима)* // Сборник Матице Српске за славистику, 93, С. 79–114.
- ВОЈВОДИЋ 2019. Војводић Д. П., *О видско-временској синонимији и метафори у српском, руском и другим словенским језицима* // Славистика, 23(1), С. 11–44. DOI: <https://doi.org/10.18485/slavistika.2019.23.1.1>.
- ВОЛОШИНОВ 1929. Волошинов В. Н., *Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Ленинград, Прибой.

- ВЯЛОВА 2010. Вялова С. О., *Матия Дивкович*, Плач Блажене Дивице Марие. Венеция, 1616 г. Экземпляр Российской национальной библиотеки // Slovo, 60, С. 827–840.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс., *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. I, Тбилиси, Издательство Тбилисского университета.
- ГИППИУС 2004. Гиппиус А. А., *К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот* // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. (под ред.), Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 годов, Том XI, Русские Словари, Москва, С. 183–232.
- ГЛОВИНСКАЯ 1992. Гловинская М. Я., *Русские речевые акты и вид глагола* // Российская Академия Наук, Институт русского языка (под ред.), Логический анализ языка. Модели действия, Москва, Наука, С. 123–130.
- ГЛОВИНСКАЯ 1993. Гловинская М. Я., *Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов* // Российская Академия Наук, Институт русского языка (под ред.), Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект, Москва, Наука, С. 158–218.
- ГОРБОВ, ГОРБОВА 2012. Горбов А. А., Горбова Е. В., Предел, предельность, трансформативность, telicity – терминологическое недоразумение рубежа веков? // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко, Москва, Языки славянских культур, С. 116–125.
- ГОРБОВА 2015. Горбова Е. В., *Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид «видом славянского типа»?* // Китадзе М. (под ред.), Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, Университет Киото Санге, 13–15 ноября 2015 г., Киото, Tanaka Print, С. 60–69.
- ГРИЦКАТ 1975. Грицкат И., *Студије из историје српскохрватског језика*, Београд, Народна библиотека С. Р. Србије.
- ГРКОВИЋ-МЕЛЦОР 2012. Грковић-Мејџор Ј., *Развој футура у старосрпском језику* // Сборник Матице Српске за филологију и лингвистику, 55(1), С. 83–104.
- ДЕККЕР 2019. Деккер С., *Употребление глагольных времен в древнерусских перформативных высказываниях: прагматический подход* // Fortuin E., Houtzagers P., Kalsbeek J. (ed. by), Dutch Contributions to the Sixteenth International Congress of Slavists. Linguistics (Belgrade, August 20-27, 2018), Leiden, Brill-Rodopi, С. 54–75. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004417137_003.
- ДЕРГАНЦ 2012. Дерганц А., *Перформативные глаголы в словенском языке* // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 6, С. 228–236.
- ДЕРГАНЦ 2014. Дерганц А., *Глагольный вид в настоящем историческом в словенском языке* // Scando-slavica, 60(2), С. 437–451. DOI: <https://doi.org/10.1080/00806765.2014.984476>.
- ЕРЗИНКЯН 2018. Ерзинкян Е. Л., *Лингвистическая категория вежливости. Семантика и прагматика*, Ереван, Издательство ЕГУ. URL: http://jjevanlib.yeu.am/wp-content/uploads/2018/10/Yelena_Yerznkyan.pdf.
- ЗАЛИЗНЯК, МИКАЭЛЯН, ШМЕЛЕВ 2015. Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д., *Русская аспектология. В защиту видовой пары*, Москва, Языки славянской культуры.
- ЗЕМСКАЯ 1994. Земская Е. А., *Категория вежливости в контексте речевых действий* // Российская Академия Наук, Институт Языкознания (под ред.), Логический анализ языка. Язык речевых действий, Москва, Наука, С. 131–136.
- ИВИЋ 1977. Ивић М., *Теоријско-методолошки проблеми словенске синтаксе везани за концепт „фактивности“* // Јужнословенски филолог, 33, С. 1–16.
- ИСАЧЕНКО 1960. Исаченко А. В., *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая*, Братислава, Издательство Словацкой Академии Наук.
- ИЗРАЭЛИ 2013. Израэли А., *Перформативы и вид глагола в русском языке* (тезис доклада) // Нилссон М., Нилссон-Зорихина Н. (под ред.), «Семантический спектр славянского вида»: IV Конференция Комиссии по аспектологии Международного Комитета Славистов, Гетеборгский университет (10 июня–14 июня 2013 г.), Гетеборг, Гетеборгский университет, С. 73–75.
- ИОРДАНСКАЯ 1992. Иорданская Л. Н., *Перформативные глаголы и риторические союзы* // Reuther T. (Hrsg.), Festschrift für Viktor Jul'evič Rozencvejk zum 80. Geburtstag, München-Berlin-Washington D.C., Verlag Otto Sagner, С. 29–41.

- КАРЕЛИН 2011. Карелин В. М., *«Нарекаю этот корабль именем “Товарищ Сталин”» (некоторые замечания о политической прагматике перформативных высказываний)* // Вестник РГГУ, Серия «Философия-Социология», С. 39–50.
- КЛИМОНОВ 2015. Климонов В., *Взаимодействие модальности и аспектуальности в русском языке* // Бенаккьо Р. (под ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*, Мюнхен-Берлин-Вашингтон, Verlag Otto Saenger, С. 325–333.
- КОНОНОВ 1956. Кононов А. Н., *Грамматика современного турецкого литературного языка*, Москва-Ленинград, Издательство АН СССР.
- КРАСИНА 1999. Красина Е. А., *Семантика и прагматика русских перформативных высказываний*, диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.
- КРЕКИЧ 1998. Крекич Й., *К проблеме перформативов предписания в Библии* // Черткова М. Ю. (под ред.), *Типология вида: проблемы, поиски, решения*, Москва, Языки славянской культуры, С. 241–247.
- КРЫСИН И ДР. 1974. Крысин Л. П., Воронцова В. Л., Гловинская М. Я., Голанова Е. И., Ильина Н. Е., Китайгородская М. В., Кузьмина С. М. (под ред.), *Русский язык по данным массового обследования*, Москва, Наука.
- КУЗНЕЦОВА 1987. Кузнецова И. Н., *Практический курс сопоставительной грамматики русского и французского языков*, Москва, Русский язык.
- КУСТОВА, ПАДУЧЕВА 1994. Кустова Г. И., Падучева Е. В., *Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях* // Российская Академия Наук, Институт Языкознания (под ред.), *Логический анализ языка. Язык речевых действий*, Москва, Наука, С. 30–37.
- МАЗОН 1958. Мазон А., *Вид в славянских языках (принципы и проблемы)*, доклад на IV Международном Съезде Славистов, Москва, Академия Наук СССР.
- МАСЛОВ 2004. Маслов Ю. С., *Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида* // Бондарко А. В., Майсак Т. А., Плунгян В. А. (под ред.), *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва, Языки славянской культуры, С. 445–476.
- МАСЛОВА 1998. Маслова А. Ю., *Средства выражения побудительного значения в сербо-хорватском языке в сопоставлении с русским*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург.
- МАСЛОВА 2011. Маслова А. Ю., *Семантико-прагматические особенности речевого акта клятвы в сопоставительном аспекте (на материале русского, сербского и болгарского языков)* // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 6(2), С. 414–417.
- МАСЛОВА 2016. Маслова А. Ю., *Особенности конвенциональных побудительных косвенных речевых актов (на материале славянских языков)* // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). 2(1), С. 167–176.
- МЕЛЬЧУК 1985. Мельчук И. А., *Семантические этюды. I: ‘сейчас’ и ‘теперь’ в русском языке* // Russian Linguistics, 9(2/3), С. 257–279. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF03380063>.
- МИЛОСАВЛЈЕВИЋ 2018. Милосављевић Б. С., *Перформативне форме говорне етикеције у лексикографском опису* // Научни састанак слависта у Вукове дане, 47(1), С. 107–116. DOI: <https://doi.org/10.18485/msc.2018.47.1.ch10>.
- МИЛЯКОВИЧ 2014. Милякович М. М., *Институционализированные приглашения/вызовы в русском и сербском языках* // Маслова А. Ю. (под ред.), *Славянские диалоги. Международный сборник научных статей молодых ученых*, Саранск, Издательство Мордовского университета, С. 79–88.
- МЛАДЕНОВИЋ 1989. Младеновић А., *Славеносрпски језик: студије и чланци*, Нови Сад, Књижевна заједница Новог Сада.
- ПАВИЋ 1970. Павић М., *Историја српске књижевности барокног доба (17. и 18. век)*, Београд, Нолит.
- ПАВЛОВИЋ 2000. Павловић С., *Перформативи у старосрпским правноекономским списима* // Јужнословенски Филолог, 56(3–4), С. 763–770.
- ПАВЛОВИЋ 2009. Павловић С., *Старосрпска зависна реченица од XII до XV века*, Сремски Карловци-Нови Сад, Издавачка књижарница Јована Стојановића.
- ПАДУЧЕВА 1994. Падучева Е. В., *Вид и время перформативного глагола* // Российская Академия Наук, Институт Языкознания (под ред.), *Логический анализ языка. Язык речевых действий*, Москва, Наука, С. 37–42.
- ПАДУЧЕВА 2009. Падучева Е. В., *Семантика вида и точка отсчета: в поисках инварианта видового значения* // Статьи разных лет, Москва, Языки славянских культур, С. 375–393.

- ПАДУЧЕВА 2010⁵. Падучева Е. В., *Высказывание и его соотношенность с действительностью*, Москва, УРСС.
- ПЕТРУХИНА 1983. Петрухина Е. В., *Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским* // Широкова А. Г., Грабье Вл. (под ред.), Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками, Москва, Издательство МГУ, С. 152–172.
- ПЕТРУХИНА 2009. Петрухина Е. В., *Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие*, Москва, МАКС Пресс.
- ПИПЕР, КЛАЈН 2014². Пипер П., Клајн И., *Нормативна граматика српског језика*, Нови Сад, Матица Српска.
- ПЛУНГЯН 2003². Плунгян В. А., *Общая морфология. Введение в проблематику*, Москва, УРСС.
- ПЛУНГЯН 2011. Плунгян В. А., *Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме)* // Scando-slavica, 57(2), С. 290–309. DOI: <https://doi.org/10.1080/00806765.2011.631785>.
- ПОСПЕЛОВ 1955. Пospelов Н. С., *Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке* // Академия Наук СССР, Институт Языкознания (под ред.), Исследования по грамматике русского литературного языка. Сборник статей, Москва, Издательство АН СССР, С. 206–246.
- ПОПОВИЧ 1997. Попович Л., *Языковая реализация бехабитивов в эпистолярном дискурсе русского, украинского и сербского языков* // Станкович Б. (под ред.), Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков. IV Международный симпозиум МАПРЯЛ, Белград-Нови Сад, 8–10 октября 1996 г., Београд, Славистичко друштво Србије, С. 367–373.
- ПОПОВИЋ 1999. Поповић Љ., *Асертивна функција исказа и њен језички израз у српском и украјинском језику* // Šević R., Tir M., Točanac D. (odg. ur.), Kontrastivna jezička istraživanja. VI simpozijum, Filozofski fakultet u Novom Sadu, 29–30. maj 1998, Novi Sad, Filozofski fakultet, С. 239–248.
- ПОПОВИЋ 2000. Поповић Љ., *Епистоларни дискурс украјинског и српског језика*, Београд, Филолошки факултет.
- ПОПОВИЋ 2008. Поповић Љ., *Изражавање аспектуалног значења проспективности у словенским језицима* // Зборник Матице српске за славистику, 73, С. 297–314.
- ПОПОВИЋ 2011А. Поповић Д., *Прагматичко-семантичка анализа говорног жанра савета (на материјалу руског и српског језика)* // Зборник Матице српске за славистику, 80, С. 137–164.
- ПОПОВИЋ 2011Б. Поповић Д., *Теорија говорних жанрова – актуелни правац руске лингвистике* // Славистика, 15, С. 195–201.
- ПОПОВИЋ 2011В. Поповић Д., *Анализа перформативних глагола из групе апелатива (на материјалу руског и српског језика)* // Славистика, 15, С. 316–324.
- ПОПОВИЋ 2012. Поповић Д., *Један поглед на изражавање савета у руском и српском језику* // Славистика, 16, С. 143–150.
- ПОПОВИЧ 2015. Попович Л. В., *Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного вида в таксисных конструкциях сербского языка* // Китадзе М. (под ред.), Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, Университет Киото Санге, 13–15 ноября 2015 г., Киото, Tanaka Print, С. 200–206.
- ПОПОВИЧ 2018. Попович Л., *Перформативное употребление глагольных форм перфектной семантики в славянских языках* // Milliaressi T. (Ed.), La relation temps/aspect: approches typologique et contrastive, Lille, Université Charles de Gaulle – Lille 3, С. 269–276.
- ПОТЕБНЯ 1977. Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике, Том IV, Выпуск II. Глагол*, Франчук В. Ю. (под ред.), Москва, Просвещение.
- ПОЖАРИЦКАЯ 2015. Пожарицкая Ю. О., *Перформативы как средство выражения интенций адресанта в документных текстах (на примере писем-ответов)* // Вестник ВолГУ, Серия 2. Языкознание, 14(3), С. 122–127.
- ПРОСКУРИН 2016. Проскурин С. Г., *Ранняя перформативность* // Критика и семиотика, 25(2), С. 121–133.
- РЯБЦЕВА 1992. Рябцева Н. К., *Ментальные перформативы в научном дискурсе* // Вопросы языкознания, 4, С. 12–28.

- САВЕЛЬЕВ 2016А. Савельев В. С., *Древнерусские комплексные речевые ходы. Отношения иллюкутивного равенства (на материале «Повести временных лет») // Мир Русского Слова*, 3, С. 4–10.
- САВЕЛЬЕВ 2016Б. Савельев В. С., *Функции глагольных форм настоящего времени в речи персонажей «Повести временных лет» // Филология и человек. Научный журнал*, 2, С. 127–141.
- САВЕЛЬЕВ 2016В. Савельев В. С., *Древнерусские иллюкутивно полифункциональные высказывания: сообщения о прошлом, настоящим и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестник МГУ. Серия 9. Филология*, 2, С. 79–105.
- СЛАВКОВА 2014. Славкова С., *Перформативное употребление глаголов просить/попросить и моля/помоля в русском и болгарском языках: прагматическая роль вида и времени // Scando-slavica*, 60(2), С. 231–252. DOI: <https://doi.org/10.1080/00806765.2014.984464>.
- СОБОЛЕВ 2000. Соболев А. Н., *Вопросы древнейшей истории южнославянских языков и ареальная лингвистика // Южнославянский Филолог*, 56(3-4), С. 1035–1050.
- СТЕШЕВИЧ 2014. Стешечич В. Ю., *Аналитические способы выражения побуждения к совместному действию в русском и сербском языках // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*. 3 (38). С. 20–35. DOI: <https://doi.org/10.15382/sturIII201438.20-35>.
- СХАКЕН, ФОРТЕЙН, ДЕККЕР 2014. Схакен Й., Фортейн Э., Деккер С., *Эпистолярный дейксис в новгородских берестяных грамотах // Вопросы языкознания*, 1, С. 21–38.
- ТАНАСИЋ 1996. Танасић С., *Презент у савременом српском језику*, Београд, Институт за српски језик САНУ.
- ТАТЕВОСОВ 2015. Татевосов С. Г., *Глагольные классы и типология акциональности*, Москва, Языки славянской культуры.
- ФОРМАНОВСКАЯ 1982. Формановская Н. И., *Русский речевой этикет: лингвистические и методические аспекты*, Москва, Русский язык.
- ХОМУТСКИЙ 2009. Хомутский К. И., *Темпоральный характер пропозиции перформативных высказываний в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3, С. 134–138.
- ХОМУТСКИЙ 2010. Хомутский К. И., *Темпоральный план перформативных высказываний*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- ЧЖАН, ШАТУНОВСКИЙ 2014. Чжан Ц., Шатуновский И. Б., *Перлокутивные глаголы и вид в русском языке // Scando-slavica*, 60(2), С. 352–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/00806765.2014.984471>.
- ШАТУНОВСКИЙ 2014. Шатуновский И. Б., *Перлокутивные речевые действия и перлокутивные глаголы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 13, Москва, РГГУ, С. 572–579.
- ШЕЛЯКИН 1976. Шелякин М. А., *Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (К проблеме синонимии видов) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 3, С. 56–64.
- ШЕЛЯКИН 1980. Шелякин М. А., *О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола // Ученые записки Тартуского университета*, 524. Труды по русской и славянской филологии, 33, С. 3–23.
- ШЕЛЯКИН 2010. Шелякин М. А., *Очерки по прагматике русского языка*, Москва, Русский Язык Медиа/Дрофа.
- ШТЕРН 2016. Штерн Д., *Прагмафилология, берестяные грамоты и еще одно толкование грамоты НГБ 19 // Russica Romana*, 23, С. 41–58.
- ЯСАИ 2015. Ясаи Л., *О соотношении лексико-семантической категории предельности и глагольного вида // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 60(1), С. 43–53.
- AARSLEFF 1970. Aarsleff H., *The History of Linguistics and Professor Chomsky // Language*, 46(3), pp. 570–585.
- AIKHENVALD 2010. Aikhenvald A. V., *Imperatives and Commands*, Oxford, Oxford University Press.
- ALLAN 2014². Allan K., *Linguistic Meaning*, London-New York, Routledge.
- AMBROISE 2013. Ambroise B., *Promising // Sbisà M., Turner K. (ed. by), Pragmatics of Speech Actions: Handbooks of Pragmatics, Vol. 2*, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 501–522. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214383.501>.
- ANAND, TOOSARVANDANI 2019. Anand P., Toosarvandani M., *Now and then: Perspectives on Positional Variance in Temporal Demonstratives // Espinal M. T., Castroviejo E., Leonetti M., McNally L., Real-Puigdollers C. (ed. by), Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 23(1), Universitat Autònoma de Barcelona,

- Ikerbasque & UPV/EHU, Universidad de Alcalá and Universitat Pompeu Fabra, pp. 19–36. DOI: <https://doi.org/10.18148/sub/2019.v23i1.490>.
- ANDERSEN 2013. Andersen H., *On the Origin of the Slavic Aspects: Imperfect and Aorist* // Journal of Slavic Linguistics, 21(1), pp. 17–43. DOI: <https://doi.org/10.1353/jsl.2013.0003>.
- APOLLONIUS 1981. Householder F. W. (ed. by), *The Syntax of Apollonius Dyscolus*, Amsterdam-New York, John Benjamins Publishing Company. DOI: <https://doi.org/10.1075/sihols.23>.
- ARCHER 2010. Archer D., *Speech Acts* // Jucker A. H., Taavitsainen I. (ed. by), *Historical Pragmatics: Handbooks of Pragmatics*, Vol. 8, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 379–417. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214284.6.379>.
- ASIC 2000. Asic T., *Le présent perfectiv en serbe: temps, mode ou puzzle?* // Cahiers de Linguistique Française, 22, pp. 275–294.
- AUSTIN 1975². Austin J. L., *How to Do Things with Words*, Urmson J. O., Sbisà M. (ed. by), Cambridge, Harvard University Press.
- BACH 1975. Bach K., *Performatives Are Statements Too* // Philosophical Studies, 28(4), pp. 229–236. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00353970>.
- BACH, HARNISH 1979. Bach K., Harnish R. M., *Linguistic Communication and Speech Acts*, Cambridge, The MIT Press.
- BACH, HARNISH 1992. Bach K., Harnish R. M., *How Performatives Really Work: A Reply to Searle* // Linguistics and Philosophy, 15(1), pp. 93–110. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00635834>.
- BAILYN 2010. Bailyn J. F., *To What Degree Are Croatian and Serbian the Same Language? Evidence from a Translation Study* // Journal of Slavic Linguistics, 18(2), pp. 181–219.
- BARTSCHAT 1977. Bartschat B., *Aspektgebrauch und Performativität* // Zeitschrift für Slawistik, 22, pp. 629–637.
- BARY 2012. Bary C., *The Ancient Greek Tragic Aorist Revisited* // Glotta, 88, pp. 31–53.
- BERMEL 1997. Bermel N., *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley-Los Angeles-London, University of California Press.
- BERTINETTO 1986. Bertinetto P. M., *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo*, Firenze, Accademia della Crusca.
- BERTINETTO 2001. Bertinetto P. M., *On a Frequent Misunderstanding in the Temporal-Aspectual Domain: The 'Perfective $\Rightarrow$ Telic Confusion'* // Cecchetto C., Chierchia G., Guasti M. T. (ed. by), *Semantic Interfaces [Reference, Anaphora and Aspect]*, CSLI Publications, Stanford, pp. 177–210.
- BIASIO 2019. Biasio M., *The Etiquette of Aspect. How and Why prositi Stopped Worrying and Entered a Pair* // Gesuato S., Dossena M., Cesiri D. (ed. by), *Lingue e Linguaggi*, 31. *Doing Things with Words across Time. Snapshots of Communicative Practices in and from the Past (Special Issue)*, pp. 191–218. DOI: <http://doi.org/10.1285/i22390359v31p191>.
- BIASIO 2020. Biasio M., *A POWERful Preverb: PO- and the Russian Verbs of Communication*. Paper presented at the 15th Slavic Linguistic Society Annual Meeting (Bloomington, IN, September 4th-6th, 2020: virtual conference due to the COVID-19 pandemic).
- BICKEL 1997. Bickel B., *Aspectual Scope and the Difference between Logical and Semantic Representation* // Lingua, 102(1-2), pp. 115–131. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0024-3841\(97\)00004-1](https://doi.org/10.1016/S0024-3841(97)00004-1).
- BORIK 2006. Borik O., *Aspect and Reference Time*, New York, Oxford University Press.
- BREU 1994. Breu W., *Interactions between Lexical, Temporal and Aspectual Meanings* // Studies in Language, 18(1), pp. 23–44. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.18.1.03bre>.
- BREU, PICCOLI 2000. Breu W., Piccoli G., *Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce. Dizionario plurilingue della lingua slava della minoranza di provenienza dalmata di Acquaviva Collecroce in Provincia di Campobasso. Dizionario, registri, grammatica, testi*, Campobasso, Arti Grafiche La Regione.
- BROWN, GILMAN 1960. Brown G., Gilman A., *The Pronouns of Power and Solidarity* // Sebeok T.A. (ed.), *Style in Language*, The MIT Press, Cambridge, pp. 253–276.
- BROWN, LEVINSON 1988². Brown P., Levinson S. C., *Politeness. Some Universals in Language Use*, Cambridge-New York-New Rochelle-Melbourne-Sydney, Cambridge University Press.
- BROŽEK 2011. Brožek A., *Performatives and Imperatives* // European Journal of Analytic Philosophy, 7(2), pp. 17–34.
- BUGARSKI 2019. Bugarski R., *Izazovi prevođenja i predstavljanja ranih radova Noama Čomskog jugoslovenskoj stručnoj publici* // Milanović Ž. (ur.), *Deseti međunarodni interdisciplinarni simpozijum „Susret kultura“*. Zbornik radova, Novi Sad, Filozofski fakultet, C. 15–24.

- BYBEE, DAHL 1989. Bybee J. L., Dahl Ö, *The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World* // *Studies in Language*, 13(1), pp. 51–103. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.13.1.03byb>.
- CASTAGNOU 1964. Castagnou D., *Le présent perfectif slave n'est-il qu'un futur?* // *Rocznik Slawistyczny*, 23, pp. 27–45.
- CASTELFRANCHI 1971. Castelfranchi C., *Capacità locative e aspetti dei tempi verbali* // *L'insegnamento dell'italiano in Italia e all'estero*, SLI, Roma, Bulzoni, pp. 649–665.
- CHOMSKY 1966. Chomsky N., *Cartesian Linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought*, New York-London, Harper & Row.
- CINQUE 1999. Cinque G., *Adverbs and Functional Heads. A Cross-Linguistic Perspective*, New York, Oxford University Press.
- COLLINS 2011. Collins D. E., *Reconstructing the Pragmatics of a Medieval Marriage Negotiation* // *Russian Linguistics*, 35(1), pp. 33–61. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-010-9070-7>.
- COMRIE 1976. Comrie B., *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*, Cambridge, Cambridge University Press.
- COMRIE 1985. Comrie B., *Tense*, Cambridge, Cambridge University Press.
- CONDORAVDI, LAUER 2011. Condoravdi C., Lauer S., *Performative Verbs and Performative Acts* // Reich I., Horch E., Pauly D. (edited by), *Sinn und Bedeutung 15. Proceedings of the 2010 Annual Conference of the Gesellschaft für Semantik*, Saarbrücken, Saarland University Press, pp. 149–164.
- CONTE 1983. Conte M-E., *La pragmatica linguistica* // Segre C. (intr., a cura di), *Intorno alla linguistica*, Milano, Feltrinelli, pp. 94–128.
- COPLEY 2009. Copley B., *The Semantics of the Future*, New York, Routledge.
- CULPEPER 2010. Culpeper J., *Historical Sociopragmatics* // Jucker A. H., Taavitsainen I. (ed. by), *Historical Pragmatics: Handbooks of Pragmatics*, Vol. 8, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214284.2.69>.
- DAHL 1984. Dahl Ö., *Perfectivity in Slavonic and Other Languages* // de Groot C., Tamm H. (ed. by), *Aspect Bound. A Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspectology*, Dordrecht-Cinnaminson, Foris Publications, pp. 3–22. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110846195.3>.
- DAHL 2008. Dahl Ö., *Performative Sentences and the Morphosyntax-Semantics Interface in Vedic* // *Journal of South Asian Linguistics*, 1(1), pp. 7–27.
- DECLERCK 1979. Declerck R., *Aspect and the Bounded/Unbounded (Telic/Atelic) Distinction* // *Linguistics*, 17(9-10), pp. 761–794. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling.1979.17.9-10.761>.
- DECLERCK 2007. Declerck R., *Distinguishing between the Aspectual Category '(A)Telic', '(Im)Perfective' and '(Non)Bounded'* // *Kansas Working Papers in Linguistics*, 29, pp. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.17161/KWPL.1808.1787>.
- DEKKER 2018. Dekker S., *Old Russian Birchbark Letters: A Pragmatic Approach*, Leiden-Boston, Brill-Rodopi. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004353206>.
- DE PONTE 2017. De Ponte M., *Promises, the Present and "now". Lessons from Austin, Prior and Kamp* // *Journal of Pragmatics*, 112, pp. 33–43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.02.004>.
- DEPRAETERE 1995. Depraetere I., *On the Necessity of Distinguishing between (Un)Boundedness and (A)Telicity* // *Linguistics and Philosophy*, 18(1), pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00984959>.
- DEPRAETERE, SALKIE 2017. Depraetere I., Salkie R. (ed. by), *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*, New York, Springer International Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-32247-6>.
- DERGANC 1996. Derganc A., *Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprasanju glagolskega vida v performativnih izjavah v slovanskih jezikih)* // Kosa J. et al. (ur.), *Zbornik Brižinski spomeniki*, Ljubljana, Znanstvenoraziskovalni center SAZU-Inštitut za slovensko literaturo in literarne vede, C. 185–193.
- DERGANC 1998. Derganc A., *Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Präsens im Russischen und Slowenischen* // Huber D., Worbs E. (Hrsg.), *Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität. Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65. Geburtstag*, Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien, Peter Lang Verlag, pp. 55–63.
- DERGANC 2003. Derganc A., *Nekatere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini* // *Slavistična revija*, 51 (posebna številka), C. 67–79.
- DERGANC 2010. Derganc A., *Še nekatere razlike v rabi glagolskih vidov v ruščini in slovenščini* // *Slavistična revija*, 58(1), C. 73–80.
- DE WIT 2017. De Wit A., *The Present Perfective Paradox across Languages*, Oxford, Oxford University Press. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198759539.001.0001>.

- DE WIT, BRISARD, MEEUWIS 2018. De Wit A., Brisard F., Meeuwis M., *The Epistemic Import of Aspectual Constructions: The Case of Performatives* // *Language and Cognition*, 10(2), pp. 234–265. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2017.26>.
- DICKEY 2000. Dickey S. M., *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*, Stanford, CSLI.
- DICKEY 2007. Dickey S., *A Prototype Account of the Development of Delimitative po- in Russian*, in Divjak D., Kochańska A. (eds.), *Cognitive Paths into the Slavic Domain*, Berlin-New York, Mouton de Gruyter, pp. 329–374. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110198799.4.329>.
- DICKEY 2011. Dickey S., *The Varying Role of PO- in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact* // *Journal of Slavic Linguistics*, 19(2), pp. 175–230. DOI: <https://doi.org/10.1353/jsl.2011.0009>.
- DICKEY 2015A. Dickey S. M., *The Aspectual Development of Performatives in Slavic* // *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 71(2), pp. 249–304.
- DICKEY 2015B. Dickey S. M., *Parameters of Slavic Aspect Reconsidered: The East-West Aspect Division from a Diachronic Perspective* // Shrager M., Andrews E., Fowler G., Franks S. (eds.), *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*, Bloomington, Slavica, pp. 29–45.
- DICKEY 2018. Dickey McCartney S., *Thoughts on the 'Typology of Slavic Aspect'* // *Russian Linguistics*, 42(1), pp. 69–103. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-017-9189-x>.
- DOERGE 2013. Doerge F. C., *Performative Utterances* // Sbisà M., Turner K. (ed. by), *Pragmatics of Speech Actions: Handbooks of Pragmatics*, Vol. 2, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 203–256. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214383.203>.
- ECKARDT 2012. Eckardt R., *Hereby Explained: An Event-Based Account of Performative Utterances* // *Linguistics and Philosophy*, 35(1), pp. 21–55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10988-012-9110-4>.
- ESVAN 2011A. Esvan F., *K některým lexikosémantickým zvláštnostem transakčních sloves* // Čermák F. (ed.), *Korpusová lingvistika Praha – 2: Výzkum a výstavba korpusů*, Praha, Nakladatelství lidové noviny-Ústav Českého národního korpusu, C. 142–149.
- ESVAN 2011B. Esvan F., *K vidové opozici u českých verb dicendi* // *Korpus-Gramatika-Axiologie*, 3, C. 45–56.
- FILIP 2017. Filip H., *The Semantics of Perfectivity* // *Italian Journal of Linguistics*, 29(1), pp. 167–199. DOI: <https://doi.org/10.26346/1120-2726-107>.
- FORSYTH 1970. Forsyth J., *A Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb*, Cambridge, Cambridge University Press.
- FORTUIN, KAMPHUIS 2015. Fortuin E., Kamphuis J., *The Typology of Slavic Aspect: A Review of the East-West Theory of Slavic Aspect* // *Russian Linguistics*, 39(2), pp. 163–208. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9144-7>.
- FORTUIN, KAMPHUIS 2018. Fortuin E., Kamphuis J., *Unanswered Questions of Slavic Aspect: A Reply to 'Thoughts on the 'Typology of Slavic Aspect''* // *Russian Linguistics*, 42(1), pp. 105–121. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-017-9190-4>.
- FORTUIN 2019. Fortuin E., *Universality and Language-Dependency of Tense and Aspect: Performatives from a Crosslinguistic Perspective* // *Linguistic Typology*, 23(1), pp. 1–58. DOI: <https://doi.org/10.1515/lingty-2018-0018>.
- FORTUIN, DAVIDS 2019. Fortuin E., Davids I., *'Now' in Russian: A Corpus-Based Approach to Teper' and Sejčas* // Fortuin E., Houtzagers P., Kalsbeek J. (ed. by), *Dutch Contributions to the Sixteenth International Congress of Slavists. Linguistics (Belgrade, August 20-27, 2018)*, Leiden, Brill-Rodopi, pp. 76–119. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004417137_004.
- GALTON 1976. Galton H., *The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect*, Skopje, Macedonian Academy of Sciences and Arts.
- GALTON 1979. Galton H., *Some Peculiarities of Verbal Aspect in Slovene* // *Slovene Studies Journal*, 3(2), pp. 52–60.
- GALTON 1999. Galton H., *Bermel, N.: Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley, Los Angeles, London 1997 // *Russian Linguistics*, 23(2), pp. 171–179. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1006976413474>.
- GARCÍA-CARPINTERO 2013. García-Carpintero M., *Explicit Performatives Revisited* // *Journal of Pragmatics*, 49(1), pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.01.005>.
- GATTNAR, HEININGER, HÖRNIG 2018. Gattnar A., Heininger J., Hörnig R., *The Russian Perfective Present in Performative Utterance* // Lenertová D., Meyer R., Šimík R., Szucsich L., *Advances in Slavic Formal Linguistics 2016*, Berlin, Language Science Press, pp. 127–146.

- GATTNAR, HÖRNIG 2020. Gattnar A., Hörnig R., *Aspect and Processing of Utterances with Perfective Performatives* // Головкин Е.В., Горбова Е.В., Кочаров П.А., Храковский В.С., Чуйкова О.Ю. (под ред.), Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5-8 мая 2020 г.), Санкт-Петербург, Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, С. 128–135.
- GAZDAR 1979. Gazdar G., *Pragmatics. Implicature, Presupposition, and Logical Form*, New York-London-Toronto-Sydney-San Francisco, Academic Press.
- GELD, ZOVKO DINKOVIĆ 2007. Geld R., Zovko Dinković I., *Perfectives, Imperfectives, and the Croatian Present Tense* // Divjak D., Kochańska A. (ed. by), *Cognitive Paths into the Slavic Domain*, Berlin-New York, Mouton de Gruyter, pp. 111–148. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110198799.2.111>.
- GEURTS 2019. Geurts B., *Communication as Commitment Sharing: Speech Acts, Implicatures, Common Ground* // *Theoretical Linguistics*, 45(1-2). *Communication as Commitment Sharing: Speech Acts, Implicatures, Common Ground*, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1515/tl-2019-0001>.
- GINET 1979. Ginet C., *Performativity* // *Linguistics and Philosophy*, 3(2), pp. 245–265. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00126512>.
- GIORGI, PIANESI 1997. Giorgi A., Pianesi F., *Tense and Aspect. From Semantics to Morphosyntax*, New York-Oxford, Oxford University Press.
- GIPPIUS, SCHAEKEN 2011. Gippius A. A., Schaecken J., *On Direct Speech and Referential Perspective in Birchbark Letters n° 5 from Tver' and n° 286 from Novgorod* // *Russian Linguistics*, 35(1), pp. 13–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-010-9069-0>.
- GRACIOTTI 1967. Graciotti S., *Il problema della lingua letteraria nell'antica letteratura croata* // *Ricerche slavistiche*, 15, pp. 123–164.
- GRENOBLE 2004. Grenoble L. A., *Parentheticals in Russian* // *Journal of Pragmatics*, 36(11), pp. 1953–1974. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2004.02.008>.
- GREWENDORF 1979. Grewendorf G., *Explicit Performatives and Statements* // *Journal of Pragmatics*, 3(5), pp. 431–445. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(79\)90018-3](https://doi.org/10.1016/0378-2166(79)90018-3).
- GRICE 1957. Grice H. P., *Meaning* // *The Philosophical Review*, 66(3), pp. 377–388. DOI: <https://doi.org/10.2307/2182440>.
- GRICE 1975. Grice H. P., *Logic and Conversation* // Morgan J. L., Cole P. (ed. by), *Syntax and Semantics*, Vol. 3: *Speech Acts*, New York, Academic Press, pp. 41–58.
- GROENENDIJK, STOKHOF 1976. Groenendijk J., Stokhof M., *Some Aspects of the Semantics and Pragmatics of Performative Sentences* // Groenendijk J., Stokhof M. (ed. by), *Amsterdam Papers in Formal Grammar*, Vol. I. *Proceedings of the Amsterdam Colloquium on Montague Grammar and Related Topics*, Amsterdam, Centrale Interfaculteit Universiteit van Amsterdam, pp. 61–94.
- GU 1993. Gu Y., *The Impasse of Perlocution* // *Journal of Pragmatics*, 20(5), pp. 405–432. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(93\)90038-Q](https://doi.org/10.1016/0378-2166(93)90038-Q).
- GUÉRON 2008. Guéron J., *On the Difference between Telicity and Perfectivity* // *Lingua*, 118(11), pp. 1816–1840. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2007.04.005>.
- HARNISH 2007. Harnish R. M., *Performative Utterances: Seven Puzzles* // *Łódź Papers in Pragmatics*, 3(-1), pp. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10016-007-0002-y>.
- HARRIS 2019. Harris D. W., *Intention and Commitment in Speech Acts* // *Theoretical Linguistics*, 45(1-2). *Communication as Commitment Sharing: Speech Acts, Implicatures, Common Ground*, pp. 53–67. DOI: <https://doi.org/10.1515/tl-2019-0004>.
- HENY 1982. Heny F., *Tense, Aspect and Time Adverbials (Part II)* // *Linguistics and Philosophy*, 5(1), pp. 109–154. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00390694>.
- HINRICHS 1985. Hinrichs U., *Der Koinzidenzfall in den Balkansprachen (I)* // *Zeitschrift für Balkanologie*, 21(2), pp. 136–151.
- HINRICHS 1986. Hinrichs U., *Der Koinzidenzfall in den Balkansprachen (II)* // *Zeitschrift für Balkanologie*, 22(2), pp. 165–184.
- HLEBEC 2015. Hlebec B., *Lexical Definitions of Some Performative Verbs* // *Studia Anglica Posnaniensia*, 50(1), pp. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.1515/stap-2015-0015>.
- HORNSTEIN 1990. Hornstein N., *As Time Goes By. Tense and Universal Grammar*, Cambridge-London, The MIT Press.
- HORTON 2012. Horton W. S., *Shared Knowledge, Mutual Understanding and Meaning Negotiation* // Schmid H.-J. (ed. by), *Cognitive Pragmatics: Handbooks of Pragmatics*, Vol. 4, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 375–404. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214215.375>.

- HUANG 2012. Huang Y., *Relevance and Neo-Gricean Pragmatic Principles* // Schmid, H.-J. (ed. by), *Cognitive Pragmatics: Handbooks of Pragmatics*, Vol. 4, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 25–46. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214215.25>.
- ISRAELI 2001. Israeli A., *The Choice of Aspect in Russian Verbs of Communication: Pragmatic Contract* // *Journal of Slavic Linguistics*, 9(1), pp. 49–98.
- IVIĆ I DR. 1981. Ivić P. (pod ur.), *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*, Sarajevo, Akademija Nauke i Umjetnosti Bosne i Hercegovine.
- JACOBS, JUCKER 1995. Jacobs A., Jucker A. H., *The Historical Perspective in Pragmatics* // Jucker A. H. (ed. by), *Historical Pragmatics. Pragmatic Developments in the History of English*, Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 3–33. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.35.04jac>.
- JAKOBSON 1984. Jakobson R., *Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981*, Waugh L. R., Halle M. (ed. by), Berlin-New York-Amsterdam, Mouton Publishers.
- JARY 2007. Jary M., *Are Explicit Performatives Assertions?* // *Linguistics and Philosophy*, 30(2), pp. 207–234. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10988-007-9015-9>.
- KAMP 1971. Kamp H., *Formal Properties of 'now'* // *Theoria*, 37(3), pp. 227–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-2567.1971.tb00071.x>.
- KAMP 1979. Kamp H., *Events, Instants and Temporal Reference* // Bäuerle R., Egli U., von Stechow A. (ed. by), *Semantics from Different Points of View*, Berlin-Heidelberg-New York, Springer-Verlag, pp. 376–417.
- KAMP, REYLE 1993. Kamp H., Reyle U., *From Discourse to Logic. Introduction to Modeltheoretic Semantics of Natural Language, Formal Logic and Discourse Representation Theory*, Dordrecht, Springer Science-Business Media.
- KAMPHUIS 2012. Kamphuis J., *Performativiteit, tijd en aspect in het Slavisch: Een diachroon perspectief* // Genis R. M., de Haard E., Kalsbeek J., Keizer E., Stelleman J. (ed. by), *Between West and East. Festschrift for Wom Honselaar*, Amsterdam, Uitgeverij Pegasus, pp. 351–368.
- KAMPHUIS 2014. Kamphuis J., *Macedonian Verbal Aspect: East or West?* // Fortuin E., Houtzagers P., Kalsbeek J., Dekker S. (ed. by), *Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists (Minsk, August 20–27, 2013)*. *Linguistics*, Amsterdam-New York, Rodopi, pp. 127–153. DOI: https://doi.org/10.1163/9789401210652_006.
- KAMPHUIS 2020. Kamphuis J., *Verbal Aspect in Old Church Slavonic. A Corpus-Based Approach*, Leiden-Boston, Brill-Rodopi. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004422032>.
- KAPETANOVIĆ 2009. Kapetanović A., *Govorni činovi i formalna/neformalna komunikacija u hrvatskim renesansnim poslanicama* // *Colloquia Maruliana*, 18(18), C. 121–133.
- KATZ, FODOR 1963. Katz J. J., Fodor J. A., *The Structure of a Semantic Theory* // *Language*, 39(2), pp. 170–210. DOI: <https://doi.org/10.2307/411200>.
- KECK, STUBBS 1984. Keck G., Stubbs M., *Koschmieder on Speech Act Theory: A Historical Note* // *Journal of Pragmatics*, 8(3), pp. 305–310. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(84\)90023-7](https://doi.org/10.1016/0378-2166(84)90023-7).
- KISSINE 2012. Kissine M., *Sentences, Utterances, and Speech Acts* // Allan K., Jaszczolt K. M. (ed. by), *The Cambridge Handbook of Pragmatics*, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 169–190. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139022453.010>.
- KLEIN 1994. Klein W., *Time in Language*, London-New York, Routledge.
- KLEIN 1995. Klein W., *A Time-Relational Analysis of Russian Aspect* // *Language*, 71(4), pp. 669–695. DOI: <https://doi.org/10.2307/415740>.
- KOCHAŃSKA 2002. Kočańska A., *A Cognitive Grammar Analysis of Polish Nonpast Perfectives and Imperfectives: How Virtual Events Differ from Actual Ones* // Brisard F. (ed. by), *Grounding: The Epistemic Footing of Deixis and Reference*, Berlin-New York, Mouton de Gruyter, pp. 349–390. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110899801.349>.
- KORTUM 2002. Kortum R., *Adverbs in Performatives: Speaking of Truth and Falsity* // *Word*, 53(3), pp. 305–319. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.2002.11432531>.
- KOSCHMIEDER 1934. Koschmieder E., *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy*, Wilno, Nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk.
- KRIFKA 1998. Krifka M., *The Origins of Telicity* // Rothstein S. (ed. by), *Events and Grammar*, Dordrecht, Springer Science-Business Media, pp. 197–236. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-011-3969-4_9.

- KRIFKA 2019. Krifka M., *Committments and Beyond* // Theoretical Linguistics, 45(1-2). Communication as Commitment Sharing: Speech Acts, Implicatures, Common Ground, pp. 73–91. DOI: <https://doi.org/10.1515/tl-2019-0006>.
- KŘÍŽKOVÁ 1960. Křížková H., *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*, Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
- KUHN 1962. Kuhn T., *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago, University of Chicago Press.
- KUHN 1979. Kuhn S., *The Pragmatics of Tense* // Synthese, 40(2), pp. 231–263. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00485679>.
- KWON 2016. Kwon K., *Reanimating Voices from the Past: An Alternative Reading of Novgorod Birch Bark Letter N° 370* // Russian Linguistics, 40(1), pp. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9156-3>.
- ŁAZIŃSKI 2015A. Łaziński M., *The Aspect of Polish Performatives Against the Background of Politeness Rules* // Zeitschrift für Slavische Philologie, 70(2), pp. 328–343.
- LAKOFF 1973. Lakoff R. T., *The Logic of Politeness, or: Minding Your P's and Q's* // Corum C., Smith-Stark T. C., Weiser A. (eds.), *Papers from the Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 9, pp. 292–305.
- LAKOFF 1975. Lakoff G., *Pragmatics in Natural Logic* // Keenan E. L. (ed. by), *Formal Semantics of Natural Language. Papers from a colloquium sponsored by the King's College Research Centre, Cambridge, Cambridge-London-New York-Melbourne*, Cambridge University Press, pp. 253–286. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511897696.018>.
- LANGACKER 2008. Langacker R. W., *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*, Oxford-New York, Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195331967.001.0001>.
- LEECH 1983. Leech G. N., *Principles of Pragmatics*, London-New York, Longman.
- LEECH 2014. Leech G. N., *The Pragmatics of Politeness*, Oxford, Oxford University Press.
- LEMMON 1962. Lemmon E. J., *On Sentences Verifiable by Their Use* // Analysis, 22(4), pp. 86–89. DOI: <https://doi.org/10.1093/analys/22.4.86>.
- LEVINSON 1983. Levinson S. C., *Pragmatics*, Cambridge, Cambridge University Press.
- LEWIS 1970. Lewis D., *General Semantics* // Synthese, 22(1-2) (Semantics of Natural Language, II), pp. 18–67. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00413598>.
- LIČEN 1987. Ličen M., *Govorni čin direktiva i njihova jezička realizacija u nemačkom i srpskohrvatskom jeziku* (Radovi Instituta za strane jezike i književnosti: Jezičke studije, sveska 9), Novi Sad, Univerzitet u Novom Sadu.
- LUNDE 2004. Lunde I., *Rhetorical Enargeia and Linguistic Pragmatics: On Speech-Reporting Strategies in East Slavic Medieval Hagiography and Homiletics* // Journal of Historical Pragmatics, 5(1), pp. 49–80. DOI: <https://doi.org/10.1075/jhp.5.1.04lun>.
- LYONS 1977. Lyons J., *Semantics. Volumes 1-2*, Cambridge, Cambridge University Press.
- MALCHUKOV 2009. Malchukov A. L., *Incompatible Categories: Resolving the “Present Perfective Paradox”* // Hogeweg L., de Hoop H., Malchukov A.L. (ed. by), *Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect, and Modality*, Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 13–32. DOI: <https://doi.org/10.1075/la.148.02mal>.
- MANOR 2001. Manor R., *On the Overlap of Pragmatics and Semantics* // Synthese, 128(1/2), pp. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1010305806922>.
- MARMARIDOU 2011. Marmaridou S., *Pragmalinguistics and Sociopragmatics* // Bublitz W., Norrick N. R. (ed. by), *Foundations of Pragmatics: Handbooks of Pragmatics, Vol. 1*, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 77–106. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214260.77>.
- MILLS 1992. Mills M. H., *Conventionalized Politeness in Russian Requests: A Pragmatic View of Indirectness* // Russian Linguistics, 16(1), pp. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02529539>.
- MIŠESKA TOMIĆ 2006. Mišeska Tomić O., *Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features*, Dordrecht, Springer.
- MOČNIK 2015. Močnik M., *Slovenian Perfective and Imperfective Explicit Performative Utterances*, MSC Thesis, Universiteit van Amsterdam. URL: <https://eprints.illc.uva.nl/944/1/MoL-2015-03.text.pdf>.
- MONTAGUE 1970. Montague R., *Pragmatics and Intensional Logic* // Synthese, 22(1-2), pp. 68–94. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00413599>.
- MORABITO 2001. Morabito R., *Tradizione e innovazione linguistica nella cultura serba del XVIII secolo*, Cassino, Università di Cassino.

- MOURELATOS 1978. Mourelatos A. P. D., *Events, Processes, and States* // *Linguistics and Philosophy*, 2(3), pp. 415–434. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00149015>.
- MUSIĆ 1935. Musić A., *Slovenski efektivni prezenat* // *Rad JAZU*, 235, Zagreb, C. 165–180.
- NEVALA 2010. Nevala M., *Politeness* // Jucker A. H., Taavitsainen I. (ed. by), *Historical Pragmatics: Handbooks of Pragmatics*, Vol. 8, Berlin-Boston, Mouton de Gruyter, pp. 419–450. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110214284.6.419>.
- NICULESCU 1974. Niculescu A., *Strutture allocutive pronominali reverenziali in italiano*, Firenze, Leo S. Olschki Editore.
- PALMER 2001². Palmer F. R., *Mood and Modality*, Cambridge, Cambridge University Press.
- PARISI, ANTINUCCI 1975. Parisi D., Antinucci F., *Elementi di grammatica*, Torino, Boringhieri.
- PARRET 1978. Parret H., *A Note on Pragmatic Universals of Language* // Seiler H. (ed. by), *Language Universals. Papers from the Conference held at Gummersbach/Cologne, Germany, October 3-8, 1976*, Tübingen, Gunter Narr Verlag, pp. 125–140.
- PARTEE 2014. Partee B. H., *A Brief History of the Syntax-Semantics Interface in Western Formal Linguistics* // *Semantics-Syntax Interface*, 1(1), pp. 1–20.
- PERELMUTTER 2009. Perelmutter R., *Pragmatic Functions of Reported Speech with jako in the Old Russian Primary Chronicle* // *Journal of Historical Pragmatics*, 10(1), pp. 108–131. DOI: <https://doi.org/10.1075/jhp.10.1.06per>.
- PHK 1974-1978. *Povijest hrvatske književnosti u sedam knjiga*, Zagreb, Liber Mladost.
- PILA 2012. Pila M., *La categoria dell'aspetto verbale nel modo indicativo in russo e in sloveno: usi e significati a confronto*, PhD dissertation, Università degli Studi di Padova. URL: http://paduaresearch.cab.unipd.it/6076/1/Pila_Malinka_tesi.pdf.
- PILA 2017. Pila M., *L'uso dell'aspetto perfettivo al tempo presente nei dialetti sloveni della Val Resia e delle valli del Torre e del Natisone* // di Filippo M., Esvan F. (a cura di), *Studi di linguistica slava. Volume dedicato a Lucyna Gebert*, Napoli, Il Torcoliere, pp. 267–281.
- PLANK 2005. Plank F., *Delocutive Verbs, Crosslinguistically* // *Linguistic Typology*, 9(3), pp. 459–491. DOI: <https://doi.org/10.1515/lity.2005.9.3.459>.
- PRČIĆ 2016³. Prčić T., *Semantika i pragmatika reči*, Novi Sad, Filozofski fakultet. URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2016/978-86-6065-356-9>.
- PRIOR 2003. Prior A. N., *Papers on Time and Tense*, Hasle P., Øhstrøm P., Braüner T., Copeland J. (ed. by), New York, Oxford University Press.
- PROGOVAC 2016. Progovac L., *A Gradualist Scenario for Language Evolution: Precise Linguistic Reconstruction of Early Human (and Neandertal) Grammars* // *Frontiers in Psychology*, 7(1714), pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01714>.
- RAMCHAND 2008. Ramchand G. C., *Perfectivity as Aspectual Definiteness: Time and the Event in Russian* // *Lingua*, 118(11), pp. 1690–1715. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2007.03.008>.
- RANSOM 1977. Ransom E. N., *On the Representation of Modality* // *Linguistics and Philosophy*, 1(3), pp. 357–379. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00353454>.
- RECANATI 1987. Recanati F., *Meaning and Force. The Pragmatics of Performative Utterances*, Cambridge, Cambridge University Press.
- REICHENBACH 1947. Reichenbach H., *Elements of Symbolic Logic*, New York, Macmillan & Co.
- REŠETAR 1997 [1911]. Rešetar M., *Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale*, Breu W., Gardenghi M. (eds.), Campobasso, Arti Grafiche La Regione.
- RICHARDS 1982. Richards B., *Tense, Aspect and Time Adverbials (Part I)* // *Linguistics and Philosophy*, 5(1), pp. 59–107. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00390693>.
- RICHARDSON 2007. Richardson K., *Case and Aspect in Slavic*, Oxford-New York, Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199291960.001.0001>.
- RIEBER 1997. Rieber S., *Conventional Implicatures as Tacit Performatives* // *Linguistics and Philosophy*, 20, pp. 51–72. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1005383403910>.
- ROSS 1970. Ross J. R., *On Declarative Sentences* // Jacobs R. A., Rosenbaum P. S. (ed. by), *Readings in English Transformational Grammar*, Waltham-Toronto-London, Ginn and Company, pp. 222–277.
- ROSSETTI 1994. Rossetti A., *Performativi in Jean-Louis Gardies: verità, verificabilità, vero-funzionalità* // *Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto*, Ser. 4, A. 71, 3 (estratto), Milano, Giuffrè, pp. 461–492.
- RULLMANN, MATTHEWSON 2018. Rullmann H., Matthewson L., *Towards a Theory of Modal-Temporal Interaction* // *Language*, 94(2), pp. 281–331. DOI: <https://doi.org/10.1353/lan.2018.0018>.

- RUSSELL 1905. Russell B., *On Denoting* // *Mind*, 14(56), pp. 479–493. DOI: <https://doi.org/10.1093/mind/fzi873>.
- RYLE 2009². Ryle G., *The Concept of Mind*, London-New York, Routledge.
- SADOCK 1974. Sadock J. M., *Toward a Linguistic Theory of Speech Acts*, New York-San Francisco-London, Academic Press.
- SANDERS 2004. Sanders S. L., *Performative Utterances and Divine Language in Ugaritic* // *Journal of Near Eastern Studies*, 63(3), pp. 161–181. DOI: <https://doi.org/10.1086/424769>.
- SANDELFELD 1930. Sandfeld K., *Linguistique balkanique: problèmes et résultats*, Paris, É. Champion.
- SBISÀ 1981. Sbisà M., *Tempo ed aspetto nel presente dei verbi performativi: considerazioni pragmatiche* // *Tempo verbale. Strutture quantificate in forma logica*, Atti del seminario, Accademia della Crusca, 13-14 dicembre 1979, Firenze, Presso l'Accademia della Crusca, pp. 131–157.
- VAN SCHAAIK 2020. van Schaaik G., *The Oxford Turkish Grammar*, Oxford-New York, Oxford University Press.
- SCHAEKEN 2011A. Schaeken J., *Don't Shoot the Messenger. A Pragmaphilological Approach to Birchbark Letter n° 497 from Novgorod* // *Russian Linguistics*, 35(1), pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-010-9068-1>.
- SCHAEKEN 2011B. Schaeken J., *Sociolinguistic Variation in Novgorod Birchbark Documents: The Case of n° 907 and Other Letters* // *Russian Linguistics*, 35(3), pp. 351–359. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9079-6>.
- SCHAEKEN 2019. Schaeken J., *Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia*, Brill-Rodopi, Leiden-Boston. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004389427>.
- SCHLUND 2014. Schlund K., *On Form and Function of Politeness Formulae* // *Journal of Politeness Research*, 10(2), pp. 271–296. DOI: <https://doi.org/10.1515/pr-2014-0012>.
- SEARLE 1969. Searle J., *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*, Cambridge, Cambridge University Press.
- SEARLE 1975. Searle J., *Indirect Speech Acts* // Morgan J. L., Cole P. (ed. by), *Syntax and Semantics*, Vol. 3: *Speech Acts*, New York, Academic Press, pp. 265–277.
- SEARLE 1976. Searle J., *A Classification of Illocutionary Acts* // *Language in Society*, 5(1), pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>.
- SEARLE 1989. Searle J. R., *How Performatives Work* // *Linguistics and Philosophy*, 12(5), pp. 535–558. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00627773>.
- SEUREN 2009. Seuren P. A. M., *Language in Cognition. Language from Within (Volume I)*, Oxford-New York, Oxford University Press.
- SLAVKOVA 2013. Slavkova S., *Прагматические функции вида и времени предикатов в перформативных высказываниях (на материале русского и болгарского языков) (тезис доклада)* // Нилссон М., Нилссон-Зорихина Н. (под ред.), «Семантический спектр славянского вида»: IV Конференция Комиссии по аспектологии Международного Комитета Славистов, Гетеборгский университет (10 июня-14 июня 2013 г.), Гетеборг, Гетеборгский университет, С. 137–139.
- SPOLAORE, DEL PRETE 2019. Spolaore G., Del Prete F., *Now There Will Be Trouble* // Blackburn P., Hasle P., Øhrstrøm P. (ed. by), *Logic and Philosophy of Time: Further Themes from Prior (Volume 2)*, Aalborg, Aalborg Universitetsforlag, pp. 127–143.
- STEENWIJK 2019. Steenwijk H., *Lingue letterarie storiche in ambito culturale serbo: alcuni problemi di codifica HTML* // Fin M., Steenwijk H. (a cura di), *Gerasim Zelić e il suo tempo*, Firenze, Firenze University Press, pp. 103–116.
- STRAWSON 1950. Strawson P. F., *On Referring* // *Mind*, 59(235), pp. 320–344. DOI: <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.235.320>.
- STRAWSON 1964. Strawson P. F., *Intention and Convention in Speech Acts* // *The Philosophical Review*, 73(4), pp. 439–460. DOI: <http://doi.org/10.2307/2183301>.
- STOWELL 2007. Stowell T., *The Syntactic Expression of Tense*, in *Lingua*, 117(2), pp. 437–463. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2005.08.003>.
- STUNOVÁ 1993. Stunová A., *A Contrastive Study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*, PhD dissertation, Universiteit van Amsterdam. URL: <https://www.bijp.uw.edu.pl/files/Stunova1993.pdf>.
- SWEETSER 2001. Sweetser E., *Blended Spaces and Performativity* // *Cognitive Linguistics*, 11(3-4), pp. 305–333. DOI: <https://doi.org/10.1515/cogl.2001.018>.

- ŠKRABEC 1906-1912. Škrabec S., *Praesens effectivum* // Cvetje z vertov sv. Frančiška, XXIII (1906), zv. 7; XXVII (1910), zv. 10, 11, 12; XXVIII (1911), zv. 1, 5, 7, 9, 10, 11, 12; XXIX (1912), zv. 1, 3, 4, 5, 6, 7.
- TATEVOSOV 2011. Tatevosov S. G., *Severing Perfectivity from the Verb* // Scando-slavica, 57(2), pp. 216–244. DOI: <https://doi.org/10.1080/00806765.2011.631782>.
- TER MEULEN 1995. Ter Meulen A. G. B., *Representing Time in Natural Language. The Dynamic Interpretation of Tense and Aspect*, Cambridge, The MIT Press.
- TIMBERLAKE 1982. Timberlake A., *Invariance and the Syntax of Russian Aspect* // Hopper P. J. (ed. by), *Tense-Aspect: Between Semantics & Pragmatics* (containing the Contributions to a Symposium on Tense and Aspect, held at UCLA, May 1979), Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 305–331.
- TIMBERLAKE 1985A. Timberlake A., *Reichenbach and Russian Aspect* // Flier M. S., Timberlake A. (ed. by), *The Scope of Slavic Aspect*, Columbus, Slavica Publishers, pp. 153–168.
- TIMBERLAKE 1985B. Timberlake A., *The Temporal Schemata of Russian Predicates* // Flier M. S., Brecht R. D. (ed. by), *Issues in Russian Morphosyntax*, Columbus, Slavica Publishers, pp. 35–57.
- TODOROVIĆ 2015. Todorović N., *Tense and Aspect (In)Compatibility in Serbian Matrix and Subordinate Clauses* // Lingua, 167, pp. 82–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.lingua.2015.04.007>.
- TOMELLERI 2007. Tomelleri V. S., *Zur Typologisierung der historischen Aspektologie (Nochmal zu den präfigierten Bewegungsverben in der altrussischen Povest' vremennyh let)* // Hock W., Meier-Brügger M. (Hrsg.), *Даръ slovesny, Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag, Specimina philologiae Slavicae*, Bd. 146, München, Otto Sagner, pp. 297–308.
- TOMELLERI 2009. Tomelleri V. S., *The Category of Aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some Areal and Typological Observations* // *Faits de Langues*, 34(2), pp. 245–272. DOI: <http://doi.org/10.1163/19589514-034-02-900000011>.
- TOMELLERI 2017. Tomelleri V. S., *On the History of Russian (Slavic) Aspect. A View from Outside* // Meyer A.-M., Reinkowski L. (Hrsg.), *Im Rhythmus der Linguistik 2017. Festschrift für Sebastian Kempgen zum 65. Geburtstag*, Bamberg, University of Bamberg Press, pp. 445–466.
- URMSON 1977. Urmson J. O., *Performative Utterances* // *Midwest Studies in Philosophy*, 2, pp. 120–127. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1977.tb00033.x>.
- VENDLER 1957. Vendler Z., *Verbs and Times* // *The Philosophical Review*, 66(2), pp. 143–160. DOI: <http://doi.org/10.2307/2182371>.
- VENDLER 1976. Vendler Z., *Illocutionary Suicide* // MacKay A. F., Merrill D. D. (ed. by), *Issues in the Philosophy of Language. Proceedings of the 1972 Oberlin Colloquium in Philosophy*, New Haven-London, Yale University Press, pp. 135–145.
- VERKUYL 1972. Verkuyl H. J., *On the Compositional Nature of the Aspects*, Dordrecht, D. Reidel Publishing Company.
- VERMEER 1997. Vermeer W., *Notes on Medieval Novgorod Sociolinguistics* // *Russian Linguistics*, 21(1), pp. 23–47. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1006875600074>.
- VERSCHUEREN 1995. Verschueren J., *The Conceptual Basis of Performativity* // Shibatani M., Thompson S. A. (ed. by), *Essays in Semantics and Pragmatics. In honor of Charles J. Fillmore*, Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 299–322. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.32.15ver>.
- WARNOCK 1973. Warnock G. J., *Some Types of Performative Utterance* // Berlin I. (ed. by), *Essays on J. L. Austin*, London, Oxford University Press, pp. 69–89.
- WENINGER 2000. Weninger S., *On Performatives in Classical Ethiopic* // *Journal of Semitic Studies*, 45(1), pp. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.1093/jss/XLV.1.91>.
- WIEMER, SERŽANT 2017. Wiemer B., Seržant I., *Diachrony and Typology of Slavic Aspect: What Does Morphology Tell Us?* // Bisang W., Malchukov A. (ed. by), *Unity and Diversity in Grammaticalization Scenarios*, Berlin, Language Science Press, pp. 239–307. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.823246>.
- WIERZBICKA 2003. Wierzbicka A., *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*, Berlin-New York, Mouton de Gruyter.
- WILLI 2018. Willi A., *Origins of the Greek Verb*, Cambridge, Cambridge University Press.
- WOLEŃSKI, KÖHLER 1999. Woleński J., Köhler E. (ed. by), *Alfred Tarski and the Vienna Circle: Austro-Polish Connections in Logical Empiricism*, Dordrecht, Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-017-0689-6>.

- YU 2011. Yu K., *Culture-specific Concepts of Politeness: Indirectness and Politeness in English, Hebrew, and Korean Requests* // *Intercultural Pragmatics*, 8(3), pp. 385–409. DOI: <https://doi.org/10.1515/IPRG.2011.018>.
- ZAITSOVA 1995. Zaitseva V. A., *The Speaker's Perspective in Grammar and Lexicon: The Case of Russian*, New York-Washington, D.C.-San Francisco-Bern-Frankfurt am Main-Berlin-Vienna-Paris, Peter Lang.
- ZUBER 1981. Zuber R., *Marche modali e performativi espliciti* // *Materiali Filosofici*, 4(5), pp. 111–120.
- ŽAGAR 2009. Žagar I. Ž., *Od performativa do govornih dejanj*, Ljubljana, Pedagoški institut.
- ŽAGAR 2011. Žagar I. Ž., *Performativity as Tense and Aspect* // *International Review of Pragmatics*, 3(2), pp. 168–193. DOI: <https://doi.org/10.1163/187731011X597505>.
- ŽAGAR, GRGIČ 2011. Žagar I. Ž., Grgič M., *How to Do Things with Tense and Aspect: Performativity before Austin*, Cambridge, Cambridge Scholars Publishing.
- ŽIVOJINOVIĆ 2020. Živojinović J., *Language contact in Renaissance Ragusa* // Lenz N. A., Maselko M. (ed. by), *VARIATIONist Linguistics meets CONTACT Linguistics*, Vienna, Vienna University Press, pp. 181–197.

ИСТОЧНИКИ

ДРЕВНЕ- И СТАРОРУССКИЕ ТЕКСТЫ

- АВБАКУМ 1997. Гудзий Н. К. (под ред.), *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения*, Москва, Сварог и К.
- ДДГ 1950. Черепнин Л. В. (под ред.), *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.*, Москва-Ленинград, Издательство АН СССР.
- ДНД 2004. Зализняк А. А., *Древне-новгородский диалект*, Москва, Языки славянской культуры.
- НГБ 2015. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. (под ред.), *Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 2001-2014 годов. Том XII*, Москва, Языки славянской культуры.
- ПВЛ 1978. Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С. (под ред.), *Повесть временных лет* // Памятники литературы Древней Руси. Том I. Начало русской литературы (XI-начало XII века), Москва, Художественная литература, С. 5–277.
- ХАН 1986. Лурье Я. С., Семенов Л. С. (под ред.), *Хождение за три моря Афанасия Никитина*, Ленинград, Наука.
- ХД 1970. Seemann K. D. (Hrsg.), *Хождение*, München, Wilhelm Fink Verlag.

ДРЕВНЕСТОКАВСКИЕ ТЕКСТЫ

- ВУК 2017. Карацић В., *Српске народне приповијетке*, Матицки М. (ур.), Београд, Лагуна-Вукова задужбина.
- ДРЖИЋ 1951. Држић М., *Дундо Мароје*, Колендић П. (ур.), Београд, Југословенска књига.
- ADL 1960. Pavlović D. (ur.), *Antologija dubrovačke lirike*, Beograd, Nolit.
- BUNIĆ VUČIĆ 1971. Ratković M. (ur.), *Djela Dživa Bunića Vučića*, Zagreb, JAZU.
- DIVKOVIĆ 2016. Barbarić V-T., Horvat M., Kramarić M., Radošević A. (ur.), *Besjede fra Matije Divkovića*, Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- MOLDUB 2016. Žagar M., Ferencak I. (ur.), *Ofičje Blažene Djeve Marije i Petnaest Molitava Svete Bridžide (Venecija 1512.)*, Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada.
- MONSERB 1964. Miklosich F. (ed.), *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*, Graz, Akademische Druck.
- POVLAZ 2015². Младеновић А. (ур.), *Повеље кнеза Лазара: текст, коментари, снимци*, Београд, Чигоја штампа.
- SSPP 2006. Стојановић Љ. (ур.), *Старе српске повеље и писма*, 2 књ., Београд, Српска школска књига-Филозофски факултет Београд.

ДРУГИЕ ТЕКСТЫ

- СЕРБСКИЙ ЭПОС 1933. Кравцов Н. (под ред., иссл., комм.), Берг Н., Гальковский Н., Кравцов Н. (пер.), *Сербский эпос*, Москва–Ленинград, Academia. Режим доступа: <http://maxima-library.org/opds/bl/95303?layout=author>.
- BRIŠPO 1968. *Freisinger Denkmäler. Brižinski spomeniki. Monumenta Frisingensia. Literatur, Geschichte, Sprache, Stilart, Texte, Bibliographie*, München, Dr. Rudolf Trofenik.
- JPS 1917. *The Holy Scriptures According to the Masoretic Text. A New Translation*, Philadelphia, The Jewish Publication Society of America.

СЛОВАРИ

- РЕЧНИК МС 2011². Вујанић М. и др. (ур.), *Речник српског језика*, Нови Сад, Матица Српска.
- СРЈЕ 2007. Савић В. (саст.), *Српскословенски речник јеванђеља. Огледна свеска*, Београд, Институт за српски језик САНУ.
- СРЯ 1975-2015. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* (XXX томов), Москва-Санкт-Петербург, разные издательства.
- ФАСМЕР 1964-1973. Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка в четырех томах*, Трубачев О. Н. (пер.), Москва, Прогресс.
- DEANOVIĆ, JERNEJ 2012¹⁰. Deanović M., Jernej J., *Hrvatsko-talijanski rječnik*, Zagreb, Školska knjiga.
- MIKALJA 2011. Mikalja J., *Blago jezika slovenskoga (1649./1651.). Transkripcija i leksikografska interpretacija*, Gabrić-Bagarić D., Horvat M., Lovrić Jović I., Perić Gavrančić S. (ur.), Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- RHSJ 1880-1976. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (XXIII dijela), Zagreb, Tisak Dioničke tiskare.
- VITEZOVIĆ 2009. Vitezović P. R., *Lexicon Latino-Illyricum III. Hrvatsko-latinski rječnik*, Vajs N., Meštrović Z. (ur.), Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

ЭЛЕКТРОННЫЕ КОРПУСА

РУССКИЙ ЯЗЫК

Национальный корпус русского языка (НКРЯ): <https://ruscorpora.ru/new/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

- I. Подкорпус древнерусского языка: http://www.ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).
- II. Подкорпус старорусского языка: http://www.ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ): <http://www.webcorpora.ru/en/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

СЕРБСКОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

- Korpus savremenog srpskog jezika (SRPKOR): <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).
- Hrvatski nacionalni korpus (HNK): http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).
- Hrvatski jezični korpus (HJK): <http://riznica.ihjj.hr/philologic/Cijeli.whizbang.form.hr.html> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

ДРУГИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Древнерусские берестяные грамоты: <http://gramoty.ru/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.)

Corpus Pangloss. Na-našu (Molise Slavic), Acquaviva Collecroce: [https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u%20\(Acquaviva%20Collecroce\)?lang=en&mode=pro](https://pangloss.cnrs.fr/corpus/Na-na%C5%A1u%20(Acquaviva%20Collecroce)?lang=en&mode=pro) (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

Jezici i nacionalizmi. Deklaracija o zajedničkom jeziku: <http://jezicinacionalizmi.com/deklaracija/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

Monumenta Serbica: <http://monumentaserbica.branatomic.com/rukse/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

Starohrvatski rječnik i korpus hrvatskoga jezika do konca 16. st.: <http://ihjj.hr/projekt/starohrvatski-rjecnik-i-korpus-hrvatskoga-jezika-do-konca-16-st/31/> (последний просмотр: 1 февраля 2021 г.).

RIASSUNTO

Oggetto della presente tesi di dottorato è l'analisi delle proprietà tempo-aspettuali di quattro classi di verbi performativi (rispettivamente dichiarazioni, espositivi, commissivi e direttivi, secondo la tassonomia dei rispettivi atti illocutivi proposta in SEARLE 1976), condotta primariamente sul materiale di due lingue slave contemporanee (russo, serbo-croato), ma con una più ampia prospettiva slavo comparata dai caratteri tipologici. L'analisi vera e propria si articola in due momenti fondamentali: uno dedicato all'evoluzione diacronica contrastiva della questione (§3), l'altro all'analisi sincronica contrastiva di dati estratti da corpora elettronici, da motori di ricerca e da questionari specificatamente indirizzati a parlanti madrelingua russi, serbi e croati (§4). La metodologia adottata, sia in diacronia che in sincronia, è composita. In diacronia combina elementi di morfosintassi e semantica descrittiva con il modello di decomposizione delle situazioni comunicative proposto nel quadro teorico della cosiddetta pragmatologia: in sincronia, pur nel riconoscimento delle ricerche provenienti da varie scuole formali e funzionali, incorpora elementi provenienti dall'analisi pragmatico-discorsiva d'area occidentale, dalla semantica descrittivo-funzionalista facente capo alla Scuola semantica di Mosca (*Moskovskaja semantičeskaja škola*) e dalla linguistica cognitiva.

Gli scopi generali del presente lavoro di tesi sono triplici. In primo luogo, attraverso una più rigorosa definizione teorica dei concetti cardinali di “enunciato performativo” e “verbo performativo”, l'obiettivo è quello di comprendere se nelle lingue slave contemporanee, e più in generale in tipologia, esista una combinazione tempo-aspettuale prototipica per i performativi e, nel tal caso, quale sia (da qui il titolo della tesi: *dictum erit factum?*). In secondo luogo, attraverso l'analisi delle situazioni comunicative che comprendono gli enunciati performativi in cui ha luogo l'alternanza (tempo-)aspettuale, l'obiettivo è quello di formalizzare una rete di parametri che possano giustificarla a livello teorico. In terzo luogo, l'obiettivo è quello di comprendere in che modo parametri formali, funzionali e cognitivi interagiscano nell'architettura grammaticale di una data lingua, determinando forme e funzioni dell'enunciato performativo e del predicato esplicito che lo realizza.

Il presente lavoro di tesi si compone delle seguenti parti: introduzione, elenco delle abbreviazioni, cinque capitoli (comprensivi di tre appendici, corrispondenti ai questionari per i parlanti madrelingua russi, serbi e croati), conclusioni, bibliografia e tre riassunti in lingua (inglese, italiano, serbo-croato). I primi due capitoli hanno carattere esclusivamente teorico, mentre il terzo (dedicato alla diacronia), il quarto e il quinto (dedicati alla sincronia) sono focalizzati sull'analisi dei dati.

Nel PRIMO CAPITOLO (§1) si propone una breve panoramica storica sulla nascita e sull'evoluzione dei problemi teorici legati ai concetti contemporanei di “enunciato performativo”, “verbo performativo” e, più in generale, “performatività linguistica”. La prima discussione interamente linguistica sul tema dei verbi performativi (e delle loro caratteristiche aspettuali) si sviluppa solamente sul finire del XIX secolo attorno alla figura del monaco francescano e linguista Stanislav Škrabec, che pone all'attenzione dei grammatici e filologi suoi contemporanei l'interessante quadro fornito dagli enunciati performativi in sloveno, nei quali possono liberamente alternarsi forme performative di presente (non-passato) perfettivo e imperfettivo. Nel corso della prima metà del XX secolo, con la nascita della filosofia del linguaggio ordinario facente capo alla scuola di Oxford e la problematizzazione della distinzione fra enunciato constativo e performativo, si pongono le basi per il successivo sviluppo degli studi pragmatici, anche nell'areale slavo. Il modello degli atti linguistici di John Searle penetra nell'allora linguistica sovietica già a partire dalla seconda metà degli anni '70 e viene rielaborato in una serie di contributi teorici originali, facenti capo ad autorevoli scuole autoctone (quella semantica moscovita, quella funzionalista leningradese) che, almeno in parte, ispirano anche il lavoro dei decenni successivi, sempre più impostato in ottica contrastiva.

Nel SECONDO CAPITOLO (§2) si affronta una serie di problemi teorici connessi con il duplice tema di enunciato e verbo performativo. In primo luogo, viene esposto il concetto di “sui-

referenzialità”, che viene ritenuto caratterizzare gli enunciati performativi rispetto a quelli constativi. In seguito, ci si concentra sull’individuazione di un’“invariante” (logica, semantica, pragmatica) che contraddistingua i soli enunciati performativi, compito particolarmente complesso e non facilmente estendibile a lingue che non siano l’inglese. Vengono poi brevemente analizzate le proprietà azionali, sintattiche e temporali dei performativi slavi. Infine ci si focalizza sulla loro morfologia aspettuale e temporale: Da un lato, l’opposizione aspettuale tra forme di presente (non-passato) perfettivo (NP^{PF}) e imperfettivo (NP^{IPF}), che si verifica in russo, bielorusso, ucraino, polacco, ceco, slovacco, sorabo inferiore e superiore e sloveno (sul modello del direttivo russo *prošu*^{NPIP}-*poprošu*^{NPPF} ‘chiedo’), nelle lingue slave orientali viene considerata innescarsi al variare di parametri periferici per l’assegnazione aspettuale (perlopiù inerenti al livello d’analisi pragmatico-conversazionale), che a partire dagli anni ’60 in avanti sono stati analizzati in svariati studi di carattere linguistico e antropologico. Dall’altro, l’opposizione bipartita tra forme tempo-aspettuali di presente (non-passato) imperfettivo (NP^{IPF}) e futuro perfettivo (Fut^{PF}) in serbo-croato [sul modello del direttivo *kladim se*^{NPIP}-*o(p)kladi(t)ću se*^{FutPF} ‘scommetto’], che in alcune lingue (bulgaro, macedone) si allarga a tre membri (comprendendo anche il futuro imperfettivo) e in altre (ucraino) include il passato perfettivo in sostituzione del futuro, viene ricollegato al blocco grammaticale che nelle lingue slave meridionali si ha sull’utilizzo di NP^{PF} in contesto di frase principale (il cosiddetto *present perfective paradox*) e sulla necessità di codificare grammaticalmente vari parametri di natura conversazionale.

Nel TERZO CAPITOLO (§3) si affronta l’analisi diacronica dei dati provenienti da fonti antico- (XI-XIV secc.) e medio russe (XV-XVIII secc.) e antico štokave (XI-XVIII secc.), suddivisa per comodità secondo la tipologia di atto linguistico realizzato da ciascun performativo, vale a dire dichiarazioni, espositivi, commissivi performativi e non performativi e direttivi. Per quanto riguarda i dati russi, l’alternanza tra non-passato protoimperfettivo (NP^{PIPF}) e non-passato protoperfettivo (NP^{PPF}) riguarda solo alcuni espositivi, nello specifico alcune voci lessicali sintatticamente polivalenti e semanticamente generiche: allo specializzarsi della semantica lessicale del predicato, specialmente per espositivi e direttivi, diminuisce la possibilità di trovarlo codificato come NP^{PPF}. Per quanto riguarda i dati antico štokavi, tutti gli esempi compaiono unicamente al NP^{PIPF}. La relazione fra indifferenziazione lessicale di espositivi e direttivi e loro codifica (tempo-)aspettuale viene ricollegata alla presenza di un principio pragmatico di non responsabilità del parlante nei confronti del contenuto proposizionale del suo enunciato, generata, in ultimo luogo, dall’assenza di norme culturali convenzionali che definissero il ruolo sociale e interpersonale (oltre ai rispettivi fini comunicativi) dei partecipanti all’atto linguistico. L’assenza di Fut^{PF} nei contesti performativi antico štokavi viene ricollegata completa grammaticalizzazione del futuro volitivo già a partire dal XIV secolo, che, probabilmente, in virtù della sua non neutralità modale, interferisce semanticamente con il summenzionato principio pragmatico di non responsabilità.

Nel QUARTO CAPITOLO (§4) vengono analizzati i dati del russo contemporaneo sulla base di due corpora elettronici (NKRJa, GIKRJa) e sulla somministrazione di un questionario a settanta parlanti madrelingua russi. Il tipo e il numero di performativi interessati dalla variazione aspettuale, da un piccolo nucleo di *verba dicendi* appartenenti alle classi di espositivi e direttivi, sembra aumentare e diversificarsi sempre più con l’accesso degli studiosi a corpora elettronici via via più grandi e annotati. L’assunzione generale, pertanto, è che in ogni contesto NP^{IPF} possa alternare con NP^{PF} e che, nel concreto, questo non succeda per ragioni da approfondire. Come dimostra l’analisi dei dati, NP^{PF} può essere generalmente ammesso in presenza di una variazione nell’intensità della forza illocutiva dell’enunciato. Questa variazione è resa possibile dalla specificazione contestuale del macrotratto semantico di controllo, che, a seconda della situazione comunicativa descritta dal singolo predicato, può essere declinato in due accezioni: ponendo l’accento sull’autorità del parlante (questo porta ad un rafforzamento dell’intensità della forza illocutiva assegnata all’enunciato), oppure tramite strategie riparatrici mirate al ripristino della faccia negativa dell’interlocutore e alla minimizzazione del carattere impositivo delle intenzioni comunicative del parlante (questo porta ad una mitigazione dell’intensità della forza illocutiva assegnata all’enunciato). I predicati nella cui struttura comunicativa viene richiesta a priori la presenza di un parlante dotato della necessaria autorità per

soddisfare le condizioni di felicità dell'enunciato o, al converso, di un parlante subordinato al suo interlocutore non possono logicamente ammettere alternanza aspettuale in contesto performativo (l'ulteriore specificazione del controllo sarebbe pragmaticamente inopportuna o semanticamente inadeguata). I risultati del questionario, riportato alla fine del capitolo, confermano in gran parte il pattern, limitando tuttavia il numero di voci lessicali interessate dall'opposizione aspettuale.

Nel QUINTO CAPITOLO (§5) vengono analizzati i dati del serbo-croato contemporaneo sulla base di tre corpora elettronici (SRPKOR, HNK, HJK) e sulla somministrazione di due questionari, ognuno indirizzato a trentacinque parlanti madrelingua della variante serba o croata. La domanda di partenza è verificare se Fut^{PF} performativo si trovi in distribuzione complementare con NP^{PF} russo, se, cioè, venga licenziato in presenza degli stessi parametri. La risposta è parzialmente positiva, in quanto la correlazione tra il parametro di controllo (come rafforzamento o mitigazione dell'intensità della forza illocutiva dell'enunciato) e Fut^{PF} è meno stretta che in russo e si verifica quasi esclusivamente nel dominio di alcuni commissivi e dei direttivi. Come notato in letteratura, condizione determinante sembra piuttosto essere la presenza di un argomento temporale (futurale) del singolo performativo, specialmente nel caso degli espositivi. In questo caso la referenza temporale dell'enunciato nel suo complesso può anch'essa essere traslata verso il futuro. Nell'analisi dei questionari, oltre ad una più limitata selezione lessicale dei performativi che possono ammettere opposizione tempo-aspettuale, si segnalano delle interessanti discrepanze fra le due varianti del continuum: nello specifico, per quanto riguarda alcuni direttivi, la scelta di Fut^{PF} (innescata primariamente dall'adozione di strategie di riparazione) è preferita dai parlanti madrelingua serbi, mentre gli informanti croati propendono per NP^{IPF}. Questa variazione potrebbe corrispondere alla microvariazione semantica nella sfera funzionale di PF all'interno del continuum serbo-croato, che, secondo alcune ricerche aspettologiche, avvicina la variante serba alle lingue slavo orientali e quella croata alle lingue slavo occidentali (nelle quali la correlazione fra controllo e morfologia perfettiva non sembra essere ricorrente).

Nelle CONCLUSIONI (§6), infine, vengono ripresi i risultati dei due capitoli precedenti alla luce di una più approfondita, tripartita analisi del concetto di controllo: a livello dell'analisi pragmatica dell'evento dell'atto linguistico, a livello delle proprietà temporali del predicato e a livello della concettualizzazione cognitiva dell'evento. Alla luce di questi risultati, data la marcatezza di PF in contesto performativo, viene ridiscussa l'ipotesi dell'originarietà slavo comune di NP^{PPF} performativo: si sarebbe piuttosto trattato di un *obščij vid*, un "aspetto comune" non-imperfettivo (ma non ancora perfettivo), che, conservatosi in epoca storica in antico sloveno, sarebbe poi stato riassorbito dall'espansione di IPF nelle lingue slave orientali. La comparsa di PF performativo sarebbe pertanto un fenomeno recente (attorno alla seconda metà del XVIII sec. per il russo, forse posteriore per il serbo-croato), legato alla grammaticalizzazione del sistema (tempo-)aspettuale e alla sua acquisita capacità di veicolare grammaticalmente parametri di natura pragmatico-conversazionale.

REZIME

U ovoj doktorskoj disertaciji provedena je analiza vidsko-vremenskih svojstava četiriju klasa performativnih glagola, odnosno deklaracija, ekspozitiva, komisiva (autopreskriptiva) i direktiva (preskriptiva), po ugledu na taksonomiju odgovarajućih ilokutivnih činova predstavljenu u SEARLE 1976. Lingvističko ispitivanje koje je sprovedeno kako u dijahroniji (§3), tako i u sinhroniji (§4, §5) usmereno je na dva savremena slovenska jezika, odnosno na ruski i srpskohrvatski jezik (tj. na srpsku i hrvatsku varijantu srpskohrvatskoga kontinuuma), mada su i mnogobrojni drugi drevni i savremeni jezici (uključujući i slovenske, i neslovenske jezike) analizirani u radu. Treba napomenuti da metodološki okvir koji je prihvaćen u disertaciji kombinuje elemente pragmatičkih istraživanja (slovenskog i zapadnog porekla), funkcionalne semantike Moskovske semantičke škole i kognitivne lingvistike. S druge strane, analiza se u dijahroniji bazira na metodama tzv. pragmafilologije u kojoj se uzima u obzir raščlanjivanje komunikativnih situacija gde se eksplicitan performativ ostvaruje.

Ciljevi disertacije su trostruki. Prvo, analiza ima za cilj da se utvrdi da li postoji prototipična vidsko-vremenska konfiguracija performativnih glagola u savremenim slovenskim jezicima i, ako takva konfiguracija postoji, kakva bi ona mogla da bude (otuda je igra reči na koju upućuje naslov disertacije: *dictum erit factum?*). Drugo, s obzirom na komunikativne situacije (performativne kontekste) u kojima se očekuje da se vidska (vidsko-vremenska) alternacija ostvari, analiza ima za cilj da formalizuje niz parametara na koje ova vidska (vidsko-vremenska) alternacija može računati. Treće, analiza ima za cilj da se shvati kako formalni, funkcionalni i kognitivni parametri međusobno dejstvuju u gramatičkoj strukturi ispitivanih jezika kako bi se, na taj način, odredile forme i funkcije performativnih iskaza i glagola.

Disertacija je napisana na ruskom jeziku i se sastoji iz sledećih delova: uvodni deo, spisak skraćenica, pet glava (uključujući tri priloga u kojima su prezentovane upitne ankete za ruske, srpske i hrvatske informante), zaključak i tri rezimea na italijanskom, srpskohrvatskom (odnosno srpskoj varijanti kontinuuma) i engleskom jeziku. Dok su prve dve glave usredsređene na diskusiju teorijske naravi, sledeće tri posvećene su analizi podataka u dijahroniji (§3), a zatim i u sinhroniji (§4 za ruske, a §5 za srpskohrvatske podatke).

U PRVOJ GLAVI (§1) daje se kratak pregled istorijskog razvoja teorijskih problema vezanih za savremene pojmove „performativnog iskaza“ i „performativnog glagola“. Prva lingvistička diskusija o neobičnim vidskim svojstvima performativa vođena je u Sloveniji krajem XIX veka. Poznato je da je gimnazijski profesor i Franjevački fratar Stanislav Škrabec skrenuo pažnju svojih savremenika na osobenosti slovenačkih eksplicitnih performativnih iskaza, koje mogu da ostvare glagoli u sadašnjem vremenu kako svršenoga vida (SV) tako i nesvršenoga vida (NSV). U prvoj polovini XX veka nastali su novi filozofski pokreti, uključujući i filozofiju svakodnevnog jezika, čiji su najrepresantativniji članovi bili Gilbert Rajl (Gilbert Ryle) i Džon Lengšo Ostin (John Langshaw Austin). Razlikovanje konstativnih i performativnih iskaza koje je predložio sam Ostin postalo je popularno sredinom pedesetih godina, što je dalo značajan impuls sledećem razvoju pragmatičkih istraživanja sedamdesetih godina. Prva taksonomija ilokutivnih činova koju je predložio Džon Serl (John Searle) krajem šezdesetih godina prodrila je u sovjetsko jezikoslovlje već u prvoj polovini sedamdesetih godina, nadahnjujući mnoštvo deskriptivnih i funkcionalnih istraživanja Moskovske semantičke škole i Lenjingradske škole funkcionalne gramatike. Ostvareni naučni rezultati u tom periodu umnogome vrše svoj uticaj na kontrastivna tematska istraživanja koja se vode i danas.

U DRUGOJ GLAVI (§2) postavljeno je nekoliko teorijskih pitanja vezanih za temu performativnih iskaza i glagola. U prvom redu uzima se u obzir pojam autoreferencijalnosti za koji se u literaturi često tvrdi da razlikuje performativne iskaze od konstativnih. Potraga za formalnom (odnosno logičkom ili sintaksičkom) ili funkcionalnom (odnosno semantičkom ili pragmatičkom) invarijantom koja bi izdvojila performativne iskaze od konstativnih preduzeta je u nizu lingvističkih i filozofskih istraživanja sedamdesetih godina i nadalje, ali se taj zadatak ne rešava jednostavno za slovenske jezike. Razmatraju se akcionalna, sintaksička i temporalna svojstva performativa pre nego što se

diskusija o vidsko-vremenskim svojstvima performativa nastavi dalje. Vidska alternacija, koja može da se ostvari u ruskom, beloruskom, ukrajinskom, poljskom, češkom, slovačkom, gornjo- i donjolужиčkosrpskom i slovenačkom jeziku, okreće se oko moguće opozicije između formi ne-prošlog vremena svršenog (NP^{SV}) i nesvršenog vida (NP^{NSV}), na modelu ruskog direktiva *попы^{NPNSV}-nonпопы^{NPSV}* ‘molim-zamoliću’. Bilo je zapaženo da se u istočnoslovenskim jezicima NP^{SV} aktivira u prisustvu različitih perifernih parametara pragmatičkog i konverzacionog karaktera. Vidsko-vremenska alternacija, koja može da se ostvari u južnoslovenskim jezicima, kao i ukrajinskom, te da obuhvati dva [napr. NP^{NSV} vs. futurum svršenoga vida, Fut^{SV}, na modelu srpskohrvatskog komisiva *kladim se^{NPNSV}-o(p)kladi(t)ću se^{FutSV}*] ili tri člana (napr. NP^{NSV} vs. Fut^{SV} vs. futurum nesvršenoga vida, Fut^{NSV}, na modelu bugarskog direktiva *моля^{NPNSV}-ще помоля^{FutSV}-ще моля^{FutNSV}* ‘molim-zamoliću-moliću’). Izbor Fut^{SV/NSV} umesto NP^{NSV}, koji je navodno izazvan prisustvom istih perifernih pragmatičkih i konverzacionih parametara u istočnoslovenskim jezicima, može se smatrati kao formalna strategija da se prevlada tzv. paradoks perfektivnoga prezenta, odnosno tipološka sklonost kategorijalnih gramema sadašnjeg vremena i svršenog vida da se ne kombinuju zajedno zbog kognitivnih razloga.

TREĆA GLAVA (§3) posvećena je dijahronijskoj analizi podataka iz staroruskih izvora ranijeg (XI–XIV vv.) i kasnijeg perioda (XV–XVIII vv.) te iz staroštokavskih izvora (XI–XVIII vv.). Analiza je sprovedena na osnovu vrste ilokutivnoga čina koji je ostvaren svakim performativnim glagolom. Glagoli su podeljeni na deklaracije, ekspozitive, performativne i neperformativne komisive (autopreskriptive) i direktive (preskriptive). Što se tiče staroruskih podataka (kako iz ranijeg tako i iz kasnijeg perioda), može se konstatovati da je ne-prošlo vreme protonesvršenog vida (NP^{PNSV}) prototipična i gotovo obavezna performativna forma za sve vrste glagola, dok su forme ne-prošlog vremena protosvršenog vida (NP^{PSV}) povezane sa malom grupom ekspozitiva koji su semantički višeznačni i sintaksički multifunkcionalni. Začuđujuća je činjenica da se vrlo ograničen broj ekspozitiva i direktiva upotrebljava u performativnom kontekstu, bez obzira na to što je veliki broj leksički različitih glagola posvedočen u izjavnim rečnicima. Što se tiče staroštokavskih podataka, treba istaći da je NP^{PNSV} jedinstvena moguća vidsko-vremenska forma za sve vrste glagola. Ekspozitivi i direktivi su često, kao i u ruskim izvorima, semantički višeznačni. U nastavku rada istražena je veza između leksičke nediferenciranosti ekspozitiva i direktiva i njihove vidsko-vremenske konfiguracije u performativnom kontekstu te odsustvo formi Fut^{PSV} u staroštokavskim performativnim kontekstima. Izneto je mišljenje je da u starijim fazama svakoga jezika govornik nije mogao da odredi kategoriju svoga iskaza usled prisustva opšteg pragmatičkog ograničenje, tj. principa neodgovornosti. Ovo je ograničenje bilo verovatno izazvano odsustvom konvencionalnih kulturnih normi koje bi odredile socijalnu i međusobnu ulogu učesnika u govornom činu. Kada je reč o odsustvu performativnih upotreba Fut^{PSV} u staroštokavskim izvorima, treba napomenuti da je volitivni futur gramatikalizovan već oko XIV veka. Može se pretpostaviti da je njegova modalna orijentacija verovatno semantički omela princip neodgovornosti te učinila performativnu upotrebu Fut^{PSV} nedostupnom.

U ČETVRTOJ GLAVI (§4) sprovedena je analiza podataka savremenoga ruskog jezika. Podaci su ekscerpirani iz dvaju elektronskih korpusa (iz Nacionalnog korpusa ruskoga jezika i Generalnog internet-korpusa ruskoga jezika) te iz anketnog upitnika upućenog na statistički uzorak od 70 izvornih govornika. Otkada istraživači imaju pristup većim korpusima koji sadrže podatke i govornog jezika uobičajeno je postalo mišljenje da se broj performativa koji se mogu podvrgnuti vidskoj alternaciji neprestano povećavao. Opšta pretpostavka koja je izneta u ovoj disertaciji jeste da NP^{SV} može uvek da se pojavljuje u performativnom kontekstu i da je njegova distribucija ograničena zbog razloga koji se mora dodatno ispitati. Zapravo, sudeći po podacima iz korpusa, NP^{SV} može da se pojavi u performativnom kontekstu svaki put kada se ostvari varijacija u jačini (intenzitetu) ilokutivne snage iskaza. Ova je varijacija izazvana kontekstualnom istaknutošću semantičkog makroobeležja kontrole. Kontrola može da se ostvari dvostruko. Prvo, ona može da se pojavi kao autoritet, što dovodi do pojačanja intenziteta ilokutivne snage kojom raspolaže performativni iskaz. Drugo, ona može da se pojavi kao rezultat usvajanja strategija „popravke“ negativnog lica slušatelja (adresata) pa i ravnoteže

impozivnog karaktera komunikativnih namera govornika, što dovodi do smanjenja (ublažavanja) intenziteta ilokutivne snage kojom raspolaže performativni iskaz. Naravno, dodatno markiranje kontrole biva pragmatički neprikladnim i semantički neadekvatnim za sve performative u komunikativnoj strukturi koje već ima govornik snabdeven autoritetom ili, suprotno tome, govornik koji je podređen svom sagovorniku. Anketni podaci odgovaraju ovom obrascu, mada se čini da je broj performativa koji se mogu podvrgnuti vidskoj alternaciji više ograničen nego u korpusima.

U PETOJ GLAVI (§5) sprovedena je analiza podataka savremenoga srpskohrvatskog jezika. Podaci su ekscerpirani iz tri elektronskih korpusa (SRPKOR, HNK i HJK) te iz dva anketna upitnika upućena na statistički uzorak od 35 izvornih govornika čija je predominantna jezička varijanta srpski, kao i od 35 njih čija je predominantna jezička varijanta hrvatski. Treba da se proveriti da li je performativni Fut^{SV} u komplementarnoj distribuciji s ruskim NP^{SV}, odnosno da li je on licenziran pri prisustvu istih parametara. Sudeći po podacima iz korpusa, čini se da je korelacija između kontrole (t.j. pojačanja ili smanjenja intenziteta ilokutivne snage iskaza) i Fut^{SV} svakako relevantna za komisive i direktive, mada je ona značajno manje konzistentna nego u ruskom. Prisustvo temporalnog (futuralnog) argumenta ima presudan značaj u tome što performativ može ostvariti kao Fut^{SV}. Iz analize anketnih podataka iskrsavaju neke zanimljive razlike između dveju varijanata srpskohrvatskog kontinuuma. Što se tiče male grupe direktiva, izbor Fut^{SV} koji je pre svega izazvan usvajanjem strategija popravke preferiraju srpski izvorni govornici, dok hrvatski govornici češće biraju NP^{NSV}. Ova varijacija verovatno odražava semantičku mikrovarijaciju u funkcionalnoj sferi SV unutar srpskohrvatskog kontinuuma. Naime, prema nedavnim istraživanjima u aspektologiji srpska varijanta je bliža grupi istočnoslovenskih jezika, dok hrvatska varijanta na datom planu ide u korak sa zapadnoslovenskim jezicima, u kojima asocijacija između kontrole i morfologije SV nije uspostavljena.

U ZAKLJUČNOM DELU (6) rezultati prethodnih glava ponovo su razmotreni, s posebnim osvrtom na pojam kontrole, koji je ponovo analiziran kroz prizmu pragmatičke dimenzije govornog čina kako na planu temporalnih svojstava predikata tako i na planu kognitivne konceptualizacije događaja. S obzirom na to da je SV uvek bolje markirani i kontekstualno zavisni izbor kako u ruskom, tako i u srpskohrvatskom jeziku, preispitana je teorijska hipoteza o navodno opšteslovenskom poreklu performativne forme u NP^{PSV}. U disertaciji je argumentovano da je u kasnom periodu opšteslovenskog jedinstva prototipična performativna forma bila markirana kao neki „opšti vid“ (*общи вид*), odnosno ne-(proto-)nesvršeni vid, koji se nalazi samo u staroslovenačkim izvorima i koji je bio „reapsorbovan“ postepenim proširenjem funkcionalne sfere NSV u istočnoslovenskim jezicima. Dakle, NP^{SV} (Fut^{SV}) u performativnom kontekstu bila bi nedavna pojava koja je nastala oko XVIII veka (a u srpskohrvatskom kontinuumu možda i kasnije), verovatno izazvana procesom gramatikalizacije koji je uticao u različitom stepenu na vidski (vidsko-vremenski) sistem ruskog i srpskohrvatskog jezika. Gramatikalizacija sistema dopustila je gramatičko izražavanje tih pragmatičkih i konverzacionih parametara koji danas regulišu vidsku (vidsko-vremensku) alternaciju u performativnom kontekstu.

SUMMARY

In this dissertation it is undertaken an analysis of the tempo-aspectual properties of four classes of performative verbs, namely declarations, expositives, commissives and directives (SEARLE 1976). The linguistic investigation, which is carried out both in diachrony (§3) and in synchrony (§4, §5), targets primarily two contemporary Slavic languages (viz. Russian and Serbo-Croatian), although several other ancient and contemporary Slavic and non-Slavic languages are taken into account. It should be noted that the methodological framework which is adopted in this work combines elements from pragmatics, functional semantics (in the spirit of the Moscow Semantic School), and cognitive linguistics. On the other hand, the diachronic analysis relies on the decomposition of communicative situations proposed in the framework of the so-called pragmaphilology.

The aims of this dissertation are threefold. Firstly, the analysis aims to understand whether there exists a prototypical tempo-aspectual configuration for performative verbs in contemporary Slavic languages and, if so, which it could be (hence the nod in the dissertation's headline, *dictum erit factum?*). Secondly, by decomposing the most salient features of the communicative situations in which the tempo-aspectual alternation for performatives is expected to take place, the analysis aims to formalize an array of parameters which could theoretically account for this alternation. Thirdly, the analysis aims to understand how formal, functional, and cognitive parameters interact in the grammatical structure of a given language, thus determining forms and functions of performative utterances and verbs.

The dissertation, which is written in Russian, consists of the following parts: an introduction, a list of abbreviations, five chapters (including three appendixes corresponding to the questionnaires addressed to Russian, Serbian, and Croatian informants), conclusions and three summaries in Italian, Serbo-Croatian, and English. While the first two chapters make up the bulk of the theoretical section, the following three are devoted to the analysis of diachronic (§3) and synchronic data (§4 for Russian, §5 for Serbo-Croatian).

In the FIRST CHAPTER (§1) a brief overview focuses on the historical development of the theoretical problems linked to the contemporary concepts of “performative utterance” and “performative verb”. The first linguistic-based discussion on performative verbs and their unusual aspectual characteristics flourished in Slovenia by the end of the XIX century, when the Franciscan friar and linguist Stanislav Škrabec drew the attention of his contemporaries on the peculiarities of Slovenian explicit performative utterances, which can be realized both by perfective and imperfective present forms. During the first half of the XX century new philosophical movements arose, such as ordinary language philosophy, which was associated with the work of some notable thinkers and intellectuals based in Oxford (Gilbert Ryle, John Langshaw Austin). It is around the mid-1950s that the distinction between constative and performative utterances was popularized in the famous lectureships delivered by Austin both at Oxford and Harvard and the foundations for the subsequent development of pragmatic studies were laid. From the 1970s onward the topic became relevant again in Slavic linguistics. John Searle's first taxonomy of illocutionary acts gave impulse to a new array of theoretical contributions mainly descriptive or functionalist in nature which, in turn, inspired the contrastive research on this topic throughout the following decades.

In the SECOND CHAPTER (§2) a number of theoretical issues connected with performative utterances and performative verbs are laid down. The concept of self-referentiality is tackled first, which is commonly said to characterize performative utterances with respect to constative ones. Although it proves to be particularly difficult for languages other than English, the search for a formal (logic, syntactic) or functional (semantic, pragmatic) invariant which would single out performative utterances only is undertaken in a series of subsequent linguistic and philosophical studies. The actional, syntactic and temporal characteristics of Slavic performatives are sketched out before the discussion on their tempo-aspectual properties is resumed. The aspectual opposition, which occurs in Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, Czech, Slovak, Upper and Lower Sorbian and Slovene,

revolves around the possible alternation between perfective (NP^{PF}) and imperfective non-past forms (NP^{IPF}), on the model of the Russian directive *prošu*^{NPIP}-*poprošu*^{NPPF} ‘I ask (for)’. It has been suggested that in the East Slavic languages NP^{PF} is triggered by the contextual occurrence of several peripheral parameters of pragmatic and conversational nature. The tempo-aspectual opposition which occurs in South Slavic languages and in Ukrainian may involve two [f.i. NP^{IPF} vs. perfective future, as in Serbo-Croatian *kladim se*^{NPIP}-*o(p)kladi(t)ću se*^{FutPF} ‘I bet’] or even three members [f.i. NP^{IPF} vs. Fut^{PF} vs. imperfective future, as in Bulgarian *molja*^{NPIP}-*šte pomolja*^{FutPF}-*šte molja*^{FutIPF} ‘I ask (for)’. The choice of Fut^{PF/IPF} instead of NP^{PF} in performative contexts, while allegedly triggered by the same peripheral parameters, can be considered as a strategy to overcome the so-called present perfective paradox, i.e. the crosslinguistic tendency for present tense and perfective aspect grammemes not to occur together for cognitive reasons.

The THIRD CHAPTER (§3) is devoted to the diachronic analysis of the data sampled from a corpus of Old Russian (XI-XIV c.), Middle Russian (XV-XVIII c.) and Old Štokavian texts (XI-XVIII c.). The analysis was carried out focusing on the type of illocutionary act realized by each performative verb: declarations, expositives, performative and non-performative commissives and directives. For what concerns Old and Middle Russian data, the prototypical and almost mandatory form for every class is the proto-imperfective non-past (NP^{IPF}), while proto-perfective non-past (NP^{PPF}) forms are found only for a small group of semantically vague and syntactically hybrid expositives. It is also striking that, although in the historical dictionaries a variety of different lexical verbs is attested, very few of them are found in performative contexts. This applies in particular for expositives and directives. With respect to Old Štokavian data, NP^{PPF} is the only available form for every class. Expositives and directives are often lexically underspecified, as in Old and Middle Russian sources. The relation between the lexical underspecification of expositives and directives and their tempo-aspectual configuration in performative contexts, together with the absence of Fut^{PPF} from Old Štokavian performative contexts are addressed next. It is suggested that in the older stages of every language the speaker was unable to define the category of their utterance due to the presence of a general pragmatic constraint, that is, the so-called principle of non-liability. This constraint was in turn generated by the absence of conventional cultural norms which could define the social and interpersonal roles of the participants in the speech act event. As for the absence of performative tokens of Fut^{PPF}, it is noted that the volitive future was already grammaticalized around the XIV century. It is possible that its modal orientation interfered semantically with the principle of non-liability, thus making its performative use unavailable.

In the FOURTH CHAPTER (§4) an analysis of Contemporary Russian data is carried out. Data are extracted from two electronic corpora (the Russian National Corpus, the General Internet-Corpus of Russian) and elicited by a questionnaire addressed to a sample of seventy Russian native speakers. Since researchers have had access to larger corpora targeting data from spoken language it is common opinion that the number and the type of performatives which may undergo aspectual opposition has been constantly increasing. The general assumption made in this dissertation is that NP^{PF} can always occur in performative contexts and its distribution is limited for reasons that needs further investigation. As a matter of fact, judging from data extracted from corpora, NP^{PF} is available when there is a variation in the intensity of the illocutionary force of the utterance, which can be triggered by the contextual salience of the semantic macrofeature of control. Control can be realized in two ways. Firstly, it can appear as authority, thus leading to the strenghtening of the intensity of the illocutive force assigned to the performative utterance. Secondly, it can appear by means of repair strategies which aims at restoring the addressee’s negative face and minimizing the impositive character of the speaker’s communicative intentions, thus leading to the softening of the intensity of the illocutionary force assigned to the performative utterance. It should be noted that the further marking of control can be pragmatically inappropriate and/or semantically inadequate for those performatives whose communicative structure requires the presence of a speaker who is already endowed with authority or, conversely, is entirely subject to their addressee. Data from questionnaires

seem to match this pattern, although the number of lexical verbs affected by the aspectual opposition is inferior to that highlighted in the corpora.

In the FIFTH CHAPTER (§5) an analysis of Contemporary Serbo-Croatian data is carried out. Data are extracted from three electronic corpora (SRPKOR, HNK, HJK) and elicited by two questionnaires, each addressed to a sample of thirty-five native speakers whose linguistic variant is predominantly Serbian or Croatian. It needs to be verified whether performative Fut^{PF} is in complementary distribution with Russian NP^{PF} and/or is licensed under the presence of the same parameters. Judging from data extracted from corpora, it turns out that the correlation between control (i.e. the strengthening or the softening of the intensity of the illocutionary force of the utterance) and Fut^{PF} is still relevant for commissives and directives, although it is less tight than in Russian. The presence of a temporal (futural) argument is rather crucial for the performative to be realized as Fut^{PF}. Some interesting differences between Serbian and Croatian emerge from the analysis of questionnaires. With reference to a small group of directives, the choice of Fut^{PF} over NP^{IPF} is mainly prompted by the adoption of repair strategies and it is preferred by Serbian native speakers, while Croatian native speakers tend to choose NP^{IPF} forms. This variation can reflect the semantic microvariation in the functional sphere of PF within the Serbo-Croatian continuum. According to some recent aspectological investigations, Serbian is closer to East Slavic languages, while Croatian pairs rather with West Slavic languages where the association between control and perfective morphology is far from being established.

In the CONCLUSIONS (§6) the results of the preceding chapters are resumed while taking a closer look to control, which is analyzed with respect to the pragmatic dimension of the speech act event, the temporal properties of the predicate, and the cognitive conceptualization of the event. The hypothesis of an alleged Common Slavic origin of the performative NP^{PPF} is reconsidered due to the fact that PF is the most marked, contextually dependent choice both in Russian and Serbo-Croatian. In this dissertation it is argued that in Late Common Slavic the prototypical performative form was rather marked for a ‘common aspect’ (*obščij vid*), i.e. a non-(proto-)imperfective aspect whose relics are still found in Old Slovenian texts and which was then to be reabsorbed by the subsequent expansion of IPF in East Slavic languages. The emergence of performative NP^{PF} (Fut^{PF}) would then be a more recent phenomenon, arising around the XVIII century for Russian and even later for Serbo-Croatian. The surfacing of PF performative forms was probably triggered by the process of grammaticalization which affected to varying degrees the (tempo-)aspectual systems of Russian and Serbo-Croatian, which in turn allowed for the grammatical expression of pragmatic and conversational parameters.